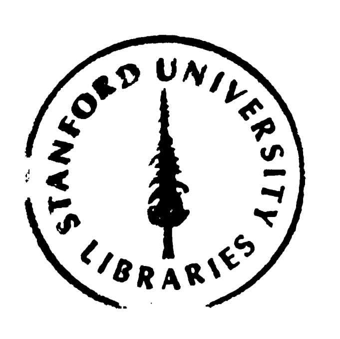

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

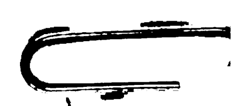
В. И. Ламанскаго

Выпускъ III—IV

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1901

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе 44 выпусковъ «Живой Старины» за одиннадцать лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ VI.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Стр.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпускъ I и II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ОТДѢЛЪ I.

Тазы, или Удиһэ [1]).

(Опытъ этнографическаго изслѣдованія).

(Окончаніе).

Если территорію удиһэ нельзя считать страною съ богатою природою, щедро надѣляющею своихъ обитателей земными благами, то во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что она, за исключеніемъ сѣверной части, въ состояніи прокормить населеніе, вдвое-втрое многочисленнѣйшее нынѣшняго. Присоединивъ сюда незначительность потребностей удиһэ и простоту ихъ полудикой жизни, легко прійти къ заключенію, что аборигены страны должны жить въ довольствѣ и даже богатствѣ. Къ тому же, на первыхъ порахъ, наблюдателя жизни удиһэ поражаетъ пренебреженіе или (вѣрнѣе) бросаніе денегъ, проявляемое ими. „Что дорожить деньгами? Деньги у таза-охотника всегда есть! Будетъ соболь, будетъ выдра—деньги у таза будутъ"— такъ говорилъ, подвыпивъ, мой переводчикъ, котораго я уговаривалъ не платить за бутылку отвратительной японской водки (саки) рубль. Но такъ можетъ показаться лишь съ перваго взгляда. Ближайшее ознакомленіе съ бытомъ удиһэ приводитъ къ заключенію, что ни о какомъ богатствѣ и благосостояніи въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Во всей бытовой обстановкѣ удиһэ нѣтъ ни малѣйшаго намека на богатство или зажиточность. Если васъ, при входѣ въ жилище удиһэ, поразитъ относительное довольство обитателей, нарядность одежды женщинъ, сравнительно богатая домашняя обстановка, то не спѣшите заключать о состоятельности и исправности хозяйства. Вотъ вамъ примѣръ. Въ деревнѣ на р. Такхомѣ я встрѣтилъ едини-

[1]) Латинское h употреблено мною для выраженія звука, которому въ русскомъ алфавитѣ нѣтъ соотвѣтствующей буквы.

ственную богато обставленную фанзу у удиһэ. По внѣшнему виду ее никакъ нельзя было отличить отъ богатой усадьбы китайца. Близъ двора, на прекрасной равнинѣ, пасся рогатый скотъ, въ количествѣ 15 головъ, много куръ бродило по двору, до десятка свиней лежало въ хлѣвахъ, двѣ или три лошади стояли подъ навѣсомъ; жена и дѣти нарядно одѣты и причесаны. Признаюсь, что послѣ примелькавшихся картинъ бѣдноты и нищеты удиһэ мнѣ весьма пріятно было встрѣтить среди нихъ такое довольство. Но—увы!—разспросы показали, что богатство и довольство настоящей семьи—чистѣйшій миражъ; все видѣнное мною имущество всецѣло принадлежало. находившемуся здѣсь манзѣ. На мои вопросы, кого записать хозяиномъ, манза называлъ себя, а удиһэ себя. Оказалось, что лѣтъ десять назадъ на этомъ дворѣ жилъ удиһэ съ семьей. У него была фанза, быки и лошадь. Жилъ онъ хорошо (слово—которымъ удиһэ выражаютъ довольство своею матеріальною обстановкою). Къ этому удиһэ присталъ, въ качествѣ работника, видѣнный мною манза. Послѣдній работалъ сперва за харчи и вдобавокъ получалъ плату чулицою. Замѣтивъ расположеніе хозяина къ лѣни и безпечность его, услужливый манза предложилъ хозяину такія условія: пусть хозяинъ передастъ все свое хозяйство ему, работнику, который будетъ давать хозяину половину урожая. Скотъ принадлежитъ хозяину, а приплодъ — работнику. Когда прежняя фанза пришла въ ветхость, работникъ предложилъ хозяину, что выстроитъ новую, болѣе обширную. „Все равно, что твое будетъ!“ утѣшилъ хитрый манза добродушнаго и простоватаго хозяина-лѣнтяя. Между тѣмъ проходили годы; семья у хозяина увеличивалась, дѣти подростали, потребности увеличивались. Хозяинъ, пользуясь услугами китайца, совершенно забросилъ хозяйство и окончательно облѣнился. За десять лѣтъ скотъ хозяина сталъ негоднымъ къ работѣ, а приплодъ работника былъ въ силѣ. Старая фанзушка хозяина исчезла, замѣнившись большою новою фанзою, которую соорудилъ и считалъ своею собственностью манза. Когда отъ хозяйства удиһэ остались однѣ жалкія руины, китаецъ нашелъ невыгоднымъ соблюдать нѣкоторыя изъ прежнихъ условій, напримѣръ, онъ призналъ невозможнымъ давать хозяину половину своего дохода и орочъ-удиһе помирился на трети дохода. Недостающее для содержанія семьи бралъ у манзы-работника въ долгъ, въ счетъ выкупа усадьбы. Когда я посѣтилъ эту фанзу, то поведеніе манзы ясно показывало, что онъ считаетъ усадьбу выкупленною, почему и назвалъ себя хозяиномъ. Нетрудно предсказать—или вѣрнѣе—досказать печальный конецъ этой вѣчно одной и той же исторіи хозяйства орочона-удиһэ; хозяинъ проѣстъ жену и дѣтей, затѣмъ навсегда закабалитъ себя манзѣ-работнику, который очень скоро приметъ видъ богатаго хозяина и заставитъ удиһэ работать на себя, не разгибая спины. Впрочемъ, можетъ

легко статься и то, что орочонъ не дотянетъ до такого печальнаго конца: онъ можетъ прежде времени умереть отъ усиленнаго куренія опіума, къ которому обыкновенно пріучаютъ манзы такихъ неудачниковъ.

Въ другихъ посѣщенныхъ мною мѣстахъ я нигдѣ не видѣлъ вполнѣ зажиточныхъ орочонъ-удиһэ. Особенно меня поразила нищета аборигеновъ страны въ бассейнѣ р. Та-Судухэ, о чемъ я говорилъ уже въ печати [1]).

На основаніи близкаго личнаго знакомства съ бытомъ удиһэ и разныхъ печатныхъ источниковъ осмѣливаюсь утверждать, что **основною нормою хозяйства ороча-удиһэ слѣдуетъ считать незадолженность манзѣ или какому-нибудь другому кредитору.** Такихъ чистыхъ отъ долговъ хозяйствъ среди орочей-удиһэ въ настоящее время насчитаешь очень мало.

Точно такъ же рисуютъ картину экономическаго уклада жизни орочей-удиһэ и мои предшественники. Такъ, г. Надаровъ (Сѣвер.-Уссур. край, 114 стр.) пишетъ: „При изученіи на мѣстѣ экономическаго состоянія инородческаго населенія Сѣверно-Уссурійскаго края, прежде всего бросается въ глаза рѣзкое раздѣленіе всѣхъ инородцевъ на два элемента—эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ... Экономическое состояніе второго элемента (т. е. орочонъ) крайне печальное... Орочоны... мало того, что состоятъ въ неоплатномъ долгу у китайцевъ, они еще находятся почти что въ крѣпостномъ состояніи у послѣднихъ... Я готовъ даже сказать, что орочоны состоятъ въ рабствѣ у китайцевъ. Китаецъ считаетъ себя въ правѣ во всякое время безъ суда учинить расправу надъ орочономъ и отобрать у него все имущество, не исключая оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Еще не такъ давно то время, когда тѣ же китайцы позволяли себѣ отбирать женъ и дѣтей и продавать ихъ другимъ орочонамъ или китайцамъ"...

Чтобы читатели не подумали, что экономическое господство китайцевъ надъ орочонами прекратилось въ послѣдующее время, благодаря воздѣйствію русскихъ, приведу слова г. Альфтана (Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.), позднѣйшаго изслѣдователя быта интересующихъ насъ инородцевъ. „Экономическое состояніе орочонъ",—пишетъ онъ,—„въ большинствѣ случаевъ крайне печально. Всѣ орочоны раздѣлены между нѣсколькими китайцами-хозяевами. Они ихъ кормятъ, одѣваютъ, но за то берутъ все, что орочоны добываютъ на промыслахъ, пользуются ими, какъ своими рабочими и безстыдно эксплоатируютъ ихъ. Вотъ почему нельзя не видѣть слишкомъ благодушную идеализацію въ слѣдующихъ словахъ г-жи Васильевой, которая

---

[1]) См. газету «Сибирь», 1897 г., № 35, фельетонъ, подъ заглавіемъ «Угасающее племя.» Статья эта представляетъ собою заключительную часть моего доклада въ Общ. изученія Амур. края 20 ноября 1896 г. (См. Отчетъ Об—ва за тотъ же годъ).

такъ говоритъ объ экономическихъ отношеніяхъ манзъ и орочонъ-удиһэ: „Сближеніе между манзами и тазами самое тѣсное; они нуждаются другъ въ другѣ: манзъ снабжаетъ таза различными товарами и жизненными припасами тазъ же хорошій охотникъ и снабжаетъ манза плодами своей охоты; самая же главная причина сближенія—холостая жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ" (Извѣстія Русск. Геогр. Общ. 1872 г., т. VIII, № 2-й, стр. 70). Тутъ сказано все, но слишкомъ обще: авторъ не потрудился изслѣдовать, кто остается въ барышахъ отъ мѣны продуктами, и при какихъ условіяхъ совершаются браки китайцевъ съ орочонками. Если бы основательно изслѣдовать указанные вопросы, то экономическая неурядица въ жизни тазовъ стала бы очевидна.

Все благосостояніе удиһэ находится въ зависимости отъ случая, поэтому-то и нельзя ожидать особенно веселой картины экономической жизни ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, главными основами экономическаго быта удиһэ являются, какъ было сказано выше, рыболовство и охота, занятія всегда подверженныя большой случайности. Недаромъ сами удиһэ различаютъ удачные и неудачные годы. Правда, рыболовство, по крайней мѣрѣ, на побережьи Великаго океана, рѣдко не удается жителямъ; но и оно иногда подвергается неудачѣ, въ конецъ подрывающей и безъ того слабый бюджетъ удиһэ. Такъ, въ 1896 г., вслѣдствіе большой воды, пригнанной къ берегу ужаснымъ тайфуномъ, въ рѣки плохо шла, рыба, главное питаніе орочонъ на сѣверѣ, отчасти и югѣ Зауссурійскаго края.

О случайностяхъ охоты, особенно съ уменьшеніемъ, вслѣдствіе лѣсныхъ паловъ, звѣря, говорить не приходится, потому что объ этомъ ожегодно свидѣтельствуется мѣстною прессою и отчетами администраціи. Перекочевка соболя, главной драгоцѣнности края, рѣдкость пантовъ и женьшеня—все это важные факторы, доводящіе хозяйство орочей-удиһэ до трагической подчасъ крайности. Отсюда вытекаетъ необходимость для орочонъ-удиһэ кредита, притомъ возможно дешеваго кредита, въ видѣ ли казенныхъ складовъ или чего-либо другого.

Но отбросимъ случайности, подрывающія благосостояніе удиһэ. Путь воды всегда обильны рыбою, дебри—звѣремъ. Даетъ ли орочу-удиһэ удачная охота и удачный ловъ рыбы все то, что необходимо ему и семьѣ на годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что любая семья удиһэ, при несложности своихъ потребностей и при отсутствіи платежей [1]), легко могла бы даже не совсѣмъ удачною охотою добыть потребное для нея количество денегъ. Но, при отсутствіи въ настоящее время правильной торговли въ странѣ орочей-удиһэ, послѣдніе по-

[1]) Живущіе въ предѣлахъ Китая орочоны-удиһэ платятъ ясакъ по соболю или по два равно обязаны являться разъ или два раза въ годъ на ученье.

купаютъ очень дорого необходимые товары, а добычу свою, пушнину, продаютъ очень дешево, слѣдствіемъ чего является то, что охота не даетъ всего необходимаго имъ. Недостающее дается услужливыми купцами въ долгъ. Такимъ образомъ и здѣсь приходится сдѣлать тотъ же выводъ, что сдѣланъ раньше: удиһэ необходимъ кредитъ.

Тутъ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе о торговлѣ въ странѣ удиһэ.

Торговля эта мѣновая и состоитъ въ развозѣ товаровъ купцами. Вся она находится въ рукахъ китайцевъ, немногихъ гольдовъ, а изъ русскихъ весьма рѣдко заглядываетъ довѣренный купца Берсенева, главныя торговыя операціи котораго сосредоточены въ землѣ родичей удиһэ, орочонъ Императорской гавани, р.р. Тумни и Коппи [2]). Предметами торговли являются: жизненные продукты, даба, ситцы яркихъ цвѣтовъ, преимущественно синяго, желтаго и краснаго, бязь, дрель, бумажные и шерстяные платки, порохъ, свинецъ, подпилки, топоры, котлы, разныя желѣзныя и мѣдныя издѣлія, кольца, серьги, браслеты, раковины, бусы, нитки, иголки, шелкъ для вышиванья, одѣяла, улы, цвѣтная тесьма, ленты, спички, оружіе, патроны, чашки, китайскія трубки съ длинными чубуками и каменными мундштуками, мѣдные тазы, трубки для куренія опіума и другія принадлежности, къ опіекуренію относящіяся, мòткузы, толстыя сукна и т. п.

Въ обмѣнъ дается исключительно пушнина, которая и является главною цѣлью торговцевъ, особенно китайцевъ и русскихъ; кромѣ того, принимаются панты и женьшень. Весьма часто торговцы платятъ за пушнину и деньгами, хотя слѣдуетъ замѣтить, что орочи-удиһэ не придаютъ „презрѣнному металлу“ той цѣны, какую онъ имѣетъ среди цивилизованныхъ народовъ: тамъ главное—продукты и товары.

Купцы съ товарами появляются изъ гг. Хабаровска и Владивостока, главнымъ образомъ, зимою, когда станутъ рѣки и товары удобно перевозить по льду на собакахъ, и когда у орочонъ всегда имѣется пушнина. Лѣтомъ по всему побережью Великаго океана случайными торговцами являются японцы, арендующіе у русской казны участки для рыбной ловли и промѣнивающіе на пушнину, рыбу, кабарговую струю и рога изюбря или продающіе за деньги рисъ, японскую водку (саки), табакъ и тростниковый сахаръ.

Очень рѣдко (мнѣ извѣстенъ только одинъ случай) торговлею занимаются сами удиһэ; мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что на р. Самаргѣ торговлю велъ нынѣ покойный старшина Индину́.

При полномъ незнакомствѣ удиһэ съ цѣнами на товары и необходи-

---

[2]) См. ст. Леонтовича: «Природа и населеніе бассейна р. Тумни, журн. Землевѣдѣніе». т. IV, 1897 г., стр. 37. Маргаритовъ, Орочи Импер. гавани.

мости брать товары въ долгъ, хозяиномъ и безконтрольнымъ оцѣнщикомъ является торговецъ. Нечего и говорить, что при этомъ произволу купцовъ открывается большой просторъ. Для иллюстраціи привожу скопированную долговую запись-памятку умершаго старшины Индину, который занимался, какъ только что сказано, торговлею на р. Самаргѣ. Вотъ что гласитъ эта запись; „Орочонъ Левли по р. Кусунъ долженъ за 27 соболей: 200 папушъ табаку, 33 китайской дабы, 50 патронъ. За 32 дабы—8 соболей, за 50 патронъ—1 соболь, за 200 папушъ табаку—8 соболей“.

Стоитъ хорошенько вдуматься въ этотъ преинтересный документъ, чтобы воочію видѣть, до какихъ геркулесовскихъ размѣровъ простирается эксплоатація торговцевъ, непосильнымъ бременемъ ложащаяся на орочонъ—удиһэ. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на цѣны товарамъ: 200 папушъ табаку маньчжурскаго, считая по 20 папушъ въ 1 ф., составятъ 10 фунтовъ. Лѣтомъ 1897 г., собираясь въ экспедицію для переписи инородцевъ по Татарскому побережью, я покупалъ во Владивостокѣ, при дорогой цѣнѣ на табакъ, по 30 коп. за фунтъ. Такимъ образомъ, за табакъ, стоющій во Владивостокѣ 3 рубля (30×10=300 к.), старшина орочей—удиһэ не постѣснялся взять съ своего же брата—орочона 8 соболей, т. е., при предположеніи, что соболи были средняго качества, стоимостью 5 руб. каждый, 40 рублей (вмѣсто 3-хъ)! На другіе товары наложены тоже не менѣе драконовскія цѣны.

Но въ этой записи имѣется еще одно свидѣтельство о томъ, какими принципами руководятся кредиторы-купцы при взиманіи долговъ. На самомъ дѣлѣ долгъ ороча—удиһэ Левли равняется 17 соболямъ (8+1+8=17), а Индину показалъ 27. Это описка, или ошибка, или начетъ?

Если такъ поступалъ съ должниками—удиһэ Индину, самъ удиһэ, слѣдовательно свой человѣкъ, то что сказать о чужихъ людяхъ, китайскихъ купцахъ, которые и пробираются въ тайгу къ орочонамъ съ цѣлью получить побольше барыша за плохой товаръ, чтобы уѣхать затѣмъ на родину въ Шань-дунь или Чифу.

Что подобныя произвольно-высокія цѣны на товары существуютъ по всей территоріи удиһэ, объ этомъ можно собрать множество указаній у моихъ предшественниковъ. Такъ, г. Надаровъ записалъ слѣдующія цѣны, по которымъ продаются товары жителямъ правыхъ притоковъ р. Уссури, именно:

„По р. Хору:

1 пудъ буды отъ 3 до 5 руб., или	2—3	соболя
1 „ табаку маньчжурскаго 12—16 р., или . .	6—8	„
1 „ соли	2—3	„
2 фун. китайскихъ (болѣе 2 русскихъ фун.) свинцу	1	„

По Бикину:

1 пудъ буды отъ 3 до 5 руб., или	2—3	соболя
3 ручныя сажени китайской дабы	1	„
1 пудъ табаку отъ 12 до 12 руб., или	5—6	„
2 фунта свинцу	1	„
1 пудъ соли	2—3	„
3 фун. ханшина (китайская водка, около 4 бут.)	1	„

По р.р. Иману и Ваку:

1 пудъ буды 3 руб., или	1	соболь
1 „ табаку отъ 8 до 10 руб., или	4—5	„
3 ручныя сажени китайской дабы	1	„
3 фун. ханшина	1	„

(См. Надарова „Сѣв.-Уссур. край“, стр. 122—123) [1])

Русскій купецъ И. П. Берсеневъ, торгующій въ предѣлахъ удиһэ только по р. Ботчи, установилъ слѣд. цѣны на товары:

Пружинные вѣсы . . . . 1 соболь,
30 папушъ табаку (5 ф.) . . 1 „
Винчестеръ—ружье . . . . . 18 хорошихъ соболей.

Неудивительно, что при такихъ цѣнахъ на товары, особенно при мѣновой торговлѣ, рѣдкій удиһэ не запутается въ долгахъ. Стоитъ разъ попасть въ должники,—и орочъ никогда уже не сдѣлается свободнымъ отъ нихъ: безпечный, какъ дитя, удиһэ никогда не помнитъ суммы своего долга, вполнѣ полагаясь на купца, которому нѣтъ никакого расчета выпускать должника изъ плѣна. Опасаясь развивающейся изъ года въ годъ конкурренціи, купцы стремятся заручиться возможно большимъ количествомъ покупателей-инородцевъ, и потому навязываютъ кредитъ, чтобы обязать себѣ удиһэ и,

[1]) Съ отмѣченными, по Надарову, цѣнами интересно сопоставить цѣны, сообщаемыя подполковникомъ Альфтаномъ, посѣщавшимъ тѣ же мѣста въ недавнее время.

	При мѣновой торговлѣ.	При покупкѣ на деньги.
Пудъ чумидзы	8 р.	3—4 р.
» табаку	9 »	8 »
» муки майзы	8 »	4—8 »
» кукурузы	» »	1—1 » 50 к.
» картофелю	» »	35—40 к.
Фунтъ ханшина	» »	»
» опіума	20 »	—
» бобоваго масла	36 к.	30 35 к.
пороху	8 »	—
» сахару	1 »	50 к.—1 р.
» улы	4— 5 »	2—3 »
100 патроновъ	24—30 »	—
Пудъ соли	»	10 »

«Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.»).

такъ сказать, закрѣпить его за собою. Мнѣ самому не разъ приходилось удостовѣряться, какъ орочи-удиһэ боятся нарушить разъ данное купцу обязательство—доставлять всю добычу охоты одному ему, какъ своему кредитору. При нарушеніи орочономъ обязательства, кредиторъ можетъ въ раздраженіи потребовать немедленной уплаты долга и разорить несостоятельнаго должника.

Особенною свирѣпостью и неумолимостью по отношенію къ орочамъ-удиһэ отличаются, какъ кредиторы, купцы—китайцы. Запутавъ удиһэ въ долгахъ, китаецъ становится ихъ „хозяиномъ". Многіе изслѣдователи быта орочей-удиһэ упоминаютъ о такихъ купцахъ-эксплоататорахъ и „хозяевахъ". Такъ, на р. Хорѣ, по словамъ подполковника Бѣльковича, три такихъ китайца-хозяина: Джонь-шань-джинь, Ди-дун-чуй и Джонъ-ля-уль [См. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.]. Вообще, по словамъ подполковника Альфтана, во всѣхъ населенныхъ орочами-удиһэ пунктахъ по р.р. Бикину, Иману и Ваку живетъ нѣсколько китайцевъ, которые, на правахъ „хозяина"-купца, держатъ въ страхѣ и подчиненіи слабыхъ и закабаленныхъ ими жителей (ibidem).

На побережьи Татарскаго пролива мнѣ называли двухъ такихъ китайцевъ-хозяевъ: одинъ приходитъ съ Амура, а постоянно живетъ на р. Уссури, по имени Ваг-ню-сынъ, другой живетъ на Хорѣ, по имени Ван-ху.

Названные „хозяева" и другіе купцы-кредиторы, пріѣзжая въ поселенія удиһэ для торговли, не только кормятся, во все время производства своихъ торговыхъ операцій, за счетъ своихъ должниковъ, но и ставятъ ловушки на соболя, отчасти лишая этимъ своихъ кліентовъ средствъ къ жизни. Мало того, Ваг-ню взялъ за долги у одного непокорнаго удиһэ съ р. Самарги не только имущество, но и такую драгоцѣнность, какъ ружье, единственное орудіе промысла, т. е. въ конецъ разорилъ должника.

Что существовавшій прежде, по словамъ г. Надарова (Сѣв.-Уссур. (Сѣв.-Усур. край, 123 стр.), обычай брать за долги семью ороча, особенно женщинъ, не прекратился до настоящаго времени, это доказываетъ ниже приводимый и уже опубликованный мною (см. Пріамурскія Вѣдомости 1897., № 191-й: „Инородческое населеніе побережья Татарскаго пролива. Изъ впечатлѣній по переписи) документъ,—прошеніе орочона „русскому начальству" [1]).

---

[1]) Прошеніе привожу дословно, беря въ скобки слова, прибавленныя мною для большей ясности. Интересно, что прошеніе это написано Панжѣ какимъ-то грамотнымъ китайцемъ, проживающимъ въ гор. Хабаровскѣ и сумѣвшимъ научиться по-русски. О вознагражденіи китайцу за прошеніе Панжа ничего не сказалъ.

„1896 года, февраля 13 дня.

Заявленіе орочона рѣчки Амура, около рѣчки Кусунъ (-Кусиунгоу),

русскому начальству.

„Отдалъ я свою дочь замужъ за орочона, живущаго по рѣчкѣ Кэмэ, Енси. У этого орочона, т. е. зятя моего, проживалъ, т. е. квартировалъ, китаецъ. Наконецъ, этотъ (китаецъ) сталъ меня притѣснять за долгъ. Зять мой заплатилъ сполна этому китайцу долгъ (мой). Китаецъ же этотъ сталъ еще требовать съ зятя моего долгъ и говорить, что зять мой этому китайцу (-ему) много не доплатилъ, напримѣръ, соболей и хунто (-пантовъ), почиталъ его должникомъ. Наконецъ, этотъ китаецъ сталъ у зятя моего отбирать (за мнимый долгъ) жену, т. е. мою дочь; даже китаецъ этотъ жену зятя, т. е. мою дочь, бралъ къ себѣ на постелю на ночь спать. Наконецъ, зять мой вышелъ изъ терпѣнія (и) убилъ этого китайца, (а) самъ убѣжалъ, до сихъ поръ неизвѣстно куда. Теперь же другіе китайцы изъ-за (проступка) зятя моего хотятъ меня убить, словомъ, не даютъ мнѣ ничѣмъ заниматься, чтобы прокормить мое семейство. Дочь же (свою) я взялъ къ себѣ до тѣхъ поръ, пока не явится мой зять.

Покорнѣйше прошу русское начальство защитить меня и мое семейство отъ грозящей мнѣ обиды; всепокорнѣйше прошу (защитить насъ, потому что) вообще проживающіе здѣсь по рѣкамъ китайцы насъ обираютъ.

Къ сему (руку приложилъ) орочонъ Панжа и сынъ мой Ченели“

Вообще слѣдуетъ сказать, что удиһэ, жители побережья Татарскаго пролива, не сносятъ молчаливо ига китайцевъ, крайне озлоблены противъ нихъ и если не всегда расправляются съ ними, подобно зятю Панжи, то потому, во-1-хъ, что боятся русскихъ властей и закона, наказывающихъ убійство, во-2-хъ, потому, что боятся мести со стороны китайцевъ, сильныхъ своею сплоченностью, своимъ „кхету“, т. е. братствомъ, обязывающимъ горою стоять другъ за друга. Зато о единичныхъ случаяхъ расправы съ китайцами-обидчиками со стороны орочей-удиһэ приходилось слышать очень часто.

Помимо высокой цѣны на товары, есть еще одинъ факторъ, подвергающій удиһэ кабалѣ китайцевъ. Это — тяжелыя условія кредита, при которыхъ 50% считается самымъ обычнымъ явленіемъ. Вотъ почему выше я и говорилъ о необходимости дешеваго кредита для нихъ.

Первоначально, по условіямъ своего быта, всѣ удиһэ были экономически самостоятельными; но разнаго рода стихійныя и нестихійныя случайности, вродѣ оспенной эпидеміи, неудачной охоты и рыбной ловли, часто разрушали весьма несложное хозяйство и заставляли ихъ переходить на положеніе работниковъ, тѣмъ болѣе, что на лицо существовали эксплоататоры манзы. На

побережьи Великаго океана, отъ г. Владивостока до р. Кушунгоу, можно часто встрѣтить бобылей-удиһэ, которые едва ли когда-нибудь встанутъ на самостоятельную ногу: такъ они запутались въ сѣтяхъ китайской кабалы!

При наймѣ запутавшихся удиһэ въ работники, китайцы не стѣсняются условіями. Обыкновенно плата рабочему дается натурою, т. е. продуктами хозяйства. Чтобы дать понятіе объ условіяхъ найма, приведу здѣсь нѣсколько извѣстныхъ мнѣ примѣровъ.

Шестнадцатилѣтній тазъ Шопханъ служитъ пастухомъ у манзы Цуйшенъ-юна. За свой трудъ онъ получаетъ—годовое пропитаніе и жалованья полтора дана чистой чумизы, т. е. 28—30 пудовъ, или 11 рублей деньгами; одежда своя. Если хорошенько вдуматься въ положеніе этого бѣдняка, то ясно станетъ, что онъ всю жизнь свою будетъ работникомъ. Онъ—круглый сирота; весь свой годовой заработокъ тратитъ онъ на прокормленіе маленькаго брата; онъ до того бѣденъ, что ходитъ въ лохмотьяхъ, два года куритъ и доселѣ не можетъ пріобрѣсти трубку и кисетъ на сумму 2—3 рубля.

Другой тазъ Павшунъ ловитъ въ устьѣ р. Та-Судухэ капусту на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ снасти, фанза и кормъ даются хозяиномъ-манзою. Добытая капуста продается; выручка, за вычетомъ стоимости корма, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и работникомъ. Условія, на первый взглядъ, кажется, сносныя; но цѣны на продукты существуютъ такія, что тазъ проѣстъ всѣ деньги, полученныя за работу. Деньги, само собою разумѣется, идутъ въ карманъ манзы-хозяина, который является и продавцомъ продуктовъ.

Попадаются среди орочей-удиһэ и такіе, которые въ наемномъ трудѣ ищутъ подспорья своему хозяйству. Обычная плата такимъ работникамъ—половина вырученнаго продукта и хозяйская ѣда. Такихъ работниковъ-половинщиковъ чаще всего встрѣтишь по р.р. Та-Судухѣ, Тауху и др. до залива св. Ольги во время сбора опіума, когда требуется много рабочихъ рукъ. Обращеніе съ работниками хорошее: китайцы-хозяева, тугіе при заключеніи условій, держатъ себя наравнѣ съ рабочими: ѣдятъ за однимъ столомъ, одну и туже пищу, только спятъ на особыхъ, „хозяйскихъ" нарахъ. Рабочіе точно такъ же держатъ себя съ хозяевами просто, непринужденно, такъ, какъ бы они были товарищи ихъ.

Зажиточные манзы часто ссужаютъ удиһэ-хозяевамъ рабочій скотъ безплатно, но пользуются со стороны одолженныхъ множествомъ мелкихъ услугъ. Что касается хозяевъ изъ орочонъ, то они, при своей незажиточности и при незначительности пашенъ, въ работникахъ, собственно говоря, не нуждаются; если же имъ и помогаютъ въ хозяйствѣ, то свои люди, родные или пріятели-сосѣди.

О коопераціяхъ удиһэ не имѣютъ понятія и никогда не составляютъ

большихъ артелей. Зато у нихъ распространены мелкіе союзы; двое сосѣдей вмѣстѣ съ своими семьями копаютъ „земляную картошку", которую дѣлятъ поровну; рѣже соединяются для охоты и рыбной ловли, хотя кооперативные союзы въ послѣднемъ случаѣ могли бы принести орочамъ много пользы.

Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о распредѣленіи труда у нихъ, укажу здѣсь всѣ занятія ихъ по временамъ года.

Едва тронется ледъ (это происходитъ въ апрѣлѣ—маѣ мѣсяцахъ въ различныхъ частяхъ обширной территоріи орочей-удиһэ), начинается промыселъ морскихъ звѣрей, гдѣ къ этому существуетъ какая-нибудь возможность. Затѣмъ наступаетъ охота за лосемъ, оленемъ (панты) и посѣвы пашенъ и огородовъ (конецъ мая и іюнь). Далѣе начинается ходъ рыбы и продолжается охота на лося (по берегу морскому); въ это же время охотятся и на выдру. Съ іюля отправляются на промыселъ жень-шеня (гдѣ существуетъ это занятіе); затѣмъ происходитъ осенній ходъ рыбы; слѣдуетъ перекочевка на зимнія становища и охота на соболя, лисицу и др. пушныхъ звѣрей.

Вышеназванныя занятія исполняются всѣми членами семьи, но на долю женщинъ приходятся преимущественно мелочныя заботы и хлопоты. Спеціальныхъ праздниковъ или досуговъ отъ работъ у орочей-удиһэ нѣтъ: при отсутствіи правильнаго распредѣленія труда, они всегда могутъ устроить себѣ досугъ, если не устроитъ имъ праздника обильная дождями въ маѣ, іюнѣ и отчасти іюлѣ мѣсяцахъ погода.

Незавидное, подчасъ просто-таки тягостное экономическое состояніе орочей-удиһэ побуждало многихъ изслѣдователей рекомендовать нѣкоторыя мѣры, какъ средства для облегченія участи ихъ.

Такъ, г. Надаровъ считалъ необходимымъ, какъ подготовительную мѣру, распространеніе миссіонерской дѣятельности среди удиһэ. По его мнѣнію, миссіонеры могутъ способствовать обрусенію орочей-удиһэ и закрѣпленію ихъ территоріи за Россіею. Кромѣ того, отцы-миссіонеры могутъ развивать замѣчающуюся у нихъ наклонность къ осѣдлой жизни и земледѣлію. Они же могутъ поселить въ нихъ убѣжденіе, что всѣ безъ исключенія подданные русскаго царя равны передъ закономъ, и что китайцы самовольно властвуютъ надъ ними. Для этой цѣли г. Надаровъ предложилъ назначить трехъ миссіонеровъ.

Другою болѣе рѣшительною мѣрою онъ считаетъ выселеніе манзъ изъ территоріи орочей-удиһэ и уничтоженіе долговъ. Необходимость удаленія манзъ признана была и на съѣздѣ губернаторовъ и другихъ представителей Пріамурскаго края въ г. Хабаровскѣ въ 1886 году. На томъ же съѣздѣ

признали необходимымъ продавать потребные орочамъ-удиһэ товары изъ казенныхъ складовъ, съ надбавкою 20% къ ихъ покупной стоимости. Рекомендовалось также открыть въ этихъ магазинахъ кредитъ съ тѣмъ, чтобы долги собирались черезъ административныя власти. (См. Надарова „Сѣв.-Уссур. Край", 124—126 стр.).

Болѣе десяти лѣтъ прошло со времени появленія въ свѣтъ книги г. Надарова, а положеніе орочей-удиһэ равно какъ и другихъ инородцевъ Пріамурья нисколько не улучшилось; наоборотъ, можно сказать, что оно ухудшилось по побережью Татарскаго пролива и ухудшается съ каждымъ годомъ вслѣдствіе все возрастающей на территоріи удиһэ манзовской эксплоатаціи.

Если бы мы спросили, что за причина такого печальнаго явленія, примѣнялись ли указанныя г. Надаровымъ и хабаровскимъ съѣздомъ мѣры, и какіе результаты вышли изъ примѣненія ихъ, то не получили бы никакого отвѣта.

Поэтому попробуемъ разобраться въ рекомендуемыхъ мѣрахъ, чтобы судить объ ихъ состоятельности.

Исторія собственнаго нашего отечества полна разсказовъ о подвижникахъ, уходившихъ въ лѣсныя дебри къ дикимъ людямъ и вносившихъ, благодаря терпѣнію, энергіи и высокимъ личнымъ качествамъ, въ среду ихъ свѣтъ христіанскаго просвѣщенія, а съ нимъ начатки цивилизаціи, гражданственности и культуры (Леонтій Ростовскій, св. Стефанъ Пермскій и др.). Поэтому едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, съ общей точки зрѣнія, въ цѣлесообразности предложенной г. Надаровымъ мѣры. Привитіе цивилизаціи къ орочамъ-удиһэ чрезъ миссіонеровъ тѣмъ возможнѣе, что они, подобно своимъ ближайшимъ родичамъ, орочамъ Императорской гавани, рр. Тумни, Коппи и др., охотно принимаютъ продукты цивилизаціи и благосклонно относятся къ ней. Но для благотворнаго воздѣйствія на нихъ, въ указанномъ смыслѣ, миссіонеру необходимы извѣстныя личныя качества. Вполнѣ правъ г. Максимовъ, утверждающій, что „на неразвитого дикаря наиболѣе сильное впечатлѣніе производитъ внѣшность, а не внутреннее содержаніе проповѣдуемыхъ ему новыхъ религіозныхъ началъ. Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустрашимость—вотъ главныя основы, обусловливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей (С.-Петербургскія Вѣдом., 1880 г., № 178). Если, въ дѣйствительности встрѣчаются подобнаго рода идеальные миссіонеры, стоящіе на высотѣ своего призванія и на уровнѣ пониманія своей задачи, то они очень рѣдки и посѣщаютъ становища орочей въ два-три года разъ [1]),

[1]) См. объ этомъ прекрасныя признанія въ дневникѣ миссіонера о. Аѳанасія Протодіаконова, въ Камчатскихъ Епархіальныхъ Вѣдом. за 1896—97 гг. Ср. мою замѣтку «Памяти о. Аѳанасія Протодіаконова», Пріамур. Вѣдом. № 310, 1899 г.

поэтому воздѣйствіе ихъ на дикарей-удиһэ оказывается недѣйствительнымъ. Ясно послѣ сказаннаго, что предложеніе г. Надарова назначить трехъ миссіонеровъ (одного на р. Хоръ, другого—на Бикинъ и третьяго—на Иманъ) нельзя признать состоятельнымъ. Передвиженіе какъ по указаннымъ рѣкамъ, такъ и по морскому берегу сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ много времени; поэтому желательно имѣть миссіонера въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ поселеніи удиһэ, напримѣръ, на рр. Ботчи и Иди, Самаргѣ и Кушунгоу. Какъ бы то ни было, но постоянное присутствіе миссіонера среди орочей-удиһэ необходимо, если не желаютъ, чтобы въ результатѣ просвѣтительной дѣятельности его получился тотъ нуль, о которомъ говоритъ г. Леонтовичъ въ статьѣ объ орочонахъ р. Тумни, (См. Журналъ „Землевѣдѣніе", 1897 г., кн. III—IV, стр. 58—59). Наконецъ успѣхъ миссіонерской проповѣди много зависитъ и отъ знанія языка удиһэ, чтобы священникъ могъ изложить имъ истины христіанской вѣры на понятномъ для нихъ языкѣ. Но если трудно было провести въ жизнь удиһэ правильную миссіонерскую дѣятельность, и они остаются доселѣ полушаманистами и полубуддистами, то, повидимому, легче было осуществить другую мѣру—о казенныхъ складахъ товаровъ. Особенно легко привести въ исполненіе эту мѣру теперь, когда проведенъ по западной части территоріи орочей-удиһэ рельсовый путь, тѣмъ болѣе легко привести въ исполненіе эту мѣру, что, по словамъ г. Пальчевскаго, можно совсѣмъ не обременять мѣстныя власти устройствомъ означенныхъ складовъ. „Исходя изъ того, говоритъ г. Пальчевскій, что нѣкоторые орочоны лишь за частью припасовъ (главнымъ образомъ—травяное масло), а другіе, имѣющіе своихъ „хозяевъ"-манзъ въ Имахоузѣ, за всѣмъ годичнымъ запасомъ ежегодно, осенью, спускаются на устье р. Има и Ваку на лодкахъ, а манзы и искатели жень-шеня въ началѣ лѣта поднимаются по этимъ же рѣчкамъ со своими припасами и осенью съ добычею, спускаются тоже на лодкахъ,—является возможность создать въ низовьяхъ р. Има соболино-женьшеневый рынокъ. Потребность въ этомъ рынкѣ прямо вытекаетъ изъ того, что рынокъ, испоконъ бывшій въ Има-хоузѣ, что на китайской сторонѣ, противъ устья р. Има, палъ, такъ какъ безсильная и продажная китайская власть не можетъ охранять благосостояніе торговцевъ отъ той массы голытьбы, которая явилась на постройку дороги, и потому теперь скупщики пріѣзжаютъ на Иманъ, или манзы-продавцы свозятъ товаръ во Владивостокъ... При наличности такого рынка орочоны, сходясь въ одинъ сборный пунктъ, будутъ имѣть обмѣнъ мыслей о своихъ житейскихъ интересахъ...; затѣмъ, войдя въ соприкосновеніе съ русскимъ элементомъ, они начнутъ выходить изъ повиновенія у своихъ кровопійцъ-манзъ... Здѣсь... они будутъ... продукты охоты продавать пред-

ложившимъ высшую цѣну, а не одному своему „хозяину“-манзѣ, гоняющемуся за охотникомъ по пятамъ съ запасомъ губительнаго зелья-китайской водки; здѣсь они узнаютъ цѣну деньгамъ и товарамъ въ тѣхъ 25 китайскихъ и 10 русскихъ лавкахъ, которыя возникли около станціи Иманъ и предлагаютъ свой товаръ по владивостокскимъ цѣнамъ, такъ бережно скрываемымъ отъ нихъ ихъ эксплоататорами...

Въ виду особой важности для орочей-удиһэ огнестрѣльнаго оружія желательно, чтобы, при урегулированіи торговли, обязали купцовъ продавать винтовки по 14 руб. съ 30 патронами, подобно тому какъ это сдѣлано бывшимъ генералъ-губернаторомъ Пріамурскаго края С. М. Духовскимъ для инородцевъ далекой Камчатки [1]).

Что касается побережья Великаго Океана, то здѣсь пока что прійдется довольствоваться или казенными складами товаровъ, или посылкою торговцевъ отъ казны лѣтомъ, воспользовавшись для этого плавающими пароходами, напримѣръ, „Байкаломъ“ Шевелева и Ко. Если бы устроить склады товаровъ въ Императорской гавани и заливѣ св. Ольги, то орочи-удиһэ могли бы сами на своихъ лодочкахъ доставлять изъ нихъ товары во всѣ лѣтнія поселенія по побережью Татарскаго пролива.

ГЛАВА VII.

Постройки.

Ни въ преданьяхъ старины глубокой, ни въ произведеніяхъ народнаго творчества нѣтъ ясныхъ указаній на то, какова была самая древняя форма жилища орочей-удиһэ. Въ единственномъ доселѣ извѣстномъ преданіи о происхожденіи ихъ говорится: „орочоны разошлись по разнымъ рѣкамъ, жили безъ домовъ, лишь на зиму дѣлая себѣ шалаши изъ прутьевъ и древесной коры“. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, шалашъ есть первоначальная и древнѣйшая форма жилища удиһэ.

Принимая во вниманіе бродячій образъ жизни удиһэ въ прежнія времена, слѣдуетъ думать, что первобытный шалашъ имѣлъ форму и устройство, похожія на тѣ, какія имѣютъ юрты, устраиваемыя въ настоящее время охотниками-орочонами на скорую руку. Такой охотничій шалашъ состоитъ изъ 5—6 кольевъ, вбитыхъ въ землю конусообразно и покрытыхъ корою или

[1]) См. «Пребываніе главнаго начальника края въ гор. Петропавловскѣ и празднованіе 200-лѣтія присоединенія Камчатки», Пріамур. Вѣдом., 1897 г., № 179.

пологомъ изъ рыбьихъ шкуръ. Онъ имѣетъ въ діаметрѣ обыкновенно около двухъ аршинъ (при основаніи, конечно), а высота его равняется полуторамъ аршинамъ.

Изъ подобной простой и несложной юрты-шалаша, путемъ постепеннаго усложненія, возникла форма наичаще встрѣчающагося теперь въ селеніяхъ удиһэ жилища—двускатной юрты. Послѣднія бываютъ зимнія и лѣтнія, при чемъ въ языкѣ удиһэ существуютъ различныя даже названія для этихъ двухъ видовъ юртъ: зимняя называется чуд и́, лѣтняя—чол о́. Несмотря, однако, на различныя названія, устройство тѣхъ и другихъ юртъ въ общемъ довольно сходно. Вся разница сводится къ качеству и сорту строительнаго матеріала. Такъ лѣтнія юрты строятся изъ тонкихъ тальниковыхъ жердей или кольевъ, а зимнія изъ толстыхъ; кроются лѣтнія юрты исключительно березовою берестою, зимнія—корою кедра, иногда подъ нее подстилается для тепла и береста. Въ другихъ отношеніяхъ зимнія и лѣтнія юрты совершенно сходны, но первыя строятся вообще болѣе прочно, тѣмъ болѣе, что устраиваются онѣ большею частью на мѣстахъ постояннаго пушного промысла. Основаніе, напримѣръ, юртъ имѣетъ форму продолговатаго прямоугольника, углы котораго иногда закругляются.-Длина четыреугольника весьма различна, что обусловливается количествомъ обитателей юрты; обыкновенно она колеблется между 2—4 саженями; ширина же — отъ 2 до 3 саженъ.

По длиннымъ сторонамъ прямоугольника въ землю вбиваются тальниковыя жерди въ наклонномъ положеніи; вверху онѣ соединяются и связываются тальниковою корою, а затѣмъ прикрѣпляются къ продольной перекладинѣ (бревну), которая является чѣмъ-то въ родѣ конька въ крышѣ нашихъ построекъ. Для большей прочности, по высотѣ наклонныхъ жердей въ двухъ или трехъ мѣстахъ прикрѣпляются тальниковою же корою поперечныя жерди. Такими же жердями укрѣпляются и короткія стороны юрты. Приготовленный такимъ образомъ остовъ юрты съ наружной стороны покрывается берестой или еловою корою, а сверху кладется еще рядъ изъ кедровой коры. Иногда довольствуются одною еловою или кедровою корою, но тогда покрываютъ юрту такъ тщательно, что щелей не замѣтно. Съ наружной стороны накладываютъ жердей, чтобы вѣтромъ не снесло коры. Гребень юрты покрываютъ согнутою корою, оставляя одну или двѣ четыреугольныя дыры для выхода дыма. На короткихъ сторонахъ юрты устраиваются двери, для чего остается незабраннымъ поперечными жердями четыреугольникъ. Дверей бываетъ двѣ или одна; въ зимней юртѣ большею частью—одна дверь. Первоначально дверь (уапты́ или уапте́) дѣлалась, несомнѣнно, изъ бересты, а потомъ стали употреблять рыбью кожу, шкуру нерпы, сохатаго или медвѣдя. Если дверь дѣлается изъ бересты, то она состоитъ изъ нѣсколькихъ положенныхъ

одинъ на другой и хорошо пришитыхъ нитками кусковъ ея. Дверь, обыкновенно, верхнимъ своимъ краемъ привязывается веревкою къ отверстію, не покрытому корою и оставленному для входа; въ лѣтней же юртѣ иногда такая дверь приставляется къ упомянутому отверстію, а когда она не нужна, то лежитъ на полу у отверстія. Въ нѣкоторыхъ юртахъ мнѣ приходилось видѣть особаго устройства дверь, очевидно, позднѣйшаго происхожденія: деревянная рама, имѣющая видъ растянутаго прямоугольника, затянутая кожею или берестою, привязывалась къ дверному косяку веревкою вверху и внизу, по длинной своей сторонѣ, и открывалась наружу. Такая дверь, нѣтъ сомнѣнія, появилась какъ подражаніе дверямъ въ манзовскихъ фанзахъ. Въ общемъ, профиль юрты имѣетъ видъ трапеціи, высота которой колеблется отъ одной до полуторы сажени.

Оставляемыя для выхода дыма дыры, въ случаѣ дождя, закрываются берестою или корьемъ. Зимою юрты обкладываются со всѣхъ сторонъ снѣгомъ, если ихъ не заноситъ вьюгою: „такъ бываетъ теплѣе", говорили мнѣ удиһэ.

Внутренній видъ зимнихъ и лѣтнихъ юртъ одинъ и тотъ же. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ удиһэ, напримѣръ на р. Хорѣ, внутренность юрты представляетъ три отдѣленія: среднее—жилое, а крайнія служатъ для помѣщенія домашняго скарба, орудій промысла и собакъ. Перегородками между отдѣленіями являются стѣнки изъ древесной коры.

Жилое отдѣленіе всякой юрты раздѣляется по длинѣ своей двумя бревнами на три части, почти равныя, или средняя немногимъ меньше двухъ остальныхъ.

Боковыя части юрты засыпаются, въ уровень съ бревнами, землею и образуютъ нары. Послѣднія покрываются берестовою настилкою, сверху которой разбросаны шкуры, старое платье и другой домашній хламъ.

Средняя часть занята очагомъ, который устраивается весьма различно. Обыкновенно очагъ представляетъ сдѣланный изъ жердей четыреугольникъ, длиною около 3-хъ и шириною—около одного аршина. Огороженное подъ очагъ пространство также засыпается землею, и на убитомъ грунтѣ всегда тлѣетъ огонь. Свободное пространство между очагомъ и сторонами юрты образуетъ проходы, шириною около аршина. Довольно значительная длина очага объясняется тѣмъ, что по длиннымъ сторонамъ его втыкаются съ нанизанною для сушенья рыбою деревянныя спицы. Иногда въ юртахъ бываетъ по два-три очага, устраиваемыхъ въ той же средней части. Въ такомъ случаѣ каждый изъ очаговъ устраивается нѣсколько иначе: вырываютъ яму вершка 3—4 глубиною, вершковъ 8 шириною и около 12 вершковъ длиною. Края этой ямы обкладываютъ крупной галькой. Надъ такими очагами на двухъ или трехъ нарахъ жердей, воткнутыхъ въ землю и достигающихъ

крыши, устраивается два-три ряда помостовъ изъ тонкихъ жердей, предназначенныхъ для копченія и сушенія юколы изъ рыбы или мяса сохатаго. Къ нижнему помосту прикрѣпляются одинъ или два крючка (о б ǒ) для подвѣшиванія надъ огнемъ котла, во время приготовленія пищи.

Въ простѣнкахъ между дверями и продольными стѣнами придѣлываются досчатыя палочки, поддерживаемыя иногда мастерски вырѣзанными стойками: онѣ замѣняютъ наши шкапчики для храненія посуды. Такія же полки устраиваются иногда и по длиннымъ стѣнамъ юрты, вверху, но на нихъ кладутъ преимущественно одежду и другое исключительно женское добро.

Таково внѣшнее и внутреннее устройство юрты орочей-удиһэ. Варіаціи попадающіяся то тамъ, то здѣсь по обширной территоріи удиһэ, весьма незначительны. По побережью Татарскаго пролива попадаются иногда юрты съ крышами изъ соломенныхъ цыновокъ, которыя добываются отъ японцевъ—рыболововъ.

Изъ двускатной только что описанной юрты, думается мнѣ, возникла форма односкатнаго шалаша, устраиваемаго такъ: на двѣ сошки изъ тальника или другого дерева кладутъ перекладину, къ которой приставляютъ, въ наклонномъ положеніи, нѣсколько жердочекъ. Поверхъ жердей разстилаютъ брезентъ изъ бересты, соломенныхъ цыновокъ или, наконецъ, изъ дрели, пріобрѣтаемой покупкою у китайцевъ. Покрышки изъ дрели я встрѣчалъ и на конусообразной юртѣ; въ такомъ случаѣ несшитые края покрывала служатъ вмѣсто двери.

Рядомъ съ юртами удиһэ въ настоящее время строятъ свои жилища по образцу китайскихъ фанзъ. Можно даже вдоль побережья Татарскаго пролива и рѣкъ, впадающихъ въ Японское море, прослѣдить переходную форму отъ юрты къ китайской фанзѣ. Такъ, въ верховьяхъ р. Та-Судухэ я встрѣтилъ жилище ороча-удиһэ, представляющее форму юрты, но крытое камышомъ и длинною болотною травою; короткія стороны этой юрты обмазаны глиною. Внутренность этого жилища представляетъ тѣ же переходныя ступени отъ юрты къ фанзѣ: нары, напримѣръ, устроены изъ дерева и глины уже высотою двѣ—три четверти отъ пола; подъ ними идетъ труба отъ печи, устроенной изъ камня и глины подлѣ наръ; эта труба выходитъ наружу черезъ заднюю стѣну юрты-фанзы. Входъ въ нее закрывается дверью, совершенно похожею на тѣ двери, которыя будутъ описаны мною, когда поведу рѣчь о фанзахъ.

На рѣкѣ Кушунгоу, гдѣ сильно сказывается въ бытѣ орочей-удиһэ манзовское вліяніе, жилища представляютъ дальнѣйшее приближеніе юрты къ фанзѣ. Прежняя двускатная юрта здѣсь поставлена на низенькія, не выше двухъ аршинъ, прямыя, вертикальныя стѣны. Послѣднія сдѣланы изъ

дерева и вымазаны глиною; крыша покрыта травою и сверху—землею. Дверь—одна, такая, какъ въ китайскихъ фанзахъ. Нары, очагъ—все скопировано съ китайскихъ образцовъ, хотя рядомъ можно встрѣтить и старый очагъ орочей-удиһэ, выше мною описанный. Надъ очагомъ такихъ жилищъ я не встрѣчалъ уже тѣхъ приспособленій для сушенья и копченья юколы и мяса сохатаго, о которыхъ при описаніи юрты.

Наконецъ къ югу отъ р. Кушунгоу и по правымъ притокамъ р. Уссури всѣ осѣдлые удиһэ имѣютъ китайскія фанзы, все отличіе которыхъ отъ оригиналовъ состоитъ единственно въ меньшихъ размѣрахъ и бѣдности внутренней обстановки.

Фанза строится орочами-удиһэ слѣдующимъ образомъ. На избранномъ подъ постройку мѣстѣ, представляющемъ продолговатый четыреугольникъ, врывается въ землю по три-четыре столба (бруса) на каждой изъ длинныхъ сторонъ и по два, или по три столба на каждой изъ короткихъ сторонъ. На крайніе столбы кладутся поперечные и продольные брусья, которые образуютъ вверху четыреугольникъ. Если фанза большихъ размѣровъ, то кладется, для большей скрѣпы, посрединѣ продольный и два поперечныхъ бруса. На среднюю балку верхняго прямоугольника опираются два вертикальные столба, поддерживающіе конекъ крыши. Основаніе крыши образуютъ жерди, укрѣпленныя на каждой изъ продольныхъ балокъ и на конькѣ, а равно и жерди, положенныя поперекъ первыхъ жердей, параллельно продольнымъ балкамъ. Образованный такимъ образомъ переплетъ крыши покрываютъ мелкимъ камышомъ, соломою или травою; поверхъ такой покрышки или кладутъ, для обезпеченія отъ разрушительныхъ вѣтровъ, жерди, или насыпаютъ земли. Въ послѣднемъ случаѣ крыша не высока.

Промежутки между столбами забираются досками, жердями или прутьями и вымазываются глиною или землею, съ незначительною примѣсью глины.

Дверь всегда одна и устраивается на продольной сторонѣ, которая составляетъ лицевой фасъ жилища. По обѣ стороны двери, на небольшомъ разстояніи отъ нея, дѣлаются окна; такія же окна устраиваются и по короткимъ стѣнамъ фанзы (иногда не бываетъ), а иногда небольшое окошечко имѣется и на задней стѣнѣ. Входная дверь почти всегда одностворчатая и большею частью состоитъ изъ двухъ частей: верхняя половина рѣшетчатая и выклеена тонкою китайскою бумагою различныхъ цвѣтовъ (преобладаютъ бѣлый и красный); нижняя половина двери глухая и дѣлается изъ досокъ. Окна состоятъ изъ рамъ, съ тонкими деревянными рѣшетками, подклеенными съ внутренней стороны тонкою китайскою бумагою. Рама или вставляется въ окно и придерживается деревянными заверточками, или прикрѣпляется къ окну верхнимъ

концомъ на петляхъ. Когда нужно, рама снимается или откидывается внутрь или наружу и подпирается палочками или перевязывается веревочкой.

Внутри фанза ороча-удиһэ представляетъ большею частью одно отдѣленіе. Въ немъ, при входѣ, справа или слѣва дѣлается очагъ, представляющій низкую, не болѣе двухъ-трехъ четвертей вышиною, широкую печку, сооруженную изъ глины и камня. Въ эту печку вмазывается одинъ или два манзовскихъ (широкіе и мелкіе) чугунныхъ котла, для согрѣванія воды и варки пищи. Котлы имѣютъ обыкновенно деревянную крышку. Отъ печи идетъ труба подъ нары и, пройдя подъ ними, выходитъ сквозь стѣну лицевого фаса наружу и оканчивается подставкою, сдѣланною изъ корья или изъ цѣльнаго толстаго древеснаго ствола.

Иногда, передъ нарами, посрединѣ, устраивается другой очагъ, представляющій ящикъ, набитый глиною, съ углубленіемъ для углей, которые обыкновенно выгребаются изъ очага, вышé описаннаго. У бѣдныхъ вмѣсто такого ящика среди фанзы лежитъ нѣсколько камней, образующихъ четыреугольникъ, на которомъ и разводятъ огонь.

Близко отъ печки устраиваются нары, высотою въ одинъ, рѣдко въ полтора аршина, а ширины различной, но всегда такъ, чтобы удобно было на нихъ лежать. По краямъ наръ идутъ обтесанныя бревна, положенныя на подставки, вбитыя въ землю. Наружная сторона наръ забирается досками и обмазывается глиною, а средина или набивается глиною, или покрывается досками. Поверхъ глины или помоста кладутъ бересту или соломенныя циновки. Нары играютъ большую роль въ жизни орочей-удиһэ: на нихъ сидятъ, спятъ, ѣдятъ.

По стѣнамъ фанзы обыкновенно висятъ на деревянныхъ гвоздяхъ чуманы, пилы и другіе хозяйственные предметы; кое-гдѣ стоятъ короба и даже манзовскіе ящики отъ ханшина (сули); по стѣнамъ же, недалеко отъ очага, съ другой стороны отъ наръ, устраиваются досчатыя палочки для кухонной посуды. Тамъ, гдѣ манзовское вліяніе сказалось особенно сильно, на внутреннихъ стѣнахъ можно встрѣтить наклеенными продольныя полосы красной бумаги съ крупными китайскими письменами: это изреченія о счастьи, богатствѣ, здоровьи и другихъ благахъ человѣческой жизни. Надъ нарами часто къ крышѣ подвѣшиваются жерди, на которыхъ виситъ платье. Потолка въ фанзахъ не бываетъ.

У богатыхъ (сравнительно) орочей-удиһэ фанза устраивается съ двумя отдѣленіями, причемъ въ большомъ помѣщается печь и короба съ добромъ, а въ меньшемъ—нары для хозяевъ, шкапъ съ посудою, сундуки съ пожитками. Второе чистое, такъ сказать, отдѣленіе отгораживается досчатою перегородкою и соединяется двухстворчатою неширокою дверью.

Дворовъ, въ нашемъ смыслѣ, мнѣ не приводилось встрѣчать у орочей-удиһэ; но около юртъ встрѣчаются нѣкоторыя надворныя постройки. Сюда относятся, во-1-хъ, навѣсы изъ корья съ помостомъ изъ жердей; навѣсы эти устраиваются на четырехъ столбахъ, а помостъ изъ жердей прикрѣпляется къ нимъ на высотѣ отъ полутора до двухъ аршинъ. На помостѣ хранятся: нарты, береста, остроги, шкуры, нертичьи кожи и др. подобный громоздкой хламъ. Во-2-хъ, для храненія жизненныхъ припасовъ, юколы, копченаго мяса сохатаго, чумидзы, кукурузы, сооружаются тоже на столбахъ особые сараи, крытые корою, травою или камышомъ, съ дверцою, которая притворяется бревномъ съ зарубками, по которому и лазять въ эти сараи, въ случаѣ надобности. Кромѣ сараевъ, отстоящихъ отъ земли (для предохраненія запасовъ отъ крысъ и хищныхъ звѣрей) на два, два съ половиною аршина, около юрты можно встрѣтить приспособленія для сушки сѣтей и рыбы. Эти приспособленія состоятъ изъ вбитыхъ попарно кольевъ, на которые горизонтально положено нѣсколько жердей и жердочекъ. Иногда недалеко отъ юрты имѣется срубъ изъ бревенъ, въ которыхъ содержится какой-либо звѣрь— медвѣдь или лисица. На югѣ и на правыхъ притокахъ р. Уссури, гдѣ орочи-удиһэ живутъ среди манзъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юрты или фанзы находятся кумирни. Самая простая кумирня, какую мнѣ довелось видѣть вѣ долинѣ р. Сяо-Судухэ, представляла большой пень сломаннаго бурею дерева, съ котораго была содрана кора. Въ пнѣ этомъ на полтора аршина отъ земли сдѣлано топоромъ углубленіе, куда горизонтально вставлена дощечка. Дощечка эта исполняла роль жертвенника, потому что на ней лежала буда, лоскутки кумача—приношенія богу, котораго въ данномъ случаѣ изображала стоявшая вертикально узенькая красная дощечка (въ четверть величиною) съ китайскими письменами.

Болѣе сложный видъ кумирни представляетъ сооруженіе другого рода. Это нѣчто вродѣ часовни или храмика такихъ размѣровъ, что едва вмѣстится пять молящихся. Длина такого храма не болѣе двухъ саженъ; ширина 1 или $1^1/_2$ саж.; высота около 2 саж. Строится онъ изъ дерева; крытъ соломою, травою и тесомъ. Крыша—двускатная. На лицевой сторонѣ—одностворчатая или двустворчатая дверь, съ мелкорѣшетчатою верхнею частью, которая съ внутренней стороны выклеена прозрачной китайской бумагою. Иногда кумирня окружается жердевымъ или досчатымъ заборомъ, съ лицевой стороны котораго имѣется дверь. Заборъ—не высокій, не выше двухъ аршинъ. Передъ храмомъ, внутри ограды или внѣ ея, ставятся два деревянныхъ шеста, иногда окрашенныхъ въ разноцвѣтную краску. Кромѣ того, на перевалахъ, равно у прибрежныхъ скалъ часто можно встрѣтить божнички, которыя тоже позаимствованы орочами-удиһэ отъ манзъ вмѣстѣ съ буддій-

скою религіею. Эти божнички представляютъ шкапики съ двускатною крышею; съ лицевой стороны—двустворчатая дверца. Эти божнички помѣщаются или на столбахъ или на высокихъ камняхъ.

Внутренній видъ храмовъ и божничекъ почти одинъ и тотъ же: на задней стѣнѣ—изображенія манзовскихъ боговъ, передъ ними чашечки или ящики съ пескомъ, куда воткнуты жертвенныя свѣчи, т. е. коричневые прутики или обломки отъ кукурузъ; можно встрѣтить здѣсь и кусочки кумача, ленточки, которыми иногда украшается божничка снаружи.

Передъ юртами и фанзами рѣдко встрѣтите чистоту, потому что удиһэ еще не научился понимать ея пользу и необходимость. Отбросы отъ рыбы и животныхъ, корыта съ остатками собачьяго корма, мясо сохатаго, вялящееся на солнцѣ и усѣянное мухами и червями, людскіе экскременты (въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, истребляемые собаками)—все это можно встрѣтить около жилища орочей-удиһэ, и все это обдастъ посѣтителя—европейца отвратительнымъ ароматомъ. Впрочемъ, и внутренняя чистота жилищъ нисколько не лучше: тотъ же ароматъ, но съ примѣсью ѣдкаго очажнаго дыма поражаетъ обоняніе и самаго неизбалованнаго человѣка. Особенно ярко выступаетъ непривлекательность внутренняго вида жилища вечеромъ: при слабомъ мерцаніи свѣтильни, при слабомъ освѣщеніи отъ очага прокоптѣлыя стѣны его вмѣстѣ съ полуобнаженными косматыми орочами-удиһэ производитъ тяжелое, гнетущее душу впечатлѣніе.

Нельзя не выразить удивленія по поводу построекъ орочей-удиһэ, что въ нихъ послѣдніе не обнаружили никакого архитектурнаго вкуса, тогда какъ чувства изящества и красоты, свойственныя имъ, въ значительной степени сказались въ продуктахъ ремеслъ и искусствъ.

ГЛАВА VIII.

Пища.

По характеру и физическимъ свойствамъ территорія орочей-удиһэ не принадлежитъ къ тѣмъ благословеннымъ и обѣтованнымъ землямъ, которыя доставляютъ человѣку сносное существованіе безъ всякаго съ его стороны труда. Нѣтъ, „на пиру природы“ орочъ-удиһэ не пользуется особыми благами: только путемъ, подчасъ тяжкихъ усилій, съ опасностью для жизни онъ добываетъ себѣ пропитаніе. Хотя Ш. Летурно утверждаетъ [1]), что „че-

[1]) См. «Соціологія, основанная на этнографіи». С.-Петербургъ. 1895 г., вып. I, стр. 33.

ловѣкъ живетъ такъ, какъ онъ можетъ, извлекая пользу болѣе или менѣе цѣлесообразно изъ даровъ природы, и нѣтъ такого абсолютнаго правила или закона, которому бы онъ подчинялся, создавая тотъ или другой образъ жизни", тѣмъ не менѣе, можно оставить въ силѣ утвержденіе, что питаніе человѣка въ значительной степени обусловливается основами экономическаго быта.

Поэтому для ороча-удиһэ, по утвержденію всѣхъ моихъ предшественниковъ (гг. Надаровъ, Бѣльковичъ, Альфтанъ и др.) и по моимъ личнымъ наблюденіямъ, главными пищевыми продуктами являются предметы рыболовства и охоты. Но вынужденный климатическими и физическими свойствами своей территоріи искать средствъ пропитанія въ животномъ мірѣ, орочъ-удиһэ не потерялъ вкуса и къ растительной пищѣ, которая, по утвержденію соціологовъ, является первоначальною пищею первобытнаго человѣка.

Сохранивъ, такимъ образомъ, слѣды первобытности въ продуктахъ пищи, орочъ-удиһэ не утратилъ первобытности и въ способѣ приготовленія ея. Зная очагъ и посуду для приготовленія пищи, онъ въ то же время употребляетъ нѣкоторую часть животныхъ продуктовъ и въ сыромъ видѣ, т. е. безъ всякаго приготовленія, такъ, какъ дѣлалъ это первобытный человѣкъ, недалеко ушедшій отъ своего звѣринаго прообраза.

Вышесказанное подтвердитъ болѣе подробное разсмотрѣніе пищи и ея приготовленія, къ чему я и перехожу.

Главнымъ продуктомъ питанія для большей части, если не для всѣхъ удиһэ является рыба, причемъ въ дѣло идетъ всякая рыба, водящаяся въ рѣкахъ и моряхъ ихъ территоріи, но преимущество отдается красной рыбѣ — горбушѣ и кэтѣ. Рыбу употребляютъ въ пищу безъ всякаго предварительнаго приготовленія и напередъ приготовивъ. Сырую рыбу потребляютъ въ двухъ видахъ. Во-1-хъ, ее мелко крошатъ, перемѣшиваютъ съ лукомъ, посыпаютъ солью (не то и безъ нея) — и блюдо готово. „Намъ случалось", говоритъ г. Бѣльковичъ, „пробовать такое кушанье, и нельзя сказать, чтобы оно было невкусно" (Труды Пріамур. отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.). Во-2-хъ, употребляютъ только голову и жиръ свѣжепойманной рыбы. Это считается лакомымъ блюдомъ. Его приготовляютъ такъ: „пойманную рыбу орочень беретъ за голову, дѣлаетъ два надрѣза кожи на хребтѣ, вырѣзая полосу хребтоваго жира. Затѣмъ отдѣляетъ голову рыбы отъ туловища, которое тутъ же бросаетъ. Послѣ того орочонъ подноситъ рыбью голову къ своему рту, беретъ въ зубы хребтовый жиръ и у самыхъ губъ отрѣзаетъ кусокъ жира. Проглотивъ отрѣзанный кусокъ, не разжевывая, орочонъ отрѣзаетъ новый кусокъ, идущій по слѣдамъ перваго, и продолжаетъ дѣйствовать такъ до тѣхъ поръ, пока не объѣстъ жиръ съ головы" (См. Нада-

ровъ, Сѣв. Уссур. край, 80 стр.). Я самъ не одинъ разъ видѣлъ дѣтей и взрослыхъ, съ наслажденіемъ сосущихъ свѣжія рыбьи головы.

Только что пойманную рыбу употребляютъ въ приготовленномъ видѣ: ее варятъ и жарятъ. Предназначенную для варки рыбу потрошатъ, не заботясь тщательно объ удаленіи чешуи; затѣмъ варятъ въ чугунномъ котлѣ и, вытащивъ ее въ чумашку, ѣдятъ палочками или руками. Рыбу костистую орочи-удиһэ мастерски приготовляютъ для ѣды: посредствомъ остраго ножа они изрѣзываютъ поперекъ туловища съ обѣихъ сторонъ рыбу, напримѣръ, щуку, причемъ надрѣзы дѣлаются не въ вертикальной, а нѣсколько наклонной къ хребту плоскости. Изрѣзавъ такимъ образомъ всю рыбу на мелкія пластинки, вмѣстѣ съ тѣмъ перерѣзываютъ всѣ кости и уничтожаютъ опасность проглотить длинную и колючую кость (см. Бѣльковичъ, Труды Пріамур. отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.). Жарятъ рыбу такъ: если она не велика, то ее протыкаютъ черезъ ротъ къ хвосту деревянною спицею, которую и втыкаютъ около горящаго очага; поворачивая рыбу къ огню то одною, то другою стороною, поджариваютъ ее и потомъ ѣдятъ. Съ большой рыбой поступаютъ нѣсколько иначе: предварительно съ обѣихъ сторонъ ея ножемъ снимаютъ мясо, а потомъ вышеописаннымъ образомъ насаживаютъ на спицы и жарятъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно сказать, что отъ китайцевъ позаимствованъ одинъ способъ приготовленія рыбы для ѣды: ее жарятъ съ лукомъ на бобовомъ маслѣ. Иногда къ рыбѣ, положенной въ котелъ, примѣшиваютъ тыквы, буды и мяса, получается какой-то оригинальный винегретъ въ китайскомъ духѣ.

Но орочъ-удиһэ не всегда можетъ пользоваться въ достаточномъ количествѣ свѣжею рыбою, особенно кэтою и горбушею, поэтому приходится дѣлать запасы ея. Приготовленная въ запасъ рыба называется юколою, которую получаютъ путемъ слѣдующаго процеса.

Пойманная рыба поступаетъ въ распоряженіе женщинъ. Выгрузивъ ее изъ лодки на землю, устланною травою или вѣтками тальника, онѣ вооружаются небольшими, но острыми ножами и принимаются за пластованіе ея. Работа эта производится на маленькихъ столикахъ, на обрубкахъ дерева, на дощечкахъ или на тальниковыхъ вѣтвяхъ. Отрѣзавъ голову, орочонка, минуя позвоночникъ, отдѣляетъ ножомъ съ обѣихъ сторонъ мясо отъ костей со спины и реберъ, разрѣзая рыбу надвое по хребту. Когда такимъ образомъ распластована вся пойманная рыба, ее распредѣляютъ на извѣстныя части и приготовляютъ различными способами. Одну часть, разрѣзавъ снятыя полосы мяса поперекъ, насаживаютъ на тонкія длинныя деревянныя спицы и наклонно втыкаютъ вокругъ очага, чтобы она поджарилась. Затѣмъ ее кладутъ на помосты изъ жердей надъ очагомъ, гдѣ она сушится и коптится. Вторую

часть, послѣ распластовки, вѣшаютъ на жердяхъ, прорѣзавъ въ хвостѣ дыру, и оставляютъ вялиться на солнцѣ. Точно также сушится на солнцѣ рыба, предназначенная для корма собакъ, кости и головы, если послѣднія не съѣдены сырыми. На жердяхъ рыба вялится отъ двухъ до четырехъ и болѣе недѣль, смотря по погодѣ и по количеству солнечныхъ дней. Подвергаясь дѣйствію дождя, рыба не вялится, а гніетъ, распространяя вокругъ себя убійственный смрадъ; въ ней заводятся черви, которые или сами осыпаются, или смываются дождемъ. Но орочи-удиһэ не смущаются ни червями, ни гніеніемъ: часто они берутъ такую рыбу, обтираютъ ее слегка, ударяютъ разъ-другой обо что-нибудь твердое, сдираютъ кожу зубами и ѣдятъ, какъ самое вкусное блюдо. Когда рыба окончательно провялится, тогда ее несутъ въ юрту и на помостахъ изъ жердей надъ очагомъ сушатъ и коптятъ. Юкола, когда предназначается для собакъ, остается только вяленою. Совершенно готовую юколу складываютъ въ берестовыя коробки и хранятъ въ особыхъ амбарахъ вмѣстѣ съ другими различными припасами и предметами домашняго обихода. Иногда жарятъ рыбу цѣликомъ, сушатъ на очагѣ; иногда для собакъ просто разрѣзаютъ рыбу надвое съ костями и вялятъ на солнцѣ; иногда сушится и вялится рыба, съ которой предварительно была содрана кожа на выдѣлку, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Юколы орочи-удиһэ ѣдятъ такъ, какъ мы хлѣбъ: пьютъ съ нею, напримѣръ, чай. Иногда ее варятъ или пекутъ на горячихъ угольяхъ, отчего она становится мягкой и довольно вкусной. Наконецъ, приготовляютъ изъ юколы еще одно лакомое блюдо: жуютъ юколу, перемѣшиваютъ пожеванное съ какою-нибудь ягодою (брусника, морошка и т. п.) и ѣдятъ. Ѣдятъ ее также и съ нерпичьимъ жиромъ.

Наваръ ни изъ свѣжей рыбы, ни изъ юколы въ пищу не употребляется.

Второе мѣсто занимаетъ мясная пища, продукты охоты. Удиһэ употребляютъ въ пищу мясо всѣхъ дикихъ промышляемыхъ ими звѣрей: козы, изюбря, оленя, выдры, барсука, кабана, медвѣдя, бѣлки, даже иногда тигра; но мяса собаки не ѣдятъ. Изъ птицъ ѣдятъ мясо утокъ и рябчиковъ, гусей, лебедей и многихъ другихъ. Орловъ и совъ не употребляютъ въ пищу. На основаніи личныхъ наблюденій долженъ сказать, что главнымъ пищевымъ продуктомъ, послѣ рыбы, служитъ въ сѣверной части территоріи орочей-удиһэ мясо сохатаго (лося), въ другихъ частяхъ—изюбря. Не даромъ они приготовленное въ запасъ мясо лося или изюбря называютъ, какъ мясо рыбы, юколою.

Мясо звѣрей употребляютъ въ приготовленномъ и неприготовленномъ видѣ; мясо птицъ, сколько мнѣ извѣстно, употребляютъ только въ приготовленномъ видѣ. По свидѣтельству большинства лицъ, изучавшихъ бытъ удиһэ, въ сы-

ромъ видѣ употребляютъ только жиръ, мозгъ, печень, сердце, почки и желудокъ звѣрей. Мнѣ не приходилось наблюдать, чтобы ѣли мясо въ сыромъ видѣ[1]). Но г. Альфтанъ сообщаетъ, что по притокамъ р. Уссури употребляютъ въ пищу сырое замороженное мясо (см. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.).

Мозгъ или высасываютъ изъ костей, или раздробляютъ кости и складываютъ его въ чашечку, а потомъ ѣдятъ. Сырую печенку рѣжутъ на мелкіе кусочки, перемѣшиваютъ съ лукомъ и черемшой и ѣдятъ. Точно такимъ же образомъ ѣдятъ сердце и почки, а желудокъ уничтожаютъ, если и не со всѣмъ содержимымъ, то плохо очищеннымъ, потому что, по словамъ г. Бѣльковича, блюдо это распространяетъ очень сильный и не особенно пріятный запахъ. Безъ особеннаго приготовленія ѣдятъ, въ видѣ лакомства, вшей, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ гг. Бѣльковичъ и Альфтанъ. Лично я не видѣлъ, чтобы удиhэ ѣли вшей, хотя не разъ созерцалъ охоту за „этими звѣрями“. При мнѣ вычесывали изъ головы деревянными гребнями паразитовъ, снимали ихъ руками изъ складокъ рубахи, панталонъ и бросали въ тлѣющій очагъ, гдѣ они и потрескивали. Въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ вшей, вычесанныхъ на потухшій очагъ: тогда онѣ покрывали пространство вокругъ него, подобно просыпанной бѣлой крупѣ.

Большею частью мясо звѣрей и птицъ употребляется въ вареномъ видѣ. Для этого мясо рѣжутъ большими кусками, не отдѣляя костей, кладутъ въ котелъ съ водою и кипяткомъ. Варятъ по вкусу и долго и недолго. Затѣмъ берутъ изъ котла куски простывшаго мяса, захватываютъ его зубами, а правой рукою, вооруженною ножемъ, обрѣзаютъ его у самыхъ губъ. Нельзя не удивляться при этомъ ловкости, съ которою владѣютъ при этомъ всѣ орочиудиhе,—мужчины и женщины, взрослые, старики и дѣти,—ножемъ. Только въ особенно торжественныхъ случаяхъ варятъ изъ мяса супы, пельмени и китайскую лапшу. Всѣ эти блюда заимствованы у китайцевъ.

Кромѣ варенаго, часто употребляютъ въ пищу жареное мясо, причемъ оно мелко крошится. И этотъ способъ приготовленія мяса, по всей вѣроятности, заимствованъ у китайцевъ.

Приготовленіе мяса лося и изюбря въ запасъ на зиму заключается въ слѣдующемъ: мясо разрѣзывается на тонкія полоски, затѣмъ вялится на жердяхъ и наконецъ сушится и коптится надъ очагомъ, подобно рыбьей юколѣ. Другой способъ заготовленія мяса впрокъ таковъ: долго кипятятъ въ котлѣ, а затѣмъ разрѣзаютъ его на тонкія пластинки, сушатъ и вялятъ на солнцѣ. Приготовленное такимъ способомъ мясо сохраняется очень долго. Такъ какъ

[1]) На побережьи Татарскаго пролива самымъ лакомымъ блюдомъ считаютъ мало проваренный языкъ лося.

заготовка мяса впрокъ происходитъ лѣтомъ, то вывѣшенное для вяленья мясо обсѣдаютъ мухи, кладутъ свои яички, да оно и гніетъ. Лѣтомъ 1897 г. мнѣ приводилось близъ каждой юрты встрѣчать черныя ленты мяса сохатаго и цѣлые ворохи уже готоваго, сложеннаго въ коробы. Эту, такъ сказать, „звѣриную юколу“ хранятъ въ особыхъ амбарахъ, какъ и юколу изъ рыбы.

Юколу изъ звѣринаго мяса употребляютъ различно: въ непосредственномъ видѣ, варятъ съ приправами и поджариваютъ на угольяхъ. Любимымъ блюдомъ считается, по словамъ г. Надарова (Op. cit., 79 стр.), мелко настроганное мясо, облитое рыбьимъ жиромъ. По внѣшнему виду это блюдо, налитое въ чашку, похоже на сотовый медъ, а по вкусу при свѣжемъ рыбьемъ жирѣ сносно, при испорченномъ—получается смѣсь, которую невозможно поднести ко рту. Не менѣе лакомымъ блюдомъ считается сушеная „блонь“, или скребки съ высушенной пыльной кожи убитаго звѣря.

Наичаще употребляемыми въ пищу жирами являются: рыбій, лосиный и нерпичій. Жиръ лося употребляютъ въ трехъ видахъ: сыромъ, топленомъ и сушено-вяленомъ. Мнѣ не разъ предлагали въ подарокъ топленый жиръ лося въ пузыряхъ, говоря: „не хочешь ли масла сохата“?

Не могу сказать съ увѣренностью, ѣдятъ ли удиһэ устрицъ и другихъ морскихъ животныхъ, относимыхъ къ разряду голотурій. Можетъ быть, ѣдятъ ихъ только тѣ, которые занимаются ловлей морской капусты и совершенно „оманзѣли“. Насколько мнѣ удалось понять изъ разспросовъ, удиһэ употребляютъ въ пищу улитокъ.

Для большей части удиһэ растительная пища и въ настоящее время является на третьемъ планѣ, но въ южной части ихъ территоріи она начинаетъ занимать второе, если не первое мѣсто.

Наиболѣе древними по времени употребленія въ пищу орочами-удиһэ надо признать тѣ съѣдобныя растенія, которыя и встрѣчаются на территоріи ихъ. Сюда относятся нѣкоторыя травы и корнеплоды. Въ большомъ количествѣ, напримѣръ, всѣ удиһэ употребляютъ черемшу (сыды) и полевой лукъ; кромѣ того, травы—чугуни и хансимони, особенно же часто можно встрѣтить лѣтомъ связки „земляной картошки“,—это луковичное растеніе, имѣющее бѣлаго или блѣдно-розоваго цвѣта клубень, идущій въ пищу, какъ прибавка къ рыбѣ или мясу. На сѣверѣ, по побережью Татарскаго пролива, это растеніе въ большомъ ходу. Какъ лакомство, лѣтомъ на томъ же побережьи ѣдятъ растеніе, называемое „латуцки“. Въ пищу идетъ стебель этого растенія. Оно растетъ на сырыхъ низинахъ и имѣетъ много воды въ стеблѣ, который слегка сладкій. Вообще удиһэ ѣдятъ многія дико растущія травы и корнеплоды, но собрать вполнѣ основательныя свѣдѣнія о нихъ въ короткое время нельзя, потому что на лицо не всегда бы-

ваютъ эти растенія, а описать ихъ обстоятельно удиһэ не могутъ. Подробное перечисленіе такихъ съѣдобныхъ травъ и растеній, собраніе изъ нихъ коллекціи—дѣло будущаго ботаника-изслѣдователя.

Всѣ орочи-удиһэ являются большими любителями ягодъ, растущихъ въ изобиліи въ ихъ странѣ. Брусника, клюква, морошка, голубица, дикій виноградъ и дикія яблоки потребляются въ большомъ изобиліи, иногда служа приправою къ мясу или рыбѣ. Дикія яблоки употребляются въ пищу только хорошо проваренныя; въ сыромъ же видѣ ихъ ѣдятъ только позднею осенью, когда небольшіе морозы прибьютъ ихъ и сдѣлаютъ вкуснѣе.

Наконецъ, тамъ, гдѣ орочи-удиһэ находятся въ сосѣдствѣ съ китайцами или русскими, гдѣ существуютъ пашни и огороды, или тамъ, куда проникаютъ пароходы и китайскіе или русскіе купцы,—тамъ въ пищу идутъ продукты земледѣлія и огородничества. Изъ огородныхъ растеній идутъ въ пищу—кукуруза, тыква, рѣдька, огурцы, бобы, стручковый перецъ, фасоль, брюква и картофель. Большая часть названныхъ растеній служитъ приправою къ мяснымъ и рыбнымъ продуктамъ, а меньшая употребляется самостоятельно. Кукуруза въ сухомъ видѣ и картофель приготовляются даже въ запасъ. Не имѣя теплыхъ помѣщеній, въ родѣ нашихъ погребовъ, удиһэ приготовляютъ картофель впрокъ слѣдующимъ образомъ: разрѣзавъ его на тонкія пластинки, высушиваютъ на солнцѣ. Конечно, при такомъ приготовленіи картофель теряетъ свой вкусъ и питательность.

Изъ продуктовъ земледѣлія въ пищу идутъ исключительно „буда" или „чумидза" (китайское пшено) и „майцза" (пшеница китайская). По рр. Тэ-Судухэ, Пфусунъ, Тазуши и др. буда и чумидза составляютъ, можно сказать, основное питаніе. Въ плоскихъ котлахъ изъ чумидзы или буды приготовляютъ кашу, которую ѣдятъ съ бобовымъ или травянымъ масломъ. Въ этомъ случаѣ къ будѣ или чумидзѣ иногда прибавляютъ немного бобовъ или гороху. Чаще же всего потребляютъ буду или чумидзу немного сваренными въ водѣ. Изъ муки майцзы или кукурузы приготовляютъ хлѣбцы, сваренные на пару, по китайскому способу; кромѣ булочекъ (величиною съ кулакъ), жарятъ коржи на бобовомъ маслѣ и нерпичьемъ жиру. Послѣдняго рода печенья я самъ ѣлъ цѣлыя недѣли и находилъ ихъ очень вкусными, особенно когда они только что сняты съ котла. Тѣсто дѣлаютъ орочи-удиһэ плохо, такъ напримѣръ, между складками коржа встрѣчались прослойки муки. Очень любятъ удиһэ рисъ, который попадаетъ къ нимъ отъ купцовъ русскихъ и китайскихъ, а иногда и отъ японскихъ рыболововъ. Ржаной хлѣбъ и гречневая крупа сдѣлались извѣстны удиһэ, благодаря столкновенію съ русскими. По словамъ г. Надарова [1]), орочоны съ удовольствіемъ ѣдятъ ржаной хлѣбъ

[1]) Op. cit. 91 стр.

и сухари. „Бывали случаи,—говоритъ онъ,— когда я, приглашая орочонъ въ гости къ своему костру, угощалъ ихъ женъ и дѣтей конфектами и шоколадомъ. Но какъ женщины, такъ и дѣти предпочитали конфектамъ ржаные сухари и, набрасываясь на нихъ съ жадностью, истребляли большое количество“.

Мои личныя наблюденія говорятъ совершенно противоположное утвержденію г. Надарова. Хотя я въ обѣ экспедиціи не имѣлъ съ собою шоколада и конфектъ, все же у меня былъ сахаръ, который орочи-удиһэ ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ и ставятъ его выше остальныхъ пищевыхъ продуктовъ европейца. Что же касается ржаныхъ сухарей, то проводники и переводчикъ, равно другіе удиһэ, неохотно ѣли ихъ, хотя сухари были очень вкусные. Нѣкоторые удиһэ проводники рѣшительно отказывались ѣсть ржаные сухари, и я кормилъ ихъ крупчатными американскими галетами. Такую же нелюбовь обнаруживаютъ они и къ гречневой кашѣ. Многіе мнѣ прямо заявили, что ржаные сухари и гречневая каша пагубно дѣйствуютъ на непривычный желудокъ.

Въ заключеніе обозрѣнія пищи необходимо упомянуть о способѣ, коимъ сохраняется на 2—4 дня свѣжая провизія во время лѣта, когда солнце палитъ по-тропически. Рыбу нанизываютъ на тальниковую вѣтку или на веревку и погружаютъ въ воду, привязывая къ камню и иногда сверху прикрывая ее тальниковыми вѣтвями. Мясо же сохатаго погружаютъ въ воду и сверху наваливаютъ камнями. Въ этомъ случаѣ холодная вода горныхъ рѣчекъ замѣняетъ наши ледники.

Выше было сказано, что часто рыба и мясо потребляются орочами-удиһэ вмѣстѣ съ растительными продуктами. Лукъ, тыква, чеснокъ и бобы являются въ этомъ случаѣ чѣмъ-то вродѣ нашихъ приправъ. Послѣднихъ, въ собственномъ смыслѣ слова, у нихъ нѣтъ, потому что соли они потребляютъ очень малое количество, хотя въ настоящее время въ каждой почти юртѣ можно ее встрѣтить. Предпочитается прѣсная пища. Чаще и съ большимъ удовольствіемъ сдабриваются кушанья сахаромъ. Я не разъ видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ ѣли удиһэ японскій тростниковый сахаръ съ коржами на нерпичьемъ жиру, а о русскомъ сахарѣ, особенно цѣнимомъ даже японцами, и говорить нечего!

Когда я раздавалъ куски русскаго сахару, то причмокиванью губами, похваламъ и восторгу конца не было. Довольно сказать, что удиһэ приготовляютъ и ѣдятъ пельмени съ сахаромъ.

Теперь поведу рѣчь о н а п и т к а х ъ, употребляемыхъ орочами-удиһэ. Кромѣ воды, удиһэ, какъ и другіе многіе дикари, употребляютъ исключительно такіе напитки, которые возбуждаютъ нервы и опьяняютъ человѣка.

Какъ засвидѣтельствовано всѣми моими предшественниками, порокъ пьянства и опьяненія сильно развитъ среди нихъ. Но въ этой потребности возбудительныхъ напитковъ едва ли слѣдуетъ видѣть одну только наклонность къ пороку или одну только порочность природы удиһэ. Чтобы правильно взглянуть на эту сторону жизни удиһэ, слѣдуетъ припомнить, что, съ точки зрѣнія исторіи жизни вообще человѣчества, въ чисто животной жизни низшихъ расъ потребность въ опьяненіи является признакомъ извѣстнаго прогреса: чтобы опьяняться, надо изобрѣсти или найти въ природѣ вещества съ опьяняющими свойствами. Кромѣ того, пьянство, по словамъ г. Ш. Летурно, „является наслажденіемъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ суровѣе жизнь, чѣмъ большими опасностями и затрудненіями она бываетъ окружена". (См. Соціологія, основанная на этнографіи, 47 стр.).

Если орочъ-удиһэ самъ и не изобрѣтаетъ опьяняющихъ веществъ, пользуясь услугами китайцевъ, японцевъ и русскихъ, то отрицать въ нихъ потребность „подняться надъ обыденными условіями повседневной жизни" нельзя, потому что эта повседневная жизнь очень сурова, какъ это достаточно показано на предыдущихъ страницахъ и какъ будетъ показано не разъ на послѣдующихъ. Для удиһэ, постоянно борющагося съ голодомъ, вѣчно бродящаго, какъ дичь, имъ преслѣдуемая, вѣчно работающаго для уплаты долговъ манзѣ и не видящаго конца-края своей долговой кабалѣ,—для него нѣтъ бо́льшаго счастья, какъ испытать, хотя бы на единый мигъ, чувство безграничнаго довольства, радостное чувство жизни, побуждающее забыть удары и уколы физическихъ и соціальныхъ условій окружающей жизни. Такія счастливыя минуты, несомнѣнно, и переживаетъ онъ во время опьяненія. Вотъ почему онъ съ такою страстностью предается опьяненію, доходя до того, что пропиваетъ шкуру медвѣдя за бутылку плохой пьянковской водки [1]), выдру—за бутылку отвратительной японской саки (водки). Какъ и другіе дикари, орочъ-удиһэ безпеченъ и никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

Послѣ сказаннаго обращаюсь къ перечню всѣхъ способовъ опьяненія, практикуемыхъ удиһэ съ цѣлью забвенія суровой дѣйствительности. Самымъ легкимъ изъ возбуждающихъ напитковъ является чай, который удиһэ не особенно любятъ. Чай употребляютъ кирпичный и пьютъ его безъ сахару; чаемъ запивается ѣда, а лѣтомъ его пьютъ вмѣсто воды.

Главное мѣсто среди возбуждающихъ напитковъ принадлежитъ алкоголю. Вина удиһэ не знаютъ, хотя на ихъ территоріи растетъ много дикаго винограда. Хотя удиһэ пьютъ водку китайскую (ханшинъ), японскую (саки), но преимущество отдается русской.

Китайская водка (шаоцзю, ханшинъ и сули) есть спиртный напи-

[1]) Братья Пьянковы самые крупные винные заводчики въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

токъ, выдѣлываемый китайцами и корейцами во многихъ мѣстахъ Зауссурійскаго края изъ каоляна (гаоляна) или изъ буды—сяомидзы (чумидзы). Выдѣлывается ханшинъ на заводахъ, главнымъ образомъ, въ зимнее время (съ ноября по январь включительно). Ханшинный заводъ представляетъ обыкновенную китайскую фанзу, въ которой устраивается квасильная яма и перегонный аппаратъ съ заторнымъ чаномъ. Чтобы получить ханшинъ, гаолянъ или сяомидзу насыпаютъ въ заторный чанъ и распариваютъ паромъ. Затѣмъ. подмѣшавъ въ распаренную массу извѣстное количество ячменныхъ дрожжей, укладываютъ въ квасильную яму, которую засыпаютъ слоемъ земли, замазываютъ глиною и покрываютъ крышкою. Черезъ 15 дней, когда заторъ пріобрѣтаетъ спиртуозность, начинается перекурка его въ ханшинъ. Остатки отъ куренія ханшина, въ видѣ сухой черной массы, поступаютъ въ кормъ скоту. Приготовленный изъ сяомидзы ханшинъ противенъ на вкусъ, и его пьютъ обыкновенно подогрѣтымъ; ханшинъ же изъ гаоляна не противенъ и напоминаетъ собою хорошую картофельную или плохую пшеничную водку. Въ общемъ ханшинъ—плохо очищенная и плохо приготовленная водка. Обычная цѣна ханшину въ сѣверной части территоріи удиһэ 1 рубль за бутылку, въ южной—на половину дешевле. Крѣпость его равняется 50°—55° по Траллесу [1]).

Японская водка или саки, выгоняется изъ риса. Для полученія саки, приготовляютъ маточный разсолъ изъ равнаго количества воды и риса. Для болѣе быстраго броженія къ разсолу прибавляютъ извѣстное количество рисоваго фермента, принявшаго изъ воздуха достаточное количество бродильныхъ началъ. Всю эту смѣсь выдерживаютъ продолжительное время при ровной и не слишкомъ высокой температурѣ. Когда маточный разсолъ перебродилъ въ достаточной степени, къ нему прибавляютъ свѣжаго риса и воды въ равной пропорціи. Послѣ того какъ вся масса перебродила, жидкая часть ея, содержащая алкоголь, выжимается и фильтруется, затѣмъ отстаивается въ боченкахъ Полученныя послѣ осадка мути, прозрачная жидкость, содержащая около 10—12% алкоголя и называется „саки". Саки довольно непріятный на вкусъ напитокъ и скоро опьяняетъ. Удиһэ покупаютъ его неохотно и пьютъ только по нуждѣ: выпить хочется, а нѣтъ ни сули, ни русской водки. Бутылка саки продается на побережьи Великаго океана въ лѣтнее время за 1 рубль.

Какъ ни любятъ удиһэ водку, но мнѣ не приводилось наблюдать слишкомъ неумѣреннаго употребленія ея. Равно я не знаю случаевъ, чтобы удиһэ пропивалъ свою дочь или жену. Могу сказать, что, при самомъ сильномъ желаніи выпить, самое большое, на что способенъ онъ, это отдать за бутыл-

---

[1]) Подробно см. у Надарова, op. cit., 105—114 стр.

ку водки или сули все, что добылъ охотою. Знакомы орочамъ-удиһэ и нѣкоторые возбуждающіе наркотики. Изъ нихъ почти повсемѣстно употребляется табакъ, рѣже, особенно на югѣ, опіумъ. Трудно сказать, когда и отъ кого позаимствовали они обычай курить табакъ, но куренье послѣдняго сильно распространено между ними. Курятъ всѣ—мужчины, женщины и дѣти, хотя между женщинами, какъ рѣдкое исключеніе, можно встрѣтить не курящихъ или, лучше сказать, мало курящихъ. Начинаютъ курить съ 4—7 лѣтъ, а нѣкоторые съ 13—14. Курятъ исключительно маньчжурскій табакъ, но не отказываются отъ турецкаго и американскаго; зато не любятъ японскаго, напоминающаго по виду плохой турецкій, но безъ крѣпости и аромата. Курятъ такъ часто, что почти не выпускаютъ изо рта трубки. Для куренія употребляютъ китайскія или маньчжурскія трубки, съ маленькимъ металлическимъ резервуаромъ и прямымъ длиннымъ чубукомъ, который заканчивается металлическимъ или прозрачнымъ цвѣтнымъ каменнымъ мундштукомъ. Табакъ хранится въ кожанныхъ (нерпа, собака и др. звѣрей) кисетахъ, носимыхъ за поясомъ, причемъ застежкою служитъ лягушка, мышь или другое изображеніе изъ такого же камня, изъ какого дѣлаются и мундштуки. Трубка хранится или въ кисетѣ или въ особомъ чехлѣ, висящемъ за поясомъ, или же ее носятъ за пазухой. Въ трубку входитъ мало табаку: на три—пять втягиваній, причемъ онъ или набивается, или листья табачные сворачиваются въ сигару и вставляются въ резервуаръ. У очень немногихъ удиһэ доводилось мнѣ видѣть болѣе цѣнныя трубки. Эти трубки, цѣною въ 5—6 рублей, представляютъ коробочку изъ мѣди, съ нѣсколькими, чаще двумя, отдѣленіями, изъ которыхъ одно предназначено для храненія табаку, другое служитъ резервуаромъ, куда вкладываются металлическія трубочки. Резервуаръ наполняется водою, черезъ которую и проходитъ дымъ въ чубукъ, имѣющій изогнутую форму. На всемъ побережьи отъ р. Боучи до залива Пластунъ я встрѣтилъ такія трубки только у двухъ удиһэ,—фактъ, до нѣкоторой степени свидѣтельствующій о матеріальномъ благосостояніи этихъ инородцевъ. Названныя трубки, кромѣ своей дороговизны, требуютъ турецкаго или японскаго табаку и даютъ два—три втягиванья.

Подъ вліяніемъ китайцевъ и по ихъ внушенію, удиһэ начали курить опіумъ. Сколько мнѣ ни приходилось разспрашивать опіекуровъ—удиһэ, всегда получался одинъ отвѣтъ, что научили курить опій манзы. Поводовъ къ началу куренія опіума очень много, и они весьма разнообразны: у одного болѣла голова—и манза посовѣтовалъ курить опіумъ, который дѣйствительно уменьшалъ болѣзнь, и къ которому больной съ теченіемъ времени привыкъ; у другого ломило спину, и болѣло „брюхо"—манза опять указалъ на опіумъ, какъ на лѣкарство; третій видѣлъ, что манза—сожитель курилъ опій, захо-

тѣлъ попробовать, хорошо ли, да и втянулся въ куреніе. А разъ втянешься, отстать невозможно, потому что безъ опіекуренія чувствуется недомоганіе всего организма. Куреніе опіума распространено, кажется, между жителями побережья на югъ отъ р. Кушунгоу и усиливается по мѣрѣ большаго и большаго сближенія удиһэ съ манзами. Курятъ опіумъ только взрослые люди: самый молодой изъ видѣнныхъ мною опіекуровъ—удиһэ имѣлъ 25—26 лѣтъ. Подражая мужчинамъ, курятъ опіумъ и женщины, но ихъ очень мало.

Научивъ удиһэ курить опіумъ, китайцы научили ихъ и добывать его. Въ настоящее время во многихъ поселеніяхъ удиһэ по рр. Та Судухэ, Пфусунъ и др. до Кушунгоу можно встрѣтить посѣвы мака, исключительно съ цѣлью добыванія опіума. Посѣвъ мака производится, по большей части, раннею весною, чтобы до наступленія лѣтнихъ дождей (съ 15 іюля) собрать опіумъ. Орудія посѣва и способъ его—все заимствовано удиһэ у манзъ: сѣютъ макъ бороздками, потомъ не одинъ разъ пропахиваютъ углубленія между грядками. Когда опадутъ съ мака цвѣты, и головки увеличатся, но не созрѣютъ, тогда начинается сборъ опіума. Съ этою цѣлью ежедневно, отъ восхода до захода солнца, небольшими тоненькими ножичками дѣлаютъ на головкахъ мака горизонтальные порѣзы но такъ, чтобы не разрѣзать оболочку.

Изъ порѣзовъ выступаетъ капельками бѣлый сокъ, который собираютъ пальцами въ небольшія липовыя коробочки. Изъ послѣднихъ онъ поступаетъ въ большую берестовую чумашку и выставляется на 15—20 дней на солнце. Подъ лучами его сокъ густѣетъ и темнѣетъ, и, такимъ образомъ, получается опій-сырецъ. Въ такомъ видѣ онъ хранится въ бумагѣ, пропитанной свинымъ саломъ, и поступаетъ въ продажу. Для куренія опіумъ-сырецъ подвергается вываркѣ, потому что курятъ вытяжку изъ опія. Выварка опія, или полученіе изъ него вытяжки, происходитъ слѣдующимъ образомъ: опій-сырецъ варятъ въ водѣ въ особой мѣдной чашкѣ, потомъ процѣживаютъ его черезъ китайскую фильтрующую бумагу; полученную жидкость снова варятъ, снова процѣживаютъ,—и подобную операцію продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не получится черная блестящая и тягучая, какъ смола, масса. Это и есть опійная вытяжка.

Приборъ для куренія опіума весьма сложенъ: трубка, лампочка, щипчики, лопаточка, чашечки, подносикъ—все это доходитъ до 40 рублей цѣною. Купить такой приборъ полностью не возможно для бѣдняка—удиһэ, поэтому обходятся самымъ необходимымъ: трубкою, лампочкою, щипчиками или иглою.

При всемъ разнообразіи деталей, устройство трубокъ для куренія опіума въ сущности заключается въ слѣдующемъ: длинный бамбуковый чубукъ имѣетъ отверстіе, соединяющееся съ каналомъ; отверстіе это дѣлается на разстояніи трехъ четвертей всей длины чубука. Въ отверстіе вставляется трубка, имѣющая

По винѣ типографіи пагинація страницъ съ 3-го листа отмѣчена неправильно со стран. 333, тогда какъ она должна идти 355, 356 и т. д.

огнѣ лампочки. Курящій ложится, [illegible]

сжигаетъ на немъ опіумъ, втягивая густой и сильно пахнущій дымъ. Пріемъ куренія повторяется одинъ или нѣсколько разъ въ день, смотря по степени, до какой дошелъ въ этомъ порокѣ курильщикъ опія. Но среди удиһэ мнѣ не встрѣчался ни одинъ, который бы курилъ въ день болѣе 3-хъ разъ; куреніе опіума дорогое удовольствіе, и потому курить много не дозволяетъ орочамъ—удиһэ матеріальная необезпеченность.

Немногіе изъ курильщиковъ опія говорили мнѣ на вопросъ о свойствахъ его „худо есть“. Этими словами они обозначаютъ то пагубное дѣйствіе, какое производитъ опій на курящихъ. Дѣйствительно мнѣ случилось наблюдать два случая разрушительнаго дѣйствія опія на удиһэ. Особенно поразилъ меня Кохолунъ, о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Стоитъ мнѣ вспомнить его имя — и передъ моимъ взоромъ встаетъ изможденное, изжелта блѣдное лицо, съ широко раскрытыми глазами. Такой видъ онъ имѣлъ, когда послѣ пріема опіума неподвижно лежалъ на нарахъ полутемной фанзы. Онъ уже года четыре куритъ опіумъ, и на его слабомъ организмѣ ярче всего сказалось пагубное дѣйствіе этого наркотика: нервная система у него разстроена, аппетита нѣтъ, сильное исхуданіе тѣла, кожа приняла уже зловѣщій изжелта пепельный цвѣтъ. Онъ изъ тѣхъ несчастныхъ опіекуровъ, которые ликвидируютъ свое имущество и жизнь. Работать онъ уже давно не можетъ, потому что и двигается съ трудомъ. Безотрадная дѣйствительность побуждаетъ его все чаще и чаще заглушать физическія и нравственныя страданія куреніемъ опія, и трудно сказать, лежитъ ли онъ понынѣ на нарахъ, или давно покоится въ сырой землѣ. Таково видимое, физическое дѣйствіе опія. Что же касается внутренняго, нравственнаго, то на мои разспросы я не могъ получить отвѣта, потому что удиһэ не могутъ на своемъ бѣдномъ языкѣ выражать внутреннихъ движеній. По всей вѣроятности, опій притупляетъ сознаніе и причиняетъ полное забвеніе всего окружающаго. Не могу сказать

---

[1]) Проф. Таранецкій говоритъ о полужидкомъ состояніи опіума и о высушиваніи его на лампочкѣ. Я разспросами добился, что опійная вытяжка, которая подчасъ бываетъ твердая, какъ хорошо застывшая смола, не подсушивается на огнѣ, а перепаливается, потому что безъ перегорѣнія опій не дастъ дыма. Работу проф. Таранецкаго см. въ «Трудахъ Антропологич. Общ. при Имп. Военно-Медиц. Академіи», т. II., стр. 113.

насколько правъ Wernich (цитируемый профессоромъ Таранецкимъ), утверждающій, что всѣ курильщики опіума чувствуютъ полное довольство [1]).

Подводя итогъ всему сказанному доселѣ о пищѣ орочей-удиһэ, слѣдуетъ сказать, что никакого крупнаго переворота не произошло въ этой сферѣ жизни удиһэ: рыба и мясо, какъ были искони, такъ остаются и понынѣ главными пищевыми продуктами. Если въ настоящее время жителямъ южной части территоріи приходится переходить на растительную пищу, то нужно полагать, что этотъ переходъ, происходя исподволь, не будетъ слишкомъ вреднымъ для здоровья ихъ. Правда, ржаной хлѣбъ дѣйствуетъ на желудки ихъ, какъ слабительное, а гречневая каша, наоборотъ, сильно крѣпитъ. Но по физическимъ условіямъ края едва-ли когда-нибудь орочамъ-удиһэ приведется воздѣлывать рожь и гречу, слѣдовательно и питаться ими. Покупаемые же рисъ, буда и пшеничная мука потребляются съ удовольствіемъ и пользою.

Наиболѣе сытымъ временемъ для удиһэ является лѣто, осень и начало зимы, когда въ рѣки идетъ рыба, въ лѣсахъ много сохатыхъ и другого звѣря, когда много припасено пушнины, а услужливые купцы навозятъ всякой всячины. Наиболѣе голоднымъ временемъ слѣдуетъ признать вторую половину весны и начало лѣта, когда запасы истощаются. Впрочемъ, при отсутствіи печальныхъ случайностей, о которыхъ рѣчь была выше, орочу—удиһэ не приходилось бы никогда голодать.

Въ отношеніи ѣды и ежедневныхъ работъ, день удиһэ проходитъ слѣдующимъ образомъ: встаютъ они съ разсвѣтомъ. Женщины тотчасъ принимаются за приготовленіе пищи. Къ шести—семи часамъ, когда сойдутся послѣ работъ всѣ обитатели юрты, готова первая ѣда: ѣдятъ рыбу, мясо или чумидзу, смотря по мѣстности. Около полудня ѣдятъ второй разъ то-же самое, т. е. рыбу, мясо, буду и булочки изъ муки. Наконецъ, вечеромъ, при заходѣ солнца, ѣдятъ третій разъ, а затѣмъ ложатся спать. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ утромъ пьютъ чай съ юколою; въ другихъ—послѣ каждой ѣды пьютъ чай, равно въ теченіе дня пьютъ тогда, когда захочется пить, потому что иногда на очагѣ постоянно находится чайникъ. Бѣдныя семьи ѣдятъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Бѣдные и богатые удиһэ послѣ каждой ѣды обязательно курятъ табакъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ столъ бываетъ обильнѣе по количеству блюдъ. Вотъ, для примѣра, описаніе такого торжественнаго обѣда: „сперва была подана, — говоритъ участникъ [2]), сырая, мелкоискрошенная рыба съ лукомъ, но безъ соли; на второе—пельмени, но не съ мясомъ, а почти съ однимъ сахаромъ; потомъ

---

[1]) Подробное описаніе культуры опія и его потребленія см. въ моей монографіи: «Опіумъ. Его культура и потребленіе въ Зауссурійскомъ краѣ».

[2]) Г. Альфтанъ въ Трудахъ Пріам. Отд. за 1895 г.

лепешки изъ муки, жареныя на бобовомъ маслѣ; вареная рыба съ картофелемъ и фасолью; китайская лапша съ мясомъ; супъ изъ козули, при чемъ мясо было почти сырое и, наконецъ, жареный въ котлѣ мелко изрѣзанный пѣтухъ. Въ промежуткахъ между кушаньями угощали ханшиномъ (дзюбэ), который пили въ маленькихъ чашкахъ, въ 1/2 рюмки и подогрѣтымъ. Орочоны ѣли очень много, страшно пыхтѣли и потѣли. Послѣ обѣда угощали чаемъ, а затѣмъ началась уборка. Сначала вымыли посуду, а послѣ этого обѣ бывшія въ балаганѣ хозяйки занялись расчесываньемъ волосъ. Если при этомъ на гребнѣ попадались насѣкомыя, то ихъ брали въ ротъ, раскусывали зубами, а черезъ нѣкоторое время ихъ выплевывали по нѣсколько штукъ въ разъ".

Подробное разсмотрѣніе способовъ приготовленія пищи орочами-удиhэ показываетъ, что они далеко ушли отъ той первобытной дикости, когда человѣкъ пожиралъ безъ всякаго разбора и безъ всякаго приготовленія все, что является съѣдобнымъ. Такъ они умѣютъ варить и жарить мясо и рыбу, для чего имѣютъ въ домашнемъ обиходѣ посуду; у нихъ есть очагъ, вокругъ котораго группируется семья; они садятся за столъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми— все это яркіе признаки сравнительной цивилизаціи.

Не забудемъ при этомъ, что орочу-удиhэ трудно прогрессировать въ данномъ отношеніи потому, что обѣдъ его зависитъ отъ тысячи случайностей. Хотя выше и указано было, сколько разъ принимаются удиhэ за ѣду въ теченіе дня, однако въ ихъ жизни нѣтъ той механической регулярности, съ какою, напримѣръ, мы по нѣсколько разъ въ день садимся за столъ. Поэтому про всѣхъ почти удиhэ можно сказать, что они ѣдятъ тогда, когда могутъ, и ѣдятъ такъ, какъ могутъ, стремясь при случаѣ употребленіемъ большого количества пищи вознаградить себя за невольный, подчасъ продолжительный голодъ. Послѣднее, между прочимъ, объясняетъ, почему наблюдателя поражаетъ иногда обжорство орочей-удиhэ.

Послѣ сказаннаго понятно станетъ и то, что для нихъ сущность духовной жизни заключается въ отысканіи пищи и въ удовольствіи, получаемомъ при насыщеніи ею. Много покушавшій удиhэ ложится спиною на нары и преаппетитно нѣсколько разъ рыгаетъ на всю юрту, затѣмъ засыпаетъ сладкимъ сномъ для того, чтобы проснувшись снова приняться за ѣду. Голодъ является большимъ стимуломъ для удиhэ: по требованію голода, онъ проявляетъ необычайную энергію, садится въ оморочку и разъѣзжаетъ цѣлыми днями по рѣкамъ и протокамъ, пока не убьетъ звѣря.

Для болѣе правильнаго отношенія къ удиhэ въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, не слѣдуетъ забывать, что забота о насущномъ кускѣ хлѣба стоитъ на первомъ планѣ и для большинства цивилизованныхъ европейцевъ, что изъ „членовъ такъ называемыхъ командующихъ классовъ весьма многіе находятъ

свое первѣйшее удовольствіе въ услажденіи именно желудка, сопровождаемомъ употребленіемъ различнаго рода пріятныхъ вкусовыхъ веществъ". И если „взявъ въ общемъ все человѣчество, можно сказать, что высшія потребности чувства и разума являются лишь побочными явленіями", то зачѣмъ же быть строгими въ отношенія удиһэ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ употребленіи ими наркотиковъ. Психо-физіологія только въ будущемъ дастъ точныя свѣдѣнія о дѣйствіи табаку и опіума на центры сознанія въ человѣческомъ мозгу. Но пока что, можно утвердительно сказать, что, разрушая организмъ, наркотики не лишены благотворнаго дѣйствія; табакъ и опіумъ позволяютъ удиһэ „доставить себѣ, по выраженію Ш. Летурно [1]), минуту забвенія и призракъ счастья среди потопа бѣдствій, окружающихъ его". Грустно сознаться, но слѣдуетъ сказать, что для удиһэ, какъ и для многихъ другихъ дикарей, опьяненіе есть тяжкою цѣною покупаемая переходная ступень отъ грубаго физическаго довольства къ жизни духовной, о которой будетъ рѣчь впереди.

ГЛАВА IX.

Одежда.

Въ одеждѣ орочей-удиһэ въ настоящее время мало сохранилось первобытной старины; въ этомъ отношеніи они сильно подчинились вліянію китайцевъ и гольдовъ; европейское вліяніе тоже начинаетъ проникать пока скромно, въ видѣ подареннаго русскимъ путешественникомъ пиджака, фуражки, офицерскаго сюртука или высокихъ сапоговъ.

Разсмотримъ сперва головные уборы, потомъ собственно платье, обувь и различныя мелкія принадлежности мужского и дамскаго туалетовъ, равно необходимое бѣлье.

Какъ мужскіе, такъ и женскіе головные уборы бываютъ зимніе и лѣтніе. Зимній мужской головной уборъ состоитъ изъ конусообразной шапочки. Это такъ называемая охотничья шапочка. Она шьется такъ: нижній кругъ, околышъ ея, дѣлается изъ тонкой рыбьей кожи; затѣмъ поверхъ ея, съ наружной стороны, нашивается нѣсколько полосъ, напримѣръ, по самому краю— оторочка изъ бѣличьяго мѣха, затѣмъ идетъ полоса изъ цвѣтной матеріи или цвѣтного сукна, далѣе еще нѣсколько такихъ же различной ширины полосъ изъ сукна и дабы (всего 6—7 полосъ). Само собою разумѣется, что каждая слѣдующая полоска дѣлается меньше предыдущей. Верхъ ея дѣлается

[1]) Лет., 57 стр.

изъ мѣха козьихъ ногъ или сплошь съ шерстью, или послѣдняя оставляется только полосками. Въ центрѣ донышка снаружѣ пришивается бѣличій хвостъ, одинъ или съ цвѣтными шнурками и шелковыми цвѣтными кисточками. Внутри по бокамъ шапочки пришиваются кожаныя ленты, вверху раздвоенныя и внизу, подъ подбородкомъ, сшитыя. Этими лентами, играющими роль резинки у нашихъ дамскихъ и мужскихъ шляпъ, шапочка держится на головѣ. Цвѣта матерій на шапочкахъ—синій, желтый, зеленый, красный и голубой.

Лѣтомъ мужчины носятъ круглыя войлочныя шляпы или конусообразныя соломенныя, чаще берестовыя. По словамъ г. Бѣльковича, соломенныя и войлочныя шляпы не выдѣлываются самими удиһэ, а покупаются у русскихъ и китайскихъ купцовъ изъ гор. Хабаровска. Трудно сказать, насколько составляютъ берестовыя шляпы продуктъ самобытности. Зато слѣдуетъ прибавить, что мужчины не любятъ лѣтомъ носить головные уборы, а ходятъ съ непокрытыми головами.

Женскіе головные уборы не разнообразны: лѣтомъ женщины носятъ на головахъ куски синей китайской ткани или ситцевые платки, покупаемые у русскихъ купцовъ, въ дождь—мужскія берестовыя шляпы. Зимою покрываютъ голову теплыми платками или мѣховыми наушниками, прикрывающими большую часть головы.

Существуетъ одинъ головной уборъ, общій для мужчинъ и женщинъ, и надѣваемый лѣтомъ для защиты отъ комаровъ и мошекъ. Шьется онъ изъ синей и бѣлой дрели и формою совершенно напоминаетъ старинный дамскій капоръ, отверстіе котораго плотно облегаетъ лицо. Личное отверстіе имѣетъ обшивку, состоящую изъ нѣсколькихъ полосъ синей и черной дабы или коленкора и желтой, красной и черной тесьмы (обыкновенно бываетъ три полосы: широкая изъ матеріи и двѣ изъ тесьмы поуже). Такую же обшивку, но до $^1/_2$ четверти шириною, имѣютъ затылочная часть и низъ капора. Обшивка накладывается поверхъ дрели и состоитъ изъ различной ширины полосъ цвѣтной дабы, цвѣтного русскаго ситца и разноцвѣтной тесьмы. Образуемые полосами обшивки углы и самыя полосы вышиваются шелками или цвѣтными нитками въ узоръ, при чемъ преобладающими цвѣтами являются— синій, красный, желтый, бѣлый, черный, зеленый и розовый. Бываютъ капишоны глухіе, т. е. сшитые на затылкѣ, бываютъ и открытые, съ подшитыми по разрѣзу двумя клиньями. Послѣдніе сильнѣе защищаютъ плечи и шею, плотнѣе облегая голову. Видѣнные мною головные уборы были сшиты нитками и жилами животныхъ, при чемъ нитками шьются капишоны изъ дрели и дабы, а жилами животныхъ пришивается кожа.

Слѣдуетъ замѣтить, что удиһэ не знаютъ того, что мы называемъ бѣльемъ: у нихъ одна и та же одежда исполняетъ роль верхняго и нижняго

платья, а равно и бѣлья. Лишь у очень немногихъ можно встрѣтить короткія рубахи изъ кумача или китайской дабы, носимыя подъ верхнимъ платьемъ и представляющія подобіе бѣлья. Кромѣ того, одежда ихъ неразнообразна и одинакова для мужчинъ и женщинъ, различаясь только длиною и названіемъ. Матеріаломъ для одежды служитъ рыбья кожа, китайскія матеріи и шкура звѣрей. По мѣрѣ того, какъ орочи-удиһэ приходятъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ китайцами, китайскія матеріи вытѣсняютъ остальные матеріалы при постройкѣ платья, особенно рыбью кожу.

Главною частью костюма является рубаха, у мужчинъ до колѣней, у женщинъ гораздо длиннѣе. Она строится изъ рыбьей кожи или изъ китайской матеріи, а иногда оба эти матеріала соединяются, при чемъ китайская даба служитъ подкладкою, изъ нея же дѣлается внизу оборка. Покрой рубахи мужской и женской, независимо отъ матеріала, одинъ и тотъ же: это халатъ, съ широкими рукавами, съ вырѣзомъ въ воротѣ и косымъ разрѣзомъ во всю длину, состоящій изъ спинки и двухъ полъ. Если рубаха построена изъ рыбьей кожи, то воротникъ, плечи, края рукавовъ (обшлага), край верхней полы и низъ одежды раскрашиваются минеральными красками и представляютъ нѣчто въ родѣ каймы съ красивымъ узоромъ, въ которомъ перемежаются черный, красный, желтый, свѣтло-зеленый и свѣтло-голубой цвѣта. Очень красивая по узору кайма идетъ по бокамъ рубахи, отъ нижней каймы до пояса, равно и по серединѣ спины. Для подкладки или для всей рубахи, кромѣ рыбьей кожи, употребляется преимущественно синяя даба. Иногда вся рубаха изъ кожи раскрашивается разноцвѣтными полосами, идущими горизонтально, напримѣръ, полоса зеленая, черная, красная, кайма внизу изъ синей дабы. Вообще трудно перечислить всѣ варіаціи, которыя встрѣчаешь, какъ въ количествѣ узоровъ, такъ и въ ихъ расположеніи и чередованіи цвѣтовъ. Одно можно сказать, что женскія рубахи значительно превосходятъ мужскія рисункомъ, яркостью красокъ и обиліемъ ихъ. Если вся рубаха строится изъ китайской матеріи, то узоръ каймы дѣлается изъ разноцвѣтной тесьмы, полосокъ цвѣтныхъ матерій, и весьма часто вышивается разноцвѣтными нитками. Весьма не рѣдко весь низъ рубахи обшивается металлическими блестками и бляшками, а на р. Самаргѣ у вдовы старшины Индину я видѣлъ рубаху, унизанную въ два ряда русскими двугривенными. Пуговицъ обыкновенно бываетъ три; одна застегиваетъ воротъ у самаго горла, другая помѣщается на правомъ плечѣ и третья подъ мышкою той же правой руки, потому что у орочей-удиһэ лѣвая пола играетъ роль верхней. Пуговицы—металлическія, покупныя, или самодѣльныя, ременныя; петли изъ кожи—самодѣльныя.

Второе мѣсто въ костюмѣ занимаютъ штаны. Они отличаются весьма

простымъ покроемъ, если дѣлаются изъ рыбьей кожи: это двѣ штанины, привязываемыя веревочками или ремешками, продѣтыми въ петельки, къ поясу. Въ настоящее время эти штаны вытѣсняются шароварами китайскаго покроя и изъ китайской дабы. Сверхъ штановъ надѣваются наколѣнники, охватывающіе ногу отъ щиколотковъ и прикрѣпленные ремешками или веревочками къ поясу. Наколѣнники, какъ и штаны, дѣлаются или изъ синей китайской дабы или изъ рыбьей кожи, рѣже изъ кожи нерпы или другого звѣря. Зимою и при отправленіи на охоту надѣваются наколѣнники послѣдняго рода. Штаны у щиколотковъ иногда перевязываются широкою тесемкою. Зимою носятъ покупаемые у китайцевъ шубы и ватныя курмы или самодѣльныя изюбриныя мѣховыя куртки. Предназначаемые для женщинъ и сдѣланные изъ рыбьей кожи штаны и наколѣнники внизу украшаются узорчатою каймою, подобною той, какую мы видѣли на рубахахъ.

Наконецъ, третья основная часть костюма-обувь, одинаковая для мужчинъ и женщинъ. Матеріаломъ для нея служитъ рыбья кожа, кабанья, оленья и дрель. Улы и олочи (унты) представляютъ собою подобіе китайскихъ башмаковъ, но безъ подошвъ, съ невысокими голенищами. Впрочемъ, бываетъ эта обувь и съ высокими голенищами, щеголеватая; ее носятъ только женщины и молодые парни. Дѣлаемая изъ рыбьей кожи обувь преимущественно носится зимою, потому что тогда, при ходьбѣ на лыжахъ, она не такъ быстро изнашивается. Улы, похожія по фасону на глубокія дамскія туфли, не украшаются никакимъ узоромъ; олочи же и высокіе сапоги (амуй) украшаются узоромъ на подъемѣ и по краямъ голенищъ; у носка кожа собирается красивыми складками. Голенища спереди разрѣзаны и при надѣваніи обвязываются ремнями или кускомъ синей и бѣлой дабы. Необходимую принадлежность улъ и другой кожаной обуви составляютъ подстилки изъ тонкой и мягкой травы, называемой ула (Carex по Васильеву и Максимовичу). Въ южной части территоріи удиһэ, гдѣ послѣдніе обитаили, всюду встрѣчаемъ китайскую обувь. Кое-гдѣ на сѣверѣ въ зимнее время носятъ сапоги изъ мѣха кабарги.

Одежда шьется нитками и жилами животныхъ; узоры нашиваются, наклеиваются или вышиваются купленными цвѣтными нитками. Обувь чаще всего шьется толстыми нитками, приготовляемыми изъ дикорастущей конопли.

Кромѣ указанныхъ главныхъ частей костюма, имѣется еще много второстепенныхъ. Такъ мужчины и женщины обвязываютъ рукава рубахи у кисти особыми нарукавниками. Послѣдніе представляютъ собою повязки, шириною въ ладонь и длиною около двухъ четвертей, съ однимъ концомъ нѣсколько суженнымъ. Къ этому суженному концу пришиты толстыя тесемки—завязки.

Нарукавники, построенные изъ рыбьей кожи или изъ китайской матеріи, всегда украшаются узоромъ, особенно тщательно украшается съуженный край. остающійся на виду. Узоръ дѣлается разноцвѣтнымъ шелкомъ, а края нарукавниковъ обшиваются тесьмою, преимущественно яркокраснаго цвѣта.

Особенною роскошью и нарядностью отличаются женскіе нагрудники, наплечники или—лучше сказать—нашейники, потому что они надѣваются вокругъ шеи, сверху воротника, и фартуки.

Нагрудники весьма разнообразны по своему виду и постройкѣ, но можно различать два фасона: одни короткіе, представляющіе видъ прямоугольника, такіе нагрудники бываютъ и теплыми, на ватѣ; другіе продолговатые, отъ аршина до аршина съ четвертью длиною, а шириною въ четверть. Вотъ описаніе двухъ наиболѣе типичныхъ нагрудниковъ. Болѣе простой изъ нихъ состоитъ изъ куска синей дабы или дрели, на которомъ внизу и вверху нашиты треугольники изъ разноцвѣтныхъ матерій; по серединѣ вшитъ прямоугольникъ изъ матерій коричневаго цвѣта; по краямъ нагрудника идетъ разноцвѣтная обшивка, вышитая внизу разноцвѣтными нитками. Ширина нагрудника къ низу становится больше: вверху она равняется получетверти, а внизу болѣе четверти. Въ верхней части его—выемка для шеи, съ тесемками по краямъ выката для завязыванія сзади.

Болѣе роскошный нагрудникъ имѣетъ нѣсколько меньшую длину, но отличается множествомъ украшеній. Внизу онъ усѣянъ круглыми изъ красной мѣди бляхами, затѣмъ бляхами изъ бѣлой жести; въ слѣдующемъ ряду, выше, пришиты пуговки и нѣсколько мѣдныхъ блестокъ, посрединѣ—пять кисточекъ, состоящихъ изъ трехъ голубыхъ нитокъ и четырехъ мѣдныхъ цѣпочекъ. Въ самомъ верху—застежка: на ремешкѣ пришита бронзовая пуговка, продѣваемая въ кожаное ушко-петлю. Кромѣ того, на четверть отъ верхнихъ краевъ нагрудника пришиты съ двухъ сторонъ красные шнурки, для завязыванія нагрудника (подъ мышками) на спинѣ.

Фартуки имѣютъ такой же фасонъ, какъ и нагрудники, но отличаются большею длиною. Они также украшаются мѣдными пуговицами, бляшками, раковинками. Если фартукъ сдѣланъ изъ рыбьей кожи, то украшается рисункомъ изъ минеральныхъ красокъ, покупаемыхъ у китайкихъ купцовъ, прекрасно изучившихъ вкусы и потребности орочей-удиһэ.

Къ одеждѣ слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя туалетныя принадлежности. Такъ мужчины и женщины не стригутъ свои густые волосы, а отпускаютъ ихъ до длины естественнаго роста. Прическа волосъ заключается въ томъ, что мужчины и женщины дѣлаютъ по серединѣ проборъ и заплетаютъ двѣ косы, въ три пряди каждую. Затѣмъ длинныя косы перегибаются пополамъ

и перевязываются *). Для перевязыванія и существуетъ особая туалетная принадлежность, состоящая почти всегда изъ краснаго шнурка, унизаннаго цвѣтными раковинками, монистами и другими блестящими бездѣлушками. Такъ какъ шнурокъ идетъ отъ одной косы къ другой, не разрѣзываясь на затылкѣ, то у нѣкоторыхъ щеголихъ и щеголей затылочная часть косника обшивается матеріей, пальца въ 2—3 шириною, чтобъ на ней побольше помѣстилось раковинокъ и бляшекъ.

Вообще и мужчины и женщины, особенно послѣднія, отличаются большимъ пристрастіемъ къ разнымъ изящнымъ бездѣлушкамъ, которыя обязательно вѣшаютъ на себя. Такъ, на каждой нарядной женщинѣ можно увидѣть привѣшенный на шнуркѣ небольшой, часто причудливой формы, изъ цвѣтной матеріи, расшитой цвѣтными шелками, мѣшочекъ для храненія иголокъ; тутъ же виситъ небольшой кошелекъ, расшитый узорами, для нитокъ, наперстка и др. мелочей.

Изъ украшеній, свойственныхъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ, слѣдуетъ назвать—серьги, ожерелья, кольцы и браслеты.

Въ настоящее время рѣдко встрѣчаются мужчины—удиһэ, носящіе серьги; но среди женщинъ попадаются часто и такія, которыя украшаютъ серьгами не только уши, но и носъ. Ушныя серьги обыкновенно состоятъ изъ желѣзнаго, мѣднаго или серебрявнаго кольца, отъ 1 до $1^{1}/_{2}$ дюйма въ діаметрѣ, соединеннаго съ другимъ или нѣсколькими разноцвѣтными стеклянными кольцами. Такихъ серегъ многія женщины вдѣваютъ по четыре въ каждое ухо, при чемъ для каждой серьги дѣлается особое отверстіе. Тяжелыя серьги сильно оттягиваютъ уши, но щеголихи не смущаются этимъ.

Носовыя серьги меньше размѣромъ и состоятъ изъ одного серебрянаго или мѣднаго колечка, продѣтаго въ правую ноздрю, рѣже въ носовую перегородку. Носовыя серьги сильно безпокоятъ непривычный взоръ европейца, но женщинамъ-удиһэ онѣ очень нравятся, и ихъ начинаютъ носить чуть не со дня рожденія.

Кольца желѣзныя, мѣдныя и серебряныя носятъ мужчины и женщины на пальцахъ обѣихъ рукъ, при чемъ не исключается и большой. Перстни любятъ шировіе и безъ камней. Мужчины и женщины носятъ на рукахъ еще браслеты изъ мѣди, серебра, кости и стекла. Ожерелья дѣлаются изъ китайскихъ монетъ и русскихъ, раковинъ, бусъ и другихъ погремушекъ, нанизанныхъ всегда въ два, три и четыре ряда.

Какъ ни обильны украшенія орочей-удиһэ, ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо самобытнымъ въ строгомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе трудно

*) Многіе орочи-удиһэ мнѣ говорили, что ихъ за двѣ толстыя косы манзы называютъ чамуръ-тазами.

опредѣлить его стародавность. Перечисленныя украшенія являются издѣліемъ или китайцевъ, или европейцевъ, а нѣкоторыя напоминаютъ украшенія сосѣдственныхъ и родственныхъ инородцевъ-гольдовъ, гиляковъ и айновъ.

Для полноты описанія одежды удиһе, необходимо упомянуть еще о рукавицахъ, шарфахъ (боа) и постели.

Какъ лѣтнія такъ и зимнія рукавицы удиһэ имѣютъ одинъ фасонъ: это обыкновенныя русскія рукавицы съ однимъ пальцемъ. Лѣтнія строятся изъ тонкой рыбьей кожи или изъ выдѣланной кожи звѣрей, раскрашенной узорами изъ минеральныхъ красокъ. Параллельно съ основаніемъ большого пальца на ладонной части рукавицы дѣлается отверстіе, въ которое легко просовывается рука, и надо работать. Рукавица ремешкомъ привязывается къ одеждѣ, чтобъ не потерялась, когда вынимается рука. Зимнія рукавицы всегда дѣлаются изъ сыромятни съ оленьимъ и другимъ мѣхомъ внутри; снаружи иногда дѣлается опушка изъ бѣлки и клапанъ для закрытія отверстія изъ мѣха ногъ козули.

Шарфы изъ бѣличьихъ хвостовъ носятся зимою и въ настоящее время вытѣсняются изъ употребленія гарусными шарфами, покупаемыми у китайцевъ.

Постель орочей-удиһэ состоитъ изъ мѣховой подстилки (мѣхъ козули, медвѣдя, сохатаго), подушки и одѣяла. Подушки, впрочемъ, какъ и одѣяла встрѣчаются далеко не у всѣхъ удиһэ: подушка часто замѣняется собственною одеждою, свернутою въ нѣсколько разъ, или другимъ домашнимъ хламомъ, а одѣяло—шкурою звѣря. Подушки встрѣчаются двухъ видовъ: обыкновенныя, похожія на наши, съ ситцевыми или дрелевыми наволочками, набитыя пухомъ и перьями дикихъ птицъ,—и продолговатыя, круглыя, похожія на цилиндръ, набитыя опилками или ватою. Въ южной части территоріи удиһэ чаще попадаются подушки второго сорта, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія китайцевъ. Тамъ же часто встрѣчаются манзовскія одѣяла, такъ называемые „тигры“, т. е. простыя шерстяныя одѣяла съ изображеніемъ тигра и чернымъ подкладомъ; встрѣчаются одѣяла изъ шелковыхъ оческовъ, тоже китайскаго издѣлія, и ватныя. Мнѣ приходилось видѣть особаго рода одѣяло, представляющее мѣшокъ и надѣваемое на совершенно обнаженное тѣло. Вообще лѣтомъ всѣ удиһэ спятъ обнаженные или полуобнаженные, при чемъ женщины, особенно въ фанзахъ, помѣщаются подъ особымъ пологомъ, сшитымъ изъ китайской цвѣтной матеріи и имѣющимъ видъ небольшой прямоугольной палатки. Этотъ пологъ, очевидно, явленіе позднѣйшее и означаетъ извѣстную степень нравственной эволюціи, такъ какъ у орочей-удиһэ обыкновенно спятъ всѣ—мужчины, женщины и дѣти—на однѣхъ нарахъ подъ однимъ большимъ одѣяломъ.

Одежду и постельное бѣлье никогда не моютъ: разъ надѣтое платье носится до тѣхъ поръ, пока превратится въ лохмотья. Если присоединить сюда привычку зимою спать въ одеждѣ, то легко понять, почему въ ихъ жилищахъ, особенно въ нарахъ, встрѣчается безчисленное количество паразитовъ (вшей), доставляющихъ нѣкоторымъ удовольствіе послѣ обѣденной охоты.

Шитьемъ одежды занимаются исключительно женщины. Кроятъ онѣ платье безъ вырѣзокъ и формъ, причемъ орудуютъ кривыми, большими и малыми, ножами и китайскими ножницами. Несмотря на сказанное, покрой и швейныя работы ихъ отличаются относительнымъ изяществомъ и всегда большою тщательностью. Шьютъ иглами, причемъ наиболѣе употребительными являются швы черезъ край и строчка. При шитьѣ употребляютъ, какъ уже упоминалось, китайскія нитки и нитки, приготовленныя изъ дикой крапивы, изъ жилъ лося и изъ рыбьей кожи. Нитки послѣдняго рода отличаются плоскою формою.

Наиболѣе характерными особенностями одежды орочей-удиһэ надо признать—обиліе украшеній и обшивокъ, низкіе стоячіе воротники и большіе выкоты.

Хотя нельзя сказать съ опредѣленностью, что призошло новаго чужого въ одежду удиһэ, однако, по аналогіи, можно утверждать, что именно во внѣшности и должно было произойти наиболѣе перемѣнъ, при столкновеніи ихъ съ различными сосѣдними народцами. Подтвержденіемъ такого мнѣнія служитъ сходство костюма удиһэ съ костюмомъ другихъ инородцевъ, живущихъ въ Приморской области. Далѣе, едва ли костюмъ женщины не сохранилъ болѣе первобытной старины, по крайней мѣрѣ, китайцы до послѣдняго времени не могли привнести никакихъ новшествъ въ эту отрасль быта удиһэ.

Одежда съ узорами изъ яркихъ цвѣтовъ, стремленіе украшать себя браслетами, кольцами и серьгами, причемъ въ послѣднемъ случаѣ эта страсть къ украшенію повела даже къ уродованію ушей и носа,—все это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что орочи-удиһэ вышли изъ періода первобытной дикости, встали на дорогу цивилизаціи и обнаруживаютъ большую наклонность къ послѣдней. Въ различныхъ узорахъ, которыми изукрашиваютъ они одежду, съ большой силой сказывается врожденное имъ эстетическое чувство, но это самое чувство еще съ большею силою проявилось въ другой сферѣ дѣятельности ихъ, въ сферѣ ремеслъ и искусствъ.

ГЛАВА X.

Ремесла и искусства.

„Прежде было совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Когда манзъ не знали, тогда все—одежда и домашняя утварь—дѣлалось изъ бересты и кожъ; ваты и дабы тогда не было, не было!“ Такъ жаловалась мнѣ старая женщина-удиһэ, доживающая въ одиночку среди манзъ, въ долинѣ р. Та-Судухэ, свои послѣдніе дни.

Въ этой жалобѣ заключается справедливое указаніе на то, что среди матеріаловъ, употреблявшихся и нынѣ еще употребляющихся ея соотечественниками для издѣлій, главное мѣсто занимали береста и кожа. Можно даже сказать, что въ настоящее время по количеству и разнообразію изготовляемыхъ предметовъ первое мѣсто изъ двухъ указанныхъ матеріаловъ, несомнѣнно, принадлежитъ кожѣ, потому что употребленіе бересты для издѣлій значительно сократилось. Береста, корье и вообще различные виды дерева въ обиходѣ удиһэ занимаютъ второе мѣсто,—затѣмъ слѣдуютъ—травяная пряжа, кость и металлы, наконецъ, рыбій клей. Постараемся возможно подробно описать обработку перечисленныхъ матеріаловъ.

Обработкѣ и выдѣлкѣ подвергается кожа не только различныхъ млекопитающихся животныхъ, но и рыбъ. Чаще всего обрабатывается и выдѣлывается кожа, лося, изюбря, нерпы, козули, рѣже—медвѣдя, лисицы и другихъ животныхъ; еще рѣже выдѣлывается кожа крупной птицы, напримѣръ, лебедя, цапли. Кожа звѣрей выдѣлывается съ шерстью и безъ нея. Въ процессѣ выдѣлки кожи звѣрей можно различать слѣдующіе моменты. Первый моментъ—сушка кожи—начинается послѣ того, какъ ее снимутъ съ добытаго звѣря: системою палочекъ ее распяливаютъ и подвергаютъ дѣйствію солнечныхъ лучей. Часто близъ юртъ, иногда въ лѣсу, на значительномъ разстояніи отъ жилища, можно встрѣтить такія распяленныя для сушки кожи, если дѣло весною или лѣтомъ,—то висятъ кожи сохатаго. Когда кожа достаточно высохла, ее освобождаютъ отъ распоровъ, растягиваютъ на землѣ и желѣзнымъ скребкомъ соскабливаютъ жиръ и остатки засохнувшаго мяса. Скребокъ представляетъ желѣзную пластинку, изогнутую въ видѣ очка „червей“, причемъ хвостикъ карточнаго очка вгоняется въ деревянную ручку, а противоположный конецъ заостренъ. При выдѣлкѣ кожи, остріе скребка направляютъ къ себѣ, а не отъ себя. Если кожу необходимо бываетъ освободить отъ шерсти, то послѣдняя удаляется тѣмъ же скребкомъ. Затѣмъ

кожу смазываютъ горячимъ нерпичьимъ жиромъ и мнутъ въ рукахъ; впрочемъ, иногда кожа мнется и безъ смазыванія ея нерпичьимъ жиромъ [1]).

Размягчивъ такимъ путемъ кожу, ее снова растягиваютъ на землѣ и окончательно удаляютъ жиръ и кусочки мяса или плевы. Затѣмъ наступаетъ моментъ окончательной выдѣлки. Для этого существуетъ особый приборъ. Идея его—хорошо промять кожу, чтобы она приняла желаемую мягкость и нѣжность; но устройство—двоякаго рода. Одинъ видъ мялки представляетъ деревянное бревно, стесанное снизу и сверху; въ верхней части его выдалбливается углубленіе, имѣющее форму узкой, сильно растянутой пирамиды. Къ вершинѣ пирамидообразнаго углубленія прикрѣпляется вращающійся на деревянномъ или металлическомъ стержнѣ рычагъ-мяло. Какъ послѣдній, такъ и края углубленія имѣютъ зубцы. Свернутая трубкою кожа кладется подъ мяло поперекъ углубленія и нажиманіемъ рычага мнется, вдавливаясь въ углубленіе, до желаемой мягкости. На языкѣ орочей-удиһэ этотъ приборъ называется ч о ч ȯ.

Другой видъ—небольшое бревно, обтесанное такъ, что по краямъ его имѣются выемки для вкладыванія (икрами) ногъ; посрединѣ бревна дѣлается клинообразный желобокъ, шириною дюймъ или полтора, а длиною не болѣе четверти (=поперечинѣ бревна). Острый конецъ клинообразнаго желобка приходится внизу. Вложивъ ноги въ выемки, находящіяся по концамъ бревна и придерживая ими его, скомканную кожу вкладываютъ въ желобокъ и бьютъ либо деревяннымъ, либо металлическимъ тупымъ топоромъ до тѣхъ поръ, пока не получится кожа извѣстной мягкости. Это сложная мялка, состоящая изъ двухъ частей, поэтому каждая часть носитъ особое названіе: топоръ называется —пабатэ, а бревно—һайкà. Если кожа выдѣлывается съ шерстью, то ее не подвергаютъ дѣйствію мялки, а выдѣлываютъ исключительно руками.

Для выдѣлки рыбьей кожи употребляются тѣ же орудія, т. е. ч о ч ȯ и һ а й к и съ п а б а т э. Выдѣлкѣ подвергается кожа только крупной рыбы—кэты, таймени и хое. Чешуя или удаляется до выдѣлки кожи, или нѣтъ. Процессъ выдѣлки заключается въ слѣдующемъ: сдѣлавъ вдоль живота рыбы надрѣзъ, отдѣляютъ кожу, обрѣзавъ ее около головы; затѣмъ распяливаютъ на палочкахъ или просто перебрасываютъ ее черезъ жердь и сушатъ на солнцѣ; въ засушенномъ видѣ кожа хранится въ юртѣ, вслѣдствіе чего иногда прокапчивается, а когда потребуется для подѣлки, подвергается дѣйствію мялки.

Издѣлія изъ рыбьей кожи и изъ кожи дикихъ звѣрей занимаютъ видное мѣсто въ бытѣ орочей-удиһэ и отличаются большимъ разнообразіемъ. Изъ рыбьей кожи дѣлается одежда, обувь, головные покровы, сумки, бре-

[1]) Такъ поступаютъ при выдѣлкѣ кожи небольшого звѣря, напримѣръ, выдры, лисицы. При этомъ часто вмѣсто скребка употребляютъ обыкновенный маленькій ножъ.

зенты, непромокаемыя куртки, мѣшки, паруса, нитки и, вслѣдствіе ея нѣжности, всевозможныя украшенія для украшенія одежды и другихъ предметовъ домашняго обихода.

Кожа дикихъ звѣрей, кромѣ одежды, обуви и головныхъ покрововъ, идетъ на мѣшки, сумки, уздечки для собакъ, хомуты для передовыхъ собакъ, пояса, ремни для удочекъ, покрышки для шалашей; лыжи, шаманскіе бубны, колчаны для стрѣлъ, ножны для ножей, пороховницы, походныя сумки (на югѣ называемыя питѡуза), тетивы для луковъ и другія многія подѣлки.

Орудія для производства означенныхъ предметовъ домашняго и промысловаго обихода весьма несложны: большой и малый ножъ для кройки и вырѣзыванія узоровъ, иглы для шитья, а нитки (рыбьи, изъ жилъ животныхъ или изъ растительной пряжи) и рыбій клей служатъ для скрѣпы частей.

Наряду съ кожей въ быту орочей-удиһэ огромную роль играетъ береста, корье и дерево. Между послѣдними первенствуетъ береста по количеству потребленія и по пріемамъ обработки.

Береста получается изъ березовой коры такимъ путемъ. Весною, когда древесный сокъ идетъ отъ корней къ вѣтвямъ, сдираютъ кору съ березы. Для этого выбираютъ прямоствольное дерево, съ котораго кора сдирается цѣльнымъ кускомъ, отъ основанія до начала вѣтвей. Для сдиранія коры существуетъ особый ножъ, состоящій изъ длинной (въ 1 саж.) рукоятки и клинка, длиною 1 или 1½ четверти, шириною одинъ-два вершка, заостреннаго съ обѣихъ сторонъ. Такимъ ножомъ сдирается кора съ очень большихъ березъ. По словамъ г. Надарова (Op. cit. 74 стр.), у него былъ берестовый брезентъ изъ цѣльнаго куска длиною въ 11 аршинъ, а шириною 1 арш. и 3 вер.

Снятая съ дерева кора размачивается затѣмъ въ водѣ, скорачивается въ трубку и кипятится въ котлѣ, потому что отъ кипаченія она дѣлается мягкою. Въ такомъ только видѣ береста употребляется на подѣлки.

Древесное корье и дерево идутъ на подѣлки безъ предварительнаго приготовленія.

Можно безошибочно сказать, что теперь даже на югѣ, гдѣ сильно пострадала національность орочей-удиһэ, въ любой фанзѣ можно встрѣтить бересту и издѣлія изъ нея. Тамъ же, гдѣ вліяніе манзъ сказывается въ слабой степени, или куда оно еще совершенно не проникло,—тамъ почти вся посуда и нѣкоторая юртовая мебель сдѣланы изъ бересты. Чашки, всевозможныхъ видовъ и размѣровъ чумашки, ковши, тарелочки, ведра, колчаны для стрѣлъ, коробки, колыбельки, корзинки, табачницы, солонки, шляпы, вѣера, портфели для табаку, музыкальные инструменты—все это и многое

другое дѣлается изъ бересты. Изъ нея же приготовляются брезенты, исполняющіе роль крыши въ шалашахъ и походныхъ юртахъ, ковровъ, дверей и пологовъ. Для приготовленія такихъ брезентовъ берутся куски прокипяченной или распаренной на огнѣ березовой коры, сшиваются толстыми нитками изъ жилъ лося и обшиваются, для предохраненія отъ разрывовъ, по краямъ узкими полосками бересты.

Наконецъ, изъ бересты изготовляются всевозможныя накладныя украшенія, идущія на отдѣлку чумашекъ, ковшей, солонокъ, колыбелей и другихъ берестовыхъ же подѣлокъ. На эти украшенія идетъ береста самая тонкая и нѣжная, для полученія которой снимается нѣсколько слоевъ съ обыкновенной коры.

Всѣ берестяныя издѣлія, начиная чехломъ для ножа и кончая большимъ коробомъ для платья, поражаютъ изслѣдователя обиліемъ, разнообразіемъ и своего рода изяществомъ. Удивленіе становится тѣмъ сильнѣе, что для производства ихъ употребляются тѣ же несложныя орудія, какія мы уже видѣли при выдѣлкѣ вещей изъ кожи. И здѣсь ножъ—главный инструментъ, игла и нитки—главная скрѣпа.

Кора другихъ деревъ (еловая, дубовая и т. п.) идетъ исключительно на кровли.

Изъ различныхъ древесныхъ породъ, растущихъ на территоріи удиһэ, наиболѣе часто обработкѣ подвергаются—тальникъ, бархатный дубъ, ильмъ, тополь, осина и липа. Изъ названныхъ деревъ тальникъ, по всей справедливости, занимаетъ первое мѣсто въ быту удиһэ, особенно тѣхъ, которые обитаютъ по правымъ притокамъ р. Уссури. „Тальникъ, по словамъ г. Надарова (Op. cit. 17 стр.), служитъ орочону для приготовленія шестовъ къ лодкамъ, распорокъ къ нимъ же; изъ тальниковой коры вьютъ веревки. Стружки тальника служатъ вмѣсто подушекъ младенцамъ и вмѣсто утиральниковъ взрослымъ. Въ то же время тальникъ даетъ главный матеріалъ для постройки лѣтнихъ и зимнихъ балагановъ, доставляя превосходныя жерди, добывать которыя легко почти на каждомъ шагу въ тальниковыхъ заросляхъ по берегамъ рѣчекъ".

Тальникъ и другія вышеназванныя деревья идутъ на постройку юртъ, амбаровъ, шалашей, могильныхъ и другихъ срубовъ, гробовъ, батовъ и оморочекъ [1]), саней (нартъ), равно на подѣлку луковъ, стрѣлъ, коробочекъ, чашекъ, ловушекъ, столиковъ, ложекъ, табачницъ, колыбелей, вилокъ, черенковъ для ножей, рукоятей для копій, острогъ, тарелокъ, корытецъ, не-

[1]) По сообщенію г. Альфтана, прежде оморочки дѣлались изъ бересты, но въ виду ихъ крайней непрочности онѣ въ настоящее время выходятъ изъ употребленія. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.

сложныхъ приборовъ для витья веревокъ изъ дикорастущей крапивы, пряжи, орудій для выдѣлки кожи, веселъ, лопатъ, крючковъ для котловъ, треногъ, дощечекъ для выкраиванія узоровъ изъ кожи и бересты. Всѣ эти издѣлія, подобно издѣліямъ изъ бересты, отличаются изяществомъ и часто роскошною рѣзьбою. Орудіями обработки дерева являются—топоръ, сверло, ножи большіе и малые, долотца для выбиванія деревянныхъ гвоздей и особаго устройства рубанка. Послѣдній состоитъ изъ обоюдоостраго клинка, вставленнаго въ деревянную ручку, съ отверстіемъ по серединѣ, чтобы стружки вылетали свободно. Этимъ рубанкомъ можно строгать и отъ себя и къ себѣ. Встрѣчаются и обыкновенныя долота и молотки. Пилъ русскихъ я не встрѣчалъ, но японскія имѣются.

Несмотря на то, что во многихъ мѣстахъ территоріи удиһэ начало развиваться земледѣліе и огородничество, обработка техническихъ растеній весьма незначительна: доселѣ единственнымъ техническимъ растеніемъ, подлежащимъ обработкѣ, является мѣстная крапива. Изъ нея посредствомъ простого прибора приготовляютъ нитки и веревки. Для этого высушенную крапиву предварительно мнутъ, освобождая отъ кострики, которую совершенно никогда не удаляютъ; затѣмъ берутъ волокна пряжи и крутятъ ихъ приборомъ, состоящимъ изъ ручки, на которой вращается веретено съ рожками. Иногда употребляются русскія веретена и прялки. Кромѣ крапивы мнѣ называли еще два дерева „я б й“ и с и һ а в а́, изъ волоконъ которыхъ также получаются нитки.

Нитки, кромѣ шитья, употребляются еще на приготовленіе неводовъ и сѣтей. Сѣти вяжутся при помощи совершенно русской иглицы (с а п у́), ручки для придерживанія сѣти (х а л а́) и дощечки, на которую навязываются петли. Тканья пряжи удиһэ не знаютъ, да едва-ли когда-нибудь и узнаютъ, потому что къ ихъ услугамъ въ изобиліи являются русскія и китайскія мануфактуры. Судя по разспросамъ и бытовымъ предметамъ, попадающимся и нынѣ, можно утверждать, что въ прежнія времена кость и издѣлія изъ нея играли большую роль въ жизни удиһэ. Встрѣчаемыя и теперь еще—палочки для ѣды изъ кости лося, вилки, ложки, игольники, острія для палокъ, съ которыми ходятъ на лыжахъ, крючки для ловли тайменя, кольца, надѣваемыя на большой палецъ при натягиваніи тетивы у лука, браслеты—всѣ эти и другія подѣлки ясно свидѣтельствуютъ, что прежде кость имѣла широкое примѣненіе въ быту удиһэ. Когда кость вышла изъ широкаго употребленія, трудно съ точностью опредѣлить, вслѣдствіе отсутствія точной хронологіи въ памяти удиһэ; но, вѣроятно, уже давно она начала замѣняться металлами, преимущественно желѣзомъ.

Изъ бесѣдъ съ орочами—удиһэ выяснилось, что они очень любятъ куз-

нечное дѣло. Не смѣя утверждать, что желѣзо появилось у нихъ только со времени прихода въ край русскихъ, т. е. въ 50-хъ годахъ, долженъ сказать, что восьмидесятилѣтняя старуха—удиһэ, живущая на р. Та-Судухэ, сообщила, что, сколько помнитъ она себя маленькою, отецъ ея всегда занимался кузнечествомъ. Слѣдовательно, задолго до прихода въ край русскихъ орочи-удиһэ были знакомы съ желѣзомъ. На давнее знакомство удиһэ съ желѣзомъ указываетъ и то обстоятельство, что вспоминаютъ костяные наконечники для стрѣлъ. Они въ этомъ случаѣ говорятъ: „когда-то костяныя были стрѣлы“. Среди коллекцій владивостокскаго музея, добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ, нѣтъ костяныхъ наконечниковъ, ни стрѣлъ, ни копій. Наоборотъ, тѣ-же раскопки доставили много желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій. Такимъ образомъ едва-ли будетъ ошибкою утвержденіе, что съ желѣзомъ орочи-удиһэ познакомились очень давно, задолго и очень задолго до появленія въ краѣ русскихъ. Да и удивительнаго нѣтъ ничего въ этомъ, потому что они слишкомъ давно пришли въ соприкосновеніе съ китайцами, научившими ихъ кузнечному ремеслу. Послѣднее до того знакомо удиһэ, что успѣло нѣсколько специализироваться. Правда, каждый почти удиһэ кузнецъ, у каждаго удиһэ, во всякомъ случаѣ, въ каждомъ небольшомъ поселкѣ, найдете вы мѣхъ, наковальню и другія принадлежности кузнечнаго ремесла; но встрѣчаются среди нихъ и такіе, которые кузнечество дѣлаютъ главнымъ занятіемъ жизни. Та-Судухинская старуха говорила, что такимъ кузнецомъ—ремесленникомъ былъ ея отецъ. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ удиһе—ремесленниковъ; у такихъ кузнецовъ-спеціалистовъ встрѣчается особая юрточка—кузница. Ювелирное дѣло также имѣетъ своихъ спеціалистовъ среди орочей-удиһэ. Мой проводникъ-удиһэ съ р. Кумгу́, впадающей въ Татарскій проливъ, съ гордостью показывалъ мнѣ широкое серебряное кольцо на большомъ пальцѣ, которое ему сдѣлалъ изъ русскаго серебрянаго рубля мастеръ-землякъ. Кольцо имѣло красивый узоръ изъ различныхъ черточекъ и насѣчекъ.

Орудіями кузнечнаго дѣла являются: клещи, наковальня, молотокъ или топоръ и мѣхъ. Угли употребляются древесные, взятые отъ костра или очага спеціально для кузницы стушенные. Печь или горнило имѣетъ самое первобытное и незатѣйливое устройство: мѣхъ придавливается камнемъ, въ которомъ сдѣлано углубленіе, облегающее шейку мѣха. Со стороны камня, противоположной мѣху, кладутся пылающіе древесные угли. Тутъ же прямо въ землю или въ обрубокъ дерева вбивается наковальня, купленная у китайцевъ или русскихъ, равно какъ молотъ, топоръ и клещи. Кузнецы изъ желѣза изготовляютъ: наконечники копій, стрѣлъ, острогъ, скребки, сверла, ножи всевозможныхъ формъ и размѣровъ, удочки, топоры, шила, погремушки къ поясу шамана, кольца для ушныхъ и носовыхъ серегъ; иногда кузнецы и слесар-

ничають, починивая ружейные замки. Изъ всѣхъ перечисленныхъ издѣлій наибольшею отдѣлкою отличаются большія копья, употребляемыя для охоты на медвѣдя и тигра. Наконечники такихъ копій имѣютъ орнаментику изъ линій и точекъ, расположенныхъ симметрично.

Слѣдуетъ упомянуть еще о свинцѣ, который оходно покупается орочами-удиhэ у купцовъ. Изъ него дѣлаются исключительно пули для ружей, старой системы, рѣже-талисманы и амулеты для удачной охоты. Другіе металлы орочами-удиhэ не обработываются, хотя извѣстны.

Обработка камня въ настоящее время неизвѣстна у орочей-удиhэ, да никто изъ моихъ предшественниковъ не приводитъ даже никакихъ преданій о каменныхъ топорахъ, долотахъ и другихъ предметахъ изъ камня. Нѣтъ сомнѣнія, что въ глубокую старину удиhэ пережили каменный періодъ, но это было такъ давно, что короткая историческая память ихъ не удержала никакихъ преданій объ этомъ періодѣ. Встрѣчаемые нынѣ кремни и грузила пріобрѣтаются у манзъ. Трутъ и фитили къ стариннымъ фитильнымъ ружьямъ они приготовляли сами изъ липоваго лыка; но теперь спички китайской, японской и русской фабрикацій вытѣсняютъ кремень и трутъ. Не зная сѣры, они знакомы съ древесной смолою и употребляютъ ее для осмолки батовъ и оморочекъ, если появляются въ нихъ трещины. Изъ корня сосны они вырѣзаютъ самое смолистое мѣсто, и такую палочку носятъ съ собою, во время скитаній по лѣснымъ дебрямъ, потому что небольшой кусочекъ такой палочки загорается яркимъ огнемъ во всякую погоду и даетъ возможность разложить быстро костеръ въ сырую и дождливую погоду.

Выше разсмотрѣны всѣ ремесла и производства орочей-удиhэ. Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ объ организаціи ихъ. Впрочемъ, строго говоря, никакой организаціи ремеслъ еще не знаютъ удиhэ: только кузнечество и ювелирное дѣло нѣсколько специализировались, да и то въ настоящее время они предпочитаютъ браслеты городскихъ мастеровъ (китайцевъ, японцевъ) браслетамъ, изготовляемымъ доморощенными мастерами. Не сомнѣваюсь, что при большемъ сближеніи съ европейцами и при болѣе частомъ посѣщеніи Владивостока, Хабаровска и др. городовъ Пріамурья удиhэ предпочтутъ чужія желѣзныя издѣлія своимъ, въ общемъ слишкомъ грубымъ и топорнымъ. Если что могло бы принять видъ организаціи, такъ это берестяное ремесло, и я вполнѣ согласенъ съ г. Альфтаномъ, сказавшимъ: „Первый энергичный предприниматель, который бы нашелъ вѣрный и постоянный рынокъ для сбыта этихъ дешевыхъ и изящныхъ произведеній своеобразной орочонской культуры, кромѣ подъема этой промышленности между орочонами, поднялъ бы ихъ благосостояніе. (Труды Пріамур. отд. за 1895 г.).

Если можно говорить о раздѣленіи общественнаго труда у орочей-

удиhэ, то онъ распался на мужской и женскій. Всѣ работы по обработкѣ кожъ и пряжи, по шитью всѣхъ видовъ одежды и обуви, по производству всевозможныхъ берестяныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ мелкихъ деревянныхъ предметовъ, не относящихся къ промысламъ,—всѣ работы подобнаго рода лежатъ на обязанности женщинъ. На долю мужчинъ приходятся кузнечное и ювелирное ремесла, а равно издѣлія изъ кожи, дерева и кости промысловаго характера. Мужчины и женщины удивительно быстро и аккуратно исполняютъ всевозможныя работы изъ бересты, дерева, кости и желѣза; но заниматься продолжательное время однимъ дѣломъ они, повидимому, не могутъ и дѣлаютъ все по мѣрѣ крайней необходимости.

По свидѣтельству многихъ изслѣдователей быта орочей-удиhэ, послѣдніе, несомнѣнно, обладаютъ сильно развитымъ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ инстинктомъ. Каждая вещь, каждый предметъ ихъ обихода отдѣланные съ замѣчательною тщательностью и талантливостью, подтверждаютъ мнѣніе изслѣдователей о вкусѣ производителей. Но при сильномъ врожденномъ художественномъ чутьѣ, искусство, какъ и другія стороны индустріи удиhэ, развито слишкомъ мало; оно остается примитивнымъ и едва ли дѣлаетъ поступательные шаги.

Наибольшаго развитія достигла та вѣтвь искусства, которую можно назвать „Орнаментировкою“. Эта отрасль искусства поражаетъ взоры европейца своеобразнымъ и красивымъ сочетаніемъ линій и красокъ и представляетъ нѣчто дѣйствительно изящное.

Орнаментика состоитъ изъ узоровъ, которые бываютъ двухъ видовъ: во-первыхъ, рисованные на предметахъ красками отъ руки; во-вторыхъ, вырѣзные изъ бересты, рыбьей кожи и тоже раскрашенные. Узоры перваго вида встрѣчаются, напримѣръ, на рубахахъ изъ рыбьей кожи, на портфеляхъ и сумкахъ; узоры вырѣзные изъ рыбьей кожи наклеиваются на одеждѣ и головныхъ покровахъ, а изъ бересты—на посудѣ, утвари, чумашкахъ и др. берестяныхъ издѣліяхъ; вышивки разноцвѣтными шелками должны быть отнесены къ узорамъ этого вида, и онѣ встрѣчаются исключительно на матеріяхъ.

Вырѣзные изъ бересты узоры весьма часто имѣютъ еще сплошное или прерывчатое тисненіе, составленное изъ точекъ и черточекъ.

Стиль узора состоитъ изъ симметрично расположенныхъ прямыхъ, кривыхъ и спиральныхъ линій, образующихъ своимъ пересѣченіемъ разнообразныя фигуры. Преобладающими изъ нихъ являются похожія на буквы X и E. Любимыми цвѣтами являются—синій, красный, желтый, зеленый и черный; есть предметы, гдѣ послѣдній цвѣтъ исключительно господствуетъ. Краски употребляются исключительно минеральныя, покупаемыя у купцовъ; растительными красками пользуются лишь для окраски сѣтей. Въ послѣднемъ

случаѣ употребляютъ кору дуба, которую сушатъ, рубятъ на куски, варятъ и въ наваръ опускаютъ на 20 минутъ сѣть или неводъ. Пользуются, кромѣ дубовой коры, и кровью животныхъ, какъ красящимъ веществомъ.

Менѣе изящною представляется инкрустація на деревѣ, кости и металлахъ. Чаще всего можно встрѣтить инкрустацію на деревянныхъ подѣлкахъ: на ручкахъ ложекъ, тарелкахъ, дощечкахъ для вырѣзыванія узоровъ изъ кожи, деревянныхъ футлярахъ для трубокъ, табачницахъ и коробочкахъ. Инкрустація на подѣлкахъ изъ кости встрѣчается рѣже: на бляшкахъ, игольникахъ и ручкахъ вилокъ; а на металлическихъ издѣліяхъ она не только попадается рѣдко, но и не отличается изяществомъ. Стиль инкрустаціи на деревѣ разнообразнѣе таковаго же на кости и металлѣ, но въ общемъ онъ однообразенъ: это кривыя линіи съ завитками, причемъ преобладаютъ фигуры, похожія на французское *s*, и на русское эсъ, положенное горизонтально вверхъ или внизъ концами, т. е. ⁀ или ‿. На видѣнныхъ мною остріяхъ копій инкрустація состоитъ изъ параллельныхъ круговъ и пересѣкающихся прямыхъ линій. Къ зачаткамъ скульптуры я отношу вырѣзываніе изъ дерева фигуръ и изображеній [1]). Сюда относятся шаманскіе амулеты, талисманы, фигурки на ручкахъ ложекъ, вилокъ, на крюкахъ для подвѣшиванья котла надъ очагомъ. Шаманскіе амулеты и талисманы представляютъ изображенія людей, различныхъ звѣрей (медвѣдя, соболя) и птицъ (утки, гуся). Изображенія звѣрей и птицъ весьма несовершенны, такъ что трудно бываетъ опредѣлить—медвѣдь или соболь, гусь или утка находятся передъ вами. Иногда человѣческія фигуры, равно части человѣческаго тѣла (напримѣръ, сердце) вырѣзываются изъ свинца, но такихъ фигуръ попадается очень мало.

Гольды и гиляки имѣютъ узоры и изображенія, сходные съ таковыми у орочей-удиһэ, поэтому невозможно сказать, насколько послѣдніе самостоятельны въ этой сферѣ дѣятельности. Можно только одно утверждать, что въ области искусства эти инородцы наименѣе подчинились вліянію китайцевъ.

Остается сказать еще объ одномъ видѣ искусства—музыкѣ и пѣніи. Проводя недѣли среди удиһэ, я ни разу не слышалъ пѣсни, потому что рѣдко слышимое неопредѣленное мурлыканье нельзя назвать пѣснью. Правда, выпивъ лишнюю рюмку водки, удиһэ веселѣетъ, но и въ пьяномъ весельи нельзя уловить опредѣленные мотивы. Мнѣ казалось страннымъ, что женщины—удиһэ, сидя за шитьемъ или выдѣлкою кожи, не поютъ пѣсенъ. О мужчинахъ не говорю: имъ некогда пѣть, потому что мѣшаетъ вѣчно торчащая во рту трубка. Кажется, у нихъ поютъ только дѣти. Но что поютъ

[1]) Быть можетъ, вырѣзывались фигуры и изъ кости, но я не встрѣчалъ подобныхъ предметовъ, ни одинъ мой предшественникъ не называетъ ихъ.

они? „Данилка (пятилѣтній мальчикъ),—говоритъ г. Бѣльковичъ,—постоянно веселъ и оживленъ, онъ не обращаетъ почти никакого вниманія на комаровъ и мошекъ и постоянно мурлыкаетъ себѣ подъ носъ какія-то пѣсенки. Поетъ онъ одну и русскую пѣсню, которой его кто-то научилъ, а именно: „Жилъ я у пана по самое лѣто“. Малопѣсенностью удиhэ объясняется и то, что доселѣ никто не представилъ въ записи ихъ пѣсенъ. Виною этого обстоятельства является не отсутствіе интереса у изслѣдователей къ ихъ пѣсенному творчеству, а неимѣніемъ у нихъ пѣсенъ [1]).

Будучи народомъ непѣсеннымъ, удиhэ и мало музыкальны. Всего на всего извѣстны четыре музыкальныхъ инструмента, которыхъ краткое описаніе здѣсь и сообщаю. Первый состоитъ изъ жестяной коробки, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ продаются консервированные фрукты; эта коробка ставится на землю дномъ, а на открытый конецъ ея кладется длинная (около аршина) палочка изъ бузины или тростника, съ отверстіемъ внутри. Палочку стараются держать при игрѣ на половинѣ отверстія въ крышкѣ коробки. Втягивая въ себя воздухъ черезъ отверстіе палочки и модулируя языкомъ получаемые звуки, играющій производитъ однообразную, то веселую, то грустную, но оригинальную музыку.

Второй музыкальный инструментъ называется кумкайэ и состоитъ изъ двухъ частей. Одна представляетъ тоненькую деревянную пластинку, формою своею похожую на бутылку въ разрѣзѣ. Ширина пластинки не болѣе полвершка. На этой пластинкѣ ножемъ вырѣзывается такая же фигура, какую изображаетъ она, но горлышко (шейка) дѣлается особенно тонкимъ. На концѣ основанія вырѣзки (широкій конецъ) дѣлается дырочка, куда продѣвается нитка, закрѣпляемая узломъ. Свободный конецъ нитки привязывается ко второй составной части музыкальнаго инструмента, круглой деревянной палочкѣ, съ отстроганнымъ плоско однимъ концомъ. Для игры на такомъ инструментѣ пластинка и палочка соединяются подъ прямымъ или тупымъ угломъ (смотря по длинѣ нитки) такъ, что заостренный конецъ послѣдней соединяется съ шейкою бутылочки, изображаемой пластинкою. Натянутая нитка издаетъ слабый звукъ отъ удара по ней пальцемъ. Сами удиhэ называютъ эту музыку дѣтской игрушкой,—и она на самомъ дѣлѣ такова. Вмѣсто деревянной иногда дѣлается металлическая (желѣзная) пластинка.

Третій музыкальный инструментъ, издающій звукъ, подобный звуку предыдущаго инструмента, но болѣе явственный, состоитъ изъ желѣзной дужки, концы которой сильно сближены. По срединѣ дужки припаена (приварена)

[1]) Мнѣ указали на одного удиhэ, какъ на знатока сказокъ, но онъ отозвался на мою просьбу незнаніемъ: «то люди такъ сказали», отвѣтилъ онъ мнѣ, когда я указалъ ему лица, отъ которыхъ узналъ, что онъ можетъ сообщить мнѣ много сказокъ.

пластинка, спускающаяся между краевъ дужки, выступающая изъ-за нихъ и заканчивающаяся загибомъ (крючечкомъ). Играющій, держа одною рукою за дужку, пальцемъ другой поднимаетъ и опускаетъ за крючечекъ пластинку, которая отъ сотрясенія издаетъ звукъ. И эта музыка кажется дѣтскою.

Весьма примитивна и скрипка орочей-удиһэ. Грифъ ея представляетъ круглую деревянную палочку съ вырѣзною головкою; въ головкѣ находится колышекъ для натагиванія единственной струны (жилы лося). Грифъ вставленъ въ берестовую коробочку цилиндрической формы. Одинъ бокъ коробочки, именно тотъ, который обращенъ къ струнѣ, затянутъ рыбьей кожей. Ударяя пальцемъ по струнѣ, получаютъ однообразный—то низкій, то высокій—(смотря по силѣ строя) звукъ.

Описаніе имѣющихся у удиһэ музыкальныхъ инструментовъ ясно говоритъ о ничтожномъ музыкальномъ развитіи ихъ, которые подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ довольствуются монотонною музыкою и при томъ такою, которая производитъ не мелодію, а скорѣе шумы. Вполнѣ вѣроятно, что первымъ музыкальнымъ инструментомъ удиһэ былъ шаманскій бубенъ, подъ звуки котораго шаманы монотонно и однообразно завывали свои непонятныя пѣсни.

Вообще въ области искусства удиһэ болѣе первобытны, чѣмъ въ сферѣ другихъ сторонъ своей жизни и дѣятельности.

ГЛАВА XI.

Общественный строй.

Изученіе общественнаго строя у многихъ инородцевъ Приморской области могло бы дать весьма интересный и поучительный матеріалъ для сужденія о зачаткахъ соціальной жизни у людей вообще. Какъ извѣстно, современная соціологія занявшись изученіемъ зачаткомъ соціальной жизни, выдвинула двѣ теоріи: теорію патріархата и теорію матріархата. Въ силу первой теоріи происхожденіе общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: исходною точкою является моногамическій брачный союзъ, который путемъ однообразнаго послѣдовательнаго развитія превратился въ родъ, племя (или трибу), общину, націю и т. д. Эта теорія возникла въ половинѣ истекающаго столѣтія, и ея приверженцами является цѣлый рядъ историковъ—Ланге, Нибуръ, Момсенъ, Тирваль, Гротъ, Брэнъ, а въ послѣднее время

горячими защитниками ея оказались—Фюстель-де-Куланжъ [1]), Генри Сомнеръ Мэнъ [2]) и Вестермаркъ [3]).

По теоріи матріархата, исторія соціальной жизни человѣчества представляется въ такомъ видѣ: зародышемъ общества считаются болѣе или менѣе многолюдныя группы людей, у которыхъ существовалъ абсолютный коммунизмъ: отношенія половъ лишены тогда всякой правильности, а исключительнаго права на женщину въ формѣ брака не существуетъ. Отъ этихъ группъ посредствомъ внутренней дифференціація происходятъ другія аналогичныя группы меньшаго размѣра—племя, фратрія, родъ или кланъ, наконецъ семья. Эту теорію провозгласилъ въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія Бахофенъ [4]), затѣмъ ее подкрѣпилъ Макъ-Леннанъ [5]), а за нимъ признали ее: Джонъ Леббокъ [6]), Эдуардъ Тайлоръ [7]), Гербертъ Спенсеръ [8]), Льюисъ Морганъ [9]), Максимъ Ковалевскій [10]) и мн. др.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе полнаго незнакомства моихъ предшественниковъ по изученію быта орочей-удиһэ съ вышеуказанными теоріями, никто изъ нихъ не собралъ матеріала, могущаго подтвердить ту или другую изъ нихъ. Только одинъ г. Штернбергъ въ своемъ сообщеніи въ Обществѣ изученія Амурскаго края (1-го Ноября 1896 г.) сдѣлалъ попытку, слѣдуя Леббоку и Моргану, изслѣдовать номенклатуру родства у орочей Императорской гавани [11]). Но я рѣшительно боюсь, что уважаемый докладчикъ, увлекшись теоріями названныхъ ученыхъ, добылъ отъ услужливаго переводчика фантастическія свѣдѣнія на этотъ счетъ. Говорю такъ потому, что собственныя попытки получить подобнаго рода свѣдѣнія не принесли ровно ничего, да едва-ли, кромѣ какихъ-то неясныхъ намековъ, можно добиться отъ удиһэ въ настоящее время на этотъ счетъ. Быть можетъ, важнымъ препятствіемъ проникнуть въ эту область является незнаніе языка удиһэ, потому что переводчикъ не всегда можетъ объяснить спрашиваемымъ то, что требуется. Поэтому наблюденіямъ бытующаго общественнаго строя приходится подыскивать объясненія, чтобы онъ не казался не только непонятнымъ, но и совершенно хаотическимъ. Въ жизни орочей-удиһэ бытуетъ строгая система общественныхъ отношеній, регулирующая до мельчайшихъ подробностей поведеніе каждаго члена общества. Но проникнуть въ этотъ строгій порядокъ общественной

---

[1]) Древняя гражданская община.

[2]) Древнее право. Очерки первобытныхъ учрежденій и пр.

[3]) Происхожденіе человѣческаго брака.

[4]) Das Mutterecht. [5]) Первобытный бракъ. Патріархальная теорія. [6]) Доисторическій человѣкъ. Начало цивилизаціи. [7]) Первобытная культура. [8]) Основанія соціологіи, т. I. [9]) Системы родства и свойства въ человѣческой семьѣ. Древнее общество. Семья у аборигеновъ въ Америкѣ. [10]) Очеркъ присхожденія семьи и собственности. Право у осетинъ [11]) Отчетъ о его сообщеніи.

жизни ихъ тѣмъ труднѣе, что вторженіе чуждыхъ установленій и чуждыхъ общественныхъ отношеній во многомъ затемнили самобытное, а во многомъ и совершенно его уничтожили. Гольды, китайцы, въ послѣднее время русскіе внесли столько разнообразія въ общественный механизмъ удиһэ, что оригинальное остается пока въ видѣ отдѣльныхъ клочковъ и обычаевъ. Эти-то обрывки самобытныхъ общественныхъ учрежденій и позволяютъ изслѣдователю возстановить тотъ общественный строй, который нѣкогда имѣлъ широкое и полное господство въ жизни удиһэ.

Всякій изслѣдователь, посѣтившій селенія или станы ихъ, могъ легко замѣтить, что всѣ односельчане считаютъ долгомъ подѣлиться другъ съ другомъ продуктами ли охоты, рыбной ловли или чѣмъ другимъ. Угостите, напримѣръ, хозяина юрты водкою,—онъ непремѣнно раздѣлитъ ее съ присутствующими односельчанами, какъ дѣлитъ ее и съ членами семьи. Пойманная рыба, убитый на охотѣ сохатый дѣлаются достояніемъ стана; можно сказать, что всѣ предметы, при удобномъ случаѣ, могутъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ жителей даннаго стана.

Выше приведенное явленіе, равно такой торжественный праздникъ, какъ „праздникъ медвѣдя“, собирающій всѣхъ удиһэ данной мѣстности, т. е. своего рода односельчанъ, указываютъ на то, что въ основѣ общественнаго строя ихъ въ настоящее время родовое начало.

Трудно съ достовѣрностью сказать, что пережито орочами-удиһэ; до возникновенія рода,—моногамическій или групповой бракъ, потому что на это нѣтъ пока никакихъ указаній. Очень можетъ быть, что родъ удиһэ первоначально представлялъ родственно-религіозный союзъ, члены котораго не могли вступать между собою въ бракъ. Съ теченіемъ времени предѣлы рода могли измѣниться: къ кровному родству присоединилось свойство, затѣмъ привзошли въ него экономическія побужденія, наконецъ родъ обнялъ всю соціальную жизнь ихъ. При допущеніи такого постепеннаго расширенія основъ рода, легко объясняются многія явленія, бытующія и понынѣ въ ихъ общественной жизни. Такъ, во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива, я не разъ встрѣчалъ въ юртахъ и фанзахъ неспособныхъ къ работѣ стариковъ, которые кормились хозяевами „все равно какъ сродственники“, по ихъ выраженію. Эта „сродственность“ простирается иногда нынѣ до того, что на р. Та-Судухэ въ фанзахъ удиһэ я встрѣчалъ манзъ-стариковъ, кормимыхъ потому только, что послѣдніе долго съ ними жили вмѣстѣ, чрезъ что сдѣлались „все равно, какъ родственники“. Такимъ образомъ, чужой человѣкъ, поселившійся среди какого-

---

См. въ газетѣ «Владивостокъ» 1896 г., №№ 47, 48, 50 и 51.

либо рода удиһэ, могъ быть принятъ въ число членовъ послѣдняго, въ качествѣ сородича, при чемъ условіемъ такого пріема иногда служила женитьба на женщинѣ принимавшаго рода. Вотъ почему не рѣдкость встрѣтить теперь среди удиһэ гольдовъ, являющихся равноправными членами даннаго стана, своими людьми".

Упомянутый выше обычай удиһэ дѣлиться съ односельчанами продуктами рыболовства и охоты наводитъ на мысль, что основою рода могло быть совмѣстное потребленіе продуктовъ промысла. Подобнымъ же пережиткомъ отдаленной, быть можетъ, старины является обычай, въ силу котораго каждый пришлецъ можетъ пользоваться угломъ въ юртѣ и пищею наравнѣ съ членами семьи.

Во времена полнаго господства родового строя, личная жизнь каждаго удиһэ, равно какъ и жизнь всѣхъ строго регулировалась множествомъ обычаевъ, имѣющихъ силу законовъ. Къ такимъ обычаямъ, уцѣлѣвшимъ донынѣ, можно отнести слѣдующій: искатели жень-шеня, напримѣръ, имѣютъ обыкновеніе обставлять жердочками найденный молодой корень; такой корень не возьметъ никто другой, кромѣ нашедшаго. То же самое бываетъ съ оставленнымъ въ лѣсу имуществомъ, шкурами звѣрей: никто не возьметъ чужого изъ-за страха суроваго наказанія со стороны общества.

Привѣтствія, состоящія изъ колѣнопреклоненій и цѣлованія плечъ, раздѣлы земли на участки для охоты между извѣстными станами, отношеніе къ старшимъ, права наслѣдства—все это строго опредѣлялось и отчасти доселѣ опредѣляется обычаями, вытекающими изъ родового строя. Такъ, по смерти удиһэ, имущество его наслѣдуется ближайшими родственниками; но если-бы таковыхъ не оказалось, оно становится достояніемъ общества.

Главною заботою рода является охрана своихъ членовъ: по обычаямъ рода, ни одинъ членъ его не погибаетъ безнаказанно. Отсюда—родовая месть, пережитки которой встрѣчаются нерѣдко и нынѣ среди удиһэ. Нѣкоторыя подробности, указывающія на это явленіе, будутъ приведены въ главѣ о бракѣ.

Несмотря на многочисленность признаковъ родового строя, сохранившихся до настоящаго времени въ быту орочей-удиһэ, современному изслѣдователю общественной жизни ихъ приходится засвидѣтельствовать сильное ослабленіе родовой связи: послѣдняя такъ пала, что односельчане, напримѣръ, не могутъ сплотиться, чтобы дать отпоръ безчинствующимъ и насилующимъ ихъ манзамъ.

Различныя невзгоды жизни—эпидеміи, давленіе китайцевъ, ошибки русской администраціи, вслѣдствіе плохого знакомства съ племеннымъ составомъ инородческаго населенія Приморья, истребленіе звѣря—повели къ силь-

[1]) Такихъ я знаю на р. Самаргѣ.

ному измельчанію родовъ или фамилій. Въ настоящее время кое-гдѣ только можно встрѣтить значительныя фамиліи. Такъ, по свидѣтельству г. Бѣльковича, удиhэ, кочующіе по р. Хору и его притокамъ, составляютъ три большія фамиліи: Калироджига, Кимонку и Сыгдыри. (См. Труды Пр. от. и. р. г. об. за 1895 г.). Въ большинствѣ случаевъ роды раздробились на небольшія группы, живущія селами или станами въ нѣсколько юртъ или фанзъ. Удиhе не любятъ жить въ одиночку: мнѣ не разъ при опросахъ, что̀ побудило уйти изъ такой-то мѣстности, отвѣчали: „Людей мало стало, скучно жить,—ну, и пришли сюда!“ Но при выборѣ мѣстности для поселенія руководствуются, главнымъ образомъ, чисто хозяйственными соображеніями; обиліе рыбы, близость лѣса, возможность огородничества или земледѣлія —вотъ главныя требованія, коимъ должно удовлетворять избираемое для поселенія мѣсто. На избранномъ мѣстѣ располагаются юрты обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, причемъ лѣтнія жилища вытягиваются по линіи господствующихъ вѣтровъ, но часто расположеніе жилищъ обусловливается характеромъ мѣстности. На р. Ботчи, напримѣръ, раздѣляющейся при устьѣ на нѣсколько рукавовъ, юрты разбросаны по всѣмъ протокамъ.

Дробленіе родовыхъ группъ повело къ охлажденію родственныхъ чувствъ, сознаніе важности родственной связи поблекло,—и потому удиhэ такъ легко гибнутъ подъ гнетомъ чужеземныхъ пришельцевъ. Только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, они увидѣли во мнѣ сторонника ихъ, а не обидчика, я могъ видѣть проявленіе сознанія, что они составляютъ одинъ народъ-удиhэ, по-манзовски—тазы, что имъ надо стоять другъ за друга. Тѣмъ-же ослабленіемъ родовыхъ чувствъ я могу объяснить себѣ совершенное прекращеніе на югѣ и рѣдкое на сѣверѣ празднованіе несомнѣнно родового торжества, такъ называемаго „Медвѣжьяго праздника“. Тѣсно связанный съ религіознымъ культомъ медвѣдя, этотъ праздникъ и понынѣ вызываетъ у ороча-удиhэ пріятное воспоминаніе. Правда, онъ не любитъ разсказывать объ этомъ торжествѣ постороннему человѣку, но во многихъ селеніяхъ можно встрѣтить срубы, свидѣтелей кормленія звѣря для праздника.

Самый праздникъ теперь рѣдко совершается среди удиhэ; на югѣ, по побережью Татарскаго пролива, о немъ сохранилось лишь одно смутное воспоминаніе, столь смутное, что ни одинъ удиhэ не далъ мнѣ настоящаго понятія о немъ. Только преклонная старуха Орлгуэчо помнила его хорошо, потому что въ малыхъ лѣтахъ не однажды была свидѣтельницей и участницей. Между тѣмъ, по сообщеніямъ изслѣдователей жизни ближайшихъ родичей удиhэ, орогонъ Императорской гавани и р. Тумни, этотъ праздникъ остается и понынѣ въ полной силѣ, несмотря на проникающее христіанство.

Справляется онъ только зимою. Село, намѣревающееся праздновать „медвѣжій праздникъ", въ особомъ срубѣ содержитъ медвѣдя и хорошенько его откармливаетъ. На это чисто родовое торжество сзываются не только односельчане, но и жители ближайшихъ селеній (прежде, очевидно, принадлежавшіе къ одному роду или фамиліи). По пріѣздѣ званыхъ гостей, медвѣдя вынимаютъ изъ сруба, разукрашиваютъ шею и лапы различными цвѣтными лоскутами и водятъ по деревнѣ, при крикахъ многочисленной толпы изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Затѣмъ медвѣдя ведутъ на приготовленную заранѣе арену, представляющую прямоугольную площадку, длиною до 150 шаговъ, шириною до 30—50. На противоположномъ отъ зрителей и участниковъ торжества концѣ площадки устраиваются приспособленія для разстрѣла медвѣдя": козелъ для привязыванія медвѣдя, за нимъ щитъ изъ жердей или бревенъ, съ двумя вилообразными по бокамъ жердями. Тутъ же выкопана яма, могила для костей убиваемаго звѣря. Привязавъ медвѣдя къ стойкамъ козла, мужчины, вооруженные луками, начинаютъ стрѣлять въ него. Когда израненный виновникъ торжества падетъ, его волокутъ къ костру, и начинается пиръ, при чемъ женщинамъ, допускаемымъ къ участію въ праздникѣ, не дозволяется ѣсть ноги, лапы, голову и сердце. Черепъ праздничнаго медвѣдя вѣшаютъ на одну изъ вилообразныхъ жердей, а когда зарываютъ въ яму, забрасываютъ ее бревнами. Праздникъ сопровождается играми и состязаніемъ въ борьбѣ, прыганіи и стрѣльбѣ.

Въ виду того, что „медвѣжій праздникъ" устраивается сообща или если однимъ лицомъ, то при участіи многихъ, причемъ стараются дать мяса убитаго медвѣдя всѣмъ участникамъ, особенно приглашеннымъ, я считаю его не столько регигіознымъ, сколько родовымъ торжествомъ. Быть можетъ, этотъ праздникъ служилъ и понынѣ служитъ напоминаніемъ участникамъ о принадлежности ихъ къ одному роду.

Въ отношеніи вліянія, какое оказываютъ на общественный бытъ удиһэ сосѣднія народности, всю территорію ихъ можно раздѣлить на двѣ части: восточную и западную.

Въ первой надъ удиһэ простирается русская власть, потому что они считаются русскими подданными и входятъ въ составъ Удской и Южно-Уссурійской округъ Приморской области. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло обстоитъ на бумагѣ. Въ дѣйствительности же они рѣдко видятъ русскихъ начальниковъ, потому что отсутствіе дорогъ дѣлаетъ возможною ѣзду, напримѣръ, въ Удской округѣ только зимою на собакахъ. Конечно, если-бы въ распоряженіи начальника Удской округи имѣлся пароходъ или паровая шкуна, тогда онъ могъ бы объѣзжать станы инородцевъ и лѣтомъ. На такихъ средствъ передвиженія пока не имѣется, а лѣтомъ побережье Татарскаго про-

лива не допускаетъ иной ѣзды, потому что оно представляетъ сплошную тайгу, гдѣ не только нѣтъ дорогъ, но и тропъ. Въ южной части прибрежной полосы русская власть, въ лицѣ пристава и лѣсничаго, чаще появляется среди удиһэ. Кромѣ того, снаряжаемыя мѣстною высшею властью и учеными обществами экспедиціи даютъ удиһэ возможность почти ежегодно видѣть у себя русскихъ чиновниковъ, которыхъ называютъ или „бариномъ", или „капитаномъ". Всѣ указанныя обстоятельства въ совокупности пріучаютъ жителей восточной части къ русской власти и побуждаютъ ихъ прибѣгать къ ея содѣйствію въ трудныхъ случаяхъ. По моему, русской власти слѣдуетъ болѣе чутко относиться къ нуждамъ и просьбамъ удиһэ, принимать ихъ сторону въ жалобахъ на обиды со стороны манзъ и японцевъ,—тогда они окончательно, фактически, а не на бумагѣ будутъ русскими подданными и убѣдятся, что господа въ этомъ краѣ мы, русскіе, а не китайцы.

Въ настоящее время, свободные отъ податей, они пользуются отчасти самоуправленіемъ. Всѣ они подѣлились на различной величины общины (дробленіе прежнихъ родовъ), причемъ въ составъ общины входятъ группы, связанныя между собою или условіями мѣстности, или промыслами, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Во главѣ общины стоитъ выборный старшина, не получающій жалованья, но пользующійся почетомъ, авторитетомъ и уваженіемъ. Впрочемъ, причиною авторитета и почета является, главнымъ образомъ, сознаніе избирателей, что ими выбранъ въ старшины самый умный человѣкъ, хорошо знающій ихъ законъ. Я лично имѣлъ случай убѣдиться, какъ трудно непопулярному человѣку попасть въ старшины. Пріѣхавъ для переписи инородцевъ на р. Самаргу, я узналъ, что старшина Индину умеръ уже пять— шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Когда только я высадился на берегъ, меня встрѣтилъ приличный на видъ, похожій по внѣшности на богатаго китайскаго китайца человѣкъ, оказавшійся гольдомъ, уже 12 или 13 лѣтъ живущимъ среди удиһэ. Видя во мнѣ начальство, „капитана", этотъ гольдъ все жаловался мнѣ, что на р. Самаргѣ плохо жить безъ старшины. На мое замѣчаніе, почему же не выбираютъ старшину, онъ отвѣтилъ: „тебя ждали, ты самъ, капитанъ, старшину поставь". Изъ бесѣды съ хитрымъ гольдомъ я увидѣлъ, что ему самому очень хочется быть старшиной. Я завелъ съ жителями Самарги рѣчь о необходимости выбрать старшину. Молва о томъ, что, просили меня выбрать таковаго. Молва о томъ, что, пользуясь присутствіемъ русскаго капитана, можно выбрать старшину, моментально облетѣла окрестности и достигла даже до р. Иди, гдѣ существуетъ особый старшина.

На другой день въ юрту покойнаго старшины Индину, гдѣ я проживалъ, собрались жители селеній, расположенныхъ по р. Самаргѣ, равно Идинскій старшина и нѣсколько „умныхъ" людей изъ идинской же общины.

Идинскій старшина, повидимому, пользовался уваженіемъ, не только въ своей общинѣ, потому что Самаргинскіе удиһэ, какъ-бы въ оправданіе появленія его среди нихъ, говорили мнѣ: „онъ умный человѣкъ, хорошо знаетъ нашъ законъ". Собравшіеся на сходку, такъ сказать, самаргинцы стали просить меня, чтобы я выбралъ имъ старшину. Не желая нарушить предѣлы даннаго мнѣ начальствомъ полномочія и унизить въ глазахъ удиһэ значеніе русской власти своимъ отказомъ, я черезъ переводчика передалъ присутствующимъ слѣдующее: выбирать старшину я не могу, потому что старшиною должно быть лицо, которое защищало бы интересы общинниковъ, его выбравшихъ; такимъ лицомъ можетъ быть только хорошій удиһэ, понимающій интересы общества, честный человѣкъ, твердаго характера, бывалый, потому что старшинѣ придется имѣть дѣло съ начальникомъ округи и другими русскими властями, такъ чтобы онъ могъ знать, какъ заявлять начальству о нуждахъ народа. Я человѣкъ чужой, не знаю, кто на Самаргѣ можетъ удовлетворить указаннымъ мною качествамъ: они лучше меня знаютъ, кто какъ держитъ въ отношеніи односельчанъ. Я замѣчалъ, что по мѣрѣ пониманія говоримаго мною веселое лицо заискивавшаго передо мною гольда становилось печальнѣе и печальнѣе. Очевидно, расчеты его на мою власть или—вѣрнѣе—на то, что я, пользуясь властью русскаго капитана, позволю себѣ навязать удиһэ непріятнаго имъ человѣка, разлетались прахомъ. Не желая обидѣть его, я прибавилъ, обращаясь къ удиһэ р. Самарги: „Вы просите меня выбрать вамъ старшину; хорошо; я знаю здѣсь вотъ его (я указалъ на гольда), его и могу предложить въ (кандидаты) старшины". Со вниманіемъ до того слушавшіе мою рѣчь удиһэ и хранившіе глубокое молчаніе, вдругъ всѣ заговорили громко, что гольдъ не годится въ старшины, что имъ надо выбрать на эту должность своего человѣка, хорошо знающаго ихъ законы. Гольдъ скрылся, а собравшіеся, переговоривъ, остановились на двухъ лицахъ, изъ которыхъ одно выбрали старшиною, другое помощникомъ его.

По просьбѣ избирателей, я написалъ слѣдующее донесеніе начальнику Удской округи:

„Мы, орочоны селъ Кумдыта, Типкэ, Бигаулэни и др., находящихся на р. Самаргѣ, 27 іюня сего 1897 года, при общемъ собраніи, выбрали вмѣсто умершаго старшины Индину орочона Богà и въ помощники ему назначили орочона Анджири. Честь имѣетъ довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія и просить объ утвержденіи нашего выбора. Настоящую бумагу съ донесеніемъ Вашему Высокоблагородію согласились подписать всѣ орочоны названныхъ выше селъ, въ количествѣ 21 человѣка, а за нихъ неграмотныхъ, по ихъ личной просьбѣ, подписались случайные свидѣтели выбора старшины: посланный для переписи инородцевъ отъ р. Коппи до бухты Пла-

ступъ коллежскій совѣтникъ Сергѣй Браиловскій и счетчикъ при немъ лѣсникъ Өедоръ Колачинъ“.

Въ собраніи удиһэ для выбора самаргинскаго старшины присутствовала старшая вдова Индину и даже дѣлала замѣчанія присутствующимъ, когда тѣ совѣтовались, кого выбрать въ старшины. На р. же Кушунгоу выбирали старшину одни мужчины. Весьма возможно, что присутствіе женщины въ первомъ случаѣ—чистая случайность и объясняется тѣмъ, что сходка происходила въ юртѣ покойнаго Индину.

Какъ видно, старшины общинъ являются представителями своихъ избирателей и обязаны вести всѣ дѣла по исконнымъ законамъ удиһэ. Полномочія старшинъ не строго опредѣлены, но въ лицѣ ихъ совмѣщается власть законодательная, юридическая, распорядительная и исполнительная. Они распредѣляютъ землю на промысловые участки, рѣшаютъ возникающія по поводу промысловъ распри, разбираютъ споры изъ-за калыма, изъ-за женщинъ и др. менѣе значительныя дѣла. Старшины общинъ, связанныхъ единствомъ рода, особенно территоріально сосѣдящихъ, собираются иногда вмѣстѣ для обсужденія важныхъ вопросовъ, вообще не остаются равнодушны къ нуждамъ другъ друга. Такъ напримѣръ, старшина р. Иди, не будучи въ состояніи, за дальностью разстоянія, явиться на р. Кушунгоу для выбора старшины, указалъ мнѣ орочона-удиһэ, котораго желательно было-бы жителямъ названной рѣки имѣть старшиною. Вся сущность власти старшинъ зиждется на авторитетѣ, основаніемъ которому служитъ сознаніе выбравшихъ, что избранный старшиною хорошо знаетъ старый законъ, и вѣра, что старшина всѣ дѣла рѣшаетъ согласно съ старымъ закономъ. Если-же вѣра эта разъ поколеблена, то значеніе и сила старшины падаютъ, равно какъ теряютъ силу и постановленія его по старинѣ. Такое пониженіе юридической власти старшины приходится часто наблюдать въ настоящее время среди удиһэ. Дѣло въ томъ, что молодое поколѣніе, вслѣдствіе частаго сближенія съ русскими, начинаетъ проникаться сознаніемъ, что настоящими властителями территоріи, занятой ими, являются русскіе; что начальникомъ ихъ долженъ быть русскій начальникъ округа или приставъ; что русскіе законы не столь суровы, какъ ихъ старые законы. Особенно чутки къ русскимъ законамъ женщины, которыхъ положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по истинѣ бываетъ безотрадно. Часто мнѣ жаловались старшины, что такая-то или такой-то не слушаются ихъ власти; если-же они хотятъ наказать ослушниковъ по старымъ законамъ, то послѣдніе грозятъ жалобою исправнику. Удиһэ поняли, что исправникъ по своимъ законамъ въ большинствѣ случаевъ поступаетъ совершенно противоположно старшинамъ съ ихъ старыми законами: напримѣръ, приставъ за-

прещаетъ продажу или мѣну невѣстъ, чего требуютъ по старымъ законамъ старшины.

Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшины оказываются совершенно безпомощными передъ новыми явленіями, которыя развивающаяся дѣйствительность такъ щедро плетъ каждый день. Для приходящихъ, напримѣръ, изъ г. Хабаровска зимою купцовъ—манзъ власть старшины и старый законъ удиһэ ничего не значатъ. Эти купцы—китайцы зимуютъ въ юртахъ своихъ должниковъ на полномъ иждивеніи ихъ, ловятъ на промысловыхъ участкахъ удиһэ соболя, берутъ за долги женщинъ, имущество, даже ружья, лишая удиһэ орудій промысла. И власть старшины совершенно безсильна передъ такими явными нарушителями правъ туземцевъ. Почему? А потому, что китайцы, гдѣ выгодно, опираются на русскіе законы: по старымъ, напримѣръ, законамъ удиһэ, за присвоеніе чужой собственности, чужой жены или за прелюбодѣяніе съ нею виновникъ подвергается мести, т. е. смерти. Но если-бы старшина или кто-либо изъ его избирателей осмѣлился прибѣгнуть къ расправѣ съ китайцами согласно съ старинными законами, то, по русскимъ законамъ, былъ-бы лишенъ свободы, что почти равно смерти для привыкшаго къ вольной жизни охотника удиһэ. Вообще положеніе старшинъ въ настоящее время можно считать трагическимъ: новыхъ русскихъ законовъ онъ не знаетъ, потому что никто не потрудился ему объяснить ихъ на его родномъ языкѣ, и боится ихъ, потому что они основаны на принципахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, къ какимъ привыкли удиһэ. Съ другой стороны, прогрессирующая съ каждымъ годомъ дѣйствительность упраздняетъ старинный, самобытный законъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы русскіе законодатели поспѣшили поскорѣе вывести удиһэ изъ неопредѣленнаго положенія. [1]) При большей наличности русской власти, удиһэ охотно подчинятся русскому закону; тогда роль старшины снизойдетъ до разбирательства самыхъ незначительныхъ дѣлъ, не то просто до исполненія диктуемыхъ русскимъ закономъ предписаній. Не ошибусь, если скажу, что они жаждутъ этого столь привлекательнаго для нихъ русскаго закона. Поэтому взысказанное г. Штернбергомъ сожалѣніе, что, съ прибытіемъ

---

[1]) Зная хорошо эту неопредѣленность, я съ чувствомъ глубокой радости прочиталъ въ № 2 газеты «Владивостокъ» за 1900 г. слѣдующій приказъ военнаго губернатора Приморской области (21 ноября № 438): «Министерство внутреннихъ дѣлъ предприняло... пересмотръ всѣхъ узаконеній, относящихся до инородцевъ; въ виду этого, по указанію пріамурскаго генералъ губернатора, назначаю комиссію, которой надлежитъ: 1) обсудить вопросъ о соотвѣтствіи дѣйствующихъ узаконеній объ инородцахъ съ нынѣшними условіями ихъ быта, съ современными ихъ потребностями и съ тѣми цѣлями, которыя должны быть преслѣдуемы въ видахъ надлежащаго устройства этихъ народностей и 2) выработать проектъ тѣхъ правилъ объ устройствѣ и управленіи инородцами, которыя надлежало бы установить въ замѣнъ дѣйствующихъ по этому предмету узаконеній».

русскихъ, дѣятельность суда у орочонъ Императорской гавани все болѣе и болѣе ограничивается и замѣняется полицейскимъ судомъ или судомъ унтеръ-офицера изъ кордона (газ. „Владивостокъ", 1896 г., № 50, стр. 10), справедливо лишь въ томъ отношеніи, что во главѣ управленія инородцами должно стоять лицо, небеззаботное насчетъ жизни и быта тѣхъ, надъ кѣмъ власть ему вручена.

Какъ бы то ни было, на побережьи Татарскаго пролива и по рѣкамъ, текущимъ по восточной части Зауссурійскаго края, значеніе русской власти еще признается не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Совершенно иное видимъ въ западной части территоріи орочей-удиһэ.

Посѣтившій эту часть Зауссурійскаго края въ началѣ 80-хъ годовъ текущаго столѣтія г. Надаровъ писалъ: „Изъ разсказовъ большинства инородцевъ я пришелъ къ убѣжденію, что... орочоны до сего времени продолжаютъ платить маньчжурскимъ нойонамъ (чиновникамъ) ясакъ ежегодно въ размѣрѣ двухъ соболей съ каждой семьи (Op. cit. 129 стр.). Если орочъ-удиһэ не поладилъ съ гольдомъ или китайцемъ, они „отправляются въ предѣлы Китая, въ деревню Има-хоуза... Здѣсь... постоянно проживаетъ самый маленькій китайскій нойонъ Виколо. Маньчжурскій нойонъ этого мѣстечка пріѣзжаетъ обыкновенно въ серединѣ лѣта, собираетъ опредѣленную дань и уѣзжаетъ обратно на р. Сунгари. Въ отсутствіе маньчжурскаго нойона судъ и расправу надъ жителями чинитъ китайскій нойонъ Виколо, въ правосудію котораго прибѣгаютъ обыкновенно всѣ инородцы" (ibidem).

Такъ было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ того времени дѣло измѣнилось къ лучшему весьма мало, насколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ. „Относительно вопроса о подданствѣ,—пишетъ г. Бѣльковичъ,—у орочонъ также очень смутныя понятія и, повидимому, скорѣе всего надо полагать, что они считаютъ себя людьми совершенно вольными и не подданными какого бы то ни было государства; землю, по которой они кочуютъ, они также не считаютъ кому-нибудь принадлежащей, также какъ и рыбу въ рѣкахъ. Во всякомъ случаѣ... случаѣ китайцевъ они считаютъ бо̀льшими хозяевами въ этой странѣ, нежели русскихъ, и если только вѣрить ихъ разсказамъ, то они до сихъ поръ платятъ китайцамъ извѣстную подать шкурами соболей, за сборомъ которыхъ будто бы ежегодно на Хоръ пріѣзжаютъ китайскія власти... Китайцы и до сихъ поръ продолжаютъ творить судъ и расправу между орочонами, и не далѣе, какъ въ прошломъ году, по приговору китайскихъ судей, одинъ орочонъ былъ зарытъ живымъ въ землю за то, что убилъ китайца, укравшаго у него жену" (Труды Пріам. Отд. за 1895 г.).

Г. Альфтанъ то же самое сообщаетъ о судѣ и судьяхъ среди удиһэ, живущихъ по правымъ притокамъ р. Уссури. „Судъ у нихъ, — говоритъ

онъ, — очень своеобразенъ; всѣ судьи — китайцы, которые назначаются или китайскими чиновниками или исполняютъ свои обязанности, по выбору самихъ инородцевъ. Число судей обыкновенно три. Эти трое судей обыкновенно зимою объѣзжаютъ инородческое населеніе по Бикину, Иману и Ваку и творятъ судъ и расправу, а кстати и торгуютъ. Всякій имѣющій жалобу обращается тогда къ нимъ, и они, призвавъ обвиняемаго, разбираютъ дѣло и приводятъ приговоръ въ исполненіе. Наказанія бываютъ или тѣлесныя или заключаются въ выплатѣ пени шкурками или вещами. Что судьи рѣшатъ, то выполняется безпрекословно. Приговоренному къ тѣлесному наказанію связываютъ ноги и, раздѣвъ его, кладутъ спиною кверху; затѣмъ, держа его за голову и за ноги, наносятъ ему удары не розгами, а палками толщиною около 1 дюйма. Спины и ногъ не трогаютъ. Удары наносятся не со всего размаха, но (все-таки) настолько сильно, что послѣ 20 — 25 ударовъ, по расказу орочона, часть, по которой бьютъ, очень распухаетъ, и ее послѣ наказанія всегда натираютъ ханшиномъ, чтобы опухоль скорѣе опала. Число ударовъ при наказаніи обыкновенно не превышаетъ 60. Случаи смертной казни очень рѣдки; но говорятъ, что если преступленіе очень тяжкое, то виноватаго увозятъ на китайскую сторону и уже тамъ судятъ преступника. Бывали примѣры, что увезенные болѣе не возвращались“ (ibid.).

При составленіи приговоровъ не обходится безъ выпивки. Такъ, на сходкѣ 19 марта 1894 г. въ деревнѣ Дингу́ (на р. Вакѣ) выбраны были судьи, китайскій и гольдскій (онъ же и орочонскій) староста, но послѣдній долженъ подчиняться первому. При этомъ гольдовъ и орочонъ напоили до безчувствія. Пользуясь ихъ невмѣняемостью, сходъ постановилъ, чтобы всѣ долги были уплачены, а затѣмъ китайцы написали на доскахъ сводъ правилъ [1]) и скрѣпили ихъ общею подписью. По этимъ правиламъ, гольды и

[1]) Въ № 288 «Пріамурскихъ Вѣдомостей» напечатанъ одинъ экземпляръ подобнаго рода правилъ. Этотъ интересный документъ называется «Китайскій законъ Иманской общины» и написанъ на листѣ красной бумаги въ 1½ арш. длиною и 6 вершковъ шириною. Эти законы были наклеены на стѣнѣ фанзы, обитаемой судебнымъ писаремъ (цун-ли). Приводимъ содержаніе ихъ, потому что имъ подчиняются и удиhэ, живущіе по р. Иману.

«Гуан-сюй 22-хъ лѣтъ. Февраля 13-го дня. Законъ общественнаго правленія.

§ 1. Карточная игра на деньги разрѣшается съ 1-го по 20-е января, а на съѣстное—съ 15-го августа по 15-е марта. Въ послѣднемъ случаѣ выигрышъ уплачивается натурою и сообща съѣдается; хозяинъ долженъ продавать все требуемое игроками на деньги.

За игру не на съѣстное хозяинъ подвергается оштрафованію 1 быкомъ и 15 пуд. муки.

§ 2. За продажу соболя не своему цай-туну (т. е. кредитору, хозяину) виновный подлежитъ 40 палкамъ и возвращенію соболя по принадлежности.

§ 3. За несдачу добытаго жень-шеня своему цай-туну виновный подвергается 40 палкамъ и изгнанію съ Има.

§ 4. За тайную отъ цай-туна куплю (?) пантовъ—40 палокъ.

§ 5. Прохожій имѣетъ право проживать въ каждой фанзѣ 3 сутокъ безплатно, а затѣмъ обязанъ платить по 40 коп., а за первые три дня новаго года по 5 рублей.

орочоны не имѣютъ права отдавать кому-либо постороннему, кромѣ хозяина, добытыхъ соболей, жень-шеня и пантовъ. Въ случаѣ нарушенія имъ грозитъ суровое наказаніе.

---

§ 6. За драку и ругань 40 палокъ и 7 пуд. провизіи.

§ 7. Раненый ружьемъ или ножемъ долженъ находиться подъ наблюденіемъ та-е (судьи) 18 дней и, если умретъ, виновный подвергается погребенію заживо. Хозяинъ же, упустившій убійцу, наказывается 20 палками и 15 пуд. муки.

§ 8. За обманъ—40 палокъ.

§ 9. Членъ артели, укравшій чужую вещь, долженъ быть немедленно обличенъ и представленъ на судъ для наказанія 40 палками и 13 пуд. муки.

§ 10. Орочоны обязаны возить манзъ на лодкахъ по слѣдующей таксѣ: за 2-хъ человѣкъ съ 30 пуд. груза:

до уроч.	Ченза	(85 верстъ отъ устья р. Има)	18 р.
» »	Мяо-линъ	(120 » » » » ») . . .	24 »
» »	Калатуанъ	(144 » » » » ») . . .	30 »
» фанзы	Ли-чин-фу	(280 » » » » ») . .	42 »
» уроч.	Сида-Тунъ	(389 » » » » »)	72 »

§ 11. За обвѣшиваніе на безменѣ—20 палокъ и 7 пуд. провизіи.

§ 12. За кражу въ китайской фанзѣ—40 палокъ и изгнаніе съ Има.

§ 13. За кражу въ балаганѣ—40 палокъ.

§ 14. За ссору изъ-за загнанной собаки—40 палокъ.

§ 15. За куплю-продажу большой рысьей шкуры тайно отъ цай-туна — 40 палокъ и возвратъ шкуры по принадлежности.

§ 16. Работникъ или половинщикъ («кулаширъ»), за оставленіе хозяина ранѣе 1 года не только ничего не получаетъ, но обязанъ вознаградить хозяина.

§ 17. За напрасный сборъ общества та-е обязаны возмѣстить убытки.

§ 18. За несвоевременное совершеніе священныхъ обычаевъ (кхету) — работнику 40 палокъ, а хозяину 13 пуд. провизіи штрафа.

§ 19. Китаецъ, не вернувшій тазѣ отобранное ружье къ 15 апрѣля, подвергается штрафу.

§ 20. Для проживанія свыше 3 дней, неизвѣстный хозяину прохожій долженъ представить поручителя, что, однако, не избавляетъ хозяина отъ отвѣтственности за проступки проживающихъ у него.

§ 21. Каждая артель обязана имѣть проводника за плату 4 руб. сверхъ пая добычи.

Провинившійся та-е ставится на колѣни на время сгоранія «сяна» (курительной свѣчи изъ гнилушки, длиною въ 1/2 аршина) и кромѣ того:

за 1 вину штрафъ.
» 2 вины штрафъ и палки.
» 3 » палки.
» 4 » палки.
» 5 » палки.
» 6 » палки.

Провинившійся судебный писарь (цун-ли) ставится на колѣни на время сгоранія 3 «сяновъ» и штрафуется «быкомъ».

Приведенныя правила, очевидно, защищающія интересы китайцевъ, ясно показываютъ, что послѣдніе считаютъ себя властителями долины р. Имана, иначе не присуждали бы за нѣкоторыя преступленія изгнаніе изъ долины ея. Кромѣ того, они объясняютъ почему удиһэ, разъ подпавшему подъ экономическое иго хозяина, трудно вырваться на свободу путемъ продажи своей добычи другому купцу, часто предлагающему большую цѣну. Наконецъ, въ § 1-мъ, вѣроятно, не точно переведено «карточная игра» вмѣсто «банковка»; это извѣстная азартная игра, которая является однимъ изъ средствъ, разоряющихъ простодушныхъ удиһэ и другихъ инородцевъ.

Такимъ образомъ, и понынѣ удиһэ, живущіе по правымъ притокамъ р. Уссури, признаютъ надъ собою власть китайцевъ и ихъ законъ; понынѣ они убѣждены, что живутъ на китайской землѣ, что китайскій императоръ ихъ властелинъ, можетъ запретить своимъ подданнымъ продавать имъ буду; что онъ можетъ брать съ нихъ подать соболями или деньгами. Права, по сообщенію г. Альфтана, сборъ дани теперь дѣлается втихомолку, и нѣкоторые удиһэ, живущіе далеко отъ р. Уссури, вовсе уклоняются отъ уплаты ясака на томъ основаніи, что „до нихъ далеко, и царь не узнаетъ"; однако китайскіе чиновники назначаютъ старшинъ на каждый притокъ р. Уссури и поручаютъ имъ сборъ соболей (по одному соболю съ балагана) или денегъ (по 2 руб. съ балагана).

Лѣтомъ 1894 г. эти китайскіе чиновники пріѣзжали въ Васильевскій поселокъ и останавливались у китайца Ван-дзье, служащаго ихъ агентомъ.

Все, доселѣ сказанное, невольно побуждаетъ сознаться, что китайское вліяніе среди удиһэ и другихъ инородцевъ нисколько не поколеблено русскимъ, почти 50-ти-лѣтнимъ владычествомъ; что русскимъ еще много предстоитъ культурной и административной работы, чтобы фактически владѣть и покореннымъ краемъ и его аборигенами.

Теперь же говорить о какомъ-либо вліяніи русскихъ на инородцевъ нельзя: удиһэ, напримѣръ, какъ засвидѣтельствовано всеобщею переписью 1897 г., русскаго языка не знаютъ, а китайскій знаютъ подчасъ лучше своего родного. Какъ отзывается китайское вліяніе на удиһэ, мы уже видѣли, да и изъ послѣдующихъ главъ узнаемъ нѣкоторыя подробности.

ГЛАВА XII.

Семья и дѣти.

Въ прежнее время при полномъ господствѣ рода, предѣлы семьи удиһэ, по всей вѣроятности, были обширнѣе, чѣмъ то видимъ въ настоящее время. Весьма возможно, что подъ словомъ семья въ давнее время у нихъ разумѣлось нѣчто подобное римской „familia", т. е. основою семьи тогда являлись не исключительно брачныя отношенія, а предѣлы власти главы рода. Тогда „фамилія"—не изъ тѣхъ только, кто были связаны съ главою ея по крови, а изъ всѣхъ находившихся подъ управленіемъ или покровительствомъ этой главы. Весьма неяснымъ пережиткомъ такой старины, мнѣ кажется, слѣдуетъ признать бытующее нынѣ среди удиһэ обыкновеніе включать въ составъ семьи совершенно чужое по крови лицо. Во время переписи мнѣ не разъ приводилось встрѣчаться съ подобнымъ явленіемъ. Сперва мнѣ

отвѣчали въ такихъ случаяхъ — „это родственникъ“. Когда же я старался точнѣе опредѣлить родственныя отношенія даннаго субъекта къ хозяину или хозяйкѣ, то оказывалось, что ни въ какомъ кровномъ родствѣ съ семьею онъ не состоитъ, что это совершенно чужой человѣкъ, но проживш̆ій въ семьѣ нѣсколько лѣтъ, участникъ въ хозяйствѣ, нѣчто въ родѣ нашего друга семьи, товарища мужа. Сюда же, можетъ быть, необходимо отнести обычай удиһэ включать въ число семьи работниковъ.

Но указанные мною пережитки старины глубокой плохо сознаются тѣми удиһэ, среди которыхъ я былъ лично; у другихъ изслѣдователей я не нашелъ на это никакихъ указаній, и поставленный здѣсь вопросъ требуетъ детальнаго изслѣдованія, при помощи умѣлаго переводчика.

Ниже я поведу рѣчь о семьѣ удиһэ въ ея современномъ видѣ.

Нынѣ семья эта охватываетъ группу лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, т. е. въ составъ ея входятъ отецъ, матери, дѣти, внуки, племянники, племянницы, дядья, тетки, однимъ словомъ, родня по мужу и по женамъ. Кажется, родство не идетъ далѣе дядей и тетокъ; по крайней мѣрѣ, я ни лично не знаю, ни у своихъ предшественниковъ не находилъ указаній на этотъ счетъ. Правда, можно встрѣтить семьи, въ составъ которыхъ входятъ тесть и теща, но послѣдніе не всегда играютъ роль главарей семьи.

Внутренній строй семьи заключается въ подчиненіи младшихъ членовъ старшимъ. Главою семьи всегда считается старшій, но имѣющій силу и способности быть дѣйствительнымъ хозяиномъ юрты. Мнѣ доводилось переписывать большія семьи (болѣе 30 человѣкъ), гдѣ старикъ-отецъ, лѣтами старшій, уступалъ свое первенство въ юртѣ сыну, человѣку сорока лѣтъ, сильному охотнику и рыболову. Точно такъ же, въ случаѣ смерти главы семьи, фактическое господство удерживаетъ старшая жена только тогда, когда оставшіяся дѣти мужского пола—малолѣтни, иначе власть переходитъ къ старшему сыну.

Вообще хотя почитаніе стариковъ входитъ въ кодексъ нравственности удиһэ, однако случаи фактическаго нарушенія этого правила происходятъ тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе врываются въ жизнь чуждыя вліянія.

Въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ „Закона общественнаго управленія“ ни слова не говорится о наказаніи за непочитаніе или оскорбленіе отца. Это игнорированіе закономъ непочтенія родителей и старшихъ можетъ развязать руки молодежи; но такія печальные случаи, при мирномъ и добродушномъ характерѣ удиһэ, происходятъ рѣдко. Чаще глава семьи встрѣчаетъ отпоръ со стороны жены. „Замѣчательно, — говоритъ г. Надаровъ (Op. cit. 83 стр.),—что хотя отецъ есть старшина въ своей семьѣ и пользуется неограниченною властью, тѣмъ не менѣе мнѣ много разъ приходилось наблюдать,

какъ жена бранитъ и даже толкаетъ своего повелителя, если тотъ выпьетъ много ханшина и по требованію жены не идетъ спать въ свой балаганъ".

Подобные случаи рѣдки. Въ общемъ между мужемъ и женами существуютъ миролюбивыя отношенія. Хотя на долю женщинъ выпадаетъ много работъ, однако трудность въ настоящее время обзавестись женою и значеніе ея, какъ помощницы въ хозяйствѣ, завоевали имъ сносное существованіе. Мужъ находитъ необходимымъ обо всемъ совѣтоваться съ женою; если же у него двѣ жены, то старшая иногда посвящается во всѣ хозяйственныя дѣла.

Конечно, при существующей нынѣ куплѣ—продажѣ, между супругами не развивается чувство любви, считающееся у европейцевъ условіемъ, безъ котораго нѣтъ семьи, и посторонняго наблюдателя подчасъ даже поражаетъ холодность встрѣчи супруговъ послѣ двухъ-трехмѣсячной разлуки; но привычка, дѣти и экономическія соображенія сближаютъ мужа и жену настолько, что послѣ смерти главы проливаются слезы искренняго горя.

По самому существу дѣла, женщина—удиһэ не можетъ стоять во главѣ семьи. Привязанная мелочами домашней жизни къ очагу, она слишкомъ съуживаетъ свой житейскій опытъ, и потому бываетъ неспособна вести самыя несложныя дѣла, выходящія за предѣлы дома и маленькаго хозяйства". „Когда былъ живъ мужъ, тогда все было лучше; онъ могъ поѣхать туда и сюда, разыскать должниковъ, а я куда пойду, кого я знаю!" Жаловалась мнѣ старшая вдова Индину, перебирая кучу записокъ съ долговыми обязательствами.

И это говорила женщина, лѣтъ подъ сорокъ, еще полная силъ, женщина „умная", судя по совѣтамъ ея, во время избранія старшины, что же сказать о женщинѣ заурядной, какова, напримѣръ, вторая, младшая вдова Индину, совершенно безмолвная женщина, вся ушедшая въ заботы о своемъ маломъ дитяти, оставшемся ей отъ покойнаго мужа?

Если къ сказанному прибавить, что охота, одна изъ экономическихъ основъ быта удиһэ, не можетъ исполняться женщинами, то становится ясною несостоятельность женщины, какъ главы семьи. Вотъ почему, при сынѣ 20—22-хъ лѣтъ, власть главы и хозяина семьи фактически переходитъ къ послѣднему, матери же предоставляется право довольствоваться однимъ титломъ.

Хотя судьба дѣтей всецѣло зависитъ отъ родителей, хотя отецъ или глава семьи можетъ продать свою дочь, однако среди удиһэ существуетъ сильная любовь къ дѣтямъ. И личныя мои наблюденія и свидѣтельства предшественниковъ не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія; „своихъ дѣтей орочоны очень любятъ,—читаемъ у г. Бѣльковича,—ласки родителей по отношенію къ дѣтямъ приходилось видѣть очень очень часто, и въ этихъ

ласкахъ было такъ много любви и нѣжности; случаевъ же, когда родители не только бы били, но даже кричали на своихъ дѣтей, не приходилось никогда наблюдать". (Труды Пр. отч. за 1895 г.). Случаи окриковъ на дѣтей и наказанія мнѣ приводилось наблюдать, но въ общемъ можно сказать, что родители-удиһэ относятся къ своимъ дѣтямъ ласково.

Само собою разумѣется, что изъ родителей мать, въ силу инстинкта, проявляетъ болѣе горячую и нѣжную любовь къ дѣтямъ, равно какъ и дѣти сильнѣе привязываются и лучше себя чувствуютъ около матери. Сказанное отнюдь не значитъ, что мужчины не проявляютъ любви къ дѣтямъ. Сколько разъ мнѣ самому доводилось видѣть, съ какою ласкою относились къ дѣтямъ бобыли—удиһэ, въ теченіе всей своей жизни не скопившіе капитала, необходимаго для покупки жены, или „бабушки", по ихъ выраженію. Не даромъ и дѣти привязываются къ мужчинамъ: они инстинктомъ, чуютъ кто ихъ любитъ.

Кромѣ физіологическаго элемента родительской любви къ дѣтямъ, можно указать нѣкоторые другіе мотивы ея. Сюда слѣдуетъ отнести страхъ передъ одинокою безпомощною старостью, когда нѣтъ лицъ, которыя замѣнили бы старика-отца на охотѣ и рыболовствѣ, старуху-мать въ исполненіи мелкихъ работъ по дому. Мало того, дѣти нужны удиһэ, потому что лишній охотникъ добудетъ больше юколы и соболя, значитъ, увеличитъ доходъ семьи. Правда, съ появленіемъ на свѣтѣ каждаго сына является забота достать ему невѣсту, что, при малочисленности женщинъ, дѣло довольно трудное; но вѣдь хорошій сынъ скопитъ соболей и купитъ въ домъ лишнюю работницу. Еще болѣе долженъ удиһэ лелѣять дочь: она не только рабочая сила, но за нее въ будущемъ предстоитъ хорошій выкупъ или невѣстка въ домъ [1]).

За любовь и ласки родителей дѣти платятъ полнымъ повиновеніемъ и почтеніемъ. Случаевъ, чтобы дѣти били стариковъ—родителей, какъ уже замѣчено выше, мало, и къ нимъ всѣ удиһэ относятся съ большимъ порицаніемъ.

Вѣроятно, экономическая неурядица послѣднихъ годовъ породила среди удиһэ такихъ эгоистовъ-родителей, которые не горюютъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Мнѣ довелось встрѣтить двѣ-три семьи бездѣтныхъ, и родители не высказывали сожалѣнія объ отсутствіи дѣтей; наоборотъ, мнѣ показалось, что они рады этому обстоятельству, позволяющему имъ жить исключительно для себя и наслаждаться такими прелестями жизни какъ опіумъ, ханшинъ, а женщинамъ имѣть другомъ дома—манзу.

Любовью къ родителямъ и мирнымъ характеромъ объясняется и то об-

[1]) По экономическимъ соображеніямъ, двѣ семьи удиһе, имѣющія мальчиковъ и дѣвочекъ, мѣняются послѣдними, какъ невѣстами.

стоятельство, что дѣти удиһэ не стремятся путемъ раздѣловъ отдѣлаться отъ власти и деспотизма старшихъ, какъ это бываетъ у другихъ народовъ. Я рѣшительно не знаю ни одного случая, гдѣ бы поводомъ къ отдѣленію дѣтей отъ родителей послужило желаніе младшихъ членовъ семьи уйти отъ власти старшихъ, главарей семейства. Обыкновенно, дѣти живутъ вмѣстѣ съ родителями; если тѣсною окажется одна юрта, рядомъ строятъ другую, куда и переселяются нѣкоторые члены семейства, но хозяйство считается одно; для ѣды семья собирается вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ раздѣлъ семьи происходитъ въ силу экономической необходимости: уменьшеніе звѣря въ одномъ мѣстѣ и слухи о болѣе обильныхъ дичью мѣстахъ побуждаетъ молодыхъ и болѣе подвижныхъ членовъ семьи оставлять родителей и выселяться на другія мѣста. При этомъ выдѣленіе дѣтей изъ семьи, при несложности хозяйства удиһэ, не представляетъ никакихъ затрудненій: каждый взрослый удиһэ можетъ выстроить себѣ юрту, соорудить батъ и оморочку, выковать острогу и сплести сѣть; каждая женщина-удиһэ съ дѣтства пріучается приготовлять изъ бересты и кожъ всю домашнюю утварь, одежду и обувь. Такимъ образомъ, дешевизна обзаведенія новымъ хозяйствомъ не можетъ служить препятствіемъ къ выдѣленію изъ семьи, поэтому раздѣлы среди удиһэ никогда не вызываютъ тѣхъ споровъ за имущество, какіе возникаютъ при раздѣлахъ въ семьяхъ другихъ инородцевъ. Вообще орочъ—удиһэ, при необходимости мѣнять мѣсто жительства ради охоты, не обзаводится большимъ хозяйствомъ: онъ смѣло можетъ сказать, перекочевывая съ мѣста на мѣсто „omnia mea mecum porto“ [1]). Даже тамъ, гдѣ земледѣліе начинаетъ становиться основаніемъ хозяйства удиһэ, доселѣ не представляется большихъ препятствій къ раздѣламъ, потому что земледѣльческій инвентарь легко добывается отъ услужливыхъ лицъ, которыя снабдятъ скотомъ; земли же вездѣ много; податей удиһэ никакихъ не платятъ ни за пользованіе лѣсомъ, ни за пользованіе землей, да и платить не могутъ.

При удачной охотѣ и большомъ урожаѣ, легко обзавестись самыми дорогими предметами хозяйства: ружьемъ и скотомъ. Припасать что либо для дочерей, приносящихъ обыкновенно родителямъ выкупъ, не приходится, а сыновья сами себѣ добудутъ средства для покупки невѣстъ.

---

[1]) Срав. слѣд. замѣчаніе г. Альфтана: «Перекочевывая съ одного мѣста на другое орочонъ везетъ съ собою и все свое имущество, состоящее изъ двускатнаго навѣса, сдѣланнаго изъ бѣлой бязи или-же просто изъ березовой коры, нѣсколькихъ коробочекъ, ящичковъ изъ такой же коры, двухъ-трехъ курицъ и столькихъ же собакъ; нѣсколько чулицы, винтовка, патроны, острога, жена и нѣсколько грязныхъ, почти голыхъ ребятъ—вотъ весь наличный персоналъ и домашняя обстановка кочующей орочонской семьи «(Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.)».

Однимъ словомъ, удиһэ не охотно разстаются съ своими дѣтьми, которыхъ выростаетъ не такъ много, какъ родится.

Тутъ я подошелъ къ вопросу о дѣтяхъ у орочанъ—удиһэ. Въ виду малой изслѣдованности его, я позволю себѣ вдаться въ подробности.

Объ орочонахъ—удиһэ сложилось ходячее мнѣніе, что это народецъ вымирающій, „племя угасающее", какъ озаглавленъ мой этюдъ, напечатанный въ газетѣ „Сибирь", за первый годъ ея существованія въ Петербургѣ. Этого мнѣнія не отрицаетъ и г. Пальчевскій (см. газ. „Дальній Востокъ". 1897 г. № 47), не раздѣляющій мнѣнія о томъ, что удиһэ слѣдуетъ предоставить собственной участи, т. е. окончательному вымиранію. Утверждая, что причины слабости и недолговѣчности организма удиһэ на лицо, г. Пальчевскій говоритъ: „Констатированное же переписью обиліе рожденій говоритъ какъ бы за жизненную энергію, а не вымираніе этого племени".

Чтобы понять, почему при обиліи рожденій удиһе—все-таки „Угасающее племя", необходимо, между другими причинами, изслѣдовать колыбельную жизнь ребенка въ широкомъ значеніи этого слова.

Подобнаго рода изслѣдованіе интересно и для антропологическихъ выводовъ. „Одна изъ главнѣйшихъ задачъ антропологіи,—говоритъ г. Покровскій въ „Предисловіи" къ своему труду: „Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи",—состоитъ въ сравнительномъ изученіи анатомическихъ и физіологическихъ особенностей человѣка въ отношеніяхъ племенномъ, расовомъ и археолого-историческомъ. Особенности эти... вырабатываются тѣми исключительными условіями, при которыхъ жилъ и живетъ человѣкъ... Различные способы ухода за дитятей, начиная съ утробной жизни, первоначальная обстановка его при рожденіи, омовеніи, пеленаніе..., укладываніе въ постели, одѣваніе, питаніе... безспорно имѣютъ не малое вліяніе на физическія особенности народа и кладутъ на немъ свою рѣзкую печать, подобно тому, какъ это оказываютъ съ своей стороны климатъ, образъ жизни, племенной подборъ и т. п.

Постараемся поближе разсмотрѣть условія жизни дитяти у орочонъ—удиһэ.

Въ виду цѣнности дѣвушекъ, удиһэ рѣдко вступаютъ въ брачную жизнь въ такомъ, именно, возрастѣ, какой признается наукой наиболѣе удобнымъ для произведенія сильнаго и крѣпкаго потомства. Богатые люди покупаютъ дѣвочекъ для своихъ сыновей очень рано: мнѣ приходилось не разъ заносить въ соотвѣтствующія графы переписныхъ листовъ мужа и жену шести лѣтъ! Съ другой стороны, иному бѣдняку, задумавшему обзавестись семьей, приходится долгіе годы копить выкупъ, и уже 40—45-лѣтнимъ мужчиною онъ покупаетъ себѣ 14 или 15-лѣтнюю дѣвушку. Наоборотъ, на р. Самаргѣ

я видѣлъ 18-лѣтнюю дѣвушку, обвѣнчанную съ 10-лѣтнимъ мальчикомъ, такъ что жена должна была загонять своего мужа съ игръ со сверстниками въ юрту на ночлегъ. Даже при лучшихъ условіяхъ браки у удиһэ заключаются слишкомъ рано: мнѣ приходилось видѣть пары—мужу 20 лѣтъ, женѣ 18,—имѣющія уже дѣтей. Такимъ образомъ, возрастъ родителей—удиһэ рѣдко представляетъ благопріятную почву для появленія на свѣтъ крѣпкаго поколѣнія. Впрочемъ, относительно женщинъ, при непосильныхъ и утомительныхъ работахъ ихъ, едва ли слѣдуетъ сѣтовать на ранніе браки, потому что женскій организмъ быстро истощается, и безплодіе наступаетъ скоро. Мнѣ приводилось встрѣчать женщинъ 36—38 лѣтъ, которыя лѣтъ пять назадъ покончили вопросъ о продолженіи племени. Вообще слѣдуетъ признать плодовитость женщинъ-удиһэ ниже средней, такъ какъ въ прежнее время имѣющихъ 12 дѣтей было мало, нынѣ же рѣдко встрѣтишь семью, насчитывающую 7—8 дѣтей.

Изъ указанныхъ выше условій, вліяющихъ на заключеніе браковъ, вытекаетъ одно слѣдствіе, вредное для потомства: часто больные, но богатые удиһэ женятся на здоровыхъ дѣвушкахъ и надѣляютъ потомство своими болѣзнями.

Не мало хилости поколѣнія способствуетъ и обычай многоженства; оно хотя и благопріятствуетъ, повидимому, размноженію дѣтей, однако, общіе практическіе результаты его весьма печальны. Я видѣлъ на р. Самаргѣ семью, состоящую изъ мужа, горбатаго и совершенно больного (у него усыхаетъ спинной хребетъ), и двухъ здоровыхъ и молодыхъ женъ; отъ одной имѣется сынъ, не могущій встать на ноги, несмотря на 8-ми-лѣтній возрастъ. Помню, на меня эта семья произвела невыразимо тяжелое впечатлѣніе, хотя здоровая молодость женщинъ, одѣтыхъ въ дорогія и красивыя платья, нѣсколько скрашивала мрачный колоритъ ея.

Наконецъ, если многіе цивилизованные народы нарушаютъ правильность и своевременность половыхъ сношеній, то что сказать объ удиһэ, едва вышедшемъ изъ первобытности. Не говоря о томъ, что дѣлается въ пьяномъ видѣ, слѣдуетъ замѣтить, что совокупленіе съ женою во время кормленія дитяти начинается спустя мѣсяцъ послѣ родовъ, а во время беременности мужъ спитъ съ женою до самыхъ родовъ. Таковъ обычный ходъ сношеній мужа съ женою. Можетъ быть, иначе ведутся они при двухъ-трехъ женахъ, но такихъ многоженцевъ встрѣтишь теперь мало среди удиһэ [1]). Однимъ словомъ, на основаніи своихъ наблюденій и разспросовъ могу сказать, что среди

[1]) Конечно, бываютъ исключенія; нѣкоторые мнѣ сообщали, что во время беременности прекращаютъ совокупленіе съ женою за мѣсяцъ до родовъ; послѣ же родовъ не совокупляются два мѣсяца.

удиhэ есть одно условіе, благопріятствующее появленію здороваго и крѣпкаго поколѣнія,—это взаимное согласіе супруговъ, такъ что крики, брань и побои весьма рѣдки между мужемъ и женою.

Но если удиhэ плохо подготовляютъ почву, на которой сѣется сѣмя, отчего получается худосочный плодъ, зато они не знаютъ ни плодоизгнанія, ни дѣтоубійства. У нихъ встрѣчается иногда убійство лишь незаконнорожденныхъ дѣтей, потому что послѣднія пользуются всеобщимъ презрѣніемъ; но въ послѣднее время и такія дѣти не уничтожаются.

Подобно многимъ другимъ народамъ древняго и новаго времени, удиhэ смотрятъ на процессъ рожденія, какъ на нѣчто нечистое. Если во время менструацій (= энатиний) женщина считается нечистою и должна носить особое платье, подкладывая стружки черемухи или тальника, тѣмъ болѣе считается она таковою во время родовъ.

Обыкновенно за недѣлю до разрѣшенія жены мужъ строитъ особую юрточку или балаганчикъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья. Почувствовавъ приближеніе родовъ, женщина за день-два уходитъ въ выстроенную для нее юрточку и тамъ рожаетъ. По сообщенію г. Надарова (Op. cit. 83 стр.), „при родахъ присутствуетъ мужъ, исполняющій обязанности повитухи; но мои наблюденія и разспросы приводятъ къ противоположному: на р. Самаргѣ при мнѣ родился мальчикъ. Роженицѣ никто при родахъ не помогалъ, даже считаютъ грѣхомъ помогать при родахъ. „Сколько бы времени ни длились роды, никто не долженъ помогать. Пусть Богу молится роженица. Нехорошо помогать!" Я посѣтилъ роженицу уже во второй юртѣ, куда она перебралась послѣ родовъ изъ первой, и то мужъ ея, меня сопровождавшій, не приближался близко къ балагану, а сидѣлъ издали. Вообще взглядъ на роженицу, какъ на нѣчто нечистое, прикосновеніе къ чему считается грѣхомъ, надо признать болѣе старымъ явленіемъ, чѣмъ сообщаемое г. Надаровымъ. Теперь еще женщина, посѣтившая роженицу, должна сбросить свое платье и надѣть другое, по возвращеніи домой [1]).

Какихъ-либо пріемовъ для ускоренія родовъ удиhэ не предпринимаютъ: на всѣ мои вопросы и разъясненія въ этомъ направленіи получался одинъ отвѣтъ: „при родахъ помогать—тянуть дитя или дѣлать что-либо другое—грѣхъ, нельзя".

Выше замѣчено мною, что возможность присутствовать мужу при родахъ слѣдуетъ признать явленіемъ позднѣйшаго времени, слѣдствіемъ большей эво-

---

[1]) Правда, въ одномъ мѣстѣ и мнѣ сказали, что при легкихъ родахъ управляется одна пожилая женщина или мужъ, при трудныхъ — требуется помощь нѣсколькихъ женщинъ; но я никакъ не могъ добиться, что же дѣлаютъ эти нѣсколько повитухъ при трудныхъ родахъ.

люціи чувства удиһэ. Точно такимъ же признакомъ прогресса слѣдуетъ считать и дозволеніе роженицѣ рожать въ той же фанзѣ, гдѣ всѣ живутъ. Подобное явленіе сплошь и рядомъ наблюдается на югѣ, гдѣ нравы болѣе мягки. При родахъ женщина обыкновенно лежитъ на боку — правомъ или лѣвомъ.

Послѣ родовъ въ юрточкѣ роженицы прибираютъ; такъ называемое „мѣсто" закапываютъ въ землю. Если дитя родится „въ рубашкѣ", какъ говорятъ у насъ, то изъ нея дѣлается небольшой бубенъ и бьютъ въ него: „тогда новорожденный сдѣлается шаманомъ".

Пребываніе роженицы на мѣстѣ родовъ продолжается далеко не одинаковое время: по свѣдѣніямъ г. Надарова (ibid. 84 стр.) 14 дней, по моимъ—10, а на р. Самаргѣ — 4 дня. Затѣмъ она переходитъ въ другой балаганъ, болѣе просторный, но все-таки не обитаемый постоянно, а выстроенный исключительно для нея. На р. Самаргѣ мнѣ довелось видѣть подобное помѣщеніе. Это обыкновенная двускатная юрточка, малаго размѣра, построенная наскоро. Въ ней двѣ двери: передняя заслонена берестою, а задняя выходитъ на небольшой огороженный берестою же дворикъ. Назначеніе послѣдняго, по объясненію мужа, служить роженицѣ ватерклозетомъ.

Обстановка этого балагана слишкомъ мизерна: постель роженицы состоитъ изъ куска бересты, сверхъ которой настлана крупная рѣчная трава. На такой постели лежала блѣдная женщина въ старомъ грязномъ платьѣ, около нея въ ночной зыбкѣ находился совершенно голый ребенокъ; посрединѣ юрты — потухнувшій очагъ; нѣсколько далѣе въ углу берестовое ведро съ водою и берестовый корчикъ. Дрова, мелко нарубленныя, лежали на дворикѣ внѣ юрты, такъ что роженица должна добираться до нихъ ползкомъ. Двери юрты устроены по линіи вѣтра, и сквозной вѣтеръ, правда, теплый свободно гулялъ по убогому пріюту матери и новорожденнаго.

Въ такомъ жилищѣ роженица пребываетъ обыкновенно 15 дней. Вступая въ него изъ перваго балагана, равно покидая его для того, чтобы поселиться снова въ общей съ мужемъ юртѣ, она обязательно мѣняетъ все одѣяніе. Сброшенное платье пропадаетъ даромъ: мыть грязное бѣлье и одежду удиһэ еще не научились.

Новорожденный ежедневно омывается матерью теплою водою въ берестяномъ или деревянномъ корытцѣ, не всегда для этой цѣли спеціально предназначенномъ. При купаньи мыла не бываетъ, потому что его употребленія не знаютъ удиһэ. Вытираютъ выкупаннаго тряпьемъ, въ которое и укутываютъ затѣмъ.

Роженица омываетъ себя не скоро послѣ родовъ, по выходѣ изъ бала-

гановъ; до омовенія она обыкновенно отираетъ себя стружками изъ черемухи и тальника.

Если сказанное доселѣ о первоначальной обстановкѣ новорожденнаго у орочей-удиһэ сопоставить съ тѣми элементарнѣйшими требованіями, какія рекомендуются современною гигіеною, и о которыхъ ничего не знаетъ этотъ народецъ, то не придется приходить въ ужасъ отъ высокаго процента смертности рождаемыхъ и рожeницъ и отъ многочисленныхъ смертельныхъ послѣродовыхъ заболѣваній.

Допустимъ, однако, какъ то и бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ, что крѣпкій организмъ матери и дитяти перенесъ первый трудный моментъ родовъ. Не розы, однако, ждутъ новорожденнаго въ дальнѣйшемъ его существованіи.

Положивъ дитя на шерсть кабарги, медвѣдя или другого звѣря, мать перевязываетъ бѣлою ниткою пуповину, отступя на вершокъ отъ живота, и отрѣзаетъ ее ножницами или ножемъ около самой нитки или выше. Пуповину, оставшуюся въ соединеніи съ тѣломъ ребенка, ничѣмъ не обертываютъ, если же она воспаляется и гноится, то присыпаютъ сушеною травою, стертою ножемъ въ порошекъ. Конечно, при описанной операціи не соблюдаются рекомендуемыя наукою дезинфекція и чистота ножа, ножницъ, рукъ и перевязки. Кромѣ того, употребленіе нитки вмѣсто шнурка, равно перевязка пуповины не на должномъ разстояніи отъ живота и небинтованіе отрѣзка ея влекутъ за собою очень часто печальныя для дѣтей послѣдствія. На р. Кёмэ я видѣлъ дѣвочку лѣтъ 6—7, у которой черезъ пупочное кольцо выходили грыжи.

Говорить о соблюденіи удиһэ какихъ-либо правилъ гигіены при помѣщеніи дитяти въ семьѣ не приходится: если европейцы придерживаются того мнѣнія, что маленькому человѣку нужно и маленькое помѣщеніе, въ которомъ самое главное тепло, а объ остальномъ не слѣдуетъ много заботиться, то чего же ждать отъ бѣднаго и невѣжественнаго полудикаря, жилище котораго заключаетъ все вредное для здоровья человѣческаго и ничего полезнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ рождающихся зимою выживаютъ только дѣти, надѣленныя исключительно сильнымъ организмомъ, ибо въ зимней юртѣ удиһэ замерзаютъ чернила и коньякъ: такъ низка бываетъ температура!

Хотя у южныхъ орочей не употребляютъ спеціальныхъ средствъ къ удаленію съ тѣла новорожденнаго первородной слизи, но они кое-что дѣлаютъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ жизни дитяти для сохраненія кожи его въ чистотѣ. Частыя обмыванья и купанья, хотя и безъ мыла, смываютъ съ кожи грязь; для предотвращенія прѣлости въ складкахъ дѣтской кожи употребляется древесная червоточина, которою всегда запасаются заботливыя матери.

Но разъ дитя подросло и можетъ самостоятельно двигаться, его не моютъ, и оно становится столь же грязнымъ и неопрятнымъ, какъ и всѣ взрослые.

Пренебрежительное отношеніе къ уходу за чистотою кожи влечетъ за собою многочисленныя накожныя болѣзни. По свидѣтельству г. Альфтана, у орочей-удиһэ, обитающихъ по р. Иману, множество дѣтей покрыто струпьями отъ золотухи. Вообще я долженъ сказать, что рѣдкое дитя, въ возрастѣ 5—7 лѣтъ, свободно отъ накожныхъ болѣзней, которыми часто страдаютъ и взрослые, какъ это читатели видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ пища для развитія мускульной и нервной системъ, равно общеизвѣстно и то, что соединеніе растительной пищи съ животною—наилучшее питаніе для человѣческаго организма. Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣетъ характеръ пищи для ребенка въ первые годы жизни, когда тѣло его быстро развивается и растетъ.

Посмотримъ, въ какихъ условіяхъ находятся дѣти удиһэ въ отношеніи питанія въ первые годы своей жизни.

Матери начинаютъ кормить дѣтей грудью тотчасъ, какъ они появляются на свѣтъ; если же новорожденный не беретъ груди, то не употребляютъ никакихъ понудительныхъ средствъ и оставляютъ его въ покоѣ. Въ случаѣ отсутствія въ грудяхъ матери молока и при наличности большого голода у ребенка, стараются вызвать приливъ молока довольно грубыми средствами: мнутъ и надавливаютъ груди. Если и послѣ такихъ усилій молока нѣтъ, то новорожденный оставляется безъ пищи иногда въ теченіе нѣсколькихъ (2—3) дней и утѣшается сосаньемъ собственныхъ пальцевъ.

Кормленіе грудью продолжается очень долго—два-три года. Я видѣлъ пятнадцатилѣтняго юнца, уже ходящаго на охоту и рыбную ловлю, но послѣ принятія пищи сосущаго грудь у матери, кормящей маленькаго брата его. „Обыкновенно, кормимъ до тѣхъ поръ, пока сами дѣти не бросятъ",— говорили мнѣ женщины-удиһэ. Можетъ быть, столь продолжительное кормленіе грудью ведетъ къ тому, что у матери обыкновенно за третьимъ рожденіемъ изсякаетъ молоко. Впрочемъ, не малую роль играетъ въ этомъ случаѣ и плохое питаніе кормилицы. Мнѣ привелось встрѣтить на р. Кӧмэ мать, молодую, но блѣдную и малогрудную женщину, у которой за вторымъ ребенкомъ не хватило молока. Правда, въ данномъ случаѣ бѣду легко можно было избыть: ребенку истекъ годъ, и я могъ указать пищу, которая могла замѣнить ему молоко матери. Но бываютъ случаи по истинѣ трагическіе. Удиһэ не знаютъ употребленія молока ни коровъ, ни козъ, ни лосей. Поэтому дитя, въ случаѣ смерти роженицы или отсутствія у нея молока, обрекается на голодную смерть. Спасеніе въ данномъ случаѣ можетъ явиться только въ лицѣ другой кормилицы, которая раздѣлитъ свое молоко между чужакомъ и собственнымъ ди-

тятею. Мнѣ лично не разъ приходилось видѣть такую трогательную помощь чужому дитяти.

Тутъ же, на р. Кёмэ, мнѣ сообщили, что далеко отъ ихъ поселенія въ глинистой почвѣ растетъ какая-то трава: если напоить ея сокомъ или настоемъ изъ ней женщину, у которой мало или совсѣмъ нѣтъ молока, послѣднее снова появится въ изобиліи. Какъ я ни упрашивалъ жителей селенія за щедрое вознагражденіе достать мнѣ этой рѣдкостной травы, никто не согласился отправиться за нею. И потому я сомнѣваюсь въ справедливости сообщеннаго мнѣ, хотя говорившіе настаивали на справедливости своего сообщенія, когда я высказывалъ сомнѣніе.

Слишкомъ рано дѣти удиһэ знакомятся, кромѣ молока матери, съ другою пищею, составляющею какъ бы переходъ къ пищѣ взрослыхъ. Такъ грудныя дѣти въ первый годъ своей жизни уже сосутъ кусочки сырого мозга, добываемаго изъ костей изюбря, и сырую печенку. Затѣмъ, послѣ появленія зубовъ, питаютъ дѣтей сырыми головами рыбъ, мясомъ и другими продуктами, употребляемыми въ пищу взрослыми. Замѣчу при этомъ, что дѣти начинаютъ курить табакъ съ 4 — 5-лѣтняго возраста, а водку пробуютъ на второмъ году. Какой-либо послѣдовательности питанія, чистоты груди, вытиранія рта ребенку — ничего этого не знаютъ матери-удиһэ. Единственно въ чемъ нельзя упрекнуть послѣднихъ — это въ привычкѣ засыпать въ постели съ ребенкомъ у груди.

Если къ сказанному присоединить несоблюденіе матерями-кормилицами никакой діэты касательно собственнаго питанія въ періодъ кормленія, то a priori легко допустить предположеніе о большой смертности дѣтей. Конечно, искать, среди разбросанныхъ по дебрямъ Приморской области дикарей, статистическихъ свѣдѣній о количествѣ умирающихъ ежегодно дѣтей и о причинахъ смерти было бы совершеннымъ безуміемъ: эта статистика дѣло очень отдаленнаго будущаго, когда среди удиһэ будутъ имѣть постоянное пребываніе доктора. Въ настоящее время приходится довольствоваться разспросными свѣдѣніями, источникомъ слишкомъ неопредѣленнымъ. „Много, много мретъ дѣтей",—говорятъ обыкновенно вамъ удиһэ, не привыкшіе запоминать событія своей жизни.

Тѣмъ труднѣе по разспросамъ узнать причину смерти дѣтей, родъ болѣзней: незнанье русскими языка ихъ, равно неумѣнье со стороны полудикарей описать признаки болѣзней составляютъ непреодолимое препятствіе къ добыванію требуемыхъ свѣдѣній. Обо всемъ вышесказанномъ по части статистики смертности слѣдуетъ только пожалѣть, потому что наблюденія врачей доста-

вили бы драгоцѣнный матеріалъ для сужденія о причинахъ вымиранія удиһэ [1]).

При вопросѣ объ одеждѣ дѣтей, мнѣ кажется, удиһэ руководятся мыслью, что дитяти годится всякое трянье. Лѣтомъ дѣти ихъ бѣгаютъ полуобнаженныя или одѣтыя въ грязное платье, сшитое безъ всякой примѣрки. Матеріаломъ для дѣтской одежды служитъ даба и рыбья кожа, равно кожа звѣрей, т. е. употребляютъ такіе матеріалы, которые способны раздражать кожу и производить сыпь.

Зато удиһэ не грѣшатъ пеленаніемъ дѣтей, которое и доселѣ такъ распространено среди русскаго простонародья и полуинтеллигенціи. Къ сожалѣнію, соприкоснувшись на р. Сучаны съ русскими переселенцами, удиһэ позаимствовали этотъ вредный обычай, но и то немногіе.

Грудныя дѣти проводятъ время обыкновенно въ колыбели, а на рукахъ у матери бываютъ только во время кормленія. Имѣется у нихъ два вида зыбокъ: денныя и ночныя. Первыя дѣлаются изъ бересты или дерева и состоятъ изъ двухъ спинокъ, соединенныхъ подъ тупымъ или прямымъ угломъ. Края зыбки не высоки: въ одинъ-полтора вершка. Въ такую зыбку подстилаютъ либо шерсти звѣря, либо трянья, либо тальниковыхъ стружекъ; на подстилку укладываютъ ребенка и прикрѣпленными съ обѣихъ сторонъ къ стѣнкамъ зыбки веревочками или ремнями увязываютъ его такъ искусно, что оно не можетъ вывалиться изъ колыбели. Если дитя капризничаетъ и плачетъ, то мать или отецъ берутъ зыбку за верхнюю спинку, ставятъ ее угломъ (соединяющимъ обѣ спинки) между колѣнями и потихоньку укачиваютъ плачущаго. Когда дитя уснетъ, зыбку ставятъ къ стѣнкѣ на нарахъ, и ребенокъ спитъ какъ бы въ сидячемъ положеніи. Я одинъ разъ видѣлъ длинную, корытообразную зыбку, подвѣшенною, какъ въ русскихъ деревняхъ.

Ночная зыбка представляетъ небольшую корзинку, сдѣланную по большей части изъ бересты, съ небольшою спинкою въ головахъ. По краямъ корзинка обшивается матеріей, а къ бортамъ ея пришиваются широкія полосы дрели или дабы, чтобы заворачивать ребенка. Вмѣсто матраца насыпается измельченная гнилушка; подъ голову вмѣсто подушки подкладывается высушенная тальниковая струганина. Поверхъ гнилушки кладется берестовая постилочка, съ нѣсколькими дырочками. Уложивъ ребенка, заворачиваютъ его полосами дабы

[1]) Привожу здѣсь добытое на Сучанѣ: 1) въ семьѣ Яръ изъ двухъ дѣтей умерла отъ простуды дѣвочка одного года; 2) у брата Лойси умерло 7 дѣтей: какъ родились, такъ черезъ недѣлю-двѣ умирали, иныя выживали годъ; 3) у Чуминды умерла дѣвочка и двѣ сестры въ возрастѣ до 8 лѣтъ; 4) у старухи Орлгуэго умерло изъ 6 сыновей—5; три умерли отъ оспы, два—отъ другой болѣзни; всѣ умерли въ дѣтскомъ возрастѣ, 5) изъ двухъ дѣтей отца Чанхи одно и умерло не отъ оспы, а отъ другой болѣзни. Уже эти блѣдныя цифры даютъ ясный намекъ на процентъ смертности дѣтей у орочей-удиһэ.

или дрели, перевязываютъ ремнями или веревочками и укачиваютъ на рукахъ, не то подвышиваютъ къ перекладинѣ юрты и качаютъ, какъ русскіе, зыбку. Дѣтскія выдѣленія просачиваются черезъ дырочки берестовой подстилки и впитываются гнилушкою, которую ежедневно перемѣняютъ; иногда же испражненія и моча дитяти удаляются изъ зыбки посредствомъ особаго прибора, влагаемаго между ногъ дитяти и выходящаго чрезъ дно колыбели наружу. Въ такомъ случаѣ зыбка обязательно подвѣшивается.

Къ дну и спинкамъ денной и ночной колыбелей привязываются различныя побрякушки: металлическія кольца, мѣдныя бляхи, кости соболя, птичьи кости, зубы и челюсти различныхъ хищныхъ звѣрей, пуговицы, гильзы отъ ружейныхъ патроновъ. При качаніи зыбки эти побрякушки производятъ шумъ, дѣйствующій, по мнѣнію удиһэ, усыпляющимъ образомъ на дѣтей [1]).

Обычай увязывать дитя въ зыбкѣ, хота и заставляетъ пребывать члены его тѣла въ неподвижномъ состояніи болѣе или менѣе продолжительное время, не приноситъ тѣхъ мученій, какія причиняетъ пеленаніе. Укладываніе же дѣтей въ зыбку на спину, по всей вѣроятности, способствуетъ вдавливанію затылочныхъ бугорковъ, потому что при довольно многочисленныхъ измѣреніямъ я не встрѣтилъ рѣзко выраженныхъ этихъ бугорковъ.

Другихъ искаженій дѣтскаго тѣла, въ родѣ равнянія или правленія, удиһэ не знаютъ, равно какъ не употребляютъ никакихъ искусственныхъ приспособленій для ходьбы и сидѣнья, предоставляя дѣйствовать природѣ и свободному развитію ребенка.

Что касается такъ называемыхъ „дѣтскихъ болѣзней", то о нихъ не имѣется спеціальныхъ изслѣдованій; насколько удалось узнать путемъ разспросовъ, можно сказать, что дѣти ихъ переносятъ почти безболѣзненно появленіе первыхъ и вторыхъ зубовъ.

Время появленія первыхъ зубовъ—различно: оно колеблется между 8 и 15 мѣсяцемъ жизни дитяти. Оспы не прививаютъ. Въ одной семьѣ въ долинѣ р. Та-Судуха была привита оспа врачемъ-корейцемъ. Отсутствіе оспопрививанія является для дѣтей удиһэ истиннымъ бичомъ Божіимъ: изслѣдователи подмѣтили, что оспа (чуфа) и лихорадка больше всего уноситъ дѣтей въ могилу. До послѣдняго времени единственными врачами отъ всѣхъ болѣзней для удиһэ являются шаманы, о которыхъ рѣчь будетъ въ одной изъ послѣддующихъ главъ. Кромѣ того, пользуютъ себя травами и даже массажемъ [2]).

---

[1]) «Существуетъ повѣрье, что чѣмъ больше виситъ побрякушекъ, тѣмъ лучше спитъ ребенокъ», говоритъ г. Надаровъ (Op. cit. 84 стр.).

[2]) ... «На полу юрты,—пишетъ г. Бѣльковичъ,—сидѣлъ раздѣтый человѣкъ, какъ оказалось потомъ, проводникъ команды 5-го баталіона, гольдъ Діоксай, или Икса, какъ звали его солдаты. Позади Иксы, стоя на колѣняхъ, помѣщалась еще молодая орочонка и натирала какой-то круглой костяжкой (какъ оказалось серьгой) голую спину Діоксая, отъ чего

Если у дитяти заболитъ животъ, то берутъ особую траву (к о л а̀), размачиваютъ ее въ холодной водѣ (она хранится обыкновенно въ засушенномъ видѣ), держатъ потомъ надъ паромъ, завернувъ предварительно въ бересту, потомъ эту припарку привязываютъ къ животу. Трудно сказать, что помогаетъ здѣсь болѣе: цѣлебная ли сила травы, или согрѣвающій компрессъ, но болящій, по заявленію удиһэ, всегда выздоравливаетъ.

Родители часто играютъ съ своими дѣтьми; но я не могъ подмѣтить въ этихъ играхъ ничего соотвѣтствующаго русскимъ потѣшкамъ, въ родѣ к у д е р ц е в ъ, р у ч е к ъ, л а д у ш е к ъ, с о р о к ъ, д ы б о к ъ и т. п. Всѣ потѣшки родителей-удиһэ ограничиваются подбрасываніемъ вверхъ и поцѣлуями, поглаживаніемъ головы и украшеніемъ волосъ ленточками и побрякушками. Вообще должно сказать, колыбель дитяти-удиһэ не окружена тою материнскою поэзіею, которая, выражаясь въ колыбельной пѣснѣ, закладываетъ въ душѣ ребенка первыя понятія и первыя чувства. Укачивая младенца, мать-удиһэ не поетъ надъ нимъ тѣхъ простыхъ, но задушевныхъ колыбельныхъ пѣсенокъ, которыя въ такомъ обиліи поются надъ дѣтьми другихъ народовъ.

Съ первыхъ дней своего бытія ребенокъ-удиһэ охватывается той монотонной, суровой и сѣренькой ежедневностью, которая будетъ сопровождать его до могилы. Много предстоящаго горя слышится въ однообразно-тягучемъ колыбельномъ припѣвѣ „э-э-э!“ или варіаціи его: „бай-бай, мой маленькій! Не плачь, спи скорѣе!“

Подросши и получивъ способность самостоятельно двигаться, дитя лишается почти родительскаго вниманія и предоставляется самому себѣ. Въ эту пору своей жизни оно, по своему, начинаетъ интересоваться окружающими предметами и развлекается ими. Это періодъ игръ и игрушекъ, золотая пора дѣтства. Какъ и всюду, это лучшее время жизни удиһэ. Хотя отецъ, принужденный или напрягать свои силы для добыванія пищи, или предаваться покою и бездѣятельности послѣ сильнаго напряженія, и мать, вѣчно занятая тысячею мелочныхъ заботъ, не могутъ итти навстрѣчу пробуждающейся потребности въ играхъ; однако, оно само находитъ и способы и средства удовлетворять естественную потребность организма къ дѣятельности.

у послѣдняго образовались красныя полосы на тѣхъ мѣстахъ, кои подвергались натиранію. Это былъ орочонскій способъ лѣченія простуды, такъ какъ Діоксай жаловался, что у него сильно ломитъ спину. Способъ этотъ, по словамъ паціента, приноситъ скорое облегченіе— и, дѣйствительно, черезъ полчаса Діоксай чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Этотъ способъ, повидимому, имѣетъ много общаго съ массажемъ, и разница только въ томъ, что орочоны вмѣсто рукъ употребляютъ твердую костяжку, которая быстро раздражаетъ, какъ кожу, такъ равно дѣйствуетъ и на мускульную систему, возстановляя правильное кровообращеніе». (Труды Пріам. Отд. за 1895 г.).

Вглядываясь въ игры дѣтей-удиһэ, невольно примѣнишь къ нимъ выраженіе: „время игръ—это элементарный классъ жизни". Въ самомъ дѣлѣ, подражая взрослымъ, они сами себѣ изъ жизни берутъ развлеченія.

Вертясь около отца, когда онъ куетъ острогу или удочки, сынъ выпроситъ себѣ крючекъ или остріе остроги. Ставъ съ своею игрушечною острогою на выдавшемся въ воду мыскѣ или на большомъ камнѣ, иногда на спеціально для того сдѣланной изъ бревенъ кладкѣ, онъ бросаетъ приманку и учится колоть подплывающую на нее рыбу.

Или онъ стрѣляетъ нарочито приготовленными безъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлами изъ лука, развивая столь необходимую охотнику вѣрность и остроту зрѣнія.

Или имѣющимся у него ножичкомъ вырѣзываетъ изъ дерева баты, оморочки, пуская ихъ затѣмъ по рѣкѣ. Или онъ рѣзвится съ собаками, будущими его товарищами на охотѣ и во время поѣздокъ, или возится съ пойманною сорокою или другою птицею, подмѣчая ея нравъ и особенности. Весьма часто собирается толпа мальчиковъ и прыгаетъ взапуски съ высокаго бугорка, стараясь сдѣлать прыжокъ побольше. Часто борятся, очень часто купаются въ рѣкѣ, а еще чаще перебрасываются камешками или пескомъ изъ высохшаго ствола болиголовы.

Дѣвочки почти ни въ чемъ не отстаютъ отъ мальчиковъ, но чаще вертятся около матерей и ведутъ себя сдержаннѣе.

Такимъ образомъ, игръ, въ нашемъ смыслѣ слова, дѣти-удиһэ не знаютъ; они въ играхъ пріучаются къ дѣлу, которое будетъ источникомъ ихъ благосостоянія. И очень быстро проходитъ для дѣтей-удиһэ это золотое время беззаботнаго веселья. Мальчикъ 11—12 лѣтъ уже помогаетъ отцу на охотѣ и рыбной ловлѣ; дѣвочка же въ эти годы часто становится невѣстою или женою, т.-е. работницею.

Что касается игрушекъ, то мнѣ привелось узнать лишь одну — погремушку: сдѣлана она изъ бересты и обтянута рыбьей кожей, наполнена мелкими камешками. На этотъ счетъ дѣти-удиһэ очень не избалованы. Я видѣлъ, какъ годовой ребенокъ часа два игралъ крышкою отъ банки съ консервами. Несмотря, однако, на скудость игрушекъ и развлеченій, на полное почти невниманіе родителей къ дѣтямъ, на отсутствіе наказаній, маленькіе удиһэ ведутъ себя довольно хорошо: не капризничаютъ и не надоѣдаютъ старшимъ своими приставаньями. Мнѣ такое поведеніе дѣтей всегда бросалось въ глаза, при посѣщеніи и жизни въ юртахъ. Въ русскихъ деревняхъ почти постоянно слышишь вопли дѣтей, а въ стойбищахъ удиһэ ихъ слышать приходится рѣдко. Можетъ быть, отсутствіе заботы о развлеченіяхъ дѣтей побуждаетъ послѣднихъ поменьше разсчитывать на услуги взрослыхъ. Послѣдніе очень

рано вносятъ въ отношенія къ дѣтямъ ту сдержанность и холодность, которыя рѣзко бросаются въ глаза наблюдающему отношенія членовъ семьи между собою.

ГЛАВА XIII.

Бракъ.

Мнѣ приходится въ двухъ послѣднихъ главахъ работы о тазахъ касаться такихъ сторонъ быта этого народца, гдѣ замѣчается наибольшая путаница и потемнѣніе старины. На бракъ и религіозныя воззрѣнія этихъ неустойчивыхъ дикарей наибольшее вліяніе оказали сосѣди — гольды и китайцы. Впрочемъ, долженъ оговориться, что изучавшіе жизнь удиһэ не собрали въ достаточной полнотѣ матеріаловъ, мало обративъ вниманія на названія родни, на остатки патріархальной семьи и т. п. мелочи, коимъ современная фольклористика придаетъ огромное значеніе; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что нынѣшній бракъ удиһэ мало напоминаетъ то, чѣмъ онъ былъ у нихъ въ старину. Измѣнившіяся условія экономическаго быта, сильное давленіе китайцевъ, дорожащихъ орочонками, какъ работницами, и платящихъ за нихъ подчасъ крупныя суммы, повели къ тому, что удиһэ заботятся лишь о томъ, чтобы женщина—невѣста досталась своему, а не китайцу или гольду.

Постараюсь теперь нарисовать картину современнаго брака, какъ онъ сохранился у орочонъ-удиһэ. Общепринятомъ для брачной жизни возрастомъ считается 15—17 лѣтъ. Для родителей, имѣющихъ сына въ этомъ возрастѣ, возникаетъ забота устроить ему семью. Конечно, еще раньше начинаетъ мелькать у родителей мысль о невѣсткѣ, и они высматриваютъ ее у своихъ сосѣдей. Главную роль играетъ въ данномъ случаѣ отецъ, хотя въ настоящее время все чаще и чаще высматриваетъ себѣ невѣсту самъ женихъ. Роль родителей остается главенствующею только тогда, когда засватываютъ грудныхъ или малолѣтнихъ дѣтей.

Когда подходящая „дѣвка“, какъ называютъ удиһэ невѣсту по-русски, найдена, причемъ главными достоинствами ея считаются работоспособность и хозяйственность, тогда наступаетъ время сватовства. Въ качествѣ свата посылается дядя или кто-нибудь изъ родни, кого считаютъ человѣкомъ положительнымъ и почтеннымъ. По моимъ свѣдѣніямъ, родители никогда не отправляются въ качествѣ сватовъ, если сватать приходится за взрослаго сына; но г. Надаровъ (Op. cit., 80 стр.) утверждаетъ, что отецъ, высмотрѣвъ въ какомъ-нибудь семействѣ на р. Хорѣ или Иманѣ дѣвушку, годную въ невѣсты сыну, отправляется къ отцу послѣдней для переговоровъ.

Посланные сваты, явившись въ юрту невѣсты, ведутъ съ отцемъ послѣдней переговоры, сущность которыхъ сводится къ тому, что такому-то нужна невѣста, у тебя есть дочка, не отдашь ли ты ее за него. Согласіе или несогласіе дается родителями сватаемой дѣвушки; спрашивать самое невѣсту о согласіи быть женою такого-то не принято у удиһэ. Впрочемъ, подъ вліяніемъ русскихъ поселенцевъ, кое-гдѣ молодежь заявляетъ свои права. Протестантамъ приходится прибѣгать къ рѣшительнымъ средствамъ. „Мнѣ извѣстенъ, пишетъ г. Надаровъ [1]), только одинъ случай, когда орочонка вышла замужъ за китайца по любви. Она была назначена въ невѣсты одному орочону, но любила китайца и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ отъ родителей“. Къ счастью, подобные случаи теперь не составляютъ исключенія. Лично мнѣ довелось слышать отъ одной дѣвушки—удиһэ слѣдующее заявленіе по этому поводу: „Мнѣ что воля отца! Алешку люблю, за Алешку и пойду замужъ“!

Этотъ Алешка, по фамиліи Очопъ, сынъ орочона изъ Императорской гавани, хорошій плотникъ и франтъ, носящій европейскую шляпу и мундиръ англійскаго моряка, хорошо говорящій по-русски, сватался нѣсколько разъ за упомянутую дѣвушку. Онъ предлагалъ ея отцу 100 и 150 рублей „тори“, т. е. выкупа; но упрямый старикъ денегъ не принималъ, а искалъ такого жениха, у котораго была бы сестра-дѣвушка, чтобы вымѣнять ее на свою дочь для своего старшаго сына. Въ мою бытность Алёшка дѣлалъ рѣшительный шагъ: не желая ссориться съ будущимъ тестемъ, онъ пытался склонить его уступить дочку за деньги, потому что сестры у него нѣтъ. Если старикъ не уступитъ его просьбамъ, то онъ рѣшилъ украсть ее въ то время, какъ отецъ уйдетъ на охоту.

Когда получено согласіе родителей дѣвушки, сваты возвращаются въ юрту жениха и объявляютъ о томъ родителямъ его. Отецъ, а за неимѣніемъ таковаго, старшій братъ, отправляется къ родителямъ невѣсты и уговаривается насчетъ „тори“, или выкупа.

Послѣдній когда-то игралъ огромную роль въ процессѣ бракосочетанія, да иногда и теперь еще имѣетъ рѣшающее значеніе. Размѣръ его колеблется отъ 50 до 100 руб. деньгами, соболями или товарами (дрель, табакъ, шелковая матерія). Иногда отецъ жениха, отправляясь торговаться относительно „тори“, захватываетъ съ собою подарки и угощаетъ ханшиномъ родителей невѣсты.

Если женихъ сватается самъ, то процедура торга упрощается. На р. Та-Судухэ живетъ удиһэ Тодинъ, который взялъ жену на р. Сучанѣ. Онъ жилъ отъ фанзы будущаго тестя въ разстояніи 10 верстъ, часто ходилъ туда, дружилъ съ братьями своей жены. Когда у него накопилось достаточно денегъ, онъ спросилъ своихъ друзей, отдадутъ ли родители за него ихъ

[1]) Op. cit. 86 стр.

сестру. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ заплатилъ тестю тори табакомъ и старыми манзовскими серебряными талерами и взялъ жену.

Послѣ того, какъ торгъ изъ-за тори между родителями брачущихся оконченъ, до самой свадьбы иногда бываетъ очень далеко: женихъ подчасъ годъ и два выплачиваетъ выкупъ. Хотя сговоръ ведется словесно, но свято соблюдается: рѣдко бываютъ случаи, чтобы засватанная дѣвушка выдана была за другого. Пока тори не выплачено, невѣста находится въ домѣ родителей. Женихъ навѣщаетъ, даритъ серьгами, браслетами, но не спитъ. Впрочемъ, смотря по уговору, иногда невѣста отправляется въ домъ жениха до уплаты выкупа. Со времени выплаты тори она становится собственностью жениха и его семьи.

Но вотъ выкупъ отданъ, и начинается свадьба, которая у тазовъ совершается очень просто. Родители жениха и этотъ послѣднiй принимаютъ у себя свадебныхъ гостей, родныхъ и знакомыхъ (сородичей). Сюда-же приходятъ родители невѣсты и она сама, разодѣтая въ новое нарядное платье (пшанъ). Свадебный пиръ продолжается отъ двухъ дней до двухъ недѣль. Гости много ѣдятъ и много пьютъ ханшина и чаю. Готовятъ лапшу, пельмени, мясо свиньи или дикаго звѣря, убитаго наканунѣ свадьбы, разные овощи. Если пиръ по какой-либо причинѣ затянется, то обходится жениху дороже „тори“. Вышеупомянутому Тодину пришлось, вслѣдствiе распутицы, прокормить гостей десять дней, и свадьба стоила ему до 500 рублей.

Во время свадебнаго пира происходитъ окончательная выплата тори, причемъ родители невѣсты большую часть берутъ себѣ, а меньшую, особенно матерiи, отдаютъ дочери.

Если женится одинокiй человѣкъ, то свадебный пиръ происходитъ въ домѣ невѣсты. По свидѣтельству г. Пель-Горскаго, удиһэ р.р. Имана, Бикина и Ваку всегда совершаютъ брачный пиръ въ домѣ невѣсты. Нужно замѣтить, что на указанныхъ рѣкахъ, подъ влiянiемъ манзъ, въ составъ брачнаго обряда вошла такъ называемая „брачная чаша“. Подъ конецъ свадебнаго пира въ домѣ невѣсты, передъ отъѣздомъ ея въ фанзу жениха, стелютъ коверъ или цвѣтную цыновку; женихъ и невѣста становятся на колѣняхъ лицомъ другъ къ другу. Одинъ изъ присутствующихъ, только не родственникъ, наливаетъ двѣ чашечки водкою и подноситъ новобрачнымъ, сперва жениху, потомъ невѣстѣ. Они мѣняются чашечками и пьютъ. Имъ подносятъ второй разъ, и бракъ совершенъ [1]).

По окончанiи свадебнаго пира, мать жениха или невѣсты въ особой части балагана, предназначенной для новобрачныхъ, приготовляетъ постель

[1]) Ор. Надарова op. cit. стр. 87,—Труды Пр. отд. за 1895 г. стр. 28.

и приглашаетъ жениха спать. На это ложе приходитъ къ нему и невѣста. Другіе спятъ на другой половинѣ балагана. По свидѣтельству г. Надарова (ibid. 87), на р. Хорѣ послѣ свадебнаго пира молодые садятся въ ботъ и отправляются внизъ или вверхъ по рѣкѣ отъ юрты родителей. Не вдалекѣ отъ нея они строятъ себѣ балаганъ и проводятъ въ немъ первую ночь. На слѣдующій день они возвращаются въ юрту родителей и считаются мужемъ и женою. Одинъ или два дня молодая не работаетъ, а затѣмъ начинается для нея обыденная сѣренькая жизнь, полная заботъ и труда по хозяйству.

Таковъ брачный обычай удиһэ. Онъ нарушается различными случайностями и больше всего перемѣнами экономическаго и національнаго характера.

Если родители сосватали малолѣтнихъ, то невѣста или живетъ въ своей семьѣ до совершеннолѣтія жениха, или въ семьѣ послѣдняго. Желаніе имѣть въ домѣ работницу часто побуждаетъ родителей къ пятилѣтнему жениху брать невѣсту 12—15 лѣтъ.

Малочисленность женщинъ, упадокъ экономическаго благосостоянія удиһэ вслѣдствіе малочисленности звѣря и эксплоатаціи манзъ, желаніе послѣднихъ пріобрѣтать тазачекъ въ жены—все это сильно затрудняетъ удиһэ въ добываніи невѣстъ. Съ одной стороны, всеобщее обѣднѣніе побудило значительно понизить размѣры „тори". Весьма часто бываютъ случаи, что родители отдаютъ свою дочь безъ всякой платы въ зажиточную семью, не будучи въ состояніи прокормить ее. Но нельзя сказать, что удиһэ совершенно покидаютъ тори. По сообщенію та-судухинскихъ удиһэ, даже при безплатномъ полученіи невѣсты, женихъ обязанъ дать родителямъ ея—двѣ маленькихъ манзовскихъ чашечки, два трезубца для рыбы, двѣ красивыхъ берестянки для соли. Если же бываютъ случаи, что женихомъ не выполняются и эти скромныя требованія, то угощеніе, хотя самое скромное, обязательно.

Съ другой стороны, конкурренція манзъ, людей денежныхъ, ведетъ къ тому, что многіе удиһэ осуждаются на невольное одиночество. Мнѣ лично приходилось встрѣчать до десятка бобылей, которые въ теченіе сорока лѣтъ не собрали денегъ для покупки жены.

Малочисленность женщинъ значительно улучшаетъ положеніе молодой въ семьѣ мужа. По большей части женившійся сынъ выдѣляется изъ семьи и заводитъ свое самостоятельное, не хитрое хозяйство. Если же не выдѣляется, то молодая женщина, признавая авторитетъ свекрови, не можетъ жаловаться на дурное обращеніе мужа и его родни. И положеніе женщины не ухудшается даже въ томъ случаѣ, когда женихъ принадлежитъ къ чужой фамиліи, къ другому роду. Я самъ видѣлъ, какъ старуха-свекровь ласкала и наряжала купленную для сына восмилѣтнюю дѣвочку, не заставляя ее даже дрова носить, т. е. исполнять самую легкую женскую работу. Разводы рѣдки, но

бываютъ. Происходятъ они тогда, когда родные жены видятъ, что зять, по болѣзни или лѣни, не можетъ прокормить семью, или когда онъ и его родичи худо обращаются съ женою. Препятствіемъ къ разводу обыкновенно служитъ уплата тори: но разъ родители жены уплатили выкупъ, женщина дѣлается свободною. Если же мужъ по своей волѣ возвратитъ дочь родителямъ, то выкупъ не уплачивается. Дѣти, хотя временно и отдаются женѣ для прокорма, принадлежатъ отцу, который одинъ имѣетъ право выдавать своихъ дочерей замужъ и получать за нихъ тори. Впрочемъ, развитіе гуманности понемногу смягчаетъ этотъ суровый по отношенію къ матери законъ.

Хотя законъ удиһэ не ограничиваетъ количества женъ, но, въ силу указанныхъ выше причинъ, нынѣ рѣдко встрѣчается тазъ, имѣющій двухъ женъ. Лично я зналъ двухъ такихъ удиһэ, но ни одного не знаю такого, у котораго было бы три или четыре супруги.

Замѣчательно, что обѣ жены относятся другъ къ другу сдержанно, но холодно; первенство принадлежитъ той, которая старше возрастомъ и пріобрѣтена раньше. Мнѣ лично приходилось наблюдать только добрыя отношенія между женами одного и того же таза. Но нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что при нѣсколькихъ женахъ ссоры между ними доходятъ до кровавой расправы, почему сами тазы говорятъ, что нѣсколько женъ худо.

Едва ли находится въ связи съ какою-либо изъ вышеуказанныхъ причинъ то обстоятельство, что изъ-за женщинъ совершается рядъ битвъ и кровавыхъ историй „Бываетъ такъ, пишетъ г. Надаровъ (Op. cit. 85—86 стр.), что орочонъ съ Хора украдетъ чужую жену на Бикинѣ или наоборотъ. Тогда потерпѣвшій подбираетъ себѣ партію (войско), отправляется къ похитителю и, если застанетъ его врасплохъ, отымаетъ украденную жену, а виновнаго, если онъ не успѣетъ скрыться, бьютъ. Если же укравшій узнаетъ о приближеніи непріятеля, то также съ своей стороны подбираетъ партію, и тогда происходятъ цѣлыя битвы, но исключительно на холодномъ оружіи. Пускаютъ въ ходъ копья, стрѣлы, а схватившись въ рукопашную, ножи... Побѣдителю въ битвѣ достается украденная жена“...

Крадутъ женщинъ у тазовъ не только одноплеменники, но гольды [1]) и манзы. Въ особенности жестоко мстятъ тазы за кражу женщинъ китайцамъ, которыхъ ненавидятъ, какъ эксплоататоровъ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я сообщалъ уже о трагической судьбѣ семьи таза Ольбяу, равно приводилъ характерное прошеніе другого удиһэ.

Лично мнѣ не приходилось слышать о похищеніи женщинъ. Алёшка Очопъ, собираясь увезти невѣсту, не говорилъ мнѣ ничего о возможной битвѣ. Другіе изслѣдователи ничего не говорятъ о войнахъ и битвахъ между тазами

[1]) См. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

изъ-за похищенныхъ дѣвушекъ. Поэтому на разсказанное г. Надаровымъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на месть за оскорбленіе правъ мужа.

Нельзя не пожалѣть, что г. Надаровъ, изучавшій бытъ удиһэ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, мало заинтересовался сообщеніемъ о битвахъ изъ-за женщинъ и не поинтересовался спросить, не похищаютъ ли невѣстъ и не воюютъ ли изъ-за похищенныхъ дѣвушекъ, никому, кромѣ родителей, не принадлежащихъ.

Весьма мало обратили наши предшественники вниманія и на вопросъ: въ какомъ предѣлѣ ограничиваются браки или чѣмъ. Мнѣ лично пришлось добыть рядъ сбивчивыхъ свѣдѣній, потому что южные орочоны сильно растеряли старину. Лѣта, напримѣръ, играютъ незначительную роль въ ограниченіи брака, родство же кладетъ ему предѣлы, но до какой степени? Престарѣлая Орлгуэго отвѣтила мнѣ, что мужемъ ея былъ дядя по отцу. Проводникъ Кинцаръ сказалъ, что нельзя жениться на своей сестрѣ, на своей дочери, на своей племянницѣ, на двоюродной сестрѣ. На рѣкѣ Кемэ мнѣ сообщили, что братья родные могутъ жениться на сестрахъ; а родные и двоюродные сестры и братья между собою не брачатся. Вообще родство сильно перепутано у тазовъ; оно забывается, особенно потому, что они не всегда живутъ долго на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть, эта путаница въ родствѣ повлекла за собою путаницу и въ брачномъ обрядѣ. Царящая въ послѣднемъ путаница особенно станетъ ясною, когда столкнешься съ правилами семейной жизни.

„По словамъ самихъ орочонъ, пишетъ г. Бѣльковичъ[1]), ихъ жены очень вѣрныя супруги, и не бывало примѣра, чтобы орочонка нарушила супружескую вѣрность, если только мужъ ея находится при ней; если же мужъ или, какъ орочоны говорятъ, „мужка“ по какому-либо случаю находится въ долгомъ отсутствіи, то жена или, какъ они называютъ, „бабушка“, по ихъ словамъ, иной разъ начинаетъ пошаливать, причемъ въ данномъ случаѣ другомъ дома является (какъ и надлежитъ тому быть) какой-нибудь молодой парень-орочонъ же: мужья въ такихъ случаяхъ, какъ кажется, не бываютъ очень ревнивы и продолжаютъ тихо и мирно жить со своими „бабушками“. прощая имъ ихъ легкомысліе. Къ людямъ же посороннимъ, т. е. къ русскимъ и китайцамъ, орочоны въ данномъ случаѣ относятся очень недовѣрчиво и всегда готовы жестоко отомстить за поруганную честь своихъ женъ“. Но рядомъ съ нимъ г. Пель-Горскій (ibid.) сообщаетъ, что нравственность орочонъ иногда стоитъ очень низко. Мужья иногда за деньги, водку или опіумъ продаютъ своихъ женъ и дочерей. Впрочемъ, онъ склоненъ видѣть здѣсь исключеніе, простую распущенность, вслѣдствіе близости китайцевъ

[1]). См. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.

(наблюдаемый имъ случай происходилъ около китайскаго кордона, противъ устья р. Имана), въ глуши же тайги супружеская вѣрность сохраняется въ большей чистотѣ.

По словамъ тазовъ, въ старину нарушенія вѣрности со стороны жены вызывали кровавую расправу мужа. Удиһэ, заставъ жену in flagrante delicto, могъ убить и соблазнителя и жену, причемъ его не судили, и даже родственники жены не мстили ему. Другіе сообщили, что мужъ могъ жаловаться на соблазнителя обществу, и послѣднее присуждало виновнаго уплатить обиженному штрафъ-халатъ или опредѣленное количество шелку. Наконецъ, третьи прибавляли, что обманываемый женою мужъ можетъ сердиться на нее, бить ее, но жаловаться на нее обществу не можетъ.

Если бы шалости жены съ другими мужчинами, въ отсутствіе мужа, окончились беременностію, то родившееся дитя остается въ живыхъ, но обманутый мужъ считалъ его „чужимъ“. Если соблазну поддается дѣвушка и рождаетъ дитя, то родители узнаютъ отъ нея виновника позора, и послѣдній обязанъ жениться на увлеченной [1]).

Но рядомъ со сказаннымъ слѣдуетъ сопоставить слѣдующій эпизодъ изъ моей экспедиціи. Переводчикъ-удиһэ подружился съ моимъ счетчикомъ по переписи населенія по берегу Великаго океана. На пути во Владивостокъ, куда я везъ съ собою и таза, какъ-то разговорились друзья о предстоящемъ прибытіи въ городъ.

— Какъ пріѣдемъ домой (во Владивостокъ), говоритъ мой счетчикъ, ты ко мнѣ отправишься. У меня свой домъ, помѣстимся.

— Къ тебѣ пойду, ходя (другъ), соглашается удиһэ. А „бабушка“ у тебя есть въ юртѣ?

— Есть; она насъ угоститъ хорошо. Важно отдохнемъ послѣ скитаній по тайгѣ.

— А ты, ходя, мнѣ „бабушку“ свою дашь на ночь? откровенно спрашиваетъ орочонъ.

— Вишь, чортъ печеный, чего захотѣлъ! невольно воскликнулъ счетчикъ. А ты бы мнѣ далъ свою бабушку, если бы я пришелъ въ твою юрту? спросилъ онъ.

— А какъ же иначе, конечно, далъ бы, спокойно и серьезно отвѣчалъ ему удиһэ: ты мнѣ все равно братъ, свой человѣкъ, тебѣ можно и „бабушку“ мою дать на ночь“. Присоединилъ къ этому, что невинность невѣсты не играетъ никакой роли при заключеніи браковъ, что поліандріи, т. е. много-

[1]) Помню, Алёшка Очопъ говорилъ мнѣ какъ-то, что хочетъ такъ поступить съ дочкою несговорчиваго удиһэ. «Тогда поневолѣ отдастъ за меня и выкупа не получитъ ни копейки», говорилъ онъ смѣясь.

мужества, удиһэ не знаютъ и удивляются, какъ можетъ быть нѣсколько мужей у одной женщины, и постараемся разобраться въ приведенныхъ фактахъ.

Вдумываясь въ разрозненныя явленія брачнаго обряда современныхъ тазовъ, я невольно склоняюсь къ мысли, чти эти факты и явленія могутъ быть объяснены только при принятіи мнѣнія Дж. Леббока о происхожденіи брака. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Начало цивилизаціи". (Спб. 1895 г. гл. III—IV) онъ, вопреки Мак-Леману, Бахофену и Моргану, устанавливаетъ слѣдующія ступени въ развитіи брака: первоначальный общинный бракъ постепенно замѣнился индивидуальнымъ бракомъ, основаннымъ на похищеніи; это повело къ экзогаміи. Эндогамію и правильную поліандрію онъ считаетъ исключительными явленіями, не входящими въ нормальный прогрессъ развитія брака.

Повторяю, что современный бракъ удиһэ до-того утратилъ старину, что надо снимать слой за слоемъ позднѣйшіе придатки и искаженія, чтобы отыскать крохи первобытности.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно объяснить то явленіе, что нравственность жены ограничивается наличностью мужа; разъ онъ отлучился, жена его дѣлается легко доступною для всякаго таза. Если-бы не существовало по традиціи, идущей изъ старины глубокой, мысли, что когда-то, при общинномъ бракѣ, женщина принадлежала всѣмъ мужчинамъ одного племени, то едва ли бы тазачки были такъ доступными. Конечно, въ силу эволюціи и другихъ обстоятельствъ, общность женщины нынѣ переходитъ всякія границы, потому что тазачками пользуются свободно, въ отсутствіе мужей, и гольды, и китайцы, и русскіе; но въ основѣ ея лежитъ, несомнѣнно, идея общиннаго брака.

Мщеніе за нарушеніе супружескихъ правъ примѣнялось первоначально къ чужимъ мужчинамъ, а не своимъ, какъ и сообщаетъ г. Бѣльковичъ. Разговоръ проводника съ моимъ счетчикомъ совершенно напоминаетъ случай съ англійскимъ миссіонеромъ въ Австраліи Больмеромъ (Леббокъ, вѣд. 65 стр.) и доказываетъ только, что всякій мужчина, ставшій братомъ другого, получалъ права и на жену его.

Какъ объяснить обычай, чтобы молодые на лодкѣ уѣзжали изъ дома родителей и проводили въ уединенномъ балаганѣ первую ночь? Какъ объяснить обычай, что мужъ, вернувшись домой изъ долгой отлучки, войдя въ фанзу, не говоритъ ни слова женѣ и даже не обращаетъ на нее вниманія. Та, въ свою очередь, и не взглянетъ на мужа, какъ будто совершенно незнакомая?

Первый обычай, по моему, находитъ свое объясненіе въ индивидуаль-

номъ бракѣ, основанномъ на похищеніи. Въ немъ звучитъ слабою нотою отзвукъ той старины, когда мужчина, захватившій женщину другого племени, пріобрѣталъ индивидуальное и особое право на нее, тогда какъ онъ же не имѣлъ никакого права на присвоеніе исключительно себѣ женщины своего племени.

Второй обычай снова возвращаетъ насъ къ общинному браку: если ни одна женщина не могла посвятить себя одному мужчинѣ своего племени, то какъ она могла при другихъ показывать ему свое исключительное расположеніе!

Не разъ подчеркнутое изслѣдователями быта удиһэ стремленіе брать невѣсту изъ чужого племени прямо указываетъ на позднѣйшую стадію въ развитіи брака — экзогамію.

Многоженство, бытующее и понынѣ, хотя съ каждымъ десятилѣтіемъ становящееся болѣе рѣдкимъ, прекрасно объясняется не только указанными Леббокомъ (16. 100 стр.) причинами, но и желаніемъ имѣть лишнюю работницу. Совершенно оправдываютъ мнѣніе только что названнаго англійскаго ученаго о поліандріи тѣ исключительныя явленія, когда одною тазачкою на правахъ мужей пользуются тазъ и китаецъ или два таза. Подобные случаи, должно сказать, въ послѣднее время становятся чаще. Эндогаміи, кажется, не существуетъ среди удиһэ, а если существуетъ, то представляетъ рѣдкое исключеніе.

ГЛАВА XIV.

Религіозныя вѣрованія.

Если, по справедливому замѣчанію г. В. М. Михайловскаго [1]), изъ всѣхъ отдѣловъ этнографіи самымъ труднымъ представляется тотъ, въ которомъ подвергаются научному изслѣдованію воззрѣнія народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, на явленія окружающаго міра, то тѣмъ болѣе труднымъ представляется изложеніе религіозныхъ воззрѣній удиһэ. Трудность эта обусловливается, съ одной стороны, тѣмъ, что въ этой области наиболѣе затемнена старина сильнымъ вліяніемъ китайцевъ или гольдовъ, подпавшихъ вліянію китайцевъ, равно проповѣдью православныхъ миссіонеровъ, вносящихъ въ матеріалистическое пониманіе удиһэ струю возвышеннаго христіанскаго богопознанія. Впрочемъ, вліяніе христіанской проповѣди отразилось

[1]) В. М. Михайловскій: Шаманство. Извѣстія И. Общ. люб. ест., антр. и этногр. Т. LXXV. 1892; кн. 12.

на воззрѣніяхъ удиһэ слишкомъ мало и только охватило нѣкоторые районы.

Съ другой стороны, незнаніе языка удиһэ дѣлало для изслѣдователей почти невозможными разспросы для истиннаго уразумѣнія міропониманія дикарей. Помню, какъ я былъ удивленъ при первомъ знакомствѣ съ престарѣлою тазачкою Ормичуэкѐ, которая на вопросъ о Богѣ, какъ творцѣ вселенной, энергически говорила мнѣ: „никакого такого бога у тазовъ нѣтъ“. Въ виду сказаннаго для возможно болѣе яснаго пониманіе того, что представляютъ нынѣ религіозныя воззрѣнія удиһэ, постараюсь въ краткихъ словахъ изложить, какъ современная наука представляетъ постепенное развитіе религіозныхъ вѣрованій.

По словамъ Леббока [1]), самую низкую степень религіи составляетъ вѣрованіе „въ существованіе злыхъ существъ, менѣе матеріальныхъ, чѣмъ мы, но, подобно намъ, смертныхъ, и хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обладающихъ силами, превосходящими наши, но зато въ другихъ уступающихъ намъ“.

Фетишизмъ представляетъ слѣдующую ступень, гдѣ религіозныя вѣрованія болѣе систематизированы и пріобрѣтаютъ болѣе важное значеніе.

„Послѣдующей стадіей прогресса религіозныхъ вѣрованій является та, которую можно назвать „тетомизмомъ“. Въ ней дикарь не отказывается отъ вѣры въ фетишизмъ, по присоедняетъ къ ней вѣрованія въ существа высшія и менѣе матеріальныя. Въ этой стадіи предметомъ поклоненія могутъ быть—деревья, камни, горы, рѣки, животныя; но здѣсь уже не считается возможнымъ дѣйствовать на высшія божества путемъ колдовства. Душамъ умершихъ предстоитъ трудное и опасное путешествіе.

Шаманизмъ представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ, въ смыслѣ болѣе возвышеннаго пониманія религіи. Въ тотемизмѣ божества живутъ на землѣ; въ шаманизмѣ они живутъ въ своемъ особомъ мірѣ и мало заботятся о томъ, что происходитъ съ людьми. Шаманъ пользуется случайною честью посѣщенія божества.

Наконецъ еще ступенью выше стоитъ идолопоклонство, которое ошибочно считали религіею, общею для всѣхъ низшихъ расъ, смѣшивая его съ фетишизмомъ. Послѣдній прямо противоположенъ идолопоклонству: фетишизмъ есть наступательное отношеніе къ божеству, а идолопоклонство—полное, хотя и грубое, подчиненіе ему. Идоламъ обыкновенно придаютъ человѣческую форму, и идолопоклонство тѣсно связано съ формою религіи, заключающейся въ поклоненіи предкамъ. Сказаннымъ исчерпываются низшія умственныя стадіи, чрезъ которыя проходили вѣрованія.

[1]) Начало цивилизаціи. Изд. 2-ое, глава VIII.

И всѣ эти стадіи, за исключеніемъ первой, самой низкой, находятъ себѣ отголосокъ въ сохранившихся доселѣ религіозныхъ вѣрованіяхъ удиһэ, что будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

При первомъ вопросѣ о религіи большая часть удиһэ отвѣчаетъ: „молимся китайскому богу". Дѣйствительно, сознательно или безсознательно, но они стараются исполнять, подобно китайцамъ, всѣ религіозные обряды. Во всякомъ болѣе многолюдномъ поселеніи тазовъ имѣется китайская кумирня.

Вотъ описаніе одной изъ видѣнныхъ мною кумиренъ, остальныя же представляютъ самыя незначительныя отличія.

Небольшое, около 4-хъ аршинъ въ длину и ширину, зданіе, съ двускатною крышею изъ соломы, такова кумирня. Вся она выстроена изъ дерева, но задняя и боковыя стѣны тщательно обмазаны глиною. Лицевая сторона, раскрашенная краснымъ, желтымъ, бѣлымъ и чернымъ цвѣтами, имѣетъ двустворчатую входную дверь, надъ которою—навѣсикъ, поддерживаемый двумя столбами. Противъ этой двери, въ разстояніи сажени, вкопаны два трехсаженныхъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ, шеста, съ различными украшеніями; верхи шестовъ—копьевидны и позолочены.

Внутри кумирня убрана такъ. На стѣнѣ, противъ входной двери, наклеено печатное изображеніе различныхъ боговъ, нѣчто въ родѣ нашихъ религіозныхъ картинъ. Тутъ были: царь боговъ Лаое, богъ дождя Лун-ванъ, богъ лошадей Мао-ванъ, богъ богатства Шань-жень, богъ войны Хуи-дзы, богъ земледѣлія—Тху-ды и другіе.

Передъ изображеніемъ боговъ—жертвенникъ, имѣющій форму продолговатаго стола; на жертвенникѣ пять красныхъ деревянныхъ чашечекъ съ палочками и два подсвѣчника. Кромѣ того, на другихъ стѣнахъ висѣли доски съ китайскими письменами, вѣроятно, молитвенныя изреченія.

Въ такой кумирнѣ совершается въ китайскіе праздники молитва слѣдующимъ образомъ. Начало богослуженія возвѣщается двумя или нѣсколькими китайскими ракетами. Затѣмъ обыкновенно старшій изъ удиһэ входитъ въ кумирню, становится на колѣни и зажигаетъ китайскія свѣчи, приготовленныя изъ обломковъ чумизы или гнилушки. Эти свѣчи втыкаются въ чашку съ пепломъ и не горятъ, а тлѣютъ. Вошедшій въ кумирню читаетъ молитву, а остальные ему отвѣчаютъ, причемъ то становятся на колѣни и сжимаютъ обѣ руки вмѣстѣ въ кулакъ, то вытягиваютъ, стоя, руки вверхъ. Молитва имѣетъ цѣлью испросить у боговъ хлѣбъ насущный и приблизительно такова „дай намъ изюбря или козулю; у насъ ужъ давно нѣтъ съѣстныхъ припасовъ; недавно я видѣлъ изюбря, но было далеко, и я не могъ стрѣлять. Пожалуйста, пришли намъ изюбря или козулю" [1]).

---

[1]) Ср. Труды Пр. От. И. Р. Г. О. 1895 г.

Иногда такія кумирни бываютъ маленькихъ размѣровъ и ставятся на пашняхъ или огородахъ. „Онѣ представляли изъ себя, говоритъ г. Надаровъ о кумирняхъ, видѣнныхъ имъ на р. Бикинѣ [1]), деревянные ящики, внутри которыхъ были на бумагѣ наклеены изображенія китайскихъ боговъ. Одна изъ такихъ кумиренъ обращала на себя особенное вниманіе. Она представляла изъ себя видъ маленькаго рубленнаго деревяннаго дома въ 1 аршинъ въ квадратѣ съ двускатной крышей, съ хорошо отдѣланными дверями. Снаружи дверей сдѣлано крылечко, на которомъ стоитъ два деревянныхъ идола, изображающіе стоящихъ людей. Внутри домика висѣли въ деревянной обтянутой китайской бумагой клѣткѣ два свинцовыхъ идола въ 2½ вершка каждый... Идолы были привязаны къ клѣткѣ за шею красною тесьмою". Мимо такой кумирни, стоитъ ли она на перевалѣ хребта, или при дорогѣ, удиһэ, подобно китайцамъ, никогда не проходятъ мимо безъ молитвы, а часто и приношенія, въ родѣ камушка, кусочка дрели, палочки и т. п.

Рѣже встрѣчаются самыя простыя кумирни. Въ лѣсу, близъ фанзушки или балагана, выбирается толстое прямоствольное дерево; на высотѣ отъ одного до полуторыхъ аршинъ отъ земли срѣзаютъ кору въ видѣ треугольника. Въ стволѣ вырѣзаютъ трехранный уголъ или просто вѣшаютъ дощечку съ китайскими письменами, и кумирня готова. Такую кумирню я встрѣтилъ всего разъ на р. Та-Судухэ. Видѣлъ такія кумирни и г. Надаровъ [2]). Жертвенникомъ при такой кумирнѣ бываетъ или колода, или помостъ изъ коры, укрѣпляемый на сошкахъ.

Копируя во всемъ китайцевъ, удиһэ не прониклись глубоко буддійскою религіею; они взяли отъ нея одну внѣшность и то искаженную: поклоненье идоламъ. На р. Самаргѣ старые люди говорили мнѣ, что китайскую религію они приняли лѣтъ 25 тому назадъ, а до того времени они молились своимъ богамъ.

Въ чемъ заключалась эта своя религія, они даютъ очень сбивчивыя свѣдѣнія; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они прошли ступени фетишизма и тотемизма.

Слѣды послѣдняго сохранились прежде всего въ сказаніи о происхожденіи удиһэ отъ дѣвушки и медвѣдя. Это сказаніе, сохранившись среди жителей Имана, Бикину и Ваку, повело къ тому, что всѣ удиһэ почитаютъ медвѣжье мясо и очень имъ дорожатъ.

Во время пира [3]) они слѣдятъ, чтобы ни одна капля крови не упала на землю; если же по неосторожности это случится, то мѣсто, куда капнула

---

[1]) Op. cit. 81—82 стр.

[2]) Op. cit. 81 стр.

[3]) Разумѣю пиры во время такъ называемаго «медвѣжьяго праздника».

кровь или упалъ кусокъ мяса, вырѣзается и вмѣстѣ съ землею сжигается на кострѣ. Голову медвѣдя они всегда ѣдятъ, не разбивая черепа, а затѣмъ вѣшаютъ его на шестъ вблизи шалаша.

Кромѣ медвѣдя, они почитаютъ еще тигра и никогда не тронутъ его, если онъ не причиняетъ имъ вреда.

По словамъ Самаргинскихъ удиһэ, боговъ много: у медвѣдей свой богъ, у соболей свой, у рыбъ свой. Они такихъ боговъ называютъ „хозяева". Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ ясные слѣды вѣры удиһэ въ духовъ, проявленіе того „анимизма", о которомъ такъ пространно говоритъ Леббокъ въ своей „Первобытной культурѣ" (2-ое изд. рус. пер. 1897 г. т. I и II).

Всѣ духи раздѣляются ими на добрыхъ (сыновъ) и злыхъ (сакха, аначи). Какъ тѣмъ, такъ и другимъ они съ давнихъ временъ приносили жертвы. Жертвенникомъ служилъ столбъ, на которомъ укрѣплялась доска; на послѣдней разводили огонь и сжигали на немъ просо, буду, рисъ и другія приношенія.

Они вѣрятъ, что злые духи, которыхъ они называютъ подъ вліяніемъ русскихъ воззрѣній чертями, насылаютъ на человѣка болѣзни и всячески вредятъ человѣку; иногда болѣзни насылаются и добрыми духами.

Среди людей есть такіе, которые обладаютъ способностью узнавать волю добрыхъ духовъ (будущее) и изгонять злыхъ (чертей). Такіе люди называются у нихъ шаманами.

По справедливому замѣчанію г. Шашкова [1]), „шаманство не сохранилось досёлѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ,—многое измѣнилось въ немъ отъ частыхъ столкновеній съ буддизмомъ, христіанствомъ. Что касается удиһэ, то на побережьи Великаго Океана, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, шаманство окончательно вымираетъ, превращаясь въ любительскую игру. Объѣхавъ все побережье, гдѣ обитаютъ удиһэ, я встрѣтилъ только на р. Нельмѣ развалины шаманской юрты и фетиши. Тутъ, по разсказамъ жителей, годъ тому назадъ жилъ страшный шаманъ, который имѣлъ дѣло съ злыми духами (чертями) и могъ не только изгонять ихъ изъ человѣка, но и вселять. Помню, съ какимъ ужасомъ убѣждалъ меня одинъ молодой удиһэ не трогать фетишей, оставленныхъ шаманомъ. По его словамъ, если я возьму фетиши, то поднимется буря, пойдетъ дождь. Я не взялъ ихъ не потому, что повѣрилъ словамъ удиһэ, а потому, что плававшій со мною капитанъ парохода „Сторожъ" г. Гекъ, боясь возмущенія народа за оскверненіе мною священныхъ предметовъ, возбранилъ моимъ людямъ снимать изображенія съ дерева.

---

[1]) Шаманство въ Сибири. Записки И. Р. Г. О. 1864 г. 1 стр.

Этотъ шаманъ ушелъ на одинъ изъ притоковъ р. Уссури, туда, гдѣ шаманы еще держатся. Тамъ, по рр. Иману, Бикину и Ваку, шаманы встрѣчаются часто. Впрочемъ, теперь и тамъ они ни по внѣшнему виду, ни по своему костюму ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ удиһэ, удержавъ одинъ бубенъ, какъ единственную принадлежность своего званія.

Нѣкогда костюмъ шамана (шама) [1]) состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1) толи, 2) бубна, 3) юбки или халата, 4) ремень, 5) поясъ, 6) рукавицы, 7) шапки, 8) бурханы.

Толи представляетъ хорошо отполированный мѣдный кругъ, надѣваемый шаманомъ на ремешкахъ на грудь. Ихъ иногда бываетъ у шамана нѣсколько паръ. Надѣваются толи какъ для защиты отъ враговъ, такъ и потому, что въ толи, точно въ зеркалѣ, отражаются добрыя и злыя дѣла людей, и оно сообщаетъ истину.

Бубенъ состоитъ изъ эллипсоидальнаго обруча, на который натянута тонкая шкура; къ внутреннимъ бортамъ бубна прикрѣпляется металлическій или деревянный стержень—ручка; никакихъ изображеній на бубнѣ нѣтъ. Иногда вмѣсто ручки служитъ ремень.

Часто при камланіи бываетъ два бубна, въ одинъ изъ которыхъ бьетъ помощникъ шамана. Колотушка, которою бьютъ въ бубенъ, состоитъ изъ деревянной палочки, покрытой мѣхомъ козули.

При камланіи прежде поверхъ рубахи шаманъ надѣвали особую юбку или халатъ, изъ китайской матеріи или изъ тонкой кожи, съ рисунками и полосами изъ шкуры какого-нибудь звѣря.

Поясъ—широкій кожаный ремень, къ которому прикрѣплены многочисленныя конусообразныя желѣзныя трубки иногда и толи. Этотъ поясъ надѣвается при камланіи такъ, чтобы трубки, пришлись въ таліи. Во время пляски шаманъ усиленно и ритмически вертитъ задомъ; трубки, ударяясь другъ о друга, производятъ сильный лязгъ и звонъ.

Къ поясу сзади иногда привязывается ремень отъ шеи козули, длиною болѣе сажени; за этотъ ремень во время камланія держатся помощники шамана. Шапка шамановъ удиһэ и рукавицы ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ; а бурхановъ, покровителей, надѣвается различное количество.

Очевидно, по мнѣнію удиһэ, шаманомъ можетъ быть не всякій. Мнѣ говорили на р. Самаргѣ неопредѣленно, что бываютъ такіе люди, которые отъ природы обладаютъ способностью видѣть сны и объяснять ихъ. Такіе люди легко могутъ стать шаманами. Съ другой стороны, на той же рѣкѣ я

[1]) Г. Надаровъ утверждаетъ (Op. cit. 82 стр.), что иманскіе и бикинскіе орочоны называютъ шамановъ ламами. Я ни отъ кого не слыхалъ такого названія и не могъ провѣрить указанія его.

видѣлъ двухъ шамановъ, которые пріучались шаманить подъ руководствомъ старой шаманки.

Назначеніе шамановъ, по понятіямъ удиһэ, помогать всѣмъ погибающимъ на землѣ. „Самое шаманство у орочонъ (живущихъ по притокамъ р. Уссури), говоритъ подполковникъ Вѣльковичъ [1]), примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ; такъ, напримѣръ, если кто-либо изъ членовъ семьи сильно заболѣетъ, то призываютъ къ больному шамана"... Происхожденіе же болѣзней бываетъ двоякое: онѣ посылаются или добрыми духами, разгнѣванными на какого нибудь человѣка, или злыми (чертями). По этому первою задачею призваннаго къ больному шамана является опредѣленіе, отъ кого послана болѣзнь—отъ гнѣвнаго ли добраго духа (бога), или отъ черта. Если болѣзнь послана разгнѣваннымъ богомъ, то необходимо молиться, чтобы добрый духъ избавилъ больного отъ недуга, причемъ обѣщаютъ принести въ жертву свинью, какъ самое вкусное и лакомое мясо. При выздоровленіи больного жертва обязательно приносится, т. е. закалывается свинья и съѣдается подъ выпивку ханшина. Если же болѣзнь послана злымъ духомъ, чертомъ, то задачею шамана является отысканіе, какой видъ принялъ чертъ, наславшій недугъ. Узнаетъ объ этомъ шаманъ во снѣ отъ того же черта. Послѣ этого онъ дѣлаетъ изображеніе (фетишъ), какое указано ему во снѣ чертомъ. Это изображеніе подвергается сильнымъ побоямъ и поруганію. По свидѣтельству г. Вѣльковича [2]), каждый изъ членовъ семьи, въ которой принадлежитъ болящій, вооружается дубиной и. подъ предводительствомъ шамана, идутъ къ стоящему возлѣ балагана травяному фетишу и начинаютъ его бить до тѣхъ поръ, пока онъ превратится въ ничто. Чертъ испугается, по вѣрованію удиһэ, и уходитъ.

Если кто-либо заболѣетъ тяжело, такъ что, по воззрѣнію удиһэ, душа уходитъ отъ больного, то шаманъ призывается для того, чтобы возвратить уходящую душу въ тѣло тяжко больного.

Г. Пель-Горскій былъ свидѣтелемъ такого случая и разсказываетъ слѣдующее:

„Шаманъ сидѣлъ на коврикѣ и билъ въ бубенъ палочкою, подшитою мѣхомъ молодой выдры. Ударяя въ бубенъ, онъ пѣлъ горловымъ голосомъ что-то заунывное, то тихо, едва слышно, то громко, то ускоряя, то замедляя темпъ на бубнѣ. Мѣрные удары въ бубенъ гулко раздавались среди общей тишины въ фанзѣ, гдѣ въ углу лежалъ больной. Шаманъ пѣлъ приблизительно слѣдующее: „Ицывны (имя больного) уже старикъ, но въ молодости былъ хорошій охотникъ. Сэвэнъ (богъ промысла) покровительствовалъ ему.

[1]) Труды Пріамур. отд. за 1895 г.

[2]) См. тамъ же.

Онъ добывалъ много соболей и пантовъ. Нэу (лѣсной богъ) посылалъ ему большіе и дорогіе корни банцуя (жень-шеня). Ицынны былъ хорошій стрѣлокъ, и мясо у него не переводилось въ фанзѣ. У него три дочери, но ни одного сына. Бефумафа (предки) не порадовали его наслѣдникомъ. Онъ подъ старость остается одинокъ. Ядинъ (богъ зла) послалъ на него болѣзнь, и теперь онъ лежитъ больной. Онъ теперь уже старъ, и болѣзнь одолѣла его. Но Андури (богъ добра) поможетъ старику; онъ еще долго проживетъ въ своей семьѣ и еще много убьетъ всякаго звѣря"...

Пропѣвъ съ часъ, шаманъ приказалъ потушить огонь. Въ темнотѣ еще гулче раздавался его голосъ и громъ бубна.

Затѣмъ опять зажгли огонь, и шаманъ снова запѣлъ. Бубенъ перемѣняли два раза, причемъ для большей звучности его подогрѣвали на угляхъ. Наконецъ пѣніе окончилось и началась пляска. Плясали всѣ мужчины, надѣвъ на талію широкій кожаный поясъ съ 20—25 желѣзными рожками на кольцахъ и съ бубномъ въ рукахъ. Пляшущій начиналъ выдѣлывать различныя „па", причемъ неимовѣрно вертѣлъ задомъ и въ тактъ билъ въ бубенъ. Желѣзные рожки, ударяясь другъ о друга, сливались съ гуломъ бубна и производили страшный шумъ. Проплясавъ до изнеможенія, плясунъ передавалъ инструментъ другому, тотъ третьему. Пляска хотя дикая, но не лишена своеобразной граціи. Во время пляски одна изъ женщинъ вырѣзала ножницами фигуры людей, сдѣлала глаза, носъ и ротъ, вмѣстѣ съ обрѣзками привязала къ камышинкѣ, вынесла изъ фанзы и воткнула въ землю. Другую серію, тоже на палочкѣ, оставила въ фанзѣ. На дворѣ поставили столикъ и на немъ нѣсколько чашекъ съ чулицой и одну съ водой.

Наконецъ шаманъ надѣлъ поясъ съ рожками, взялъ бубенъ и началъ плясать и пѣть. То онъ подходилъ къ больному, неимовѣрно гремя надъ нимъ, то подходилъ къ китайскому богу, изображенному на бумагѣ и наклеенному на доску (передъ нимъ была зажжена курильная китайская свѣча), то подходилъ къ двери и плясалъ передъ кучкой углей, изображавшихъ костеръ. Наконецъ онъ отдалъ бубенъ другому, который продолжалъ бить въ него; самъ же, взявъ камышинку съ вырѣзанными человѣчками, обнесъ ее вокругъ фанзы, при свѣтѣ лучинъ вышелъ во дворъ и воткнулъ впереди столика съ чашками. Шаманъ становился на колѣни, пѣлъ и кланялся въ землю; наконецъ взялъ поданную пустую чашку, закрытую бумагою и сталъ рукою наливать воду изъ другой чашки, не переставая пѣть.

Всѣ столпились вокругъ него и что-то высматривали.

Женщины кричали протяжно: „иди, иди"! Ничего, кромѣ водяного пузырька на мокрой бумагѣ, нельзя было видѣть [1]).

[1]) Автору этихъ строкъ пояснили потомъ, что женщины звали отлетѣвшую душу больного, и она вернулась въ видѣ пузырька.

Какъ только на мокрой бумагѣ появился бѣгающій пузырекъ, вся толпа двинулась въ фанзѣ съ крикомъ и боемъ въ бубенъ при свѣтѣ лучинъ, а самъ шаманъ, поливая все время воду рукою на чашку съ бумагою, слѣдилъ за пузырькомъ. Войдя въ фанзу, больного посадили и подали шаману его шапку. Шаманъ быстро схватилъ правою рукою пузырекъ вмѣстѣ съ бумагою, вырвавъ ее изъ средины чашки, положилъ въ шапку и, наговаривая и нашептывая, надѣлъ на больного. Этимъ и кончилось лѣченіе [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что сами шаманы и ихъ почитатели искренно вѣрятъ въ способность привлекать на службу добрыхъ и особенно злыхъ духовъ Мнѣ говорили на р. Самаргѣ, что къ шаману во снѣ является чертъ и говоритъ: „дѣлай птицу или медвѣдя, или тигра,—и такой-то выздоровѣетъ. Шаманъ исполняетъ совѣтъ черта, и если больной выздоровѣлъ, то шаманъ на шестѣ выставляетъ то изображеніе, которое возвратило желавшую уйти душу. Конечно, чѣмъ болѣе передъ юртою шамана торчитъ такихъ изображеній, тѣмъ большею славою среди своихъ пользуется шаманъ.

Вѣра въ то, что того или другого злого духа можно подчинить себѣ и употребить на служеніе, породила многочисленные амулеты или талисманы, которые вѣшаются въ балаганахъ или носятся при себѣ.

Отправляется ли удиһэ на охоту за соболемъ, постигнетъ ли его какая-либо болѣзнь, найдетъ ли на него сердечная тоска—ото всего этого онъ ищетъ помощи у какого-нибудь бурхана, чрезъ посредство шамана конечно. Многіе изъ ихъ бурхановъ совершенно сходны съ бурханами гольдовъ подробно описанными г. Шимкевичемъ въ его „матеріалахъ для изученія шаманства у гольдовъ“ [2]) Удиһэ не знаютъ такого количества бурхановъ какое описано г. Шимкевичемъ у гольдовъ. У нихъ встрѣчается, напримѣръ бурханъ для хорошаго промысла. Это фигура тигра, дѣлаемая изъ дерева металла и сушеной травы.

Тотъ же самый бурханъ, но съ посаженною верхомъ фигурою человѣка, употребляется противъ болѣзни или неудачной охоты.

Изъ свинца выливается изображеніе сердца и нѣсколько человѣческихъ фигурокъ. Всѣ эти изображенія носятся на шнуркѣ на груди противъ болѣзни сердца.

Соприкосновеніе съ китайцами и русскими дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на шаманство. По побережью Великаго океана шаманство вымираетъ и превращается въ пріятное развлеченіе.

Мнѣ довелось присутствовать на одномъ изъ такихъ представленій,

---

[1]) Шаманъ поймалъ криками женщинъ привлеченную душу и опять посадилъ ее въ тѣло больного.

[2]) Записки Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. т. I, вып. 2-й. Хабаровскъ. 1896 г.

причемъ сами удиhэ удивительно скептически относились къ „представленію“ одного шамана.

Дѣло было на р. Самаргѣ. Мнѣ пришлось прожить там нѣсколько дней. Когда я бесѣдовалъ въ юртѣ старосты Индину съ его семьей, часовъ около 10 вечера раздались звуки бубна. Мнѣ сообщили, что на другомъ берегу протока, въ юртѣ шаманки, будутъ шаманить два шамана, ея ученики.

Когда мы пришли въ юрту, тамъ уже собралось достаточно публики. Тутъ были женщины, мужчины и дѣти. Въ бубенъ билъ одинъ изъ удиhэ, но не шаманъ, а „простой“ человѣкъ. По словамъ моего переводчика, такой законъ у шамановъ, чтобы сперва въ бубенъ билъ обыкновенный человѣкъ. Мой переводчикъ сказалъ мнѣ, что скоро начнутъ шаманить, и указалъ мнѣ на шамана. Я внимательно всматривался въ сидѣвшаго напротивъ меня у очага тридцатилѣтняго удиhэ. Онъ глядѣлъ задумчиво на огонь очага и былъ блѣденъ. Мнѣ сказали, что онъ готовится лѣчить себя отъ боли въ желудкѣ. Рядомъ съ нимъ, покуривая трубку, сидѣла грязная и безобразная старуха шаманка.

Между тѣмъ бубенъ звучалъ медленно, но вызывающе. Вотъ шаманъ сталъ и началъ привязывать шаманскій поясъ. Потомъ, засучивъ рукава рубахи, онъ взялъ бубенъ, сѣлъ у двери, съ краю очага, и началъ, медленно ударяя въ него колотушкою, пѣть какимъ-то замогильнымъ голосомъ, прерывая изрѣдка пѣніе шипѣньемъ. Во время пѣнія онъ часто подносилъ къ губамъ обручъ бубна, отъ чего усиливались звуки.

Публика смѣется, галдитъ, куритъ.

Слабый отблескъ костра кладетъ на лицо шамана рѣзкія тѣни. Удары въ бубенъ между тѣмъ участились, такъ что звуки слились въ одну тягучую волну. Вотъ шаманъ всталъ, равномѣрно крутитъ задомъ, гремитъ оглушительно желѣзными трубочками пояса и еще сильнѣе бьетъ въ бубенъ, еще громче выкрикиваетъ какія-то непонятныя слова (мой переводчикъ ихъ не могъ перевести). Вдругъ онъ согнулся весь, прижалъ къ себѣ бубенъ и бьетъ по немъ колотушкой. Теперь бубенъ звучалъ глухо. Шаманъ началъ шагать по юртѣ вокругъ очага медленно, раскачиваясь и вздрагивая тѣломъ. Вотъ онъ обращается къ невидимому врагу и говоритъ: „то-то-то“! Шипитъ. Вотъ онъ припалъ на одно колѣно передъ огнемъ. Снова шипитъ. Снова учащенно забилъ въ бубенъ и громко запѣлъ непонятныя угрозы врагу, гнѣвно вскрикивая.

Вставъ и трясясь и раскачиваясь на одномъ мѣстѣ, онъ снова гремитъ бубномъ; потомъ утихаетъ громъ, и шаманъ что-то приказываетъ окружающимъ. Одинъ изъ присутствующихъ всталъ, взялъ другой бубенъ и сталъ бить въ него, держа надъ огнемъ. Шаманъ перешелъ къ дру-

гимъ дверямъ юрты и повторилъ все то, что онъ дѣлалъ у первыхъ: т. е. пѣлъ, сидя и вставъ. Затѣмъ началась удивительно дикая, но ловкая пляска: шаманъ скакалъ, присѣдалъ на одно колѣно, вертѣлся. Съ крикомъ „ау! ау“ онъ бросается на второй бубенъ. Съ остервенѣніемъ набрасывается онъ на невидимаго врага; потомъ прыгнулъ онъ къ дверямъ, причемъ удинэ съ барабаномъ отскочилъ. Шаманъ закричалъ: „Ага! охъ“! Зашипѣлъ, застоналъ, дико захохоталъ. Вотъ онъ опустился передъ огнемъ посерединѣ очага, медленно бьетъ въ бубенъ и тяжко стонетъ подъ звуки его. Потъ крупными каплями выступилъ на лбу и полился по лицу, послѣднее сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ; грудь тяжело поднимается, глаза полуоткрыты, въ крикѣ его слышатся слезы. Очагъ едва мерцаетъ. Шаманъ искренно предался своему дѣлу, и публика притихла, невольно поддавшись аффекту. Но вотъ онъ поднялся, что-то сказалъ окружающимъ, подошелъ къ двери, и снова раздались звуки бубна и громъ отъ сотрясенія погремушекъ на шаманскомъ поясѣ. Принесли чашку съ водою: это чертъ велѣлъ ему пить воду, чтобы не было болѣзни. Выпивъ воды, онъ началъ обходить юрту и давалъ пить воду нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ снова завылъ, забилъ въ бубенъ, зашипѣлъ, заскакалъ, съ дикимъ крикомъ упалъ посерединѣ юрты на колѣни и сильно бьетъ себя обручомъ бубна по животу, точно хочетъ кого-нибудь задавить тамъ. Снова вскочилъ, закричалъ какъ бы прося о чемъ-то. Гольдъ Семенъ всталъ и сталъ у другой двери лицомъ къ шаману и раскрылъ объятія. Невыразимо громко загудѣлъ бубенъ, съ дикими криками и стенаніями понесся шаманъ по юртѣ. Это былъ вихорь, такъ быстро плясалъ шаманъ. Но вотъ раздался пронзительный крикъ и сразу оборвался... Шаманъ безъ чувствъ упалъ въ объятія Гольда Семена упустивъ на полъ бубенъ. Нѣсколько минутъ обморока; потомъ тяжкій стонъ. Вотъ снова схватилъ шаманъ бубенъ, снова забилъ въ него громко; сидитъ и качается всѣмъ тѣломъ. Мало-по-малу, однако, удары замедляются, сила ихъ ослабѣваетъ, пѣніе становится все тише и тише и наконецъ совершенно прекращается.

Шаманъ, какъ актеръ, окончившій свою роль, снялъ поясъ, вытеръ потъ на лицѣ, снялъ рубаху съ потнаго тѣла и остался полуобнаженнымъ.

За нимъ началъ шаманить другой, но этотъ уже не произвелъ никакого впечатлѣнія, потому что смѣшилъ публику пошлыми выходками и даже непристойностями.

Весьма важную роль игралъ нѣкогда шаманъ при погребеніи и во время поминокъ, о которыхъ и поведу рѣчь.

Всѣ изслѣдователи быта тазовъ утверждаютъ, что они не имѣютъ никакого представленія о загробной жизни. „На всѣ мои разспросы, пишетъ г. Надаровъ [1]), я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „чортъ его знаетъ, что дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти, богъ ли его беретъ или чортъ".

„Понятія какъ гольдовъ, такъ и орочонъ относительно загробной жизни сводятся къ тому, пишетъ другой изслѣдователь [2]), что они совершенно не признаютъ таковой жизни и увѣрены, что со смертію кончается уже все". Дѣйствительно, вопросъ о душѣ человѣка и ея посмертномъ существованіи смутно представляется неспособной къ отвлеченіямъ мысли удиһэ. Иногда мнѣ говорили, что не все равно—умретъ ли добрый или худой человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе логика существующихъ похоронныхъ обрядовъ и поминокъ ясно говоритъ, что они вѣрятъ въ посмертное существованіе души, которую представляютъ матеріально.

Въ похоронномъ обрядѣ, какъ и во многомъ другомъ, не сохранилась тазовская старина во всей цѣлости.

Какъ только мертвенная блѣдность покроетъ лицо умирающаго, а изъ груди его вылетитъ послѣдній вздохъ (эг(х)ипй), приступаютъ къ „обряженію" покойника. Тѣло его моютъ, причемъ воду выливаютъ на улицу. Бывшее на покойникѣ платье уничтожается и шьется ему новое. Въ зависимости отъ состоятельности покойника, шьется одна или нѣсколько смѣнъ. Въ разрытой мною лѣтомъ 1896 года могилѣ тазачки въ бухтѣ Лонгувай я нашелъ на покойницѣ двѣ смѣны одежды: одна изъ бѣлой дреля, другая изъ синей дабы. Мнѣ говорили, что на богатыхъ покойникахъ бываетъ по три—четыре смѣны платья.

Въ то же время всѣ родные покойника извѣщаются о смерти, и ждутъ ихъ прихода. Если умершій не имѣлъ родственниковъ, или они далеко, то гробъ съ тѣломъ, не смотря на время года, остается непогребеннымъ до тѣхъ поръ, пока не явится кто-либо изъ нихъ, чтобы закопать въ землю. Въ такомъ случаѣ гробъ обмазываютъ глиною и ставятъ вдали отъ фанзы или юрты на подставкѣ. Иногда въ ногахъ покойника раскладывается незначительный костеръ, на которомъ въ честь покойника сжигаютъ табакъ, пищу и льютъ водку.

При наличности родственниковъ, похороны производятся черезъ 3—4, иногда 7—10 дней со времени смерти.

Родные обыкновенно оплакиваютъ покойника, причемъ причитаютъ, но причитанія у лишенныхъ поэтическаго творчества удиһэ не идутъ далѣе

---

[1]) Op. cit. 82 стр.

[2]) Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

нѣсколькихъ фразъ, въ родѣ: „мать, зачѣмъ ты такъ рано умерла. Мы — я и братъ—теперь сироты. Что мы будемъ безъ тебя дѣлать“? Другіе родственники утѣшаютъ плачущихъ.

Пока обряжаютъ и оплакиваютъ покойницу или покойника, свои или чужіе люди дѣлаютъ гробъ. Послѣдній дѣлается различно. Изъ всякаго дерева—тиса, кедра,—вырѣзаютъ доски и сбиваютъ ящикъ, широкій у изголовья и узкій въ ногахъ. Стѣнки гроба довольно высоки, достигая аршина и болѣе. Доски прежде сбивались деревянными гвоздями, а теперь желѣзными скобами, крышка же прибивается деревянными гвоздями.

Въ другихъ мѣстахъ срубаютъ толстый кедръ или тополь или липу выдалбливаютъ изъ нихъ корыто, напоминающее нѣсколько ботъ (лодку), и придѣлываютъ изъ досокъ крышку.

Иногда въ качествѣ гроба употребляютъ старую лодку (ботъ). За работу по постройкѣ гроба чужіе люди никогда не берутъ денегъ, говоря, что они помогали обрядить покойника.

Въ готовый гробъ подстилаютъ или бересту или дрель, подъ голову кладутъ цилиндрической формы подушку, набитую опилками. Если похороны происходятъ зимою, то умершаго заворачиваютъ въ большое ватное одѣяло Подполковникъ Бѣльковичъ [1]), на р. Хорѣ, въ одномъ изъ вскрытыхъ гробовъ нашелъ скелетъ женщины, завернутый въ толстое ватное одѣяло.

Вмѣсто умершаго дѣлается изъ гнилушки подушка, большая или маленькая, смотря по возрасту умершаго; если покойникъ—женщина, то къ подушкѣ пришиваются серьги. Эту подушку укладываютъ спать, утромъ поднимаютъ; ставятъ предъ нею ѣду.

Въ гробъ съ покойникомъ кладутъ все то, что ему надо было при жизни: трубку, копье, острогу, посуду, ножъ и т. д.; если хоронятъ женщину, то—иголки, нитки, ножницы, гребешки и др. женскія принадлежности. Подполковникъ Бѣльковичъ въ упомянутой выше могилѣ женщины на р. Хорѣ нашелъ: кольца, серьги, цѣпочки, съ боку покойницы топоръ, а въ головахъ берестяную коробочку съ гребнемъ, табакомъ, спичками, мѣдными манзовскими деньгами (чохами), нитками, иголками, ножичками. Я въ могилѣ тазачки нашелъ у ногъ корзинку, въ которой находились—ножницы, поясъ, нагрудникъ, два гребешка, иголка, нитки, наперстокъ, и нѣсколько кусковъ бѣлой и синей дӑбы.

Пищи нигдѣ никакой не кладутъ.

На вопросъ, почему они кладутъ въ гробъ съ покойникомъ вещи, приходится слышать различныя объясненія, которыя ясно говорятъ, что совре-

---

[1]) Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

менные удиһэ совершенно забыли воззрѣнія предковъ на загробную жизнь. Одни говорятъ: „такъ давно дѣлали. Кто его знаетъ, для чего кладемъ. Можетъ быть, покойнику надо будетъ“. Другіе утверждаютъ, что по смерти человѣка никто даже изъ ближайшихъ родственниковъ не можетъ владѣть тѣми вещами, которыя принадлежали ему, а потому онѣ и складываются въ гробъ. Объясненіе это неудачно придумано и опровергается фактами: если хоронятъ покойника изъ бѣдной семьи, то въ гробъ кладутся только лишнія или поломанныя вещи, а остальныя переходятъ въ собственность наслѣдникамъ. Что касается похоронъ, то и понынѣ еще старина удерживается рядомъ съ новизною. По сообщенію старухи-тазачки Орлгуэго, взрослыхъ закапываютъ въ землю, а маленькихъ заворачиваютъ въ бересту и сушатъ на воздухѣ, привязывая къ деревьямъ. Вѣроятно, послѣднее сообщеніе имѣетъ связь съ тѣмъ, что сообщаетъ г. Надаровъ объ удиһэ Бикина, Имана и Ваку. Ему сообщали, что прежде тѣла покойниковъ въ землю не зарывали, а бросали въ лѣсу на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

На побережьи Великаго Океана погребеніе совершается такъ. Мужчины роютъ, въ разстояніи 50—100 шаговъ отъ юрты или фанзы могилу. Глубина ея не превышаетъ 1½ аршинъ. Когда гробъ съ покойникомъ принесутъ къ могилѣ, то родственники прощаются съ нимъ, сжигаютъ на кострѣ, разложенномъ въ головахъ гроба, буду, табакъ, хлѣбъ и т. п. Затѣмъ деревянными гвоздями прибиваютъ крышку и засыпаютъ землею. Надъ могилой насыпаютъ конусообразный холмъ вышиною въ 1½ аршина. Гробъ ставятъ въ могилу всегда головою на западъ, а ногами на востокъ. У ногъ, на разстояніи пяти шаговъ, устраиваютъ изъ камней жертвенникъ, на который ставятъ коробку для куренія китайскими свѣчами.

Этотъ обычай похоронъ заимствованъ отъ китайцевъ. Болѣе самобытности замѣчается въ другомъ обрядѣ похоронъ. Забитый гробъ обвязываютъ берестовою корою, иногда разрисовываютъ черною и красною красками; затѣмъ ставятъ его въ особый срубъ.

Мною осмотрѣно было нѣсколько такихъ срубовъ, и вотъ къ какимъ выводамъ приводятъ мои наблюденія.

Эти срубы бываютъ иные у богатыхъ покойниковъ, чѣмъ у бѣдныхъ. У богатыхъ покойниковъ—это цѣлое сооруженіе. Похожій на гробъ по формѣ, срубъ изъ бревенъ, до 1½ аршинъ вышиною, заканчивается двускатною крышею, тоже сдѣланною изъ бревенъ. Въ одной изъ короткихъ стѣнокъ—дверца, черезъ которую вставляется гробъ; впрочемъ, иныя дверцы такъ малы, что гробъ, очевидно, поставленъ черезъ крышу. Гробъ стоитъ на подставкахъ, а дверца завѣшена бѣлою дрелью съ черною каймою. Внутри такого сруба не рѣдко встрѣчаются чумашки, остатки отъ тризны.

Усыпальницы бѣдняковъ—проще. Это четыре кола, соединенные вверху рамою, на которой покоится обернутый берестою и увязанный веревками гробъ.

Преобладающій узоръ на длинныхъ бокахъ гроба—рядъ соединенныхъ круговъ изъ красной и черной красокъ. Передъ входомъ въ нѣкоторыя гробницы я видѣлъ висящими деревянныя фигурки, вѣроятно, фетиши, сдѣланные по приказанію шамана.

Какъ бы ни похоронили покойника, всегда при погребеніи бываютъ поминки. „Намъ пришлось присутствовать,—пишетъ г. Пель-Горскій,—на поминкахъ по умершей, на 30-й день по ея смерти. Трупъ еще не былъ похороненъ [1]) и лежалъ въ гробу изъ досокъ въ устроенномъ для этого балаганѣ, вблизи общей фанзы. Послѣ полудня всѣ бывшіе здѣсь орочоны, мужчины и женщины, надѣли себѣ на голову бѣлые колпаки, означающіе трауръ. Сынъ же покойной надѣлъ, кромѣ того, бѣлую рубаху. Двѣ орочонки взяли маленькій столикъ, на который было положено много круглыхъ булочекъ, изготовленныхъ передъ тѣмъ на пару орочонами-мужчинами. Послѣ этого всѣ отправились къ балагану, въ которомъ стоялъ гробъ. У самыхъ дверей балагана поставили столикъ съ булочками. Съ дверей сняли бересту, и вдовецъ, выщипывая изъ каждой булочки маленькіе кусочки, бросалъ ихъ въ балаганъ. Этимъ и ограничился весь обрядъ поминокъ у гроба".

Впрочемъ, иногда поминки справляются болѣе торжественно. Въ особомъ конусообразномъ шалашѣ, вблизи усыпальницы, варятъ кушанья, потомъ тутъ же ѣдятъ ихъ, пьютъ ханшинъ или русскую водку; остатки отъ поминальнаго пира зарываютъ въ яму, которую закрываютъ бревнами; чумашки, въ которыхъ хранилась пища, вѣшаютъ тутъ же на особомъ колу.

Еще болѣе торжественности поминкамъ сообщается присутствіемъ шамана. Г. Шимкевичъ [1]) свидѣтельствуетъ, что у потомковъ орочонъ, извѣстныхъ подъ именемъ килэнъ, на поминкахъ присутствуетъ шаманъ для того, чтобы слѣдить переходъ души изъ міра земного въ міръ загробный. По словамъ шамана Лааба Юколцалъ, душѣ килэнъ необходимо пройти слѣдующія мѣстности, пока она достигнетъ загробнаго міра.

1) Оня.

2) Болоса, мѣстность, гдѣ душа впервые встрѣчаетъ затрудненія при своемъ странствованіи.

3) Ингила.

4) Сая-суйгонэ—до вершины этой рѣки.

---

[1]) Трупъ былъ похороненъ, но не въ землю, а поставленъ въ усыпальницу, какъ видно изъ послѣдующаго.

[2]) Op. cit., 17—18 стр.

5) Сая-джууни, перевалъ черезъ хребетъ.

6) Сая-хабсени, спускъ съ хребта въ продольномъ направленіи.

7) Сая-джабужуни, густой лѣсъ,

8) Сая-бачеяни, хребетъ.

9) Токса—баджикчини, мѣстность, гдѣ живутъ души мертворожденныхъ.

10) Саджи, большое болото.

11) Буни-наани-суйгуни, по берегу горной рѣчки открытая мѣстность съ хорошимъ строевымъ лѣсомъ.

12) Уолдука-чапчеоха, мѣстность, гдѣ видны слѣды выдѣлки деревянныхъ лодокъ; лѣсъ вырубленъ.

13) Буни-сангниани-ичипча, видѣнъ дымъ и признаки присутствія жилья, затѣмъ и шалаши.

Но въ настоящее время всѣ эти странствованія души забыты удиһэ; экономическое положеніе приводитъ ихъ иногда къ необходимости мириться съ такими явленіями, за которыя нѣкогда они предавали смерти. Такъ прежде они зорко слѣдили и тщательно охраняли могильный покой умершихъ предковъ.

По словамъ удиһэ, живущихъ на р. Коппи, они прежде сильно наказывали того, кто осмѣлился бы нарушить покой мертвецовъ своимъ посѣщеніемъ могилъ; если бы кто-либо осмѣлился взять черепъ или кости мертвецовъ, того они убивали. Такъ было прежде, а нынѣ не составляетъ большого труда изслѣдователю купить за 5—10 рублей трупъ родственника; а набредя въ тайгѣ на покинутые гробы, можно невозбранно набрать костяковъ.

Всюду время несетъ перемѣны. Не защититъ отъ его вліянія удиһе и дремучая тайга, которая сильно мѣняетъ свой недоступный видъ съ приближеніемъ китайца или русскаго.

Сергѣй Браиловскій.

Варшава 1901 г. 7 октября.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Матеріалы для словаря удиһэ.

Подъ названіемъ „Матеріалы для словаря удиһэ" я, въ видѣ приложенія, печатаю добытыя мною слова во время моихъ странствованій по территоріи тазовъ. Помѣщаемый мною словарный матеріалъ нельзя считать за русско-тазовскій словарь, потому что я не могъ посѣтить и объѣхать всю территорію, по которой разбросано это тунгузское племя. Словарь языка удиһэ явится только тогда, когда будутъ записаны слова не только по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Великій океанъ, но и по притокамъ р. Уссури, а равно и въ западной части занимаемаго этимъ народомъ пространства. При отсутствіи письменности, языкъ удиһэ не имѣетъ ни установившихся грамматическихъ формъ, ни установившагося прочно звукового обозначенія. Разъединенные огромными пространствами малодоступной тайги, отдѣльные роды этого народа, подъ вліяніемъ окружающихъ сосѣдей, часто представляютъ большое различіе въ лексикальномъ отношеніи. Слѣдовало бы собрать полный матеріалъ въ этомъ отношеніи, и тогда можно было бы намѣтить группы, на которыя, по языковой близости, распадается этотъ народецъ. Пока нѣтъ такого матеріала, нельзя сдѣлать никакихъ прочныхъ заключеній о грамматикѣ языка удиһэ.

На случайнаго наблюдателя языкъ удиһэ производитъ впечатлѣніе оригинальностью фонетики, преобладаніемъ носовыхъ и гортанныхъ звуковъ, трудно передаваемыхъ русскимъ алфавитомъ. Кромѣ того, поражаетъ бѣдность этого языка для выраженія отвлеченныхъ и даже многихъ самыхъ обыденныхъ понятій.

Вообще удиһэ, по свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, стоятъ на очень низкой ступени развитія. Въ послѣднее время они научились вести счетъ времени отъ китайцевъ, считая за начало года китайскій новый годъ (въ концѣ января). Раздѣленія времени по недѣлямъ у нихъ не существуетъ; счетъ по мѣсяцамъ они знаютъ, хотя считали мнѣ порядокъ мѣсяцевъ различно, названія ихъ давали различно, такъ что я, въ концѣ-концовъ, не добился, сколько же всего мѣсяцевъ въ году считаютъ удиһэ и

въ какомъ порядкѣ. Не былъ счастливѣе меня въ этомъ отношеніи и г. Бѣльковичъ. „Дѣлятъ они годъ, говоритъ онъ, на 13 мѣсяцевъ, хотя за достовѣрность относительно числа мѣсяцевъ въ году ручаться не могу, такъ какъ нѣкоторые говорили, что считаютъ только 6 мѣсяцевъ въ году, другіе утверждали, что ихъ 7, тотъ же, который насчиталъ мнѣ 13 мѣсяцевъ, подъ конецъ счета спутался, такъ что нельзя ручаться за правильность названія всѣхъ 13 мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе привожу здѣсь эти названія: 1) Джай-ля, 2) Нюи-гу, 3) Нида-бя, 4) Джакну-бя, 5) Ей-бя, 6) Джи-бя, 7) Джнумъ-бя, 8) Джадю-бя, 9) Джайло-бя, 10) Джиды-бя, 11) Джитонъ-бя, 12) Джаню-бя, 13) Джаньдо-бя“.

Приведу ниже названія мѣсяцевъ, добытыя мною.

На р. Самаргѣ считали такъ:

Январь	— Джан-бй,	Іюль	— Дуин-бй,
Февраль	— Иче-бй,	Августъ	— Тенга-бй,
Мартъ	— Лаб-бй,	Сентябрь	— Нингу-бй,
Апрѣль	— Ан-бй,	Октябрь	— Надан-бй,
Май	— Дю-бй,	Ноябрь	— Джакон-бй,
Іюнь	— Элан-бй,	Декабрь	— Иһ-бй.

На р. Коппи отъ двухъ орочонъ слышалъ различное обозначеніе мѣсяцевъ, именно:

Январь	— Накуһды́,
Февраль	— Геку̇́,
Мартъ	— Сактуку̇́,
Апрѣль	— Нуканку̇́ или адыки́,
Май	— Мэйэ или адыки́,
Іюнь	— Мэйэ или ычà,
Іюль	— Ычà или гуси́,
Августъ	— Гуси́ или туà,
Сентябрь	— Туà или сёнкò,
Октябрь	— Сёнкò или унку́,
Ноябрь	— Унку̇́, или сѣляктà, или ытѣ,
Декабрь	— Элактà, или сѣлякта, или гуһи́.

Для показанія различія въ произношеніи и обозначеніи предметовъ въ различныхъ мѣстахъ территоріи удиһэ, приведу слова, записанныя мною по разнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Великій океанъ.

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Отецъ	абугу̀	абуhà	абуhу̀
Мать	анигà	анѝhà	аниhà
Сестра	окà	старшая—оhго̀ младшая—ноко̀	онадю̀
Братъ	старшій—ахаhуну̀ младшій—накогунà	агà	анду̀
Сынъ	hитà	hитэ̀й или ситэ̀й	хитэмѝ
Дочь	ситэ̀	аджигà	хитэмѝ
Мужъ	мапаѝ	адэ̀й	мафà
Жена	мамачàи	мамазэ̀и	аhантаѝ
Собака	инаѝ или инàй	энэ̀й	инаѝ
Птица	гѝ	гаhà	гаhà
Рыба	сукдигà	шукчэ̀	шюджэ̀
Вода	улѝ	улэ̀	вулѝ
Рѣка	ули	біазà	ауà
Гора	у̀а	уа	у̀а
Солнце	шу и шю	шу или шю	шю
Мѣсяцъ	бѣ	бѣ	бѣ
Звѣзда	ойтà	уайкта	уайхтà
Голова	дыли	дылѝ	дылѝ
Глаза	йэ	йиhэ	йэ̀hа
Ухо	куà	кой	куаѝ
Ротъ	агмà	аhмà	аhмá
Носъ	ню	нюhо̀	нюhо̀
Рука	налà	аhадѝ диhадѝ	hалà,
Нога	быгдѝ	багдѝ	быгдѝ
Небо	наhнà	наhнà	мого̀
Земля	на	на	на
Вѣтеръ	ады	ходу̀	одѝ
Дождь	тыгдà	тывдэ̀	тыгдà
Снѣгъ	эмà	эмаhà	имаà
День	инынь	инаhнѝ	инаhнѝ
Ночь	догбо	добго	дугбо
Годъ	агàнь	аhанѝ	аhанѝ
Хорошій	айянѣ	айанѝ	айанѝ
Худой	гаhанѣ	гоhонѝ	гоhояийэ
Короткій	омозà	омозà или омоцà	умазà
Длинный	уаними	уаньмэ	уанимѝ
Старый	мафасà	сагдентà	саглитà
Молодой	сикконѝ	сиканѝ	сикконѝ
Богатый	байà	байанѝ	байанѝ
Бѣдный	джобуйнѣ	джёбонѝ	джуанку
Большой	сакдѝ	саклѝ	сагдѝ
Малый	нисá	низà	низà
Бѣлый	ичагджà (чà)	чалыhѝ	чалиhѝ
Черный	палигѝ	палыhѝ	палиhѝ
Красный	хулялѝ	холалэhѝ	холалѝ
Желтый	холо̀	холо̀	хогджо̀ (чо)
Говорю	диhанамѝ	(би) гагайэ	диhандэ
Даю	буми	(бу) ямбѝ	миндэбуйэ
Покупаю	джавамѝ	гадамѝ	гадѝ

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Продаю	худасемй	худасй	ходасй
Лежать	каптаhимй	катпамй	каптасй (мй)
Стоять	илимй	илиhимй	имhанй
Сидѣть	таhамй	тойомй	туыhанй
Ѣсть	джяпты	джяптымй	джяпты
Пить	уми	умимй	умй

Весьма интересно сопоставить имена числительныя, записанныя по тѣмъ же рѣкамъ. Въ нихъ замѣчается больше сходства, хотя мѣстное произношеніе нѣкоторыхъ именъ числительныхъ представляетъ отличія.

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
1	омоцд	омў и омозд	омў
2	дю	джў или дзюръ	джў
3	эла̀	эла̀	эла̀
4	ди̅ (и долгое)	ды̅ (ы долгое)	ды̅
5	тунга̀	тунhа	тунга̀
6	нюмў	нюhмў	нюмў
7	ната̀	нада̀	нада̀
8	джакпў	джакпў	джякпў
9	Jій	Jій	Jэй
10	дча̀ или джа̀	джа или дза̀	джя̀
11	джамў	джа-омў	джя-амў
12	джадю̀	джа-джў	джя-джю̀
13	джала̀	джа-эла,	дзайла̀
14	джады	джа-ды	джадй
15	джатума̀	джа-тунга	джятунга
16	джанюмў	джа-нюмў	джанюмў
17	джанада̀	джа-нада̀	джанада̀
18	джажакпу	джя-джякпу	джаджякпу
19	джайи	джя-йій	дяйай
20	уа̀й	уа̀й	ойй
21	уамў	уа̀й-омў	ойамў
30	эладжа̀	эладза̀	эладза̀
32	эладжадю̀	эладза-джю̀	эладза-джў
40	диджа̀	дыджя̀	дыдза
50	тунгаза̀	тунhа-джа	тунгадза̀
60	нюмуджа̀	нюhму-джя̀	нингудза
70	нададза̀	нада-джя̀	нададза̀
80	джакпуджа̀	джакпу-джя̀	джакпуджя̀
90	йиджа	йій-джя̀	нійдза̀
100	омў тангў	омў-тангў	дзадза̀
200	дю тангў	дю-тангў	джу-тангў
1000	оминьга̀	оминьга̀	оминьга̀.

Наконецъ, приведу нѣсколько фразъ въ переводѣ на языкъ удиhэ, живущихъ по упомянутымъ рѣкамъ:

Какъ тебя зовутъ = { Си га биний (р. Бочи).
Си га бия́въ (р. Самарга)
Си гагбіяў (р. Нахту).

Онъ даетъ брату рыбу =	Сиидукумэ джёлогойэ (Б.) Мы нау̂ сукджабуа̀ (С.) Ты буг(х)ани сукджа̀ (Н.).
Я купилъ эту большую собаку =	Би сагды̆ гасеми инай (Б.) Би энэ гасей (С.) Савди инай гасимй (Н.).
Принеси мнѣ огонь =	То миндебуя́ (Б.) Тȍу буйэ минэ (С.) То агадигй (Н.).
Что хочешь? или Чего тебѣ нужно?	Сію галэг(х)й? (Б.) Явъ гэлй? (С.) Сія́въ галэг(х)й (Н.).

Предлагая вниманію читателя словарьчикъ языка тазовъ, я рѣшилъ параллельно съ своимъ собраніемъ дать и то, что собрано гг. Леонтовичемъ, Протодьяконовымъ, Маргаритовымъ и Назаровымъ. При этомъ считаю необходимымъ сообщить, что г. Леонтовичъ („Русско-ороченскій словарь", Записки Общ. Изуч. Амур. края. Т. V, вып. II. Владивостокъ. 1896 г.) собралъ слова среди орочень р. Тумлинъ, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани; г. Протодьяконовъ („Краткій русско-ороченскій словарь". Казань. 1888 г.) представилъ словарь, обрѣтающихся въ прибрежьяхъ Татарскаго пролива, отъ Де-Кастри до залива. Св. Ольги и далѣе, хотя, по словамъ Леонтовича, главная масса словъ его словарика относится къ амурскому нарѣчію; г. Маргаритовъ (Объ орочахъ Императорской гавани. С.-Петербургъ. 1888 г.) собралъ слова орочей Императорской гавани и привелъ параллели къ нимъ изъ собранія словъ г. Надарова и манжурскія слова; г. Надаровъ (Сѣверно-Уссурійскій край. С.-Петербургъ. 1887 г.) далъ словарьчикъ орочанъ живущихъ по р. Чиури.

Въ основу положены слова, собранныя мною среди удиһэ, обитающихъ по рр. Самаргѣ и другимъ, впадающимъ въ Великій океанъ. Словъ незаписанныхъ мною я не привожу, хотя они существуютъ въ словарѣ г. Леонтовича или другихъ моихъ предшественниковъ.

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
А.				
Амуръ(р) Намунка́, Мамгу́	—	мангу́	—	мамми́
Ахъ ты собака (брань) инахки мадалэ	—	—	—	—
В.				
Бабочка—коня́	—	—	конака́	коньяка́
Бабушка—(по матери) анига́	—	сакдани (по отцу)	атанга́	атанга́
Бакенбарды—һавсу, тамого̀	—	—	—	һауси́
Балаганъ вообще—кава́	чукди́ чоло́	—	—	—
Балаганъ для провизіи—быцианһа́	—	—	бабты́	имһили-кояка́
Банка—тукури, токоро̀	ангала́	—	токоро́	токоро́
Бедряная кость				
связь—чики́, дувги́	—	—	—	о
кость о, уо̀	—	—	—	
Беззаботный—байси. гяндыни	—	—	—	паксіаси́
Безсовѣстный — олёко — мага́. шуляй (соляни)	—	дерреку́	—	дэріако́
Безстрашный—мѣва—манга́, аякта—манга́, манга́нѣ	—	—	—	мангане́
Безумный—меланеки. маялачэ	—	мыелечи́	—	маялачэ́
Безкровный—миндыми́	—	—	—	—
Бей—ыктаһа, ситайа́, миндаһа, паталаһа́.	—	—	—	миндаһа́, патылаһа́.
Берегъ:				
часть суши—санчи—керани́, уркени́.	—	на	—	сапсало́
» воды—ури́	—			джапама́
Береза—чалба́, чялба́	таламони́	ивогда́	чаба́	чаба́
Берёста—талу́, укса́.	сокто́	чабба́	талу́	укса́
Бери (=на тебѣ) буй, джяваһа́.	—	дуаваға́	—	джява(к)һа́
Беру я = (держу я) би джявамѣ, джявачамѣ.	—	—	—	би джявамѣ, джявачамѣ
Билетъ—пя́у	—	певкуно́	—	пя́у
Бисеръ—няуджоко́, нюрбги́	—	сюрахта́	—	ё(к)гджоко́
Бить—тукти	—	сентуло́й	миндоми́ [1])	—
» палкой—дуктами́	—	—	—	миндо́й, патыло́й
» кулакомъ — санталами́, шантэло́й	—	—	—	һэнтуло́й
» ладонью—сазалами́, панядо́й.	—	—	—	хангадо́й, паньядо́й
Бичевка—һуку́, батуһи́.	—	иконда́, (бичевникъ-киктана́)	—	батуһи́ и бытуһи́ баниһа́
Благодарю—баниһа́	—	—	—	—

[1]) Г.г. Маргаритовъ и Протодіаконовъ не обозначаютъ, чѣмъ бить.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Благодарить—баниhамй	—	—	—	—
Блевать—исаhамэ́, хужяжи́	—	—	—	исэ́й
Блестящій (=яркій) гэкуэ́	—	—	—	митайси́
Ближній—муниджабо́	—	—	—	авокэ́
Близко—данза́	—	лакі́	ляка́	лакэгонѣ
» очень—дазабиний	—	—	—	лакэ́
Близнецы—ада́у, адаку́	—	—	—	hадау́
Блоњ—алукта́, сими́	—	—	—	амукта́
Влоха—сюа́, сюра. шюа́, тхуди́,	—	суа́	—	с(ш)юа́
Блядь—хагнау-манга, панда-ониманьга́.	—	—	—	—
Блядунъ—хуанденъ-манга́	—	—	—	—
Бляха—абгу́	—	лэли́ (на передникѣ)	—	ачиhа́
Богатыц—баяни́, бая́	—	бая́	—	бая́
Богульникъ—сянкэ́	—	—	—	сянкэ́
Богъ—Андури́, Буа́	эндýрь	эндýрь	боа́	андури́, буга́
Боекъ бубна—геасю́, гiу́.	—	—	—	шаю
Бокъ—огдо́, бое́.	аутила́	—	окдоми́	окдо́
Болото- няу́, чяхтахайчуой	—	—	—	чипукта́ [1]
Вольно—ана́, анэhэ́	—	—	анана́	ано́
» очень—ана-ана́.	—	—	—	анана́
Ой больно!—чýманга́.	—	—	—	—
Больной—уныни́, тэ-ану-hiэ́	—	энуси́	—	анусинѣ
Больше еще—байда сагдэ́	—	бади́ (болѣе)	—	байда сагдэ́
Больше еще и еще—чуýсагдэ́	—	—	—	каата багдэ́ сагдэ́
Большой—сагдэ́, саг(к)ды́.	—	сакди́	сакды	сагдэ́
» самый—чусагдэ́.	—	—	—	чусагдэ́
Болѣть—ануси́	—	—	—	ануси́
Борода—гуакта́, hуакта, утахта́	гуакта́	кукэхта́	гуахта́	гуггахта́
Бородатый—уанимэ́ hуакта́	—	—	—	—
Бортъ (лодки) большой—огда́ тубу́й.	—	—	—	окдони́
» малой—тактани́.	—	—	—	тактани́
Босой—нюлакэ́, сарбэ́.	—	нулакі́	—	унталачи́
Бочка—синдонго́	—	—	—	синдонго́
Боюсь я—би нгаламѣ	—	—	—	би нгаламѣ
Бралъ я—би джавами́, джаваhамѣ	—	—	—	джяваhамѣ,
» ты—джавай	—	—	—	джявачаhа-
» онъ—ты джавай	—	—	—	мѣ
Браслетъ—буляпты́, балинты.	—	киляпту́	—	пелапту́
Братъ—хая́, анду́, ага́.	—	—	—	—
» младшій — наhумэ́, нагокуна́, науни́	—	пуку́	—	нокó
» старшій—ахкемэ́, аха́, ахаhуну́.	—	ака́	аха́	аха́
Брать—джавами́, джявамѣ	—	—	—	джявай, джявагэ́й
Бревно большое.	—	—	—	сагды-мо́
» обыкновенное—мо́, бавмо́	лйта́	—	амигда́	мо́
Брезентъ (изъ берёсты)—икая́, сягды́.	тукя	—	икая́	икая́
Бровь—гулыга, самякта́	гулуга́	самикта́	кимикта́(э)	са(я)микта́
Бросать—ногавэ́, уандамэ́	—	—	—	пода(и́вѣ)
Бросилъ я—би уидамэ́	—	—	—	нодоhамѣ
Брось—си уандэ́	—	поду́	—	подоhо́, подоб
Бросьте—агдини уандэ́	—	—	—	нодоhасё
Брусника—та(и)кта́, гоббонку́	—	—	—	алаугаббонку, гоббонку́

[1]) Это слово значитъ грязь.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Брусъ—точиló	—	хивó	—	—
» тонкій	—	—	—	hивá
» толстый	—	—	—	авá
Брюхо—амугдэ, омугдá	—	омýкдэ	—	амугдá
Бубенъ—біунтун	—	унтý	—	унтý
Буда (китайское просо) джяктá	джакуá	—	діактá	діактá
Будетъ (онъ) биджянhанѣ	—	—	—	быджянhанѣ
Будешь (ты) биджянhасѣ	—	букэ	—	биджянhасѣ
Буди́ (разбуди́) сяюка, сяюhá	—	—	—	сяюhá
Будилъ я—сяюhамѣ.	—	—	—	сяюhамѣ
» онъ—сяюhанѣ.	—	—	—	сяюhанѣ
Будить—сяюмѣ, тэhэ	—	—	—	сяючи́
Будущій годъ—гочи́, готанганѣ.	—	—	—	гочи́
Бужу (я) сяюмѣ	—	—	—	сяюмѣ
Булавка—тыкпá.	—	—	—	—
Бумага—hавсá, хавзá, хауйэ	—	хаýсá	—	hаусá
Буравъ большой—лунгý	—	—	—	лонгó
» малый—лунгý	—	—	—	лонгоокó
Бурундукъ—атуhэ, угукэ.	—	укукэ	—	угукэ
Буря—окси́, агды́-адыни́.	—	—	—	адды́-адыни́
Бусы большія } монгоки (и такъ какъ у Леонтовича.	—	—	—	сюрактá
» среднія	—	—	—	нёгдó
» малыя	—	—	—	чыhытэ
Бутылка—токолó, тукурý.	—	тукури́	—	токорó
Бухта—онё.	—	—	—	онгó
Быкъ—йіhа, яhá, иhá	—	—	—	иhá
Бѣгать (бѣжать)—тутуйэ, тукэни́	—	—	тугоди́	тутуй
Бѣги—тутуá	—	тутуниhэ	—	тутуá
Бѣда—чумангачи-льангалаhамѣ.	—	валегá	—	мангá-лаhамѣ
Бѣдность—джёчёми́	—	синади́	—	джёчёми́
Бѣдный—джуанкý, джёбони́, джобуйнѣ.	—	джабой	—	джёчэйнѣ
Бѣлка—олёhи́, олёко(и́)	—	хокó	олёки́	олоки́, хокó
Бѣлуга—ади́	—	махтá	—	аей
Бѣлый — чаакдя́, чя(а)лыhи чалиhи́, ичаг(дж)чá.	—	чекэ	чакдя́	чаакджя́

В.

Валекъ (гилеи)—бактоhы́.	—	—	—	макчи(г)hи́
Валъ (воды) якки.	—	—	—	кополó
Вари́ (ты)—икоhó, икоó	—	—	—	икоhó, икоó
Варилъ (я)—икоhамѣ	—	—	—	икоhамѣ
Варите (вы)—икоhосё	—	—	—	икоhосё
Варить—икоси́, олёктамэ.	—	икувэ	—	икоси́
Варю—икосимѣ, би олёктамэ.	—	—	—	икосимѣ
Вата—даhá, юhá.	—	юхá	—	югá
Вверхъ: вообще—уйhи́, ýйh ýандамэ	—	юлоки-энегэ	—	уйлá
— порѣкѣ—соленгаджями́.	—	—	—	улэвá
Вдвоемъ мы—биты́	—	—	—	диты́
Ведрó—мулакки́, молоhи́, мулькэ	—	—	—	кункá
Вёдро—айá, буá, айá, ина(h)ни́	—	калкагá	—	буá
Вездѣ—ивадачупáлъ	—	сюнтý	—	ивадачупáлъ

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Веревка (изъ крапивы)—hогó	хукý	пюнпотý	хукý	—
а) для лука—hукý, хукй	—	—	—	гхукý
б) для невода—инний	—	—	—	—
в) для самострѣла—укда, гоккý	—	—	—	укдá. гокку
Веретено—поhý, портý	—	—	—	поортý,форфý
Вертлюгъ (у нарты)—махталй, тоhй	—	макцигй. дá	—	макчи h)гй
Вертѣть (сверлить)—сангнали (сучить) поравй	—	кэндэлигэ́	—	сангналй
Веселый—чáра-бáта биhиний	—	—	—	яунѣ
Весло (бортовое)—гя́въ	сыý	кеýръ	сюй	г(э)яý
› двуперое—шюй	—	—	—	сюй
› лопатка—могý, маббý, малбý	—	мэлбý	—	малбý, маббý
› рулевое=сéвъ, шю	—	—	—	сёý, сяý
Весна—накй	—	некня́	—	нягня
Вечеръ—сикэ́	—	сиксэ́	—	сыкся́
Вещь—хаджý	—	джакá	—	таý
Вздохъ (послѣдній умирающаго)—эhипй	—	—	—	—
Взять—джявамй	—	—	—	джявай, джявагэй
Вилка—исапуhй	—	сапýй	—	с(ш)апуй
— для остроги—маймá	—	—	—	донксó
Винтовка—мяусá	—	пичй	—	пинтакй, мячуá
Водá-улй, вулй, улэ́	улй	мý	мý	мý
Вóдка—аракй	—	—	—	аракй
Водяной—амбá	—	—	—	ганкэря́
Возьму-джявайэ́, миндебуйá	—	джевый	—	джяваджямѣ
Волосы (челов.)—лютгá нюктá	нюктá	нюктэ́	нюктá	нюктá
— сохатаго—инактá	—	—	—	—
Воронъ—га(х)й	(ворона)—гай	гакй	—	гакй
Воротъ (рубахи)—таhá, мопhочонй-, момоний	—	—	—	монгó, рушуhý
Воротникъ вышитый бисеромъ—ча(я)-мй	—	—	—	—
Воръ—джомошуй	—	чоочá	—	джёомичинѣ, чоочй.чоолоhанѣ
Вошь, вша—кумуhó, кумкгэ́	—	—	—	кумуhà
Врешь—шюлачй	—	улочисй	—	ул(оо)уукý
Все равно—омутý	амотó	—	ума-далй	умадалэ́й
Вскипѣть—йihохусий	—	—	—	хуюч(с)й
Выдра—джюкý, дюкý	—	джокý	дюкý	дюкý
Выливать—миhанталамй	—	—	—	ункой
Вымывать—сикки, сиккимй	—	—	—	сиккй. сиккив(ѣ)и
Выпить—умй, умимй	—	—	—	умй
Выпотрошить—хуктасимй	—	—	—	ачýй
Высморкаться—ликбасiуй	—	—	—	инунáй
Выстрѣлить—мiосаламй	—	—	—	—
Вѣникъ—аппуhý	—	аппýй	—	аппу(г)hй
Вѣсы—чан(h)á	—	дынгсй	—	данкся́
Вѣтеръ—о(а)ды, ходý	—	эды	аоы	ады
Вѣтка малая—соoктó	—	—	—	соoктó
› большая—гá	—	—	—	—

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.

Г.

Гводзь—ча(я)ба́	—	тыпно́	—	тыпна́
Глазъ—нһа́, ябка́, йіһә, йәһа́, йә	я. яга́	иса́	иса́	иса́
Глина—согчо́. согджо́	—	сюту́	—	туала́ увепаһа́
Глухарь—хоай	—	—	—	хоокй
Гнилое (дерево)—утта́	—	няйнъ	—	няһа́, няһанѣ
Гнилушка—утта́,	—	—	—	ута́
Гнѣздо—хуйнй	—	—	—	хуйуммý, хуюмý
Говорю—диһанамй' диһан(д)э, бигагайә	—	кукамә	—	дыггамѣ
Годъ—аһанй, анһанй, агано́, ананй	—	анганй	—	ангани
Голенище (сапогъ)—амһй	—	—	—	тыякся́
Голова—дылй	дылй	дәлй	дылй	д(ы)әлй
Голый—айтагмй	—	—	—	нюлакй
Гора—ýа	уа́	уә́	уа́	уа́
Горбуша большая—чýма, чумý	—	—	—	чýма
» малая—оһо́	—	иккй	око	око́
» особаго рода—гадәла́	—	—	—	исимй
Горитъ—джягды́	—	джегдый	—	джягды
Горло—коггý, кота́	—	могоксо́	—	бигга́
Гость—джимамй	—	андаһа́	—	димаһамә (близкій)
» »	—	—	—	андаһа (дальній)
Градъ—боно́	—	боно́	—	боонó
Грачъ—туай	—	—	—	—
Гребень съ однимъ рад. зубцовъ—идý	икдý	—	икдý	игдý
» съ двумя рядами—маля́	—	—	—	—
Гробъ—орто́, окда́, окдоһо́	—	укдоксо́	—	окдоксо́
Громъ—акды	—	акдй	акды́	а(к)гды́
Грудь—тынга́	тынга́	тәнга́	тынга́	тынга́
» женщины—око́, косо́	косоý	чкý	око́	око́
Грязь на улицѣ—чикпойнй	—	тепаа́	—	сютý
» на тѣлѣ—ауй	—	—	—	нянгиса́
Губернаторъ—амба́	—	мыйра́	—	мыра́ (кится)
Губка древесн.—бото	Бото́	—	—	—
Губы—хамý	хомý	хэмý	ханý	хамý
Гусь—хуйся́, нюгня́	—	нюгнéй	—	нюнгняһй

Д.

Да—инка́	—	—	инка́	й
Давать—буямй	—	—	буа́	буайвѣ (?)
Даю—бумй, миндәбуйә, синдәбуямбй	—	—	—	—
Дверь—уакты́, угуто́	уапте́	уккә́	укаптý	укка́, дзяндю
День—ина(г)нй, иныњ, ина(һ)нй	айнагй	иненгій	инагй	инангй, инанй
Деньги—джәһа́	—	джеха́	—	джила́
Деревня—нитулэнй	—	касанъ	—	гасса́ (гиляд.)
Дерево—мо́	мо́	мо́	мо́	мо́
Десна—иктатаһанй	икта-таганй	—	пригй	ирхй

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Дитя—hитэ́	—	хитый	—	hитá
Длинный—уанимй, уаньмэ́	—	—	—	нгонимэ́
Дно (лодки)—хаоний	—	—	—	хá, хаангй
Дождь—тыгдá, тыкдэ́	тикдá	тикдэ́	тикдá	тыгдá
Долбило (лодочное) бандя́, упагá	—	—	—	упагá
Долгъ—нанhдá	—	нангнá	—	нангнá
Долото—чугý	—	чукý	—	чюкý
Домъ—джý	—	акдý	—	дю
Дорóга—хонтó	—	хоктó	—	хоктó
Доска—дандч(ж)á	—	укдокся́	—	каппагэй
» для тѣста—капиhй	—	—	—	—
Дочь—аджигá, ситэ, хитэмй	—	асá	—	асамаhитá
Древко остроги—тулямй	—	—	—	нáй
» стрѣлы—инний	—	—	—	боокó
Дробовикъ (ружье)—сасá. мяучаний	—	—	—	сасá мяучаний
Другъ—андá	—	—	андá	чумангá, андá (кит.)
Дубъ—олонкэ́	—	—	—	олонкэ́
Дужка (въ нартахъ)—чамбó	—	—	—	тээмбуá
— (у ведра)—(дж)чангй	—	—	—	—
Дуть—хумй	—	хугэ́	аддыний	—
Дуракъ—туксавá, паггá	—	—	—	паггá
Дымъ - сагня́	сагня́	сагня́	сагня́	сагня́
Дыра вообще—сангá	—	сангá	—	сангá
» въ одеждѣ—чагбиний	—	—	—	буяга,буяганий
Дѣвочка—адико(é)	аткигá-гонегй	—	ачхá	ад(з)якá
Дѣвушка—хаталá	хаталй-гонегй	хапá	хаталá	хаталá
Дѣти—ситэ́(й)	—	—	—	hитэ́й
Дядя—абуhá	—	акгá	—	туá

Е.

Еб . ть твою мать—туксава силá	—	—	—	—
Ель--хасиктá	—	—	—	асиктá
Енотъ—абуиhá	йэ́	яндокý	—	яндакá
Есть—бй	—	бй	—	бй
Есть ли?—синдубіоеý?	—	—	—	кисино?
Еще—ня́	—	ня́	—	ня́

Ж.

Жабры—сянгá	—	—	—	сянгá
Жарко—хакуhй,	—	хэкý	—	hакó, hакусй
Желтый—холё, хагдж(ч)ó, холó	—	сокчó	шёкдэ́	сокдзё
Желѣзо—сэлэ́	селá	селэ́	селá	сялá
Жена — мамачай, мамазэ́н, аhантай, уплá, асйиний	—	асáмъ	—	асамѣ
Жесть—актá	—	актá	—	актá
Животъ—амугдá	мангý	—	амукдá	амукдá
Жирный—боггó	—	букý	—	боггó
Журавль—хуйзá	—	корó	—	курáу

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.

З.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Завтра́—тымана́	—	тыме́й	—	тым(ə)ѣ
Завязка у копья—һаккаһа́	—	—	—	гаккала́
» у сапогъ—сюкеһə́	—	суксə́	—	сукся́
Загородка у рыбной ловушки—лаба́	—	—	—	—
Задъ—омбо́	ай (ница)	—	амбо́	амбо́
Задую (спичку)—пундə́	—	—	—	худзямѣ худзянһае́
Зажечь, зажигать—джегды́	—	—	—	джягды́й
Заколоть копьемъ—гидалə́й	—	—	—	гидалə́й, гида́й
» ножомъ—кужули́	—	—	—	куч(у)элə́й, китул(ə́)ай
» острогой—аки́	—	—	—	аки́
Замокъ обыкн.—ёзо́	—	есо́	—	ёсо́
» ружейный—тумужа́	—	—	—	шамаки́(ни́)
Заплата—сананаври́	—	—	—	намасипты́
Заплетать—дж(ч)авагури́	—	—	—	иличáц
Затылокъ—гадыһа́	гадыга́	—	апаке́	ча́
Затычка (у берест. солонки)—лэкаптыни́	—	—	—	липпиптыни́
Заяцъ—чагчемпу́, тукса́	—	чакчемпу́	—	чакджямпо́
Звѣзда—уах(к)та́, ойта́	уекта́	хошкта́	огекта́	һосикта́
Звѣрь—бою́	—	бою	—	бою́
Здравствуй—сородə́ (гил.), вакдывə́	—	бакчефуну́	соодé	соодэ, сородə́
Зеленый—нюгджо́, нолюһи́	—	негдча́	кури́	со(к)һгиһ(га́ солгига́
Земля—на́	на́	на́	на́	на́
Зеркало—ханянко́	—	ханянту́	—	һанянту́
Зима—ту́а, туо́	—	туə́	—	туа́ (?)
Змѣя большая—джябдя́	—	джапта́	—	джябда́
» малая—мики́	—	мики́	мики́	мики́
Золото—айзи́	—	айси́	—	айси́
Зубы—ита́, икта́	икта́	иктə́	икта́	икта́
Зыбка денная—амуһа́	амуге́	—	аму(к)га́	аму(һ)га́
« ночная—ду́й	—	—	—	—
Зять—авзи́	—	—	—	аусѣ

И.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Игла́ стальная—иһма́	—	имма́, кита́	—	имма́
» дерев. для невода—ильма́	—	—	—	саппу (гольд.)
Изюбръ—кяһа́	канга́	боча́	—	буча́
Икра́ (рыбы)—чава́	—	чапа́	—	чапа́
» (ноги)—тыдə́й	тизай (титяй)	—	тидякы́	тыдзяки́
Императорская гавань—хади́	—	—	—	хади́
Имя—габбу́	—	кэппи́	—	габби́
Инструментъ для выдѣлки кожи рыбьей—чочо́	—	—	—	—

К.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Кабанъ (дикій)—на(х)ктá, пусá	—	нектá	—	нактá
Кабаргá—андá	—	боюкэ́	баюкá, андá	баюкá, андá
Кабарговая струя—пунгó, фунгý	—	хонкó	—	пунгý
Камбала костистая—каблэ́й	—	—	каббой	каббáй
» правоглазая—киг(ó)ала	—	—		малý
Камень—янчá, джолó	цолó (дэжолó)	дчолó	джёлó	джолó
» кузнечной печи, куда вдѣланъ мѣхъ—ийá	—	—	—	—
Капуста (морская)—кайгý	—	—	—	канюэ́, каню
Каша—лалá	—	—	—	лалáкэ
Кашель / Кашлять } симбуй	—	симпи́	—	симпи́ / симписи́
Кедръ—кункó	куанкó	кокдó	кункó	к(у)онкó
Кета—давá	тавá (табгá)	исимá	давá	дава, давахсá
Кисетъ (для табака)—хали́	—	падý	хали́	падý (гольд.) халó
Кисть (руки)—кандуһани́	ханá	—	налá	умнý
Китаецъ—нинкá	—	—	—	нинкá
Китъ большой—калэмá	—	кальмо	—	калэмá
» малый—канги́	—	—	—	аянгá
Клюква—гаахтá	—	—	—	гаахтá
Ключъ воды—уляини́	—	бекгá	—	біака
» замка—анакý	—	анакý	—	анакý
Коверъ—сактаý	—	тэнкý	—	сяктаý (и танкуни)
Ковырялка трубки—кэтулакý	—	—	—	китуланки́
Кожа человѣка—актани́	—	—	—	актá
— звѣря—ніá	нигá	насá	нагá	насá
— рыбы—сюббý (кеты—давахсá)	гіусá	субпý	сшюбý	сюббý
Козуля—гіучá, козали́	инякта́	кеучá	гіочá	гэ́учá
Колдунъ (шаманъ)—шамá	—	—	—	шамá
Колокольчикъ—конгоктó	—	конок тó	—	конгоктó
Кольцо (украшеніе руки)—уняһты́	уняпты́	оняптý	иняптý	иньяаппý, иняһаптý
— для большаго пальца—һухты́	—	—	—	—
Колчанъ—куми́	—	—	—	—
Колѣно (часть ноги)—ха(ы)нгó	хангá	—	ханнó	ханнó
— (племя)—омуджалá	—	—	—	—
Комаръ—гамактá	немактá	кармактá	гамактá	гамактá, гармактá
Конь—мури́	мый	—	мури́	мури́
Копыто—куазани́	—	—	—	уни́
Копье—хондó, гидá	гидá	кидá	гидá	гидá
Кора (древесная)—таалý	илакé	—	ывахтá	ивактá
— еловая—во(х)тá	—	—	—	—
Корень—таһани́	—	кыгэ́нь	нинта	таһá
Корма—айни́	—	—	—	инкичаý [1]
Коробка—уякá	—	умагá	—	умма(һ)гá
Коробочка для трута и кремня—бураһтá, сы(и)ктэ(ы)һи́	—	—	—	сыктэ(һ)ги́ / сиктыги́
— для ложекъ—кулюмкý	—	—	—	—
Корова—ягá	—	ехá	—	иһá
Короткій—умазá, омо(а)зá	—	уми́		умѣ́

[1]) По словамъ моего переводчика это слово значитъ «править».

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Коса (волосъ) у женщины—токта́	—	чочоко́	чочко́	патэпты́
» у мужчины—чочко́. чочоко́	—			чочко́, чочоко́
» (орудіе)—ђотоку́	гайдыга́	—	—	—
Кость—гіама́	оро́	кямса	гіамша́	іамса́
Котелъ вообще—юђо́	юхо́	кала́	ико́	ико́
— большой- дапти́	—	—	дантама́	дантама́
— для чумидзы—йоко́	—	—	–	—
Крабъ—кат(х)ы	—	—	—	джявагды
Красный—хололиги́	—	секже́	секде	сякдзя́
Кремень—мидэ	—	бу́	—	бу́
Кровь—сякся	—	сексэ	—	сіакся
Кружка изъ бересты—чёко́	—	—	—	—
Крупа (китайская)—джякта́	—	—	—	джіакга́
Крыса синга́	—	синга́	—	синга́
Крыша—альбаврі́	—	—	—	абб(а)опты́
Крышка (ящика)—кумта́	—	—	—	кумта́
Крюкъ для рыбы—то́	—	—	—	гокко́,
» для котла—обо́, сянка́	—	–	—	обо(h)го́
Кузнецъ—пакчинѣ́	—	—	—	пакчинѣ
Ковать—тавзюй	—	тавучи куеть-таучи́	—	таучи́
Кулакъ—сянто́	–	сянту́	—	нугга́
Купаться—абгасюврі́	—	эббасій	—	аббасій
Кури—умурі́	—	омига́	—	умиђа́
Курить—дамкми́, дамдемі́	—	—	умі́	умі́
Курокъ ружья—чумузані́	—	—	—	с(ш)имичані́
Кусать—итта́	—	(ся)ыктамони	—	иктанкинэ(н)
Кушакъ—уму́	—	омуръ	—	уму́
Кэта—тата́	тава, дабга́	неима	дави	дави, давахся́

Л.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Лавка—дампулі́	—	—	—	лавка́
Ладонь—ханя́	хана́	хангая́	хана́	ханга́
Лапа медвѣдя—хагга́	—	—	—	хагга́
» собаки—инабагдыні́	—	—	—	хагдыh(н)ыні́
» птицы—чаба́нъ	—	—	—	чопокто́
Лебедь—ку́ку	—	ку́ку	—	ку́ку
Лёдъ—дѣhе́	дзуга́	джукэ́	дюка́	дюка́
Лежать—каптаhими́, каптами́, катаній	—	анинкі́	черочі́	чороочі́
Летучая мышь—алягдоhа́	—	уку́	—	халакдокэ́
Лисица обыкновен.—сулай, сюлакі́	суляй	солакі́	сулякэ́	сулакі́
» чернобурая—авата́	—	авата́	—	авата́
» крестовка—кэтэhа́, хандагдѣ́	—	—	—	киты́
Листъ (древесный)—абдэ́	—	абдаса́	—	абдаса́
Лицо—дагбі́, аумі́	—	дэгні́	—	да́, дагні́, осні́ (?)
Лобъ—хойо́	хая́	—	гилюка́	гулука́
Лодка—ана́	тамтыге́, ана́	укда́	укда́	угда, укда́
Ложа (ружейная)—хонгоні́	—	—	—	мяучамоні́
Ложка—унига́, хоня́, сухонкэ́	унига́	унига́	унинка́	унига́
Локоть—исо́	исо́	—	ичо́	ичо́
Локтевая кость—симикта́	—	—	—	симикта́
Лопуцки (съѣдобная трава)—чукуні́	—	—	—	—
Лопатка (весло)—тяу	—	—	—	гилипука́

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Лось—огбё	—	—	—	токи́
Лошадь—мылъ	—	мори́	—	мури́
Луна—бя́.	біа́	бе́	бе́	бэ́
Лыжи—сюала́, сукта́.	—	сюекта	—	сюнкта́
Лысина—кото́.	—	—	—	(х)hото́
Лѣсъ—асиний — небольшой—(дж)чагдыни́	—	—	дыги́	асини́
Лѣто—джю(о)а́	—	джуа́	—	джюа́
Лягушка—охи́.	—	экий	—	аки́

М.

Малый—нис(з)а́	—	—	ничи́	ничэ́
Мальчикъ—пата́.	аука-гонеги́	—	ита́	ничинѣ́
Масло—иму́.	—	—	—	имукся́
Мать—анинhа́, ани(h)га́, аня́	ониго́	эне́	аньга́	аня́
Медвѣдь вообще—мафа́	мафа́	мафа́	мапа, мафа́	мапа́
— самецъ—гигэ́	—	—	—	гига́
— самка съ дѣтенышами—хуня́	—	—	—	хуна́
» » безъ дѣтен.—ася-мафа́.	—	—	—	ася́
» » —мапа́	—	—	—	—
Могила—ко́й	—	—	—	ко́й
Модель ловушки для ловли рыбы—укэ́	—	—	—	—
Мокрый—чиппа́	—	—	—	чиппа́
Молодой—сикхони, сик(о)ани́.	—	ыккени́	—	hыккане́
Молнія—агитони́	—	—	таменисй	талинисинѣ́
Молоко—косо сабдени́.	—	уку́	—	око́
Молотокъ—хало́, халуhа́	халданху́	халова́	халука́	халуhа́
Молотокъ деревян. для выдѣлки кожъ—кунку́	—	—	—	папатэ́
Монета серебряная—монгу́. » мѣдная—гяуа́	—	дчекга́	—	джеhа
Море—наму́.	—	наму́	наму́	наму́
Морская корова—ынкхэ́	—	—	—	—
Морошка—иньямукта́	—	—	—	иньямукта́
Мохъ обыкн.—набуhа́	—	—	—	набо́, набуhа.
» олeній—лаукта́	—	—	—	лаукта́
Мошка́—балинза́.	хумукта́	—	гумахта́	пумпутэ́
Мужъ—мафа́, мапай, адэ́й, утаки́, нянта́.	—	ади́	—	адыани́
Музыка (дѣтск. игрушка)—кумкайэ́	—	—	—	танкара́
Мука́—офа́	охва́	упа́	упа́	упа́
Мундштукъ (трубки)—амахчини́	—	—	—	шёй
Муха—гобо́, коба́	гово́	—	гилюка́	гилуhа́
Мушка (ружья)—исакчи́	—	—	—	сигани́
Мыло—и́за	и́дза (кит)	—	сикинки́	сиккинки́
Мышь—синга́.	—	синка́	—	синга́
Мѣдь—чикта́	—	точи́	—	чикта́
Мѣсяцъ (по времени)—бѣ́	—	бѣ́	—	бѣ́, бэ́
Мѣхъ кузнечный—куга́	тынга́	—	—	кугга́
Мѣшокъ обыкн.—си́	—	доли́	—	далэ́
» для мелкихъ вещей—часи́	—	—	—	hундуку́
Мясо—ула́	пуляпты	уктэ́	укта́	укта́
» сушеное (лося)—огиза́	—	—	—	хурикта́

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Н.				
Наковальня—джилю́, дарашю́	—	÷	—	дарас(ý)ю
Наперстокъ—уняпты́	—	иняпту́	—	{ иняпту́. иньяапту́
Нарта (сани для собакъ) туhи́	—	тукки́	тукки́	тукки́
Нары—накхá, пэ́	—	наве́	—	тамс(и́)ы
Наушники—джявhá	—	септу́	—	{ джяуки́, сэгдуhá
Небо—нягня́, тогó	тимадулá	боá	нягня́	нангня́
Нёбо—кэгэ́	—	—	—	каhá
Неводъ—дагдали́	—	—	—	дагдали́
Нерпа - х(ы)этта, hатта	—	хэтá	---	(г)hаатá
Нитки—сiакта, сикта	—	хупэ́	—	х(h)упá
Нога—б(а)ыгд(и́)ы, пукгдá	унки́	быкды́	букды́	баг(к)ды́
(Кожа съ ноги=багды хосолэни)	—	—	—	—
Ноготь—hойкта	уайктá	хосиктá	огектá	hосиктá
Ножницы—хадзá	—	хаджá	—	хаджя́
Ножъ—кутихгэ́, кучиhá	чагдá	хинасу́	кучкá	} куч(иh)агá
Ножъ для строганія—кхутигá, кочикá, аппэли́	кушигá	кучигэ́	аппели́	кучькá, аппэли́
Ноздря—нюсаhани	салдони́	сендэгэ́	пиксо-сяна́	{ сянау́, сяндыга́ сянуhá
Носъ—нюh(ю́)о, ню́, нюó, эндюхá	нюгé, ніóнё	негсó	нигчó	никсó
Ночь—д(о)угбó, добгó	докбогю́нь	добó	доббó	доббó
Ну, ну!—гá, гá!	—	балá	—	гá, гá!
Нѣтъ—анчи́	—	май-макэ́	май-макэ́	—
О.				
Облако—сюонині́	—	токсó	—	токсó
Обманулъ—солазі́	—	аркалахá	—	аггалаhамѣ́
Ободъ бубна, гіу́	—	—	—	муни́
Обувь—унтá	—	унта	—	унтá
Огниво—няhá—якхá	—	моды́	—	моды́, моодэ́
Огонь—тхуó	тó	тó	тó	тó
Одежда—шикі́, таггá	тагá	тэккэ́	таггá	таггá
Одѣяло—хулá, октá, пультá	—	коктá	—	hуктá
Ожерелье—момолэ́	момолі́	—	ніокчжокó	{ аньяhа, сяккá
Озеро—тунги	—	усі́, ому́	—	аму́
Окно (дыра вверху юрты)—биóты́, чонхó	—	павá	—	павá
Олень ручной—орó	—	орó	орó	орó
» дикій—ю, идай, (и)ыкдахкэ, тхуе.	—	—	икдахэ́	{ (ы)гю, ыкдакэ(ы)ію
» понтовый—пунту́	—	—	-	онджиh(ы)ію
Орелъ—кіазá	кязá	кячá	кяечá	кіачá
Орѣхъ кедровый—куйктá	няптá	боктó	куйтá	куйктá
Осень—болó	—	болó	—	болó
Островъ—буhагá	—	боочá	—	буачá
Острога для нерны—маймá	маймá, цакпá	—	гынимá	дж(о)ёббо
» для рыбы—тагó, сункхы́.	—	—	—	{ днумнѣ́, монима

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Отецъ—абуһ(á)у. амá	абгá	амá	ама(н)á	амá
Отъ берега—кэатыһй	—	—	—	дылá
Охота—быйчюй	—	—	—	байчй
Очагъ—гу́о, хá	—	—	увá	тапту́, тавашту́
Ошейникъ—алá	—	аллá	—	алá

II.

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Палатка вообще—ангá	—	—	аббанá	аббанá
» двускатная—майкá	майкá	—	—	майкá
Палецъ вообще—уня́, унягá	бокты́	чумучу́	унякá	унягá
» большой—хуó	ху́	хунчу́	хуму, хугу́	хонгó
» указательный—чюэ	дурунту́	чепопу́	шiё, думоту́	чипоопу́, чомочó
» среднiй—дулэнты́	цымузяний	дулуту	дуляту́	дулуту́
» безымянный—чимчаааганй	сюé	акки́	чимчака-акони́	ганьга-экуакини́
» мизинецъ—чимчá	цимцá	гаяку́	чимчакá	ганьгаяку́
Палка вообще—му́, туню́	сактá	—	мó	мó
» къ лыжамъ—тiу́	—	—	—	ты(ё)яу́
» для управл. нартами—туһи́	—	—	каурьи́	кауриги, каури́
» шаманская—гiу́	—	—	—	тыюнъ, тыю́
Палочки для копченія юколы—сэһэ, дыпты́	—	—	—	—
Палочки для ѣды—сабу́	—	—	—	—
» для жаренія рыбы—шилау́	.	—	—	—
Парусъ обыкнов.—кутури́	—	кутули́	—	кутули́
Пей—умиджá	—	омигá	—	умиһá
Пепелъ—хуляптá	пулякта	хулектá	омокцó	хулаптá
Передникъ—лали́	—	—	—	лали́
Перепонка (на лапахъ птицъ)—манани́.	—	—	—	һактамукэ
Перо—овоктó (крыло—дакты́)	тактыгá	—	дактагá, упукталá	дактáся́
Перстень—уняты́	—	уняпту́	—	иньяапту́, иняһапту́
Песокъ—опёктó	—	тепови́	—	һыя́
Пизда—бабiю́	—	—	—	—
Пила (орудiе)—ху́	—	ху	—	ху́
Писать—онёйэ	—	лъжеругá	—	нэруһамѣ́
Пить—уми́, умими́	—	омiйви́	уми́	уми́
Платокъ—сiудина	—	пунку	—	понкó
Плевать—тундá	—	топинайви́	—	тубшнáй
Племянникъ—пыктэрéнь	—	—	—	ту́á?
Плечо—богдолó	богдолó	—	мiя́	мiя́
Плѣшь—котó	—	—	—	(һ)хотó
Побрякушки дѣтскія костяныя—годягá.	япцугу́	—	—	явчуу́, явчуһу́
» женскія металлич.—абгу́	—	—	—	ачи(һ)гá
Повязка—лашвэ	—	—	—	—
Подбородокъ—гуахтá	джый	—	гайши́	гугтахтá
Подкладъ—токкодогони́	—	доккó	—	доккó
Подошва (ноги)—унтахыпь	уаннюгу́	хакдá	гадкеки́	һакдый, хакдыһй

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Подпилокъ—ю	—	ю	—	ё
Подстилка изъ шкуры—сокто	—	—	—	сяктаў
» изъ бересты—талў	—	—	—	далй
Подушка—тритў, т(ы)іў	—	маппй	—	тырапту
Покрывало (въ люлькахъ)—натá	—	—	—	накá
Покупаю—гадамй, гады, джавамй	—	—	—	гачимѣ
Полдень—кахта-ынаний	—	тыккá	—	кахта-инаний тыпá, инанги-токконий
Пóлки—хутымá	—	—	—	хй
Полночь—кактá-добhў	—	добо-долинé	—	доббонь-токконй
Пологъ на кровати—ямпá	—	—	—	—
Полозья (нарты)—тýhыюдынй	—	—	—	патá
Полъ—паланй	—	—	—	палá, полъ
Поплавки (у невода)—коктó, адуль-коктонй	—	—	—	коктó
Пороховница—пайзá, мявдá	холаджá	—	харадя́	харадзя́
Порохъ—октó	окто	октó	окто	октó
Портабакъ—дангдуhў	—	—	—	—
Портфель (изъ бересты]-каптурhй	—	—	—	уксама(h)-гундукў.
Поспѣлъ (готовъ) чай—адэhаний абугу	—	хуругэ	—	аланó
Посуда—муhў	—	—	—	дзяр(и)ынй
Потъ—нийhавй	—	—	—	няасангй
Поцѣлуй (ты)—юhа(з)сй	—	—	—	аланкá
Поясница—умук(ц)сá	—	—	—	дамá
Поясъ—умў, тельгэ	умў	омубй	умў	умў, талэ
Праздникъ—гуанярй	—	анярейвй	—	аня́
Приборъ для выдѣлки кожи—какў, палка къ нему—гонигнй	—	—	—	—
Привязать—вуйй	—	—	—	уйв(и)ѣ
Пробка—ликпизá	мелакў	—	—	щичá
Проборъ—фукты	—	—	—	руктачá
Продаю—х(о)удасй. худасемй	—	—	—	х(о)удасй
Промахъ—улаўй	—	—	—	ураhанѣ
Промыселъ—буймусй	—	—	—	б(о)айчй
Проснулся—солегй	—	—	—	таагиhамѣ
Прощай—хадыhá, тулуний	—	—	—	пода-моначкá
Прыщъ—кокó	—	—	—	кокó
Птица вообще—гасá, гаhá, гá	паў	гассá	—	гасá, гассá
» большая—сагды-гаhа	—	—	—	сагдыгассá
» малая—агысá гаhá	—	—	—	чиндаhагассá
Пуговица—тоhó, нмоты	таняка́, тогó	—	тогó	тоhó
Пузырь (нерпы)—такпў, хатауйкдэнй	—	—	—	тапў
» (рыбъ)—хукиний	—	—	—	хукй
Пуля—моhалэ́	малй	мугалй	муггалé	мо(г)hамй
Пурга—фунгá	—	кувэ	—	кувá
Пухъ—гаhа хунhалэнй	—	цфуктá	—	пичэупуткá
Пыль—наанhаний	—	—	—	тэпаá, ху лаптá
Пью я—би умй—	—	омивй	—	ум(и)эмѣ
» ты—си умидзá	—	—	—	—
» воду—улю мимй	—	—	—	муў умимѣ
Пьяный—соктоhоний	—	соктогó	—	соктоhó
Пѣсня—ихый	—	икій	—	дзярый, икый
Пятка—сакты, хакдыhы	нинты	—	—	нинты

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Р.				
Работникъ—ататы́	—	пикгá	—	лаудзѣ
Разбудить—сіуй	—	—	—	сяючи́
Развяжи—атуди́	—	—	—	ачуhá
Разсвѣтъ—дагбуhы́нь	—	—	—	гэу́анайни́
Раковина морская—намчугы́нь	—	—	—	чёнктá
Рана—тэмалá	—	хіá	—	hыя
Распорки (въ лодкѣ)—аhанакуни́	—	—	—	уки́
Расчесывать—дырпгды́	—	—	—	игды́(й)
Ребенокъ—умhудыви ситá	—	—	—	hитá
Ребро—аутылы́	—	—	—	аутулá
Ремень—усй	андапті́	уси	угй	усй
Рисъ—дигми́	—	хандуболэ́	—	hандубалá
Рогъ—ийони́	—	іá	—	іá
Ротъ—а(h)гмá, ан(h)мá	анмá	аммá	аммá	аммá
Рубаха—тогтá, поктó	моктó	покто, ынкечегда.	поктó	ангарагдá
Ружьё мяу(д)зá, мявкти́	міоцá	меучá	міочá	мяучá
Рука вообще—али́, кохтó, палáhалá	налá	нгалá	налá	нгалá
» правая—авhади́	—	анчи́	—	андѣ-нгалá
» лѣвая—динhади́	—	джендй	—	д(э)ѣндѣ-нгалá
Рукавицы (съ шерстью)—коолы́	—	джепагдá	—	джяпагдá
» (безъ шерсти)—касабá	—	чефагдá	—	кооктó
Рукавъ—укó, укэ́	—	—	—	уксá
Руль—аксуhон(ь)и́	—	макбу́	—	ся́у, сёу
Русскій—лучá	—	лучá	—	лучá
Ручка ведра—мулхи́	—	—	—	гасини́
Рыба—таухá, сукдигá, т(ю)укджэ́	субдя	сукдасá	сюкдягá	сукджясá
Рыбу ловить—сукджя́батай	—	сукдаса ботыйви	—	сукджясау байчи́
Рыгать—кооси́	—	—	—	каhарачи́
Рысь—чинджяhи́	—	локэ́	—	чинджяhи́
Рѣжу—хойми́	—	хайви́	—	хоймѣ
Рѣка—ули́, біазá, ауá	—	ули́	ули́	ули́
Рѣсницы—самтá	—	саминтá	—	кимбиктá
Рюмка—чунг(ч)джá	—	кóчи	—	коты́
Рябчикъ сѣрый—сюмукэ́	—	химмый.	—	hиммуhи́
» черный—аhемэ́	—		—	асимѣ
С.				
Сажа—савгаси́	—	нюксá	—	нюксá
Сажень—дá	—	дá	—	дá
Сани (нарта)—туки́	—	—	—	туки́
Сапоги вообще—унтá	—	унтá	—	унтá
» изъ рыбьей кожи—няhю-унтá	—	—	—	хоёно-унтá
» изъ кожи лося—сюкбу-унтá	—	—	—	унтá
» изъ нерпы—хатá-унтá	—	—	—	гаатаксама-унтá
Сахаръ—байта (кит.)	—	сетá	—	сятá

	Назаровъ.	Прогодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Сбруя (нартъ)—алу́нь	—	—	—	поксю
Свинецъ—туджа, тудзя́	—	точа́	тудя	тудзя́
Свинья дикая - накта	накта́	—	пӧкто	накта
» домашняя—пуша́	—	оккэ́	—	окгэ́
Свистѣть—кюһосй	—	—	—	тыккочй
Свѣча—данга́	—	ла́	—	иһара-ла́
Сдирать (шкуру)—ниһаій	—	—	—	тапачй
Сегодня—айны́	—	эй-негу́	—	айнангу́
Сердце—пяняктá	—	мява́	мява́	мява́, міаява́
Серебро—манга́	—	—	—	мангу́
Серьга ушная—уака́, икы́	уайга́	ика	ика́, маму́	ика́
» верхнее кольцо—уайкй . .	—	—	—	—
» нижнее кольцо—саса́	—	—	—	—
» носовая—сандиһа́, тавматэ́ . .	—	санджеха́	—	{ сандзя(h)гá, санд-ги(ыһ)цга́
Сестра—ока́, ӧко́, опадю́	—	—	гунадй	хунадй
» старшая—оhга́	—	—	—	—
» младшая—нико́	—	—	—	—
Сивучъ большой—ка(а)лма́	—	—	—	кангй
» малый—ойанга́	—	—	{ туктуке́, конгй	туктукэ́
Сидѣніе (въ нартахъ)—оломань . . .	—	—	—	илика́
Сидѣтъ—т(о)ыһамй, та(h)амй, тойо́мй .	—	тэга́	тала́	таагй
Силки для ловли соболя—фукка́ . . .	—	—	—	гукка́
Ситецъ—сяккй	—	экакй	—	бусю́
Сифилисъ—бакинкй	—	—	—	—
Сказка—тангусй	—	—	—	нимаһачй
Скоблилка (для кожъ) - чёсё	—	—	—	хос(ю)у, хошу́
Скула—сясѣ	саса́	—	шеача́	гіанча́
Слѣпой—балиһа́	—	балй	—	балй
Смерть—букинй	—	—	—	—
Сморкайся—лякбасій	—	—	—	инунка
Снѣгъ—им(а)hа́, эмаhа́, эма́, имаа́ . .	имана́	имаса́	имага̀	имаса́
Собака—энэй, ина(й(и, инатэ. инакй .	инае́	инаккй	инаке́	инақй
» передовая—богhо́	—	меоромдй	—	нёромды
Собачка ружейная—ваксій	—	—	—	танкунй
Соболь—нокто. hoho. heh.э	нюге́	носо́	ного́, носо́	носо́
Сова—га́ма	—	оксара́	—	уксара́
Солнце—т(ю)у	су́	сіу́	сеу́	сяу́
Солонка—даксуhу́	сяйдаукй	—	даску́	{ доксу(h)гу́, катпу(h)гу́
Соль—сякй	сяй	ада́	даксу́	даксу́
Сорока—гуймо, гуhй	—	саксй	—	саксаһй
Сосать грудь матери—хабай	—	—	—	уочй
Сохатый (лось) токй' оhбѣ, оhбіо́ . .	окбіо́	токй	такй	токй
Спасибо (благодарю)—баниhа́, мапак-пэны́	—	андага́	мангане́	. баниhа́
Спать—когэ́, каптамй, моhэйй	—	—	—	апинэ́й
Спина—акка́	ака́	дама́	никта́	акка́
Срать—банhанамй	—	—	—	—
Стать—манаюл(я)й	—	—	—	га
Стар[illegible] [illegible]дынта	—	—	мапача́	мапача́
Ст[illegible]а - [illegible]канго	—	халада́	—	халада́ (кит.)
Старуха—мама	—	—	мамача́	мамача́
Старый—сагблита́, сагдента́	—	—	—	—
Старый человѣкъ—мафаса, ого́ . . .	—	—	—	маф(п)а́
Стволъ (ружья)—мявида́	—	—	—	сикданй
Столбъ—хала́	—	—	—	тура́

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Столъ для ѣды—дюодза́	—	дэрэ́, дыресу́	—	д(а)ыра́
Стоять—илиhими́, илими́, им(h)ани́ . .	—	—	—	илиси́
Стружки (отъ ножа)—апила́	—	—	—	куаптула́
Стрѣла—тада́, буй	—	дэнку́	тада	тада́
Стрѣляй изъ ружья—мявдали́	—	—	—	мячалаhа́
» изъ лука—гоhппуй	—	—	—	гаппаhа́
Стрѣлять—мявда́	міоцелы	—	міочаляй	мячал(э)ай
Стулъ—ткый	—	—	—	танку́
Ступня (медвѣдя)—шуангу́	—	—	—	хагга́
Стѣна (фанзы, юрты)—на́	—	—	—	дибба́
Сукно—(брюки)—хыйhи́	—	джанкчи́	—	джянты
Сумка—хутуго́	садуза́	гундуку́	хундуку	hундуку
» для пуль—купгуци	мартакпуни́	—	—	—
Сундукъ—гу́йдзя	—	—	—	гуйзя
Сундукъ изъ бересты—молоки	—	—	—	уммага́
Сушиться—уагги	—	окичи́	—	оггичи́
Сынъ—hит(эй)а, ситэ́й, hита́, бата́ . .	—	пинэ́	—	пимаhита́
Сырой—нилу́	—	—	—	чипиа́
Сѣть—атули́	—	—	—	—
Сѣять—эндуhу́	—	тари́	—	тарику́(й)

Т.

Табакъ—тамку́, дамhу́	таймн	тамаги́	дамши́	дамги́
Табачница (изъ бересты)—дамтуhу́ . .	—	—	—	уммага́, уксама́, hундуку
Таймень—хуйэ́, х(о)ую	джылй	сагана́	·шва́	саhагна, джялй
Тарелка—пилэ́	—	пелэ́, хэлэ́	—	пилэ́
» изъ бересты—хаза́	—	—	—	—
Темя—тумаhа́	какпаша́	хо́	гокчечи́	hо́
Тетеревъ—нау́	—	хокчу́й	—	хооки́
Тетива (лука)—илиний	—	—	—	или́, илйни́
Тигръ—куты́, чякала́	куты́	дусэ́	дуга́	дуся́
Ткань—сиhи́	—	—	—	дж(а)яка́
Товаръ—сиhи́	—	босо́	—	худа́
Толкать—аны	—	—	—	анѣ́йвѣ
» кулакомъ—кентули	—	—	—	—
» лодку шестами—гаунды . . .	—	—	—	гайвѣ́
Топорище—сюгоhэйни́	хаги́	—	сюкагони́	сюкагани́
Топоръ - сюго́, суку́	суаса́	сюка́	шюка́	сюка́
Торговецъ—худани́	—	ходани́	—	х(о)уданѣ́
Трава—уокто́	ок то́	—	окто́	окто́
» въ сапоги толстая—hайкта́ .	—	—	—	упокта́
» цѣлебная—кола́	—	—	—	—
Триперъ—няхсайэhони́	—	—	—	—
Тропа—hокто́	—	—	—	hокто́
Труба (въ юртѣ)—янту́	—	—	—	шооно́
Трубка—д(а́)эй, дэ́э, тэма	даги́, дай	да́й	дай	да́й
Тряпка—аунку́	—	—	—	чемчаhу
Туманъ—танiэ́	—	токсо́	—	тамна́
Тѣнь—хана́	—	—	ханя́	ханя́

	Назаровъ.	Протдіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
У.				
Убиваешь—си уайй	—	(лъ) yorá	—	(ть)уайвѣ
Уголь древесный—яплá	—	—	—	іяктá
» каменный—джалó, няңаһй	—	—	—	гакиджёлони
Узелъ—иніяни	—	—	—	иннитá
Укралъ (я)—джёмэни	—	чеочигá	—	джёмиченимѣ
Укусилъ (онъ)—иктаманаһини	—	иктамангі	иктамокине́ (ть)	иктаманкинѣ
Умереть—будыни	—	букки (умеръ)	букине́	буккини
Уполовникъ—юк(á)э	—	—	конды́	соконкй
Усы—гуггахтá	куахтй	—	гуактá	гуггахтá
Утка—гаһá	гагá	—	гагá	куя́
Ухо—сѣ, (х)куá, кукй, кóй	кóй	се́	се́	сё
Ухо у котла—хороктó. шяни	—	—	—	сянкá, сіакá
Х.				
Хабаровскъ—Бóри (кит.)	—	—	—	Бýри
Халатъ суконный—сукна матагэ	—	хуктý	—	синэлькй
Хвалю—айа(н)мй	—	—	—	—
Хвостъ—игги	—	иккй	—	иггй
Хлѣбъ—упá. бобó	—	—	—	упá
Ходить—нанимй, оконй, діанамй	—	—	(жу) ганаме́	нганый
Хозяинъ—аджяни	—	дчоръ-одинъ	—	даланды
Холодно—инганѣ	—	инканй	—	инганѣ, инганиси
Хорекъ—чочэ, чохчй, чохчойэ	—	чокчýй	—	чокчэй
Хорошій—айан(й)ѣ	—	ая́	ая́	(шо) ая́
Хромой—бутаá	—	доголó	—	доолоһй, долой
Хрящъ—дяһá	—	букэ	—	букся
Худой—гоһ(о)ан(ѣ)й, гоһонийэ	—	(до) оркэ	манга, байбае́	оккэ, мангá, байба(е)й
Хуй—чичкó, иликэ	—	—	—	—
Ц.				
Царапать—уайй	—	—	—	хочиси
Цыновка—сяктуý	—	—	—	сяктá
Цѣловать—нюкаси	одзузаме́	—	алоне́	аланиси
Цѣнь—баһулá	—	джуччегá	—	дюгдиһá
Ч.				
Чайникъ—чуанд(ч)жй, чайкý	гуанзá	чай	чайникъ	чуашá
Часы—бяý	—	—	—	—
Чашка—могулó	—	—	—	—
» китайская—чамй	—	чамй	чамй	чами

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритов.	Леонтовичъ.
» деревянная—моhó	мохó	—	—	мокó
» берестяная—касà	—	—	—	додоhó, додоó
» табачной трубки—чуйгоні́	—	—	—	котка
Челюсть—гіака, джяйні́	джейні́	—	діака	гіака
Черемша (полевой лукъ)—сыды́, шюйдый	—	сюдуй	—	содэ́й
Черенокъ (таб. трубки)—даймтоні́	—	—	—	сіхпты́
Черный—пал(и)ы(h)й, палэ́гі́	—	сакгéй	сакай	сякай
Чесать—уhаймі́	—	—	—	хочиси
Четверть—тó	—	тó	—	тó
Чехолъ (ружья)—мошугý, чянтауза (кит.).	міоцтакпуні́	—	—	мошугý
Чихать—яhині́	—	яксунéй	—	иксючі́
Чортъ—ганикы́	іохó	—	амба, шака, ганкэ́	амба, сяка, ганкеря́
Что—йавдуні́	—	явó, явогалі́	—	ю, ю-галэ́йси
Чубукъ—сіаптуні́	—	септýй	—	сіапты
Чулки—докты́	—	доктó	—	доктó
Чумашка для воды—мулюкі́	—	—	—	—
» высокая—талкхý	—	—	—	—
» малая—алэнкі́	хаса	—	дёдекó	кондзёй
» для соли—дакхсукý	—	—	—	—

III.

Шалашъ—кагэ́	—	—	—	—
Шаманъ—шамані́	—	сяма	—	шама
Шаманскій поясъ—янкпа	—	—	—	—
Шаманскій бубенъ—унтуý	—	—	—	—
Шанкръ—шинкý	—	—	—	—
Шапка—аý	аó	апý	прощó	се(г)кдó, сокдý
Шарфъ—моотпэ	—	—	—	могоптý
Шашки доска—анака	—	—	—	—
» фигуры—hитоні́	—	—	—	—
Шестъ для лодки—солоксó	оý	—	най	гаý
» дль остроги—найні́	—	—	—	най
Шея—міэ́	мюé	мотó	моó	монгó, моó
Шкапчикъ—унаку	—	—	—	—
Шкура вообще—нэhá	—	—	—	наса
» медвѣдя—маппа-наhанѣ́	—	—	—	—
» лисы—шулякі́наhані́	—	—	—	—
» хорька—солей-наhані́	—	—	—	—
» нерпы—хотно-наhані́	—	—	—	—
» выдры—дж(ю)укý-наhані́	—	—	—	—
» бѣлки—олёки-наhані́	—	—	—	—
» лося—токі́-наhані́	—	—	—	—
Шнурокъ—кѣамі́	—	—	—	—
Штаны короткіе—хайкі́, хыйhы́	хейкы́	хыйкé, хыркі́	гейкы́	гайкá
» длинные—амуі́, амhý	амугі́	—	аму	ам(у)осю́
Шуба—балда (кит.)	шингау (кит.)	—	коптоко, балда	аруhа, балда

	Надаровъ.	Прото́діаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Ѣ.				
Ѣсть—дж(я)апты, дж(я)антыми́, тактит(х)эти́	—	джепты́й	дяпты́	дяпты́й
Я.				
Ягода—гочиһды́	—	дикта	—	габбовку́
Языкъ—(органъ)—инни́	пни́	инкинъ, инги́	инни	инни́
Яйцо—умуктаи́	—	омохта, омокто́	—	умукта
Якорь—чакби́	чакбы́	—	чабби́	чабби́
Японецъ—шиша́	—	—	—	шиша
Ястребъ—гяхи́	—	—	—	гэ́ки́
Ящикъ—гуйза	—	окукта́	—	һундуку́

Въ заключеніе считаю необходимымъ замѣтить, что, приводя слова изъ словарей моихъ предшественниковъ, я позволилъ себѣ поставить на нихъ ударенія, потому что орочоны любятъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ. Удареніе на другомъ слогѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ чужеземнаго происхожденія слова.

Какъ показываетъ сдѣланное нами сопоставленіе словъ различныхъ вѣтвей орочонскаго народа, слова удиһэ во многомъ сохранили старинную основную часть слова, измѣнивъ ея произношеніе, но еще въ большихъ случаяхъ они уже пошли по иному пути въ образованіи словъ. Насколько они самостоятельны были въ этомъ отношеніи, насколько зависѣли отъ китайцевъ и гольдовъ, объ этомъ спеціалисты, вѣроятно, со временемъ скажутъ свое вѣское слово. Мы же старались, насколько могли добросовѣстно и тщательно подготовить матеріалъ для выводовъ ихъ *).

Варшава.
26 Ноября 1901 г.

Сергѣй Браиловскій.

*) Рукопись автора содержить въ словарѣ притранскрипныя слова: 1) подстрочные знаки, напр., въ словѣ «ѣсть»—тактит(х)эти, знакъ х написанъ подъ строкою, 2) двойныя буквы написанныя одна надъ другою и раздѣленныя чертою, напр., въ словѣ «ѣсть» джя(а)пты, а написано подъ а, и обѣ буквы раздѣлены чертою и 3) буквы въ скобкахъ напр., «расчесывать» игды(й). При печатаніи по соображеніямъ типографскимъ пришлось во всѣхъ случаяхъ примѣнить скобки. *Ред.*

Табл I.

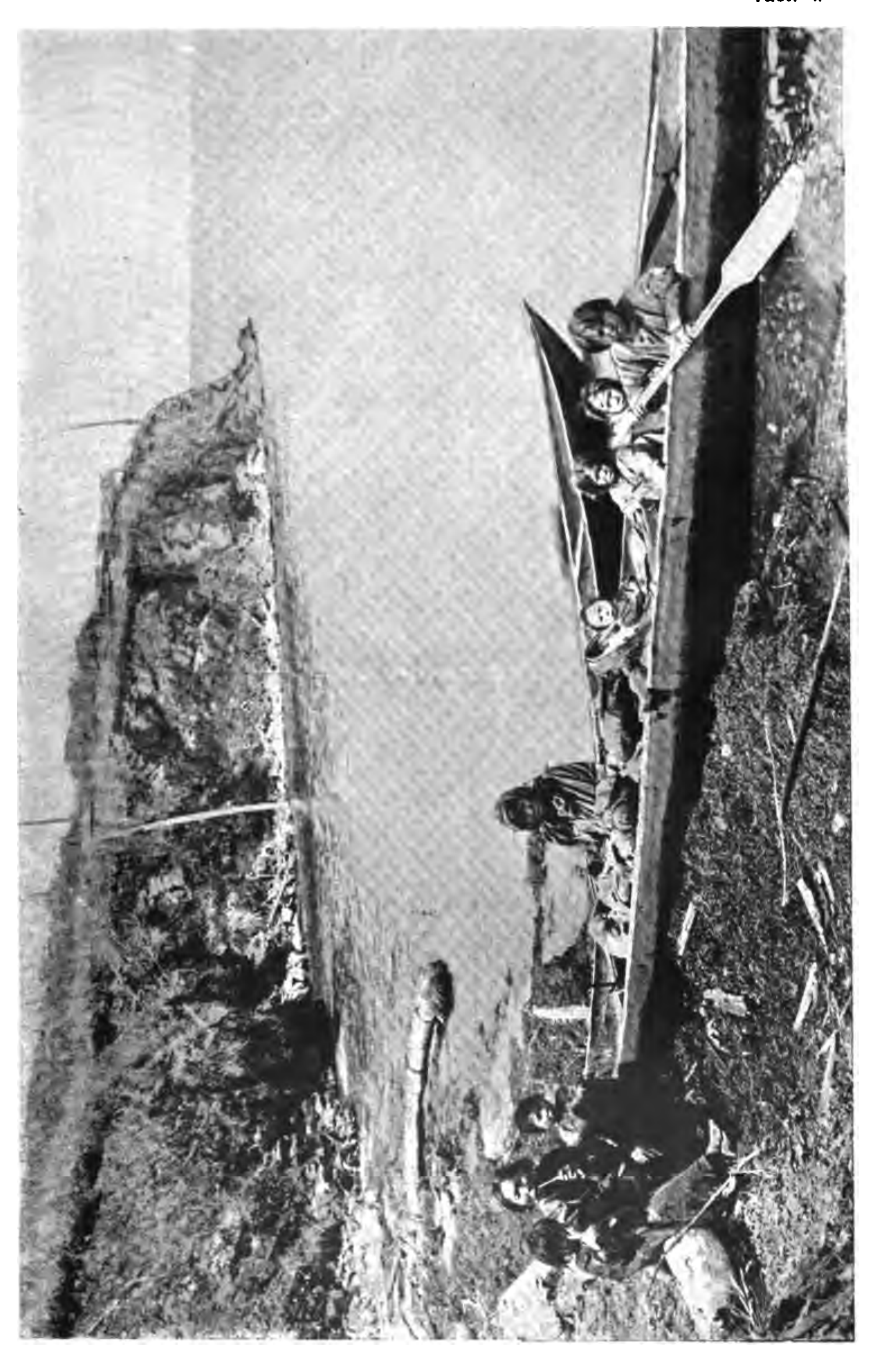
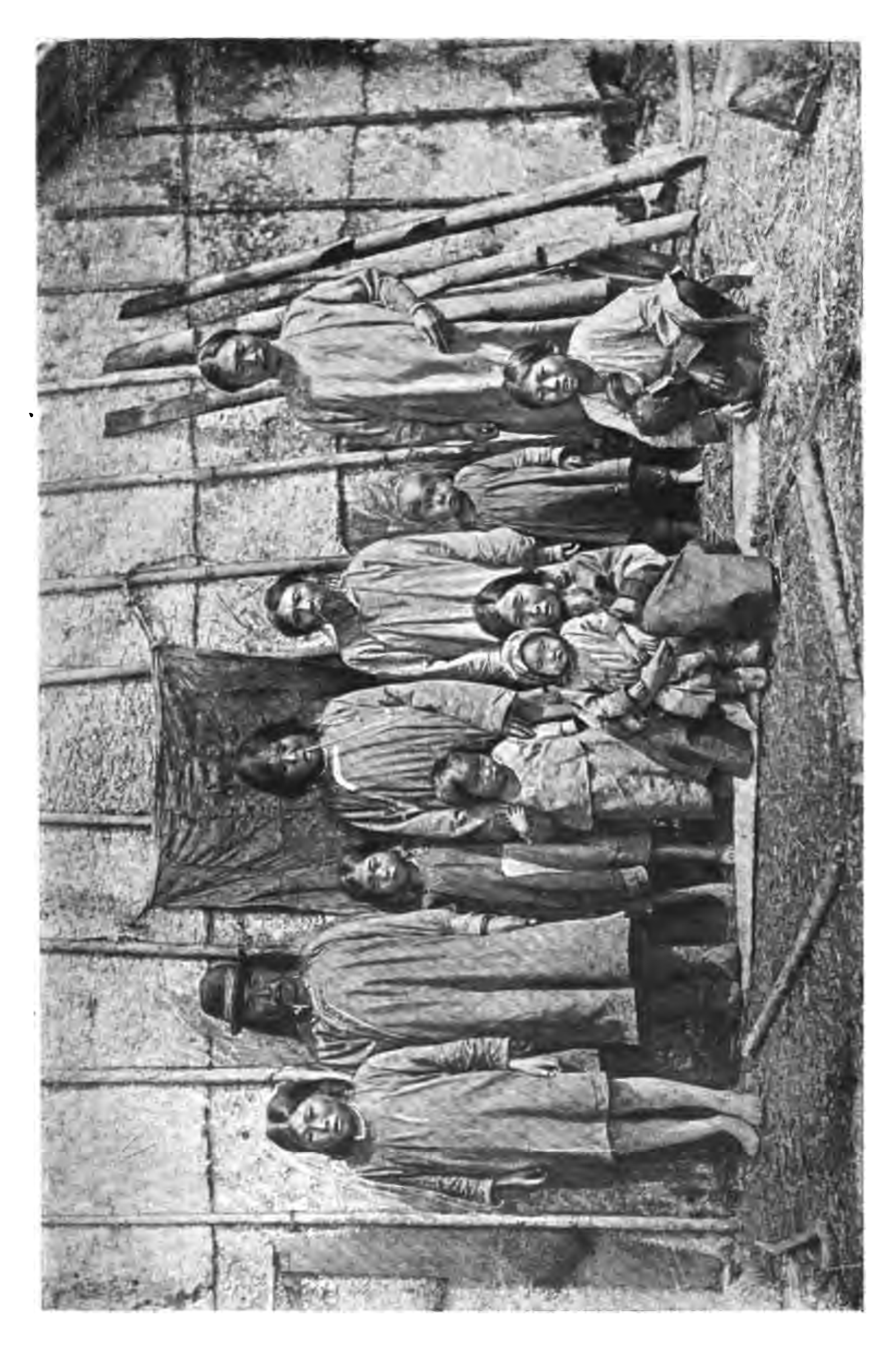

Табл. III.

1.

2.

1.

2.

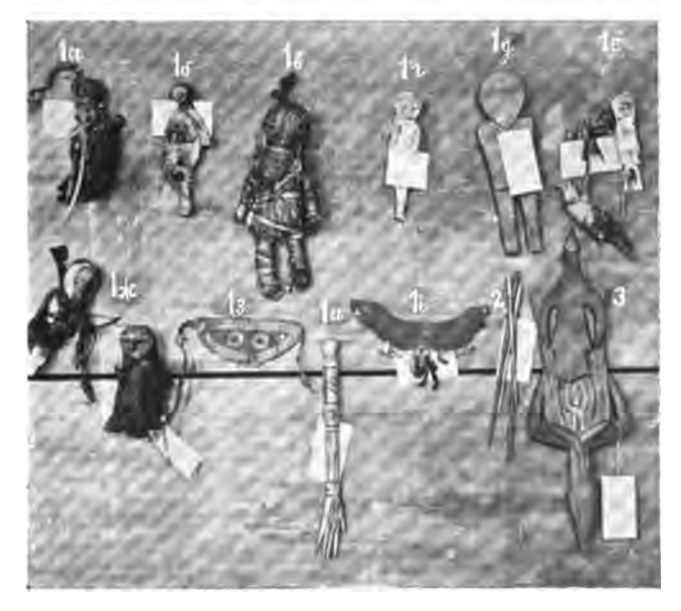
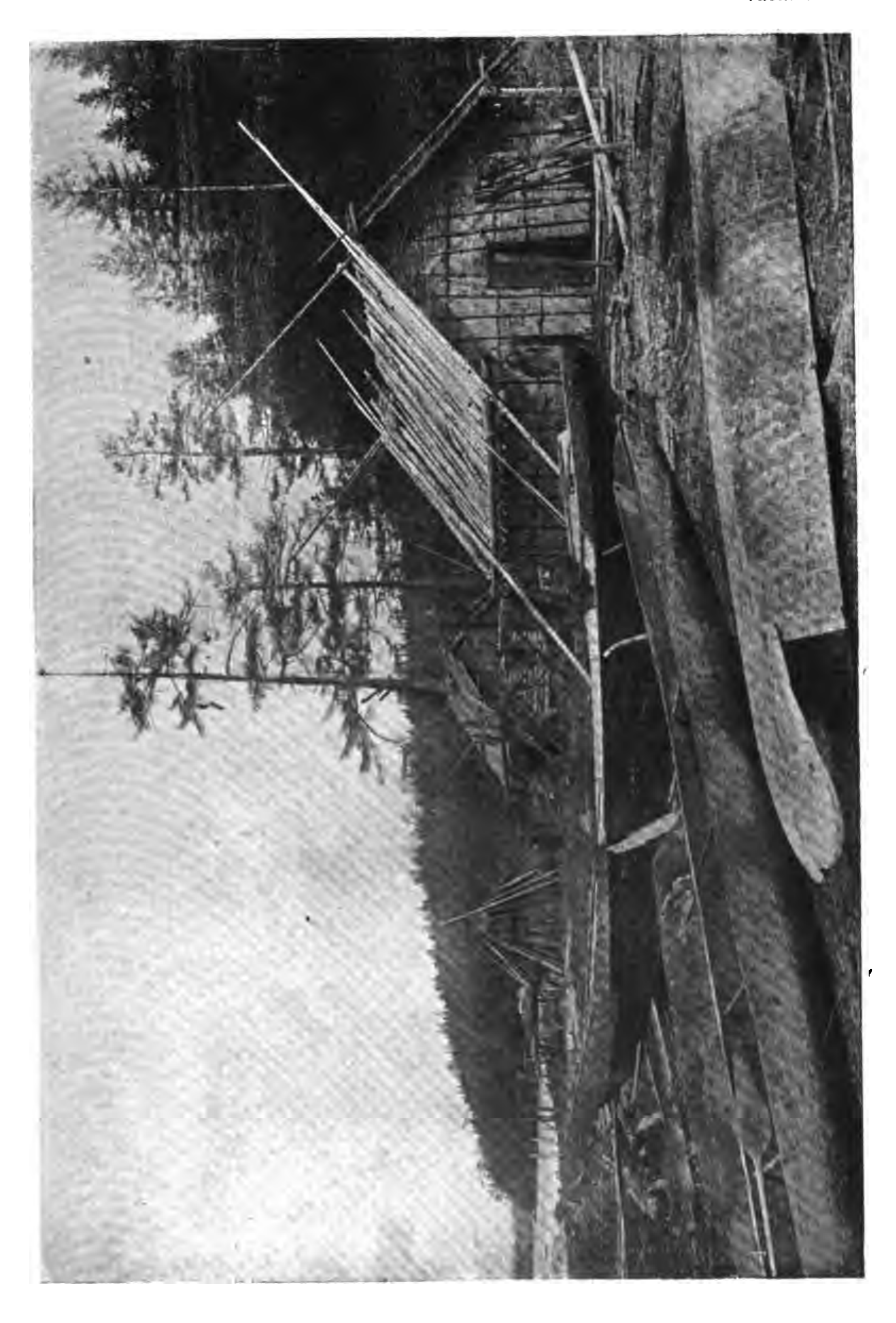
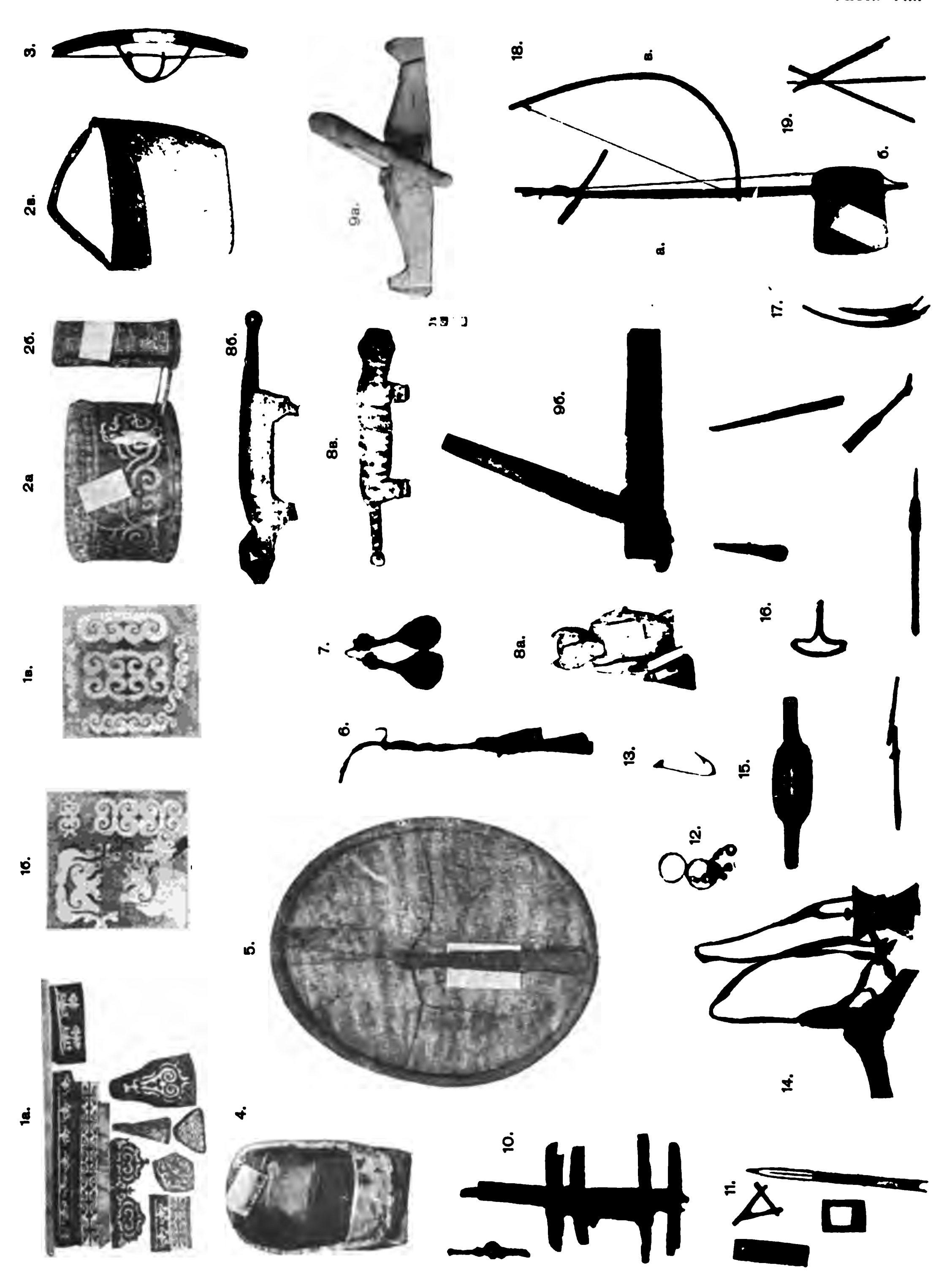

Табл. VI.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
9а.
10
8.
7.
9б.

Табл. VIII.

1а.
1б.
1в.
2а
2б.
2в.
3.
4.
5.
6.
7.
8а.
8б.
8в.
9а.
9б.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
а.
б.
в.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ

къ изслѣдованію г. Брайловскаго

Тазы или Удиһэ.

Табл. I. Семья тазовъ, во время переѣзда съ одного мѣстопребыванія на другое, на берегу Великаго Океана. Лѣтомъ (съ іюня мѣсяца) удиһэ, охотясь за сохатыми, часто перемѣняютъ мѣста лѣтняго жительства. При незначительности домашняго скарба, они легко на одинъ батъ нагружаютъ пожитки, женъ, дѣтей и путешествуютъ по берегу Океана отъ устья одной рѣки къ устью другой, гдѣ, по ихъ мнѣнію, водится болѣе звѣря. Ночью при такихъ переѣздахъ они не ѣдутъ, а отдыхаютъ въ маленькихъ бухточкахъ, коими изрѣзано побережье Великаго Океана, омывающее Приморскую Область.

Табл. II. Семья стариковъ — удиһэ у шалаша. Шалашъ сдѣланъ изъ корья и обставленъ бревнами. На головѣ старика лѣтній головной уборъ изъ бѣлой дрели. Старуха въ правой рукѣ держитъ трубку. Сзади старухи -- чернѣетъ отверстіе, входъ въ шалашъ.

Табл. III. Двѣ семьи удиһэ у своего шалаша. Справа отъ зрителя молодой удиһэ бобыль, нахлѣбникъ. Костюмы на всѣхъ лѣтніе изъ кумача и бязи. Въ этой юртѣ одна семья (справа) имѣетъ троихъ мальчиковъ и одну дѣвочку, другая — двухъ дѣвочекъ и одного мальчика. Послѣдняя—рѣдкое исключеніе, потому что среди удиһэ замѣчается перевѣсъ мужского элемента надъ женскимъ. Входъ въ юрту сзади завѣшенъ дрелью.

Табл. IV. Рис. 1. Дѣвушки-удиһэ (лѣтъ 15—16) въ лѣтнемъ довольно нарядномъ одѣяніи, въ штанахъ, охваченнымъ расшитыми наколѣнниками.

Рис. 2. Женщины — удиһэ среднихъ лѣтъ (25 — 30) тоже въ лѣтнемъ одѣяніи у юрты, представляющей переходъ къ фанзѣ.

Табл. V. Рис. 1. Удиһэ—охотники въ полномъ зимнемъ снаряженіи. У охотника справа отъ читателя за плечами „винчестеръ", у другого въ рукѣ лыжи и сѣтка для соболя. На головахъ шапки различнаго фасона.

На рис. 2 изображаютъ: 1 a—i бурханы, какъ талисманы, употребляемые тазами на охотѣ или въ болѣзняхъ, причемъ: 1 и изображаетъ бурханъ, употребляемый во время болѣзни руки (ревматизмъ), а 1-е—во время охоты за соболемъ; остальные бурханы употребляются безразлично. Дѣлаются эти бурханы чаще изъ дерева, рѣже изъ травы (см. бурханъ 1 в.) и еще рѣже изъ металла. Носятся на груди или на шеѣ; 2 палочки для ѣды, тоже, что и на табл. VIII. Рис. 19; 3 небольшой ручной кузнечный мѣхъ: станокъ и ручки деревянные, остальное изъ кожи. У каждаго кузнеца - таза имѣется такой мѣхъ.

Табл. VI. Видъ лѣтняго поселенія удиһэ. Этого рода поселенія располагаются обыкновенно на берегу Океана, недалеко отъ устья рѣки. Шалаши вытянуты по одной линіи, по вѣтру, который уноситъ тяжелый запахъ жилищъ и очищаетъ юрты. На берегу рѣки передъ первымъ шалашомъ лежитъ

нѣсколько батовъ, одинъ изъ которыхъ опрокинутъ. На переднемъ планѣ шалаши приближаются по формѣ къ фанзамъ, на заднемъ одинъ—конусообразный, первобытной формы. Близъ этого послѣдняго виднѣются „сушила“ для вяленья на солнцѣ „юколы“. За шалашами высятся гигантскія сосны и лиственницы.

Табл. VII. Здѣсь изображены предметы домашняго обихода и одежда.

Рис. 1. Верхняя женская рубаха, платье. Изображенное на фотографіи сдѣлано изъ рыбьей кожи и по краямъ подола, рукавовъ и на груди раскрашено узорами изъ минеральныхъ и растительныхъ красокъ; 2 — женскій нагрудникъ съ металлическими украшеніями; сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ матерій: дрели, кумача; 3—лѣтній женскій головной уборъ въ развернутомъ видѣ. Сдѣланъ изъ дрели и обшитъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ ленточекъ и тесёмокъ. Онъ закрываетъ голову и подвязывается подъ подбородкомъ длинными концами. Разрѣзъ приходится на тыльную сторону шеи и головы; 4—зимнія изъ мѣха сохатаго рукавицы; кожа наружу и выкрашена минеральными красками подъ узоръ; 5—женскіе штаны изъ рыбьей кожи, окрашенной минеральными и растительными красками съ узорами; 6—унты (сапоги) изъ рыбьей кожи, мужскіе и женскіе, неокрашены; 7—шапочка для дитяти 4—6 лѣтъ съ мѣхомъ на маковкѣ и съ подвязками; по краямъ узоръ; дѣлается изъ рыбьей кожи и изъ матерій; 8—денная колыбель удиһэ; ободокъ изъ дерева; спинки и исподъ изъ бересты; на одной (верхней) изъ нихъ погремушки для забавки дитяти; 9 а-б—портфели для табаку изъ бересты; 9 а—съ узорами, наклеенными изъ разноцвѣтной (бѣлой, черной, зеленой) бересты (окрашенной); 10—деревянный съ рѣзьбою, раскрашенный футляръ для трубки, ручная работа удиһэ.

Табл. VIII. На этой таблицѣ находятся различные предметы домашняго быта и религіознаго, именно: 1 а б в—образцы узоровъ удиһэ на берестѣ. Этими узорами они украшаютъ одежду и предметы домашняго быта; 2 а в—чумашки различной величины и формы изъ бересты: чумашки 2 *а* и 2 *б*—употребляются для храненія иголокъ, нитокъ, бусъ и др. мелочей женскаго рукодѣлья, чумашки же 2 *в*—для воды, какъ наше ведро; 3—модель капкана для соболя или бѣлки. Звѣрь захватывается двумя дужками, укрѣпленными на ременной или веревочной тетивѣ. Послѣдняя привязывается къ изогнутому бревну; 4—ночная колыбель для дѣтей. Нижняя часть закрыта; верхняя немного приподнята надъ дномъ. Дно дѣлается изъ дерева, а верхъ изъ бересты; 5—футляръ изъ бересты для шаманскаго бубна, на этомъ же футлярѣ привѣшенъ «буекъ“, коимъ шаманъ ударяетъ по бубну; 6—принадлежности шаманскаго пояса изъ желѣза, коими онъ гремитъ; они на фотографіи нанизаны на ремень; 7—мѣшечки кабарговой струи въ засушенномъ видѣ; эту струю удиһэ продаютъ китайцамъ, употребляющимъ ее на лѣкарства. Цѣна каждаго мѣшечка (ихъ на рисункѣ два) колеблется между 1 р. 50—2 руб.; 8 а б в—бурханы въ уменьшенномъ видѣ, кои выставляются шаманами передъ юртою. Изображенные сдѣланы изъ дерева. Кромѣ животныхъ, какъ на нашемъ рисункѣ, они изображаютъ и птицъ; 9 а б — модели мялокъ для рыбьей и звѣриной кожи: мялка вкладывается между ногъ, такъ что концы ея, съ выемкою, приходятся подъ ногами; въ прорѣзѣ посрединѣ вкладывается свороченный кусокъ кожи, а деревяннымъ молоткомъ *в* бьютъ по ней, мялка *б* имѣетъ ясно видные на рисункѣ зубья, коими и мнется кожа; 10—приборъ, употребляемый удиһэ при выдѣлкѣ веревокъ изъ крапивы; на него наматывается скрученная руками веревка; 11—принадлежности для вязанья сѣтей; всѣ сдѣланы изъ дерева; 12—серьги ушныя съ подвѣсками, металлическія; 13—крючокъ изъ гвоздя, скованный удиһэ; на этотъ крючокъ, величиною около 1/4 арш., ловятъ крупную рыбу (тайменя, кату и др.; 14—ременные пояса съ футлярами изъ кожи для ножей и съ мѣшечкомъ для та-

баку. Такой поясъ всегда имѣется на походѣ у каждаго удиһэ; 15—приборъ для строганья при подѣлкахъ; въ деревянную ручку вбить металлическій клинокъ, коимъ и строгаютъ; этотъ приборъ замѣняетъ тазамъ наши рубанки; 16—различные металлическіе приборы, употребляемые удиһэ при столярной работѣ: буравчики, долотца, скребки и т. п. Все это выковывается каждымъ удиһэ изъ кусковъ стараго желѣза; 17—два ножичка, коими производится вырѣзка узоровъ по дереву и берестѣ; 18—музыкальный инструментъ, заимствованный удиһэ у китайцевъ: а—грифъ палочка съ одною струною, изъ жилы сохатаго, а остальная часть *б*—коробочка изъ бересты; посредствомъ смычка *в*, изъ жилы же или нитки, извлекаются заунывные тихіе звуки, которые скорѣе раздражаютъ, чѣмъ услаждаютъ европейское ухо, но которые вполнѣ удовлетворяютъ эстетическое чувство удиһэ; 19—палочки изъ дерева и кости, коими ѣдятъ пищу тазы и кои замѣняютъ имъ наши вилки.

Примѣчаніе: Болѣе подробное описаніе бытовыхъ и другихъ предметовъ читатели найдутъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

С. Браиловскій.

О разсколѣ на низовой Печорѣ.

Рѣку Печору дѣлятъ обыкновенно на верхнюю, среднюю и нижнюю или низовую. Въ частности низовая Печора и естественно—полярнымъ кругомъ, и административно дѣлится на двѣ волости—сѣверную, Пустозерскую и южную, Усть-Цылемскую. Обѣ волости, рѣзко различаются въ бытовомъ отношеніи,—Усть-Цылемская волость сплошь раскольническая, Пустозерская чисто православная. У русскихъ низовой Печоры есть и сосѣди, къ которыми имъ близко приходится прикасаться: между средней и нижней Печорой съ лѣвой стороны впадаетъ рѣка Ижма, населенная зырянами-ижемцами, въ тундрахъ сѣверной половины низовой Печоры обитаютъ вымирающіе самоѣды.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я прожилъ въ центрѣ низовой Печоры — Усть-Цыльмѣ три недѣли, и здѣсь, придерживаясь сжатыхъ рамокъ одного сообщенія, позволю себѣ изложить свои о расколѣ впечатлѣнія.

I.

Усть-Цылемская волость только 2—3 деревушками, изъ 81 селенія зашла за полярный кругъ, остальныя селенія южнѣе его и разбросаны исключительно по берегамъ Печоры и ея притоковъ: Цыльмы, Пижмы и Нерицы Усть-Цылёмы, какъ обычно всѣ называютъ жителей Усть-Цылемской волости, всѣ раскольники.

Какъ раскольниковъ, ихъ можно отнести къ поморцамъ-полубрачникамъ, ибо, будучи безпоповцами, они все-таки всѣ, за очень рѣдкими исключеніями, вѣнчаются въ православной церкви. Но таинство брака, такъ же какъ и всѣ прочія таинства, Усть-Цылемы отрицаютъ, и они жили-бы не вѣнчаясь, но „нужды ради“, выражаясь ихними словами — идутъ „скверниться въ никоніанскую церковь къ щепотнику и табашнику попу“.

Какія-же причины этому, какія нужды? Съ одной стороны, нежеланіе быть оффиціально незаконнорожденными и имѣть всѣ юридическія права на

землю, имущество и, главнымъ образомъ, не терять льготъ при отбыванiи воинской повинности, съ другой, непремѣнное желанiе всѣхъ усть-цылемскихъ дѣвушекъ вѣнчаться въ православной церкви,—эти двѣ причины заставляютъ усть - цылемовъ въ данномъ случаѣ поступаться своими религiозными убѣжденiями. Послѣднее обстоятельство непремѣнное желанiе всѣхъ усть-цылемокъ вѣнчаться, имѣетъ, вѣроятно, глубокiе корни въ прошломъ Усть-Цылемской волости. Нужно думать, да это подтверждается и разсказами стариковъ, и утвержденiями священниковъ, нужно думать, что усть-цылемы вѣнчались прежде гораздо меньше чѣмъ теперь, жили—просто сходясь *), но зато и семейные узы были у нихъ несравненно слабѣе, гораздо чаще, чѣмъ теперь, по ничтожнымъ причинамъ, мужья бросали своихъ женъ и, конечно, жены мужей, причемъ во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ драмахъ семейной жизни страдать приходилось всегда больше женщинамъ. Происходило приблизительно то же, что мнѣ пришлось наблюдать лѣтомъ 1900 года въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губернiи, гдѣ тоже поморство, того-же толка, съ тѣмъ только различiемъ, что расколъ тамъ, вслѣдствiе большей неразвитости жителей, суровѣе, вѣнчаются тамъ меньше, и потому семейныхъ драмъ больше. Молодыя усть-цылемки, хорошо зная отъ своихъ матерей всю шаткость, всю непрочность неоформленнаго въ церкви союза, и выражаютъ упорное желанiе вѣнчаться въ церкви, въ чемъ ихъ всѣми силами поддерживаютъ, конечно, и матери, у которыхъ, въ данномъ случаѣ, материнскiя чувства — желать счастья дочери, отодвигаютъ на заднiй планъ религiозные взгляды на грѣховность „никонiанскаго“ вѣнчанiя.

Впрочемъ, по воззрѣнiямъ усть-цылемовъ, вѣнчаться въ православной церкви, конечно грѣхъ, но во первыхъ, грѣхъ этотъ ужъ не такъ великъ, а во вторыхъ, грѣхъ легко, сравнительно, замаливается, заглаживается, что усть-цылемы всегда и дѣлаютъ. Всегда послѣ вѣнчанiя въ православной церкви наставникъ-старичекъ или книжная старушка накладываютъ на молодыхъ эпитемiю, состоящую обычно въ постѣ въ нѣсколько недѣль (обыкновенно шесть недѣль) и по одной или нѣсколько лѣстовокъ земныхъ поклоновъ (лѣстова=100 поклонамъ) въ день во время этого поста. Поститься при этомъ нужно, конечно, не во время какого нибудь изъ обычно установленныхъ постовъ, когда и безъ того всѣ постятся, а непремѣнно мясоѣдомъ. Но и тутъ обычай „нужды ради“ сдѣлалъ большое облегченiе. Никогда почти заглаживающiй грѣхъ вѣнчанiя въ православной церкви не выполняетъ всей эпитимiи сразу, ибо шесть недѣль поста, кромѣ обычно для всѣхъ установленныхъ, и сотни три, четыре земныхъ поклоновъ ежедневно было бы для

[1]) Что обычно продѣлывается и теперь у зырянъ раскольниковъ, живущихъ по Печорѣ выше, въ Вологодской губернiи. Автр.

рабочаго человѣка очень изнурительно. И обычай, снисходя къ немощамъ плоти молодого мужа, и особенно принимая во вниманіе условія мѣстной жизни, главнымъ образомъ цѣнность времени, обычай разрѣшаетъ раскладывать эпитимію на нѣсколько лѣтъ, т. е. разрѣшаетъ молиться и поститься, напр., по одной недѣлѣ въ годъ. Люди состоятельные и тутъ дѣлаютъ себѣ облегченіе: они нанимаютъ поститься и молиться за себя „бездѣльныхъ" старушекъ, и тогда эпитимія можетъ быть выполнена вдвое, а то и втрое скорѣе. Этотъ обычай создалъ въ Усть - Цылемской волости особый типъ вѣчно молящейся и постящейся за чужіе грѣхи старушки, получающей за это 60—70 коп. въ недѣлю и этимъ живущей. Только тотъ-же обычай предписываетъ, чтобы старуха постилась и молилась непремѣнно въ то время, когда постится и молится эпитимированный, иначе никакой пользы отъ ея поста не будетъ.

Вѣнчаясь „нужды ради", т. е. ради голыхъ, чисто матеріальныхъ разсчетовъ, въ православной церкви, Усть-Цылемы только въ этотъ единственный разъ въ жизни къ ней и прибѣгаютъ, едва-ли хорошо сознавая, что этимъ единственнымъ разомъ въ жизни обращенія къ церкви они навсегда къ ней оффиціально привязываются. Дѣло въ томъ, что православный бракъ, конечно, не можетъ быть совершаемъ надъ лицами не православными, каковы суть усть-цылемы отъ рожденія, ибо никто изъ нихъ не крестится въ православной церкви у священниковъ. Поэтому прежде чѣмъ совершать бракъ, священники присоединяютъ усть-цылемовъ къ православію (миропомазываютъ, дополняя так. обр. ихнее, „по нуждѣ", стариками крещеніе), затѣмъ исповѣдываютъ и пріобщаютъ, а затѣмъ уже и вѣнчаютъ. Считая вѣнчаніе, а еще больше того причащеніе св. таинъ за грѣхъ [1]) и заглаживая послѣ эти грѣхи эпитиміями, усть-цылемы, какъ это ни странно, почти никакого значенія не придаютъ почему-то обряду присоединенія, а онъ то, навсегда дѣлая ихъ офиціально православными и служитъ причиной недоумѣній между ними и православными священниками, во всей ихъ послѣдующей жизни. Послѣ брака къ усть-цылему, сдѣлавшемуся офиціально православнымъ, предъявляются требованія—чтобы онъ крестилъ по православному обряду дѣтей и хоронилъ умершихъ, ежегодно исполнялъ христіанскій долгъ, въ формѣ исповѣди и причащенія, и пр. и пр. Тутъ и возникаютъ недоразумѣнія, причемъ тяжело приходится обѣимъ сторонамъ—весьма понятно, усть-цылемамъ, по прежнему вполнѣ искренно не считающимъ себя православными, и искреннимъ священникамъ, которые должны предъявлять къ усть-цылемамъ, вполнѣ сознавая, что

[1]) За вѣнчаніе обыкновенно полагается шесть недѣль эпитиміи, а за причащеніе шесть мѣсяцевъ. Авторъ.

они, убѣжденные раскольники, должны предъявлять требованія къ соблюденію православныхъ обрядовъ... Таковы въ двухъ словахъ эти недоразумѣнія.

И такъ, усть-цылемы только разъ въ жизни прибѣгаютъ къ православной церкви—вѣнчаясь въ ней. Крестятъ дѣтей они сами, въ лицѣ книжныхъ, знающихъ церковныя службы старушекъ или учителей - наставниковъ. Дѣтей, впрочемъ, не всегда крестятъ, а иногда ограничиваются только нарѣченіемъ имени. Дѣлается это въ 8-ой день по рожденіи. Лезетъ грамотникъ въ семьѣ на полицу, снимаетъ святцы, наугадъ открываетъ ихъ и смотритъ: первое стоящее съ краю имя и будетъ именемъ родившагося. Но зато считается большой пользой окреститься старику или старухѣ передъ смертью, хотя бы они уже и были разъ крещены при рожденіи. Дѣло въ томъ, что жилъ, напр., крестившійся въ дѣтствѣ Иваномъ, жилъ и много нагрѣшилъ, а передъ смертью еще разъ крестился, положимъ Петромъ. Крестился и, не успѣвъ нагрѣшить снова, вскорѣ умеръ. На томъ свѣтѣ и будутъ искать многогрѣшнаго Ивана, а новокрещенный безгрѣшный Петръ не при чемъ.

Не мало умираетъ въ дѣтствѣ, по словамъ мѣстнаго духовенства, совсѣмъ безъ крещенія, что зачастую, впрочемъ, случается, какъ извѣстно, и въ чисто православныхъ, но глухихъ мѣстностяхъ. Умершихъ младенцевъ усть-цылемы кладутъ въ долбленыя корытцы, и мать ночью закапываетъ своего ребенка въ полѣ, гдѣ нибудь около овина, а то и на дворѣ. Бывали случаи, что закапывали въ подпольѣ. Прежде часто зарывали во дворѣ и взрослыхъ и даже на могилахъ кресты ставили.

Тайнымъ же образомъ, чтобы не погребать по православному, хоронятъ усть-цылемы нынче и взрослыхъ, тоже обыкновенно ночью, вслѣдствіе чего, по словамъ священниковъ, многіе усть-цылемы, числящіеся живыми, давно уже умерли въ дѣйствительности. Вообще статистика церковная, да и всякая другая о состояніи раскола въ усть-цылемской волости, очень далека отъ истины. Причина этому та, что усть-цылемы, не крестя дѣтей въ православной церкви, не записываютъ ихъ и въ метрическія книги, слѣдовательно, цыфра рождаемости въ волости никогда не извѣстна. Регистрируетъ усть-цылемовъ церковная статистика только при бракѣ, а про смертность ихъ она опять ничего не знаетъ.

Отношеніе усть-цылемокъ къ дѣтямъ, по общимъ отзывамъ, оставляютъ желать много лучшаго. Чтобы не быть стѣсненными въ домашнихъ и особенно въ полевыхъ работахъ усть-цылемки почти не кормятъ дѣтей грудью, а соской съ хлѣбомъ и пр., которыя лѣтомъ, при полномъ непониманіи необходимости хоть какой нибудь чистоты, загниваютъ, производя страшные дѣтскіе лѣтніе мыты. Въ результатѣ, опять таки нужно сказать, какъ и вездѣ въ Россіи, страшная дѣтская смертность. Усть-цылемки очень плодовиты, но только

трое, четверо изъ дюжины и больше приносимыхъ дѣтей остаются въ живыхъ. И не особенно жалѣютъ объ этомъ сами матери, относящіяся вообще сурово къ своимъ дѣтямъ,—обстоятельство, подчеркиваемое всѣми мѣстными знатоками быта.

Эту несимпатичную черту усть-цылемовъ, если только она не преувеличена всѣми сильно, я думаю, можно объяснить и вполнѣ извинить пережитками ихъ религіозныхъ взглядовъ. Вѣроятно, виновато тутъ бракоборное ученіе, которое всецѣло исповѣдывали прежде устьцылемы, какъ безпоповцы поморцы, считавшіе бракъ въ антихристово время блудомъ, а вслѣдствіе этого и прижитыхъ отъ брака дѣтей нечистыми. Извѣстно, какъ пламенно исповѣдывали наши раскольники вообще какое бы то ни было, признаваемое ими за истину, ученіе. И въ данномъ случаѣ—бракоборное ученіе побѣдило естественное чувство любви матери къ ребенку. Теперь ученіе это ослабло, ибо не только незамѣтно на Печорѣ большого количества неженатыхъ, а усть-цылемы сдѣлали еще большую уступку — вѣнчаясь въ церкви. Но чувство не любви къ дѣтямъ, замѣнясь индиферентностью, осталось въ усть-цылемкахъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. Въ настоящее время на усиленную дѣтскую смертность обратило вниманіе интеллигентное общество въ усть-цыльмѣ и устраиваетъ тамъ по лѣтамъ дѣтскій пріютъ-ясли. Къ сожалѣнію, прекрасное въ принципѣ дѣло много тормозится распрями этого общества, распрями очень мелочными,—удѣлъ, присущій опять таки всѣмъ глухимъ мѣстамъ на Руси.

Еще немного объ исповѣди. На исповѣдь усть-цылемы къ православнымъ священникамъ, конечно, не ходятъ и на приглашеніе священниковъ, по словамъ о. Замяткина въ „Архан. Епарх. Вѣд.“ отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „мы исповѣдуемся Богу и матери сырой землѣ“ или „я приложу ухо къ сырой землѣ, Богъ услышитъ меня и проститъ“ и проч. и проч. Также и о причащеніи: „за добрыя дѣла Христосъ пріобщаетъ невидимо“. Тѣмъ не менѣе у своихъ наставниковъ усть-цылемы считаютъ нужнымъ исповѣдываться. Такихъ старцевъ „праведнаго житія“, а иногда и не стариковъ еще, и не всегда примѣрной жизни, нѣсколько въ усть-цыльмѣ, но есть и по другимъ деревнямъ волости. Одни изъ нихъ исповѣдуютъ только своихъ однодеревенцевъ, другіе пользуются большой популярностью, извѣстны далеко въ округѣ и ѣздятъ, такъ сказать, „по приходу“, иногда очень далеко, напр. съ Пижмы рѣки до Пустозерска (400 верстъ), или на среднюю Печору, къ вологодскимъ зырянамъ (верстъ семьсотъ). Исповѣдуютъ наставники обыкновенно „миромъ“, т. е. нѣсколько человѣкъ заразъ, хотя желающихъ исповѣдуютъ и наединѣ, въ другой комнатѣ или въ сѣнцахъ. На мирской исповѣди исповѣдники раздѣляются по группамъ, по внѣшнимъ признакамъ большей или меньшей ихъ

грѣховности: на мало чашечниковъ, или „кержачащихъ“, ѣдящихъ каждый ото всѣхъ отдѣльно, на большечашечниковъ, ѣдящихъ изъ общей чаши со своими, и на поперечныхъ, ѣдящихъ вмѣстѣ и съ никоніанами и бывающихъ въ православной церкви. Группы эти во время исповѣди становятся отдѣльно одна отъ другой, а поперечные кромѣ того еще спиной къ наставнику. На обычные исповѣдные вопросы, между которыми, правда, преобладаютъ грѣхи противъ никоніанской церкви, на всѣ вопросы, предлагаемые наставникомъ вслухъ, всѣ-же вслухъ отвѣчаютъ „грѣшенъ“, и затѣмъ слѣдуетъ общая молитва. Женщины исповѣдуются вмѣстѣ съ мужчинами, причемъ первыя приходятъ на исповѣдь, опоясанныя по голому тѣлу, вторые— обыкновенно.

Таинства причащенія, конечно, нѣтъ, также какъ и всѣхъ прочихъ, ибо усть-цылемы, какъ поморцы, по смыслу ихъ ученія признаютъ продѣлываемыя ихними наставниками крещеніе и исповѣдь не за настоящія таинства, а за подобіе ихъ, такъ какъ вѣдь и наставниковъ своихъ они отнюдь не считаютъ за настоящихъ священниковъ, ибо настоящаго, праваго священства, а также и церкви со временъ Никона нигдѣ въ мірѣ не существуетъ.

II.

Хотя, утверждая это, нужно оговориться: всѣ эти догматическія тонкости о таинствахъ, о правомъ и не правомъ священствѣ и проч., вполнѣ опредѣленно сознаютъ только тѣ немногіе усть-цылемы, которыхъ мѣстные священники въ своихъ отчетахъ называютъ расколоучителями, попросту начетчики. Да и они сознаютъ не вполнѣ ясно и опредѣленно и далеко не всѣ одинаково. Дѣло въ томъ, что чего либо строго опредѣленнаго, разъ и навсегда установленнаго, всѣми ясно и вполнѣ сознаваемаго въ теоретическомъ ученіи Печерскаго раскола теперь нѣтъ. Самопониманіе и самообъясненіе раскола здѣсь очень слабы, и чуть-ли съ каждымъ годомъ не слабѣютъ все больше и больше, и чуть ли не больше и больше, годъ отъ году, падаетъ интеллигентность раскола. Лѣтомъ 1900 года я уже наблюдалъ такой не интеллигентный расколъ на рѣкѣ Колвѣ и верхней Печорѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ; въ усть-цылемской волости эта сторона раскола чуть-ли не бросается въ глаза еще болѣе рѣзко. Чѣмъ-же объяснить это явленіе?

Мнѣ кажется, что за послѣднее время, точно опредѣлить границы котораго не берусь, вообще въ Россіи замѣчается ослабленіе напряженности раскола старообрядства. Этому много причинъ, но одна изъ главныхъ заключается м. б. въ поворотѣ стремленій въ религіозной жизни народа въ сто-

рону раціоналистическаго сектанства. Послѣднее, какъ извѣстно, наоборотъ съ расколомъ старообрядства, захватываетъ все большія и большія районы. Исканій народа въ сферѣ духа уже не можетъ удовлетворить теперь только обрядовая сторона дѣла, а въ послѣдней вѣдь и заключается суть раскола старообрядства. Народъ въ дѣлѣ вѣры начинаетъ искать „духа жива". У старообрядцевъ это сказывается пока ослабленіемъ напряженности въ дѣлахъ вѣры.

Уменьшенію-же остроты, напряженности раскола старообрядства не мало способствовалъ вѣроятно и законъ о раскольникахъ 1883 года, уменьшившій строгость преслѣдованій за вѣру.

Паденію интеллигентности раскола на Печорѣ способствовали, правда, и свои, чисто мѣстныя причины.

Вопреки общераспространенному взгляду о всеобщей грамотности русскихъ раскольниковъ, усть-цылемы мало и плохо грамотны. Покойный С. В. Максимовъ въ своей извѣстной книгѣ „Годъ на сѣверѣ" говоритъ противное. Онъ утверждаетъ, что всѣ архангельскіе раскольники грамотны, а усть-цыльму онъ считалъ „самой грамотной на Печорѣ, исключая толковой Ижмы". Ему своими глазами приходилось видѣть, „свѣжія недавнія копіи, цѣлыми томами большого формата, съ старопечатныхъ книгъ и цѣлые сборники-книги, которые поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности съ какими старались печорскіе грамотеи записывать то, что могло интересовать ихъ" [1])... Конечно, въ то время, въ 1856 году, такъ и было тамъ. Но не то теперь. И теперь, даже священники, вообще смотрящіе на расколъ вполнѣ отрицательно, указываютъ на всеобщую потребность въ грамотности, какъ со стороны самихъ раскольниковъ, такъ и ихъ дѣтей, но тѣ же священники приводятъ факты почти поголовной безграмотности взрослаго населенія въ усть-цылемской волости. „Въ большой деревнѣ Бугаевой, въ 80 дворовъ, только три человѣка взрослыхъ грамотныхъ", пишетъ мѣстный миссіонеръ о. Ильинскій въ „Архан. Епарх. Вѣдомостяхъ", „Наставница тамъ слѣпая Анисья, а попъ—Василій, не умѣющій толково читать псалтырь". Я лично встрѣчалъ много безграмотныхъ, не старыхъ еще, въ самой Усть-Цыльмѣ. Есть теперь, конечно, и въ усть-цылемѣ и нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ волости министерскія и церковно-приходскія школы, въ которыхъ учатся дѣти раскольниковъ, и не только мальчики, но за послѣднее время даже и дѣвочки. Но все еще въ общемъ неохотно отдаютъ усть-цылемы дѣтей въ школы, въ которыхъ, они отлично знаютъ, въ дѣтяхъ ихъ усиленно сглаживаютъ (особенно въ школахъ духовныхъ) разницу между ними и православными.

И вотъ, отчасти эта причина, отчасти, конечно, и недостатокъ

---

[1]) С. В. Максимовъ: «Годъ на Сѣверѣ», т. 2 стр. 44.

школъ, все еще поддерживаютъ доморощенныхъ грамотниковъ и, главнымъ образомъ, грамотницъ, по всему видно однако вырождающихся и теряющихъ свою интеллигентность. „Пріемы ихъ обученія грамотѣ, пишетъ о. Ильинскій, можно сказать, живой остатокъ древности, а единственная цѣль—научить дѣтей читать старыя книги". Берутъ они за свое ученіе дорого, до полуторыхъ рублей въ мѣсяцъ, учатъ очень плохо и тихо. Учатся дѣти— мучатся, просиживая за зубрежкой весь день съ ранняго утра до поздняго вечера, а дѣло двигается плохо. Въ первую зиму изучаютъ азбуку и канонъ за умершихъ механически, на память, въ слѣдующую зиму твердятъ псалтырь по кафизмамъ. Учатся дѣти — мучатся, каждый день по двѣ зимы потѣютъ надъ книжкой, заплатятъ не мало денегъ, а въ результатѣ чтеніе безъ пониманія. Гдѣ ужъ тутъ заняться списываніемъ томовъ книгъ, когда нѣкоторые, кончивъ ученіе, еле-еле по печатному умѣютъ нарисовать свою фамилію. Видѣлъ и я нынче многочисленные томы рукописныхъ книгъ, тетрадокъ и пр., но все это старинной переписки. Нѣкоторыя старыя книги, особенно скоропись, не умѣютъ читать, по крючьямъ, напр., разучились пѣть, и книги эти скупаютъ у Усть-Цылемовъ теперь какіе-то пріѣзжающіе сюда съ Волги люди и отправляютъ ихъ на ярмарку въ Нижній. Непремѣнно въ силу этого нужно допустить, что прежде уровень общей грамотности въ Усть-Цылемской волости, а также въ частности и грамотности наставниковъ былъ несравненно выше, но по какимъ-то причинамъ палъ, и вотъ теперь, за самые послѣдніе годы всеобщая потребность въ грамотности опять начинаетъ проявляться.

Паденіе грамотности среди усть-цылемовъ легко объяснить, если вспомнить, что сравнительно недавно еще печорскій расколъ имѣлъ свои собственныя разсадники грамотности—это монастыри, попросту скиты. Таковыхъ мнѣ извѣстно три. Первый Великопоженскій, основанный приблизительно въ 1730 году по глухой рѣкѣ Пижмѣ, въ 130 верстахъ отъ ея впаденія въ Печору. Это тотъ самый скитъ, гдѣ въ 1744 году раскольники такъ ужасно засвидѣтельствовали непоколебимость и пламенность своей вѣры— отъ преслѣдованія тогдашняго духовенства и чиновниковъ, запершись въ скиту, сгорѣли 86 человѣкъ, вмѣстѣ съ наставникомъ Иваномъ Анкиндиновичемъ во главѣ. О событіи этомъ подробно трактуетъ пріобрѣтенная мною въ деревнѣ Скитской, находящейся на мѣстѣ бывшаго скита, писанная полууставомъ рукопись неизвѣстнаго автора. Послѣ катастрофы Великопоженскій скитъ снова возобновился, въ 1825 году сгорѣлъ, и возобновился опять. Съ 1842 года архангельскій архіерей завелъ съ губернаторомъ переписку о закрытіи скита, каковая тянулась два года, и въ 1844 году скитъ закрытъ. Иконы, отобранныя въ скиту при его закрытіи, служатъ теперь иконостасомъ въ усть-

цыломской единовѣрческой церкви. О второмъ монастырѣ разсказывалъ мнѣ одинъ усть-цыломскій старожилъ. Этотъ монастырь былъ уже на рѣкѣ Цыльмѣ, на мѣстѣ нынѣшней деревни Омелины. Когда монастырь основанъ и кѣмъ, старожилъ ничего не знаетъ, но онъ разсказалъ мнѣ исторію про Иванушку, одного изъ спасавшихся въ этомъ монастырѣ, котораго на Печорѣ считаютъ святымъ. Вотъ эта любопытная исторія: „Было это залишкомъ 100 лѣтъ назадъ, былъ на рѣкѣ Цыльмѣ монастырь, на мѣстѣ деревни Омелиной, и спасались тамъ люди. И стали этихъ людей тѣснить чиновники и снялись люди съ мѣста, и поплыли внизъ по Цыльмѣ, а какъ доплыли до устья рѣки Тобышъ, поворотили въ Тобышъ, поѣхали вверхъ по рѣкѣ и поселились тамъ далеко отъ устья, верстахъ въ ста, въ полуторастахъ и стали тамъ жить. И жили тамъ люди и спасались [1]) и потомъ стали повымирать. И старики помирали и молодые, и дѣти и въ 20—30 лѣтъ, всѣ люди тамъ перемерли и остался въ живыхъ одинъ Иванушко. И стало тоскливо жить Иванушкѣ, и выплылъ онъ на плотикѣ въ Усть-Цыльму, и сталъ онъ ходить изъ дому въ домъ, питаться Христа-ради у людей, которые больше Бога знали и наблюдали правую вѣру. Ходилъ Иванушко такъ годъ или два и ушелъ однажды изъ одного дома, а въ другой не пришелъ, потерялся. Прошла осень, зима, наступила весна, и однажды нашелъ кто-то Иванушку подъ елкой. Сидитъ Иванушка подъ елкой мертвый. Были и холода и жары, а Иванушко подъ елкой цѣлъ-невредимъ, и духу отъ него нѣтъ и гнусъ его не тронулъ. Похоронили Иванушку, а на могилу воткнули вѣточку сухую, а изъ вѣточки этой выросли три большія сосны. И стали Иванушкѣ молиться, и сталъ Иванушко милость давать“. Иванушко похороненъ въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Усть-Цыльмы, на могильникѣ среди полей, сзади деревни Караванной. Могильникъ очень не великъ и на немъ дѣйствительно три большія дерева густо сплелись вѣтвями. Ежегодно 24 іюня, въ Ивановъ день, на могильникъ этотъ стекается народъ со всей волости—„пѣть Иванушкѣ панахидки“. Усть-Цылемы ждутъ, что скоро появятся Иванушкины мощи, но могилу его хорошенько не знаютъ и сами, если только не скрываютъ съ цѣлью, боясь мѣстнаго начальства. Но кажется это та самая могила, на которой стоитъ большой, до сажени, деревянный подожженый снизу кадильницами крестъ, а на немъ по церковному вырѣзано: „на семъ мести чрежъденъ крестъ повѣщанію горловой боли Іоанну Крестителю. Марина Палкина“. Изъ этого видно, что Иванушку нѣкоторые едва ли не смѣшиваютъ съ Іоанномъ Крестителемъ, хотя, можетъ быть, крестъ посвященъ дѣйствительно Іоанну Крестителю, въ день котораго соби-

[1]) Основали, значитъ, монастырь, третій. Авт.

раются только на могильникъ служить Иванушкѣ панахидки. На кладбищѣ есть и другой крестъ съ надписью уже просто: Іоанъ Крестиль. Тутъ впрочемъ, и похоронены два чтимые Иванушка. Второго, по разсказамъ, принесло полой водой съ верхъ-Печоры и выбросило у Караванной, тоже совсѣмъ не тронутаго ни теплой погодой, ни гнусомъ. За святого-же, кажется, почитаютъ Усть-Цылемы и спасавшагося въ Великопоженскомъ скиту нѣкоего Евлампія или Лаврентія (хорошо не помню), мужа праведной жизни, который изъ самоуничиженія велѣлъ схоронить себя не на кладбищѣ со скитниками, а на другомъ, гдѣ хоронились жившіе неподалеку отъ скита „поперечные". И ему служатъ усть-цылемы панахидки и ѣздятъ по обѣщанію издалека. Ѣздятъ-же каждый годъ, обыкновенно весной, въ полую воду и на мѣсто бывшаго монастыря, на рѣку Тобышъ, гдѣ надъ могилами скитниковъ стоитъ амбарчикъ, замѣняющій часовню, которыя раскольникамъ возбранено ставить. Амбарчикъ-же стоитъ и на мѣстѣ Великопоженскаго скита, въ деревнѣ Скитской. Имена всѣхъ „страдальцевъ во огнѣ погибшихъ за правую вѣру" въ Великопоженскомъ скиту, записанные въ особую тетрадку, хранятся многими усть-цылемами, и я встрѣтилъ въ деревнѣ Скитской древнюю, за сто лѣтъ, старуху, нѣкогда спасавшуюся въ неразоренномъ еще скиту, которая всѣ имена, „во огнѣ, погибшихъ" знала наизусть.

Итакъ, уничтоженіемъ раскольническихъ монастырей, я думаю, можно, главнымъ образомъ объяснить паденіе грамотности среди раскольниковъ усть-цылемовъ. Конечно, большіе грамотники есть среди усть-цылемовъ и теперь—это начетчики. Лица эти больше чѣмъ грамотны—это книжники, которые, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, готовы по суткамъ спорить съ миссіонеромъ о крестѣ истинномъ, о имени „Іеусъ", о хожденіи посолонь и пр. и пр. Но странное дѣло, не они, эти дѣйствительно иногда сильные въ писаніи (конечно, односторонне) и тонкіе діалектики, не они руководители раскола; не ихъ народъ слушаетъ, не по ихъ велѣніямъ поступаетъ, не ихъ чтитъ. Есть у него другіе наставники и руководители, обыкновенно древніе старики, часто старухи, порой очень малограмотные, съ трудомъ разбирающіе книги, но своею личною жизнью, вполнѣ согласною съ многочисленными правилами обрядовой вѣры, внушающіе всей массѣ раскольниковъ большое къ себѣ уваженіе. Ихъ этихъ, рѣдкихъ уже нынче, малограмотныхъ, но съ пламенною вѣрою людей, готовыхъ и нынче умереть „за азъ единый"—народъ чтитъ и ихъ слушаетъ. Къ нимъ онъ идетъ исповѣдываться, имъ онъ несетъ свои сомнѣнія и въ вопросахъ жизненныхъ, и въ сферѣ своей темной, но жгучей вѣры. Это тѣ, которые, когда умрутъ, будутъ также вознесены, какъ Евлампіи и Иванушки.

III.

Тяжелое обвиненіе тяготѣетъ вотъ уже много лѣтъ надъ усть-цылемами,— что они страшно развращены, распущены. Мѣстные священники не находятъ словъ для опредѣленія этого порока. Сильную развращенность усть-цылемовъ отмѣчаютъ и всѣ прежде объ нихъ писавшіе. Въ старину, вѣроятно такъ это и было, что опять-таки легко объясняется бракоборнымъ ученіемъ, которому всецѣло были привержены усть-цылемы прежде. Ученіе это, признавая блудомъ плотское сожитіе въ „антихристово время", неизмѣримо большимъ грѣхомъ считало все-таки оскверненіе при вѣнчаніи въ никоніанской церкви. Поставленный ученіемъ идеалъ—совершенной непорочности, уже какъ всякій идеалъ былъ однако недостижимъ. По крайней мѣрѣ очень часто случались его нарушенія въ формѣ незаконныхъ сожитій. А это вело постепенно къ снисходительному взгляду на эти нарушенія и, наконецъ, къ ихъ оправданію: „Не то блудъ еже со дѣвицею или со вдовицею, но то блудъ егда въ вѣрѣ блудити: не мы блудимъ егда тѣломъ дерзаемъ, а церковь блудитъ, егда ересь держитъ [1]). Такимъ образомъ, бракоборное ученіе, оправдывая развратъ, въ концѣ концовъ привело къ полной нравственной распущенности, что, вѣроятно, наблюдалось въ старину и среди усть-цылемскихъ раскольниковъ. Не то теперь. Бракоборнаго ученія среди усть-цылемовъ теперь не существуетъ, и мало того, что уже тамъ нѣтъ дѣвственниковъ по идеѣ, но теперь уже почти никто не живетъ просто сходясь, всѣ вѣнчаются въ церкви. Фактъ этотъ что-нибудь да значитъ. Если сами усть-цылемы-пришли къ сознанію необходимости хотя бы ради чисто матеріальныхъ выгодъ вѣнчаться въ церкви, значитъ они признали господствующую у нихъ прежде форму брака ненормальной. Съ учащеніемъ браковъ церковныхъ уменьшилось число незаконныхъ сожитій, усиливалась строгость взглядовъ на распущенность. Опять можно привести въ примѣръ колвинскихъ раскольниковъ въ Чердынскомъ уѣздѣ. Тамъ, при одинаковости исповѣдуемаго толка, бракоборное ученіе все еще въ силѣ, церковныхъ браковъ меньше, и нравственной распущенности больше (см. „По Чердынскому уѣзду"—„Живая Старина", вып. I, 1901 г.), но и тамъ это ученіе годъ отъ году ослабѣваетъ, увеличивается число церковныхъ браковъ, уменьшается годъ отъ году распущенность. На Печорѣ, въ самой Усть-Цыльмѣ нравы строже, чѣмъ напр. въ деревняхъ отдаленной и глухой Пижмы, не даромъ считающейся центромъ усть-цылемскаго раскола. Измѣненіе взгляда на дѣвическую непорочность съ особенною очевидностью высказывается при нынѣшнихъ бракахъ. Нынче уже очень большое значеніе придаютъ непорочности дѣвушки, а та, у

---

[1]) П. С. Смирновъ—«Внутренніе вопросы въ расколѣ». С.-Петербургъ, 1898 г.

которой былъ ребенокъ, зачастую уже совсѣмъ не можетъ выйти замужъ—ее всѣ обѣгаютъ. При выборѣ невѣсты (по крайней мѣрѣ, въ самой Усть-Цыльмѣ) непорочность цѣнится больше всего, затѣмъ здоровье и затѣмъ уже все прочее, напр. красота и богатство. Мало того, избѣгается не только порочность самой невѣсты, но даже порочность ея семьи, рода, каковое требованіе выразилось даже въ пословицѣ: „Хоть уродъ (т. е. некрасивая) да изъ роду“. Совсѣмъ другія требованія предъявляются къ жениху. У жениха чуть-ли не больше всего цѣнится богатство, а на все другое обращается мало вниманія. И это выразилось въ пословицѣ: „жениха женятъ сусѣками (т. е. богатствомъ), а невѣсту выдаютъ сусѣдами“ т. е. тѣмъ мнѣніемъ, что составятъ о ней сосѣди, люди больше другихъ ее знающіе,—доброй славой.

Конечно, по сравненію, напр., хоть съ ижемками нравственность усть-цылемокъ ниже, но я говорю только о томъ, что разсказы о развращенности усть-цылемокъ сильно преувеличены. Дѣвическая непорочность ижемокъ и вѣрность замужнимъ женщинъ на Ижмѣ, всѣ утверждаютъ, удивительны, идеальны, но зато какъ принижена и какъ забита еще женщина на всей Ижмѣ. Если зимой при катаньяхъ съ горъ, и лѣтомъ въ разныхъ играхъ дѣвушки и парни на Ижмѣ веселятся отдѣльно другъ отъ друга, и если даже въ церкви мужчины и женщины стоятъ, строго раздѣляясь, зато до сихъ-же поръ на Ижмѣ зырянинъ, принимая гостя, позволяетъ своей женѣ только въ полномъ молчаніи прислуживать, подавать чай, обѣдъ и пр. и отнюдь не позволитъ ей принять участія въ бесѣдѣ. И этотъ взглядъ на женщину, эта приниженность женщины въ домѣ богатаго, бывавшаго въ столицахъ и развитого зырянина-ижемца сказывается еще въ большей степени, чѣмъ въ домѣ бѣднаго, гдѣ женщина другой разъ поневолѣ становится на ровную съ мужчиной ногу. Не забитостью-ли женщины на Ижмѣ объясняется и то обстоятельство, что при сравнительномъ матеріальномъ достаткѣ ижемцевъ и при ихъ хорошемъ здоровьи, женщины тамъ страдаютъ нервозностью, выражающейся зачастую въ сильныхъ ея проявленіяхъ, въ формѣ такъ называемой икоты, какъ объ этомъ писалось какъ-то въ одномъ духовномъ журналѣ.

Не таково положеніе женщины въ Усть-Цыльмѣ (по всей волости). Здѣсь женщина совершенно свободна, она совершенно равноправный членъ семьи, больше того, положеніе женщины у усть-цылемовъ прочно и, можно сказать, высоко. Свободна усть-цылемка съ ранняго дѣвичества безусловно. Тамъ и въ поминѣ нѣтъ угнетенія женщины, крайне рѣдки случаи насильной выдачи дѣвушки замужъ, случаи, всѣми безусловно осуждаемые и по общему-же мнѣнію никогда добромъ не кончающіеся. „Отобьются они другъ отъ

друга, безпремѣнно отобьются“, говорятъ усть-цылемы всегда въ подобныхъ случаяхъ. А на Ижмѣ выдача дѣвушки замужъ безъ ея согласія—правило.

Усть-Цылемку дѣвушку въ семьѣ очень цѣнятъ, какъ работницу, неохотно съ ней разстаются и, выдавая замужъ, берутъ за нее большой „запросъ“ (выкупъ). Выходя замужъ, усть-цылемка отнюдь не теряетъ воли и передъ свадьбой она хотя и „приплакиваетъ плаксы“, но въ нихъ она скорѣе прощается съ отцемъ—матерью, отцовскимъ домомъ, чѣмъ съ волей дѣвичьей и нимало не тужитъ о грядущей неволѣ, которая, она знаетъ, ее совсѣмъ не ждетъ въ замужествѣ. Если въ свадебныхъ плаксахъ и есть слова, до нѣкоторой степени указывающія на „женскую неволю“, то не нужно забывать, что плаксы, такъ-же какъ и былины и древнія пѣсни есть пережитокъ далекаго прошлаго, наслѣдіе временъ основателя Усть-Цыльмы Ивашка Ластки, когда нравы дѣйствительно были жестокіе. Нынче усть-цылемка, выходя замужъ, хорошо знаетъ, что воля у ней будетъ, а о неволѣ она и не слыхала. И всетаки по традиціи „воетъ плаксы“. Тотчасъ по выходѣ замужъ молодка, потомъ жонка совершенно равноправные члены семьи. Входя въ домъ мужа, особенно малосемейнаго, или тотчасъ отдѣляясь, молодка становится не только рабочей силой, безправной и безмолвной какъ на Ижмѣ, а настоящей и полной хозяйкой, самовольно и безотчетно распоряжающейся всѣмъ добромъ—мужъ только знай зарабатывай. Да и не можетъ вѣчно находящійся въ отлучкѣ мужъ, то въ извозѣ, то на рыбной ловлѣ, то на пашнѣ, не можетъ мужъ не предоставить полной самостоятельности своей женѣ. Послѣднее обстоятельство,—вѣчное бродяжничество усть-цылема,—создало на почвѣ раскола еще одно, очень цѣнное въ глазахъ всего раскольничьяго общества, назначеніе женщины. Жонка цѣнится всякимъ усть-цылемомъ, конечно, и какъ жена, и какъ хозяйка, но еще и какъ знатокъ и хранительница старовѣрства.

Усть-цылему зимой съ промыслами звѣриными и извозомъ, лѣтомъ съ рыбной ловлей и пашней, вѣчно бродящему далеко отъ дома, зачастую имѣющему дѣло съ „еретиками - никоніанами“, и некогда и невозможно соблюдать и хранить въ чистотѣ всѣ обычаи и обряды древніе, передаваемые „отъ дѣдовъ и прадѣдовъ“ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вотъ почему всегда живущая дома и никогда не бывающая среди „еретиковъ“, усть-цылемская жонка беретъ на себя изученіе и сохраненіе правилъ древняго благочинія, завѣтовъ старины, и вообще всего того, что смертью на кострѣ засвидѣтельствовали такіе учителя раскола, какъ знаменитый Аввакумъ или старецъ Иванъ Анкидиновъ, и проч. „животы свои за правую вѣру сложившіе“ въ недалекомъ отъ Усть-Цыльмы Пустозерскѣ или еще ближе

того,—въ скиту Великопоженскомъ на рѣкѣ Пижмѣ. Поэтому усть-цылемская жонка учитъ и распѣваетъ духовные стихи, читаетъ псалтырь, заучиваетъ церковныя службы и зачастую справляетъ ихъ: поетъ молебны и панахидки, креститъ ребятъ, ведетъ чинъ отпѣванія по древнему обряду, строго слѣдитъ за соблюденіемъ постовъ, и пр. и пр. Это въ религіозной жизни. А въ бытовой жизни жонка же помнитъ до мельчайшихъ подробностей и ведетъ чинъ свадебныхъ церемоній и всѣхъ другихъ свычаевъ и обычаевъ. Часто поэтому и бываетъ, что у многихъ неграмотныхъ мужей жоны грамотны и, конечно, мужъ такой жены не можетъ не относиться къ ней съ уваженіемъ, съ полнымъ довѣріемъ къ ея знаніямъ и мудрствованіямъ. Зато нерѣдко-же жена платитъ своему мужу снисходительнымъ пренебреженіемъ не только въ сферѣ духовной, но и житейской и зачастую сторонится его, какъ поперечнаго—не ѣстъ съ нимъ изъ одной чашки, не молится на одну икону и пр. И странное дѣло, усть-цылемъ нисколько этимъ не тяготится и принимаетъ, какъ должное, вынося подобную отчужденность жены, какъ заслуженное наказаніе, какъ справедливую кару за несоблюденіе завѣтовъ старины, напр., кару за близкія и частыя (но необходимыя, напр., у торговца или извозчика) сношенія съ никоніанами. И часто можно услышать отъ усть-цылема на вопросъ объ обрядности: „это бабы знаютъ, у нихъ спроси“ Духовная сторона жизни усть-цылема, слѣдовательно, „бабье дѣло“.

Конечно, все это не отрицаетъ у Усть-Цылемовъ возможности учителей и наставниковъ, и таковые и въ самой Усть-Цыльмѣ и по многимъ другимъ деревнямъ волости есть. Но раскольничьи наставники и начетчики это, такъ сказать, спеціалисты, знатоки и любители раскольничьей литературы, изучающіе литературу эту во всемъ ея объемѣ, для цѣлей полемическихъ и пропагандатовскихъ, для нуждъ всего раскола даннаго мѣста, между тѣмъ каждая Усть-Цылемская жонка непремѣнно знатокъ и блюстительница духовной жизни, только для себя, для своей семьи, для своего дому. Усть-Цылемская жонка, завѣдуя духовной жизнью въ семьѣ, слѣдитъ главн. обр. за соблюденіемъ мелочей обрядовой жизни. Правда, нѣкоторыя Усть-Цылемки выходятъ въ данной сферѣ изъ круга семьи и начинаютъ удовлетворять запросы и чужихъ людей: поютъ по заказу панахидки, крестятъ ребятъ и проч. Тогда и онѣ поднимаются до положенія представительницъ раскола, но начетчицы изъ нихъ почти никогда не выходятъ, потому м. б., что они не въ состояніи подняться на должную умственную высоту, обнять всю литературу раскола, а вѣрнѣе-же, не въ состояніи заинтересоваться ею, такъ какъ имъ интересна не теорія, а дорога практика раскола.

Можетъ быть, единственно Усть-Цылемской жонкѣ, съ ранняго дѣтства

воспитанной въ правилахъ раскола, т. сказать съ молокомъ матери впитавшей духъ его, м. б. ей одной Усть-Цылемская волость, обязана тѣмъ, что въ ней больше, чѣмъ гдѣ ниб. въ другомъ мѣстѣ на Печорѣ, весь складъ жизни носитъ сильный отпечатокъ далекой старины; весь складъ жизни, начиная съ языка, изобилующаго еще особенностями старо-новгородскаго говора, до одежды и платья, до стиля избы, наконецъ до старинныхъ игръ, древнихъ пѣсенъ, до давнымъ давно исчезнувшихъ въ другихъ мѣстахъ былинъ. Несмотря на то, что сосѣдки Усть-Цылемокъ — ижемки и особенно пустозерки давнымъ давно смѣнили русскій сарафанъ на ситцевыя кофточки и вообще сильно „слѣдятъ за модой“, Усть-Цылёмки по прежнему ходятъ единственно въ немъ, въ сарафанѣ, смѣняя по праздникамъ домотканки и своедѣлки на „шолковье“ и дорогія шали, въ косы вплетая широкія яркія ленты, на груди распуская широкія серебренныя цѣпи съ крестами, а кто побогаче, надѣвая и парчевыя „коротки“, а сверху на плечи накидая шелковыя на лисьемъ мѣху шушуны и душегрѣйки. Исключительно русскую же одежду носятъ и Усть-Цылёмы, даже самые богатые, не соблазняясь примѣромъ богатыхъ ижемцевъ и пустозёровъ, которые часто повергали меня въ изумленіе шикарными тройками и сорочками, ботинками съ узкими носками, шляпами-котелками и даже перчатками. Часто бывая въ столицахъ, богатые ижемцы перенесли на Печору вмѣстѣ съ зеркалами и богатыми лампами, сорочками, пахучимъ мыломъ и духами и галантное обращеніе, и жестокіе романсы, и фабрично-трактирныя пѣсни-частушки, но женщина по прежнему у нихъ раба мужа, принижена и забита до истерики. А свободные Усть-Цылемки, щеголяя въ сарафанахъ, попрежнему распѣваютъ простодушные, но глубокіе, носящіе отпечатокъ мѣстнаго быта старые стихи и пѣсни.

Православное духовенство на Печорѣ и на словахъ и въ своихъ печатныхъ трудахъ и названія не находитъ для опредѣленія той темноты и дикости и вытекающей отсюда страшной безнравственности и распущенности Усть-Цылёмовъ и особенно Усть-Цылёмокъ и всегда въ примѣръ имъ ставитъ чисто православныхъ, богобоязненныхъ, крѣпко приверженныхъ къ церкви ижемцевъ, особенно пустозеровъ. Въ смыслѣ распущенности ижемки и пустозерки, повторяю, дѣйствительно выше Усть-Цылёмокъ, во всемъ-же остальномъ чистое православіе и крѣпкая привязанность къ церкви положительно ничему не мѣшаютъ. Всѣмъ извѣстны теперь тѣ ужасы эксплоатаціи, которые продѣлывали да и до сихъ поръ, кажется, продѣлываютъ и ижемцы, и пустозёры въ отношеніи къ бѣднымъ, вымирающимъ, въ конецъ раззореннымъ, спившимся и зараженнымъ сифилисомъ, самоѣдамъ. Еще С. В. Максимовъ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ говорилъ, что „Тундра

грѣхомъ на совѣсти ижемцевъ лежитъ". Послѣ него на это много разъ указывали не только всѣ путешествовавшіе по Печорѣ частныя лица, но и официальные изслѣдователи края, напр., въ 1888 архангельскій губернаторъ князь Н. Д. Голицынъ. Итакъ, развитые ижемцы и пустозеры разорили, споили и развратили самоѣдовъ, къ чему отнюдь не прикосновенны раскольники усть-цылемы и теперь бывшіе владѣтели тундры и стадъ оленей, иногда въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ, во многихъ случаяхъ или въ пастухахъ у ижемцевъ и пустозеровъ, или живутъ при селахъ и деревняхъ, питаясь Христовымъ именемъ. Но споивъ и развративъ самоѣдовъ, зыряне, напр., и сами стали страдать этими пороками. Тотъ-же князь Голицынъ говоритъ, что пьянство страшно развито въ Ижемской и Мохченской волостяхъ, тѣхъ самыхъ, гдѣ они занимаются оленеводствомъ. „Прибывая изъ тундры въ одно изъ болѣе богатыхъ кабаками селеній: Ижму, Мохчу или Сизябскъ, зыряне - оленеводы пьянствуютъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, и въ мартѣ ихъ увозятъ въ тундру привязанными къ санямъ" *). „Въ Никольскую ярмарку въ Пинегѣ зыряне поражаютъ всѣхъ своимъ пьянствомъ, выпивая массу вина и оставляя сотни рублей въ кабакахъ". Ничего подобнаго, конечно, не происходитъ и не можетъ происходить въ Усть-Цыльмѣ, гдѣ народъ трудолюбивый, работящій, да и не занимаясь оленеводствомъ (въ крупныхъ размѣрахъ) онъ не имѣетъ большихъ достатковъ. Что касается „развитыхъ пустозеровъ", то развитость ихъ, православіе, крѣпкая приверженность къ церкви и большая религіозность, чему и я бывалъ свидѣтелемъ, опять таки ровно ничему не мѣшаетъ и сильно можно сомнѣваться въ полной сознательности всѣхъ этихъ ихъ качествъ, на которыя всѣ такъ любятъ ссылаться. Дѣло въ томъ, что среди пустозеровъ, при всей ихъ „глубокой религіозности", есть лица вѣрующія въ силу идоловъ. Въ „Архангельск. Епарх. Вѣд." за 1898 г., въ № 9, со словъ очевидца, разсказывается случай жертвоприношенія пустозерами самоѣдскимъ идоламъ. Пустозеры съ Вайгача на материкъ переправляли стадо оленей. Переправа долго не удавалась — отплывъ отъ берега острова, олени почему то снова возвращались обратно. „Тогда одинъ изъ пустозеровъ, человѣкъ значительный, предложивъ принести въ жертву идолу оленя, чтобы получить у него помощь въ переправѣ и дѣйствительно принесъ въ жертву оленя". Какъ ни темна сама по себѣ вѣра Усть-Цылемовъ, какъ не затемнено она еще больше массой предразсудковъ и суевѣрій, но до жертвоприношеній самоѣдскимъ идоламъ они всетаки никогда не доходили **).

*) Записка архангельск. губернатора князя Н. Д. Голицына по обозрѣнію Печорскаго Края». Арханг. 1888 г.

**) Сохраняется, правда, у нихъ одинъ обрядъ несомнѣнно отъ временъ языческихъ. Въ крещенскій сочельникъ молодые парни садятся верхомъ на неосѣдланныхъ лошадей

IV.

Выше я нѣсколько разъ вскользь упоминалъ о былинахъ на Печорѣ. Дѣйствительно, мнѣ удалось записать въ самой Усть-Цылемѣ семь былинъ: про Илью Муромца, про Дунай Ивановича, про Дюка Степановича, про Потыка Богатыря (про Потокъ Михаила Ивановича) про Ваську Буслаева, про Каликъ перехожихъ и про „Маево“ побоище. Къ несчастью, поздній мой пріѣздъ на Печору, незадолго передъ Петровымъ днемъ, лишилъ меня возможности записать и былинъ и прочихъ исчезающихъ памятниковъ народнаго творчества, гораздо больше, лишилъ возможности потому, что всѣ Усть-Цылемы съ Петрова дня разъѣзжаются на рыбные промыслы и пожни. Всѣ семь былинъ или „старинъ“—по печорски, записаны мною отъ трехъ лицъ, жителей Усть-Цыльмы, при чемъ, ни одинъ изъ нихъ, конечно, делеко не использованъ мною совсѣмъ, чему причиной было, повторяю, недостатокъ времени.

Такъ, напр., Димитрій Дуркинъ, еще совсѣмъ нестарый человѣкъ,—ему сорокъ съ чѣмъ то лѣтъ,—знаетъ, по его словамъ, до 70 былинъ. Только про Илью Муромца онъ знаетъ до 4-хъ былинъ, которыя называетъ „поѣздками“—„первая поѣздка Ильи Муромца“, „вторая“ и т. д. Отъ него я слыхалъ названія былинъ про Садко, новгородскаго гостя, про Ваську Буслаева, про Чурила Пленковича, про Соловья Будимировича, про Ставера Годиновича и м. др., но самъ записать успѣлъ у него только двѣ. Любопытно, что Дуркинъ совсѣмъ не знаетъ грамотѣ, но за то онъ обладаетъ громадной памятью. Другой мой былинщикъ Алексѣй слѣпой, старикъ свыше 70 лѣтъ, знаетъ множество сказокъ, которыя разсказываетъ очень ловко, почти стихами, но страшно повторяясь, изъ слова въ слово передавая то, что было сказано раньше, почему сказки выходятъ безконечно длинны. Знаетъ онъ и былины, но съ тѣхъ поръ какъ его постигло несчастіе — онъ ослѣпъ,—Алексѣй совсѣмъ ничего не поетъ и только на словахъ передалъ мнѣ былину про „Потыка“. Мой третій старинщикъ Петръ Поздѣевъ, старикъ 65 лѣтъ, рыбакъ и сапожникъ. Онъ всѣхъ доступнѣе, пот. м. б., что тачая сапоги, дома могъ разсказывать былины, а то и пѣть, хотя нужно сказать, когда я приходилъ, то работалъ онъ мало: только примется за

и съ гикомъ, криками и свистомъ носятся по всему селу «топчутъ шишковъ». Шишко это чортъ или нѣчто вродѣ его, въ котораго крѣпко вѣрятъ усть-цыломы и такъ его боятся, что безъ особенной надобности не произносятъ и его имя. Совершенно подобное-же совершается въ крещенскій сочельникъ на всей Ижмѣ и чуть-ли не отъ зырянъ переняли русскіе этотъ обычай. Точно также «гоняютъ шайтана», напр., и вотяки Сосновскаго Края, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Авт.

старину, работа откладывается въ сторону, и онъ, подпершись рукою, сидитъ, разсказываетъ или поетъ и уже ничего больше не можетъ дѣлать. Видимо, онъ самъ сильно увлекается былинами. Былины знаетъ у него и жена, и если онъ порой сбивался, жена его поправляла. Вообще нужно думать, что женщины также знаютъ былины въ Усть-Цыльмѣ, хотя, какъ и вездѣ въ расколѣ, спеціальность ихъ,—духовные стихи, которыхъ мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось записать ни одного, и я привезъ только нѣсколько экземпляровъ, писанныхъ полууставомъ, вѣроятно, вывезенныхъ изъ Поморья. Въ нихъ положительно ничего нѣтъ мѣстнаго, печорскаго, даже писаны они, повторяю, едва-ли на Печорѣ, и стихи эти могутъ служить только развѣ образцомъ литературы, которой удовлетворяется духовная жажда Усть-Цылемовъ.

Лѣтомъ 1900 года я записывалъ пѣсни на Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Характерной отличительной чертой Усть-Цыльмы на Печорѣ отъ Сыпучинской волости Чердынскаго уѣзда, какъ это ни странно, то, что несмотря на то, что Усть-Цыльма село раскольничье, а Вишера чисто православная, мнѣ большого труда стоило записывать пѣсни на Вишерѣ, чѣмъ былины на Печорѣ. Вообще Усть-Цылемы удивительно общительный народъ, и несмотря на свое религіозное убѣжденіе, что большой грѣхъ имѣть дѣло съ никоніонами, и даже несмотря на весьма понятное и легко объяснимое многими историческими обстоятельствами опасеніе посторонняго, да еще пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка, Усть-Цылемы очень охотно, безъ усиленныхъ просьбъ, какъ на Вишерѣ, разсказывали или пѣли мнѣ свои былины. И я увѣренъ, что если бы я пріѣхалъ на Печору только хотя мѣсяцемъ раньше, записи былинъ достигли бы по крайней мѣрѣ сотни. Я тѣмъ большее основаніе имѣю это утверждать, что поименованные мною выше былинщики въ свою очередь указывали мнѣ на другихъ односельчанъ, знающихъ былины, какихъ не знаютъ они.

Вслѣдствіе начавшихся сѣнокосныхъ работъ я не посѣтилъ спеціально для записей кромѣ Усть-Цыльмы никакихъ селеній ея волости, и только съ цѣлью пріобрѣсти крайне интересовавшую меня рукопись о пижемскихъ самосожженцахъ ѣздилъ до деревни Скитской на рѣкѣ Пижмѣ. Рукопись [1]) я

[1]) Пріобрѣтенная мною рукопись, писанная неизвѣстно кѣмъ, но несомнѣнно раскольникомъ, трактуетъ о кровавой исторіи, случившейся въ 1744 году въ Велокопоженскомъ скиту на рѣкѣ Пижмѣ. Исторію эту, со словъ «церковнаго лѣтописца» пересказываетъ г. Истоминъ въ «Предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Печорскій край въ 1890 году» (XXVI томъ «Извѣстій Им. Русс. Геогр. Общества») Авторъ церковной лѣтописи записалъ исторію о пижемскихъ сомосожженцахъ со словъ старожиловъ, и потому въ ней допущены нѣкоторыя неточности, по сравненію, съ рукописью. Авторъ церковной лѣтописи, передавая исторію, замѣчаетъ: «Но есть подробная объ этомъ лѣтопись, только неизвѣстно гдѣ хранящаяся». Вотъ эту-то «лѣтопись» мнѣ и удалось сначала найти, а потомъ и пріобрѣсти. Найти ее было очень трудно, хотя она была и недалеко, тутъ же въ Усть-Цыльмѣ,

пріобрѣлъ, но о былинахъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижмѣ плохо слышно, хотя на Пижмѣ я такъ мало видѣлъ народу, что рѣшительно утверждать, что тамъ былинъ нѣтъ, я не рѣшаюсь. Кромѣ того, я совсѣмъ, не былъ въ селеніяхъ по рѣкамъ Цыльмѣ и Нерицѣ, но думаю, что былины тамъ есть, а что былины, старые стихи и пр. сохранились еще въ Пустозерской волости, въ селеніяхъ которой я тоже былъ только проѣздомъ, это—внѣ всякаго сомнѣнія, въ этомъ меня увѣряли мѣстные торговцы и крестьяне, и даже приводили названія былинъ, какія сохранились тамъ.

Говоря о былинахъ на Печорѣ м. б. кстати будетъ сказать о былинахъ и въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Тамъ я прожилъ полтора мѣсяца, разъѣзжая по Сыпучинской волости, на рѣкѣ Вишерѣ и за это время успѣлъ записать только два небольшіе отрывка про „Микиту Добрынтьевича". Слышалъ я, что былинщикъ, обрусѣвшій вогулъ, есть въ дер. Усть-Улсѣ, но его я не засталъ дома; указывали на былинщиковъ въ деревняхъ Акчимѣ и Голосковѣ, но голосковца я не засталъ дома, а акчимецъ наотрѣзъ отказался пѣть,—была больна мать. И только въ д. Вѣлгурѣ мнѣ пришлось записать упомянутые два отрывка у старика подъ 70 лѣтъ, Ульяна Паршакова. Но онъ оказался упрямъ: сообщивъ мнѣ на словахъ нѣсколько пѣсенъ и два отрывка былинъ, онъ ничего не хотѣлъ больше разсказать, тѣмъ больше былины, которыя нужно было пѣть. Такъ я ни съ чѣмъ и уѣхалъ, а былинъ онъ, говорили мнѣ, знаетъ много. Увѣряли меня, что былины сохранились въ двухъ трехъ маленькихъ деревушкахъ на глухой рѣкѣ Березовой, притокѣ Колвы, въ томъ же Чердынскомъ уѣздѣ, но я тамъ не былъ. На рѣкѣ Колвѣ и верхней Печорѣ, населенныхъ раскольниками, о былинахъ слышно плохо, и ничего я тамъ, хотя и былъ, не записалъ, хотя утверждать, что былинъ тамъ нѣтъ, не рѣшаюсь.

Н. Ончуковъ.

и, кажется, не въ одномъ спискѣ. Но нужно было достигнуть, чтобы владѣльцы рукописи довѣрились мнѣ. Я это успѣлъ черезъ нѣкоторое время, и рукопись мнѣ торжественно, но съ большой опаской, принесли прочесть, ни за что не соглашаясь продать. Но указали, что на Пижмѣ, въ д. Скитской есть еще списки, которые м. б. и согласятся уступить. Пришлось ѣхать за 125 верстъ въ д. Скитскую, гдѣ рукопись показали сравнительно легко, а затѣмъ и продали. Въ усть-цылемской рукописи о пижемскихъ самосожженцахъ была приложена автобіографія какого-то раба Іоанна, м. б. того самаго поморскаго наставника Ивана Анкидиновича, что основалъ пижемскій скитъ. Писана была рукопись, вѣроятно, въ Поморьѣ, полууставомъ, очень хорошаго, мастерского письма. Къ рукописи купленной мной въ Скитской, оказались тоже приложенія, вѣрнѣе продолженіе велокопоженской исторіи: 1) самосожженіе на р. Пезѣ, въ селеніи Езевецъ, 2) самосожженіе на рр. Омѣ и Вижасѣ 3) о зимносторонцахъ и 4) о «промеморіи въ Питербургѣ». Купленная мною тетрадка гораздо худшаго письма, чѣмъ первая; моя, вѣроятно, письма мѣстнаго, писана тоже полууставомъ. Авт.

ОТДѢЛЪ II.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

(Окончаніе).

На Вялйкадня (На Пасху).

Наконецъ разговѣлись наши постящіеся по неволѣ, по суровому Аѳонскому уставу. Зато къ этому дню уже у каждаго припасено или кусочикъ солонины или «сцегенцы капчонай баранины», а иногда и парасеночекъ. Кромѣ того, въ каждой избѣ на столѣ видѣнъ бѣлый хлѣбъ. Странно и необычайно!

Это рѣдкое событіе бываетъ только разъ въ годъ. Въ пасху (т. е. куличъ) хозяйка уже непремѣнно положитъ чего нибудь скоромнаго, въ родѣ яицъ, или молока, на томъ основаніи, что и въ церкви «читаюца пасха святая, пасха усечастная пасха ни парожняя».

На первый день, какъ и повсюду, никакихъ общественныхъ увеселеній не полагается. Вотъ въ полдень всѣ высыпали на улицу, къ солнышку: малые бѣгаютъ, старые сидятъ за воротами на колодочкахъ и «гамонюць [1]). Молодые тоже гдѣ-нибудь на бугрѣ сидятъ или ходятъ партіями въ «проходку» по лѣсу.

Только на 2-ой день послѣ обѣда начинается оживленіе и слышатся пѣсни:

Давайця, дзѣуки,
На калдаццы сядзимъ
Пѣсянки запягнимъ.
Вы, старыя дзяды;
Вярыця свайе кійи,
Идзиця вы у поля
Зилянога жыта глядзѣци

Да радзцье [2]) вы рады
Усе харошыя,
Якъ сынду жаницци.
Радзьцье вы васельля, [3])
Жоднаго скрысѣньня, [4])
Штобъ людзи глядзѣли
Жодныя нядзѣли.

(въ с. Гарцывѣ, Стародуб. уѣзд. со сл. 27 л. женщ. въ 1899 году).

Вотъ гдѣ-нибудь подъ дубомъ парни устраиваютъ общеизвѣстную забаву «арэли» [5]). Тутъ же невдалекѣ собираются дѣвки, вмѣсто музыки одинъ изъ хлопцевъ имѣетъ только бубенъ.

«Давайця сялязьня вадзиць», кричитъ большинство. Вотъ становятся въ хороводъ и начинаютъ протяжно:

Силязенька касатый,
Маладзецъ кудрыватый,

Скажы, силязенька,
Якъ старыя бабы скачуць?

Тотчасъ текстъ изъ протяжнаго переходитъ въ плясовой. Въ срединѣ хоровода танцуютъ, подражая старымъ бабамъ. Бубенъ дѣйствуетъ исправно, хоръ поетъ:

---

[1]) разговариваютъ.
[2]) совѣтуйтесь [3]) свадьбы [4]) воскресенье [5]) качели.

Вотъ такъ
Таукуць макъ,
Вотъ и йетакъ,
Вотъ и такъ
Гарбами киваюць,
Дзядôу падманяюць,
Лёнъ пры дарози
Вѣцяръ павеваe!

Хоръ.

Силязенька касатый,
Маладзецъ кудриватый,
Скажы, силязѐнька,
Якъ старыя дзяды скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ,
Вотъ такъ
Няпрыгожа,
Вотъ такъ
Нихарôша,
Лёнъ пры дарôзи
Вѣцяръ павиваe.

Хоръ.

Скажы, силязѐнька,
Силязѐнька касатый,
Якъ рыбяты скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ;
Вотъ такъ
Харашѐнька,
Вотъ такъ
Пригажѐнька.
Бравами маргаюць,
Кудрями махаюць,
Дзяучатъ падманяюць.
Ленъ пры дарôзи
Вѣцяръ павѣвае.

(Записано въ с. Гарцовѣ, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Хаджу я, гуляю
Па усёмъ карагôду,
Хаджу, выглядаю
Харошаю цьещу.
Заинька сѐряныкій,
Будзь ты мнѣ цьеща,
А я табѣ зяць буду,
Тваию дачку узяць хочу.

Когда хоръ называетъ тёщу, тогда гуляющій въ кругу беретъ себѣ по выбору дѣвку и водитъ ее за руку; такимъ же манеромъ выбираютъ по симпатіи деверя, золовку и невѣстку.

Хаджу я, гуляю
Па усёмъ карагôду,
Хаджу, выбираю
Харошаго шурына,
Будзь ты мнѣ шуринъ,
А я табѣ свайякъ буду,
Тваию сястру узяць хочу,
Заинька сѐринькій!...
Хаджу, я гуляю
Па усёмъ карагôду,
Сабѣ выглядаю
Харôшу нявѣсту,
Будзь ты мнѣ жана,
А я табѣ мужъ буду,
Замужъ цябе узяць хочу,
Заинька сѐряныкій и т. д.

(с. Лойцычы со сл. 27 л. 1898 г.)

Хороводная:

Што-й у нашамъ у сялѣ
Стаиць вôзера вады,
Ой лёнъ, мой лёнъ,
Ленъ зиляный,
Стаиць вôзера вады.
Зь биряжками на раунѣ.
Маладзецъ каня пайиу
Каня варанога (bis)
Выкругъ кôваннаго,
Ой ленъ, мой лёнъ и т. д.
Конь ваду ня пъе,
Капытами бъе (bis),
Мôлойца гôря бярѐ,
Ой лёнъ, мой лёнъ....
Нечымъ пашаньки рабиць,
Чыста пôля бараниць,
А я пахаря найму,
А я яму заплачу.
Ой ленъ, мой ленъ...
Якъ пасѣю я лянôкъ,
У чыстамъ пôли кужалёкъ,
Ты радзи, радзи, мой лёнъ,

Тонокъ, довигъ и высокъ
Изъ корени карянистъ,
Изъ галоуки симмнистъ.
Якъ праслышу пра свой лёнъ,
Увесь патоптанъ, павалёнъ
Тры дарожки пралежало,
Тры дзѣвачки прабяжала
Ой ленъ, мой лёнъ....
Адна Саша,
Друга Маша,
Трецьця душачка Кацюша.

(д. Далматово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 30 лѣт. женщины въ 1896 году).

Многія хороводныя пѣсни, которыя поютъ въ селахъ, какъ мнѣ кажется позаимствованы изъ ближайшихъ русскихъ раскольничьихъ слободъ, именно изъ Еленки, Вороньки (Стародубскаго уѣзда), Клинцовъ (Суражскаго у.)

Охъ ты, мацъ майя,
Балицъ галава,
Ой-ли, вой люли,
Балицъ галава,
Гуляць хочыцца,
Да ня можыцца,
Я й атврадуся,
Й нагуляюся.
Ой ли, вой—люли,
Пры цямной начы,
Пры ярой свячы,
Ой ли, вой люли,
Ой люлёшачки,
Што-й съ падъ лѣсаньку,
Лѣсу цёмнаго,
Изъ падъ садзику,
Съ падъ зялёнаго,
Ой-ли, вой-люли
Ой люлёшачки,
Выкацилася сонца
Жаркая, распрекрасная,
Што-й за сонькяйкамъ
Вясёлъ мѣсячка,
Ой ли—, вой люли,
Ой люлешачки,
Што-й за мѣсячкамъ
Дробны звѣздачки.
Тамъ ишли, прайшли
Да тры молайцы.
Парни бравые, кучерявые,
Ой ли, вой люли,
Ой люлёшачки,
Яны йшли—прайшли,
Станавилися,
За адну дзѣвачку
Пасварылися.
Выхадзила къ йимъ
Красна дзѣвица,
Выхадзила къ йимъ,
Гаварыла йимъ:
Што вы глупыя,
Ниразумные,
Вы ня біцися, ни бранѝцися,
Аднаму каму я дастануся.
Дасталася дзѣўка красная
Парню браваму, кучарявому.
Йонъ узяў яйе
За праву ручаньку,
Йонъ павёў яйе
У карагодъ гуляць,
Усимъ таварышамъ,
Выхваляйицца—
Хараша, браццы,
Душа Кациныка,
Майя милая,
Чарнабрывая,
Глаза карыя,
Развяселыя.

(со сл. 30 лѣт. женщ. въ х. Верканька Стародубскаго у. въ 1899 году).

У майго у бацюшки
У варотахъ гуляньняйка,
Заря майя вячерняя,
Гульня майо вясёлая!
Мой бацюшка у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Заря майя вячерняя,
Гуляньня майо вяселая,
Я бацюшки ня слухала,
Гуляньняйка ня кидала.
Заря майя вячерняя,
Гульня майя вясёлая.
У майго у свекарьки
У варотахъ гуляньняйка,
Мой свёкарька у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Я свёкра паслухала,
Гуляньняйка пакинула.
Заря майя вячерняя.
Гуляньня майо никчѣмная.

(Въ 1899 году отъ той же).

Што-й па морю,
Морю синяму,
Па синяму, па хвалыньскаму
Плыве стада либядзіная
И зъ малыми либядзятамы,
Па пѐреду лябедушка бѣлая.
Аткуль узяуся
Сызикрылый арёлъ,
Разбйу стада либядзиная
Да-й зъ малыми либядзятами,
Пусциу руду да й па синяму морю,
Бѣлый пушокъ на крутый биряжокъ,
А крылушки па далинацци,
Пила ваду бѣла ры́бица,
Брала ваду красна дзѣвица,
Аткуль узяуся разудалый маладзецъ—
Богъ на помачъ красна дзѣвица душа.

(д. Выстриковъ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины, въ 1896 году).

Куды ѣду, куды йду,
Къ душѣ Кациньки зайду,
Ой калина, ой малина,
Здрастуй, Кациньки душа,
Дома маминька твайя?
Ой калина, ой малина,
Нѣту бацюшки, нѣту матушки,
Нѣту дома никаго,
Узъѣжджай ка мнѣ на дворъ,
Станови свайго коня
Снрядзѝ майго двара,
Працн чо̀рнаго стауба̀.
Благадарю, красавица,
За пріятство за твайо,
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ плѣць павѣсиць?
Павѣсь, павѣсь, дружокъ мой,
У майихъ сѣнячкахъ навыхъ [1])
Да-й на но̀виньками сцянѣ,
На сяребряномъ гваздзѣ.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо,
Да скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ шляпу палажыць?
Паложъ, паложъ, дружокъ мой,
У майой комнацци навдо̀й,
На столикѣ цясовомъ.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ спаць, пачиваць?
Лажысь, лажысь, дружокъ мой,
У майой спаленьки навдо̀й
На пяринѣ пухаво̀й.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Кацинъ бацюшка пріѣхау,
Кацю спрашивая—
Ты скажы-ка, душа Каця,
Што за лошадзь на дварѣ.
Прасци, бацюшка радзимый,
Рана на базаръ хадзила,
Варану лошадзь купила,
Ро̀уна тысячу дала,
Разсярдиуся, разбраниуся,
У но̀ву спалинку пашоу,
Добра молайца нашоу,
Разскажы ка, душа Каця,
Што й за моладецъ ляжыць?
Прасци, бацюшка радзимый,
Рана на вутринъ пашла̀,
Сирацинавачку знайшла.
На спитанья [2]) узяла.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 24-лѣтн. женщ. въ 1898 году).

Ой выходьця, дзѣвачки,
На шырокую вулицу,
Люли—люлёшачки,
На шырокую вулицу.
Выносьця, дзѣвачки,
Салауя̀ на ручачкахъ.
Люли—люлешачки,
Салавейка защабеча,
Дзѣуки пѣсни запяюць.
Разгадай-ка, салавейка,
Ты нашу загадачку,
Якъ за старымъ жыци?
Люли—люлёшачки
А за стариньким быци
Горьку рѣдзячку грызьци,
Што-й за ра̀унымъ быци
Мёдъ—гарэлачку пйци,
Чырявички насици.
Люли люлёшачки.
Маладый бяжыць, якъ заячка, [3])
Я за йимъ якъ павачка,
Маладому прыгадаю, [4])
Гарщо̀къ кашы замяшаю,
Люли—люлёшачки.
А стараму прыгадаю,
У дуброву атвяду,

[1]) но̀выхъ. [2]) Воспитаніе. [3]) Заяцъ. [4]) Придумаю.

Къ сыру дубу привяжу,
Камарыкамъ прыкажу—
Ѣжъця вы-камарыки—мошки,
Ни стауця 1) ни трошки, 2)
Люли, люлешачки.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда отъ 16-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Старѐнькiй дзѣдзька
Па гораду хòдзя,
Канапѐльки сѣя,
Маладая малодка
У варòтахъ стаяла,
Галубòу зманяла—
Шуги, шуги, галубѝ,
На дзѣдавы канòпли,
Канапель кливàци,
Дзѣду журбу 3) задаваци,
Штобъ мнѣ маладòй
Канапель ни браци,
Бѣлыхъ рукъ ни драци.

Ранней весной, вскорѣ послѣ пасхи всегда въ большомъ ходу слѣдующая пѣсня:

А чаго ты, канапелька,
Ни зялёна стайишъ.
Да якъ жа мнѣ канапельки
Зилянòй стайци,
Люли люлёшачки...
Съ корня канапельку
Вадзица падмыла
Па сѐредзи канапельку
Буря зламила.
Люли, люлешачки,
Зверху канапельку,
Вирябейки ссьили,
Люли люлешачки,
Чаго ты, Лукерачка,
Ни вясёла гуляйишъ?
Якъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Вяселай гуляць,
Люли люлешачки,
Пабищауся татухна
За князя атдаць,
Люли люлешачки,
Рòдная матухна
У чарничаньки 4)
Люли люлешачки,
У чарничаньки.
Скрипнули варòты,
Раствòрчастыя,
Я жъ думала—
Бацька идзець
Да-й князя вядзѐць,
Ажъ матухна
Чарничаньку вядзье,
Хòча мая маць
Мнѣ косы пастрычъ,
У чарницы атдаць.

Игры и пѣсни продолжаются только первыхъ три дня, а на 4-й день каждый занимается своими работами «да яркуснаго скрысеньня (артусное воскресенье). Затѣмъ на Ѳоминой во вторникъ Рàдуница. Названіе радуницы объясняется тѣмъ, что это есть самый радостный праздникъ умершихъ: йета йихъ велйка дня.

Съ утра на Рàдуницу всѣ мужчины на работѣ, даже пашутъ въ полѣ. Бабы заняты стряпней, но какъ только ударилъ колоколъ къ обѣднѣ,—съ каждаго двора несутъ въ церковь 5 сковородницъ на панихиду, поминальничку и рюмку меду. По окончаніи обѣдни считается за грѣхъ работать. Всѣ отъ мала до велика идутъ на кладбище. Каждый застилаетъ на своей могилкѣ скатерть, кладетъ кусочекъ «пасвяцàнай» 5) пасхи, красныя яйца, говядину и творогъ. Въ городахъ этотъ день или «дѣды», какъ ихъ тамъ называютъ, похожъ на шумную, пыльную ярмарку съ вмѣшательствомъ полиціи. Въ деревняхъ же и селахъ все это происходитъ спокойно, безъ суеты, и даже первое время безмолвно. Только кое-гдѣ надъ свѣжей насыпью вырываются наружу чувства недавно осиротѣвшихъ.

«Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! майо дзпцятачка!» припадая къ могилкѣ съ краснымъ яичкомъ въ рукахъ, обливается слезами неутѣшная мать.

Вотъ окинула она взглядомъ возрождающуюся весеннюю природу: все начинаетъ цвѣсти и зеленѣть подъ теплымъ солнышкомъ... Матери становится еще тяжелѣе, и отъ избытка чувствъ она продолжаетъ свою мысль громко.

---

1) Не оставьте. 2) Немножко. 3) Заботу. 4) Въ монахини. 5) Освященной.

«А укругъ жа цябе, майго дзицяточки, да усё такъ прыгожинька, цяперь и бяразочка ужо у лисцяйку, и ты жъ и ни устанишь, сирацинка майя бѣдная! А цяперь жи и мотачка на свѣтъ божый выходзя и цыплёначакъ зъ яйечка выклюйецца и листочыкъ и травиначка вылазя на цеплая соньняйка, адзинъ жа ты горькій мой сынбчыкъ зъ зямельки ня выйдзишъ» и т. д.

Затѣмъ пріѣзжаетъ священникъ съ причтомъ служить панихиду, а послѣ его ухода всѣ явства сносятся въ одно мѣсто. Христіанскіе обряды кончились, начинается по старой древней памяти языческая тризна: ѣдятъ, запиваютъ н, поѣвши, приговариваютъ: пакойничакъ Аутухъ Сидаровичъ, няхай яму тамъ легинька згадзицца, люби у гарэлачку,—заупакой жа яго душачки, царства яму нябесная».

Поѣвши и наполучавшись порядочно, уходятъ съ кладбища на веселѣ, и по дорогѣ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, какъ престарѣлыя бабы веселухи (конечно изъ тѣхъ у которыхъ нѣтъ свѣжихъ могилокъ), такъ и дзѣуки, вмѣстѣ принимаются за хороводъ. «А ну-ця, тайчки, на доугій лёнъ, штобъ лёнъ радзиу».

Пасѣяли дзѣуки лёнъ,
Дзѣуки лёнъ,
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гавары, што сѣяли,
Пасѣнуши, палоли,
Палоли, палоли.
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гавары, што палоли,
Бѣлы ручки калоли,
Калоли, калоли.
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гавары, што калоли.
Аткуль узяуся парянёкъ,
Звизау лянбкъ у вянокъ,
Стой пряма,
Дзяржысь брава.
Гавары—звизау увянокъ.

(с. Невзорово, со сл. 20 лѣт. дѣвки, въ 1899 году.)

А иная болѣе охмѣлѣвшая и въ присядки пустится, припѣвая:

У вяликамъ у горадзи,
На прикраснай вулицы,
Тамъ и Ганна гуляла,
Тамъ Иванауна гуляла
И арэшки [1]) цатала
Съ сямъю картамы йграла,
Казыряла, падказыривала.
Якъ пришоу къ йой татухна—
Польна Ганна, гуляць,
У арэшки цатаць,
Сямъю картамы играць
Казыряць, падказыриваць.
Ни увбймишъ мяне, татухна,
Ни увоймишъ мяне, родненькій,
Тутъ и мёдъ салодкій,
Парнишачка маладый,
Падъ йимъ коникъ вараный,
Сядло кованная,
Атмулёванная,
Самавары залатыя,
Пиваварі маладые.
Якъ пришля къ йой матухна,
Якъ пришла къ йой родная—
Польна Ганна гуляць,
У арэшки цатаць.

Затѣмъ приходятъ братецъ, сестрица и проч. родня, а отвѣтъ Ганы одинъ и тотъ же.

(с. Анушино, Стародубскаго у. со словъ 20 лѣт. женщины въ 1889 году).

И такъ, вотъ каково бываетъ поминовеніе усопшихъ. Евреи иногда, иронизируя спрашиваютъ мужиковъ: «слухай, калй у васъ буде тое свято, што вутрамъ пашуть, у в абѣда плачуць и у вечару скачуць?»

Радуницей оканчиваются и остальные святки.

Женщины продолжаютъ сновать и ткать кросны, бѣлить полотна, мужчины огораживаютъ плетнями и пряслами огороды, но съ посѣвами не торопятся, не смотря на то, что тепло, и снѣгу давно нѣтъ.

---

[1]) Игра въ четъ и нечетъ.

Овесъ начинаютъ сѣять въ концѣ апрѣля, а картошку еще позднѣе, и всякій увѣряетъ, «што у нашыхъ мястахъ пѝкуль зямля харашо ни нагрѣицца, дотуль сѣмя ня пусця растка и картошка тольки заклякня у халоднай зямлѣ, а узойдзя и раньняя и позняя у в'адно уремъя». Гряды рѣшаются садить лишь въ Маѣ. Но иногда утренники вымораживаютъ «грядавину и 10-го Мая, такъ что приходится вновь отсѣвать огурцы, фасоль и пр.

Изъ весеннихъ праздниковъ за апрѣль мѣсяцъ чтятъ Юрія 23 числа. Каждый хозяинъ встаетъ до свѣта и пасётъ скотъ на росѣ, потому что роса на Юрья считается цѣлебной для всякой скотины. Такъ какъ Георгій побѣдоносецъ изображается на иконѣ всадникомъ, то его считаютъ покровителемъ лошадей, и тотчасъ по окончаніи обѣдни всѣ съ хоругвями и иконами, съ священникомъ во главѣ, двигаются за село служить молебенъ надъ табуномъ лошадей. Бываетъ также въ этотъ день водосвятіе и молебенъ въ полѣ надъ зелеными всходами ржи.

Въ простотѣ сердечной всѣ молятся очень усердно, «штобъ и жыцячко урадзило и скацинка здарова была.

Внимательно стараются они повторять шопотомъ каждое слово, произнесенное священникомъ, а по окончаніи службы нерѣдко можно услышать такого рода разсказы.

«Я жъ, тайячка ты майя, два разы знаймавалась у в'ыкону, й капыцячки й гриўку святога коника пацалавала, усё да чыстá пацалавала».

Май.

8-го празднуютъ Іоанна Богослова, 9-го Миколы вяснянаго. Съ этого дня шабашъ гонять коней на ночлегъ: сѣнокосы запускаются на траву.

11-го обновленіе Царьграда (послѣ землетрясенія). Воспоминаніе этого событія наши крестьяне переименовали «въ градободзье» и почитаютъ «Царяграда» за главнаго начальника или царя всѣхъ градовъ и градобитья, въ особенности пахать нельзя на градабодзье.

21-го празднуютъ царя Константина и Елены.

Въ Маѣ засѣваютъ ячмени, горохъ, просо. Въ послѣднихъ числахъ идетъ возка навозу и посѣвъ конопли почти до 5-го іюня

Кромѣ того весной происходитъ въ Полѣсьѣ довольно важная въ экономическомъ отношеніи работа: это кража лыкъ.

За лыко, особенно въ весеннюю безхлѣбицу, имѣетъ онъ существенные предметы необходимости, какъ напр. соль, деготь, хлѣбъ и т. п. Такъ же дубовая кора, лоза для дубленія овчины, все это довольно охотно покупается на базарахъ ближайшихъ городковъ.

Кромѣ того, теперь же каждый дѣлаетъ запасы лыкъ для обуви на круглый годъ, хотя своего собственнагo лѣса и не имѣетъ.

Ежедневно цѣлый мѣсяцъ и болѣе съ каждаго двора по двѣ, по три души, забираются въ глушь панскихъ лѣсовъ, гдѣ нѣтъ лѣсничаго, и вечеромъ уже несутъ по тихоньку лыки въ село, однимъ словомъ—въ свою норку тащатъ корку, да и въ самомъ дѣлѣ:

Неужто лыкъ тебѣ не взять въ запасъ,
Когда такая благодать въ лѣсахъ у насъ.

Похищать лыки очень удобно: они ростутъ въ страшной гущѣ. Полѣсцы на этотъ промыселъ забираются «у такую нимярѣчу, что вужъ ня прапаузе. Чуўимъ штось шамая, глядзь—ажъ воучанятки, жо тузъ и гняздо ваучиная».

Но къ этому явленію наши привыкли: не очень-то пугаются и, перейдя на другое мѣсто, продолжаютъ работу, напѣвая не громко конечно:

А и дзѣ-жъ тáя липиначка,
Што лыки дзеруцца?

А й дзѣ-жъ тáя дзячынaчка,
Што людзи сияюцца,

А ужо-жъ тая липиначка
Дауно абадрата [1]),
А ужо-жъ тая дзяучыначка
Дауно замужъ узята.

(с. Разсухи, Мглинск. у. со словъ 40 лѣт. женщины въ 1899 году).

Дзяучѽнка красна
Па гаю хадзила,
У гаѣ заблудзѝла,
Хлапчышачка малѽдзинькій,
Выведзь мяне з'гаю.
Дзяучонка красная,
Дарѽги ни знаю,
Скажы, красная дзѣука,
Што за вывадъ бўдзье?
— Атласць табѣ татухна
Каня варанѽга.
—Дзѣвачка красная,
У майго у татухны.
Коній багата.

(Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

Што-й купечаская дочъ—
Па гѽрыньки хадзила,
Пару сыноу радзила,
Охъ, охъ, охо охо-хо-хо (припѣвъ),
Пару сынѽу радзила.
Сама бабушкой была,
Сама йименья дала,
Иванюшу й Васильля
У пяленачки спавила,
На цихій Дунай атвясла,
Охъ ты, цихій Дунай,
Ускалыши майихъ дзяцей,
А ты, траушка камышъ,
Майихъ дзѣтакъ прыкалышъ,
Охъ ты, ницая лаза,
Ни павыкаль йимъ глаза,
Охъ вы, дикія пяски,
Ни задайця йимъ таски,
Охъ ты, рыба бялуга,
Ускарми майихъ сынѽу
Да шаснадцаци гадоу.
Ни хадзила малада,
Лѣтъ шаснацьцаць на ваду,
На симнацатамъ гаду,
Вышла дзѣука па ваду,
Стала дзѣука ваду брацъ,
Стау караблікъ прыплывацъ,
Што-й на томъ жа караблѝ
Двое мѽлайцоу сидзяць.

Эта пѣсня позаимствована въ 1861 году у дворовыхъ крестьянъ въ с. Росухѣ. Съ теченіемъ времени къ ней присоединился слѣдующій конецъ, записанный мною въ 1899 году въ с. Горянахъ, Мглинскаго уѣзда отъ 19 лѣт. дѣвки.

Адзинъ сядзиць на насу,
Чеша русаю касу,
Другій сядзиць на кармѣ,
Пряма смотря на яйе.
Распытуя у яйе,
Ци пойдзишъ ты за мяне?
За (а) днаго сама пайду,
За другѽга дочъ атдамъ,
Пріѣхаушы съ падъ винца
Стау моладзецъ гаварицъ—
Скажы ка ты, дзѣвачка,
Зь'якѽга ты роду?
Я зь Кіява папѽуна,
Па бацюшки Пятроуна,
—Скажы ты, маладзѐцъ.
Якога ты роду?
Изъ Кіява папович
Па бацюшки Пятровичъ.
Охъ, якій то свѣтъ настау,
Што братъ сястры ня упазнау,
За сябѣ замужъ узяу.
Гасподзь мянѣ сабярёгъ,
Што съ сястрою спаць ня легъ,
Бадай папы праппали,
Брата сь сястрой звинчали.
Идзи, сястра, у намастырь,
Малиць Бога за увесь міръ,
А я пайду у цемный лѣсъ,
Няхай мяне звѣрь изъѣсць.
Идзи, брацецъ, гарою,
А я пайду далинаю,
Скинимся травинаю,
Ты цвѣтикамъ синенькимъ,
А я цвѣтикамъ жоуцинькимъ,
Парасцёмъ мы падъ кустомъ,
Накрыймся хварастѽмъ,
Будуць людзи траву йрвацъ
Брата съ сястрой паминацъ:
Йета тая травица
Што братъ и сястрица,
Будуць людзи касиць
И за насъ Бога прасицъ.

---

[1]) ободрана.

Выше означенная пѣсня въ с. Росухѣ и окружающихъ ее селахъ поется только со слѣдующихъ строкъ:

Охъ якій-та свѣтъ настау,

а въ селахъ: Горянахъ и Кожемякахъ первая и вторая половина поется за одну пѣсню «Иванъ да Марья».

Охотнѣй всего поютъ пѣсни на общественныхъ работахъ; но такъ какъ весной всякій имѣетъ свое занятіе «кала двара» въ одиночку, то въ будніе дни не слышно совмѣстнаго пѣнія, развѣ какая, - нибудзь дзѣука сабираушы щавель на лугу или славши полотны кала двара», запоетъ про милаго или про соловейку:

На вадзѣ вутка купалася,
На биряжочку сушылася,
Я малада журылася,
Ци было лѣта, ци ни былю.
Я на вулицы ни гуляла,
Мяне мамухна ни пущала,
У каморацны закутала,
Залатымъ замкомъ замыкала.
У каморацны кватырячка,
Шыю, пашыю шырыначку,
Гляну, пагляну у кватырячку,
Ходвя, мой милый, па рыначку,
Тамъ мой милый танокъ водзя
З'майой прежняй падружачкай.
Каго у танку нема,
Да каго у караходзи?
Майго милаго у танку нема,
Майой падружачки у карагодзи.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 35 лѣт. женщины въ 1899 г.).

Салавей мой малинькій,
Ни лятай рана на зарѣ,
Ни замакавай дарожачки
Ко мнѣ маладзѣ.
Зарасла майя дарожка
Частымъ ельничкамъ,
Бярезничкамъ маладымъ.
Охъ ты, татачка гаспадзинъ,
Састрой гореньку у саду
Зъ вакошкамы, на сяло,
Штобъ жыць было висяло,
Штобъ милинькій ни прайшоу,
Падарачка ни пранёсъ,
Падарачка дарагога,
Зъ руки перстня залатога.

(с. Новоселки, Стародубскаго у. со сл. 45 женщ. въ 1891 г.).

Павѣй, павѣй, буйенъ вицяръ,
Зь зялёнага гаю.
Прибудь, миленькій дружочыкъ,
Зъ далекаго краю.
Радъ бы, дзѣвачка, прыбыць,
Вочинь край далекій,
Глыбокія рѣчки,
Да мелкія ключы.
С'скучылась дзяучоначка,
Малодчыка ждучы,
Сярдзитъ бацька,
Мачыха лихая
Ни пускающь на вулицу,
Што я маладая,
Пусци мянѣ, маци,
На тэй лужокъ прясци,
Ци ня принясе буйонъ вѣцьеръ
Атъ милага вѣсци.

(с. Росуха, Мглин. у со сл. 45 лѣт. женщины въ 1891 году).

А вотъ вышла на лужайку и молодка молодая. Еще въ прошломъ году пѣла она о желанномъ дружкѣ, а теперь у нея уже другое горе, другая мечта: не ладная жизнь въ чужой семьѣ и стремленіе къ прежнему родимому гнѣзду.

Охъ, якъ бы мнѣ маладзюсенькай
Да цяцвёрячы крылля
Да пирапёлячы перъя.
Я... я... я... я, малада,
Паляцѣла бъ я, маладзюсинька,
Падъ бацькавы сѣни.
Охъ я... я... я.. я, малада,
Мой татачка новы сѣни строя,

Святлицу будуя,
Охъ я... я... я... я, малада,
Святлицу будуя,
Мяне спамнная,
Охъ я... я... я... я, малада.
Нема майой душачки
Нема майой гарюшачки.
Охъ я... я... я... я, малада,
А я, малада, слязой абальлюся,
У ножки укланюся.
Охъ я... я... я... я, малада..

(с. Анушино, Страродуб. у. со сл. 30 лѣт. женщ. 1889 году).

Ня силиу мяне бацька,
Ня силила мянѣ-й-матка,
Сама дура здуравала
Лидацыцу злюбавала,
Ни глядзѣла малада́,
Ни на станъ, ни на рожу,
Пагалилась малада
На вяликаю худо̂бу [1]).
Вяликая худо̂ба,
Живату-серцу-зазноба,
Чаго ты, мой бацычка,
Скрозь Дунай ни хадзиу,
Горькай майой долячки
У рэчачки ни утапиу.

(с. Невзорова, Стародуб. уѣзд. со сл. 50 лѣт. женщ. въ 1895 году).

Выду я на го̂рачку,
На тую крутую,
Зирну̂, гляну на рѣчачку
На тую быстру̂ю.
Ци ня уба̂чу
Ци ня уба̂чу
Чаго на рядѣ?
Тольки бачу
Тольки й ві̂джу
Саловейку на кусьцьѣ.
По̂льна, польна, салавейка,
У ку̂сьци щабита̂ци,
Хочуць ужо̂ ахотнички
Ру̂жжа зариджа̂ци,
Хочуць цябе, салавейку,
Сь сьвѣту жжыць,
Сь сьвѣту жжыць,
У ку̂сьци застрялі̂ць.

(с. Михайловецъ Стар. уѣзд. 1900 г. отъ 18 л. дѣв.).

Далі̂на далі̂начка,
Раздо̂льле шыро̂кае.
На той, на далі̂нацци
Нічо̂го ня ро̂дзье:
Ни грибкі̂ ни ягадки,
Ни чо̂рна смаро̂дыня.
Тольки заурадзі̂лася
Игруша зялёная,
Што й падъ той игрушаю
Заря занималась,
Съ падъ тыя зо̂рячки
Сонца ві̂кацилось.
Играй, играй, сонгьняйка,
Играй играй жаркое,
Играй не по лѣтнему.
Любя парень дзьѣвицу
Ня па прѐжнаму...

(**Отъ** той **же**).

Какъ въ одиночку, такъ и хоромъ поютъ всегда дѣвки громко, во все горло, чтобы было слышно и въ селѣ и за селомъ.

Въ концѣ каждаго стиха вмѣсто паузы тянутъ голосомъ у-у-у-у! Этимъ отличаются мотивы весеннихъ пѣсенъ и лѣтнихъ.

Хмарна тучка, дробинъ дождяжыкъ,
Крапи, крапи, дробинъ дождяжыкъ,
На майо бѣла лицо,
Я умыюсь, набялюся,
Пайду у мамухны спрашуся,
Радзимая мая мацц,
Пусци вечаръ пагуляци.
Гуляй, дочка, да пары,
Ни прагуливай зары,
Идзѣ ходзишъ, идзѣ гуляйишъ,
Начаваць у дварѣ.
Я па садзику хадзила,
Па зяленаму гуляла,
Тамъ я цвѣцики ирвала,
Дли дружка прымѣты клала,
Штобъ мой милый дагадауся,
Па прымѣтамъ мяне шукау,
Ни знайшоу милый примѣты,
Знайшоу Машачку у саду.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 45-лѣтн. женщ, въ 1899 году).

---

[1]) добро̂.

Итакъ далѣе, всѣ «дзявоцкія» васнянныя пѣсни на одну тему: любовь и милый.

На калини салавей напѣвая,
На малини дробныя пташки пяюць,
Добру молайцу вазнобу задаюць,
Добрый молодьвецъ и ночку ни спау,
На дрыбчастыя гусельки играу,
Красну дзѣвицу душу забауляу.
Ни журыся, красна дзѣвица душа,
Вотъ тады ты наплачысся,
Якъ са мной ни пабачысся.

(с. Анушино, Стародуб. уѣзда, со сл. 45-лѣтн. женщины въ 1892 году).

Стаптáна трава зиляная,
Хто жъ тую траву стаптау?
Стаптау траву дзяциначка,
Стаптау траву малодзьенькій.
Й онъ да дзѣвачки хадзиу,
Пиряпелачакъ лавиу,
Ни улавиу пиряпелачки,
Ни улавиу карасцьельки,
А улавиу дзяучоначку
Да-й за правую ручачку,
За залатый персцянёчыкъ
За шауковый паясочыкъ.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 20-лѣтн. дѣвки въ 1894 году).

Свяцйу, свяцйу ясенъ мѣсячка
Да-й прымерькаць стау,
Любйу парень дзѣуку
Да-й пакидаць стау:
Ни ты ка мнѣ,
Ни я къ табѣ,
Ня будзимъ хадзици.
Ни ты мяне,
Ни я цябе
Ня буду любици.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Ябланя мая зялёная,
Дакуль табѣ у садзи стаяць, у зялёнамъ?
Стаю лѣта, стаю лѣта,
Стаю-й другòя,
На трецьця пущу
Кареньня глыбокàя
И гольляйка да дòланьку
И лисцяйка шырокòя.
Ты, красная Тацяначка,
Дакуль табѣ
У бацюшки жыци, у рòднаго?
Жыву лѣта, живу лѣта,
Жыву-й другòя,
На трѐцьця дажду
Свата дарогòга
И поязда, и поязда багатòга,
Пляту касу да пояса,
Пляту уплёты шауковые
Дзяцинаццы маладòму.

(д. Лупеви, Стародуб. уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Цякла рэчка ни вялична
Зь вишнёваго саду,
А я тую быстру рэчку
Схочу—пиряскочу.
Атдай мяне ацецъ-маци
За кагò я хòчу,
Идзѣ хата и камната
И дзивярёу багàта.
Дзивярёчки маладые,
Яны ни жанàты,
Любюць жартаваци:
Адзинъ киуне, другій маргнѐ,
Трецьцій засмяёнца.
Мой милинькій—ряувйвинькій
Иетаго ня любя,
Зъ падъ правыя, зъ падъ ручачки,
Нагайку гатуя,
Нагаячка ни прастая,
Яна драцянàя,
У три ряды звита,
Будзишъ, мая миленькая,
Што вѐчара бйта.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщ. въ 1896 году).

Охъ ты, дзѣука, дзѣука красная,
Твайя доличка бищасная, [1])
Яще дзѣука у пялёначкахъ
Яйе гòрячка у галòвачкахъ.
Ночка цёмнинькая, ни васелинькая,
У мянѣ мамачка ня роднинькая
Ни савѣтливая:
Пасылала мянѣ маладу
Позна ноччы па ваду,
Ни да рѣчки, ни да вòзяра,
Да глыбòкаго калòдзизя.
Яна па ваду идзѐ,
Гарючыя слёзы ильлѐ, [2])
Пасылала яйе маци
У высокъ цьѐримъ пасцѣлячки слаци—
Таму госцяйку низнакòмаму
Салдацику заслужòнаму...
Ужо й соньняйка узыходзила,
Дзѣука сь цьѐрема ни выходзила,
Ужо й на дварѣ свѣтъ бялюсинькій,
Краснай дзѣуки съ цьѐрема немà.
Ужо на дварэ нозніа абѣданьки,
Дзѣука съ цьерема идзьѐ
Яйе каса растрѐплина, ни заплѐцьена.
Яйе глазачки призаплàканы,
Рубашачка папарваная,
Сярѐжачки паприлàманыя...

(с. Грыденки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Якъ пайду я гарой—гарой,
Майе валы на прыгòръяйку,
Уси людзи дòбры жывуць,
А я млада на бяздольяйку,
Нехай жывуць, кали пажылося,
А я буду гаряваць,
Кали горя прышлося.

(д. Лужки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Охъ ты Ваня, разудалый маладзьецъ,
Куда ѣдишь, атъйижджàйишъ далякà,
Каму мяне приручайишъ маладу?
Сь кимъ я буду вясну красную гулàць?
Сь кимъ я буду йету зиму зимаваць?
Гуляй, гуляй цвѣцикъ рòзачка адна,
Йесць у мянѣ ще-й на лучча за цябе,
И вачàмы и брòуками пачарнѣй,
Ще-й лѝчанькамъ румянѣй.

(с. Матоки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 17-лѣтн. дѣвки. записано въ 1898 г.).

Троица.

Св. Духъ и Троица два праздника подъ рядъ. Наканунѣ за нѣсколько часовъ до захода солнца, селяне перестаютъ работать. Мужчины идутъ въ лѣсъ сѣчь «Май», бабы и дѣвки жать яворъ на лугахъ, собирать травы и цвѣты въ лѣсу. Къ вечеру вездѣ у воротъ и въ дворахъ появляется цѣлый лѣсъ вбитыхъ въ землю кленовъ, березокъ, дубковъ и пр. Въ хатахъ вся божница тоже убрана зелеными вѣтками и преимущественно цвѣтами пахучей какалуши [3]). Утромъ въ день праздника, прежде чѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, изъ 4—5 приходскихъ деревень—всѣ двинулись въ село къ церкви.

Но это не означаетъ, что вся масса народа попадетъ во храмъ, пѣтъ тамъ въ господскіе праздники ужъ очень тѣсно и душно, такъ что часть молодежи и бабы съ грудными младенцами больше просиживаютъ на крыльцѣ и на цвинторѣ [4]). Старики же и пожилые стоятъ безвыходно въ храмѣ и молятся усердно. Станьте рядомъ, прислушайтесь: онъ знаетъ наизустъ всю обѣдню и прекрасно суфлеруетъ священнику и клиросу каждую фразу.

Какъ только пообѣдали, дѣвки гурьбой идутъ въ березникъ завивать вѣнки, захвативъ съ собою яицъ, сала на яичницу, по дорогѣ громко поютъ, «штобъ усимъ было чутна, и которая не успѣла выйти изъ хаты—нехай даганяя».

---

[1]) Несчастная. [2]) Льетъ. [3]) Черемуха. [4]) Кладбище—cmenarz (Польск.).

Вы дзѣуки — дзѣвачки,
Пойдзимъ у лужочки,
Мы зауйёмъ вяночки
Да-й на уси святочки,
Да-й на уси святые,
Да-й на Духовыя.

Хлопцы выходятъ на гулянье отдѣльно, своей компаніей, но они «духамъ чуюць, идзѣ дзѣуки» и непремѣнно очутятся въ томъ березнику, гдѣ вѣнки завиваютъ, они берутъ съ собою горѣлку и бубенъ.

А бабы на духовые святки идутъ туда же кумиться, т. е. жарыць у лясу яйешню, пиць и закусываць.

Подъ бубенъ исполняютъ извѣстный танецъ казачокъ. Дѣвки танцуютъ очень скромно, глаза внизъ, руки спущены, но танцы замужнихъ женщинъ, особенно «падъ чарачкай», довольно оживлены, онѣ пляшутъ и въ то же время припѣваютъ, сопровождая пѣсни различными тѣлодвиженіями: то руки въ боки, то хлопаютъ въ ладоши, приподнимая руки по разнымъ направленіямъ и т. п. Впрочемъ, такихъ веселухъ мало: одна, двѣ на все село, такъ что зрителей всегда больше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ.

Я й за старымъ нажывуся,
Напляшуся, найграйся.
Нагуляйюся.
Охъ ты, старецъ мой,
Лихамарецъ мой!
Ни вялицъ мнѣ бялицца
И румяницца.
Стайиць старицъ падъ вакномъ,
Богу молицца,
А мнѣ, маладой,
Гуляць хочицца.
Захацѣлась маладзѣ
Да папѣць, пагуляць
Напразнаваци,
Пабясѣдаваци.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 48-лѣтн. женщины записано въ 1898 г.).

Кумилися, любилися
И съ кумою пасварилися;
Тры дни, два дни яднилися,
Гарэлкаю пахмилялися.
Кумусичка, любусичка,
Ня би майихъ вуцинятъ,
Майе вуцинятки
Табѣ шкоды да ни нарабили:
Паядаушы грэчки,
Паляцѣли да рэчки,
Паядаушы пшаничаньки,
Паляцѣли да крыничаньки.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со сл. 78 лѣтн. стар. въ 1898 году).

Ходятъ также завиватъ вѣнки въ жито (рожь), особенно въ Стародубскомъ уѣздѣ, гдѣ села расположены въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса. Въ вѣнокъ изъ васильковъ вплетаютъ ленту и перстень и затѣмъ кладутъ его въ жито на ниву.

Поютъ слѣдующую пѣсню, о которой сама пѣвица выразилась такъ: «Якъ идуць у жыта да пяюць йету святую пѣсню гурьбой, дыкъ во якъ харашо, такій голасъ жаласный, да харошый».

Што-й на горѣ на Раманавай
Стайиць церьква муливаная,
Алилуй памилуй.
Што-й у той церкви
Прястолъ стайиць,
На прястоли мать Марыя,
Алилуй, памилуй.
Мать Марыя сына радзила —
А радзиушы, папоу, дзякоу сабирала,
Алилуй, памилуй.
Сабраушы, йена раду радзила,
Якоя йимъё налажыць.
Налажыли йимъё Святый Илья,
Мать Марыя няузлюбила,
И свѣчачки патушыла
И церькауку зачынила,
Алилуй памилуй.
Сабрались къ йой папы, дзяки, архирэйи,
Налажыли йимъё святый Иванъ Хрясціанъ,
Мать Марыя нвузлюбила,
И церькауку зачынила
И свѣчачки патушыла,
Алилуй, помилуй
Сабралися икъ йой
Да дваванцаць папоу

Да двананцаць архирэяў,
Налажыли йимъё
Святый Хрыстосъ.
Алилуй, памилуй.
Мацъ Марыя спалюбила
И свѣчачки запалила
И церькауку атчынила,
На каленячки стала,
Алилуй, памилуй.
Йена Бога малила,
У свайомъ серцы
Радасць 'мѣла,
Што-й яйе сына
Хрыстомъ празвали,
Алилуй, памилуй.

(с. Гриденки, Стародубскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Гряная.

8-ая недѣля послѣ пасхи, вслѣдъ за духовыми святками, называется гряная.

Это «русальная недѣля». Народное воображеніе полѣсскихъ обитателей рисуетъ русалокъ нагими женщинами, которыя живутъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ проводя время въ забавахъ, качаясь и завивая вѣнки на вѣткахъ. Это души некрещенныхъ младенцевъ.

На грянбй нядзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана
Русалки сядзѣли (bis)
Халадокъ капали,
Ой рана рана
Халадокъ капали
Да-й дзѣвакъ гукали, [1])
Дзѣвачки—кра̊сачки, [2])
Дайця намъ сарочку,
Ой рана, рана,
Дайци намъ сарочку,
Сядзимъ у халадбчку,
Да-й зауйбмъ вяночки.
Ой рана, рана,
Да зауйомъ вяночки
Мы на ўси святыя
Да-й на духавыя,
Ой рана, рана
Да-й на духавыя.
Бабачки цётки
Дайця мнѣ нямётки, [3])
Ой рана, рана
Дайця намъ нямётки.

(д. Водвинка, Мглин. у. со сл. 40 л. женщ. въ 1897 году).

Еще эта пѣсня поется съ слѣдующими измѣненіями.

На гряной нядзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана...
Халодокъ капали
Да й ня выкапали,
Ой рана, рана,
Тольки выкапали
Баравую вѣтку.
Барава̊я вѣтка
Ни кра̊сна, ни я̊сна,
Ой рана, рана,
Што-й крашы таго
Адарка у бацьки.
Ой рана, рана
Па двару хадзила
Бацькау дворъ кра̊сила,
Ой рана, рана
На ганки уступила,
Ганки асвяцила,
Ой рана, рана,
Ганки асвяцила.

(с. Разсухи, Мглин. у. со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

А ужо пѣўни папѣли,
А я дамоў ни-йшла,
Ужо-й другія пяюць,
Я й ня думаю ицицъ.
Ужа заря узыйшла,
Я дамоу прышла
И свякруха разбурчалася,
А мой милый и 'зъ нагайкай идвьѐ,
Якъ ударыу мяне разъ,
Пакацились слезы, въ главъ,
Якъ ударыу у другu,
Падламилися ноги.

---

[1]) звали [2]) краска-цвѣтокъ [3]) покрывало.

На гряной недѣлѣ нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить, кросны сновать. Изъ молодыхъ рѣдко кто теперь объяснитъ, почему чтятъ эту недѣлю Только кто нибудь изъ стариковъ объяснитъ, что «у старину прайщиць ня можна былô па лясу за русалками. Качающца бывáла да вянки уюць ...ну на гряной и всѐредной йета ужо йихъ празникъ, во яны и ня любюць, штобъ работали и падшучавающь часта».

Если соберется нѣсколько человѣкъ, стоитъ только предложить вопросъ, почему на гряной у васъ не работаютъ, то каждый изъ присутствующихъ засыпетъ васъ разсказами, что случается въ хозяйствѣ, если кто вздумаетъ работать въ это время.

«О! йета нядзѣля ўредная, упрацйуния, я разъ дзѣлау рагачъ для сахй. Якъ акацйўся тыго гôду ягнёнакъ, какъ разъ якъ вы бачыця сахў, качаицца бурдюкомъ на спинѣ, а ножки у гôру, наурôдни сахи, да ци ни ягнёнакъ жа! жырный, поўный такій! Дўмау, дўмау, што тутъ дзѣлаць?... аджа мусиу прырѣзаць, ня ѣсць жа ничого, дай-годзи»..

«Нѣ, баронь Божа што нѐбудзь дзѣлаць, усе на скацынн акажыцца, ни з'роду ня минецца, а цяперъ жа, звиняйцы, такая вясенняя уремъя, чито усякая скацинка у занящци [1]), каровка ужо цылна, авѐчачка тожъ»...

«Да во-й са мной у томъ гадў прыключылась аказія, начинаетъ разсказъ кто-нибудь изъ присутствующихъ: сагнуу я вязокъ къ санямъ, да яще тады и падумау: пусцякъ йета усё, болшъ ничого, якъ бабскія прихамацй. Што жъ бы вы думали! Тожъ авечка акацила ягнёнка, пара пяредних ногъ ни даць, ни узяць—вязокъ: ножки сагнуты, ни магець хадзиць ни калеўца [2]). Жалка мнѣ стала ягнёнка ;нѐчага дзѣлаць, зняў съ саней тэй вязокъ, што здѣлау и папасѣкъ на шматки. Глянуу у вечары на ягнёнка, ажъ йонъ ужо и пабрыкуя и ножки спрямились». «Нѣ, вы мянѣ паслухайцы, спѣшитъ добавить третій разсказщикъ: «вотъ-то насѣкъ я абручôу, да тамъ жа у лѣси кругомъ пня и загнуу ихъ. Прыходжу йета у дворъ... Што такôя цьёлка ходзье кругомъ шулы, якъ дурная, якъ разъ якъ я хадзину кругомъ пня, гнўушы абручы. Думау, думау, што рабиць? Узяў, да й пасѣкъ абручы и цьёлка атъишлась атъ шулы и стала сѣна ѣсць».

Затѣмъ слѣдуютъ безконечные разсказы о томъ, что случалось у сосѣдей, какъ у Платона цыплята крутились, потому что онъ лыки вертѣлъ. Какъ «покôйный бацька на всѐряднай заверты гнўу», отчего сестра Аудоцця радзилась съ сагнўтай нагой; какъ Адарка Жураўцова сновала крôсны, и потому быкъ ходилъ, опустивши голову, отъ одного угла къ другому и т. д. и т. д.

Всѣ съ удовольствіемъ слушаютъ подобные разсказы и безусловно вѣрятъ имъ. «А я во што вамъ, браццы, скажу, добавляетъ одинъ изъ подгородныхъ жителей г. Стародуба, «Гряная такова, кали хто йетаю ни примѣчая, работая сабѣ па цихиньку, ничôта яму зъ тагô ни бывая; а ни дай Богъ падумаишъ абъ грянôй за работай, ци хто скажя кинь, ня раби на йетай нядзѣли, ну тады ужо яно ня пройдзя дарамъ».

Іюнь.

Слѣдующее воскресенье за Троицей на 9-й недѣли отъ Пасхи-праздникъ «Всѣхъ Святыхъ и заговѣны на Петровскій постъ.

Наша окраина отличается обиліемъ праздниковъ, не установленныхъ церковью. Наши крестьяне не работаютъ въ такіе дни, когда въ городахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и даже въ монастыряхъ не полагается никакого празднества. Назовемъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ: положеніе ризъ (т. е. перенесеніе хитона Христа Спасителя) нерукотвореннаго образа, Одигитрія, Тихвинской Божьей Матери, Св. Пантелеймона, Кузьмы и Демьяна и проч. По этому поводу существуетъ слѣдующій разсказъ: каждый разъ, какъ мужики являлись къ нѣмцу-управляющему съ докладомъ, что завтра праздникъ, нельзя работать, нѣмецъ сердился, но покорялся обычаю.

---

[1]) въ ожиданіи приплода; [2]) крошка.

Наконецъ приказчикъ объявляетъ, что завтра праздникъ всѣхъ Святыхъ.

Обрадовался нѣмецъ: вотъ это очень хорошо, въ одинъ день всѣхъ отпраздновать и конецъ.

Но не въ продолжительномъ времени ему опять донесено было о предстоящемъ праздникѣ Ивана Купалы.

— Гдѣ-жъ былъ этотъ, когда недавно всѣхъ святыхъ праздновали, кричалъ онъ, потерявши всякое терпѣніе, ахъ, вы лѣнтяи! Оттого вамъ и ѣсть нечего, что вы все праздники себѣ дѣлаете.

Еще кромѣ церковныхъ праздниковъ крестьяне сами себѣ установили пятницы, въ которыя нельзя бабамъ прясть, а мужчинамъ пахать. Никто не раскажетъ вамъ, почему это, но всякій отвѣтитъ: у «пятьницу ни пашуць, ни намы йета заведвена, ни паны и кончицца».

Пятницу называютъ святою въ прѝсказкѣ:

Ейну, разгулялися сляпыя,
Проци пяценки святыя.

Бабы, большія любительницы «кляцьбы», если ее подозрѣваютъ напр. въ воровствѣ пряжи, клянется такъ:

«Святая пяцьенка, калѝ я яйе бачыла, павылàзь инѣ вочы, штобъ я свайго дзицьёнка ни разу болій ни пабачыла, штобъ мяне и самую такъ скруцила, акава тая пряжа, а хто яйе увяу, нехай таго за пячонки возьмя, штобъ йонъ и да вечара нидадыхау, хто яйе украу, нехай надъ тымъ вараньё крахàя».

Причину, почему въ пятницу не пашутъ и не прядутъ, между тѣмъ какъ прочими работами занимаются, мѣстные священники объясняютъ такъ: если татары заставляли и русскихъ князей кланяться своему Богу, то могли же они повелѣть, чтобы и народъ чтилъ и праздновалъ ихъ пятницу. Приказанія этого народъ, конечно, не слушалъ и, только завидя въ пятницу татарина, бросалъ свою работу. А такъ какъ громоздкую соху съ лошадью и гребень съ стòйномъ [1]) трудно было тотчасъ спрятать, то и рѣшили по пятницамъ не пахать и не прясть.

Когда-же народъ узналъ, что въ святцахъ есть святая Параскева, нареченной Пятницы, тогда онъ день пятничный и Святую Параскеву соединилъ въ одно понятіе, а бабье воображеніе сдѣлало ее покровительницей пряжи. Они и теперь разсказываютъ что, «у якомся намастырѣ йикона святой пяцьенки бывая уся у пылу̀ [2]), якъ бабы мычуць мычки и прядуць по пятницамъ».

12-го Іюня Св. Онуфрія. Съ этого дня начинается посѣвъ гречки, которая, если уйдетъ отъ морозовъ—утренниковъ, то родитъ лучше, чѣмъ рожь.

24-го Ивана Купалы (т. е. рождество Іоанна Крестителя). Наканунѣ Купалы каждый домохозяинъ везетъ или несетъ выкопанную съ корнемъ осинку и кладетъ на ворота. Въ эту ночь ходятъ вѣдьмы, которыя боятся лишь осиноваго кола. По той же причинѣ хозяйка дома кладетъ съ вечера крапиву жигучку на окно кватырки [3]), «штобъ вѣдьма пастрикала морду, якъ будзя лѣзть».

Вѣрятъ также въ расцвѣтаніе папоротника въ эту ночь, и кому удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, того всѣ желанія сбудутся. Собираютъ знахарьскія [4]) травы, особенно кто водится съ нечистымъ. Есть напр. такая трава «любжа»; корень ея представляетъ двѣ руки съ растопыренными пальцами. Но бываетъ такъ, что эти пальцы «сощепнуты», вродѣ того, какъ иногда складываютъ на молитвѣ. Это и есть приворотное зелье. Если дать кому этого корня, то съѣвшій его полюбитъ васъ смертельно. Одна старуха расказывала и конечно, какъ это всегда бываетъ, увѣряла, что сама была очевидцемъ, якъ адна женщына хацѣла дацъ приворо̀тъ пану, да передъ тымъ для пробы дала каречнёкъ у хлѣби зъѣсць нищай павадырки. Што жъ бы вы думали? Дзяўчонка кинула свайихъ старцоу, прышла къ йой жиць, да-й кажа: цьётачка, я жъ

---

[1]) стòйно—доска съ дыркой, куда вставляется гребень.
[2]) пыль. [3]) форточка. [4]) лѣчебныя.

якъ ни пабачу цябе, дыкъ гатова усё на сябѣ парваць, тошна мнѣ, нудна мнѣ, пакуль къ табѣ ни прыду». Эти самые корни въ видѣ растопыренныхъ пальцевъ есть отворотное зелье. По этому поводу слѣдуетъ такой расказъ: «а во жъ мужыку Адашки Зубаревой кто-сь дау атвардтъ, дыкъ йонъ яйе ни вочы ни успуская, биў, праганяу зъ двара, алн яйе матка поѣхала ажны у Суражъ. Ой! Тамъ знахарь хорошій, йонъ такъ йой сказау: я худо́га ничога ня знаю, ну, пдмачъ чалавѣку дамъ. Дау йонъ йой вады на тры зарй, а на чацьвёртую зарю кажа: йдзи у клѣць, тамъ надъ луткай у щёлцы скручано валосься, вотъ ты тоя валосься вынь, да заразъ и спали». Што жъ бы вы думали, посля йетаго стали такъ дружна жыць, якъ галубятки.

«Йосць, йосць худые людзи (и ни мало) продолжаетъ баба свой расказъ, што насыпаюць усякую усячыну. Аужа-жъ у Калодзезькахъ насланы были черви куды ни гляня хазяинъ —у муцѣ черви, у сали черви, дзежку баба станя мѣсиць—и тамъ черви. Дыкъ тэй хазяинъ да бацюшки хадзиу. Бацюшки атчитавау, малебинъ правиу. Да тыки йонъ зъ Варцова и знахаря прывозиу, дыкъ ужо ни знаю, атчагд получчила, ци атъ бацюшки, ци атъ знахаря».

Въ многихъ сёлахъ священники неоднократными запрещеніями вывели обычай раскладывать огонь подъ Ивана Купала, но въ иныхъ деревняхъ и по сіе время молодежъ собирается съ вечера, раскладываютъ костёръ гдѣ-нибудь на лугу близъ села, скачутъ, перепрыгиваютъ черезъ огонь, при пѣніи пѣсенъ купальныхъ:

Ой рана на Йвана
Проци Йвана ночка мала,
Ой рана на Йвана,
Идзѣ купала начавала,
Ой рана на Йвана
Начавала у чыстамъ пдли,
Ой рана на Йвана!
У чыстамъ поли, у густомъ жыци,
Ой рана на Йвана
Што купала вячёряла,
Ой рана на Йвана
Вячеряла вареники,
Ой рана на Йвана
Чымъ купала запивала?
Ой рана на Йвана
Запивала гарэлачкай.
Ой рана на йвана.

Трава «любжа» еще называется Иванова голова, растетъ она на лугахъ близъ рѣчки или болота. Вотъ къ ней и припѣвъ:

Иванава галава
У балоцы была,
Семъ дзёнъ скакала,
Семъ дзёнъ вымякала,
Семъ дзёнъ высыхала.

Если этотъ припѣвъ относится къ головѣ Іоанна Крестителя, то можно предположить, что онъ сложился при введеніи христіанства, такъ какъ въ немъ видно озлобленіе язычника къ евангельскимъ событіямъ.

Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да тамъ яны заблудзились,
Ой рана на Йвана
Прыблудзились яны къ рѣццы,
Ой рана на Йвана
И къ рѣчаццы Дунаю,
Ой рана на Йвана
Прышлось дзѣукамъ Дунай плысць,
Ой рана на Йвана
Усн дзѣвачки пиряплыли,
Ой рана на Йвана
Сиротачки затонули,
Ой рана. на Йвана
Прышли вѣсци да мачыхи,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сиротачки,
А жаль жа мнѣ сорочачки,
Ой рана на Йвана
Сорочачка пасканная,
Ой рана на Йвана
Паясочыкъ—матузочыкъ.
Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да у чорную смародыню,
Ой рана на Йвана

Да тамъ яны заблудзились,
Прыблудзили къ рѣчацы,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пиряплыли,
Ой рана на Йвана
Адна дзѣвачка затанула,
Ой рана на Йвана
Прышли вѣсци да рòдныя маци,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сарочачки,
Ой рана на Йвана
Сарочачка альляная,
Ой рана на Йвана
Саяночыкъ мушкаваный,
Ой рана на Йвана
А платочыкъ шауковый,
Ой рана на Йвана
А жаль жа мнѣ дачушачки.
Ой рана на Йвана.

(со словъ 48 лѣтн. женщ. въ д. Барадѝнко, Мглинск. у. въ 1898 году).

Ой рана на Йвана,
Соньнийка йграла
Дзѣвачка ваду брала,
Ой рана на Йвана
У ваду упала,
А за йою козачанька,
Ой рана на Йвана
Хоча яйе рятаваци,
Ой рана на Йвана
Лỳччы буду, дзяучоначка—
Увадзѣ патапàци,
Чым сь табою, казачынька,
Дружỳнаю стàци
Ой рана на Йвана.

(отъ той же въ 1898 году).

Кромѣ священниковъ, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селахъ сельскіе старосты, какъ блюстители порядка и общественнаго спокойствія, стали запрещать раскладывать огонь на купалу. Но молодежь не можетъ отрѣшиться отъ стараго, любимаго обычая и, не смотря ни на что, все таки сборища устраиваются. Но вмѣсто костра отправляются гурьбой на огороды «красць цыбулю» (лукъ). И прежде всего выкапываютъ весь лукъ у батюшки, какъ бы въ отмѣстку за запрещеніе забавы. Недавно (въ 1897 г.) разбиралось у земскаго начальника дѣло по жалобѣ жителей д. Бородинки за кражу луку подъ Ивана Купала.

Что въ селахъ непремѣнно есть нѣсколько бабъ, которыя по временамъ «скидаюцца вѣдьмой» и ходятъ по ночамъ отнимать молоко у коровъ, въ томъ по деревнямъ и по сіе время рѣдко кто сомнѣвается. Кто изъ бабъ этимъ занимается, узнать по виду трудно; но если набрать золы съ костра на Ивана Купала и стать съ ней на «рòстанькахъ [1]), сейчасъ сюда сбѣгутся всѣ сельскія вѣдьмы и будутъ просить отдать имъ золу. Вообще мѣсто скрещиванія переселочныхъ дорогъ считается мѣстомъ нехорошимъ, оттого и принято ставить тамъ распятіе и крестъ для устраненія сборища вѣдьмъ. Молоко отнимаетъ вѣдьма не у однихъ коровъ: такъ, побывавши въ гостяхъ у подозрѣваемой въ вѣдьмовствѣ, сосѣдки говорятъ: «яна мянѣ мытавала [2]) малакомъ частаваць, да я гребую ѣсць, . затымъ, што тамъ ужо у яйе каровы и собàчча и кошàчча и кабы̀льля, усякая малако, тоя, што яна ходзя па начамъ да атымàя».

Вообще коровы считаются очень «урòшливы», стоитъ ее похвалить, позавидовать количеству молока или только посмотрѣть завистливымъ окомъ, т. е. сглазить, то она тотъ же вечеръ не дастъ молока «ни рòсачки».

Поэтому, всякая старается пронести доёнку съ молокомъ такъ, чтобы туда «Божа храни» кто ни заглянулъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ каждая увѣряетъ сосѣдку, что ея корова «трясца даѐ». Попроситъ ли ребенокъ при комъ нибудь чужомъ молока, хотя бы молоко было въ изобиліи, но хорошая хозяйка при постороннемъ лицѣ даетъ большею частью отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «пагуляйжа сынокъ, молока?—подоимъ быка», и затѣмъ говоритъ въ сторону: «мая корова хваробу» таго малака дайѐ, тольки што даёнку памочышъ и кашы нечымъ забялиць!»

---

[1]) на перекрестныхъ дорогахъ.
[2]) пробовала.

Или, напримѣръ, такого рода разговоръ: «Приходитъ кума Домна къ кумѣ Ганнѣ. сидятъ во дворѣ на «сѣняшиомъ» парози [1]) гамдњюць, и видя передъ собою рыжаго теленка Домна кажа: да якая жъ, кума, твайя цьёлачка пригожынькая, поунинькая, якъ гурочыкъ, а у майю, дыкъ хто яго вѣдая, баки чагось пауцягала».

«Ганна: нѣ, кумачка, йета жъ твой бычокъ сюды зайшду».

«Во нячыстая сила, а мнѣ жъ то прычудзилась! Якій йонъ тамъ жырный, хтобъ и праўду падумау, у яго жъ вонъ маглы тарчаць, такій ниудалый чагось урадзіўся.

Если хозяйка слышитъ, что хвалятъ ея скотину, или даже ребенка, то сейчасъ же сама про себя шепчетъ: «соль табѣ у вочы, галауня у зубы» и старается три раза плюнуть.

Петровка.

Іюньскій постъ передъ Петромъ и Павломъ (29-го Іюня) называется «Пятрдука». Этотъ постъ совмѣстно съ спасовскимъ постомъ передъ Успеньемъ, въ народѣ характеризуется такъ: Пятрдука—галадука,—Спасаука—ласаука.

По истинѣ голодовка—это вѣрно.

Еще съ великаго поста бабы жалуются што нѝ съ чымъ къ пецоы приступицца: усё бульба, да бульба, да и тая нищимная, но дальше—еще хуже. Вскорѣ послѣ пасхи и бульбу прыкончили, а што засталась—то пасѣяли. Доѣли и варево, значитъ—въ погребѣ ни бураковъ, ни капусты, и потому и борщу не съ чего варить. «А ну, зирьнемъу клець, ци ни ма тамъ чаго?—у дзѣжку съ крупамы шкрабъ [2]) увалиуся, а у бочку съ аржаной мукой и дауно». Значитъ, за провизіей ни въ погребъ, ни въ амбаръ не ходи. Взамѣнъ всего Богъ весной посылаетъ щавель на лугахъ, его то и варятъ въ соленой водѣ и «затаукаюць крошкой сала, а у кагд сала нема—зибляюць малакомъ, это и есть борщъ, то-есть пребезвкусная похлебка. Но и безъ этой запиуки—сухой хлѣбъ жевать было бы неприглядно—а тутъ «сербанешъ цёплаго и на жывацѣ якась удабнѣй стандвицца».

Когда же наступаетъ Петровка, то провіантъ еще сокращается, и остается одинъ щавель, который «хоць и атварытъ и будзье йонъ цёпленёкъ»; но заправить ни саломъ, ни молокомъ нельзя, затымъ, што грѣхъ, тольки жыды, да паны ѣдзяць у постъ скардмная. И вотъ для этого у нихъ съ Марта мѣсяца въ погребѣ заготовленъ березовый квасъ. Къ этому времени вырастаетъ на грядахъ лабода, которую тоже отвариваютъ, разбавляютъ березовымъ квасомъ, и тогда получается холодецъ, благо на дворѣ въ Іюнѣ довольно жарко, а потому уже «халодная якась пріятнѣй на живацѣ». И вотъ изо дня въ день всю петровку хлѣбъ и холодецъ, холодецъ и хлѣбъ и т. д. Единственной доступной приправой къ такой лабодѣ съ квасомъ могъ бы служить лукъ зеленый, но въ нашей землѣ съ глинистой подпочвой корнеплодныя растенія плохо родятъ, и потому изъ нашихъ бабъ только кое кто садитъ лукъ, и то въ такомъ маломъ количествѣ, что его, какъ любимое лакомство, сейчасъ же дѣти и свои и чужіе повытаскиваютъ и поѣдятъ.

Ну, какъ тутъ при такой скудости не залѣзть въ чужой лѣсъ и надрать хоть лыкъ на покупку съѣстного для подкрѣпленія. Вотъ, дождавшись базарнаго дня и «навёзъ йонъ пду воза лазы и дзесяць копъ лыкъ. То-то гостинцевъ въ дворъ навезъ! «Акрамя аржанай муки яще цѣлый пукъ зялёныя цыбули. Во натаукли бабы перъяу [3]), трохи пасалили, да и ѣли уси съ хлѣбамъ, такъ смашна, што ажны за вушамы трящыць. Яще привезъ тры хунты пшана, то ужо дли дзицёнка, а яще жъ дисятакъ таранакъ купиу». И вотъ по этому варится борщъ изъ той же лабоды и

---

[1]) На порогѣ въ сѣняхъ.

[2]) Когда въ пустую дежку опуститъ руку или посуду, то она поскребетъ дно, «шкрабня».

[3]) Зеленые стволы лука.

квасу и на ведерный горшокъ расталкивается одна полутора копеечная рыбка. «Ядзяць и спасибкаюць, во слава Богу хоць трохи жывотъ папарыць, а то усё йетый халадзецъ, да халадзецъ, ужо кйшки папримывау; бизъ гарачаго, па йетамъ щаумо и ногъ ня пацягнишъ, абрыдъ ужо йетый халадзецъ». Бабы въ Петровку заготовляютъ сухой соленый сыръ къ маслянкѣ, складываютъ его въ дежку и сверху, во избѣжаніе плѣсени, заливаютъ масломъ въ палецъ толщиною. Которая же изъ нихъ соберетъ трохи маслячка, то опять таки «ни дли свайой души», а скорѣй его свѣженькимъ« прадасць ци панамъ, ци жидамъ, да й хлѣбца купя».

Оттого-то въ Петровку мало и пѣсенъ слышится, развѣ какой нибудь подростокъ съ юной радости затянетъ пѣсенку, рвавши щавель, да скоро и затихнетъ.

На просьбу спѣть онъ отвѣчаетъ:

У Пятроуку усе ни прыгожыя пѣсни, кароткія, ни складныя.

Однако же какія?

Да ну—йихъ! Тамъ йетыя дзѣуки пяюць:

Кацилися вазы зъ гары,
Разсыпались перени,
Минулися дзявицкія
Пятроуськія пѣсни.

Ѣхали вазы зъ гары,
Разсыпались иглы,
Минулися дзявоцкія
Пятроуськія йгры.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда).

Во йету пяюць:
Я жыта пасѣяла,
Майо жыта родзя,
Я казака спалюбила
Йонъ да мяне ходзя.
Я ни стала жыта сѣяць,
Ни стала радзици,
Пиристала казака любици,
Ни стау йонъ хадзици.
Я табѣ ни зяць,
А ты мнѣ ня цьёща,
Вышли дачку на вулицу,
Уцьешъ майо серца.
Вышла дачка на вулицу,
Стала падъ вярбою,
Нихто яйе ни чапая,
Пашла яна у двору.
Катилися вазы зъ гары,
Паламались сьпицы.
Пашли нашы рыбятачки
На украйину жыци.
Пойшла жъ бы я даганяти,
Да боюся мати.
Била мине мая мàци
У новаи камнàци.
Ня би, мàци,
Ня би, мàци,
Цяперь ни навучышъ,
Спалюбила лидачаго,
Цяперь ни разлучышъ.

(Отъ 18-ти лѣтн. дѣвки, въ с. Михайловкѣ, Стародуб. уѣзда).

Хаджу, хаджу кала стану,
Вады ни дастану,
Сватай мянѣ, разсукинъ сынъ,
Ня уводзь у худу славу.
Хаджу, хаджу кала гаю,
Гаёчыкъ ня гнецца
Пройдуць лѣта маладйе,
Славачка минецца,
А я худой славы
Па вѣкъ ни баюся,
Ну, якъ выйду за вороты,
Атъ вѣтру валюся.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда).

29-го Іюня Петра и Павла. Разговѣны. Говядины за неимѣніемъ таковой не полагается, развѣ у кого курочка ильлецца (т. е. несетъ жировыя яица), тогда зарѣжутъ ее; разговляются же больше «каруннымъ», т. е. молочнымъ.

Въ этотъ день съ каждаго двора несутъ пастуху кувшинъ молока и навадзень хлѣба, въ то время, когда онъ возлѣ своей хаты начнетъ трубить въ трубу изъ бересты.

Іюль.

1-го числа Козьмы и Демьяна. Это простонародный измышленный праздникъ, такъ называемый Кузьма-сѣкачъ, который не щадя посѣчетъ все градомъ, если въ этотъ день работать.

Лѣтомъ, когда все земледѣльческое богатство сдано подъ открытое небо, въ охрану Божію, крестьянинъ съ надеждой и боязнью взираетъ на собирающіяся облака: поднимется ли вѣтеръ, зайдетъ ли солнышко въ хмару, уже у него болитъ сердце: «ци ня градавая туча, нехай Богъ крыя».

И дѣйствительно, какъ не бояться такой кары, которая въ одинъ часъ можетъ безъ всякой жалости уничтожить всю лѣтнюю работу и все годовое продовольствіе. Оттого, въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ самую рабочую пору, народъ старается чтить каждый праздникъ, боясь прогнѣвать какого нибудь святого. Въ Іюлѣ у нихъ насчитывается одиннадцать праздничныхъ дней, плюсъ четыре воскресныя и еще тезоименитство Государыни (22), что составитъ 16 праздниковъ, итого изъ 31 дн.=16 надо прогулять въ самую горячую, страдную пору.

2-го празднуютъ «риз-палаженьня» положеніе ризы пресвятыя Богородицы.

8-го «Казаньскія»—Казанской Божіей Матери.

10-го то же «риз-палаженьня» Положеніе ризы Господа Іисуса Христа.

11-го Вольги, т. е. Св. Ольги.

15-го Владымира—т. е. Св. Князя Владиміра.

20-го Ильи пророка. Этотъ день особенно чтятъ, боясь прогнѣвить пророка, который ѣздитъ по небу и производитъ громъ, градъ и проч.

22-го Тезоименитство нынѣ вдовствующей Государыни.

24-го Глѣба—Бориса, т. е. Бориса и Глѣба. Празднуютъ этихъ святыхъ только по случайному созвучію словъ Глѣбъ—хлѣбъ и возвели его въ покровители хлѣба и въ этотъ день особенно боятся града и грозы.

28-го Ягитрія, т. е. Одигитрія иконы Божіей Матери.

30-го Ивана-воина. Если желаютъ наказать и отмстить злѣйшему врагу и обидчику, то нанимаютъ священника отслужить молебенъ Ивану-воину, который послѣ молебствія пошлетъ обидчику страшное наказаніе.

На сѣнокосахъ.

Съ уборкой сѣнокосовъ у насъ не торопятся. Начинаютъ косить не раньше 10-го Іюля. Ждутъ, чтобъ трава пастарѣла, оттого, что такое сѣно, говорятъ они, спорнѣй, чѣмъ съ молодой травы и «скацына здаравѣй на живацѣ».

Падкашо̂на, падвалёна
Тра̂вушка зялёна,
Стала тра̂ука пасыха̂ци,
Тума̂нъ палягаци,
Дро̂бинъ до̂жджыкъ закурыуся,
Па̂рынь зъ дзѣвицай злюбиуся,
Йонъ и во̂лячки ряшыуся [1]).

Охъ и што каму за дзѣла,
Што дзѣвачка съ парнямъ сѣла,
Яна сѣла, пасядзѣла,
Пѣсянки запѣла,
Пра лѣсъ пра дубро̂ву,
Пра зялёную мурôву,
Траука зялена̂я—дзѣука малада̂я.

(въ с. Росухѣ въ 1897 г., отъ 65-лѣтн. женщины).

---

[1]) Отрѣшился.

Што-й у лѣси, да й на сѣнакоси
Парнишачка да траву кося,
Ѣжъ, мой коникъ, траву зилянуую,
Привязешъ мнѣ у дворъ
Жану маладую,
Харошую да прыгожую,
Вумную да разумную
Маладую да Адарачку.

(Отъ той же въ 1897 году).

Идзѣ зь милымъ пастаяла
Тамъ траука павäла.
Што—й—за мöстамъ
Травä кустамъ.
Прышоу милый
Травы касиць
Да—й стау гаварыць:
Бадай сѣна—агнёмъ сѣла
Каса зламйлася,
Да штобъ мая Тацянăчка
Да—й—ни журылася.
Зъ бăцькамъ, зъ маткай пасварюся,
Грихă набяруся,
Зъ милымъ дружкöмъ
Сустрѣнуся, ни нагаварюся.

(д. Водвинки, Мглинскаго уѣзда, въ 1896 г. отъ 60-лѣтн. женщины).

На жнивѣ.

Жать жито и косить сѣно начинаютъ у насъ между 10-мъ и 15-мъ Іюля.

Передъ жнивомъ въ полѣсьѣ рѣдко у кого есть свой хлѣбъ. И купить его негдѣ. кромѣ, какъ у «жида», который беретъ на каждомъ пудѣ по гривеннику лишняго.

А между тѣмъ, купленный хлѣбъ «крѣпко не спорeнъ», зато его ѣдятъ уже якъ прöскурку [1]), миркуюць [2]), чтобы хватило до новины, и ждутъ, не дождутся «пакуль жита паспѣя»...

Иная, проголодавшись, не прочь бы нажать и зеленоватаго, но ей этого не позволятъ, потому что, по народному повѣрью, стоитъ хоть разъ «рязануць сярпöмъ, нажаць хоць жменьку ни у уремья,—жита станя сохнуць и высыпацца».

Наконецъ давно желанный день насталъ, чуть разсвѣтало, всѣ потянулись съ серпами. Оставаться во время жнива дома по какой бы то ни было причинѣ и скучно и досадно. Каждая считаетъ за удовольствіе поскорѣй стать въ ряды «жанцоу». Не мёдъ ждетъ ее тамъ, но она любитъ свою страдную пору и ее тянетъ на ниву...

Тяжко съ ранней поры до поздняго вечера проработать серпомъ, согнувши спину, подъ палящимъ знойнымъ солнцемъ, но она никогда не промѣняетъ полевого труда на домашній, потому что въ чистомъ полѣ, на просторѣ, ускользаютъ временно и горькія думы и мелкія хлопоты о насущномъ. Остается, какъ кристалъ одинъ чистый трудъ безъ заботы.

Не даромъ въ одной жнивной пѣсни поется.

«Я тутъ заначую
И журбы нипачую».

Ой дамöу, дамöу [3]),
На дварѣ ни рăна
Расица прыпала.
Дамöу ни пайду,
Я тутъ заначую
И журбы ни пачую.
Якъ ляжу я спаць
Падъ лйпавымъ кустамъ
Падъ шырокимъ листамъ,
Рукăу пасцялю,
Другимъ напрянуся,
Я й никого ни баюся,
Тольки я баюся,
Што—й Господа Бога,
Да свайго нилюбöга.
Гасподзь—Богъ высока,
А не любъ далёка.
Гасподзь—Богъ у свѣци,
А не любъ у клѣци.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 г.).

---

[1]) Просфору. [2]) Расчисляютъ. [3]) Домой.

Долог и однообразенъ жаркій день на жнивѣ. Ни звука кругомъ... Безъ конца, колебляcь, шумятъ желтые колосья и убаюкиваютъ жницу тихимъ шелестомъ. Оттого подъ часъ нападаетъ на нее такого рода напасть, дремлется ей, бѣдной... она и сама не рада, но наклонитъ ея головаиьку ко сну, какъ клонитъ спѣлый колосокъ къ замлицѣ, а заснешъ—на сусѣдняй палосцы будуць смѣяцца. Въ этомъ случаѣ одно лѣкарство—пѣть, и вотъ является пѣсня, по неволѣ тянетъ она ее заунывнымъ напѣвомъ, какъ тянутся страдные дни, которымъ «нима ни канца, ни берягa».

Въ этихъ пѣсняхъ содержаніе берется изъ обыденной жизни, гдѣ большею частью злобой дня является всегдашній непримиримый врагъ: свекровь и вся мужняя родия.

Была у мяне свякруха лиха,
Паслала мяне маладу
У пȯля адну,
Я маладȧ—адна баюся,
Ни такъ баюся,
Якъ жаць ляиюся.
Я жыта ни жала,
А усе лижала.
Прашнулась—ужȯ ни рȧна,
Стала жаць,
Стала пилиаваць [1])
Нажала дзьвѣ капы и чатыри (снопа).
Пашла у дворъ—пахвалилася,
Ой мацъ, мая мацъ,
Я умарылася,
Якъ глянула у хату
Схамянулася [2])
На поли дзиця прызабылася,
Растакая ты, прайетакая,
Идзи, сука, б . . . дь,
Дзицятки шукаць.
Иду я поля, и другоя,
Усходжу я на трецьце,
Стаяць пȧлачки,
Висиць люличка,
Кала тыя люлячки
Да тры нянички сѣрыя:
Адзинъ кажа: я забавляу,
Другій кажа: я калыхȧу,
Трецьцій кажа я спавивау,
Хто забавляу, тэй ручку зламау—
Хто калыхау—тэй ножку атарвау,
А хто спавивау, той саусимъ укрȧу.

(с. Росуха, со словъ 30-лѣтн. женщины въ 1898 году).

Ажанила удоука [3])
Старшаго сыночка,
Узяла нявѣстачку
Ни у нарау сабѣ,
Ни на бѣла лицо,
Ни на чорны бровы.
Паѣхау сынъ у дарожачку,—
Маладая жана—у сьцьепъ леиу брацъ,
А ня родная матушка
Стала яйе клясць.
О сьцьепъ, ты мой сьцьепъ
Стань далинаю,
Маладая нявѣстка,
Стань—былинаю.
Пріѣжджая сынъ зъ дороги
Да—й—пытая сваю матухну:
Ой, мацъ мая, матухна,
Да йдзѣ-жъ мая жонушка?
Твая жана у сьцяпу лёнъ бярȇ,
Охъ я тамъ у сьцяпу быу,
И жанѝ ни видау,
Тольки—й—видȧу я
Тонкую былиначку,
Ой сынокъ мой, сынокъ,
Бяры ты сякȇру [4]),
Да ѣдзи у далину,
Да—й—сьсяки былину.
Першъ [5]) цюкнуу—нахилилася,
У други цюкнуу—павалилася.
У трецьци цюкнуу—абъявилася.
Ай, мужъ ты, мой мужъ,
Я твая жана.
Йета твая мaци
Такъ нарабила,
У сьцьяпу былинаю
Да—й нарадзила,
Нашихъ дробныхъ дзѣтачакъ,
Да—й пасирацила.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщ. въ 1896 г.).
(Ст. Шейнъ блр. пѣсни, т. I, ч. 1, стр. 399, № 486, 484, 489).

---

[1]) Усердно работать. [2]) Опомнилась.
[3]) Вдовы. [4]) Топоръ. [5]) Сперва.

Голубъ сызынькій—дружокъ миленькій
Завезъ мяне маладу на чужую старану,
Идзѣ роду нема, вялика семья,
Вялика семья вячерацъ стала,
А мяне маладу—паслали па ваду,
Къ вадзѣ ишла—силна плакала,
Ваду чэрпаушы, умывалася,
Своимъ шытымъ рукавомъ утиралася
А у сѣни выйшла—прислухалася,
Што вялика семья гавôря:
Вялика семья мужа навôдзя,
Чаму ты жаны ня бьешъ, ни дзярешъ?
За што яйе бицъ?—што умѣя рабицъ?
И усимъ наравицъ?
Пашла жана у клѣцъ,
Мужъ за йою у слѣдъ,
Зьдзѣу [1]) съ крюка плецъ.
Стау жану сѣчъ.
Узяу цапôкъ,
Стау жану бицъ,
Ни папау па жанѣ,
Да па новай сцянѣ,
Новая сцяна увагнулася,
Маладая жана улякнулася [2]),
Силна крѣпка яна занядужала [3]),
А къ нядзѣли у начы
Богу душачку атдала.

(Отъ той же въ 1896 году).

Якъ паѣхау мой мужикъ
Гарôду—пахаци,
Напахау-жа йонъ гарôду
На гряду квасôли,
Да—й—прыѣхау да доманьку.
Стау жôнку прасици—
Идзи, жонка, идзи, любка,
Квасоли садзици.
Пасадзила я квасôлю
И пайшла да дому,
Заглянула у шыночыкъ
Сядзицъ мужъ съ кумôю,
Няужô-жъ [4]) табѣ, кума мая,
У дварѣ йима дзѣла,
Што-ты зъ майимъ чалавѣкамъ
У шинку засѣла?
А я свайо, кума, дзѣла
Яще учôра парабйла,
А я твайго чаловѣка
Дауно спалюбила.
Идзи, жонка, идзи, любка,
Вячерю варыци,
Стау яйе мужычокъ
Да сильна прасйци,
Наварыла баршу—кашы
Усё поуныя чашы,
Атвярнулась у куточыкъ,
Паплакала трошки,
Нагнулася къ полу—
Упёрлась палою.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 г.).

Якъ пайду я лугамъ,
Мой миленькій паша плугамъ,
Панясу яму я ѣсци,
Ци ня скажа йонъ мнѣ сѐсьци,
Панясу яму я пиць,
Ци ня будзя гаманйць [5]).
Йонъ наѣуся и напиуся,
Сѣу на плугъ да—й—зажурыуся,
Атчаго ты, милъ, заплакау,
Ци ты лѣта свайи утрацну,
Ци вылѣзли табѣ вôчи,
Ци ты сватау мянѣ нôччы?
Было свѣтла запалйци,
У сусѣдзій распрасици.

(д. Новые Ивойтенки, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 года Мглинскаго уѣзда).

Извиуся хмѣль
Зь бёрёзаю зилянôю,
Нажыуся Лявонъ
Жъ жанôй маладôю.
Нанасиуся сарочакъ бялѐнькихъ,
Штаноу альлянѐнькихъ.
Богъ яму дау
Жану маладую
Сямъю висялую:
У поля идуцъ,
Якъ пчелки гудуцъ,
Да усё баравыя.
Сы поля идуцъ—
Пѣсянки паюцъ,
Да усё жниуныя.

(отъ той же въ 1899 году).

---

[1]) Снялъ. [2]) Испугалася. [3]) Заболѣла. [4]) Неужели. [5]) Говорить.

Што—й вы мушки, комарыки майе,
Ни отъ кусаньня галава мая балиць
Атъ галдуки бѣла личанька [1]) гарыць
Што—й—гарыць, яно гарыць,
Свайму горю—наравиць.
Охъ и хто-жъ майму горю памджа
Охъ и хто-жъ майго дружка угавдря?
И хто-жъ яго съ пдударги вѣрня? [2])
Ахъ! вярнись ты, мой миленькій дружокъ,
Пойдзимъ мы у зялёнинькій садокъ,
Тамъ мы сядзимъ падъ ракитовымъ кустомъ,
Пагавдрымъ пра жѣцьцё, быцьцё свайо,
Пра вяликую любду, якова любоу на свѣци
цижала,
Разлучила насъ ни мѣсяцъ, ни заря,
Разлучила чужа далня старана
Да Маскоуськая слабада.

(Со словъ 45-лѣтн. женщины въ д. Жуково, Мглинскаго уѣзда въ 1897 году).

У Кіяви малчыкъ радзиуся,
У Пяцянбурси [3]) йонъ хряцпуся,
У дзярдунюшку жыць папду.
Найшли на Ванячку забдты,
Дзирявеньскія работы,
Йонъ и ночку мала спду,
Па Пйцяру гариваў,
Якъ паслала Йвана маци
Яравого жыта жаци.
Узыходзя Йванъ на нйуку,
Бярдцца за каласйнку,
Вджка Ваня уздыхаў,
Ни снапочка ни нажду.
Найшла на Йвана скука,
Парѣзаў йонъ бѣлые руки,
Палилася нѣжна крду,
Яго сударушка прыбяжала,
Платкдмъ руку завизала,
Штобъ крду ни цякла [4]),
Пайду къ матушцы далажуся,
Ка сударушки спрашуся,
Ты пазволь мнѣ, мая маць,
Къ сударушки пагуляць.

(д. Шапочка, отъ 22-лѣтн. женщины въ 1898 году, Мглинскаго уѣзда).

Бѣлая бярёза пры шляху стаяла,
Што—й тую бярёзу—хто йдзе, тэй
рубдя,
Мяне маладу свёкаръ бьець, ругдя,
Охъ Божа, мой Божа, милъ мяне нялюбя.
Са мной ня гаворя,
Вѣчаръ кудры чэша,
У пдуначъ гуляць хдодзя,
А къ свѣту прыходзя.
Йонъ лажыцца спацьки
У край—карвдтки [5]),
Къ спянѣ вачдмы,
А ка мнѣ плачдмы,
Да—й цяжка уздыхдя,
Охъ Божа-жъ мой, Божа,
Хто мянѣ разуя,
Хоць разъ пацалуя.
Миленькій дружочыкъ,
Хадзи, я раззую,
Хоць семъ пацалую.
Атступися, ня любдя,
Йосць у мянѣ другая.

(Отъ той же въ 1899 году).

Въ д. Лупекахъ предъидущую пѣсню поютъ такъ:

Што мнѣ горя гаревдньняйка,
Цижалёнькая уздыханьняйка,
Цижалѣй таго ня будзя,
Да што мужъ жаны ня любя.
Йонъ ня любя, ни жалѣя,
Сы вѣчара кудры чэша,
Сы паўночы гуляць ходзя,
Къ бѣлу свѣту прыхдодзя,
Ой што стукъ пастукъ у вардты,
Ой да брязь па брязь калечка,
Жанѣ шельми ни славечка.
Атчиняй, жана, вардты,
Идзьё миленькій зъ рабдты,
Што—й дми [6]), жана, лучину,
Станоу жана вячэрю,
Сьцяли мдккую пасцёлю.
Сюды, миленькій, разуйю,
Я й разую, я й раздзѣну,
Зеленъ кафтанъ разьвѣшу.
Атступися, ня любая,
Йосць у мяне другдя.
Хоць у цябѣ тры чатырд,
Я надъ йими надъ усимы,
Я надъ йими и старшдя и бдлшая,
Я съ тобой на одномъ рушничку стаяла,
Вѣрна Богу прысягала.

(со сл. 40-лѣтн. женщины въ 1899 г. въ д. Лупекахъ, Стародубскаго уѣзда).

---

[1]) Лицо. [2]) Воротить. [3]) Петербургъ. [4]) Отъ сл. течь, текла. [5]) Кровать. [6]) Дуй.

Падъ гарою авёсъ,
А на гарэ жита.
Падъ бѣлаю бярёзаю
Казаченька убитый.
Йонъ убитъ, убитъ,
Укинутъ у жыта,
Чырвонаю китайкаю [1])
Личанька накрыта.
Прышла дзяучына
Щъ чорными вачамы
Падняла китайку
Да й пацалавала,
Прышла другая,
То ни такая.
Прышла трецця
Зъ рубленыя хаты,
Падняла китаячку
Да й стала пытаци:
Ци ты пьянъ упиуся,
Ци съ каня звалиуся,
Ци зъ другой спазнауся,
Атъ мянѣ тцурауся.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Литала сѣрая пиряпёлка
Да па жотаму полю,
Шукала сѣрая пиряпёлка
Свайго гнядзечка,
Идзѣ лижала яйе яйечка,
Идзѣ дзѣтки сядзѣли,
И у палётъ паляцьели.
Хадзила бѣдная сирацинка
Па багатаму полю,
Шукала бѣдная сирацинка
Свайго роднаго бацьки,
А знайшла студзеную вадзицу
У рубляномъ калодцу.
Ускалыхнися вада
У рублёнамъ калодцу,
Атгукнися, мой бацюшка,
На чужой старонцы.
Ни скалыхнулася вада
У рубляномъ калодцы,
Ни атгукнуўся бацюшка
На чужой старонцы.

(с. Човпня, Стародубскаго уѣзда, со словъ 59-лѣтн. женщины въ 1899 году).
(См. Шейнъ, блр. пѣсни. Стр. 256. № 285, 284. Стр. 424, № 520).

Ой ты, силязенька крылушки быстреньки,
Галоука сызенька,
Праляци поля шырокае, жыта ядрёная,
Принеси бацькабу нѣгу
Къ ня любаму свёкру,
Што—й у свекра мяне
Якъ анучкаю [2]) труць—
Свёкрава лютасць
И у дзвери ня лѣзя,
А бацькава нѣга,
Якъ жаркая сонькяйка.

(Отъ той же въ 1899 году).

У поли пшаница
Каласочки клича,
Коласамъ махая,
Голасамъ гукая—
Хоць мянѣ сажницця,
Хоць у стволъ пусцицця,
Ни магу стаяци,
Коласу дзиржаци,
Красная дзяучына
Па двару хадзила,
Зъ бацькамъ гаманила—
Хоць мянѣ атдайця,
Хоць зяця прымайця,
Ни могу хадзици,
Русыхъ косъ насици.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 18-лѣтн. дѣвушки въ 1895 году).
(См. Шейнъ, бѣлор. пѣс. Т. 1, ч. 1, стр. 193, 194. № 196 и 197).

Съ весны дѣвки поютъ пѣсни про милыхъ дружковъ, и бабы, конечно, дѣвицкихъ пѣсенъ не поютъ; но на живѣ и тѣ и другія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни. И любимая пѣсня о нелюбомъ свёкрѣ.

Ни шалохня да буёнъ вициророчыкъ
Па багатому полю,
Ни кахохня [3]) нярродная мацп
Па чужому дзицяци,
Ня пытая, ци вялика дароржка,
Ци баляць ручки ножки,

[1]) Марля. [2]) Тряпкою. [3]) Не вздохнетъ.

Цы балиць сярѐдзвника, [1])?
А яна пытая,
Ци багата нажала,
Скольки копъ наклала?
Вѣя вицярочыкъ
Па чыстаму полю,
Журыцца рѡдная маци
Па свайму дзицяци,
А яна пытая,
Ци багата нажала
Кѡльки копъ наклала?
А яна пытая:
Ци вялика дарѡжка,
Ци баляць ручки ножки,
Ци балиць сярѐдзинка?

(с. Кожемяки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 19-лѣтн. дѣвки въ 1899 г.).

Расьцьѐ трава безкарѐнная,
А я малада—безрѡдная.
Тольки у мяне рѡду,
Што адзинъ свѐкаръ.
Биць—журыць
Мяне йосць камў,
Пажалѣць мяне нѐкаму.
Свѐкарька рѡдный, та̀тухна!
Пажалѣй мяне хоць ты трошачки!
Свѐкарька жалѣя:
Вѡжачки бярѐ,
Мяне бѡлна бъйе.
Набйуши бѡлна,
Самъ у пиръ пашѡу.
У пиру сядзиць
Выхваляйица:
Дѡбре биць чужѡя дзиця̀,
Чужоя дзиця ни супѡрлива [2]),
Яно у споръ няйдзець
Ни т'бивяйицца,
Тольки слёзками
Абливайицца,
Ой дау жа мнѣ свекаръ крали,
Крали добрыя.
Нявѣстухна, ты дзица майо,
Няси крали, ни развя̀зывай,
Цярпи горя—ни разсказавай!
Свѐкарька, рѡдный та̀тухна,
Панасйуши крали,—развязаць трѐба,
Цярпѐуши горя—разсказаць трѐба.

(Отъ той же въ 1899 году).

Вѣцяръ вѣе,
Тра̀уку суша,
Игнатъ жану журя:
Жана мая Парасачка,
Жана мая Иванауна,
Пи вино—ни упивайся
Расьци дзѣтакъ—ни ста̀рѣйся
Дзяржи хазяйства—ни журыся.
Игнацячка, ты, Данйлавичъ,
Пиушы медъ—вино, пъянъ будзишъ,
Расциушы дзѣтакъ—будзишъ старицца
Дзиржаушы хазяйства журлйу будзишъ

(Отъ той же въ 1899 году).

«На дабра̀начъ да-й Гѡсподу Богу!
Жыта ядрёная, добрый вечаръ!
И свёкру й свякрўси
И ня любаму дрўзи!»
А нихто маладзѣ [3])
Слова ни прамоуя,
Серца ни ражжаля. [4])
Прамовила малада
Ня любаму дружыни
У нѡвай каморы,
На бѣлинькамъ ложы,
Свекруха й ка̀же:
Вы бяриця, да па калў у руки,
Праганиця са двара
Лютаю мядзьвѣдзицу».
«На што мяне биць
Я сама зъ двара пайду,
Ручки защапиўшы,
Къ серцу прилажиушы.
Сяду я на бѣлай бярёзи
При пуци̇ при дарѡзи,
Ня буду я кукаваци,
Якъ сѣрая вязюличка.
Да буду я праклина̀ци
Свекра и свякруху
И ня люба друга,
Няси, Божа, тучу грамавўю
Зъ буйными дажджа̀мы,
Уби Божа свекра и свякруху
И ня люба друга,
Свёкра у дарѡзи,
Свякруху на пардзи
А ня любага лада
У новай каморы,
На бѣлинькамъ ложы.

(Отъ той же въ 1899 году).

---

[1]) Спина. [2]) Не сопротивляется. [3]) Молодой. [4]) Разжалобить.

Зѐлина, зѐлина калѝначка у лу̀зи,
Йена зѐлена зломлина.
Хто жъ яйе злама̀у?
Салавейки—вирябейки,
Усё мелкія пташки.
Мо̀лада, мо̀лада Арыначка у бацьки,
Йена маладà заручо̀на,
Хто-жъ яйе заручы̀у?
Пандуйе, сватоуйе,
Усё дзѝуныя баяры
Прыѣхали къ йой
На варо̀номъ канёчку
У мулыва̀номъ вазочку,
Зъ маладымъ парянёчкамъ,
Пасадзили у вазочыкъ
Зъ маладымъ парянёчкамъ.
Павязали яйе усе лугамы, бирягамы
Калинавымъ мо̀стамъ.
Привязлѝ яйе у сяло̀ вялѝкая
Къ багàтаму ка двару.
Да и вышли жъ и къ йой
Свекаръ и свякруха,
Залду̀ки лютду̀ки,
Дзивяречки—братòчки
Стали яйе витаць [1]) и пытàць
Ума прахаждаць.
Ци умѣешъ, Арыначка,
Чо̀рнымъ шо̀укамъ шыць
И зо̀латамъ вышиваць?
Я ня умѣю чо̀рнымъ шо̀укомъ шыци
И зо̀латамъ вышывàци,
Тольки—й—умѣю
Йядрёная жыта жàци
У ко̀пачки класьци.

(Со словъ той же въ 1899 году).

Што у поли ни буёнъ вѣциръ вѣя,
Тамъ удоука да пшаничаньку сѣя.
Пасѣяушы, яна Бога прасила:
Кали жъ бы мая да пшаница урадзила,
Тады жъ бы я свайго сына жанила.
Яще удоука да да дому ни дайшла,
Да ужо-жъ яйе да пшаничанька узыйшла
Яще удоука да на лàуцы ня сѣла,
А ужо-жъ удоукина да пшаница паспѣла.
Пашла удоука да пшанѝчаньки жàци,
Якъ выжала пиряпёлачку зь дзѣцьмы
Дзѣтки жъ майе, да прапала жъ я зъ вамы,
Матка наша ня журыся ты намы,
Парасуцьмъ жа мы,—паляцимъ жа мы сàмы,
Паляцимъ жа мы, да на синяя моря, на жаутыя пяски.

(Въ 1858 году заучено мною отъ 20 лѣт. дѣвк.).

Ня вѣйця вы, вѣтры,
Зъ гары да до̀му
Съ чыстаго по̀ля
Ни наносьцы, вѣтры,
Майму тàтухни вѣсци,
Мамухни жалосьци,
Што-й-жыву я ни у любо̀сци
Ни жыву—гарюю,
Усё бяду бядую.
Закурыуся сѝленъ дробнинъ дожджыкъ
Па багàтаму полю,
Зажурыуся мой татухна ро̀дный
На свайой старонцы,
Па майой го̀рькой до̀лцы.
А курысь, ни курысь, дробенъ дожджыкъ,
Па жо̀утому полю,
Журы̀сь, ни журысь, мой тàтухна родный,
У канцы карватки стаю̀,
Пасцьелячки ни сцялю.
Ужо жъ мая пасцьелька
Атъ слёзакъ макрэнька.
Ужо-жъ майо адзѣяла у нагàхъ ляжыць,
Ужо мая разлука у галдукахъ стайиць
Мянѣ разлучàя.

(с. Горяны, Мглинскаго у., отъ 18 лѣт. дѣвки, въ 1899 г.).

---

[1]) Привѣтствовать.

Да ни запякай,
Ты жаркая сонца,
Майго бѣлаго лица,
Да майо лицо
Визъ бялйла бѣла,
Бизъ красила-красна.

Вѣлилячка—да на мóры,
Кримлячко—у камóры.
Ну-ця—ну-ця, ще папилнуйця
Вячерняй парой,
Халадкóмъ зъ расой,
Сярпомъ—ни касою.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18-лѣт. дѣвки, въ 1898 г.).

У вѐчары у вечарóчку
Гнала дзѣвица карóу,
Спусцилася къ ручаёчку,
На зялёнинькій лужóкъ
Ѣдзя барынъ маладый,
Параунауся са мной.
Раскажы-ка ты, дзяучóнка,
Съ котораго ты сяла?
Изъ Пятроускаго сяла,

Я хрисцянка твая.
Кали ты мая хрисцянка,
Пóйдзишъ замужъ за мянѣ,
Што-й-ня можна таму стаць,
Штобъ пáну хрисцянку узяць.
Ой пабачышъ ты сама,
Якова твая судзьба:
Ты сы вечара хрисцянка,
Къ бѣлу свѣту гаспажа.

(Отъ той-же, въ 1898 г.).

На закаци жаркая соньняйка, на закáци,
На выѣздзи мой милинькій, на выѣздзи,
Стала я сваймy мйламу да прыказавацъ—
У вяликій химѣль, мой милинькій, ни упивайся,
У вяликій сонъ, мой милинькій, ни усыпайся,
У вяликую любóу ни удавáйся
Вяликій химѣль, мой милинькій, бизгалóуйе,
Вяликій сонъ, мой милинькій—низдароуйе,
Вяликая любоу, мой милинькій, абгавóрьря [1]).

(с. Манѣки, Новозыбковскаго уѣзда со словъ 25-лѣт. женщ. въ 1897 г.).

Августъ.

1-го числа праздникъ «Макáуя» т. е. Макавеевъ. Послѣ литургіи крестный ходъ и водосвятіе на рѣкѣ. Съ этого дня начинается спасовскій постъ. Это и есть: «спасаука-ласаука». Кромѣ того, что теперь въ каждомъ дворѣ есть свой собственный новый хлѣбъ, уже и картошка поспѣла—маладая янажъ смашна. На грядахъ и буракъ и капуста и гуркй у гародниковъ ни па чёмъ. Теперь уже дѣлаютъ холодецъ изъ свеклы и крошатъ туда огурцы. Это довольно вкусное блюдо. А кійки [2]) парные развѣ не харчъ, благодареніе Господу Богу! Затѣмъ нѣкоторые нажали и намолотили ячменю. Бабы скорѣй натолкли въ ступѣ ячменныхъ крупъ, прапылали ихъ въ ночвахъ и наварили ячменной каши (жидкій супъ).

Надо замѣтить, что всѣ эти столь лакомыя кушанья приготовляются тоже нищимныя», т. е. ни съ чѣмъ, по той причинѣ, что «у спасоуку» малоко и сало—грѣхъ ѣсць, а алѣю яще нема.

6-го Спасъ—Преображеніе Господне. Приносятъ святить въ церковь жито и яблоки. Бабы до Спаса не ѣдять яблокъ, особенно тѣ, у кого есть умершія дѣти, а то въ этотъ день: «тамъ на нѣби дзицьенку ни дадуць яблачка, штобъ матка да спаса нялѣла».

15-го Первая Прячыстая. (т. е. Успеніе Богородицы). День разговѣнъ. Ѣдятъ больше молочное, или съ саломъ свиннымъ. Во всеобщемъ употребленіи «маканьня», т. е. горячія ржаныя пампушки, облитыя творогомъ со сметаною.

18-го Хралы-й-Лáуры т. е. Фрола и Лавра. Этотъ день чтятъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ устроены храмы во имя этихъ святыхъ.

29-го Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Постъ; не ѣдятъ фруктовъ, которые имѣютъ подобіе головъ.

---

[1]) Осужденье. [2]) Кукуруза.

Въ среднихъ числахъ Августа жниво приходитъ къ концу. Вотъ настаетъ моментъ, когда какая нибудь семья дожинаетъ послѣднее жито.

«Пакинуць на барадỳ!» Командуетъ старшая. Серпы торжественно окладываются. Всѣ становятся передъ недожатымъ мѣстомъ, бьютъ земные поклоны, прочитываютъ повседневныя молитвы, и затѣмъ старшая невѣстка сжинаетъ оставленную барадỳ въ одинъ снопъ, на корнѣ оставляютъ три колоска и завязываютъ ихъ красной ниткой и снова благоговѣйно молятся. Подъ конецъ зарываютъ тутъ же краюшку хлѣба съ слѣдующими словами:

Ниука, ниука, атдай сваю силку
На ниву—гнаёкъ,
На скацинку—лаёкъ, [1])
А намъ на добрая здарòуя.

Во время крѣпостничества, да и теперь въ большихъ экономіяхъ жницы изъ послѣдняго жита плетутъ вѣнокъ и торжественно несутъ его къ владѣльцу помѣщику или управляющему съ пѣснями:

А мы свайму пану
Учынили славу:
Усё жыта пажали
И у копы паклали,
Атку̇тайця варòты,
Идземъ мы зъ работы,
Раставляйця сталы̇ цясавые,
Вынасиця миски, тарелки
И па чарцы горэлки

(Заучено мною въ 1858 г. со словъ дворовыхъ).

У добраго пана за вѣнокъ полагалось угощеніе. На собственномъ же полѣ крестьянамъ некогда заниматься этими пустяками, они несутъ снопъ домой и ставятъ его на пòкутѣ, потомъ обмалачиваютъ и прячутъ зерна къ слѣдующему году, чтобы 6-го Августа на Спаса освятить его и святымъ житомъ засѣять первую полосу.

Обжинки—это такое радостное хозяйственное празднество, что его требуется чѣмъ нибудь ознаменовать: вотъ къ вечеру въ этотъ день и принято печь ситные пироги съ кашей или картофелемъ. Но какъ ни просто это кушанье, на повѣрку оказывается что оно не по карману земледѣльцу въ данное время, именно потому, что всегда жито дожинаютъ въ спасовъ постъ, когда по деревнямъ «нима ни росочки алѣю, а пираги нищимные, якавы йены». Такимъ образомъ оказывается, что нужда и обычай измѣняетъ.

Однако и послѣ обжинокъ бабской спинѣ нѣтъ отдыху: треба жаць ячмень, авесъ, прòса, гречку качаць и затѣмъ приступать къ прочимъ осеннимъ работамъ.

Въ погожую осень поютъ онѣ на работахъ осеннія пѣсни, въ родѣ того напр.

Грэя, грэя соньняйка
Ни па лѣтняму,
Любя паринь дзѣвачку
Ни па прежнаму

(с. Разсухи въ 1899 году, отъ 18-лѣт. дѣвки).

Осеннія работы въ деревнѣ всегда одна спѣшнѣй другой. Пойдутъ ли дожди, хозяинъ: «Божа жъ мой, гречачка у поли пагніець, а йета жъ самая надежная харчъ и скацины и сабѣ. «Житныя и яровыя копы бьютъ въ полѣ чужіе кони,—некогда перевезть на гумно, потому что «хлѣбъ ни атсѣянъ».

Но вотъ проглянуло солнышко, стало на пагоду, и задвигался, закопошился народъ въ полѣ, какъ мошки. Везутъ, несутъ, тащутъ зимніе запасы въ дворъ, какъ мурашки къ муравейнику, а все для того, чтобъ было что «въ лѣвую рỳку взять [2]).

Весь Августъ, начиная отъ Спаса (6-го) и пашутъ и сѣютъ хлѣбъ къ будущему году и не мало положатъ труда и прольютъ пота, прежде чѣмъ вскорпаютъ свое и примитивной сошкой всю эту площадь, видимую глазомъ на горизонтѣ. Но вотъ наконецъ бросаетъ онъ послѣднюю горсть сѣмянъ въ землю, забараниваетъ и многотрудному дѣлу конецъ. Кладетъ онъ на своемъ полѣ двѣ горсти соломы крестомъ, накладываетъ камушки, чтобы вѣтеръ не сдулъ, снимаетъ шапку и усердно молится: «зарадзи, Божа, и на крадящаго и на прасящаго и на усякаго добраго чаловѣка».

---

[1]) жиръ. [2]) въ лѣвой рукѣ хлѣбъ, а въ правой ложки.

Это—обработки, весьма радостный праздникъ во дворѣ.

На обработкахъ къ «вячерѣ пякуць пираги ржаныя, рѣжуць баранчыка бяруць съ кварту водки и завуць свайихъ харошыхъ сусѣдзей.

Такъ какъ осенью народъ сытъ, то и пѣсни то и пѣсни раздаются гораздо чаще, чѣмъ весной.

Наляцѣли журавы
Изъ чужыя стараны,
Сѣли, пали на ральлѝ [2])
Да—й расказавали:
Сягѐ лѣта плохій годъ,
Плѐха жыта, плѐха ярь.
На раннямъ жыщи
Да жанцы жнуць,
А на позняиъ
У косы бьюць.
Дурный бацька
Дурнямъ стаў,
Што другую жѐнку узяу.
Йонъ съ перваю дзяцей маў
А зъ другою разагнаў.
Ходзя бацька па двару,
Нахилиушы галаву,
Живи-жъ, бацька, якъ Богъ дау,
Кали дзяцей разагнау,
Якъ будзишъ ты памирацъ,
Ня пойдзимъ мы паминаць.

Горя майо вялѝкая,
Зъ горя ножачки ня хѐдзюць,
Ручки дзѣлячка ня рѐбюць,
Мянѣ дзѣвочку здурыли,
Съ плечъ галовачку звалили,
Зь бѣла лица красачку зиянили.
Мянѣ милый пакидая
У дарѐжку атъѣжджая,
Якъ вышла я у чыста пѐля
Ляцицъ голубъ сизакрылый
И пытая: йдзѣ твой милый?
Мой миливькій на рабѐци
У сахарнамъ у заводзи,
Идзѣ днуя, йдзѣ начуя
Возьмя тапоръ, да-й-майструя.
Яго хазяинъ панукая
И хазяйка наругая,
Усё треба цярпѣць.

(с. Жуково, Мглинскаго у., со сл. 40-лѣт. женщины, въ 1896 г.).

Съ весны крестьяне наши ходятъ на заработки на Донъ. Осенью возвращаются, и не рѣдко жена или невѣста вмѣсто своего милаго получаютъ вѣсть о его смерти [2]). Оттого слѣдующую пѣсню поютъ непремѣнно «падъ восень».

Шуме гудве зялёная дубрѐука,
Плача и рыдая маладая удоука.
Уси зъ Дону идуць,
А майго милаго каня вядуць.
Пайду, пайду, каня разсѣдлаю,
Пра свайго дружка распытаю.
Охъ ты, конь мой, сивогрывый,
Скажы праўду, йдзѣ мой милый?
Твой милъ убитый ляжыць,
У правай руцѣ хрестъ дзяржыць,
Лѣваю ваду набирая
Да на серца паливая,
Таварышу рѣчи размауляя—
Таварышу, рѐдный брацику,
Якъ пойдзишъ ты на маю староначку,
Накажы ты майму роду,
Ни такъ роду, якъ майой жанѣ,
Маладой удовачки,
Нехай яна мянѣ не жджe!
Нехай замужъ идзе,
Пакуль мянѣ даждецца,
У волю у свѣци нажывецца

(Со сл. 25-лѣт. женщины, дер. Шапочка, въ 1896 г.).

См. Шейнъ, Бѣл. пѣс., т. I, ч. 1, стр. 479, № 590.

Уси лугѝ и балоцяки вада панялà,
У садзи игруша, ябланя цвѣтамъ зацвила,
Тѐй парой, у тѐя урємъячка мянѣ маци радзила,
А, радзиушы, матухна дѐли ни дала,
Ни давяла да разума, у чужы людзи атдала
У тую старонку низнакѐмую,
У тую сямъю ни вяселую.

---

[1]) паренина, т. е. смѣна подъ паромъ.

[2]) это конечно старая казацкая пѣсня, тутъ же и конь говоритъ. Ред.

Якъ скинусь я, малада, сѣрай зязюляй,
Палячу я, малада, у сваю старонку
Сяду я, малада, у бацькавамъ садочку,
Да закукаю зязюличкай сѣрай.
Родный мой бацюшка
Па сѣнямъ ходзя,
Нявѣстушакъ, ластушакъ пабуджая
И къ садзику прыслухаицца.
Што-й у нашамъ садзику
Жалабно пяюць
Ци саловьюшка, ци зязюля сѣрая?
Болшый братъ кажа: пайду падстрялю
Средній кажа: пайду пагляджу,
Мязёный кажа: пайду йой скажу:
Кали салавейка—вылятай съ саду вонъ,
Кали наша горькая—хадзи къ намъ на
двoръ,
Сядзь ты горькая за тясовый столъ,
Раскажы ты, бѣдная, пра свайо жыцьцё.
Радзимый мой бацюшка, што я вамъ скажу
Зелянъ лѣсъ, дубровачка бизъ вѣтру шу-
миць
Чужый ацецъ—маць бизъ пары журюць.

(д. Жуково, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщ. въ 1895 г.)

Што-й за гаемъ зиляненькимъ
Брала дзѣука лёнъ бялёнькій,
Яна брала, къ сырой зямля прилягала,
Горьки слёзы праливала:
Охъ лёнъ, мой лёнъ ты бялёнькій,
А хто-жъ цябѣ сѣйиу? мой миленькій
Парнишачка маладзёнькій,
Чую, чую я нядолиньку сваю,
Што ня быць яму у даму,
А быць молайцу у някруцкамъ у наборы
У салдацкамъ у прыборы.

(д. Невзорова, Стародубскаго у. отъ 55 лѣт. женщ. въ 1896 г.)

Мядуница, мядуница луговая!
Чаго ни цвяцёшъ па усёмъ лузи, па зя-
лёнамъ?
Якъ жа я буду цвѣсть па усёмъ лузи,
Мошки цвѣцики абъядаюць,
Вады корни падмываюць,
Маладзица, маладзица маладая,
Учомъ ня ходзишъ на вулицу на шы-
рокую?
Якъ жа мнѣ на вулицу хадзиць
Што свякруха кажа—сакатуха, растанпыца,
А залоука кажа—лидачая пахмурница
Свекаръ кажа—мядьвѣдзица лисавая,
Милый кажа—маладзица маладая.
Сардка сакатуха па падъ колью,
Растанчыца дачка у бацьки,
Пахмурница—цьёмна ночка цямнюсинька,
Мядьвѣдзица у цёмнамъ лѣси цямнюсинь-
комъ.

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 40 лѣт. ж. въ 1899 г.)

Па полю, па полю
Полю чыстаму
Тамъ бягуць, бягуць
Ваукй сѣрыя,
Нясуць галаву чалавѣччу.
Тамъ па морю, морю синяму.
Тамъ лижаць брусы,
Брусы цёсанные,
Што-й па тыхъ па брусахъ
Братъ съ сястрою ишоу.

(с. Кожемяки, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1896 году).

Въ с. Гарянахъ, Мглинск. у. поютъ какъ бы продолженіе вышепомѣщенной пѣсни, записано въ 1899 г. отъ 19 лѣт. дѣвки.

Вратъ кы бережку йшоу,
Сястра патанула,
Рѣчы мовила:
Ня пи, брацецъ, зъ моря вады,
То усё кроумая
Ня ѣжъ, брацецъ, зъ моря рыбы,
То усё цвела майо.
Ни каси брацецъ травы,
То каса мая,
Ни ламай калины,
То краса мая,
Ни щипли смародзины,
То дзявощина мая.

Сентябрь.

6-е «Чуды», т. е. Чудо св. Архистратига Михаила. По церковному уставу праздника не полагается, а потому священникъ никогда объ этомъ днѣ и не напоминаетъ прихожанамъ. Но народъ своихъ собственныхъ излюбленныхъ праздниковъ никогда не забудетъ.

Память неграмотнаго крестьянина есть самый точный и вѣрный календарь праздниковъ текущаго года. Крестьянинъ ведетъ свое счисленіе времени недѣлями и хоть за полгода и болѣе онъ вамъ разскажетъ, въ какой день недѣли будетъ извѣстнаго ему святого, когда заговѣнье, длиненъ ли мясоѣдъ, сколько недѣль Петровки въ этомъ году. Особенно бабы, эти архиваріусы всѣхъ предразсудковъ, никогда не ошибутся въ своихъ вычисленіяхъ, и заранѣе всегда объявятъ: «што у чацвѣргъ будуць чуды».

Причины празднованія слѣдующія: кромѣ боязни градобитія у крестьянъ есть еще стихійная боязнь огня и пожара; вотъ и придумали они себѣ праздникъ: значитъ, нельзя сушить овинъ, молотить: «Божа храни, нильга тапиць печку да васхода сонца, а то агонь, вылятая съ печи, скача па хаци, ажны чутна якъ вымауляе: чуды, чуды, чуды. Тиды ужо, якъ хто йосць у хацѣ, треба стишицца и утаиць духъ. Агонь пагуляя, пагуляя, да назадъ у печки и пойдзя. Такъ и на гумнѣ бывая, хто асмилицца у йстый дзень цяпло класць.

Въ нашихъ мѣстахъ, хотя рѣдко, но можно еще найти остатки преданія о поклоненіи огню. Въ д. Выстриковѣ, Стародубскаго уѣзда еще недавно умеръ старикъ, который «непрямѣнно клаушы цяпло падъ авинъ, пирядъ тымъ якъ запалиць агонь свимау шапку и хрестицца и кажа: .. да а Вог-дра». Если вамъ удалось бы вызвать его на откровенность, то на вопросъ, кому ты говоришь: дай Боже здравствовать? онъ отвѣтитъ: «Каму? Пѣруну, съ агнемъ ни валикія шутки! Такъ старые людзи дзѣлали, и насъ навучыли, штобъ благапалучна было съ агнёмъ, а то крый Божа чаго и гуменца сгарыць».

Возлѣ деревни Галибисова, Стародубскаго уѣзда есть мѣсто, усѣянное курганами, гдѣ крестьяне находятъ иногда изъ чернаго кремня предметы, выдѣланные на подобіе плоской ложки съ заостреннымъ концомъ. Они называютъ этотъ предметъ и «грамовая стрѣла». Если ее сохранять въ домѣ, то въ хозяйствѣ и во всемъ прочемъ будетъ великое счастье: «багатства будзя низводная», при одномъ только условіи, если только стрѣлу хранить въ тайнѣ и никому не показывать.

Что преданіе о Перунѣ и богѣ грома живетъ еще и теперь, видно изъ слѣдующаго предразсудка, въ связи съ христіанствомъ: для того, чтобы водились пчелы, слѣдуетъ изъ дуба, разбитаго громомъ, сдѣлать крестъ и поставить въ пасѣкѣ.

Когда послѣ свадьбы везутъ молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь, дружко съ помощью прочихъ бояръ тянетъ коней и телѣгу съ молодыми непремѣнно черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

8-е Другая Прячыстая, т. е. Рождество Пресвятыя Богородицы.

14. «Здвигъ» Воздвиженье Креста Господня. Въ этотъ день «уси гады, змѣй и вужы, здвигающца умѣста [1]) и хаваюцца у землю: послѣ йетаго дня у лясу ни пабачышъ ужо ни воднай гадзины».

26. Іоанна Богослова.

На храмоущыни

(на восяни).

Не смотря на усиленныя работы, осень для крестьянина — самое благоденственное время года уже потому, что онъ всегда сытъ: хлѣбъ пока не покупной, поспѣваетъ вся городина, садовина. Подростаютъ ягнятки, такъ что «кой кали даводицца и мясца спробываць».

---

[1]) Вмѣстѣ.

Оттого они и любятъ назначать престольные праздники храмовъ, непремѣнно осенью: Храмовщину празднуютъ два, три дня.

Наканунѣ, среди села варятъ въ казанѣ «брашный» [1]) медъ. Въ каждомъ дворѣ рѣжутъ барана или подсвинка. Съ окрестныхъ селъ пріѣзжаютъ гости.

Однако, по заведенному порядку и обычаю и до сихъ поръ: «бизъ гарэлки и праздникъ ни у праздникъ», а потому ее пьютъ во храмовщинѣ, не мѣрявши.

Самыя дорогія гости—это выданныя въ чужія села замужнія дочки, которыя «паспытаушы нужды и ни салодкай жысци у чужой сямьѣ, ляцяць якъ птушачки у бацькоу дворъ».

Это для нихъ самый свѣтлый, самый радостный и желанный день въ году.

Про поѣздку въ праздникъ къ батькѣ, поетъ она даже пѣсню:

Што-й съпадъ лѣсу, лѣсу цёмнаго
Выхадвила туча грозная
Сы дажджами, сы марозамы,
Сы валикими прыгрозамы.
Той парою, у йета урэмъячко
Дочка къ бацьки у госци ѣхала
Яна ѣхала, ни даѣхала,
Сярёдъ лѣсу станавилася,
Яйе лошадзь старапилася,
И павозка абламилася.
Якъ падъ кусцикамъ яна садзилася,
Съ салавьёмъ яна раду радзила:
Саловьячка, дробна пташачка,
Ты ляци у маю старонку,
Накажы майму бацюшцы
Й роднай майой матушцы,
Што бяда са мной прыключылася.

(с. Росуха, Мглинск. у. въ 1898 г. со словъ 25 лѣт. женщ.).

Слѣдующія пѣсни поются также на храмовщинѣ:

Васёлая бясѣдачка,
Идзѣ татухна пъе.
Йонъ пъе, йонъ веселъ,
Радзимый мой,
А за мной маладой
Паслоу шлѐ.
А я маладзюсинька
За вуцямы, за гусямы
Забарылася.
Доуга вутки, гусачки
Па биряжку пахаджывали,
Халодную вадзицу прыкушавали,
Зяленую травачку пащыпавали.

(д. Жуково, Мглинск. у. въ 1895 г. отъ 40 лѣт. женщ.).

Пиця, дзѣуки, мёдъ, гарэлачку,
А я буду ваду пиць,
Што-й у свѣци бѣднаму
Да-й худа пражыць.
У майго татухны
Да усё жыцячка родзя,
А у мянѣ у бяздолнай
Кукалина да мятлина.
Трэба мнѣ жыта жаци,
Кукалину выбираци
Да-й въ нялюбымъ вѣкъ каратаци.

(Отъ той же въ 1895 г.).

Навару брацецъ салодкаго мёду,
Зазваў сястру багатую,
А убогая сама прышла
Богатую пасадзиў на покуци,
А убогую на прыпечку,
Багатую мёдамъ частуя,
Низванная вадицу пъе.

(Отъ той же въ 1895 году).

Охъ вы, столики майе, вы цясовенькіе,
Охъ вы, госцяйки майе, вы любдуненькіе
Да чаго жъ вы сядзицьё,
Хлѣба—соли ни йясцьё,
Кали хлѣбъ пушонъ—яг выпалаю,
А хазяйинъ ни вяселъ, у яго прауды выпытаю.

(Отъ той же въ 1898 году).

---

[1]) Отъ слова брашина, т. е. общество, гдѣ есть храмовой праздникъ.

Ой што-жъ то за гадзіна,
Што свой свайяго ни навидзя.
Мужъ ня любя жаны нядужыя,
Братъ сястры убогія.
Прышла систра къ брату у госци,
Якъ ступила на калитачку,
Брацецъ глянуў у кватырачку,—
Прымай, жана, абѣдъ са стала
Идзець къ намъ сястра мая.
Госця йета пачула,
Цижаленька уздыхнула, да й заплакала—
Ня бойсь, брацецъ, ни лякайся,
И съ абѣдамъ ни хавайся,
Да цябѣ я прышла ни абѣдаци,
А хацѣла цяби я атвѣдаци.

(Отъ той же въ 1895 г.)

Ой шумъ, драка да на вўлицы,
Пайду, браццы, я паслухаю—
Сынъ зъ маткай болна броницци,
И онъ броницца, съ двара гоня:
Идзи, матка, зъ майго двара,
Ужо ты мнѣ надокучыла,
Жану маю ты высушила,
Майихъ дзѣтакъ пазнабила.
Пашла матка зъ двара плачучы,
На цапочыкъ [1]) папираючысь,
Слязьмы абливаючысь,
Идзе поле, йдзе другоя
И усходзя яна на дарожку.
Шуме, гудзе шляхъ дарожка
Сынъ за маткай на вздаговъ ѣдзе—
Вярнись, мая мамухна, назадъ дамоу,
У мянѣ у дварѣ нищасцяйка,
Здохъ у мяне конь вароный,
А жана мая у блудъ пашла,
А дзѣтачки по міру.

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 60 лѣт. жен. въ 1895 году).

Разгарѣлася калина
Пирядъ соньняйкомъ стоючы.
Расплакалась дачўшачка
Пирядъ татухнай стаючы—
Татухны та мой родненькій,
Ни жалѣй ты сынду—сакалду,
Пажалѣй тваю дачўшачку,
Я дачушачка—гарюшачка
У бацьки жыла, горя бачыла,
Замужъ пайшла—ще—й—пагорэла,
Журбы-клопату [2])—ще—й—пабодила.

(с. Жуково, Мглин. уѣзд. со сл. 30 лѣт. женщ. въ 1897 году).

Съ вўлицы, съ пирявулачку
Саколъ вылетау,
Зъ другого съ правўлачка—сакалйца.
Дачка бацьку праважджала,
Слязьми плакала,
За слязами дарожки ни бачыла,
За узрыданьнямъ славечка ни прамоувила.
Во, табѣ, бацюшка, праважаньняйка,
Цижалая уздыханьняйка,
Нешта табѣ, татухна, ни жаль мянѣ,
Ци ни знайишъ, якаво за пъянымъ быць,
Пьѣць пъянюга—ни упивайицца,
Прыдзя дамоу—надругайицца,
Пасѣкъ майо цѣла бѣлая,
Падрау майо плацця цвѣтная,
Пабиу майю галовачку буйную,
Падрау маю кашулю крамную
И надъ вѣнамъ майимъ надсмихайицца.

(Отъ той же въ 1897 г.)

Ни увазнала мая мацъ,
За каго мянѣ атдацъ.
Атдала мянѣ мацъ
За горькаго пъяницу.
Пьѣць пъяница вядзѣлю,
Пьець пъяница другую,
А я зъ йимъ гарюю.
Паслала мянѣ мацъ
Пъяничаньку заганяць.
Якъ ударыу мянѣ разъ,
Пакацились слёзы зъ глазъ.
Якъ ударыу у други,
Скацилася зъ дароги,
Прапою жъ мой, прапою,
Прапала жъ я съ табою.
Прапиу каня и сядло,
Прапиу майо усё дабро,
Прапиу вала и карову,
Прапье й мяне чарнаброву.
— Польна, мила, галасиць,
Идзи печку тапиць.
На што мнѣ яйе тапиць,
Кали нѣчаго варыць.

(Отъ той же въ 1897 г.)

[1]) Палочку.

Што-й на дварѣ дожджыкъ
Пацисѳсеньку рамоня.
Братъ въ братамъ гамѳня —
Мы паѣдзимъ, брацецъ,
Къ сястрѣ у госци,
Якъ атдали—ни видали.
Падъѣжджаюць къ новымъ варотамъ,
Систра па двару хѳдзя,
Варанѳга каня у рукахъ вѳдзя.
Ѣдуць госци дарагія,
Два майе браты радные.
Падажджыце, майе браццы,
Пайду къ миламу спрашуся.
Устань, милый, прабудзися,
Ѣдуць госци дарагія—
Два майе браты радныя.
— Атступися, ня любая,
Мнѣ твайе браты ня любы.
Идзе сястра съ цирямочку,
Сыпля слёзы, якъ въ рукавочка,
Ѣдзьця назадъ, майе браццы,
Ни кажыця аццу—мацы,
Што вы у сястры пабывали,
Хлѣба соли ни видали.

(с. Жуково, Мгл. у. въ 1894 г. со сл. 45 л. жен).

Харашо таму у свѣци жыць,
У каго на серцы пичали нѣтъ,
У галавѣ заботушки,
У ряцивамъ сѳрцы—зазнобушки.
Вышла замужъ зи няудалаго,
Узяу йонъ мяне, якъ рябиначку
Ссушыу, жжурыу на былиначку
Сама млада я у грѣхъ пайду,
Цябе, сукина сына, иссушу и жжурю,
Ссушыўшы, иҗжурыўшы,
У гробъ палажу.

(д. Невзорово, отъ 30 л. женщ. въ 1894 г.)

На праходзи вяселыя дни,
Наступаюць тёмныя нѳчы:
Темна нѳчка—дѣукамъ сухата.
Сўша жўря парень дѣвицу:
Скажы, дѣвачка, прауды ни патѳй:
Вѣрна любишъ, али, дѣука, нѣтъ.
— Люблю, парень, одного тябе,
За то жъ я люблю, што близка жывешъ,
Харошо хѳдишъ:
Сапѳжачки ў тябе на рыпахъ,
А зѣлинъ кахтанъ увесь на твитахъ,
Пухѳвая шляпа съ паулинымъ пяромъ,
Пирчатачки щъ чыстымъ сирябромъ,
А самъ ты, дружѳкъ, чарнабрѳу.

Стародубск. у., с. Михайловскъ отъ 20 л. дѣвицы.

Октябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ мало праздничныхъ дней, только 1 числа «Пакрѳу Прясвятыя Багародзицы».

До глубокой осени крестьяне этой мѣстности заняты уборкой конопли. Въ ихъ хозяйствѣ это единственный продуктъ, который идетъ въ продажу и приноситъ отъ 25 р. и до 50 р. доходу. Богачъ же получаетъ по сотни съ конопли и пеньки. Но вѣдь это почти весь его годовой доходъ. Надо расплатиться и съ тѣми, у кого «пазычйу вясной на хлѣбъ», и въ казначейство взнесть «падзямелныя» и проч. казенныя недоимки и прожить съ семьей на эту сумму круглый годъ.

Впрочемъ, сверхъ того иной (не изъ бѣдныхъ), конечно, имѣетъ еще рублей на 10—15 овса, которымъ не балуетъ своихъ клячъ, а блюдетъ на продажу къ веснѣ.

Брать коноплю, т. е. дергать ее изъ земли, есть по истинѣ мозолевый трудъ. Корнями своими она крѣпко и прочно держится въ почвѣ, а потому отъ напряженія при выдергиваніи, на ладоняхъ появляются зеленыя полосы, которыя при дальнѣйшей работѣ углубляются и превращаются въ трещины.

Бранье конопли исполняютъ большею частью руками женщинъ; и чего только нѣтъ на этихъ рукахъ: и мозоли и лишаи и рубцы! И этими руками копаетъ она каждое утро картошку «на ѣмья» [1]), отчего трещины заполняются грязью; грязь на-

[1]) На ѣду.

долго въѣдается въ тѣло: рубцы припухаютъ, а держать ихъ въ чистотѣ некогда, надо цѣлый день стоять на ногахъ у конопли. Холодъ, вѣтеръ; осенняя игла знобитъ тѣло; но забираться въ теплую хату еще «ня приспѣла уремъячко, треба барджѣй хапацца брацъ, а то канапелька дывицца ¹), а тутъ яще на йетыхъ дняхъ свиньни упадзись ²) у картошку, цѣлый канецъ узрыли ни знаимъ што и хапыцъ, ци бульбу, ци канопли».

Работаютъ до поздней зари, такъ что иногда не успѣваютъ вечеромъ перевезти вырытую «картошку» домой, а между тѣмъ наши селяне хватки на руку: ничего не клади плохо, а потому сосѣди называютъ это село «воровская Разсуха», въ отличіе отъ деревни Разсухи, находящейся въ Стародубскомъ уѣздѣ.

По поводу кражи картофеля, казакъ Емельянъ Кобановъ недавно (въ 1898 г.) «выгадау» ³) пѣсню на манеръ салдацкой:

Ты Расуха, ты Расуха,
Мацъ расуськая зимля.
Пра цябе, ты, мацъ Разсуха,
Далёка славачка пошла,
Далёка славачка пошла
Пра Платона Казака:
У Платона Казака
Да случылася бида;
На вузинькай на палосцы
Накапау йонъ мѣхъ картошки,
Да позняй зари капау,
У дворъ яйе ни забрау
Да заутряго оставляу.
На заутряго вичаркомъ
Ѣдзя Платонъ за мяшкомъ,—
На вузинькай на палосцы
Нѣтъ ни мѣха, ни картошки.
Платонъ дамоу варацйуся
И жъ жонкаю пабранйуся,—
Ахъ ты, жонка, ты, Вусцйвка,
Што-й капала, то пропало,
Ну цяперъ будзимъ капацъ,
Да заранпы дамоу брацъ,
Пазаранпы да вазйцъ,
Людзей у грѣхъ ни уводзйцъ.
Глупая мая башка,
Што—й ни узяу учора мяшка.

(с. Росуха; сочин. 20 лѣтъ хлопца 1898 года).

Родичи.

«Тирязъ ⁴) тры нядзѣли отъ Пакрава дни ходзюцъ родичи», т. е. поминальная суббота.

Родичи—это бабская эра, отъ которой онѣ ведутъ свой умственный календарь праздниковъ, отсчитывая время недѣлями.

Въ этотъ день служится общая заупокойная обѣдня и крестьяне посылаютъ въ церковь панихиду, т. е. четыре сковородницы ⁵) и чарочку меду.

Собственно въ церкви мало народу въ этотъ день, но всѣ поминаютъ родичей дома, по своему или вѣрнѣе, по язычески справляютъ тризну ѣдою.

Еще до свѣта (очень рано) каждая хозяйка вытапливаетъ хату и «гатуя двенадцать страу ⁶)» Едва развиднѣетъ, ѣдятъ блины съ саломъ и прочими приправами и такъ плотно наѣдаются, что уже до вечера не обѣдаютъ, и на весь день мужчины отправляются пеньку мочить или запасаться на зиму дровами, а къ сумеркамъ каждый спѣшитъ «у дворъ паминацъ родичовъ» съ великимъ аппетитомъ.

Собралась вся семья въ хату, на столѣ бѣлая скатерть, зажженная восковая свѣча, а у мисцы канунъ или колево, т. е. медовая сыта и туда «пакрышано баранькоу или булки». Прежде немного помолятся за впокой душочки нашихъ радитялёу», а затѣмъ, каждый по очереди съѣдаетъ ложку колева.

Всякая хозяйка строго на строго придерживается очереди, «якую страву за якой падавацъ, такъ ужо ни намы заведзяно, ни намы и кончицца», говорятъ они.

---

¹) Не пришло время, нужно скорѣй торопиться брать канапельки будетъ высыпаться зерно. ²) утравились. ³) выдумалъ. ⁴) черезъ. ⁵) плоскія ржаныя лепешки. ⁶) страва—кушанье.

И такъ перво на перво «падаецца канунъ [1]) затымъ—каравайцы [2]), апасля йстаго кулёшъ съ саломъ [3]), 4-е каўбаса, 5-е лапша, 6-е картошка зъ падъ гавядзины, 7-е гавядзина жариная, 8-е застыль [4]), 9-е жидкая каша съ гавядзинай, 10-е борщъ, 11-е малако, 12-е густая каша съ масламъ. Кашей обязательно заканчивается поминальный обѣдъ, оттого она и называется у нихъ «каша —разганяша».

«У йетый дзень гадицца выпиць па чарцы гарэлки за упакой радзитялёвъ, а у протчамъ якія у каго дастатки, кали у каго нема на што купиць—абойдуцца й-такъ. Идже сказана: па змазй конь вязё».

Въ этомъ мѣсяцѣ, управившись съ уборкой на огородахъ, бабы начинаютъ пôравиць (убирать) варива, т. е. скоблить и квасить бураки на зиму.

«Жодная пѐрва на перва агледзя (смотритъ) мѣсяца, а то якъ паставиць на сходу ци на трецьцяй нядзѣли, усѐ чыстюсинька пагніе, памнее».

Есть изъ нихъ впрочемъ и передовыя, которыя говорятъ: «якъ я ни знаю кали тэй сходъ, кали маладзикъ, да сдѣлаю усё по хазяйськи, якъ слѣдъ быць, ды у мянѣ усё удашна и смашна и николи ничагусинька ня гніець».

Вообще относительно луны можно сказать, что нерѣдко и теперь сказываются остатки древняго обоготворенія этого свѣтила. Напр. увидѣвши новый мѣсяцъ на небѣ, крестьянинъ непремѣнно снимаетъ шапку и благоговѣйно перекрестится.

Мать поучаетъ своего ребенка такъ: «ни паказваай на мѣсячка [2]) палцамъ, грѣхъ! укуси трохи палца»!

Еще при первомъ видѣ луны, невѣста останавливается и говоритъ:

Маладзйкъ маладый,
У цябе рогъ залатый
Ты пасвѣту хôдзишъ.
Няужô ты майго милаго ни бачышъ.
Найдзи жъ ты яго,
Прывядзи жъ ты яго,
Съ кимъ мнѣ вѣкъ вѣкавацъ
Штобъ мнѣ таго у ва снй павидâць.

(С. Старое Запубенье, записано въ 1867 году со словъ 20 лѣт. женщины).

И въ это время беретъ изъ подъ правой ноги землю, ложась спать, кладетъ ее подъ подушку и ожидаетъ въ сновидѣньи суженаго.

Чтобъ зубы не болѣли, увидѣвши первый разъ луну, говорять:

Маладзйкъ, маладзикъ,
Нâ табѣ зубъ лубяный,
А мнѣ дай сталяный.

(отъ той же въ 1867 г.).

Въ концѣ Октября и въ первой половинѣ Ноября бабы заняты прядевомъ: мочать въ сажалкамъ посконни, стелять по долинамъ лёнъ, потомъ сушатъ все это въ баняхъ и мнутъ, чтобы зимой было, что прясть. Это ихъ послѣдняя работа на стужѣ: осень начинаетъ склоняться къ зимѣ; небо грозитъ снѣговыми тучами. Поэтому «жôдная паспишая управицца къ Пилипавскимъ зâгавинамъ» (14 Ноября).

Къ этому дню «ужо и скôтъ стау на мѣсци», т. е. его больше не гоняютъ на пашу. «Мужчины яще паруюцца кали пеньки, а бабы ужô паставили гребни и прядуць у цеплай хаци». Наконецъ то онѣ отогрѣлись «накалѣушись (замерзшись) на канôпляхъ».

Такъ какъ дни въ это время года слишкомъ коротки, то крестьяне встаютъ съ первыми пѣтухами.

Старикамъ и пожилымъ «рупатливымъ (заботливымъ) людямъ важко (тяжело) коротать долгія ночи. «Прашнесься, и думаишь якъ пражыць, чимъ пракармицца, ужо и боки забаляць атъ ляжни, пôкуль пѣуни папѣли».

Молодежь же наоборотъ: ее трудно разбудить: съ молоду сладко спится

[1])... Канунъ — медовыя сыта съ накрошенными туда бубликами или булкой. [2]) Прѣсные гречневые блины. [3]) жидкое тѣсто изъ гороховой муки жарится на сковородкѣ.

въ ночи и на зарѣ. Жутко покидать согрѣтую постель, оттого за пряжей и «дремлется ей младёшенькой.

Тогда она принимается пѣть:

Пряду, сакòчу, [1]
Спацячки хòчу,
Палажу я галòвачку
На свекраву падушачку,
Ци ня падрямлю.
Свекаръ идзець,
Якъ буря гудзець:
Санливая, дрямливая,
Нявѣсткачка наша.
Пряду, сакòчу,
Спацячки хòчу,
Палажу я галòвачку
На свякрусину падушачку,
Ци ни падрямлю.
Свякруха бяжыць,
Якъ каршунъ ляцидь:
Санливая, дрямлѝвая,
На работу лянивая,
Нявѣстачка наша.
Пряду, сакòчу
Спацячки я хòчу.
Палажу я галовачку
На дзеверяву падушачку.
Ци ни падрямлю.
Дзеверь шумиць,
Якъ сòкалъ ляциць,
Вясёлая, харòшая,
Нявѣстачка наша.

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 55 лѣт. женщины въ 1896 году).

Атъяжджàу мужъ у дарòгу
Пакидàу жану здарòву.
Пріѣжджая изъ дарòги,
Пытая у милыя здароуя,
Чаго, мила, дужа забалѣла?
Ци я табѣ болна?
Щаку удариу.
Ци я табѣ здарòувейка умàлиу.
Ой умру, умру,
Я жыва ня буду.
Ой ѣдь, милый, къ нòву гарадòчку,
Купи, милый, крамную [2]) сарòчку.
Паложъ мяне у вишневамъ садочку.
Выкапай ты, милый,
Чырвòну калину,
Пасадзи калину на мою магилу.
Будуць ка мнѣ салавейки прилятаци,
Будуць яны пѣсни щабитàци.
У нядзельку паранéнько,
Яще сонца ни узыхòдзя,
Милый па вулачки ходзя,
Малéнькаго дзицятачку нòся,
Устань, мила, устань, прабудзѝся,
Ужò твайо дзицятачка плàча.
— Кали табѣ дзицятачка жалка,
Найми яму мамку и няньку,
А кали ни жалка, падай сюды у ямку.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзд. со словъ 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Слѣдующую пѣсню иногда запоетъ, прявши, молодица для того, чтобы свекровь услыхала, и нерѣдко свекруха и начинаетъ бранить свою невѣстку за подобную пѣсню:

Матка доничку кахала,
Да-й ня у дружнаю сямъю атдавàла—
Жыви, дòчачка, прывыкàй,
Якъ статнуць сварыцца
У зялёный садъ уцякàй:
У зяленамъ саду калѝна
На той калини зязюля
Ранинька кукуя,
Нихто зязюли ня чуя
Тольки —й—чуя яйé нявѣстка,
Рана па ваду хòдзючы,
Свекра и свякруху клянучы,
Яна вады принясе, да-й плача.
Яйе милый пытая—
Чаго, мила, уздыхайишъ?
Плачу, милинькій, я плачу,
Твайой матухни ни владжу (не угожу)
Вады принясу—павѝльля, (повелѣваетъ),
Ложки памыю—ня возьмя,

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 27 лѣтней женщины въ 1899 году).

---

[1]) жужжу веретяномъ. [2]) крамъ—товаръ лавочный.

Хатку падмяту—ня ступя.
Охъ ты, татачка, салавѣ́ячка,
Ни руби дзеряуца, куды яно ня
хи́лицца,
Ни, 'тдавай дачки́ замужъ
За каго ня хо́чицца,
Ни за ста̀раго, ни за малаго.
Атдай дочку, да за роунаго,
Ни за ра̀унымъ быць—сухата мая,
А за любымъ быць—красата мая,
Самы варо́цячки аткута̀юцца,
Якъ мой татухна у госцейки ѣдзя.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 55 лѣт. женщины въ 1897 году).

Затуманилася зо́рька
Пирядъ силнинькимъ дожджомъ,
Расплакалась красна дзѣука
Пирядъ до́бримъ малайцо́мъ.
Атчаго, удалъ малóйчыкъ,
Учо́ра зь вѣ́чара ня бы́у?
Вѣ́рна знаю, што другую
Ты спежачку пратары́у.
Ты тары, удалъ малóйчыкъ,
Я другую пратарю.
— А я тваю дарожачку
Усю пасадкай абсаджу,
Штобъ хадзила. ни блудзила
Клёнъ дзерява пасаджу.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣтней женщ. въ 1899 году).

Я нидауна сиратаю стала
Да багата горичка упазнала.
Сказали мнѣ вражы люди—
Иди замужъ, добре табѣ буде.
Я люцкую волечку учинила,
Вышла замужъ--галовачку утапила,
Утапила галовачку у воду,
Шапа̀усь милый паганаго роду,
Пъе гарэлку, якъ халодную воду.
Я не знаю, якъ ему гадити,
Устану рана да начну будити:
Устань, милый, мсё цалованьне,
Ужо́ гатова табѣ умываньне.
Стайить табѣ вадица у кубо́чку,
Висить рушничокъ на кало́чку.
Ста̀у милый съ пастели уставати,
А я атъ яго за дверь утикати.
— Чаго, мила, за двери утикайишъ,
Ти ты майихъ но́равау ни знайишъ?
— Я нидауна за табою стала
Да уси твайе но́ровы упазнала.

(1900 года отъ 20 л. дѣвки въ с. Бѣгочь, Чернигов. губ., Городнянскаго у.)

Ой Божа, Божа, когда шей вечарь буде,
Што про мяне наговорюцца люди.
Гаво́рють стары́е, говорють малы́е,
Ще къ тому й вороженьки злые,
Не такъ вороги, якъ неродная мати,
Ложысь, сирата, ни вячѐряушы спати,
Ни вячеряла, ни буду абѣдать,
Пуститя жъ мяне до роду
Радйны атвѣдать.
Бягу я лугамы—
Луги растилаются.
Бягу я садамы—
Сады́ расцвита̀юцца.
Бягу я сяломъ—
Ворогй утѣшаюцца.
Ни утишайтися,
Пракляты варо́жаньки,
Што я ни найду
До дому дарожаньки.
Ой я не знаю,
Якъ ворогамъ гадйти:
Ти у бѣламъ, ти у чорнамъ хадити?
Хади у бѣламъ, скажуть—хвасьли́вая,
Хади у чо́рнамъ, скажуть—дрямливая.
Бягу я поле, бягу й другое.
На третьтемъ поли сѣла атдыхать,
Ажъ тамъ брачики коней пасуть.
Старшій братъ меншаго посылае:
Бѣжи, братецъ, то наша сястрица,
— То ни сястрыца, то чужъ=чужаница,
Ой Божа, Божа! Якова я стала,
Што мая радйна мяне не спазнала.

Отъ той же.

Охъ ты каваль, кавалёчыкъ,
Добрый, удалйй, каваль мастярочыкъ,
Чомъ ты, кава̀ль, рана ни куёшъ,
Ци ты сабѣ зялеза ни майишъ?
Йсць у мянѣ зялёзанька бага̀та
Да-й-усё сталянйя,
Йосць у мяне дачка́ Капярына—
Дзѣука маладàя!
Яна сабѣ сына арадзила,
Арадзиушы, увяла й загубила,
Загубиушы, у садокъ пашла,
Зь вѣтрамъ гаманйла:
Охъ вы, вѣтры, вы буйныя вѣтры,
Замяцитя вы сцьежки—даро́жки,
Да штобъ туды людзи ни хадзйли
Майго дзнцятачки ни будзйли.

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. отъ 40 л. женщ. въ 1899 году).

Сяджу, саджу у вакδнца,
Выглядаю чарнамδрца,
Чарнаморецъ идзье,
Синярыхъ коней вядзье,
На вδсьмамъ варанδмъ
Самъ у кахтани зилянδмъ,
Ни заѣхау йонъ да дδму,
Падъѣжджая къ Дону,
Стау йонъ коній напавàци
Чарнамδрицъ патапаци.
Чарнамδрицъ патапàя,
Сваю мìлаю гукàя:
Рятуй, рятуй, мая мила,
Кали вѣрна любила!
И радабъ я рятаваци,
Да ня умѣю-й-выплываци!
Кали бъ чδвинъ, да вясѐлца,
Стала вода прыбываци—
Рятавала-бъ цябѣ сѐрца.
Пакуль людзи сабрàлися,
Чарнаморицъ затапйуся.
Мой милинькій, патапайишъ,
Мяне млδду пакидайишъ!
Паплыу миляныкій вадδю,
Застаюся я удавою.

(Заучено въ 1859 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣтн. дворовой дѣвки).

Закукали зязюлички,
Тирязъ садзикъ лятучы,
Заплакала красна дзѣука,
Бѣлу пасцель сцялючй.
Пасцель мая тонка, бѣла,
Учомъ на табѣ мулка спацъ?
Да якъ прыдзя цёмна ночка,
Нѣ сь кимъ слδвичка сказацъ.
Якъ паѣхау мой миленькій
Нà марà гулàцъ,
Пакйнуу мяне горя гаряваць.
Гарявала ночачку, гарявала двѣ,
На трецьцяю ночачку
Выйшла на зарэ,—
Балицъ мое серца
Ташнйцца души!
Бяры войстру шаблю,
Да рѣжь маю грудзь,
Вымай майо серца
Да пи маю крδу,
Пущай людзи бачуць,
Якавà мая любδу.

(С. Платково, Стародубскаго уѣзда со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1897 года).

Чаго, Машачка, на личанька, блиднà,
Нѣту краски, нѣтъ румянца у лица,
Памуцились Маши глазки сы таски,
Рада бъ я и къ миламу пайцицъ,
Рада бъ, рада дружка у вочи павидацъ,
Рада бъ, рада дружка у глàзы наругацъ,
Учδмъ ты, Ванька, разбязсовисный ты стау,
Дзѣ ты, Ваня, свою совисть растиряу,
Ци ты у карты, у бильярты прайнграу.

(отъ той же въ 1897 году).

Раскажу я вамъ, падружки,
Пра нищасця пра свойо.
Ци вы знали майго друга,
Якій хвабрый маладзѐцъ.
Чàрный вδранъ, сйлный войинъ
Атличйуся на вайнѣ,
Виуся, драуся зъ варагàмы,
Тамъ галоуку палажйу,
На маскоуськамъ на кладбищы
Тамъ мой милый палажонъ,
На йомъ памятникъ высокій
Разукрашанъ сирябромъ,
У дванаццацъ часоу ночы
Ходзя дзѣвица адна,
Къ йой выходзя на гулянья.
Зь бѣлай кàмеры мяртвѐцъ,
Чаго, дзѣва, поздна ходзишъ?
Ты ни бойся никога,
Охъ и якъ жа мнѣ баяцца,
Тутъ мой милый схаранёнъ,
На йомъ памятникъ высокій,
Разукрашанъ сирябромъ,
На йомъ камушакъ цяжолый,
Милъ ня можа зъ гроба устацъ.

(Отъ той же въ 1897 году).

Послѣднія двѣ пѣсни, очевидно, позднѣйшей формаціи, и происхожденіе ихъ можно объяснить тѣмъ, что въ Платковѣ жили прежде помѣщики Троцкіе, и вотъ, должно быть, прислуга слышала отъ господъ:

Моего-ль вы знали друга,
Онъ былъ бравый молодецъ и т. д.

и вотъ изъ разныхъ отрывковъ состряпали пѣсню.

Кто лѣнивъ прясть, того называютъ ялдоха—святоха и въ насмѣшку надъ лѣнью—разсказываютъ такую сказку.

Жилъ былъ сабѣ мужыкъ зъ жонкай. Яна лянилась прясць, усё насила куплёныя сарочки. Билья зроду ня мыла, якъ надзѣня чыстую сарочку,—заразъ грязную у печъ, да-й-спаля.

Во, паѣхау разъ яйе мужыкъ у горадъ, жонка и наказуя: глядзи жъ, привязи мнѣ аттуль сарочку.

Ѣдзя мужыкъ съ горада у дворъ, сустрикая салдата. Йонъ и прося (мужъ)—падвязи мяне, дзядзька.

Садзись, кажа, служивый.

Ѣдуць па цихиньки да гамонюць, мужыкъ и расказалъ свайо горя, пра лянивую жанў.

Добря жъ, кажа салдатъ, я яйе вывчу прясць.

Тольки што мужыкъ на парогъ, и жонка съ печи крычыць: а што купиу сарочку?

Купиу, да гуску.

Дарма, што вузку, и за тую спасибо; да заразъ здѣла свайю сарочку, да у печку; а сама барджѣй на печку, да аттуль и крычиць: падавай новую сарочку, а то я сакалѣю (смерзну).

Што ты, цетка, голая сядзишъ, пытая салдатъ.

Нема сарочки.

Чаму жъ ты ни прядзешъ?

А я—Ялдоха-Святоха, й прясць мнѣ нильга, усе праздники: у панядзѣлакъ я радзилась, ня можна прясць, у авторакъ па имьйо къ папу хадзили, у серяду были пӧдкресни, а у чацвергъ хрясцилась, у пятницу ни прядуць, а у суботу, якая жъ работа? Падмыць, падмесць и гребянь у хату ня несць, а у нядзѣлю празникъ.

Эге жъ, у нядзѣлю празникъ, што праудa, то праудa. Дыкъ ты Ялдоха-Святоха, а я Иванъ Хрясцицель, кажа салдатъ, да якъ пачау яйе пугай хрясциць да пригавариваць:

Во, табѣ, Ялдоха-Святоха, будзишъ прясць? будзишъ прясць?

Прасциця, Иванъ Хрясцицель, буду и прясць и ткаць, тольки помилуйця.

Съ тыхъ поръ баба годзе ляжаць на пячы, а мужыкъ болiй ни купляу йой крамныхъ сарочакъ.

На прызыви.

Въ концѣ Октября начинается «прызыу у салдаты».

Въ 1860 г. разсказывала одна старуха, которой тогда было уже около 70 лѣтъ, что, бывало, вербовщики ходятъ по селу, несутъ горѣлку, жареныхъ «курей, валоуя мяса, у бўбны бьюць, играюць и пяюць:

Пристань, Юрку,
Да вярбўнку,
Будзишъ ѣсци
У масла кўрку!

Будзишъ ѣсьци,
Будзишъ пици,
Будзишъ хороше ходзйци.

Прошли и тѣ недавнія еще времена, когда не было всесословной воинской повинности, когда солдатъ несъ службу въ теченіе всей жизни и, оставивъ родину юношей, возвращался домой старикомъ инвалидомъ.

Вотъ, тогда-то матери и жены оплакивали рекрутъ, какъ мертвецовъ.

Далеко не то теперь при пятилѣтнемъ срокѣ службы: нынѣшній новобранецъ подъ часъ и не доволенъ, если ему «ня бреюць лобъ», потому что «маладому и самому хочицца свѣту пабачыць».

Однако матери и теперь не перестають оплакивать своихъ сыновей новобранцевъ. Который сынъ на призывѣ, она уже за мѣсяцъ даетъ ему сласный кусочикъ за завтракомъ, напр. всей семьѣ поставить на столъ миску съ гороховымъ кулешомъ, а хто на призыви, тому асо̀ба пряжѐ [1]) салца на сковородцы и примовя: ѣжъ, мой котъ, а то тамъ за пяць гадоў, ты можа и крошки сала у вочы ни пабачышъ. Печетъ рѣзники [2])—семьѣ памажа сырамъ зъ малакомъ разведеннымъ, а будущему солдату «масячкамъ памасля» и т. п.

«У прызыўная уремъя усюды па сёламъ пяюць рякруцкія пѣсни».

Казали—сяго̀ лѣта грэчка ня урадзила,
Ажны грэчка яще сусимъ ня усходзила,
На гаро̀дахъ чачотые маки цвитуць,
Па дзярэунямъ салда̀цики йдуць.
Выйшла маци, свайго сынка спазнаваци,
Зайдзи, сынку, да да до̀маньку,
Щашу [3]), змы̀ю да буйну галованьку.
Табѣ, маци, мнѣ галоуки ни часаци,
Змыюць мнѣ гало̀ваньку да дробныя дожджы,
Ращешуць мнѣ кудры да бўйные вѣтры,
Разабъюць па днаму валасо̀чку,
Разьвѣюць па чыстаму по̀лечку.

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 20 лѣт. парня 1898 года).

Раскидайся, сырый дубъ,
Заутра марозъ будзя,
Убирайся, удовинъ сынъ,
Заутра паходъ будзя.
Яй марозу ни баюся,
За̀разъ раскинуся:
Кареньняйка у сыру землю
Лисцяйка да долу.
Яй паходу ни баюся,
Зара̀зъ убяруся,
Чабоцики на но̀жаньки,
Шабельку у ручки.
Паливайця дарожачку,
Штобъ ни пылилася,
Прыкажыця аццў маци,
Штобъ ни журылися.
Дарожаньку паливали,
А яна усё пылпцца,
Аццу маци наказали,
А яны усё журюцца
Нема тыя дарожачки,
Што ня будзя пылйцца
Нема таго аццa, маци,
Што ня будуць журыцца.

(отъ того же въ 1898 году).

Чаго, салавейка, смуцьенъ, ни вясёлъ?
Што дробна пташачка зажурылась?
Запѣу бы я пѣсянки,
У мянѣ го̀ласу нема,
Клива̀у бы я зирнятки,
Мнѣ во̀лячки нема.
Залѣзная клѣтка
Мянѣ садзяржыць,
Зялена дубровачка
Мянѣ ни зьвисялиць.

(с. Манюки, отъ 20 лѣт. хлопца въ 1899 года, Новозыбковскаго у).

На гарѣ высокай
Два дуба стайиць,
Падъ тыми дубамы
Двѣ магилы ляжыць.
Дзѣука са слязамы
Распрашывая,
Ци нема жъ—то тутъ
Дружка майяго?
Магила сказала—
Нема тутъ яго,
Другая сказала
Забудзь пра яго.

(отъ того же въ 1899 году).

---

[1]) Жаритъ. [2]) Ржаные пироги. [3]) Причешу.

Врала дзѣвачка
Ягадки суницы,
Усю далиначку исхадзила,
Ни знашла дзѣука таго,
Каго спалюбила.
Вяруць молайца
У салдаты.
Што й па вулицы
Ѣдуць канямы,
Да усё парамы.
Стайиць дзѣука
У варôцичкахъ,
Абливайицца слязьмы,
Ни плачъ, дзѣвачка,
Ня журыся, ня быць табѣ за мною,
Ни звацъ табѣ
Мяне чалавѣкамъ, (мужемъ)
Мнѣ цябе жандю.

(с. Росуха Мглин. у. со сл. 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Назначыли добраго малайца
На граничаньку служыць,
Па йомъ плача радзимая мацн,
Силна убивайицца,
Ни плачъ, рôдна маци,
Ня плачъ ты пры мнѣ,
Наплачысься й бизъ мяне.

(отъ того же въ 1899 году).

Охъ, и шляхъ ты, мой шляхъ,
Чаго запылиуся?
Охъ и якъ жа мнѣ, шляху,
Шырокай дарôжцы,
Да мнѣ ня пылицца!
Што-й па мнѣ то, па мнѣ,
Шырокай дарожцы,
Багата рэкрутъ ганяюць.
Што-й па перяду йдзе
Маладый палкôуникъ,
Идзе, маршырýя
Што-й пазадзи усихъ
Идзець душа дзѣвица.
Охъ и якъ то мнѣ,
Краснай дзѣвицы,
Якъ мнѣ ня журыцца,
Што-й адзинъ то у мяне
Садокъ зиляненькій,
И тэй усыхая.
Што-й адзинъ то у мяне
Дружокъ развилюсинькій,
И тэй атъѣжджая.
Польна сонняйку па садзику хадзици,
Пôльна жàркаму цвѣтъ яблани сушыци,
Охъ и якъ жа мнѣ ни плакаць, ни тужыць,
Мнѣ навѣкъ сабѣ такого ни найцицъ.

(д. Бородинка, Мглинскаго Уѣзда, со словъ 19 лѣтн. хлопца въ 1899 году).

У сѣничкахъ за дзверями
Мôлайца спаймàли,
Назадъ руки завязàли,
Пасадзили добра молайца
У писанамъ вазôчку
Самы сѣли у пирядôчку,
Падъ судъ падвазили,
Падъ мѣру станавили,
Рубашку скидàли,
Яго цьела абглядàли
Русы кудры падрязàли.
Што-й прасиуся добрый моладзецъ—
Вы пусцицця мяне, брàццы,
Къ аццу, мàццы,
Съ аццомъ маткай павидаюсь,
Жъ жаной парукаюсь (пожму руку).
Надъ дзѣтками пауцѣшаюсь.

(заучено въ 1861 г. отъ 30 лѣт. парня въ с. Росухѣ Мглинскаго у.).

Варьянтъ этой пѣсни записанъ тоже въ с. Росухѣ въ 1899 г. со сл. 19 лѣтняго хлопца.

Што-й адзинъ та я, адзинъ
У матушки нарадзиуся,
У някруты, у салдацики
Маладзецъ згадзиуся.
Узяли добраго молайца.
Узяли у някрýты,
Звизали яму, добраму молайцу,
Назадъ бѣлы руки,
Пасадзили яго у вазочку,
Станавили яго,
У салдацкамъ станочку.
Годзя дýбу зилянôму стаяцй,
Пришла осень, стау листъ спадаци,
Вязуць молайца у салдаты,
Па йомъ плача аццъ, рôдна маци.
Ни плачъ маци, ты ужо старàя.

Нихай плача жана маладая,
Кали яйе доличка такая.
Кали бъ жа знау, зроду бъ ни жанiуся,
Нихай бы я навѣкъ хлопцамъ валачыуся.

(со сл. 20 лѣт. хлопца вол. Росухѣ Мглинск. у. въ 1899 году).

Варьянтъ вышеприведенной пѣсни въ д. Бѣрновичахъ, Стародубскаго уѣзда отъ 40 лѣт. человѣка въ 1899 г.

Польна табѣ дубу на карни стаяци
Скора съ цябе, дубу, листъ будзя спадаци.
Плача ацецъ—маци,
Хочуць ихъ сынбчка
У рекруты атдаци.
Ни плачъ маци,
Да ужо-жъ ты старая,
Нехай плача
Жана маладая.
Яще будзя плакаць
Дзицятка малбе.
Я пайду служыць,
У Варшаву горадъ
У горадъ я вяликій.
Тамъ сабѣ достану
Валшыя хароны.
Вазьму я съ сабою
Жану маладую,
Пайду тамъ на рынакъ
Куплю йой платочыкъ,
Частый грыбяшочыкъ.
Жана будзя прыбирацца,
Грыбяшочкамъ часацца,
Малоя дзицятка уцищацца.
На маць я старую
Буду забывацца.
Повязьли нашыхъ някрутушакъ
Зь вечара у ранки (рано)
Усё лясамы да барамы,
Крутымы гарамы.
Сызыя варанятачки
Усё поле укрыли,
Малады някрутикамъ
Жали нарабили.
Не такъ жали, не такъ жали,
Я болій пичали.
Сызые варанятачки,
Падымайцись у гору,
Маладые някруцики
Зьвярнитесь да дому.
— И рады бъ мы зьвярнуцися,
Майоръ ни нущая.
Хоча зъ намы, зъ намы, някрутамы
Турка вайнивац,
Турецкаю землю
У палонъ забирацъ.
Чѳрнымъ порахомъ стрилѧци.

(Отъ того же).

Кала саду зялёнаго
Дарожка лижала.
Ой тамъ мать свайго сына
У салдатъ тряджала:
Харошъ сынку нарадзиуся,
У салдатъ згадзиуся,
Яго коникъ варонинькій
Па двару играйя.
Яго мэци старе́нькая
Плача и уздыхайя,
Сусѣдзь праклиная:
Сусѣдзи мойе близкія
Вы, вораги цяжкіе!
Ой вы майо горя знали,
Да мнѣ ни казали.
Цяперь жа вы мнѣ сказали,
Якъ майго сына узяли.
Повязьли майго сыночка
У городъ у Варшаву.
На вѣрну прысягу.
Прысягай жа, мой сыночыкъ,
Богу, государю.
Да хто царю вѣрна служа,
Ни плача, ни тўжа,
А хто царя зьниважайя
Усё плача рыдая.

(Отъ того же).

Ты, верба мая, верба кучяравая,
Ты ня стой, ня стой
Надъ рякой быстрой.
Ни пускай гольляйка
На синя моря.
Па синяму морю
Тамъ карабль плывець.
Якъ у томъ жа караблѝ
Тры палкѝ салдатъ,
Маладыхъ рыбятъ,
Ахвице́роў пяць.
Ахвицеръ на салдатъ
Шыбка броницца.
Рядавый салдатъ
Дамой прбсицца—
Ахвицеръ—маіоръ
Атпусци мянѣ дамбу.
Къ аццу, къ мацяри.
Къ малымъ дзѣтушкамъ.

(Въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда, со сл. 17 лѣтняго парня въ 1897 году).

Якъ паѣхау импираторъ
Сваю армію сматрѣць,
Абищауся Александеръ
Къ Ражаству дамоу прыбыць.
Уси праздники праходюць,
Александра дома нѣтъ.
Яго маминька радная
Стаскавалася па йомъ,
Яго жана маладая
Дзень и ночку у слязахъ.
Александеръ импиратаръ
Усихъ сиротамы кидау,
У Таганроги жысць канчау.

(с. Росуха, Мглинск. уѣзда; записано со сл. 25 лѣт. въ 1875 году).

Пѣсни, которыя поютъ мужчины.

Хлопцы рѣже и меньше поютъ, чѣмъ дѣвки, и не раздѣляютъ своихъ пѣсенъ по временамъ года; впрочемъ, и ихъ пѣсни имѣютъ три отдѣла: рекрутскія, солдатскія и тюремныя. За исключеніемъ рекрутскихъ, поютъ сплошь, когда кто какую вздумаетъ. Не станутъ они тоже ни за что пѣть бабскихъ и дзявацкихъ пѣсянъ, такъ что хлопцы имѣютъ свою собственную устную словесность.

Историческихъ пѣсенъ тоже нѣтъ; только про Платова казака живетъ еще воспоминаніе.

Мацъ Рассѐя, мацъ Рассѐя,
Мацъ Рассейская зимля.
Пра цябе, мацъ Рассея,
Далёка слава прайшла,
Да пра бѣлаго царя,
Да пра бѣлаго царя,
Пра Платога казака.
Платоу слауный войинъ быу,
Свайой барады ня брыу,
Платоу законъ прыступиу,
Брытву, ножанцы купиу,
Свайю бараду абрыу.
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За вубраный столъ саджау,
За бѣлыя руки брау,
Ты, храньцузькая карга̀,
Ня умѣу ты, варòна,
Сòкала у какцяхъ дзиржацъ
Чарку рому паднасиу,
Яго миласци прасиу—
Выпи рюмку, выпи дзвѣ,
Скажы праудачку и мнѣ,
Хто начальникъ у Масквѣ?
Я у Масквѣ ни разъ бывау,
Многа паноу, купцоу знау,
Аднаго тольки ни знау
Я Платога казака.
Кали бъ хто яго указау,
Ябъ таму многа казны дау.
— А на што казну циряць,
Яго й-такъ можна увазнаць,
Платоу на каня садзнуся
И съ хранцузамъ пабраниуся—
Ты варона, ты варона,
Тольки умѣла ты, варона,
У чистамъ пòли ваевацъ.

(въ 1898 г. с. сл. 19 л. парня, въ с. Гарцовѣ, Стародубск. у.).

Слѣдующая пѣсня про Платòва пѣлась въ 1863 г. хоромъ ребятъ и записана со словъ 40 лѣт. шаповала тогда же).

Ты, Расея, ты Расея,
Ты расейская земля
Пра цябе, зимля Расея,
Многа славы гаваряць,
Пра Платòга казака.
У Платòга казака
Нябрытая барада
И ня стрыжаны вусы,
На грудзяхъ висяць хрясты.
Убираўся Платоу
Къ Винаплàту (Бонопарту) на паклòнъ,
На шырокій дворъ увъѣжджàу.
Винаплатъ яго сустрякау,
У харомы зазывàу,
За дубовый столъ саджау
Стаканъ волки наливау.
Охъ, и выпи купецъ,
Ты, расейскій маладзецъ.

Загадаю я загадачку,
Ты изволь мнѣ аттадаць.
Я на ярмалки гуляу,
Ахвицерау узнавау,
Аднаго я ни угадяу
Я Платога казака.
Хто бъ мнѣ яго указау,
Много-бы суммы таму дау.
Ахъ, на што сумму давацъ,
Яго-й такъ можна увазнаць.
У Платога казака
Ня брытая барада,
Платоу бараду аббрыу,
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За дубовый столъ саджау.

Слѣдующая пѣсня позаимствована въ 1863 году въ с. Росухѣ.

Пиша, пиша кароль пруській
Гасударыни у Санатъ
Прашу цябе, сударыня,
Ни прагнѣвайсь на мяне,
Ой атдай-ка, сударыня,
Да тры слаувныхъ гарады:
Атдай городъ, отдай пицяръ,
Атдай слаўную Маскву,
Кали ты ни атдаси,
Дыкъ я цябе разарю и разабъю,
У каменну Маскву увайду,
Рядавыхъ салдатъ пастаулю
Па купечиськихъ дамахъ,
А самъ стану, кароль пруській,
Я у царьскамъ у дварцы.
Дыкъ зачымъ ты, сударыня,
Прызадумаушысь стайишъ,
Тольки бѣлы руки ломишъ,
Ничаго ни гаварышъ.
То ня пылъ у поли запылиуся,
То йшло воська князя Васильля.
Князь Василька на вайну пашоу
А за йимъ паслы па тры, па чатыры.
Ты вярнись, вярнись князь Василька,
Твая жана сына спарадзила,
Спарадзиушы, Богу душу атдала
Падъѣжджая князь Василька къ цыряму,
То ни кавалики куюць,
То жанѣ яго дамавину будуюць.
То ни пташачки у садзику пяюць,
То князя Василька да дробныя дзѣтки
Па свайой роднай мацы плачуць.

(Записано въ с. Кожемякахъ въ 1898 г. отъ 80-лѣти. старика, Мглинскаго у.).

Поля чыстая турецкая,
Мы кагда цябе поля, пройдземъ,
Уси бугры, твайе дарожачки,
Уси миста слауны, прыкрасны.
Мы сайдземся съ нипрыяцелемъ
Съ такой ардой нявѣрнаю.
Ва часной дзень сиряду
Падхадзили къ нипрыяцялю,
Кагды турки напивалися
И на Рассею собиралися.

(Записано въ 1861 г. отъ 30 лѣт. жен.).

Польна, польна вамъ, сняжочки,
На сырой зямли лижаць.
Польна, польна вамъ, салдацики,
Горя гарявацъ.
Пара привыкаць
Къ турецкимъ степямъ,
Къ турецкимъ гарадамъ.

(с. Невворово, въ 1890 г.).

Пѣсни тюремныя.

Вѣцяръ вѣя, павѣвая,
Садъ зялёнинькій шумиць.
Сама дзѣвица ни зная,
Идзѣ яйе милый сядзиць.
Што-й у горадзи у Адесци,
На вулицы на раунѣ,
Тамъ стаяла да тры башни,
Па сярёдку балшый домъ.
То ни домъ, ни балница
Настаящая цюрьма,
Тамъ сядзиць яйе милой
Парянечыкъ удалой
За дубовыми дзвирямы.
Ничаго парню ня видна
Только й слышанъ звонъ ключоу,
Клюшникъ дзвери аттварая—
Выхадзи-ка братъ сюды.
Якъ йонъ вышау на свѣтъ божый,

Кругомъ сябѣ асматрѣуся,
Ахрясциуся тры разы.
Аткуль узяуся тэй священникъ,
Стау йонъ правила чытаць,
Аткуль узяуся тэй судзебный,
Стау ряшѣньня кыкликаць.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 16-лѣтн. хлопца въ 1899 году).

Какой проступокъ и что приводитъ мóлойцовъ въ острогъ, объ этомъ пѣсни умалчиваютъ.

Впрочемъ, слѣдующая изъ нихъ нѣсколько объясняетъ причину неволюшки и выражаетъ обманутую любовь, доведшую дѣвку до худыя славы, до великаго стыда и преступленія:

Охъ ты, пташка канарейка,
Разгани пичаль маю.
Майо горя усимъ извѣстна
Абмануу милôй мяне.
Йонъ на мяне прызабыуся,
Я на яго—никагда,
Атчыню я у клѣццы дзвери,
Пущу пташачку на волю.
На палёци свайой пташцы
Три славечки разскажу:
Ахъ ты, пташка канарэйка,
Ляци у гôру високô,
Сядзь на ябланци кудрявай,
Запѣй пѣсянку яму
Пра жысць горькую маю.
Охъ ты, воля, мая воля,
Да чаго ты давяла!
Давяла ты мяне воля,
Да славушки, да худой,
Да вяликаго стыда,
Да каминнаго астрага.

(х. Александровки, Мглинскаго у., со сл. 40 л. женщ. въ 1889 г.

А худая славушка неумолимая напр.:

Ни виновинъ парабôкъ,
Винавата дзѣука,
Яще сонца ни зайшлô,
Гатôва пасцьѐлька.

(с. Красновичи, Суражскаго у., въ 1871 г., отъ 60-лѣтн. старуха).

Жаль жа мнѣ ни Тацяну,
Жаль жа мнѣ ни яйѐ:
Ни паслала пасцьелячки,
Лиха мацяри яйѐ.

(Отъ той же въ 1871 году).

Сяджу я у няволи—цямницы балшôй
Никаго ня виджу я пирядъ сабой,
Сматрю у вакошка—тавȃрышъ идзецъ,
Тавȃрышъ, таварышъ, пажалуй сюды,
Хадзи, братъ таварышъ, на нашу гарŷ
Идзѣ сонца ня свѣця и мѣсяцъ ни бывая,
Тамъ гуляю я!
Идзи, братъ таварышъ, у зяленый ты садъ,
У зялёнамъ у саду салавей пяѐцъ
Намъ, братъ, таварышъ, разлуку даецъ.

(Въ 1891 году отъ 20-лѣтн. парня, въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда).

Охъ, якъ дау мнѣ Богъ
Нищасную дôлю.
Павяли маю дôлю
На чужŷю старанŷ у нявôлю.
Доля нȃ йдзѐць, упирȃйицца,
За маю маладецкую шыю хватȃйицца.
На дварѣ марозаньки люты
Прымарозили зялѣзы на жываты
Я ирвау, ирвау—зялѣзы ня рвŷцца,
Знаць мнѣ молайцу въ нявôли ни вярнŷцца.
Што-й зъ вѐчара пагода
Ка бѣлу свѣту марôзъ.
Ишôу, прайшоу брадзяга,
Виздомный чалавѣкъ.
На сустрѣчу йшоу брадзяги
Яго прыяцель дарагой:
Твая маминька раднȃя
У сырой зямлѝ ляжыць,
А падружка дарагая
Падъ вянцôмъ зъ другимъ стайиць,
Дзѣлаць нечаго брадзяи,

Паварачывай назадъ!
Ишоу я лѣсамъ,
Ишоу я цёмнымъ,
Уздумау малчыкъ атдыхнуцъ.
Жарка соньнейка прыгрѣло,
Стау я, малчыкъ, засыпацъ,
Стала ночка наступацъ.
Узяли молайца, забрали,
Руки ноги пазвязали
И атправили у вастрогъ.
У в'астрози дзверь шырока
Да калитачка вузка,
Ни пускаюцъ никуда.
Ты запѣй, запѣй, жаваранокъ,
Запѣй вясной на пратадинцы,
Ты падай голасъ тирязъ цёмный лѣсъ
У Маскву каминную отъ нявольничка.
Йонъ ни годъ сядзицъ и ни два,
А сядзицъ йонъ роуно дзевяцъ гадоу,
На дисятый годъ стау письмо писацъ.
Напишу письмо къ аццу й мацяры
Аценъ—матушка, парятуйця,
— Што й у нашай радни
Плутоу ни было.
Ни плутоу, ни вароу,
Ни разбойничкоу.
Што-й адзинъ у насъ сынъ
Да-й тэй падпалкоуннчакъ.
Па карманамъ вѣцяръ вѣя,
Кашалекъ пустый грымицъ,
Абарваницъ ни рабѣя,
За ряшоткаю сядзицъ.
Ноги босы, цьѣла грязна
И рубашка якъ смала.
На рукахъ яго браслеты,
На нагахъ усе кандалы.
Чорный воранъ, другъ залетный,
Ляци къ милинькай скарэй,
Атдай милаго паштэньня,
Ще-й заглазный пацалуй.

———

Пѣсни, которыя поются хлопцами по большей части хоромъ, «когда заугодно».

Удоука свайго сына
На Донъ пасылала —
Ѣдзь, мой сынокъ,
Да-й ни барыся,
На чужой старонцы
Да-й ни жанися.
Ни чуць сына годъ
Ни чуць и другій,
На трецьцій гадокъ
Ѣдзя сынокъ
Да ни самъ съ сабою,
А зъ маладою да жаноню.
Вышла маци
Сына сустрикаци,
Вынясла яна
Тры чары вина.
Адна чара вина зиляна
Другая чара якъ мята—рута.
Первую чару—сама выпила,
Другую сыну—паднясла
А трецьцю чару—жанѣ маладой,
Ня пи, мая мила, усю чару адна,
Выпъимъ съ табой мы па палавинѣ
И ляжымъ съ табой у адной дамавини.
Сынокъ упиуся, съ каня звалиуся,
А нявѣстушка съ павозки.
Палажыли сына—край дарожки
А нявѣстачку—край далинначки,
На сыночку расцы зяленый дубочыкъ,
На нявѣстачки бѣлая бяреза.
Яны расли, расли, сыхилилися,
Да ужо-жъ майе дзѣтачки таки злюбилися.

(Дер. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18 лѣт. парня въ 1898 г.).
См. Шейнъ бѣлор. пѣсни т. 1, ч. 1, стр. 247. № 546, 547, 548, 549.

Засцвитала сиия моря
Разнымы агнямы
Да усё караблямы.
Што-й у тыхъ жа караблях
Матросы гуляюцъ.
Яны къ сабѣ красну дзѣуку
Гуляцъ падбиваюцъ.
Пойдзимъ, красна дзѣука,
Пойдзимъ гуляцъ зъ намы.
Мы цябе, красная дзѣука,
Напоимъ, накормимъ,
Съ сабой спацъ паложымъ.
Спи, красная дзѣука,
Спи, ни прашыпайся.
Прашнулася дзѣука
Пасярядзи моря,

Матросики галубочки,
Паганяйця къ броду.
Божачка мой милый,
Цяперь жа мнѣ, красная дзѣуцы,
Ни видаць свайго роду.

(Отъ того же въ 1898 году).

Ни лятай ты, сызъ галубчыкъ,
На майо свѣтла вакно.
Ты ляци, ляци, галубчыкъ,
На канюшаньку нову.
Асядлай ты, сызъ галубчыкъ,
Мнѣ варониньку каня.
У чыстамъ поли, край дарожки,
Распяла дзѣука шацёръ (bis)
Съ тонкихъ бѣлыхъ палацёнъ.
Узяла голуба на руки
Стала галаву часаць. (bis),
Стаў галубчыкъ засыпаць.
Я думала, галубецъ,
Ажъ-то—Сенька маладзецъ.
Заснуу голубъ, заснуў сызый
У красная дзѣуки на рукахъ,
На шауковыхъ рукавахъ,
Прашнуусь голубъ,
Прашнуусь—сизый,
Нима дзѣуки, ни каня,
Ни шауковаго шатра.
Людзи пашуць, людзи сѣюць,
А я, моладзець, хаджу,
У рукахъ пужачку дзяржў.

(х. Александровка, Мглинскаго у. со сл. 35 лѣт. жен. въ 1897 г.)

Кали бъ жа мнѣ
Чарка да пляшка
Да жонка Наташка!
Самъ бы я па вадзйцу хадзіу,
Сваю-бъ милаю за ручачку вадзіу,
Я бъ яйе цалавау, милавау,
Я бъ жа йой кухаварачку наняу:
Кала люлячки няпичка,
Кала печы кухаварачка.

(дер. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ).

Ва турецкай, ва старонки
Уси салдацики у шаренку,
Яны пушки заряжаюць,
У Турэччыну стрыляюць.
Яны ходзюць, маршыруюць,
Силна тужуць и гарюють;
Янаралови сыночки ходзюць, уцѣшаюць
Бѣлымъ, розовымъ платочкомъ
На вѣтру махаюць.
Охъ вы цыцця (молчите), ни тужыця
Што-й за ваша за старанья,
У сихъ дзеньгамы паграджў,
Што за вашы за болныя раны,
Усихъ хрэстамы ударю.

(с. Росуха Мглинск. у. со сл. 18 лѣт. пар. въ 1891 г.).

Матка доньку пытала,
Чаго доня смутна?
Сама я пра то знаю
Каго вѣрна люблю.
Люблю дружка сярдешна,
Люблю яго дауно.
У поли вѣтры свищуць,
Ваенный громъ грымиць.
Нихто такъ ни страждая,
Якъ милый на вайнѣ.
И онъ ружжа заряджау
И пушакъ ни баяуся,
Усё думау аба мнѣ.
Убитъ, убитъ галубчыкъ,
Падъ кусцикамъ ляжыць,
Была бъ я волнай пташкай
Зьлитала-бъ я къ яму,
Я костачки-бъ забрала.
У тясовый гробикъ склала
Зямельки-бъ прыдала.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

Цьеща дли зяця пирогъ пякла,
Соли, да муки на чатыри рубли,
Сахару, изюму, на вяликую сумму.
Якъ стау йой пирогъ, да дванадцать рублёу.
А зяцюшка сѣу да увесь пирогъ зьѣу
Якъ цябе, зяцюшка, да ни разарвало!
Симярыхъ бы зяцёу я бъ пакаштавала,
Придзи ка мнѣ, цьещухна, у маслянку,
Я цябе, цьёщухна, пачастую
У семъ дубинъ, да дубовенькихъ,
А восьмую бярёзаваю на табѣ
Я да рукъ зламаю.

(с. Новворово, 18 лѣт. хлопц. въ 1894 г.).

Жыу сабѣ кароль,
Кароль удалой,
Ионъ мѣу сабѣ двѣ дачки,
Распрыкрасныхъ сабой.
Бóлшая—смуглянка,
Якъ чорная ночъ,
Мéншая—болянка
Якъ царьская дочъ.
Бóлшая мéншую
Манила патайкомъ—
Пойдзимъ, пойдзимъ, сястрыца,
На биряжóкъ са мной,
Паглядзимъ тамъ, сястрыца,
Якъ моря вýбрано
Силнаю валнóю,
Пѣнаю марьскóю.
И болшая мéншую
Спихнула зъ биряжку.
Рятуй мяне, сястрыца,
Рятуй мяне, сястра,
Атдамъ табѣ калечка
Майго жаниха.
—Калечка у наслѣдства
Дастаницца мнѣ,
Якъ ты захлынесься
У халоднай валнѣ.
Рятуйця! накажыця
Матухны-й аццу.
Прибрали красотку
Мяне ка вянцу.
Были у мяне музыки
Усё вóлны марьскія,
Были у мяне свашки
Заморськія пташки.
Рыбалоуцы хлопцы рыбу лавили,
Выцягнули сѣци на крутъ биряжóкъ
Вытрусили сь сѣци царьскую дочь.
Здзѣлали архву зъ яйе буйныхъ косць,
Ссукали струны зь яйе русыхъ косъ,
Паставили архву прóци царьскихъ варотъ,
Зайграли на архву—сабрауся народъ,
Слухайця людзи, што архва крычыць,
Бóлшую сястрыцу павѣсиць вялиць.

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со сл. 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

У барына, у барына хараша была жана
А у лакея, у лакея, ще-й палуччы была.
Давай, лакей, давай, лакей, паминяемся на жану.
Ни хочу, барынъ, миняцца, ни хочу минять жану,
Вашу жану, вашу жану часта у госци завуць.
Мая жана, мая жана да ня ходзиць никуды.
—Падлецъ лакей, падлецъ лакей, яго у салдаты сдаць,
Жану яго, жану яго у прыслуги узяць.
Што-й за рѣчкай за рякой,
Парэнь грэчку качáя
У Марусеньки пытая:
Марусенька, душанька
Ци пусьцишь ты начавацъ?
Наѣдзя панъ, будзя знаць,
Марусичка, душачка
Мы старóжу паставимъ
На чатыры старанѝ
Па чатыры маскали.
Маскалики заснули
Прыѣхау панъ — ня чули.
Марусинька — душачка,
Скажы прауду усю мнѣ,
Чаго пляшка на сталѣ?
Маскалики праѣжджали,
Мёдъ, пиво кýповали,
Красно пиво купавали,
Бутылачки распивали.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣт. хлопца въ 1894 году).

Станимъ, браццы, у кругавую
Запяйёмъ пѣсню навýю
Сынъ на мацці капусту вазиу,
Маладу жану у прысцяжку вадзиу,
Ионъ на матушку панукавайя,
А на жоначку патпрукавайя,
Што-й на матушку дубинаю,
А на жоначку—былиною.
Ой—ты! ну-ка мая матушка,
Ой и стой-ты, мая жоначка!

(с. Ивайтёнки, Мглинскаго у. со словъ 20 лѣтн. парня въ 1890 году).

Таварышъ, таварыщъ, вѣрный таварышъ мой, я умру.
Паложъ мяне, брацецъ, вѣрный таварышъ, въ вишневамъ саду,
У вишневамъ садочку, на жоутомъ пясочку падъ рябинаю.
Рябина высока, лисцяйка шырока, кучэрява,

Спусцила гольля зь верху да корня, ще—й—да доланьку,
Да прыкрыло цьѣло бурлацкое, бѣлае, ще-й галованьку.
Ничто ни заплача па бѣламу цьѣлу па бурлацкому
Да ни ацецъ, ни маци, ни братъ, ни сястрыца.

Што й у поли, пры далини
Сядвйць сокалъ на калини,
Буйну ягаду клюйе.
Сядзиць дзѣука у святлицы
Гарючыя слёзы льлѐ.
Зарасла дарòжачка,
Прызамѣтинъ и слядокъ,
Штобъ и милый ни хадзиу,
Дарожачки ни тарыу.
Падарачка ни насиу,
Падарачка дарагòга,
Зъ руки персня залатòга.
Пагляджу я на калечка,
Забалиць майо сярдечка,
Балиць серца и животъ,
Што ни у прàудзи милъ жывѐць,
Польна табѣ, сакòлику,
Горьку ягаду клевацъ,
Будзя табѣ, дзѣвачка,
Гарючыя слёзы праливаць.
Манюкоускіе рыбяты
На гульню—закаты.
Якъ пашли яны у салдаты,
Ни багацька праслужыли,
Уздумали бижаць
Прыбяжали къ Дунай—рэчки.
Кличуць пирявозу,
Пирявозу нѣту,
Нидалече лодка.
Охъ мы сядзимъ да паѣдзимъ
На сваю старонку,
Какъ на нашай на старонки
Кватѐры новыя,
Хазяечки маладыя.

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Худо, худо браццы жыць,
На чужыхъ малодакъ пaглядаючы.
Што-й чужыя малодки,
Якъ макавый цвѣтъ;
Пуще жъ майой неудàшачки
У бѣламъ свѣци нѣтъ.
Якъ вазьму я неудашачку
За бѣлыя руки,
Пазяду я неудàшачку
У млынъ глыбокій
Плыви, плыви, неудашачка,
Услѣдъ за водой.
Надоѣло, неудашачка,
Жывучы съ табою.
Худо, худо, браццы, жыць
Бизъ неудашачки.
Чацьвертая нядзѣличка
Бизъ бѣлай рубашачки.
Йосць у мянѣ сядзѣлечко
Ще-й варòный конь,
Только сѣсць паѣхаць
Къ свайму стю (тестю) на дворъ
Здарòу, здарòу, цьестюшка,
Цьеща, добрый дзень,
Атдали мнѣ неудашачку
На адзинъ дзень.
Атдавали мы дачкỳ хазяечку
Табѣ на увесь вѣкъ.

Ноябрь.

8-го—Архистратига Михаила. Во многихъ селахъ храмовые праздники.

Вообще, начиная съ Августа и оканчивая филипповскими заговѣнами, что ни праздникъ, то храмовщина въ какомъ-нибудь селѣ, потому что «па восяни и у вярабъя пива йосць, чымъ суседа пачасгавàць».

И, дѣйствительно, отъ «рòдичау и да зàгавянъю, по деревнямъ и селамъ у насъ царствуетъ относительное благоденствіе по части питанія и продовольствія: каждый домохозяинъ отъ времени до времени рѣжетъ овечку. Чтобы говядины этой хватило на долго, бабы ежедневно кладутъ въ борщъ кусочекъ переброины или голодницы, а по праздникамъ жарятъ мягкій кусокъ съ «бульбой», но вѣрнѣе не жарятъ, а парятъ подъ сковородкой, въ легкомъ духу, отчего получается довольно безвкусное мясо, волокна котораго дерутся вдоль, какъ лыки. Густая каша считается великою роскошью и подается только на великія празднества. Каждая хозяйка старается быть очень

бережлива съ крупами, она помнитъ весеннiй холодецъ съ лабадой и на претензiю домашнихъ, что каша, т. е. супъ, крѣпко жидки, отвѣчаетъ: «ѣжъця. слава Богу и за йега, а то будзя разамъ густа, а разамъ пуста, а щаулю нищиннаго ня хочныця?».

Въ каждомъ дворѣ держатъ отъ 5 до 10 штукъ овецъ, порода совершенно простая, шерсть грубая, мясо имѣетъ нѣсколько специфическiй запахъ, особенно у худыхъ овецъ. Какъ только начнутся заморозки, каждый хозяинъ оставляетъ нѣсколько штукъ на сѣмя, а остальныхъ рѣжутъ и вѣшаютъ въ амбарахъ на морозъ, чтобы былъ запасъ къ Рождеству. Подобное перемерзшее мясо теряетъ всякiй вкусъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но овецъ рѣжутъ раньше для того, чтобы хватило корму оставшимся на зиму. Запасливый хозяинъ непремѣнно пары двѣ бараньихъ лопатокъ посолитъ и затѣмъ выкоптитъ къ Пасхѣ, что тоже довольно безвкусно.

12-го числа Ивана Милостиваго празднуютъ. «У йетый дзень гадйцца што нѐбудзь даць каму нѐбудзь, у угоду святому».

14-го—заговѣны на филипповскiй постъ. Это самые обильные и богатые заговѣны въ году. Впрочемъ, столъ не отличается разнообразiемъ, та же самая баранина «у борщѝ, баранина у жидкай каши, картошка жидкая съ бараниной, картошка густая съ бараниной у лацць (въ мискѣ) и т. д. и т. д.

Въ этотъ день уже полагается каша густая, какъ пирожное, а въ богатыхъ дворахъ бываетъ даже лапша пшанишная. Молока теперь рѣшительно ни у кого уже нѣтъ, такъ какъ коровы тельны. Оттого говорятъ, что осенью угощаютъ «лю̀бага госця малакомъ, а ня лю̀бага мёдомъ».

Кстати о мёдѣ: здѣсь нѣкоторые крестьяне, «хто хо̀ча пакушаць салодкаго», ставятъ въ лѣсу на деревѣ свой «наузникъ» [1]), куда подчасъ и поселяется какой-нибудь странствующiй рой. Тогда крестьянинъ забираетъ пчёлъ къ себѣ и иному удается черезъ годъ имѣть уже два ·улья.

До заговѣнъ, т. е. до 14-го, всегда нанимается общественный пастухъ и конюхъ, и съ этого дня уже скотъ не гоняется въ поле, и вмѣсто подножнаго получаетъ хозяйскiй кормъ. Сѣно даютъ только лошадямъ, а коровъ кормятъ житной соломой, гречаной и дѣлаютъ «струшку, т. е. съ соломой смѣшиваютъ для закрасы немного сѣна. Яровая солома уже считается «сласный [2]) кусокъ дли скацины».

Съ какого-бы времени парабкѝ и челядки ни поступали къ хозяину въ наемъ, они непремѣнно договариваются или «да рождичау или да пилипаусьскихъ загавянъ».

Особенно дѣвки очень интересуются пробыть дома зиму, чтобы побольше напрясть для свадебныхъ подарковъ и для приданаго.

Съ началомъ поста, пока алей еще не выбили, пришлось бы опять варить «нищиминицу», но бабы на этотъ разъ догадливы: «дуринь кашы наваря, калѝ крупы йосць», говорятъ онѣ и таскаютъ изъ амбара по немножку конопли, которую съ вечера подсушиваютъ, «досвиткомъ» толкутъ въ деревянной ступѣ, разводятъ водой, цѣдятъ, и этимъ молокомъ забѣляютъ борщи и супы. Такая заправа гораздо лучше молочной, а яшный супъ зъ залпукой» даже очень вкусенъ. Иная лакомка въ какой-нибудь святой день это самое конопляное молоко ставитъ на огонь и сгущенную пакипь сверху снимаетъ ложкой въ отдѣльную посуду, гдѣ и получается конопляная сметана, которой обливаютъ горячiе рѣзники изъ ржаной муки. Но блюдо это считается очень убыточнымъ, и потому хозяинъ не вытерпитъ, чтобы не сдѣлать выговора бабѣ своей: «ну, ты ласая да смашнаго, уси канопли майе паперейёчышъ (попортишь) и бяць алей нѐ-съ-чаго будзьс.

Въ этомъ мѣсяцѣ каждый старается свезти поскорѣй коноплю на маслобойню, такъ какъ тамъ всегда очень «завозно», то сваленные мѣшки съ коноплями дожидаютъ очереди недѣли двѣ, три и даже мѣсяцъ. Зачастую мужикъ слаживаетъ дѣло съ хозяиномъ маслобойни, запродаетъ коноплю и получаетъ задатокъ.

Гдѣ маслобойня, тамъ бываетъ обыкновенно и винокурня, а въ настоящее время и лавки монополiи. Вотъ тутъ уже крестьянинъ бываетъ при рѣдкой обстановкѣ: «и

[1]) маленькiй пчелиный улей; [2]) лакомый.

грошы у кишени и винапольля тутъ жа». Но онъ остороженъ, не мотъ: «отворотится, захавая грбшы куды нйбудзь за поясъ, аба у анучы». А для выпивки много-ли человѣку нужно?—Мелочи... ну, рубликъ, не больше. На эту сумму онъ и товарищу поднясе, и самъ накоцицца еле можаху, такъ что лёдьви, ледьви узлезя на калесы, а затѣмъ конь уже самъ вязе его у дворъ бизъ вожакъ».

21.—Введеніе Пресвятыя Богородицы во храмъ. Наканунѣ, ложась спать, дѣвки загадываютъ: «святоя ввядзенья, вядзи мянѣ туды, идзѣ мнѣ жыць».

24-го.—Екатерины и 30-го—Анедрея Первозваннаго считаются предрождественскими праздниками, и потому съ этихъ дней начинается гаданье: пекутъ лепешку на одной соли, и желающая повидать во снѣ своего будущаго «чалавѣка», загадываетъ, ложась въ постель и съѣвши соленую лепёшку: суженый, ряджаный, придзи мнѣ вады падаць.

Декабрь.

4-го Варвары великомученицы.

5-го Саввы. Нерѣдко къ этому времени ложится снѣгъ, какъ бы въ подтвержденіе народной примѣты: «Савва мосця, а Микола гвоздя» [1]).

6-го Николая—Мирликійскаго. Хотя не всегда, но бываютъ въ это время порядочные холода, и потому существуетъ такое дѣленіе: первые морозы Микольскіе, вторые хрященьскіе.

Къ 6-му декабрю уже устанавливаются цѣны на алей.

Пенька и алей единственные здѣсь продукты, которые идутъ въ продажу. Работаетъ то онъ цѣлое лѣто, а доходу получаетъ отъ 50—100 рублей, но ему вѣдь «пракармйцца и то добря».

А семьи-то рѣдко въ какой хатѣ найдется менѣе десяти человѣкъ съ дѣтьми, конечно, включительно.

Съ коноплянаго дохода прежде всего торопятся отдать «падзямельныя» и проч. казенные сборы, расчитаться съ долгами и на чорный весенній день завернутъ и въ тряпицу и заткнуть куда нибудь въ щелку амбара, «штобъ хто схбвы [2]) ни падглядзѣу». А иному «да зарѣзу треба коника купиць», кстати въ м. Погарѣ Никольская ярмарка.

Бываетъ изъ нихъ, впрочемъ, много и такихъ богачей, которые, сложивши коноплю на маслобойнѣ, зайдутъ къ купцу въ контору, сведутъ счеты забраннымъ деньгамъ и все тутъ. А получки то въ итогѣ и нѣтъ, развѣ много, много, что попадетъ какая нибудь счастливая пятерка въ карманъ, такъ сказать, на разводъ «на сѣмя».

Взамѣнъ конопли, во дворъ привозится еще съ маслобойни конопляная макуха. Это большое подспорье въ хозяйствѣ; она идетъ на обмѣшку рогатому скоту, лошадямъ и прочей дворовой живности, не исключая и собакъ. Ржаную же муку на обмѣшку расходуютъ очень осторожно, такъ какъ, помолотивши хлѣбъ и свёдши свои хлѣбные итоги, хозяева иной годъ ведутъ такого рода разговоры между собою:

1-й Ну, Карнѣявичъ, хвалицясь, ци багата у васъ хлѣба? Можа-бъ вы мнѣ да налѣцця пазычыли хоць пудоў зъ дзисятакъ?

2-й Нѣ, брацику, у йетамъ гаду, хто яго зная, ци хваця да масляники, ци нѣ.

3-й Во, а у мяне дай Богъ, дай Богъ, штобъ да Ражтва хапйла.

4-й И то добря а во якъ у мяне, дыкъ я йетый годъ отъ радзичаў купляю.

5-й А мы зъ братамъ намалацыли тамъ трясцуху—пасѣяли кольки было, да дзвѣ клунки на прудъ атвязли [3]), во и хлѣбъ увесь».

Къ декабрю мѣсяцу оканчиваются всѣ срочныя работы: жито домолочено еще въ ноябрѣ, чтобъ его на гумнѣ мышь не точила, пеньку изъ сажалокъ тоже давно «вы-

---

[1]) отъ слова гвоздь. [2]) отъ слова схоцаць—спрятать. [3]) молоть на муку.

тягали», свезли и разставили на просушку, слѣдовательно, свободнаго времени у крестьянина остается достаточно.

Ходить зимой на заработотки онъ не охотникъ, «да и дзень карѳтакъ, ци багаты чаго зробишъ» и вотъ каждый изъ нихъ «пѳруицца кала двара: скотъ гадуя, у лѣсъ за дравамы ѣздзя, лапци пляце».

Въ началѣ зимы у многихъ хлѣбъ еще не доѣденъ, бабы то и дѣло, что пекутъ горяченькіе блинки, кстати алей выбигъ и «пакинули на расходъ хунтоу 20, а то и цѣлый пудъ», возможно, пока свѣженькимъ алейцемъ маслить усякія микотки.

Хотя этого «хлѣбца и алейца» хватитъ не на долго, но... что будетъ дальше, о томъ на теплой печкѣ при горячихъ пампушкахъ и галушкахъ «ни злишкомъ руницца».

За нѣсколько дней до Рождества по селамъ то тамъ, то сямъ. на площадкахъ или огородахъ виднѣются огоньки: домохозяева, заколовши «корминаго» кабана, смалюць яго соломой.

Это великое событіе совершается разъ въ году. Сало рѣжутъ на четырехъ-угольные квадратики, солятъ и складываютъ въ дежку на всю годовую пропорцію для заправы «стравы». Изъ говядины дѣлаютъ колбасы.

При малыхъ достаткахъ и неурожаѣ только прикармливаютъ небольшого «подсвинка», а потому получается не сало, а «адны—шкурки, а каубасы съ палицъ у тоушки».

Но тѣмъ не менѣе уже на рождественскіе праздники въ каждомъ дворѣ колбасы. Даже священнику, когда онъ ходитъ съ крестомъ полагается кусокъ сала и колбаса.

Каляда.

(рождественскіе святки).

24-го декабря «на куццю» особенно бабы ничего не ѣдятъ до вечерней зари—звѣзды. Зато передъ вечеромъ куда ни взглянешь, надъ каждой хатой вьется дымокъ—это топятъ печи и варятъ кутью (ячменная густая каша), а также кутью изъ всякаго «збожжа» для скота.

Въ каждую кашу стемляютъ деревянные крестики и ставятъ кутью и «узваръ», т. е. отваренныя сушеныя яблоки—подъ образами въ сѣно, въ воспоминаніе младенца Христа, лежащаго въ ясляхъ.

Вячеряюць трохи позднѣй, зато въ сумерки ѣдятъ блины.

Если въ дворѣ есть дѣвкы, то онѣ первымъ дѣломъ стараются «захавацъ первый блинъ, съ которымъ идутъ подъ окна надслухавацъ пра што у хаци гамонюць», то и случицца.

Хорошо, если разговариваютъ о хлѣбѣ, о богатствѣ, о женитьбѣ, а то иногда идетъ разсказъ и о покойникахъ. «Иванъ или Романъ, што у томъ гаду ѣу съ намы куццю, сё лѣта яго душачка тольки па хаци лятая».

Кромѣ того въ эту пору дѣвки цѣлыми партіями ходятъ подъ окны «щадравацъ у тыя двары идзя йосць нявѣсты и хлопцы ня жанатые». Имъ то и адресуются всякія хвалебныя пѣсни съ припѣвами.

Святый вечаръ добрымъ людзямъ.

Што-й у варѳцьечкахъ
Стаяла древачка кунарисная,
Падъ тымъ древачкамъ
Пава хадзила, перья раняла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Дзѣвачка хадзйла
Перъячка зьбирала,
Вяночыкъ пляла (bis),
На галоуку клала,
Да церькви ишла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Паны-й карали дзивавалися,
Ци йета царэуна
Ци каралёуна,

Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Я ни царэуна, ни каралеуна,
Я Ганна Иванауна
Дай—Кужалева (фамилія той, кому поють.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣтн. дѣвки въ 1889 году).

Хадзѝ Галичка на вичарнѝцы,
Святый вѐчаръ добрымъ лю̀дзямъ!
Ни пайду, сястрицы,
Да-й на вичарнѝцы,
Прыѣхау ка мнѣ ро̀дный брахнійка
Да прывезъ мнѣ тры радасци,
Тры радасци, тры вясёласци
Первая радасць—зялёный сайнъ
Другая радасць—арло̀вый вяно̀къ,
А трецьця радосць—залатый персцянъ.
Галичка прыбиралася—нариджа̀лася
Да церкву ишла.
На га̀нки узыйшла—
Ганки укланились.
У цѐркау узыйшла—
Церькау асвяцилась.
Паны сустрика̀ли—шапки здзива̀ли,
Ци йета па̀нна? Ци каралёуна?
Ажъ йета наша Галичка Аудакімоуна,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!

(с. Росуха, Мглин. у. отъ той же въ 1889 году).

У ляску, у ляску,
На ждутамъ пяску,
Святый вѐчаръ до̀брымъ людзямъ!
Тамъ пчо̀лы гудуць,
Цѐрькау бу̀дуюць
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Съ трэма̀ вакна̀мы,
Съ чатырьма вуглами,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Первая вако̀нца
Жаркая со̀нца,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Друга̀я ваконца
Вясёлъ мѣсячка,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Трецця ваконца
Дро̀бны звѣздачки,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Жаркая соньняйка—
То Владымірька
Вясёлъ мѣсячка—
То красная дзѣвачка.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Дробныя звѣздачки
То йихъ двѣтачки
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 19-лѣтн. дѣвки въ 1898 году).

Слѣдующая пѣсня поется хозяину, у котораго нѣсколько сыновей:

Ой рана, рана пѣуни папѣли,
Ще-й ранѣй таго̀ Мико̀лка уста̀у,
Па двару̀ пахадзѝу,
Званко̀мъ пазванѝу,
Братцау пабудзѝу,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Уставайця, брацьця,
Сидла̀йця ко̀ній,
Ѣдзьця у дубро̀вы зялёныя,
Сякиця масты калѝнавыя,
Будуць иццць тры празники,
Первый пра̀зничакъ свято̀е Ражство̀.
Другій празничакъ свято̀га Васильля,
Трецьцій празничакъ свято̀я хрященьня
На Ражство̀—разгавляньняйка,
На Васѝльля—гуляньнейка,
На Хрященьня разъѣжджаньней ка.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

За эти пѣсни хозяинъ высылаетъ щадровщикамъ сала, по кусочку колбасы, а скорѣй всего по блину. Панъ же даетъ нѣсколько копеекъ.

Съ кѣмъ мало церэмонятся, тому поютъ слѣдующее:

Щадру̀ю, щадру̀ю,
Каубаски чу̀ю,
Святый вѐчаръ
Добрымъ людзямъ!
Дайця каубасу̀,
Я у дворъ панясу
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Дайця другую,
Я пащадрую,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!

(въ 1899 г. отъ той же).

Если долго ничего не высылают, то одна изъ дѣвокъ говоритъ у оконнаго стекла:

«Дарица, ни барица, коротки свотки, памерзли лытки».

Еще въ этотъ вечеръ подростки водятъ «козу» по дворамъ.

Въ этой костюмировкѣ нѣтъ никакой иллюзіи: одинъ изъ хлопцевъ надѣваетъ на себя вывороченный на изнанку кожухъ, становится на четвереньки и топчится на одномъ мѣстѣ. Остальные хлопцы поютъ:

Го-го—каза,
Го-го—сѣрая,
Ни хадзи каза
Падъ Михайлауська,
Тамъ йосць стряльцы,
Хочуць казу убійць,
Дзяцей асирацідь.

(с. Росуха въ 1899 г. со сл. 18-лѣтн. парня).

25-го—Рождество Христово.

Рождественскими праздниками, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, каждый имѣетъ поползновеніе развлечься и повеселить себя чѣмъ бы то ни было. Но чѣмъ же, спрашивается?

Вотъ и первый день праздника: утромъ у каждаго поселянина время занято: надѣвъ свои праздничные наряды, всѣ стремятся въ Божій храмъ помолиться, поставить «свѣчачку на свайе мазалёвыя», и бросить въ брязкотку, кто сколько можетъ. Обѣдня кончилась. Разсыпались всѣ по своимъ дворамъ разговляться. Лица у всѣхъ довольныя, веселыя, у каждаго такъ и написано: дождались, слава Богу, праздничка Господня.

Къ обѣду въ этотъ день почти у каждаго припасена «крошка мяса».

Покушали, легли отдохнуть. Вставши глянули на небо: еще рано, солнце съ полдня не свернуло.

Чѣмъ же тутъ позабавиться? Куда себя пристроить? Пошелъ бы за ворота, на улицу—рождественскій морозъ лютъ, «за носъ щіпля»; зашелъ бы къ сосѣду—сидѣть самъ на самъ не великая потѣха,—хочется примкнуть къ стаду, да собраться некуда, кромѣ какъ къ «жиду Калману», у котораго хаты просторныя, столы и лавки широкіе.

Вотъ и потянулись къ Калману и съ того конца села и съ этого. Большинство шло съ самыми невинными намѣреніями «пасядзѣць, пагаманиць, людзей паслухаць», но чѣмъ оканчивались обыкновенно бесѣды въ шинкахъ—извѣстно каждому.

На бабиныхъ.

На 2-й день праздниковъ рождественскихъ повсемѣстно «гуляюць бабйны», состоящія въ слѣдующемъ: бабка приглашаетъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ «унуковъ», т. е. мужа и жену, у которыхъ въ этомъ году были новорожденные. При этомъ несутъ бабѣ пироги, т. е. 4 или 5 наводневъ чернаго хлѣба.

Если бабка зажитачная и внуковъ имѣется 5—7 паръ, то горѣлочки здѣсь выпивается не менѣе ведра и гулянье продолжается всю ночь до сьѣту.

Подъ часъ бабуся «гукнѐ зъ вулицы хлопцовъ» съ гармоніей, скрипкой, бубномъ, и тогда всѣ принимаются за танцы, «ня учуисься, якъ и ночка пройдзя. Вотъ якъ харашо, да весяла на бабинахъ», разсказываютъ «унуки».

Въ перемежку между танцами, за закуской и выпивкой, поютъ разныя пѣсни, выражающія преимущественно отношенія молодыхъ супруговъ въ жёнамъ и семьѣ.

Што—й у лўзи, на прытўзи
Калиначки кустъ,
А на той калйнацы
Салавейка спиць.
Хто жъ будзя салавейку пабуджаци?
Йосць у яго зязюличка, тая пабўдзя.
Устань, устань, салавейчка,
Гòдзя табѣ спаци,

Ужо твайе таварышы
Луги аблящѣли;
Зязюличка сѣрая,
Палетай за мяне.
У сѣнячкахъ за дзвѣрямы
Грышачка спиць,
Некаму Грышачки
Яго пабудзиць.
Йосць у яго Парасачка,
Тая пабудзя.
Устань, устань, Грышачка,
Гѐдзя табѣ спаци,
Ужо твайе таварышы
Кѐней гадуюць,
Парасачка Иванауна,
Пагадуй за мяне.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣт. женщ. въ 1897 году).

Шуме, гудзе сосинка у бару.
Гуляла, буяла свякруха у пиру,
Гуляушы, буяушы, у двѐру прышла
Да—й прычѝначку знайшла
На бѐлшаго сына, на бѐлшую нявѣстачку:
Чаго, чаго ни сустрикàли,
Чаго, чаго падъ руки ни хватали.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣз. отъ 27-лѣт. женщ. въ 1897 г.),

Якъ устану я ранюсинька,
Умыюся я бялюсинька,
Якъ сяду я падъ кудзѣляю
Да—й падъ бѣлаю,
На дворѣ свѣтъ бялюсинькій.
Идець мой милюсенькій,
У зàсцежки на грудзяхъ лента красная,
А на пѐяси да зялёная.
Скажы, скажы, мой милюсинькій,
Издѣ ночъ начавау?
Начавау я, майя мѝлая,
У твайихъ братѐу,
А у свайихъ шурьянѐу.
Нипраудачку, чалавѣча, кажышъ,
Я позна зь вѐчара ни спала,
Па падъ вѐканьню хадзила.
Идзѣ, падлецъ, шляуся,
Идзѣ валачыуся?
Нашною дабѐю
Шъ шельмаю другою.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Когда ея родные братья съ жёнами и всѣ добрые люди по парочкамъ въ мирѣ и согласіи отправляются на бабины веселиться, ея непутящій мужъ ушелъ къ своей возлюбленной. Идти же одной на это собраніе «нивесь яковѐ». Вотъ она и отправляется подъ окно посмотрѣть на пиръ и видитъ тамъ:

Сидяць браты па застѐльляйку
Зъ маладѝмы жѐнкамы,
Пьюць мёдъ да гарэлачку,
Зялёно винѐ.
Пра мяне пра горькаю, дя гавѐрюць—
Нема нашыя бяздолныя,
Нема гѐрька-дѐлныя,
Я ать воканъ пашла да-й заплакала—
Ты скажы, скажы, мой милинькій,
Идзѣ ночъ начавау?
Начавау я, мая мила,
Да—й у клюшницы.
— У шельмы клюшницы,
Злой разлушницы.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Туманъ, туманъ па далйни,
Шырокій листъ на калйни,
Яще шйршы на дубѐчку,
Клича гѐлубъ голубачку
Хоць ни свайю, дыкъ чужую,
Хадзи, серца, пацалую.
На што табѣ чужу цалаваци,
Свайой пичаль задаваци.

(д. Водвинка, Мглинскаго у. со словъ 27 лѣт. женщ. въ 1898 году).
См. Шейнъ бѣл. пѣсни т. I ч. 1 стр. 300 № 353.

Въ деревнѣ Кожемякахъ эту самую пѣсню оканчиваютъ такъ:

Ни задавай серцу тѹги,
Ня вѐзьмишъ ты, вѐзьмя другій,
— Дзяучына, ни журыся
Я-йще моладъ, ни жанйуся,
А якъ буду жанйцися,
Прыдзи дзйва дзивйцися.

— Твайо пива мнѣ ня удзива,
Твайо вино пѣци горька,
Любились мы гадоу скольки!
Любилися ни пабралися,
Тольки людзи насмѣялися.

(со сл. 65 лѣт. женщ. въ с. Кожемякахъ, Мглянскаго у. въ 1897 году).

На другой день утромъ къ бабусѣ опять являются всѣ парочки похмѣляться и на этотъ разъ уже приводятъ своихъ свекрухъ и свёкровъ. Затѣмъ каждая чета приглашаетъ ее къ себѣ въ назначенный день.

Однако на другой день пирушки поются такія пѣсни:

Спйцца дрэмлицца
Падъ кудзеляю.
Зѐляна в'аччу,
Гарэлки хо̀чу.
Вы на Бога гляньця,
Пахмялйцца дайця,
Учо̀ра я малада̀
На бабинахъ была,
Багата выпила.

(Со сл. 30 л. жен. хут. Шапачки 1897 года).

На новый годъ, раннимъ утромъ маленькіе, семи, восьми-лѣтніе хлопчики, съ узелкомъ ржаныхъ зёренъ въ платочкѣ, являются въ каждую хату и, бросая горстями на полъ зерно, поютъ:

Сѣта, сѣта [1])
На но̀ва лѣта.
Хо̀дзя Илья
Падъ Васйлья.
У яго пужка да драцдная,
Идзѣ пужкай махне,
Тамъ жыта расце.
А йдзѣ ни махая,
Тамъ и ня бывая.
Зарядзй, Божа,
Жыта— пшанйцу,
Усяку пашницу
У по̀ли ядро̀мъ,
У дварѐ добромъ.

Оканчиваютъ обыкновенно такъ:

Ой ты, дзѣдзичка,
Глянь на палйчку,
Дай паляничку̀.
А ты, бабачка,
Глянь на куто̀чыкъ,
Дай сала кусочыкъ.

(с. Разсухи, Мглинскаго у. со сл.)

5-го января: постная кутья. Тоже не ѣдятъ до зари или до освященія воды на вечернѣ. Также, какъ и въ предъидущіе сочельники вечеромъ пекутъ блины, варятъ кутью и узваръ.

6-го Крещеніе. Все село сходится на Ярда̀нь. Вырубленный во льду, на рѣкѣ или озерѣ, крестъ обливаютъ бурачнымъ разсоломъ и обсаживаютъ ёлками. На «Ярдань» принято пріѣзжать на лошадяхъ.

Игрыща или вечарницы.

На рождественскихъ праздникахъ и вообще зимой молодежь тоже изобрѣтаетъ себѣ забавы: устраиваютъ время отъ времени, въ складчину, въ хатѣ какой-нибудь одинокой вдовы вечерницы или «игрйща», какъ ихъ здѣсь больше называютъ.

Вечеромъ готовится закуска: самое первое и лакомое блюдо у нихъ—это «яйешня», кулешъ гарохавый съ саламъ на скавародцы и каубаса.

Благоразумные родители и сами даютъ для этого провизію, но большая часть молодежи принуждена красць у бацьки и матки нужные для игрйщъ продукты, что, впро-

[1]) Сѣяно.

чемъ, не считается вовсе за воровство, и каждый смотритъ на это, какъ на забаву молодежи.

На вечерницахъ, кромѣ музыки и танцевъ поются и пѣсни, какія вадумаются, и прежнія старинныя и новыя приносныя, позаимствованныя парнями гдѣ-нибудь на заработкахъ.

Слѣдующая пѣсня занесена изъ Кіева: «тамъ нашы чули яйе, якъ пѣли бурлаки»:

У садзи ягада лясная
Надъ прыкрыціямъ расла̀,
Маладая свѣтъ княгиня
Съ княземъ у цьѣрями жыла.
Ванька—Клюшникъ
Злый разлушникъ,
Разлучыу князя жъ жандй.
Ванька зь нянькай пабраппуся,
Нянька князю данясла.
Крыкнуу, свиснуу князь лакѐяу,
Самъ вышау на паратная крыльцо.
Вы, лакеи, вы, лакеи, маладыя кучаря,
Вы идзйця, привядзйця
Ваньку-клюшника сюды̀.
Идзець Ванька, идзець клюшникъ
Кудры вѣя вяцеркомъ.
У княгини малодыя
Льлюцца сьлезы ручайкомъ.
Скажы, Ванька, скажы, Клюшникъ
Кольки лѣтъ съ княгиняй жыу?
Пра то знайиць свѣтъ княгиня
Чуть слышно прагаварыу.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со словъ 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Вы ня вѣйця, вѣтры,
Сы крутыя гары̀
Ни наносьця, вѣтры,
Бѣлу снѣгу на мой дворъ.
На майомъ дварѣ
Усё шаукдвая трава.
Охъ! и што жъ то за милой
Што далёка атъ мяне,
Йонъ ни атвѣдайиць мяне.
Запряжыця мнѣ каня,
Паѣду къ яму сама.
Падъйнжджаю падъ лясокъ,
Падай, милый, галасокъ.
Пріѣджаю надъ ряку,
Падай, милинькій, руку̀.
Прыѣжджаю у сяло,
Мнѣ на серцы цижало̀.
Пиряѣхала я рду,
Кажуць-милый низдаро̀у.
Узънжджаю я на дворъ,
Кажуць-милый мой памёръ.
Атчынила двери у хатцы,
Ляжыць милинькій на ла̀рцы.
Якъ я стала дли яго,
Уздыхнула цижало.
Охъ вы нджачки майѐ,
Пахадзйлись вы ка мнѣ.
Охъ вы, бравачки майе,
Намаргались на мяне.
Охъ вы, губачки майе,
Нацалавались вы мяне.

(с. Росуха, Мглин. уѣзда, со сл. 18 лѣт. парня въ 1899 году).

Што-й падъ дулькаю, падъ игрушкаю
Сядзиць голубъ сы галубкаю.
Цалуюцца, милуюцца
Свайой лубоую ни надивуюцца.
Аткуль узяуся сизакрылый арёлъ,
Разбиу, разлучыу пару галубоу.
Галубдчка убиу,
А галубку самъ злюбйу.
Узяу у налу
Панесъ ка дварy.
Пасыпау пшаницы,
Паставиу вадицы.
Галубка варкуя,
Ниць ня пъѐ,
У зѐленъ садъ, па миламъ
Плакаць идзьѐ.
Галубка мая, ни плачъ у мяне
Успакою я цябе,
Йосць у мяне стада галубиная,
Идзи, выбирай, можа тамъ и твой.
Я хадзила, выбирала,
Ни знайшла таго,
Каго пацирала.
Такій галубокъ
Да ни такій галасокъ
Такій пѐрушкамъ,
Да ни такій крылушкамъ.
Такій сызѐнькій,
Да ня мой миленькій.

(С. Жуково, Мглинск., у. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 году).

Ни йдзѣ я дружка ня виджу,
Ни у дзяцѐуни, ни у Масквѣ,
Тольки видзила дружочка
У цёмну ночку
У сладкамъ снѣ.
Я отдамъ сястрѣ малютку,
Сама выйду на-крыльцо.
Гляну я у тую сгаронку,
Ажъ мой миликькій идзѐ.
Кинулась къ яму на шыю,
Узывала яго дружкомъ.
Ня узывай мяне дружочкамъ,
Я цяперыча ня твой.
Я жанюся на другой,
А жанюся—ни нажыуся,
Ни падъ норoу жану узяу,
Ни падъ нороу, ни на мысли,
Ни па серцу сваяму.

(д. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ 14 лѣт. парня въ 1899 году).

Матка доню била
Йдзѣ ты, доня, вѣнчыкъ [1]) загубила?
Край Дунаю палотны бялила,
И тамъ, маци, вѣнчыкъ абранила.
Ну-ця, доню, грамаду зьбираци
Ну-ця, доню, людей пытаци.
Пойдзимъ, доня, вѣнчыка шукаци.
На што маци людзей турбаваци?
Луччы маццы на праудзи казаци.
Казакъ маладзѐнькій
Зняу вѣнчыкъ залацьенькій.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл.)

См. Шейнъ, бѣлор. пѣсни, стр. 171 № 160 и 161.

Ходзя курачка па хаци,
Раскудакталася:
Якъ кудакъ, дыкъ кудакъ!
Пашла замужъ, да ни такъ.
Пашла разъ—ни гараздъ [2]),
Ни пайду у другій разъ.
А ужо-жъ мнѣ надаѣли
Чалавѣччы [3]) кулаки;
Кулакамы па плячахъ
Ладошкамы па щакахъ.
Якъ пасѣю василёчки
У свайомъ зялёнамъ саду,—
Вы расциця василёчки,
А я буду паливаць,
Вы хадзиця малойчыки,
А я буду прынимаць
Па чатыры, да па пяць.
Пойдзимъ у зѐленъ садъ гулянь.
Малойчыкоу выбираць.
Выбраушы малойчыкоу,
Пасадзила усвхъ за столъ.
Сама пашла за вадой,
Проци кумава двара
Вядзёрачки разбила.
Стайиць кумъ у варотахъ,
Насмихайицца,
А чыя-жъ йега хата
Вытапляйицца адна,
Стайиць борщъ у пячы
Исказиуся кипучы.

(с. Росуха, отъ 29-лѣтн. парня въ 1899 г.).

Охъ! Щогалька была!
Щыгиляла!
Я на тыхъ дрожкахъ
Ѣжджала,
Што возюць навозъ.
Эй! Щыгиляй, ня бойось!
Чулки новы—пяты голы,
Плацця длинна .... видна.
Эй щогалька была!..

* *
*

Лезу, лезу по зялёзу,
По каминю вада йдзьець.
Хто жъ мяне вѣрна любя,
Тэй и у запечку найдзьець.

* *
*

А Божа жъ мой, тольки!
Аборачки тонки!
Нихто аборакъ ни пауйе,
Нихто замужъ ни бярѐ!

* *
*

Битця дзѣуки трыпака
Ни жалѣйця лапцевъ!
Ваціка лапци попляцье,
Братъ аборы папауйѐ
Матка анучы падзяре,
Сусимъ дзѣуку прыбяре.

* *
*

---

[1]) Дѣвственность. [2]) Не очень-то. [3]) Мужъ, человѣкъ.

Я на бо̀тцы сяджу
Слёзы ко̀цюцца!
Якъ выйду я за варо̀ты
Тра-та-та,
Стайиць майя мйлинькая
У варатà.

Дзьѐнигъ нѣту ни капейки,
Выпиць хо̀чыцца!
Охъ, ци майя,
Ци ни майя будзя,
Якъ забачу,
Майо серца нўдзя.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда со словъ 30-лѣтн. женщ.).

Сядзиць сўтарма на пѐчы
А праява на палў

А я сўтарму зарѣжу,
А праяву задаулю.

(въ 1858 г. со сл. 18-лѣтн. дѣвки въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда).

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары̀, жо̀нки лины (bis)
Я на сѐняхъ ты-ли-ли,
Я на новыхъ—ты-ли-ли,
Буццамъ варю лины (bis),
А я лино̀у ни варыла,
Свайго мужа-й адурила.
Ей Богу жъ адурыла,
Ей жа Богу адурыла.

Загадàу мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары жо̀нка гаро̀хъ (bis),
Я на сѐняхъ тарарохъ,
Я на новыхъ тарарохъ,
Бўццамъ варю гаро̀хъ.
А я гаро̀ху ни варыла,
Свайго мужа адурыла.
Ей Богу жъ адурыла,
Ей жа Богу адурыла.

(Записано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Дзяучонка майя,
За што цябе бъюць,
За што ругаюць?
Я бъ табѣ хвартучо̀къ купйу.
Купили-жъ табѣ,
Знасили-жъ табѣ

Шублики-бублики
Шауцы-крауцы,
Канавàлы-шапавàлы,
Палко̀уники-янарàлы,
Кудлатыя панички,
Паповичы дураки.

(Позаимствовано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго у. отъ 30-лѣтн. мастерового по профессiи шаповала).

И туды̀ гара и сюды гара,
Пà мизъ тымы гарàмы
Выхадзила заря;
Да то ни заря,
То дзяучо̀нка майя.
Зъ рўблинай крынйчаньки
Вадзицу брала.
Пастой, дзѣука-чарнобрйука,
Дай каню вады,
Зъ рублинай крыничаньки,
Съ по̀унаго видрà.
Пàрынь, парянёкъ
Ня воля майя.
Тады буду каня напавàцы,
Якъ буду твая.
Дзяучына мая,
Садзись на каня.
Мы паѣдзимъ чыстымъ полямъ
Да майго двара.
Паринь-парянёчыкъ,
Нима у цябе
Ни кала, ни двара.
Стаяу кустъ калины,
Й-тая ни цвилà.
Калина майя, учомъ ты ни цвила?
— Зима была люта, у томъ я ни цвила,
— Дзяучына майя, у чомъ замужъ ниийшла?
Мала была—у пана служыла,
У томъ замужъ нийшла.
— Паринь парянёкъ, у чомъ ты халастой?
Службу царьскую служыу,
На вайнѣ я бйу,
У томъ я паринь маладой,
Ни жанатый—халасто̀й.

(въ д. Бородинкѣ, Мглинскаго уѣзда въ 1893 г. со сл. 19-лѣтн. парня).

Ой, выйдзи, выйдзи, дзяучоначка,
Пагавòрымъ мы съ табòю.
Саджжы, парынь, гадзиначку
Саджжы, паринь, другую,
Пòкуль роднаму бацюшцы
Вячэрю згатýю.
Саджжы, парынь, гадзиначку,
Покуль свойой родной матушцы
Бѣлу пасцьель пасцялю,
Тады къ табѣ, парнишачка,
На парадачку прыду.

Чаму табѣ ни гадзйци,
Па гòреньки хòдзючы?
Якъ то мнѣ, добру молайцу,
На марози стòючы.
Памарòзиу бѣлы ножачки
Да дзѣвачки хòдзючы,
Пападрау я карманики,
Гасцинчыки нòсючы.
Папацёръ я жупаники,
Па заборамъ лазючы.

(д. Лупеки, Стародуб. у. со сл. 40-лѣтн. женщ. въ 1898 г.).

На вýлицы, на вулицы,
На вулицы да усè кузницы (bis).
Куюць, ильлюць, куюць, иллюць
Куюць, ильлюць, да-й паварываюць.
Къ сабѣ Дуню прыгаварываюць (bis).
Пòйдзимъ, Дуня, пòйдзимъ, Дуня,

Пòйдзимъ, Дуня, ва лужокъ, ва лýжокъ.
Сарвёмъ Дуни. сарвёмъ Дуни
Сарвёмъ Дуни лапушокъ. лапушокъ (bis).
Наси, Дуня, наси, Дуня,
Наси, Дуня, ни марай, ни марай,
Па празничкамъ надзѣвай, надзѣвай (bis).

(въ с. Росухѣ, Мглин. у., въ 1859 г. отъ хорового пѣнія позаимствовано).

Адинъ купецъ расказау,
Якъ йонъ дѣвицу ласкàу—
Панаравилась паходачка твоя,
Паходачка дробна-частинькая.
Двѣ пташачки канарейки
Па падъ небесю летять,
Двѣ дѣвачки красныя
Падъ вакошачкамъ сидять.
Аны сабѣ тайныя рэчы
Пра сонъ милый гавòрють—
Сонъ мой милый, сонъ щасливый
Варатися, сонъ, назадъ!
Ащаслйу ты красну дѣуку
Хоть у свѣти одинъ разъ.

Гаворачка распріятнинькая,
Да што ступишъ,
Распатѣшышъ ты мяне.
Загаворышъ-звисялишъ ты мяня.
Мой милинькій йонъ паѣхау
За тысячу двѣсти верстъ.
Йонъ и самъ ка мнѣ ня ѣдить,
И паклона мнѣ ня шлёть.
Йонъ другую спалюбйу
На мяне, младу, забыу.
Запрапала майо щастè
У тёмнамъ лѣси на травѣ,
Разальлецца крòу гарàча
Па сырой мати зямлѣ.

(Посадъ Клинцы, Суражскаго у., со сл. 25-лѣтн. печника въ 1899 году).

Лѣтъ симнанцати малчышка
Ни жанатый—халастой,
Какъ задумау йонъ жаницца,
Баславоньня стау прасить,
Дазволь мнѣ узять, папаша,
Каторую я люблю,
А папаша ня павѣрыу,
Што-й у свѣти йость любòу.
Сынъ заплакау, ва зялёный садъ пашоу

Ишоу садикомъ зялёнымъ,
Ишоу дарожкай сталбавой,
Несъ йонъ шаблю, тачиу войстра
И зарѣзау самъ сябя.
Пакатилася галоука
Па зяленай па травѣ.
Заставайтесь тымъ даволны
Што прыкончиу самъ съ сабой.

(со словъ того же въ 1899 г.

Дѣ ты милый скрыуся,
Дѣ тябе шукать,
У Адести застауся
Чувалы таскать.
Чувалы тяжолы,
Плечачки балять.

Лýччы-бъ я наняуся
Водкой таргавать.
Атъ водки вина
Балитъ майо серце
Ташницца душа.

(Отъ того же въ 1899 г.).

Пращай Харькау, да свиданьня
Аставайся, а я прочъ.
Атхажу я на страждиньня
Пылъ-дарожку тбучъ.
Пылъ набъецца у носъ, у вушы,
Лобъ атъ жару засмылить.
Палка тоустая гатова
У дверяхъ яна стаить,
И тарбинка съ сухарямы
Иена на гвоздику виснть.
Назадъ ни звярнуся, сюды ни прыду,
Будишъ, мила, прыпадаты
Ты къ маяму сляду.
Я ни прыпадала,
Прыпадать ня буду,
Гарявала я съ табою,
Вивъ тябе ня буду.

(д. Невзорово, Старод. уѣзда, со словъ 18-лѣтн. хлопца въ 1899 г.).

Охъ, садъ, ты мой садъ зиляненькій
Ты зачымъ рана цвятёшъ, абсыпайнсься?
Ты далече, мой милдй, убирайнсься
Ты съ усими, милдй, ты пращайнсься,
А са мной маладой усё ругайнсься.
Што—й лятѣла пава тирязъ синя моря,
Уранила пава съ крылъ пѐрушка,
Мнѣ ни жалка павы--жалка перушка,
Мнѣ ни жалка аңца, мати,
Жалка молайца.

(Отъ того же въ 1899 году).

Салавей мой, салавей,
Салоуюшка лугавой
Ты куды, куды лятишъ,
Куды Богъ тябѣ нясёть?
Палячу я, салавей,
Тирязъ тры девять зямель
Къ удовачки у зелянъ садъ.
Сѣу у удоукинамъ саду,
На яблани у листу,
Какъ на яблани сахдрнай
Я усю ночку прапѣю;
Маладая удовачка,
Ни стушаючы агню,
Усё сидѣла дли вакна
Да слухала салауя.
Салавей мой, салавейка,
Ни лятай ты у мой садъ,
Ни садися на вакнѣ,
Ни задавай жалю мнѣ.
Мая бѣдна галовачка
Многа у свѣти пажыла
Много горя бачыла.

(Отъ того же въ 1899 году).

Послѣднее десятилѣтіе, кромѣ прежнихъ старыхъ пѣсенъ, молодые дѣвки и парни стали распѣвать, такъ-называемыя «прыпѣуки», которыхъ, какъ они сами выражаются, «бизъ чысла».

Состоятъ эти принѣвки изъ нѣсколькихъ риѳмованныхъ строчекъ и поются всѣ на одинъ мотивъ. Онѣ вошли въ моду съ тѣхъ поръ, какъ въ большихъ экономіяхъ начали разводить табачныя плантаціи.

И вотъ деревенскія дѣвки, работая на поденной работѣ этихъ плантацій и позаимствовали припѣвки отъ почепскихъ дѣвокъ. А затѣмъ и сами стали добавлять и присочинять по своему вкусу подобные куплетики въ родѣ слѣдующихъ:

Продамъ ленту изъ касы,
Куплю миламу часы.
— Намъ ня дораги часы,
Дораги цапочки,
На чорта намъ богачы
Богатага дочки.

(Запис. въ с. Михайловскомъ, Старод. у., отъ 17 л. женщ.).

Капуста мая,
Шырокія листы.
Атступитесь шарлатаны,
Къ намъ идуть артисты.

(Отъ той же).

Ни па небу хмара ходе—
Па нябесной высатѣ.
Не по дѣукахъ хлопцы плачуть,
Па дявоцкай красатѣ.

(Отъ той же).

Ни журися, мая мила,
Што у кармани пустата,
У мине денижки вядуцца,
Якъ у рѣшати вада.
Ни журыся, мая мила
Я нийдѣ ни прападу,
Многа грамати научуся,
Ув ахвицѣры пападу.

(со сл. 19 л. д. въ дер. Борознинѣ, Стар. у.).

У меня миленка есть,
Страхъ па вулицы правесть:
Ротъ шырокій, носъ дугой,
Ножки тягнуцца дугой,
Лашади пужаюцца,
Кучары ругаюцца.

(Отъ той же).

У милашачки маей
Нѣту кохтачки сваей.
Я милёнку спалюблю,
Я ей кохтачку нашъю.

(Отъ той же).

Нѣтъ цвѣточка, нѣтъ сасдивы зиляной,
Нѣту милай на вулицы—отпрауляюсь я дамой.
У чомъ салдата ни любить,
За салдатамъ панства;
Заклау руки у карманъ,—
Усе яго хазяйства.

(Отъ той же).

Охъ ты сукина дочъ!
Йдѣ гуляла усю ночъ?
— Ни бранися маминька—
Харошъ, харошъ миленькій
У рубашачки у сининькай.
Чаго яму луччы дать,
Ти сахару бѣлаго,
Ти винограду сьпѣлага.

(Отъ той же).

Нашы дѣвачки красивы
Чатьвиртака у мяне прасили,
Ну я малчыкъ былъ удалъ,
Палтары капейки далъ.

(Отъ той же).

Ой мы думали, гадали
На ваду вянки пущали,
Мой вяночыкъ патанулъ,
Мой миленькій абманулъ.

(въ с. Гарцовѣ, Стар. у., отъ 18 л. дѣв.).

Гармонь мая лакова,
Провожала—плакала.
Проводила я дружка
Да зялонага лужка.
Отъ лужка и до лужка.
Пращавай, сударушка.
Правадила да забору
Цаловала бизъ разбору,
Правадила до вароть,
Удивила увесь народъ.

(Михайловичи, Стар. у., со сл. 17 л.).

Хорашо милый играйишъ,
Твойимъ холадно рукамъ
Падайдика подъ вакошка,
Я пирчатки тибѣ дамъ.

(Отъ той же).

Я па вулицы ишла
Пыламь запылилась.
Я сидѣла подъ вакошкамъ
Да и повѣйну витярокъ.
Шила миламу рубашку
Вышивала каунерёкъ.
Рада бъ зь милымъ постояти—
Людей постыдилась.
Я и шыла вышивала,
Ни хватила шолку.
Скольки зь милымъ ни стаяла,
Ни дабилась толку.

(Отъ той же).

Скольки Богу ни малиуся
У святые ни папӑу.

Ув адну дѣвачку улюбиуся,
За сибѣ яйе ни узӑу.

Не ходи, милъ, кале моря,
А то у водў упадешъ.
Не сватай ты багатыя,
А то зъ горя прападешъ.

Багатая праклятая,
Ана вӧчинь пышна;
А бѣдная—харошая,
Якъ у сади вишня.

Пожилыя женщины смотрятъ на припѣвки, какъ на нѣчто безнравственное и легкомысленное, и съ гордостью заявляютъ: (въ селѣ Высокомъ, Стародубск. у.) «нѣ, у нашамъ сялѣ пяють тольки медзинныя харошыя пѣсни, а йетыхъ прыпѣвакъ, слава Богу, ия чутно. То вонъ пяють прыпѣуки тыя дѣуки, которыя звыкли таскацца па гарадӑхъ да па табӑкахъ».

Въ уѣздныхъ, заштатныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Въ настоящее время уличное хоровое пѣніе въ городахъ считается нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Нѣсколько же десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда городничіе больше были заняты доходами съ аршинниковъ и самоварниковъ, чѣмъ городскими порядками, и сами послѣ вечерняго чая не разъ возсѣдали въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ дома, – городская молодежь обоего пола изъ мѣщанъ и подгородныхъ хлѣбопашцевъ пользовалась тоже патріархальнымъ деревенскимъ правомъ собираться на улицахъ, гулять и распѣвать. Это не фабричное, полупьяное пѣніе, вызванное хмѣлемъ. Нѣтъ. Здѣсь въ теплую лѣтнюю ночь собиралось юношество встрѣчать свою первую весну. Здѣсь выбирали себѣ подругу будущаго трудового житья и воплощали свою жизнерадость въ громкой пѣснѣ, ощущая, быть можетъ, первое біеніе сердца вблизи любимаго существа.

Когда съ появленіемъ исправниковъ и полицейскихъ надзирателей начали въ городахъ запрещать всякія сборища и игры, молодежь долго отстаивала свое неотъемлемое право облекать свои чувства въ пѣсню и первое время не слушалась полиціи.

При введеніи этого новшества зачастую гдѣ-нибудь въ концѣ улицы, подъ заборомъ сада, вдругъ раздавался громкій хоръ. Полиція спѣшила туда, но молодежь заранѣе разставляла своихъ караульщиковъ, которые, заслыша шаги власти, бѣгомъ пускались къ сборищу, и, когда полиція прибывала на мѣсто, ребяты уже сидѣли на деревьяхъ, и все было тихо. Иногда пѣніе раздавалось въ разныхъ концахъ города, но хористы, какъ пѣвчія птицы, сидѣли на «верби у канцы гребли».

Само собою разумѣется, что прекрасный полъ при такихъ нелегальныхъ условіяхъ уже не участвовалъ въ гуляньяхъ.

Благодаря этому вскорѣ перестали собираться на гулянья—и подъ Ивана Купала. Къ вѣнцу и отъ вѣнца и прочіе свадебные поѣзда ѣхали молча безъ пѣнія. Только на святой недѣлѣ Пасхи въ уѣздныхъ городахъ даже и теперь позволялося на одной изъ улицъ или на площади водить хороводы съ пѣснями.

Также уцѣлѣли еще щедровныя пѣсни на Рождество и рекрутскія пѣсни. Въ остальныхъ пѣсняхъ нѣтъ строгаго распредѣленія по временамъ года, какъ въ деревняхъ. Поютъ, какія кому и когда угодно.

Мѣщане, мелкіе торговцы и прочій мало интеллигентный городской людъ смотрятъ на полѣсцовъ съ предубѣжденіемъ и выражаются такъ о нихъ: «йета тольки мужыки нибразованные д з ь ѣ к а ю т ь да ц ь ѣ к а ю т ь, а у насъ у гаради гаворюць па благородному».

Образчики разговора «по благородному» пагарскихъ мѣщанъ на рынкѣ.

«Здрастутя вамъ. Слухайтя мнѣ сюды—ти ня угодна вамъ купить у мяне пянёчку. Дишавей зи минѣ зроду ни у каго ня купится... Жалайте, ти нѣ? Ни жалайтя? Ну объ йетамъ прощайтя, да свиданія атъ васъ»...

Въ Мглинѣ и Почепѣ на базарѣ:

«Тетинька, а тетинька! сюды тетка, дулякъ харошинькихъ! выбирайтя, якія вамъ заугодно».

«А ты мадйца, чаво станшь? Купляй дули. Кольки табѣ дисяткау?»

Въ Стародубѣ на базарѣ:

«Дядька съ кашалёмъ, а дядька! Хади сюды! Ишъ яго! и ни атгукаицца. А штобъ табѣ вушы пазаклададавало».

«Пани, а пани! Во бублики гарячые. Ни бярите у яйе, майе смашнѣй. Па чёмъ дасьтё за вязку?

«7 коп.» отвѣчаетъ паня.

«Дивитися-тка, ти хто чуу, ти хто бачыу, штобъ за тольки баранкау да 7 капѣекъ узять. А штобъ табѣ паничка мая, семь балячекъ», говоритъ она въ сторону, когда покупательница повернула спину.

Нижеслѣдующія пѣсни записаны со словъ огородницъ, мѣщанокъ заштатнаго города Погàра.

Весной, по случаю «невылазной грязи», которою отличается Погаръ, молодежъ затрудняется даже въ выборѣ сухого мѣста на площади города, гдѣ бы можно было на святой недѣлѣ водить хороводы. Вонючая, глубокая грязь идетъ сплошной лентой по улицамъ до самыхъ стѣнъ домовъ: ни тротуаровъ, ни пѣшеходныхъ тропинокъ не имѣется, такъ какъ могучее око земства еще не заглядуетъ сюда, по дѣлу мощенія улицъ и осушенія города.

Но къ удовольствію и забавѣ молодежи вблизи города протекаетъ рѣка Вабля, туда то парни и дѣвки отправляются на гулянье, садятся «у чȯвенъ» катаются по рѣкѣ и поютъ:

Ни па Волзи рякѣ
Быстеръ чȯвенъ плыве,
Што-й у томъ у чаунѣ
Маладой удалецъ,
Держить вѐслы у рукахъ
Шапка съ кѝстямы на йомъ.
Къ тиряму падъѣжджау,
Салауйомъ прасвистȧу,
Съ чарнаглазай душой
Усю ночь прагуляу,
Ни таскуй, ни гарюй,
Ты нявѣста мая!
Ни на смерть я иду,
Ни схарȯнють мяне,
Я назадъ варачусь,
На табѣ ажанюсь.

(м. Погаръ, со словъ).

Ѣкъ пасѣю я лянокъ
У чыстомъ пȯли на лужку,
Ты расти, расти, мой ленъ,
Тонокъ, дȯвигъ и висȯкъ,
Изъ корыня карянистъ,
Зъ галовачки симянѝстъ.
Якъ пачȗю пра свой лёнъ,
Увесь патоптанъ, паваленъ,
У пастельку палажонъ.
Тры дарожки праляжали,
Тры малайцȧ прабяжали,
Тры халȯстинькихъ,
Тры малодинькихъ.
Пасавѣтуйтя, падружки,
Мнѣ катораго любить?
Што—мнѣ перваго любить—
Нада щȯгална хадить,
А другого палюбить—
Покȯрненькій треба быть.
А мнѣ третяга любить—
Увесь нарȧу треба зьмянить.
Палюбила малайца
Изъ за Питера—купца.
Узяу дѣвачку, падхватиу,
У караблікъ пасадиу,
Па Волзи рякѣ пустиу.
Волга ряка ни прымȧя,
Къ биряжочку прыбивая.

(м. Погаръ, со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1898 году).

Хороводная.

Видна ты, рожа, адна у гарǒди,
Рожа, ты, рожа чырвǒная.
Кала мяне сидять красачки рядныя.
Тольки кала мяне нѣту
Аднаго каралёваго цвѣту.
Рожа, ты, рожа чырвǒная.
Я-й таго пасаджу,
Красачкамы абгараджў.
Видна, ты, дѣвачка,
Адна у батюшки.
Хоть адна, да й тая людна,
Рожа, ты, рожа чырвǒная.
Кала мянѣ сидять
Дѣвачки красныя.
Тольки нѣту кала мяне
Аднаго Иваничка.
Рожа, ты, рожа чырвǒная.
Я-й таго пазаву,
Кала сябе пасаджу.
Дѣукамы пагарскими абгараджу.

Щедровныя пѣсни.

Слѣдующую пѣсню пѣли вѣроятно крѣпостные подъ окнами своихъ господъ:

Што-й у пана, у пана
Микалая Васильлявича
Адинъ сыночыкъ, якъ сокалочыкъ.
Йонъ и таго у войська знаряджȁу,
Каня вывадиу, да й—прыкȁзывау—
Ѣдь, мой сыночыкъ, якъ сакалочыкъ,
Па пѐредъ войська ни хапайся,
Ззȁди войська ни аставайся.
Батюшки свайго йонъ ни паслухау,—
Папярёдъ войська на канѣ йграя,
Папярёдъ усихъ мячǒмъ махая.
Ѣдя поля, ѣдя другǒя,
На третьтя узъѣжджая.
Яго батюшка ни угадая.
Батюшка кажа-то мѣсячка свѣтъ
Матушка кажи—то нашъ сынъ ѣдя.
Якъ заслӹшау пра то
Да руській король
Калибъ я знау,
Чый то сынъ играу,
Ябъ за яго каралѐуну атдȁу.

(со сл. 40 лѣт. женщ. м. Погаръ, Стародуб. у.).

Слѣдующую пѣсню говорятъ «гадицца пѣть у доми, штобъ Богъ пасылау ураджай и споръ усюды».

Добрый вѐчаръ
Мосьцья панове!
Славенъ ясы,
Нашъ милый Божа
На нибясы.
Раставляйтя сталы тясǒвые,
Накрывайтя сталы каурамы,
Наливайтя кубки мядȁмы,
Будутъ къ намъ трǒя гастей:
Первый гость—весялъ мѣсячка,
Уторый гость—жарка соньняйка,
Третьтій гость—дробинъ дождлжычакъ.
Во што змовя ясенъ мѣсячка:
Якъ узыйду рана зь вечара,
Узрадую пана у дарǒзи,
Паню у дамў.
Што—змовя жȁркая соньняйка:
Якъ узыйду рана на зары,
Узрадую добрыхъ дѣтачакъ.
Во што змовя частый дробинъ дождяжычакъ,
Якъ прайду я хоть разъ на лѣти,
Ураджу я жыта пшаницу,
Усяку пашницу
У поли ядромъ,
У дварэ добромъ,
На лугу стагȁмы,
На гумнѣ капамы,
У клѣти карабамы,
У пячӹ пирагамы.
Славенъ есӹ,
Нашъ милый Божа
На нибясы.

Паздравляимъ съ новымъ годомъ, съ единымъ Богамъ, штобъ здровиньки были, многа лѣтъ жыли.

(М. Погаръ, со сл. 25 лѣт. женщины въ 1897 году).

Пѣсни, што пяюцца у бясѣди.

Погарцы очень словоохотливый и веселый народъ. Въ компаніи или у бясѣди стоитъ выпить рюмку или двѣ водки, сейчасъ начинаются пѣсни и танцы съ припѣвами. Преимущественно женскій полъ охо̀чъ до пѣсенъ.

Йость у по̀ли тры дарб̀жки разныхъ,
Хадиу парэнь да дѣвочки позна.
Прашу тябе, ни хади да мяне,
Будя слава пра тябѣ и пра мянѣ.
— А я тыя славы па вѣкъ ни баюся,
Съ кимъ люблюся, съ тымъ ни разлучуся,
На рыначку сяду—й—абнимуся,
Съ кимъ спазнаюсь, съ тымъ звинчаюсь.

Разыграуся конь варо̀ный пада мной
Падъ наборнай збруяй залатой.
Охъ! к хто-жъ то каничаньку спаймàя?
Охъ! и хто-жъ то мо̀лайца скавàя,
Спаймала каня красная дяучо̀нка,
А скавала мо̀лайца да ро̀дная мати,
Ни строй, мати, каменнай палаты,
Прыкуй, мати, къ дѣвиччай карвати.

(м. Погаръ со сл. 45-лѣтн. женщ. въ 1897 году).

Плыла щука съ Крымянчука волнаю вадою,
Атбила щука рыба атъ берyжка ряску,
Патиряла дѣвачка атъ молайца ласку.
А я тую щуку рыбу нѐвадамъ спаймаю,
А я свайго милинькаго рэчамы уяднàю.
Я яднала—ни уяднала, у бальшой таски стала.
Сватай мяне, равсукинъ сынъ, ня вводь у худу славу,
Сама сабѣ дѣвачка славачки даходишь,
Ранинька и по̀знинька зъ вулачки ня сходи̂шъ.
Стану размауляти, ня мо̀жышъ атстати.
Ня вѣрь жа ты, дѣвачка, майимъ гаво̀рачкамъ,
Дяржы вумъ разумъ у свайой галовачки.
Я дяржала вумъ и разумъ, да-й пустила у воду,
Ни упаваю я, милинькій, на тваю худо̀бу.
Спалюбила я тябе за тваю удо́бу.
Я-й ти журюся, у пичаль ни удаюся
А выйду я за вароты, атъ вѣтру валюся.

(Погаръ, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

У майго мѝлага расте тры садочки,
Што-й у первамъ сàди зязюля кукуя,
У другомъ—зяленамъ салавейка свища,
А у третьтямъ вишневамъ мать съ сынамъ гуляя.
Яна зъ йимъ гуляя, у сына прауды пытàя —
Скажы, мой сыночыкъ, хто табѣ милѣйнѣ?
Жана, али тёща, али мать ро̀дная?
Мати моя, мати, чаго ты пытайишъ
Ума, ти бязумъя, ти розуму майго?
Жана мнѣ мила, жана па закону,
Теща мнѣ мила, мила дли заѣзду,
Милѣй ро̀днай мати у̌ бѣламъ свѣти нѣту.
Яна мяне спараджала,
Три гадочки кахала,
Жарка свѣту ни тушыла,
Темну ночку ни усыпала,
Усё у калыски калыхала.

(м. Погаръ, со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

См. Шейнъ. бѣл. пѣсни стр. 340, № 403, стр. 338 № 401.

Салавейка малюсинькій,—
У тябе голосъ танюсинькій,
Запѣй рана на зарѣ,
Узвясели ка ты мяне.
У чужой далней старанѣ
Нѣту роду тутъ пры мнѣ,
Нѣту роднаго ацца,
Ни сястрыцы, ни брацца.
Пайду у поля пагулять,
Свайго роду пашукать,
Усе поля абайшоу,
Свайго роду ни знайшоу,
Тольки я знайшоу былину
На матярнай на магили.
Ты, былиначка, схилися,
Сыра зимля растварися,
Устань, мати, ни ляжы,
Мнѣ дарожку пракажы.
Рада бъ, сыночку, я устати,
Дарожку праказати,—
Жоутые пясочки
Засыпали вочки
(м. Погаръ отъ 17-лѣтней дѣвки въ 1895 году).

То ни чарачки па столику пабрякаваюць,
То удалые мóлайцы пагуливаюць,
Аны пѣсинки пяюць
У теремъ голасъ падаюць.
Слухай, дѣука, слухай красна,
Слухай, душачка мая,
Ты када будишь мая?
Ни загадачку дяучоначка загадавала,
Ни задумачку красная задумавала.
Загарицца гарючъ каминь
Сирядй Волги рякй.
Сяредъ синя моря
Парастеть палынь трава,
Разальлецца быстра рэчка
Супрати майго вакна,
Тады буду я твая.
Нашу дѣлу ни спалняцца
Намъ съ табою ни брацца.
(м. Погаръ, со сл. 40-лѣтн. мужч., огородника въ 1898 г.).

Ни садися, салавейка,
На майомъ вакнѣ,
Ни хади, малодчыку,
Позна да мяне
Ни узводь, малодчыку,
Славы на мине,
Была, была слава,
Были пагаворы
Пра тую дяучоначку
Што чорныя бровы,
Тая дяучоначка,
Якъ поуная рожа,
Якъ поуная рожа
Дѣвачка прыгожа.
Иде—загаворя,
Якъ у звонъ зазвоня.
Иде—засмѣецца,
Дунай разальлецца,
Кали заспѣвая,
Якъ у листъ читая.
(м. Погаръ, со сл. 17 лѣт. дѣвки въ 1895 году).

Рекрутскія.

Зьбирауся на битьу,
Пращауся жъ жаной,
На пращаньни сказау:
Жана будь вярна.
Ня слухала малодка
Мужа свайго.
Мужа забыла,
Дитя радила
Иной мужъ зъ палку
У пабыуку дамоу,
На пути дарожки
Таварышъ идеть—
Здарóу, брать таварышъ,
Ти жива тамъ симъя.
Симъя уся здарова.
Случылася бяда,
Бяда ниболшая:
Жана радила.
Мать сына сустрикала
Съ иконай святой,
Жана маладая
Съ гарючай слязой.
Мать сына прасила—
Прасти, сынъ, жанѣ.
Табѣ, мать, пращаю,
Жанѣ—никагда.
Блиснула шабелька
У рукѣ баевой,
Скатилась галоука
Жъ жаны маладой.
(м. Погаръ со сл. 45 лѣтъ женщ. въ 1896 году).

Праваджала маманька
Сына у салдаты
Да-й заплакала—
Вярнись, вярнись, мой сыночыкъ,
Хоть на, адинъ дянёчыкъ
Ни вярнуся, маминька,
Ни на адинъ часочыкъ.
Сиряди лѣта тёплаго
У гости приля̆чу,
Сяду я падъ ябланкай
У зиляномъ саду
Запяю я пѣсянку
Тонкимъ галаскомъ.
Мима таго садику
Маминька ишла
Нявѣстачки—ластачки,
Вы паслухайтя
Хто у нашамъ садику
Жалабна пяѣть?
Сынъ мой разлюбезный
Голосъ падаѣть.

(м. Погаръ отъ той же въ 1896 году).

Што й ты, рѣчачка, Палтаука,
И шырока и глыбока
И валною шыбка бъе.
Якъ ударыла вална
Абъ крутыя бярига̀,
Разливалася вадица
Па зялёнинькимъ, лужка̀мъ.
Умывалася дявица,
На бе̇ряжку стаючы.
Вынимала сы кармана
Гарнитуравый платокъ,
Утирала красна дѣука
Свайо бѣлая лицо.
Яна умывалась, яна набѣлялась,
А замужъ пошла,
Мужу пакарялась.
Мужъ ряйнивый бы̆у,
Хатѣу жанў зарубить,
А жана мужа усю ночку прасила—
Ни руби мянѣ рана зь ве̇чара,
Заруби мянѣ сы вече̇ра да палўначы,
Дѣтки будуть спать,
Яны ня будуть знать.
Къ бѣлу свѣту дѣтки прашнулися,
Родный батюшка, идѣ наша матушка,
Ваша матушка у святлицы умыванцца,
Яна умыванцца, яна набѣляйцца.
Родный батюшка, то ваша нипраудачка.
Наша матушка у святлицы зарубана,
Закопана падъ бѣлай бярёзаю,
Прыкрыта гнилою калодаю.
Дѣтачки-жъ майе, ни укаряйтяжъ мянѣ
Ни винаватъ я, ни у прычыни я,
Винаваты у томъ уси дружки майе,
Уси таварышы.

(отъ той же въ 1896 году).

Атдала мяне мати за разбойничка.
Сы вечара, сы палуначы
Разбойнички на разбой идуть.
Ужо свѣтъ—падъ абѣдъ
Разбойничкау дома нѣтъ.
Ужо люди пабѣдали,
Разбойнички прыѣхали
И стучыть и грючыть
У новыя варата—
Принимай жана
Дивятёрку лашадей.
На цисятамъ варанд̇мъ
Самъ разбойникъ удалд̇й.
Принимай, жана,
Платьтя цвятнд̇я,
Ни дивись, ни сматры,
На Дунай ряку, няси,
Маладая жана ни уте̇рпила,
Паглядѣла яна, важжахнўлася:
Ахъ ты воръ, ты разбойникъ,
Пагубитель души,
Загубиў майго брата,
Свайго шурына.
Цыцъ, шельма, замаучы,
Скипишъ сама на нажы,
Што-й на первай устрѐчы
Ацпу—мати ни спущу,
Хоть свайю съ плечъ
Галд̇вачку сыму.

(отъ той же въ 1896 году).

Пра̀щай атецъ, радная мать,
Праститя сына свайяго,
Щитайтя дни маи асталныя
Часы гуляньня майяго.
Пращай, атецъ, радная мать,
Падайтя мнѣ каня гнядд̇га
Съ каукаэьськимъ вўбранымъ сядломъ.
Пращай, атецъ, радная мать,

Я сяду на каня быстрога,
Слязамы грудь усю абальлю.
Пращай, атецъ, радная мать,
Здрастуй чуждая страна,
Богъ вѣсть, когда я варачуся
Апять на родину свайю.
Пращай, атецъ, радная мать,
Праститя сына свайяго.

(м. Погаръ, со сл. 22 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Слѣдующія пѣсни записаны въ Мглинѣ со сл 35 лѣт. женщ. въ 1899 году.

Чырвоная ты, калиначка,
Што-й у лузи вырастала.
Щасливая ты, дяучѳначка,
Што любѳви ни знала.
Любоу наша хараша,
Да разлука тижала.
Разлучыла насъ няволичка,
Чужа—далняя староначка,
Низнакомый здѣшный край.
Якъ сяду я, маладюсинька,
Падъ ракитавый кустокъ,
Вы кусты майе ракитавые,
Прикланитися къ зямлѣ.
Вы пташачки—канарейки,
Сабирайтеся ка мнѣ.
Ращыплитя майо тѣлячка
Па малюсинькимъ частямъ.
Не ма жъ майго милаго
Ни туты, ни тамъ.

* * *

Я па лѣсу йшла,
Я па тѣмнаму йшла,
Ни баялася.
Шауковая травачка
У слѣдъ слалася.
Па лясочку, па зяленаму
Листочки шумять
Пра насъ съ табой, миленькій,
Люди судють и гаворють,
Пущай судють и гаворютъ,
Я да тябе буду хадити,
Тябе вѣрна любити.

* * *

Сярдечка майо, сярдечка,
Чаго балязнуйишъ?
Ты скажы, мая милая,
Каго вѣрна любишъ?
Аднаго дружка любила,
Плакала, тужыла,
Плакала, гаривала,
Мала ночы спала.
Охъ ты, ночачка мая темная,
Каравать моя, ты, тясовая!
Я усю ночачку прастояла,
Другу ночачку перядумала
Третьтю ночку я праплакала
Свайго милаго упрашывала:
Прашу тябе, другъ, ни прагнѣвайся,
Што мнѣ за тябѣ ни хатѣлася,
Хатѣлась мнѣ да-й за луччага,
За бѣлаго, за румянаго,
За Ивана кучарявага.

* * *

Систра мая, сястрыца,
Чаго рана стара стала?
Ты, сестра, сястрыца,
Калибъ ты майо горя знала,
Ты бъ у мяне—й ни пытала,
Сыноу ни жанила,
Дачѳкъ ни т'давала
На чужой рабѳти.
Горька притамлюся,
Приду у чужу хату,
Зьѣмъ сухѳга хлѣбца,
Слязьмы абальлюся.

* * *

Якъ засвища салавей
У темнамъ лѣси,
На калины сидючы,
Горьку ягаду калину клюючы.
Якъ заплача моладецъ,
У тюрэмки сидючы—
Охъ вы, браццы таварышы мане,
Накажытя майму батюшки у даму,
Нихай батюшка худобку прадае,
Мяне молайца съ тюрьмы баре.
Прападай ты, мой сыночыкъ у тюрьмѣ,
А худобка нехай астаецца пры мнѣ.

* * *

М. Косичъ.

Звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниг. губ.

§ Первый.

а) Звукъ *а* остается безъ перемѣны, если на него падаетъ удареніе. Напр. хàта, рàкъ, гàлка, свàха, мàтка.

б) *а* ударяемое въ книжной рѣчи, переходитъ въ *о*, то въ *у*, то *я*. Напр. *ѣ=е*.

Трòвушка	также говорятъ: трòука	Рòсць	расти
Мурòвушка	мурòука.	Сахòрный	сахарный
Пасòдзимъ		Салòдкій	сладкій
Врòницца		Рòзный	разный
Мòнишъ (отъ слова манить)		Плòцюнь	платятд
Мòня (3 лицо ед. ч. отъ гл. манить)		Гòцюць	гатятъ
Падòрымъ	(падаримъ)	Качỳлка	кàчалка
Рòшшыука	(расшивка)	Мачỳлка	мачалка
Пакòцимъ	(покатимъ)	Старàцца	старàться
Рòсказьни		Рàмы	рамы
Гавòриця	(говорите)	Мялчѣйшый	мельчайшій
Кòжный	(каждый)	Гарчѣйшій	горчайшій
Крòса	краса	Ближѣйшый	ближайшій
Утòнишъ	утаишь	Шыбчѣйшый	скòрѣйшій
Ухòпишъ	ухватишь		

2) Звукъ *а*, на который въ книжной рѣчи не падаетъ удареніе, при произношеніи остается безъ перемѣны. Напр.

Падалища	упавшій съ дерева фруктъ	Качарыгà	кочерьга
		Каганѐць	ночникъ
Замазка	замазка	Каравàй	свадебный хлѣбъ
Табака	табакъ	Узрàдавауся	обрадовался

Какъ рѣдкое исключеніе могутъ служить слова имбаръ (амбаръ) и лàдунъ (ладанъ) гдѣ *а* замѣняется въ первомъ словѣ звукомъ *и*, а во второмъ звукомъ *у*.

§ Второй.

я ударяемое.

Звукъ я, на которомъ въ книжной рѣчи существуетъ удареніе не измѣняется и въ разговорной. Напр.:

Ярь		Мàта	
Валàчка		Мàкишъ	
Цилàты	теляты	Лàга	лѣнтяйка
Дзѣцелъ	дятелъ	Грàды	
Грàзь		Вàзъ	

Въ нѣкоторыхъ словахъ ударяемое *я* переходитъ въ твердое *а* или *ё*.

Такое измѣненіе звуковъ замѣтно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Напр.

Гарàчый	горячій	Царà	царя
Прàмо	прямо	Пратаць	прятать
Рàдомъ	рядомъ	Грàзь	грязь
Прàжа	пряжа		

Я ударяемое переходитъ въ *ё*, напр.

акаёмъ — окаянный

Звукъ *я*, на который въ книжной рѣчи нѣтъ ударенія, замѣняется въ разговорной звукомъ *е* или *и*. Напр.

пòесъ	поясъ	на гридàхъ	на грядахъ
мàсленка	маслянка	сѣйиць	сѣять
питàкъ	пятакъ	вѣйиць	вѣять
цижàль	тяжесть	вѣйилка	вѣялка
завизàць	завязать		

§ Третій.

Звукъ *О*.

Звукъ *О* подъ удареніемъ, какъ и предъидущіе гласные, не измѣняется и выговаривается при произношеніи, какъ *о*. Напр. столъ, вòлосъ, нòчка, гòлодъ, балòта. Но въ извѣстныхъ случаяхъ нашъ говоръ не знаетъ обычнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, ò нашего литературнаго языка и, согласно старинѣ, сохраняетъ *ы*, *а* (і), *ѣ*: малады́й удалы́й, другій, дарагій, вы́ю (вою), мы́юць (моютъ), кры́ю (крою), пѣ́й (пой), халасты́й, чарнабры́вай, кры́шуць (3 л. мн. числ.), вараны́й, ры́ю (рою), ны́ю (ною).

Неударяемое *о* выговаривается какъ *а*. Но вм. уголь, уголья вугàль, или угàльля, вм. вокругъ—вякругъ, йонъ (онъ). Напр.

лѣваму
курачка
пàнавага (род. пад. панового)
чабаты́
анỳча
канà (род. пад. отъ сл. конь)
агòнь
памалòли
пакалацúць
старанà
сакòлъ
веснà
галасúць

Въ рѣдкихъ случаяхъ неударяемое *о* переходитъ въ *ы*. Напр

крывàвый	кровавый	пòлымя	пламя
праглынỳць	проглотнуть	здрыгнỳуся	содрогнулся
дрыжы́ць	дрожитъ		

Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ вмѣсто *о* слышится *и*, *й*. Напр. йистры́ць=острить, найстры́у=навострилъ; Мигилѐвъ=Могилёвъ; вирабѐй=воробей.

§ Четвертый.

Звукъ *е*.

Звукъ *е*, отчасти и *ѣ*=*е* подъ удареніемъ произносится или а) мягко, какъ въ словѣ Ева, или б) твердо, какъ оборотное *э*, или в) какъ *ё*, *йо*.

Примѣры:

а) какъ *е* мягкое	б) какъ оборотн. *э*.	в) какъ ё (*йо*).
лѐбидзь	Васкрясѐньне	усё, твайò
нѐрипъ	Спасѐньне (или спàсиньне)	майо, далёка
пѐтля	у Вазьнясѐньня	майòю, свайòю,
сѐрпъ	уздзѐчка	усёю, сёмый
вѐрба	видѐлка—вилка	умёръ, умёрла

вѐциръ—вѣтеръ	абхаждѐньне—обхожденіе	йѐсьць, вѐдры
мѐрзнуць		двѐшава
апѐньки		свадзѐбный
умѐрць		стайнцьё
нѐсешъ		пъйнцьё

Послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, также послѣ *р* звукъ *е* ударяемый произносится, какъ французское *e* ouvert, съ открытымъ ртомъ, напр.

вячэря (ужинъ).	щэпкя.	чэша (чешитъ)	рѐмни
бярэзникъ.	кацэль (сумка).	сатрэшъ (сотрёшъ)	черепаць
щэлка—щель.	щэдрый	рэщыкъ (крестикъ)	чарѝшня
шэршень.	жэрдзь	грѐчка	варѐники
шэльма.	кажэуня (отъ кожи)	рэбры.	тарѐлки

2) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *о*. Напр.:

ужѐ т. е.	уже.	пачѐпка т. е.	почёпка
някѐмъ	пячемъ	щѐукаць	щелкать
идѐмъ	идемъ	шѐстый	шестой
вядомъ	вядёмъ	гнѐмъ	гнёмъ
нясѐмъ	нясемъ	кладѐмъ	кладемъ
бярѐмъ	бяремъ	жнѐмъ	жнёмъ
		трѐмъ	трёмъ

Но сл. пепелъ сохраняетъ свой старый видъ: попелъ. Сохраняется и *и* въ повел. накл. глаголовъ бити, лити, пити, не переходя въ *е*: би ли, пи (а не бей, лей, пей).

3) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *и*, *ы* и даже въ *о*, также въ *а*.

Напр.: мижъ / мизъ } между. — тьвиу — цвѣлъ.
прамизъ пàлцау — между пальцами.
мижда гарамы — между горами — табѣ
памѝзъ горъ — между горъ — сабѣ

§ пятый.

е не подъ удареніемъ.

Неударяемое *е*, стоящее въ слогѣ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударяемому слогу, всегда исключительно переходитъ въ *я*. Напр.:

ляци	мялюсинькій (мелкій, не глубокій)
мядѐвый	нядзѣля—недѣля
пярѐ	нясиця—несите
вязѝ	бярѝ—бери
цясѐвый	цялёнакъ—теленокъ
мянѐ	вярнись—вернись
цябѐ	сялѐ—село
някрỳцкій, т. е. рекрутскій	сястрѝца

1) Изъ этого правила исключается слѣдующее: если въ словѣ ударяемый слогъ имѣетъ *я*, то въ предшествующемъ рядомъ стоящимъ съ ударяемымъ слогомъ уже не будетъ слышно *я*: оно замѣняется звукомъ *и*.

2) Рѣчь не терпитъ сряду 2-хъ словъ съ звуками *я*. Напр.:

два дзисятки = два десятка	Билянaчка	бѣляначка.
зимлѝ	не виляць	3-ье лицо не велятъ.

Даже если ударяемый слогъ имѣетъ гласный звукъ *и*, то въ предъидущемъ слогѣ уже не услышится однороднаго мягкаго *я*, напр.: не скажутъ дзяжà, но дзижà, систрà, а не сястрà.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всѣ поголовно выговаривали одинаково; въ большой глуши Полѣсья иногда старые люди говорятъ также: сястра̀, жа̀ряная, ва̀ряная.

3) Также и въ слогѣ, стоящемъ послѣ ударяемаго *я*, слышится больше *и* или е, но никакъ не *я*. Напр.:

прядз*и*во	пряжа	вя̀линая	иногда вяленая
гляниимъ	посмотримъ		

4) Такъ какъ рѣчь не терпитъ двухъ *я* въ рядомъ стоящихъ слогахъ, то и при отрицаніи «*не*» замѣчается слѣдующее измѣненіе гласныхъ:

а) если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится *я*, то отрицаніе *не* переходитъ въ *ня*. Напр.:

Кумӯсичка, любӯсичка,
Ня би майихъ вуцина̀ть.

б) Если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится *я*, то отрицаніе «*не*» переходитъ въ *ни*.

Кумусичка, любусичка
Ни бяры̀ майихъ вуциня̀ть.

Однимъ словомъ, съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются и гласныя въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Возьму слово *зеленый* въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) паслала мянѐ маци
з*и*лянѐга жыта жаци.

2) з*я*лёная наша вишанька
Туды сюды нахилилася

5) *е* въ словахъ, стоящихъ послѣ ударенія, переходитъ въ *и*. Напр.:

Бѐригъ	берегъ.	дзѐвирь
лѐбидзь		зѐлино
дзѐрива	(дерево).	сѐниинькій

6) *е* во словахъ, предшествующихъ и въ то же самое время удаленныхъ, не стоящихъ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, большею частью переходитъ въ *и*, напр.:

силязѐнька	сирядзина	
симяры̀хъ	дзисятёхъ	десятерихъ
дзисяцѝ	жирябо̀къ	жеребенокъ

7) Повторяю, что въ неударяемыхъ слогахъ нельзя строго установить законъ перехода гласныхъ изъ одного звука въ другой. Напр. въ предъидущихъ словахъ встрѣчаемъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ полѣсья въ рѣчи людей, несоприкасающихся съ интеллигенціей, такое произношеніе: вѣця̀ръ, (вѣтеръ), бера̀гъ, леба̀дзь, дзевя̀рь, синя̀нькій (синенькій).

Для большей ясности приведу рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются въ остальныхъ слогахъ гласные. Напр.:

сярѐдзина	(спина)	сирядзѝна	(средина)
кисѐль		кися̀лю	
дзярэ̀уня		дзирявѐнькій	
дзѐрива		дзярѐуя	
вядзьму̀га		вѐдзьма	
видзьма̀ваць		видзьма̀къ	
дзяцѝнка	(юноша)	дзѐтачки	
дзицятка		дзяцій	
у сѐриду	(въ среду)	сиридавы̀й	(средній)
цисця̀ный		цьосця̀нъ	
пярёдъ			
у пѐридъ	(т. е. впередъ)	пирядзѝ	
вясѐлый			
висилча̀къ		висялѐйшый	
висна̀			
висьня̀ный		на вяснѣ	

вячѐрный		вячо́рашный
ве́чарамъ		у вичару̀
у лясу̀		палясо̀ущыкъ
у лѣси		лясны̀й
цярпѣ̀ць		
ни у царпёжъ		ня уцѐрпила
у циряму̀		на цьѐрямы
за дзьвиря̀мы		за дзьвѐрямы
пя̀сокъ		нищя̀ный
рёминь		
рымнямы	(тв. м. ч.)	рямѐнный
вялю̀	(прикажу)	
ни виля̀ць	(не приказываютъ)	вѣ̀лина (приказано)
гляджу̀		разглида̀ю
сялёдка		силядзѐцъ
ка̀минь		камяны̀й

8) Въ словахъ предшествующихъ и послѣдующихъ ударяемому слогу, послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, неударяемое *е* переходитъ въ *а*, а иногда въ *ы*.

Напр.

щака̀	щарба̀	сажо́ней	чацьве́ргъ
жана̀	щано̀къ	шаво́ля (шевелитъ)	чаты̀ры
чарнѝца	ущамѝлась	шапату̀ха	чапе́цъ
чаре́пацъ	жардзѝна	на шасту̀	царько̀уный
жала́ць	цадзѝць	щабе́ча	ка̀шаль (ка̀шель)
жалу̀дакъ	купѐчаській	щацѝна	шарсьця̀ный
жарёбна	чырво̀ный	чарствы̀й	кучыря̀вый
жасьця̀ный	чырявѝки	часно̀къ	чырво̀нецъ
жасто̀кій		на часцѝ (на чести)	

§ Шестой.

Буква *ѣ*.

Буква *ѣ* въ разговорной рѣчи литвиновъ ничѣмъ не отличается отъ *е* и подчиняется почти тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя относятся и къ *е*.

1) Будучи подъ удареніемъ она выговаривается, какъ *«е»* въ словѣ *«ель»*. Напримѣръ.

лѣсъ,	сѣрый	мѣлъ	вѣна (приданое)
лѣнь,	сѣтка	дѣла	ѣмъ
сѣна	прыбѣгъ	вѣникъ	ѣхау

2) Послѣ *ц*, *р*, буква *ѣ* также произносится съ открытымъ ртомъ, какъ французское *e* ouvert. Напр.

рѣка̀	гарѣлка	рѣжъ	цѣпъ
рѣшато	абъ Пятрѣ	рѣпа	цѣлъ

арѣхи (также говорятъ аряхѝ)

на дварѣ   цѣука (трубка, на которую наматываютъ нитки при тканьѣ)

рѣдкій

3) *ѣ* переходитъ также въ *и* и *ы*. Напр.

усьмихуйнцца (3 л. ед. ч.) усмѣхается

тьвиу, (цвѣлъ)	чымъ (чѣмъ)
прыбрыу (пріобрѣлъ)	тымъ (тѣмъ)

4) *ѣ* безъ ударенія подчиняется такому же переходу, какъ *е* (см. § 5), напр., бяды (род. пад. бѣда).

ѣ безъ ударенія переходитъ въ другіе гласные, сообразно съ перемѣщеніемъ ударенія (см. § 5) напр.

лѣсъ — лясы — дзицяччый
дзѣдъ — дзяды
дзѣци — дзяцйнка — рѣка — ряки (род. пад. ед. ч.)

Послѣ шипящихъ преимущественно послѣ *ц*, *р*, неударяемое *ѣ* переходитъ въ *а*. Напр.

цадзйлка (цѣдилка) — цалко́вый (цѣлковый)
на цапў (на цѣпи) — цаляць—цѣлить
цальба̀ (цѣль) — цана̀—цѣна

5) *ѣ* въ падежныхъ окончаніяхъ остается только въ томъ случаѣ, если на него падаетъ удареніе. Напр.

на плячѣ — на верицянѣ
пры крылцѣ — на пшанѣ
у хвасцѣ (также у хвастў
пры сястрѣ — абъ ражтвѣ (на рождествѣ)
на живѣ — на вадзѣ

Исключеніе изъ этого правила представляютъ слѣдующія слова:

на канѝ (на конѣ) — на дни (въ день)
у барщы̀ (въ борщѣ) — на пни (на пнѣ)
на канцы̀ (на концѣ)

6) Если же въ этомъ случаѣ удареніе не на послѣднемъ гласномъ, то *ѣ* въ падежномъ окончаніи переходитъ въ *и*, *ы*. Напр.

на во̀ли — на хо̀ладзи
у по̀ли — у кры̀ницы
на дзярѐўни — на па̀лцы (на пальцѣ)
у лѐси (также у лясу)
у хо̀ли (въ холѣ) — у ѝми
на пшанѝцы — на ха̀ци.
у про̀си (въ просѣ)

§ Седьмой.

И.

1) Гласный *и* съ удареніемъ трояко произносится: а) мягко, какъ *и*, напр., вѝшня б) болѣе смягченно, какъ іотъ—и *йи*, напр., йиволга, йикаука и в) какъ *ы*, послѣ шипящихъ: ж, ч, ш, щ, р.

Примѣры:

а) вѝшня, лѝпа, свѝтка, Ива̀нъ, инды̀хъ, иго̀лка, инбѝрь.

б) йиволга, йикаукаука (икота) йискра, йимья (имя) йиній (иній) йиншый (иной) йихъ, йива, йихныйимъ, йилъ, йидалъ, йикра̀, майи, твайихъ, йисцина, по̀йимъ, почўйимъ, Варабайиха, Клюйиха (имена собственныя—прозвища), абливайимъ.

Вообще іотированное йи встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи: атсылайишъ, пайиць (поить), пайила, стройиць, пайиу, накрыйимся.

---

[1]) Послѣ *ц* слышно *а* въ великор. акающ. гов.; оно также замѣчено и въ старыхъ Македонскихъ и вообще средне-болгарскихъ рукописяхъ, напр. въ Апост. Чтен. (бывш. Шафар. и нынѣ Пражск. Муз.) кь *пльтьсцаи* чистотѣ, въ *Дамасца*, по *посца* (постѣ). Срезневскій Свѣд. и зам. С.-ПВ. 1876. LXXII. Стр. 488 *роуца* и нозѣ, бы мнь *крьпца* (Бѣлгр. Синакс. 1330 Ламанскій. Прилож. къ VI т. Зап. И. Л. Н. № 1. 1864. с. 33). *Ред.*

в) жыдъ, дяржы, лажысь, запряжыцье, скажы, чужый, ключы, уначы (въ ночь) чыстый, шына, килышы, шырынка (платочикъ), патушыла, лидащыца, щыпцы, щыкалатка, щырый, пярына, тры, крыва, рыпнула, Арына, ня журыся, ни барыся, пасварылись.

3) Ударяемое *и* переходитъ иногда въ *е*, напр., яйечка—(яичко), яйецъ, яйешня, трайецкіе (троицкіе праздники), величенный (отъ слова величина).

Безударное *и*.

4) Послѣ ж, ч, ш, р, также слышится *ы* на мѣсто безударнаго *и*, напр., начынаць (начинать), кудры, щыпала, на печы или на пячы (на печкѣ), дрямучый, таварышы, у кашы (въ кашѣ), бачышъ, скучылось (скучно), наплачысься, (2-е лицо), гарючыя (горькія), харошыя, шырокій, шурынъ.

5) Безударное *и* въ началѣ слова произносится какъ *й*, если предъидущее слово оканчивается на гласную. напр. На—Йвана соньняйка йграла.

Йета анѣ ни йшло, ни ѣхало. (Это все равно), Нима ни йдзѣ (ни гдѣ). Нижу на йголку; ня хочу йисць (идти). Будзимъ на скрыпку йграць.

в) Иногда подобное безударное *и* въ началѣ слова можетъ совсѣмъ теряться Напримѣръ:

Ой грайця музыки,
Кали ночы ни вялики,

или

Грай музыка,
А то штрументъ пабью.

7) Иногда безударное *и* является въ особаго рода суффиксахъ напр., въ словахъ уменьшительныхъ.

Примѣры:

Кавалики, клопикъ, попикъ, снопикъ, коликъ, вузыликъ, хлѣбикъ, воликъ, пономарикъ, коушыкъ, лѣтникъ, зимникъ (дорога, по кот. ѣздятъ лѣтомъ и зимою).

Еще безударное *и* переходитъ въ *ы*, послѣ предлоговъ, напр.:

Атыйшоу, абыходзье, сыйшла, абыйшла, Владымирь, сызый.

Также безударное *и* переходитъ въ *я*, *е*, напр.:

Нося (носитъ), кормя (кормитъ), любя (любитъ), прося (проситъ).

§ Восьмой.

Звукъ *ы*.

Звукъ *ы* всегда произносится какъ *ы*, напр., пылъ (пыль), рыло, сыта, карыто, скарынка.

За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ *ы* замѣняется звукомъ *и* и *а*, напр., високій, вымата (вымыта), вопитный (опытный).

Среди городскихъ мѣщанъ и полуграмотныхъ дворянъ слышенъ вмѣсто звука *ы*=и, напр., бутилка, вимить, тисяча, били (были), пышно, кабила, вискобл*ить*, *ви*, *ми* и т. д.

§ Девятый.

Звукъ *У*.

1) Звукъ *У*, замѣняющій собою всегда предлогъ *въ*, а также неударяемый звукъ *у* въ началѣ слова произносится двояко: а) или кратко или б) обыкновенно, какъ выговаривается у въ книжной рѣчи. Напр. «у хаци свякруха лижала».

2) Безударное краткое *у*, стоящее обыкновенно въ началѣ слова, произносится на столько кратко, что, сливаясь съ гласной предъидущаго слова, какъ бы не составляетъ отдѣльнаго слова. Напр.

Няумёръ Данила, балячка удавила.

3) *У* можетъ быть краткимъ только тогда, когда стоитъ непосредственно послѣ гласнаго. Напр.

краткое у:	не краткое у
мы убили kôршуна	ахотникъ убйу коршуна
йена умёрла	йонъ умёръ
ты ня умѣйшишъ пахаць	дзьѐвирь умѣя пахàць
нàшы сваты убôги	нашъ сватъ убôгъ.

4) *У* не бываетъ краткимъ въ началѣ фразы. Напр.
У лѣси, на пратавѣси висиць красная плацьця[1]).
У поли сцьежачка.

5) «*У*» не бываетъ краткимъ послѣ двоегласія, образовавшагося изъ слоговъ: *ел*, *ал*, *ил*. Напр.

пашôу у дубраву	Церькау у гôрадзи
Сѣў у лѣси	Прышоу у хату:

6) Въ рѣдкихъ случаяхъ *у* переходитъ въ *ы*, *о*, *ю*, а именно:

глыбокій	юхà, юшка (юха).
слыхъ (слухъ)	логъ (лугъ)

§ Десятый.

Выпаденіе и приставка гласныхъ.

Нѣкоторые гласные, стоящія въ срединѣ и въ концѣ слова не подъ удареніемъ, въ разговорной рѣчи выпадаютъ. Примѣры:

йет'кая	ни'тдàу
ни'тпущай (не отпускай)	ба'дай —Богъ дай
жав'ранакъ,	за мѣс'таго—вмѣсто того
ад'ли а (дàлій)	прежʼтаго
ни'твàжуся	

1) Иногда теряются въ рѣчи гласные и нѣкоторые согласные безударные звуки въ началѣ. Напр.

на'гарôдзи (на огородѣ)	спамянишъ—вспомнишь
чѐритъ (очеретъ)	кольки—сколько
за'дно (за одно)	казка—сказка
за'бôлаками (за облаками)	що—еще
мѣць (имѣть)	з'за куста—изъ за куста
гурокъ—огурецъ	зьвиняйцье—извините
зьвѣсна—извѣстно.	

2) Въ концѣ словъ въ звательномъ падежѣ гласный замѣняется полугласнымъ Напримѣръ:

Маткъ, хадзи сюды
Дунь, прядзи лёнъ
Дзядзькъ, ци ни бàчыу ты типлягъ.

Примѣры приставки гласныхъ:

ирвàць (рвать)	аржаный—ржаный
ишôу (шёлъ)	игрушы—груши
аутôрокъ (вторникъ.	иржа—ржа
Адàрья (Дарья)	идзѣ—гдѣ
Имглинъ (Мглинъ городъ)	альляный (льняный)
Имшыць—класть мохъ при постройкѣ.	алимонъ—лимонъ
Ильлю—лью	апасьлѧ—послѣ.
иржаць—ругать	

---

[1]) Загадка: Калина.

Согласные звуки.

Звукъ *в*, стоящій въ началѣ слова передъ какимъ нибудь согласнымъ звукомъ, произносится какъ *у*. Напр.

удбука—вдовка
улѣзъ—влѣзъ
уляпиу—влѣпилъ
унесъ—внесъ
уремъя—время
умѣсци—вмѣстѣ
унукъ—внукъ
узышбу—взошелъ
узабрàуся—взабрался
уздыхàць—вздыхать
узяуся—взялся
улйу—влилъ
уладзѣць—владѣть
узадрàць—взадрать
узьляцѣць—взлѣтѣть
узятка—взятка
узнбсъ—взносъ.

Въ означенномъ случаѣ звукъ *у* выговаривается, во 1-хъ, кратко, а во 2-хъ, такъ какъ мы его обыкновенно выговариваемъ. (Относительно краткости *у* см. § 9-ый 3).

Хотя предлогъ *въ* замѣняется въ рѣчи звукомъ *у*, напр. у лѣси, у свитцы (въ свиткѣ), у доми, у скрыни; но если послѣ предлога *въ* слово начинается гласнымъ звукомъ, то къ предлогу прибавляется еще *у*. Напр.

у *в*абдзи—въ обозѣ
у *в*акрузи—въ округѣ
у вануча́хъ—въ онучахъ
у вапѐнькахъ—въ апенькахъ
у варѣхи—въ орѣхѣ
у вастрàзи—въ острогѣ
у вабхòдзи—въ обходѣ
у ватру́би—въ отрубѣ
у вабвàли—въ обвалѣ
у вабмылкахъ—въ обмылкахъ
у вабарòци—въ оборотѣ
у ваглобляхъ—въ оглобляхъ
у вдбыскъ—въ обыскъ (пойти)
у ваутòрокъ—во вторникъ.

Звукъ *в* служитъ придыханіемъ предъ начальными *о*, *у*. Напр.

вòсень—осень
вòйстрый—острый
вòхаць—охать
вòгникъ—огникъ (болѣзнь, на лицѣ струпья)
вòмутъ—омутъ
вòчень—очень
вòсмотръ—осмотръ
вòтдыхъ—отдыхъ
вòблака—облака
вòгненный—огненный
вòбшыука—обшивка
вòкала—около
вòкунь—окунь
вòльха—ольха
на вòтмашъ—отмахнулся
вульля́къ—улей
ву́голъ—уголъ
ву́мникъ—умникъ
ву́ксусъ—уксусъ
ву́мысялъ—умыселъ
ву́ха—ухо
вучи́ць—учить
ни вòдзинъ—ни одинъ
вòбчаство—общество
вобуу—обувь
вòсва—оса
вòко—око
вòспа—оспа
вòсь—ось
вòтцяпель—оттепель
вòбразъ—образъ
вòзяро—озеро
вакòшко—окошко
вòкарокъ—окорокъ
вòлень—олень
вòпись—опись
ву́тка—утка
ву́лица—улица
ву́зкій—узкій
ву́миръ—умеръ
вусъ—усъ
ву́тро—утро
ву́дзиць—удить.

Звуки б, п, в, м, ф.

Согласные средніе звуки не переходятъ въ соотвѣтствующіе тонкіе звуки, какъ это замѣчается въ великорусской рѣчи. Напр., говорятъ бобъ, но не бопъ.

дубъ а не дупъ — ѣжъ — ѣшь
лаўка—лафка — будка — бутка
рѣдко—рѣтко — дзѣдъ — дзѣтъ.

Исключеніе составляютъ слова—стоўпъ (столпъ) и юпка.

Равнымъ образомъ послѣ означенныхъ губныхъ не слышно мягкаго знака, а наоборотъ, твердый знакъ, напр.

пъяўка—пьявка — рыбъя—рыбья
вымъя—вымье — выпъю—выпью
семъя—семья — бъецъ — бьетъ
сабъю—собью — Дзимъянъ—Демьянъ
голубъ—голубь — насыпъ —насыпь
бабъя — бабья — семъ—семь
хлопъя—хлопья — тряпъё — тряпье.

Звукъ Г.

Г выговаривается какъ французское h (ашъ) въ словѣ haïr—(ненавидѣть), за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ г, произносится какъ французское gué, а иногда даже переходитъ въ *к*. Напр. (произносится г какъ gué).

ганки (крыльцо) — мазки—мозги
гузикъ (пуговица) — мякко—мягко
гвалтъ (крикъ) — вискъ—визгъ
мозкъ—мозгъ — у дребезки—въ дребезги.
розка—розга

Переходъ г въ *ж*—спужайся.

Звуки д и т.

Звукъ д—т передъ іотированными гласными *е*, *ё*, *ѣ*, *и*, *я*, *ю*, *ь* переходитъ въ *дзъ*, *ц*.

Въ этомъ случаѣ *ь* послѣ ц произносится мягче, чѣмъ въ великорусской рѣчи (съ полуоткрытымъ ртомъ).

Для большей мягкости выговора, мы будемъ ставить полугласный ь вмѣсто *іота*. Напр.

цьёща—тёща — дзьвери – двери
цьёрымъ—теремъ — маладзьецъ—молодецъ
давайцье—давайтя — сцьежка—стежка
касаценькій— — цялушка—тялушка
вядзьё—ведетъ — пападзьецца—попадется
дзьёвирь—деверь

Звукъ *т*, не переходящій въ *ц*, бываетъ вставнымъ между окончаніемъ повелительнаго наклоненія 2-го лица съ приставкою *ка*. Напр.

сядзьцье-т-ка — ходзи-т-ка сюды
приходзьце-т-ка — сюдыцье-т-ка
вазьмиць-т-ка — прысунься-т-ка.

Д и *т* переходятъ въ *дж*, *ч* и *ст*. въ *щ*. Напр.

багачѣць—богатѣть — таущѣць—толстѣть
худжѣць—дѣлаться хуже

Звукъ з.

З мягкое, какъ напр., змѣй, звѣзда и пр., произносится въ рѣчи, болѣе свистящимъ манеромъ, какъ бы растягиваясь, или какъ будто въ срединѣ слышно два зь, зь. Напр., зьзьвизда—звѣзда, зьзьвѣрь (звѣрь), зьзьмѣй.

вазьми—возьми, зьвѣсна—извѣстно.

Въ прочихъ слогахъ, гдѣ з твердое въ книжной рѣчи, тамъ оно выговаривается обыкновенно. Напр.

звонъ, звацъ, казка,

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ слышенъ мягкій знакъ, т. е. ь, послѣ согласныхъ *з*, *л*, *н*, с, *р*,—въ бѣлорусской рѣчи этотъ согласный удваивается, и первый изъ нихъ выговаривается мягко. Напр.

вя̀зьзе – вязье
го̀льляйка—вѣтки
Илья—Илья
абальлю̀тца – обольются
падпо̀льля—подполье
ко̀льля—колья
вугальля—у̀галья
бѣльлё—бѣлье
Ульляна—Ульяна
катаньня—катанье
гуляньняйка—гулянье
вараньнё—вороны
коло̀сься—колосья
пѐръряйка—перья
полозьзя—полозья
вясельля—веселье
засто̀льле—застолье
сальлю̀—солью
альляны̀й—льняный
прихѝльля—пристанище
пря̀льля – которая прядетъ
Ната̀льля—Наталья
паста̀ньня—припопъ
гоня̀ньне—отъ сл. гнать
разгауля̀ньне – розговѣны
валосься—волосы
Ягорьря—Георгія
звярьрё—звѣрье.

Вм. *нельзя* употребляется старинное *нельга*.

Мягкій знакъ ь, стоящій въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ послѣ *ж*, *к*, *ч* и послѣ *дз*, *ць*, въ разговорной рѣчи выбрасывается, между тѣмъ какъ означенный согласный удваивается. Напр.

бо̀жжа – божья
сбо̀жжа – смѣсь зёренъ
ружжо—ружье
зайиччый—заячій
соба̀чча—собачья
кула̀чча—кулаки
каря̀чча – корни
дзяво̀ччая—дѣвичья
хлапя̀ччый—отъ слова хло̀пецъ
стру̀чча—стручья
судьдзя̀—судья
або̀ддзя – ободья
пападдзя—попадья
пицьцьё—питье
свацьця—сватья
пла̀цьця—платье
куцьця—кутья
пру̀цьця—прутья

Знакъ ь, стоящій въ срединѣ слова между согласными, въ бѣлорусской рѣчи выбрасывается. Напр.

волный—вольный
хвалшѝвый—фальшивый
па̀лцы—пальцы
паквѡлно—свободно
пылный—пыльный
пра̀вилно—правильно
бо̀лна—больно
бязд́олная—несчастная

Звукъ ж.

Звукъ ж въ срединѣ слова выговаривается, какъ *дж*, а иногда къ ж прибавляется еще дж, и получается слогъ *ждж*. Напр.

отъѣжджать—отъѣзжать
ураджа̀й—урожай
дождж̀а—дождя
ня̀ жджы—не жди
побуджа̀ць—будить
прахаджу̀ся—прохожуся
ваджу̀—вожу̀
саладжѣ̀й—слаже.

Ж переходитъ въ щ, з. Напр.

вищàть—визжатъ
зялѣза, зялѣзный—желѣзо, желѣзный
рзуць—ржутъ
земчугъ—жемчугъ.

Звукъ к.

Предлогъ *къ*, выговаривается, какъ французское *que*, передъ словами, начинающимися на *б*, *д*, *г*, *ж*, *з*. Напр.

гъ бани—къ банѣ
гъ бóку—къ боку
гъ дзи́рцы—къ дыркѣ
гъ гужỳ—къ гужỳ
гъ гурку—къ огурцу
гъ зимѣ—къ зимѣ
гъ зязю́ли—къ кукушкѣ
гъ дзéреву—къ дереву
гъ жóнцы

Передъ прочими согласными слышно *къ*. Напр.

къ травѣ
къ цьéрему—къ терему
къ свàцьби
къ пéтцы—къ печкѣ
къ каню́
къ цяплỳ—къ теплу
къ цялéнку—къ теленку

К переходитъ въ *х*, напр.

хрестъ—крестъ
хто, нихто, нѣхтось,—(кто, никто, кто-то).
хресьбины—крестины

Звукъ л.

Звуки *л*, *в*, стоящіе послѣ гласныхъ, переходятъ въ у (краткое), образуя такимъ образомъ двоегласіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) *Л* переходитъ въ кратк. *у* въ существительныхъ: Напр.

шóукъ—шелкъ
вóукъ—волкъ
стóупъ—столбъ
каубасà—колбаса
поупирагà—полпирога.

2) Въ прилагательныхъ: Напр.

тóустый—толстый
жóутый—желтый
дóугій—долгій
пóуный—полный
шаукóвый—шелковый

3) Въ глаголахъ. Напр.

тóучъ—толочь
каутàць—глотать
маучàць—молчать
щóукать—щёлкать
пóузаць—ползать

4) Въ глагольныхъ окончаніяхъ прошедшаго вр. 3 лица, мужск. рода. Напр.

ходзи́у—ходилъ
гуля́у—гулялъ
чы́сциу—чистилъ
ви́у—вилъ
би́у—билъ
шукàу—искалъ
прапàу—пропалъ
пѣ́у—пѣлъ
йѣ́у—ѣлъ

В переходитъ въ *у* въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ существительныхъ, напр.

маркóука—марковка
крóуля—кровля
дзѣ́ука—дѣвка
любóу—любовь
цéрькоу—церковь
залóука—заловка
вóуна—шерсть
крóу—кровь
пакрóу—покровъ
рукàу—рукавъ

горщѐуникъ—(дѣлатель горшковъ).
Паулѐ—Павелъ.

2) Въ родительн. падежѣ существительныхъ. Напр.

канцѐу—концовъ
дамѐу—домовъ
карѐу—коровъ
бàцькову—бàтьковъ т. е. батькинъ
дзявирѐу—деверей
попѐу—поповъ
дзякѐу—дьяковъ.

3) Въ прилагательныхъ. Напр.
рѐуный.

4) Въ глаголахъ: напр.
кяунѵцъ—кивнуть.

5) Въ дѣепричастіяхъ: напр.
стàушы—ставши, йѣушы—ѣвши.

Слѣдующія слова остаются безъ перемѣны и не образуютъ двоесловія:

волъ
колъ
стѐлъ
полъ
кацёлъ—(котелъ)
хахолъ
пѐлка
вяселъ—(веселъ)
гарѣлка—(водка)
сакѐлъ
кобылъ—(род. пад.)
цволъ—(стволъ)
вугѐлъ—(уголъ).

Звукъ с.

Кромѣ твердаго произношенія, какъ напр., садъ, посуда, сынъ, соха,—въ народной рѣчи *с* произносится какъ бы усиленно свистящимъ манеромъ, растягивая и усиливая звукъ *сь*, напр.

сьсьмѣлый, сьсьмецье—(смѣтьё)
сьметана—сметана
сьцякло—стекло
сьцибанѵць—стебнуть
у сьвѣци—въ свѣтѣ
пасьвиць—пасти
пасьцьѐль—постель
войсько—войско
сьмѣхъ—смѣхъ
пасьлѣднiй—послѣднiй
сьцяречь—беречь
у цьесьци—въ тѣстѣ
на мѣсьци—на мѣстѣ
сьвича—свѣча
сьлёзы—слёзы
сьвѣцялъ—свѣтелъ
сьпѝна—спина
ѣсьць—ѣсть

Въ прилагательныхъ на *скій* вездѣ слышно мягкое произношеніе, напр.

коньській
купечаській
женьській.

Если звукъ *с* ввидѣ предлога стоитъ передъ слогомъ, начинающимся звуками к, п, с, т, х, у, и если начальный слогъ этого слова оканчивается однимъ изъ твердыхъ гласныхъ а, о, у, е твердое (какъ е ouvert), стоящіе послѣ ц, то предлогъ произносится, какъ въ книжной рѣчи, т. е. *съ*; примѣры:

съ хлѐпцомъ
съ папѐмъ
сь царёмъ
съ тыномъ
съ цѣпомъ
съ табою
съ канёмъ
съ сыномъ
съ прѵтомъ
съ цѣльемъ.

Съ остается неизмѣннымъ передъ словами, въ которыхъ начальный слогъ заканчивается мягкимъ гласнымъ въ соединеніи съ нѣсколькими согласными, какъ-то: ***кряпле, тре, пне, кля, плю*** и т. п. д. примѣры:

съ плеукой — съ плевкой
съ прелымъ — съ трѐскамъ
съ плечъ — съ огнёмъ
съ хрѐнамъ — съ плюгавымъ
съ хлѐбамъ — съ клѝнамъ.
съ хрястдмъ

Предлогъ *съ* передъ гласною *а* тоже остается неизмѣннымъ. Напр.

съ Антднамъ, съ Аудзѣемъ (Авдѣемъ) — съ акрайцамъ – съ краюхой хлѣба
съ Ангаламъ—съ Ангеломъ — съ апѐнькамы—апенька, грибы.

Послѣ предлога *съ* звукъ *и* переходитъ въ ы напр.

съ Ыраномъ—(съ Иваномъ) — съ Ырадомъ—(съ Иродомъ)
съ Ыгнатомъ—(съ Игнатомъ) — съ Ыгрушамы – (съ грушами).

Предлогъ *съ*, стоящій слитно съ словами, подчиняется тому же правилу. Примѣры:

спадаць—спадать — схапѝць—схватить
сплиснўць—слить — ссадзѝць—ссадить.
скливàць—клевать

Если же слово, начинающееся съ звуковъ к, п, с, т, х, ц (мягкаго), за которыми непосредственно слѣдуетъ мягкій гласный звукъ, то предлогъ *съ*, стоящій передъ такимъ словомъ, произносится мягко *сь*, напр.

сь перъямы — сь сястрою
сь цьеремамъ — сь пячѝ
сь сливамы — сь цьѐщы.
сь цьесгамъ

Примѣры предлога слитнаго съ словами, начинающимися звуками к, п, с, т, х, ц.

сьпихнуць — сьцѝснуць
ськѝнуць — сьсинѣць
сьпилѝць — сьпечъ.

Предъ прочими согласными, кромѣ *с*, *т*, предлогъ *съ* переходитъ въ *зъ*, если слѣдующій за нимъ начальный слогъ въ словѣ оканчивается твердою гласною а, о, у, ы. Напр.

зъ лысинай—съ лысиной — зъ лапатай—съ лопатой
зъ бàцькамъ—съ батькой — зъ ракамъ—съ ракомъ.
зъ лыкамы—съ лыкомъ

Зъ остается на своемъ мѣстѣ передъ словами, начальный слогъ которыхъ оканчивается мягкимъ или твердымъ гласнымъ, предшествуемой двумя, тремя согласными (т. е. передъ такого рода словами: *бре, бру, бря, брю, дру, дрю, гря, глы*, и т. п.) напр.

зъ брыдкимъ—съ противнымъ — зъ дрюкамъ—съ палкой
зъ брусьнѝкай—съ брусникой — зъ грязьзю—съ грязью
зъ бряхнѐй—съ ложью — зъ глыбдкай—съ глубокой
зъ брюхамъ—съ брюхомъ — зъ глиной—съ глиной

Передъ *о* и передъ *у* слышно непремѣнное предыханіе. Напр.

зъ вдкнамы—съ окнами — зъ вўткаю—съ уткою
зъ вдкоркамъ—съ окорокомъ — зъ вушàмы—съ ушами

Слова слитныя съ предлогами подчиняются тому же правилу. Напр.

збыу—сбылъ — зброснуу—сбросилъ
змачыу—смочилъ — звалѝли—свалили
злàдзиу—сладилъ — збрыкнўць—соскочить.
зпачàла—сначала — здўць—сдуть
зрѣзаць—срѣзать — згрёбъ—сгребъ

зламау—сломалъ
злȁдзиць—сладить
зрыць—срыть
згубиць—сгубить

Если предлогъ *съ*, переходящій въ *зъ*, стоитъ передъ словомъ, въ которомъ рядомъ съ начальнымъ согласнымъ слышится мягкій гласный, то *зъ* переходитъ въ *зь*, Напр.

зь мѝлымъ
зь вязюляй
зь лѣ̀су
зь вѐнамъ (съ приданымъ)
зь бѐригамъ
зь дзяваламъ
зь вѐчарамъ
зь лягушкой
зь людзямы
зь некрутомъ
зь бядой
зь вярбой
зь дзѣдамъ
зь вязкай

Зъ также переходитъ въ *зь* передъ мягкими гласными ё, е, ю, я, й, и. Напр.

зь ёлкай,
зь Евай (съ Евою),
зь юпкой,
зь Якавамъ,
зь яблаками,
зь йиломъ (илъ),
зь Янкилямъ
зь Ягорьямъ
зь йиншымъ
зь йимъ
зь йикаукай (икотой)
зь дзядзькай.

Слова предложныя, т. е. слитныя съ предлогомъ, подчиняются такому же правилу. Напр.

зьмяць—смять
зьвѣйиць—свѣять
зьлѣзьць—слѣзть
зьляпиць—слѣпить
зьдзѣлаць—сдѣлать.

Передъ звукомъ *ж* предлогъ *съ* переходитъ въ *жъ*, передъ *ч*, *ш*, *щ* переходитъ въ *ш*. Напр.

жъ жанȍю—съ женою
жъ жыдамъ—съ жидомъ
жъ жолудȍмъ—съ желудомъ
шъ чашкой—съ чашкой
шъ шȍлудзямы—(болѣзнь)
шъ щыпцȁмы.

Кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ *с* переходитъ въ *ш*, *х*, *з*. Напр.

дошки—(доски)
шабля—(сабля)
ужахнӯцца—(ужаснуться)
шкарлӯпки—(скорлупки)
шкȁредный (скупой)
шкло—(стекло)
прашнӯцца—(проснуться)
зьмирный—(смирный)
шкресць—(скресть), сашкребаць.

Ф выговаривается какъ *хв*, *х*, *к*. Напр.

хванарь—фонарь
хвȁбрыка—фабрика
хвȁлшъ—фальшь
хвȍртка—фортка
хвѐршалъ—фельдшеръ
хлакъ—флагъ
у хрантӯ—во фронтѣ
хрантȍнъ—фронтонъ
хракъ—фракъ
хунтъ—фунтъ
хургȍнъ—фургонъ
хрӯктъ—фруктъ

Х выговаривается какъ *к*. Напр.

паска—пасха
крректаць—крехтать
клопоты [1])—хлопоты
карагодъ—хороводъ.

Ц переходитъ въ *ч*, *т*. Напр.

чапля—цапля
твятокъ—цвятокъ
твисць—цвѣсти
зачапнуся—зацѣпился
зачапляць—зацѣпить

---

[1]) *Клопотъ*—древн. слово и тутъ скорѣй обратно перех. *к* въ *х*. Тоже и въ сл. *пасха*. Въ древн. слав. памятн. дат. и мѣстн. ед. ч. *пасцѣ*. Также изъ *къто*—*хъто*, а не обратно. *Ред.*

типляты
тискляты } цыпляты.
писклёнокъ

Ч переходитъ въ *ш*, *ц*, *с*, *т*. Напр.

што—что, ништо—ничего, нѣштачка—что-то, вѣшный—вѣчный, сярдзешный—сердечный, цотъ—четъ, унистожыць—уничтожить

тирязъ—черезъ
малошный—молочный
скўшный—скучный
пясошный—песочный

Щ переходитъ въ *ш*, *ч*. Напр.

памошникъ—помощникъ
таварышы—товарищи.

Ш переходитъ въ *щ*, *с*. Напр.

гарщокъ—горшокъ, сипѣць—шипѣть, щаколадъ—шеколадъ, щамель—шмель, чёшысься—чешишься, носисься—носишся, байисься—боишься, мыйисься—моишься.

Ѳ переходитъ въ *п*, *хв*. Напр.

Пёкла, т. е. Ѳекла
Хвекла, т. е. Ѳекла
Хама и Хвама—Ѳома.

Переходъ звуковъ въ падежныхъ окончаніяхъ.

Звуки *г*, *ж* въ падежныхъ окончаніяхъ дательнаго и предложнаго падежей переходятъ въ *з*. Напр.

на пардзи—на порогѣ
у дардзи—въ дорогѣ
у каторзи—въ каторгѣ
у лўзи—въ лужѣ
у калюзи—въ калюгѣ.

Но говорятъ: абъ Боги, а не объ Бози, на чалавѣки, но не на чалавѣцы—(на человѣкѣ).

Х, переходитъ въ *с*

у гарси—въ горохѣ
на вўси—на ухѣ
абъ Дўси—на Духа
на верси—на верху.

К переходитъ въ *ц*.

у махотцы—въ махоткѣ, въ горшкѣ
на пітатцы—на ниткѣ
у картошцы—на картошкѣ
на дзѣуцы—на дѣвкѣ
на сасонцы—на соснѣ
на лижанцы—на лежанкѣ
на жонцы—на жонкѣ
у рязцы—въ ряжкѣ,—ведёркѣ
на сабацы—на собакѣ
па скибцы—по скибкѣ
у каморцы—въ коморкѣ
на рѣтцы—на рѣчкѣ.

Слова съ удареніемъ въ концѣ удерживаютъ *ѣ*. Напр.

у назѣ—въ ногѣ
на дузѣ—на дугѣ
на хвасьцѣ—на хвостѣ
на сабѣ—на себѣ
на сасѣ—на сохѣ
на пянцѣ—на пенькѣ
на крютцѣ—на крюкѣ
на стрясѣ—на стрякѣ
у руцѣ—въ рукѣ,
на рацѣ—на рѣкѣ
на малацѣ—на молокѣ.

М. Н. Косичъ.

·ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Katalog dzieł treści przysłowiowej składających bibljotekę Jgnacego Bernsteina 2 tomy in 4°, str. XX+560+650. Warszava. (1900 г.) MDCCCC (на другой страницѣ тоже заглавіе по-французски).

Хотя названные два тома книги г. Бернштейна не печатались всецѣло въ Варшавѣ (часть, по неимѣнію шрифтовъ, печаталась въ Лейпцигѣ въ типографіи W. Drugulina), однако слѣдуетъ признать, что за 1900-й годъ едва ли какое другое изданіе можетъ равняться съ названною въ заголовкѣ книгою по роскоши.

Г. Бернштейнъ, печатая каталогъ книгъ, посвященныхъ пословицамъ всевозможныхъ народовъ всего свѣта и собранныхъ имъ въ теченіе 35-ти лѣтъ, не пожалѣлъ денегъ, чтобы украсить свое изданіе снимками цѣлыхъ выходныхъ листовъ, копіями рисунковъ и далъ одно воспроизведеніе съ красками. Такъ называемая по-польски «черпаная» бумага двухъ громадныхъ лежащихъ передо мною томовъ (а ихъ напечатано 350 экз.) не оставляетъ желать лучшаго; еще удивительнѣе 25 экземпляровъ на японской бумагѣ, а какъ рѣдкость въ одномъ томѣ напечатанный «Каталогъ» (3 экз.) на очень тонкой японской бумагѣ. Если прибавить къ сказанному, что это изданіе (продается въ Лейпцигѣ у Harrassowitz'а за 60 mrk.) не можетъ разсчитывать на широкій сбытъ по своей роскоши, то легко понять, что въ лицѣ г. Бернштейна мы имѣемъ любителя литературы пословицъ, сильно преданнаго одной идеѣ.

Какова эта послѣдняя, узнаемъ отчасти изъ «предисловія», напечатаннаго въ началѣ 1-го тома по-французски и по-польски, отчасти изъ сообщенія г. Jan'o Karłowicz'у въ письмѣ. Въ 1865 г. издатель возвращался изъ Берлина въ Варшаву. До отхода курьерскаго поѣзда, выходившаго въ полночь, у него оставалось свободное время, которое онъ провелъ на лекціи какого-то ученаго. Этотъ ученый темою лекціи избралъ «Роль народныхъ пословицъ въ воспитаніи юношества».

Лекція нѣмецкаго ученаго, говорившаго о томъ, что не должно пренебрегать «зернами мудрости» народной, заключающейся въ пословицахъ и изреченіяхъ, при воспитаніи юношества, что развитіе дѣтскаго разума во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ умственному развитію народовъ, создававшихъ пословицы, что вмѣсто отвлеченнаго морализованія и наказаній цѣлесообразнѣе предлагать дѣтямъ этичные и житейскіе рецепты—пословицы, простыя и доступныя дѣтскому пониманію,—эта лекція произвела на г. Бернштейна глубокое впечатлѣніе. Если таково значеніе пословицъ, думалось ему, то гдѣ искать ихъ, этихъ «зеренъ мудрости»? И вотъ у него явилось намѣреніе собрать пословицы всѣхъ народовъ въ одномъ мѣстѣ. Тотчасъ онъ началъ приводить свою идею къ осуществленію, и въ теченіе 35 лѣтъ ему удалось собрать рѣдкую по спеціальности библіотеку книгъ, книжечекъ и брошюръ, печатныхъ и рукописныхъ,

заключающихъ пословицы, изреченія и другія зерна народной мудрости. Ближайшее ознакомленіе съ «Каталогомъ» г. Бернштейна показываетъ, что онъ дѣйствительно не жалѣлъ ни времени, ни издержекъ на пріобрѣтеніе самыхъ рѣдкихъ изданій. Могу сказать, что ни одно публичное собраніе не заключаетъ въ себѣ такой своеобразной рѣдкой литературы пословицъ. Зная, что авторъ «Каталога» свое книжное сокровище предназначаетъ въ даръ одному ученому учрежденію, заранѣе поздравляю его съ счастливымъ подаркомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ изданныхъ двухъ томахъ «Каталога» значится 4761 названіе сочиненій съ пословицами различныхъ вѣковъ и народовъ. Въ немъ встрѣчаются книги не только на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но и на языкахъ различныхъ дикихъ народовъ, каковы Адыге, Акра и т. п., всего до 150 языковъ и нарѣчій. Рукописныхъ собраній пословицъ названо 70, изъ которыхъ половина почти польскихъ собраній. Самъ издатель собираетъ еврейскія пословицы.

Какъ показываетъ «дополненіе» къ Каталогу, которое составилось въ теченіе 3-хъ лѣтъ, въ промежутокъ тисненія книги, г. Бернштейну остается еще издать не одинъ томъ. Тутъ нельзя не сказать, что задача, поставленная г. Бернштейномъ, такъ громадна, что если бы она предстала предъ его мысленнымъ взоромъ во всей грандіозности, то едва-ли бы онъ рѣшился приняться за ея осуществленіе. Если г. Бернштейну удастся въ недалекомъ будущемъ собрать рѣшительно все, что имѣется во всемірной литературѣ о пословицахъ, то вѣдь ему предстоитъ еще труднѣйшая часть работы: выборъ изъ собранныхъ книгъ пословицъ и собраніе ихъ въ одномъ сборникѣ. Впрочемъ, и сдѣланное г. Бернштейномъ должно вызывать чувство искренней благодарности и удивленія передъ его неусыпною энергіею у всякаго ученаго, занимающагося фольклористикою. Нельзя не поблагодарить и его помощника г. д-ра Познанскаго, который, по признанію самого издателя, способствовалъ скорѣйшему появленію «Каталога» въ свѣтъ.

И г. Бернштейнъ и г. Познанскій, оба они, очевидно, одушевлялись, предпринимая изданіе, тою идеею, что «Каталогъ» принесетъ общую пользу, пользу всѣмъ, занимающимся фольклоромъ. Въ самомъ дѣлѣ, до изданія «Каталога» только немногія лица г. Варшавы и Привислинскаго края знали о существованіи у г. Бернштейна рѣдкой библіотеки пословицъ и пользовались ею. Такъ, по сообщенію г. I. Karłowicz'a, пользовался собраніемъ г. Бернштейна г. K. Wojcicki и S. Adalberg. Съ изданіемъ «Каталога» каждому фольклористу станетъ извѣстно богатое собраніе г. Бернштейна и сократитъ тяжелый трудъ отыскиванія «литературы предмета».

Въ данномъ отношеніи «Каталогъ» является цѣннымъ пособіемъ. Хотя въ лицѣ г. Бернштейна мы имѣемъ не записного ученаго, а случайнаго любителя, однако широкое общее образованіе и знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ дали ему возможность умѣло и очень разумно отнестись къ составленію книги. Онъ долго и тщательно изучалъ различныя системы, по которымъ составлялись книги, подобныя его изданію. По достаточномъ размышленіи онъ предпочелъ алфавитную систему, каковой держатся Штирлингъ, Питре и другіе современные библіографы. Сочиненія размѣщены у него въ алфавитномъ порядкѣ по фамиліямъ авторовъ безъ различія языка, на которомъ писано сочиненіе. Анонимныя сочиненія помѣщались по буквѣ главнаго слова въ титулѣ, исключая повременныхъ изданій, которыя цитуются по первому слову заглавія. Для удобства же читателей, фамилія каждаго автора, хотя бы два или три составили извѣстную книгу, помѣщена въ своемъ мѣстѣ (по алфавиту), но безъ полнаго титула книги, который напечатанъ полно при фамиліи перваго автора. Различныя сочиненія одного и того же автора или различныя изданія одной какой-либо книги помѣщались подъ фамиліей автора въ хронологическомъ порядкѣ. Особенное вниманіе авторомъ приложено къ точному обозначенію названія книгъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ онѣ напечатаны. Не ставя себѣ задачею критическое обозрѣніе содержанія каталогизируемыхъ книгъ, г. Бернштейнъ даетъ очень обстоятельное описаніе ихъ, указывая подробно содержаніе, что даетъ возможность фольклористу сразу видѣть пригодность или непригодность данной книги для его работы.

Затрудненія, встрѣченныя издателемъ и составителемъ «Каталога», относятся къ транскрипціи именъ и названій на языкахъ, отличныхъ отъ латинской абецеды, а равно къ обозначенію формата книгъ.

Въ концѣ 2-го тома приложенъ указатель языковъ въ алфавитномъ порядкѣ, на которыхъ написаны книги, вошедшія въ «Каталогъ».

Какъ видно изъ сказаннаго, г. Бернштейнъ сдѣлалъ все возможное, что можно предъявить къ составителю «Каталога». Желая ему отъ души счастливаго окончанія предпринятой работы, мы не можемъ не высказать нѣкоторыхъ пожеланій, исполненіе коихъ можетъ, по нашему мнѣнію, увеличить научную цѣнность изданія.

Во-1-хъ, весьма желательно, чтобы при описаніи рукописныхъ собраній пословицъ было указано, напечатано-ли что-либо изъ нихъ въ цѣломъ видѣ и по частямъ. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ указаній, у г. Бернштейна имѣются списки съ рѣдкихъ печатныхъ изданій, сдѣланные по его заказу.

Во-2-хъ, вниманіе г. собирателя мало обращено на пословицы инородцевъ, населяющихъ Дальній Востокъ. Въ печати, въ мѣстныхъ изданіяхъ имѣются цѣнные матеріалы. Полагаю, что г. Бернштейну слѣдовало бы войти въ сношенія съ тамошними отдѣлами И. Р. Геогр. Общества, и они съ удовольствіемъ доставили бы ему все, что у нихъ имѣется по части пословицъ.

Въ-3-хъ, считаемъ безполезнымъ перечислять хрестоматіи для чтенія, потому что въ подобныхъ изданіяхъ рѣшительно не встрѣчаются пословицы, самостоятельно записанныя авторами ихъ: это все изданія компилятивныя. При томъ же всевозможныхъ хрестоматій, азбукъ съ пословицами и изреченіями такое безчисленное количество выходитъ ежегодно, что перечисленіе ихъ положительно неуловимо.

Но, въ-4-хъ, самое главное пожеланіе, чтобы г. Бернштейнъ параллельно съ составленіемъ «Каталога» приступилъ къ исполненію второй своей задачи (лучшей части задачи), т. е. къ составленію сборника пословицъ на основаніи собраннаго имъ матеріала. Конечно, трудъ это грандіозный. Мнѣ кажется, г. Бернштейну слѣдовало бы начать составленіе сборника по народностямъ. Положивъ въ основу родную народность, слѣдовало бы на основаніи печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ составить въ алфавитномъ порядкѣ собраніе польскихъ пословицъ. Тогда при знакомствѣ съ однимъ собраніемъ легче пошла бы работа съ пословицами другихъ народовъ: яснѣе было бы сходное и различное въ этой области народнаго творчества.

Конечно, совершить такую гигантскую работу не подъ силу одному Бернштейну, человѣку уже не молодому. Но отъ него зависитъ сгруппировать около себя небольшой кружокъ лицъ, одушевленныхъ любовью къ фольклористикѣ, и между ними раздѣлить работу. Думаю, что и записные ученые, академики и профессора университетовъ, охотно взяли бы на себя часть такой работы. Тогда суждено было бы и Бернштейну, если не конецъ, то увидѣть начало полнаго исполненія зародившейся въ 1865 г., ночью, въ вагонѣ, мчавшемъ его изъ Берлина въ Варшаву, идеи: собрать воедино зерна народной мудрости.

Смѣю думать, что г. Варшава не бѣденъ и людьми знанія, и людьми высокаго научнаго одушевленія, почему мое пожеланіе не можетъ показаться несбыточнымъ.

Какъ бы то ни было, и за сдѣланное скажутъ искреннее спасибо г. Бернштейну и его помощникамъ (кромѣ г. Познанскаго, еще А. А. Krynski) не только земляки, но и люди науки другихъ народностей.

С. Браиловскій.

Варшава.
1901 г., іюль.

Joan Bogdan. Luptele romînilor cu turcii până la Mihai-Viteazul. Bucureşti. 1898. **in.** 12°. 1—38.

Въ этой небольшой по объему публичной лекціи, произнесенной профессоромъ-славистомъ въ букарештскомъ «Атенеѣ», находимъ сжатое и художественное изложеніе событій эпохи, предшествующей турецкому завоеванію придунайскихъ княжествъ въ XVI вѣкѣ. Эта эпоха была сплошнымъ подвигомъ румынскаго народа-героя, выносившаго на своихъ плечахъ натискъ турокъ, которымъ были подчинены уже славянскія государства, и предъ которыми трепетали ихъ сосѣди. Свою статью авторъ начи-

наетъ слѣдующими словами: «Исторія румынскаго народа есть продолжительная борьба за существованіе. Брошенные предъ лицо варваровъ, колонисты Траяна не жили въ мирѣ въ теченіе даже полвѣка и сражались съ варварами, которые во вторую половину вѣка пытались подчинить себѣ ту страну, въ которой поселились? Отмѣтивъ тѣ войны, которыя должны были вынести румыны съ народами во время великаго переселенія, И. Богданъ говоритъ объ основаніи двухъ румынскихъ княжествъ Олтинскаго и Бессарабскаго, находившихся въ вассальной зависимости отъ болгарскихъ царей. Послѣ нашествія монголовъ въ 1242—47 г.г. оба эти княжества подпадаютъ подъ сюзеренитетъ венгровъ (стр. 6). Основанное въ XIII вѣкѣ, молдавское княжество въ концѣ того же вѣка подпадаетъ подъ владычество Польши (стр. 7). Соучастники въ памятныхъ для славянъ битвахъ при Коссовѣ и Рованѣ, румыны подъ знаменами своего храбраго господаря Мирчи Стараго († 1418 г.) имѣли еще нѣсколько самостоятельныхъ сраженій съ турками и въ большинствѣ случаевъ выходили изъ нихъ побѣдителями или же отказывались платить туркамъ позорную дань. Завѣты Мирчи святого хранились его преемниками. Достаточно вспомнить валашскаго господаря Влада Цепеня, героя извѣстной русской повѣсти «о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ» или молдавскаго—Стефана Великаго, который, умирая, могъ сказать, что въ теченіе своего 47 лѣтняго княженія онъ имѣлъ 36 битвъ, изъ которыхъ потерялъ только двѣ. Сосѣдніе народы должны быть обязаны румынамъ за то, что послѣдніе въ теченіе четырехъ вѣковъ выдерживали турецкій потокъ и этимъ давали имъ возможность совершенствовать свою культуру подъ покровомъ мира. Значеніе турецкаго завоеванія придунайскихъ княжествъ для славяновѣдѣнія указывается г. Богданомъ въ прекрасныхъ заключительныхъ словахъ лекціи, которыя мы приведемъ въ переводѣ: «Если мы теперь послѣ этихъ вѣковъ спросимъ: что осталось отъ продолжительнаго турецкаго владычества надъ нашими землями, то должны отвѣтить съ гордостью и благодарностью, что—*за исключеніемъ нѣсколькихъ турецкихъ словъ, вошедшихъ въ румынскій языкъ* не *осталось абсолютно ничего*. Такъ «вода проходитъ, а камни остаются». Въ то же время, неужели то же можно сказать относительно славянскаго вліянія? Этому вопросу профессоръ посвящаетъ слѣдующую лекцію, «о древне-румынской культурѣ».

А. И. Яцимирскій.

Octav George Luca. Famiile boeresti romàne. Bucuresti, 1899 an., 8°, p. 648. Октавій Георгій Лука.

Кто занимался старинными славянскими грамотами, вышедшими изъ господарскихъ канцелярій Молдавіи и Валахіи въ періодѣ между концомъ XIV и концомъ же XVII вѣка, тотъ, несомнѣнно, обратилъ вниманіе, что онѣ подкрѣпляются длиннымъ спискомъ бояръ «великихъ и малыхъ», среди которыхъ встрѣчается цѣлый рядъ чисто славянскихъ именъ. Огромное количество такихъ грамотъ,—какъ изданныхъ, такъ и оставшихся пока для другихъ ученыхъ неизвѣстными,—дало возможность молодому румынскому ученому сдѣлать первый опытъ по генеалогіи румынскаго дворянства, фактическаго значенія въ настоящее время неимѣющаго, частью вымершаго, частью бѣжавшаго въ сосѣднія земли во время внутреннихъ смутъ, при вступленіи новыхъ господарей, и вытѣсненнаго пришлыми греческими фамиліями и сохраняющагося только среди сельскаго населенія, такъ называемыхъ «резеши», т. е. свободныхъ однодворцевъ или помѣщиковъ. Резюмируя тщательный очеркъ А. Ксенополя въ его «Исторіи Румынъ» проф. *И. Богданъ* говоритъ о боярахъ слѣдующее: «Боярство не было у насъ никогда наслѣдственнымъ: какъ и въ Россіи, каждый боярскій сынъ долженъ былъ самъ подняться съ самыхъ низшихъ степеней и до высшихъ; самая высшая знать теряла свои права въ одно мгновеніе вмѣстѣ съ милостью господаря. По отношенію къ западнымъ странамъ, гдѣ феодализмъ получилъ широкое распространеніе, боярство имѣло у насъ, подобно Россіи, характеръ демократическій; это мѣшало образованію могущественной монархіи, какъ въ Польшѣ, угрожало всемогуществу господаря до новѣйшихъ временъ и препятствовало чрезмѣрнымъ притѣсненіямъ земледѣльцевъ - крестьянъ

со стороны помѣщиковъ». (Cultura veche română, p. 48). Сравнивая положеніе румынской знати съ таковой же въ Венгріи, Польшѣ, Болгаріи и Сербіи, мы найдемъ полное сходство: они были служилые люди, надѣленные господаремъ за усердную, правую и вѣрную службу помѣстьями, которыя переходили въ ихъ родѣ отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ дарственными грамотами. Ихъ обязанностью было доставлять войска для войны, главнымъ образомъ, всадниковъ. Во времена господаря Стефана Великаго (†1504 г.) военныя силы Молдавіи выражались въ десяти тысячахъ всадниковъ, доставлявшихся боярствомъ. Въ мирное время бояре служили при дворѣ въ должностяхъ византійско-славянскаго происхожденія: логоѳетъ, дворникъ, комисъ, спатарь, стольникъ, постельникъ и проч., или же были начальниками уѣздовъ, укрѣпленій (парколабы). судили народъ по обычаямъ страны, собирали подати и т. д. Пользуясь большимъ количествомъ документовъ, лѣтописями, а также устными преданіями, молодой ученый г. Лука съ достаточнымъ знаніемъ и большой любовью къ своей работѣ, выпустилъ огромный томъ, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ описывается исторія каждаго рода въ отдѣльности, приводятся генеалогическія таблицы, отрывки изъ документовъ, надгробныя и ктиторскія надписи и проч. Во многихъ мѣстахъ вопросы кажутся чрезвычайно запутанными, но авторъ съ отчетливой эрудиціей ихъ разрѣшаетъ и всегда старается доказать древность того и другого рода и ихъ чисто румынское происхожденіе, съ чѣмъ однако весьма трудно согласиться.

Имѣя ввиду, что въ румынской ученой литературѣ по данному вопросу ничего еще не сдѣлано, трудъ почтеннаго ученаго слѣдуетъ считать заслуживающимъ вниманія.

А. И. Яцимирскій.

Basarabia în secolul XIX de Zamfir C. Arbure. Editiunea Academici Române. Bucurescі. 1899. 790 стр.

Давно уже Румынская Академія задалась цѣлью издать цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ тѣмъ землямъ, которыя въ настоящее время заселены румынами, но находятся подъ властью сосѣднихъ державъ. Около десяти лѣтъ тому назадъ для этой цѣли пріѣзжалъ въ Кишиневъ студентъ букарештскаго университета Емиль Теодореску и, съ разрѣшенія губернатора, снялъ копію со всѣхъ документовъ начала XIX вѣка, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія. Объ этихъ интересныхъ документахъ, относящихся къ періоду временнаго русскаго управленіи въ придунайскихъ княжествахъ въ 1806—1812 годахъ, мы до сихъ поръ знали только по небольшой статьѣ. А. Накко въ «Запискахъ Одесск. Общ-ва исторіи и древностей». Такимъ образомъ, въ новомъ изданіи румынской Академіи впервые появляются данныя, основанныя на этихъ документахъ. Авторъ разбираемаго труда г. Арбуре получилъ образованіе въ Петербургѣ въ военно-медицинской Академіи и русскій языкъ знаетъ прекрасно. Онъ воспользовался для своей многолѣтней работы на русскомъ языкѣ, и его книга могла бы быть полезна и для насъ, если бы большинство его выводовъ и даже данныхъ не было проникнуто явной тенденціей, которая лишаетъ его прекрасно и съ любовью написанную книгу научнаго значенія. Какъ и слѣдовало ожидать, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ дѣлаетъ безтактныя выходки противъ русскаго правительства, за руссификацію бессарабскихъ румынъ. Напримѣръ, въ концѣ своего предисловія онъ говоритъ: «Съ 1812 года бессарабскіе румыны находятся подъ чужеземной властью. Имъ запрещено учиться на родномъ языкѣ, запрещено молиться Богу по румынски: школа и церковь въ Бессарабіи сдѣлались орудіемъ, при помощи котораго русское правительство надѣется руссифицировать румынское населеніе. Ни одна книга, ни одна румынская газета не проникаетъ черезъ Прутъ, ни одной школѣ не позволено обучать по румынски, ни въ одной библіотекѣ не терпятъ какой-нибудь румынской книжки. На югѣ Бессарабіи, недальше какъ въ прошломъ году (1895), русская полиція отобрала у трансильванскихъ мокановъ (торговцы желѣзомъ, чеснокомъ и пр.) «Сонъ Пресв. Богородицы», «Арчикъ» и т. д., запретивъ читать даже эти книжонки. Съ помощью школы, Россіи удалось почти совершенно руссифицировать образованный

классъ въ Бессарабіи, съ помощью церкви она надѣется сдѣлать то же и съ сельскимъ населеніемъ».

«Прошло 76 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ бессарабскіе румыны находятся подъ игомъ православной Россіи, но и до нашихъ дней румынскій крестьянинъ за Прутомъ говоритъ только на румынскомъ языкѣ, молится Богу только на языкѣ отцовъ своихъ»... Мнѣ кажется, что эти пышныя фразы г-на Арбуре не имѣютъ должнаго значенія, такъ какъ богослуженія на румынскомъ языкѣ никто до сихъ поръ въ Россіи не преслѣдовалъ. Наоборотъ, мнѣ извѣстно не мало случаевъ, когда русскіе, по происхожденію, священники, окончившіе русскую семинарію, попавъ на румынскій приходъ, учились румынскому языку, служили на этомъ языкѣ и даже забывали свой родной языкъ. Что же касается румынскихъ книгъ, то и онѣ нисколько не запрещены у насъ. Г-нъ Арбуре, навѣрное, не знаетъ даже тѣхъ фактовъ, которые были отмѣчены уже давно въ ясскомъ изданіи S. Xenopol'a «Archiva», а именно, что нѣкоторые бессарабцы безъ всякихъ препятствій получили 12-ти томную исторію румынъ проф. Ксенополо, несмотря на то, что тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются такія же выходки противъ русскихъ «узурпаторовъ». Приводимый же имъ случай съ запрещеніемъ «Сна Пресв. Богородицы» вполнѣ возможенъ, но все дѣло въ томъ, что и среди русскихъ эта книжка въ сущности запрещена, какъ апокрифическая. Вѣдь относительно этой книжки и на русскомъ языкѣ существуетъ не одинъ синодальный циркуляръ. Поэтому совершенно въ данномъ случаѣ безразлично, на какомъ языкѣ она напечатана: на русскомъ или румынскомъ. Вообще же сами румыны не могутъ похвастаться своей терпимостью, такъ напримѣръ, въ южной Бессарабіи они ввели среди колонистовъ-болгаръ румынское богослуженіе въ періодѣ 1864—1877 гг., въ то время, какъ до этого они служили на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ. Дальше, развѣ румыны не преслѣдуютъ сербскихъ школъ въ западной Валахіи? А если въ Добруджѣ они разрѣшили турецкія школы, то въ Россіи, навѣрное, гораздо больше инородческихъ школъ, чѣмъ во всей Румыніи. Можно, пожалуй, сказать, что сами бессарабскіе румыны мало интересуются своимъ національнымъ достояніемъ, а высшіе классы такъ же индерферентны къ румыно-французской культурѣ, какъ и румынскіе, воспитанные главнымъ образомъ за границей, индифферентны къ простому народу. Что же касается румынскаго языка въ Бессарабіи, то, за исключеніемъ очень не многихъ чисто-административныхъ терминовъ, языкъ сохранился во всей своей неприкосновенности и даже не испорченъ такимъ множествомъ итальяно-французскихъ новшествъ, какъ странный въ сущности языкъ крестьянъ въ самомъ королевствѣ. Я твердо убѣжденъ, что не далеко, быть можетъ, то время, когда румынскіе филологи будутъ пріѣзжать въ Бессарабію, чтобы слышать тотъ живой языкъ, на которомъ писали румынскіе хронисты-патріоты, на которомъ были написаны документы въ XVI вѣкѣ, на которомъ печатались богослужебныя книги, и на которомъ говорили внѣ румыни до того злополучнаго для цѣлости румынскаго элемента времени, когда новѣйшіе патріоты стали вводить въ языкъ, вмѣстѣ съ правописаніемъ, французскія и итальянскія слова, которыя бѣдные крестьяне княжества Румыніи коверкаютъ до неузнаваемости. Къ сожалѣнію, г! Арбуре объ этомъ и не подумалъ. Какъ должны смотрѣть на Россію читатели книги г. Арбуре, послѣ того какъ на стр. 532 найдутъ слѣдующую фразу: «и большое оффиціальное изслѣдованіе о Бессарабіи, написано, конечно по русски, извѣстнымъ шпіономъ Батюшковымъ»? Здѣсь, очевидно, разумѣется наша «Бессарабія». Историческое описаніе, съ Высочайшаго соизволенія, издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова, Спб. 1892. Никому неизвѣстно, за что покойный Помпей Николаевичъ заслужилъ названіе шпіона. Вотъ почему также, разсказывая о русскомъ населеніи Бессарабіи, г. Арбуре могъ остановиться лишь на двухъ соціальныхъ явленіяхъ—пьянствѣ и снохачествѣ (стр. 241), которыя, будто-бы, разрушаютъ въ корнѣ это племя и только увеличиваютъ число преступленій.

Теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ его книги, какъ сочиненія, претендующаго на значеніе научнаго труда. Трудъ Арбуре состоитъ изъ восьми книгъ: I. Географія физическая и политическая, II. Этнографія и демографія отъ 1810 по 1892 годъ, III. Нравы и обычаи разныхъ народовъ, живущихъ въ Бессарабіи, IV. Города, села и монастыри

Бессарабіи, V. Земледѣліе и промышленность добывающая, VI. Торговля и промышленность обрабатывающая, VII. Церковь и школа, VIII. Администрація и юстиція. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ интересныхъ и впервые появившихся въ печати прибавленій и, наконецъ, библіографическій матеріалъ.

Въ основу объемистой книги Арбуре вошло «Статистическое и географическое описаніе Бессарабской области», составленное въ концѣ 50-хъ годовъ офицерами Генеральнаго штаба подъ редакціей А. Защука; иногда г. Арбуре просто его переводитъ, но на эту книгу ссылки мы находимъ рѣдко, и то въ отдѣлѣ этнографическомъ. Гораздо охотнѣе онъ приводитъ готовыя уже ссылки по тому же Защука и широко пользуется книгой «шпіона» Батюшкова. Но большинство русскихъ книгъ за послѣднія 20 лѣтъ остались г. Арбуре совершенно неизвѣстными, даже такія, какъ дѣльная статья о Бессарабіи въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза.

Этнографическая часть труда г. Арбуре довольно слаба. Даже если сравнить тотъ собранный въ Бессарабіи матеріалъ, который приводитъ въ своихъ многочисленныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ S. Fl. Marian'a, то получится что послѣднему извѣстно гораздо больше, чѣмъ г-ну Арбуре. Неизвѣстны ему также и тѣ тексты, которые опубликованы мною въ журналѣ г. Денсишяну «Revista Critică—literara». Самыя интересныя изъ этнографическихъ данныхъ сообщены корреспондентами изъ Бессарабіи, преимущественно изъ Кишиневскаго уѣзда. Остальныя же свѣдѣнія или представляютъ пересказъ по совершенно устарѣлой книгѣ Защука или же по другимъ статьямъ, которыя лишены научнаго значенія. Къ сожалѣнію, тексты легендъ, колядокъ, свадебныхъ, любовныхъ и эпическихъ пѣсенъ переданы въ большинствѣ случаевъ не въ точной теоретически записи и поэтому не даютъ понятія о живомъ говорѣ бессарабскихъ молдаванъ. Славянская надпись XV вѣка на воротахъ Аккерманской крѣпости переиздана изъ книги Батюшкова очень плохо, изъ той же книги взяты и рисунки, мало характерные, въ то время, какъ только двѣ изъ моихъ фотографій (виды монастырей Тобскаго и Добружскаго) случайно попали въ книгу Арбуре, безъ указанія, впрочемъ, имени фотографа. Гораздо лучше исполнены четыре географическія карты, въ краскахъ, приложенныя въ концѣ книги. Мнѣ кажется, что книга много выиграла бы, если бы иллюстраціи къ ней были хотя-бы сдѣланы по тѣмъ фотографіямъ, которыя въ Кишиневѣ каждому можно купить у П. М. Кондрацкаго, много путешествовавшаго по Бессарабіи. Почему издатель остановился на воспроизведеніи рисунковъ изъ Батюшкова, намъ неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, отъ новаго изданія Румынской Академіи, посвященнаго Бессарабіи можно было ожидать лучшаго во многихъ отношеніяхъ. Если общая окраска всѣхъ данныхъ обнаруживаетъ явную тенденцію, то многія отдѣльныя недостатки этой книги совершенно необъяснимы.

А. И. Яцимирскій.

Sârbâtorile la Români. Studiu etnografic de Sim. Fl. Marian. vol. I. Bacur 1898. s. vol. II. 1899, Editiunea Academiei Romane. 287 и 306 стр.

Среди румынскихъ этнографовъ, буковинскій священникъ старикъ С. Маріанъ занимаетъ, безспорно, первое мѣсто. Онъ самъ владѣетъ прекрасной библіотекой, гдѣ собраны всѣ рѣшительно книги и журналы, со статьями, касающимися интересующаго его вопроса, затѣмъ въ его распоряженіи находится такой богатый рукописный матеріалъ, собранный въ разныхъ земляхъ, населенныхъ румынами, его бывшими и настоящими учениками, что работать при такихъ условіяхъ можно прекрасно. Не мало свѣдѣній собрано имъ лично, преимущественно, въ Буковинѣ. И дѣйствительно, г-ну Флоріану принадлежитъ нѣсколько капитальныхъ и объемистыхъ томовъ, среди которыхъ особенно выдаются три монографіи, обнимающія важнѣйшіе факты въ жизни румынскаго крестьянина: рожденіе (Nascerea la Români), свадьбу (Nunta la Români) и погребеніе (Inmormintarea la Români). Затѣмъ слѣдуетъ его сборникъ разнообразныхъ по содержанію заговоровъ въ стихахъ: «Vrăji, farmece si desfaceri; «румынскія легенды о

птицахъ (Ornitologia), о насѣкомыхъ (печатались въ «Revista critica—literara» de Ar. Densisianu и теперь появляются въ журналѣ «Revista Noua Romāna») и много другихъ книгъ и статей. Теперь вышли два первые тома обширной работы Маріана, посвященной народному румынскому календарю. Въ этихъ новыхъ трудахъ такъ много разнообразнаго и интереснаго сырого матеріала, что его книга представляетъ цѣнность не только для славянской и румынской этнографіи, но и для исторіи всеобщей литературы и румынской культуры. Единственный недостатокъ почтеннаго ученаго заключается въ томъ, что онъ совсѣмъ не способенъ къ критической оцѣнкѣ собранныхъ имъ данныхъ, печатаетъ завѣдомо латинизованные тексты, совершенно незнакомъ съ славянской и сравнительной этнографіей, не знаетъ даже средневѣковой и апокрифической литературы и поэтому никогда не приводитъ сравнительныхъ данныхъ, при свѣтѣ которыхъ подобный трудъ только можетъ быть интересенъ. Тѣмъ не менѣе по богатству матеріала, сгруппированнаго, сравнительно, удобно для пользованія, новый трудъ Маріана можно назвать цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, и съ наиболѣе выдающимися изъ такихъ матеріаловъ мы познакомимъ русскихъ ученыхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, съ новымъ годомъ у румынскаго простолюдина связанъ цѣлый циклъ отдѣльныхъ по существу праздниковъ, обычаевъ, повѣрій, гаданій, примѣтъ, колядокъ и т. п. Поэтому добрая половина перваго тома изслѣдованія Маріана посвящена однимъ новогоднимъ праздникамъ. На первомъ мѣстѣ находимъ, конечно, колядки (colindele), въ которыхъ за каждымъ стихомъ (всѣ стихи короткіе) упоминается какое-то загадочное, никѣмъ пока не объясненное вполнѣ научно, существо (?) Lerui, Dōmne! Приведемъ содержаніе одной изъ такихъ колядокъ. Наканунѣ новаго года, поздно вечеромъ, славельщики приходятъ въ хату и приглашаютъ хозяевъ встать, потому что не время спать.

— «Вставайте, — говорятъ они, — одѣвайтесь въ серебро, въ длинныя дорогія одежды, будите слугъ, выметайте хату, потому что пропѣлъ черный пѣтухъ, занялась денница, пошли попы въ церковь и начали службу! Кто же будетъ слушать эту службу? Будетъ ее слушать Пресвятая Матерь и св. Іоаннъ Креститель вмѣстѣ съ дорогимъ Крестникомъ. Стоитъ святая Мать, слушаетъ, слушаетъ, затѣмъ говоритъ:

— Охъ, Іоанне, святый Іоанне! Если бы зналъ ты то, чего не знаешь, то не стоялъ бы такъ долго здѣсь!—Почему бы мнѣ не стоять, Бога не познать? — Потому что Іуда проклятый вошелъ въ рай и ограбилъ его! Что же укралъ онъ въ раю?— Чашу жениха, престолъ судьи, купель крещенія! — Мать святая, ступай, будь добра, сдѣлай пушки и стрѣляй! Стрѣляй въ него; онъ испугается и все оставитъ въ раю! Святая Мать стрѣляла, Іуда испугался и все въ раю оставилъ».

Другія колядки подъ заглавіемъ «Что лучше?» имѣютъ нѣкоторыя общія черты съ только что приведенной. Приведемъ здѣсь краткое содержаніе перваго варіанта: «Греки строятъ церковь. Греки строятъ, а турки ее разрушаютъ: не сдѣлана она такъ, какъ имъ нравится! Сдѣлали они ее съ девятью алтарями, на востокъ солнца. Пропѣли черные пѣтухи, взошли денницы (zori de d̦i), пошли попы на службу и «поютъ» прекрасную службу. Кто же будетъ ее слушать? А слушаетъ ее святая Мать съ Сыномъ на рукахъ. Слушаетъ Она святую службу и такъ говоритъ: Что лучше всего на землѣ? Самое лучшее—волъ, который «выворачиваетъ черную борозду, даритъ намъ бѣлый хлѣбъ и питаетъ цѣлый свѣтъ». Затѣмъ перечисляются достоинства для хозяйства лошади, бѣлой овечьей шерсти, виноградной лозы, и выражаются добрыя пожеланія коровамъ.

Въ день новаго года мальчики ходятъ «съ плугами» (plugusorul), а парни съ деревяннымъ ведромъ, верхъ котораго затянутъ пузыремъ, вродѣ барабана. Къ пузырю придѣланъ конскій волосъ. Если потянуть за этотъ волосъ, получается густой громкій звукъ. Въ этихъ колядкахъ, которыя напоминаютъ, въ сущности, скорѣе деревенскіе, довольно безсодержательные куплеты пахаря, говорится о пахотѣ съ 12-ю волами, о посѣвѣ ржи и другихъ полевыхъ работахъ. По мнѣнію ученыхъ, звукъ, издаваемый этимъ инструментомъ, «бугаемъ», долженъ напоминать мычаніе воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Въ этихъ коротенькихъ колядкахъ много комическаго элемента.

Затѣмъ Маріанъ подробно описываетъ разныя способы гаданій, приводитъ присказки, пѣсни и заговоры, которыми сопровождаются эти новогоднія гаданія.

Въ VI главѣ находимъ общія свѣдѣнія о народномъ календарѣ у румынъ, дѣленіе года на четыре времени года (между прочимъ загадки о деревѣ съ 12-ю вѣтвями, на каждой вѣтви 4 гнѣзда, въ гнѣздѣ по 7 яицъ, а въ яйцѣ по 24 цыпленка), примѣты, по которымъ узнаютъ наступленіе весны, лѣта и т. д., народныя названія мѣсяцевъ, которыя, по нашему мнѣнію, иногда можно было-бы сблизить съ древними славянскими названіями, названія дней недѣли—всѣ, несомнѣнно, римскаго происхожденія повѣрія, связанныя съ извѣстными днями, болѣе мелкія дѣленія дня и ночи, примѣты о погодѣ и т. д. Особенно интересна глава VII, гдѣ собранъ цѣлый рядъ любовныхъ и сельско-хозяйственныхъ заговоровъ.

Не мало также оригинальныхъ обычаевъ связано съ Крещеніемъ (стр. 162—214); и здѣсь находимъ рядъ подобныхъ же заговоровъ, духовные стихи, интересныя апокрифическіе сказанія объ Адамѣ и дьяволѣ, который связалъ пахаря Адама контрактомъ за пользованіе его землей и мн. др.

Масляная недѣля, повидимому, совершенно неизвѣстна румынамъ, какъ праздникъ. Нѣсколько обычаевъ и повѣрій связано съ днемъ св. Петра «зимняго», св. Трифона, «медвѣжьимъ днемъ», Срѣтеніемъ и церковными праздниками сыроѣда, мясопуста.

Второй томъ труда г. Маріана обнимаетъ всѣ праздники, которые приходятся уже въ великомъ посту, начиная чистымъ понедѣльникомъ и кончая великой или «сухой» пятницей страстной недѣли. Отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующіе болѣе характерные праздники.

Св. Харлампій считается цѣлителемъ всякихъ болѣзней, но главнымъ образомъ, чумы. Маріанъ приводитъ нѣсколько легендъ о Харлампіѣ и чумѣ, которая иногда замѣняется смертью (стр. 20—23). Св. Феодоръ въ румынскихъ легендахъ и повѣрьяхъ связанъ съ какой-то миеической бабой Доніей, которая празднуется всегда 1-го марта. Въ Трансильваніи существуетъ, между прочимъ, слѣдующая легенда о св. Трифонѣ. Господь создалъ солнце для того, чтобы оно постоянно согрѣвало и освѣщало землю. Но солнцу надоѣло видѣть подъ собой всегда одну только землю и оно стало по временамъ измѣнять свой путь; иногда оно катилось прямо на югъ, а то и на сѣверъ. Поэтому начались холода, снѣжныя вьюги и т. п. А надо знать, что, какъ только солнце когда нибудь взойдетъ съ запада и направится къ востоку,—будетъ свѣтопреставленіе. И вотъ Господь поставилъ двухъ стражниковъ (strajer): на сѣверѣ св. Никону, на югѣ св. Тодора, которые должны слѣдить за правильнымъ «бѣгомъ» солнца. Дѣло пошло теперь ровнѣе. Но весной солнце, со своими девятью злыми бабами, начинаетъ приближаться къ св. Тодору, и поэтому на землѣ начинаются неожиданные дожди, снѣга и всякія ненастья (prapadenie). Затѣмъ солнце начинаетъ быстро убѣгать отъ него на югъ. Тогда св. Тодоръ со своими девятью конями пускается въ погоню за нимъ. Тринадцать недѣль продолжается эта погоня. Наконецъ догоняетъ его и направляетъ на востокъ. Но какъ только солнце доходитъ до того пути, который ему и опредѣленъ Богомъ, оно не можетъ остановиться и мчится дальше на сѣверъ, вотъ тутъ и является св. Никора, который гонитъ его назадъ. Такъ это преслѣдованіе продолжается изъ году въ годъ. Но иногда солнцу удается удрать отъ своихъ стражей, въ особенности отъ св. Никоры, потому что онъ—старикъ и нѣтъ у него лошадей (стр. 31). Лошади св. Тодора являются въ нѣсколькихъ румынскихъ сказкахъ, которыя приводятся Маріаномъ во второй главѣ. Изъ обычаевъ этого дня отмѣтимъ мытье головы рано поутру, основанное на томъ повѣрьи, что св. Тодоръ сдѣлаетъ косы дѣвушекъ такими длинными, какъ хвостъ его лошадей; затѣмъ стригутъ овецъ, приносятъ въ церковь коливо (приводимыя Маріаномъ легенды объ установленіи этого обычая извѣстны, впрочемъ, и въ агіографіи), устраиваютъ скачки на лошадяхъ, скрѣпляютъ дружбу обрядами братотворенія и посестримства, извѣстнымъ также по многимъ эпическимъ румынскимъ сказаніямъ и пѣснямъ. Въ этомъ обрядѣ главную роль играютъ хлѣбъ и соль.

Баба Донія, извѣстная въ Бессарабіи подъ именемъ Марты, всегда празднуется 1-го марта. (Стр. 94—144). О ней существуетъ среди цѣлаго ряда другихъ такая легенда. Донія была красавица, дочь какого-то царя. Однажды царь ушелъ на войну и былъ побѣжденъ своимъ противникомъ. Боясь попасть къ нему въ плѣнъ, Донія одѣла на себя 16 тулуповъ, взяла небольшое стадо овецъ и ушла въ горы, но каждый день сбрасывала съ себя по одному тулупу, такъ-какъ погода была хорошая, и, дойдя до вершины, осталась въ одной рубахѣ. Но здѣсь было холодно, началась вьюга. Донія боялась сойти съ горы внизъ и стала роптать на Бога. За это Богъ превратилъ ее въ скалу. Въ другихъ легендахъ она является злой старухой.

День сорока святыхъ (9 марта) считается небольшимъ праздникомъ (стр. 145—149). Въ этотъ день нужно сѣять нѣкоторыя овощи; прилетаютъ аисты. Съ именемъ 40 мучениковъ (mucenici) связана слѣдующая легенда. Жилъ на селѣ бѣднякъ, не было у него воловъ, чѣмъ землю вспахать. Пошелъ онъ къ богачу; тотъ ему далъ своихъ воловъ. Это случилось какъ разъ въ день 40 мучениковъ. Сначала эти святые разсердились на пахаря, но узнавъ, почему онъ работаетъ именно въ этотъ день, они благословили его посѣвъ. Узналъ объ этомъ успѣхѣ бѣдняка жадный богачъ и захотѣлъ сдѣлать послѣдующій годъ то же самое. Но святые его прокляли. Съ этимъ же днемъ связано еще нѣсколько интересныхъ повѣрій и праздниковъ.

Св. Алексѣй, человѣкъ Божій, извѣстный также подъ именемъ Теплаго,—личность весьма популярная. (Стр. 180—210). Маріану приводитъ пять варіантовъ народнаго пересказа его трогательнаго житія, но ошибочно пріурочиваетъ къ нему извѣстный стихъ Іоасафа къ прекрасной пустынѣ (стр. 192), называя его почему-то «колядкой». Въ день празднованія его памяти изъ земли выходятъ хлѣба, нѣкоторыя насѣкомыя и всякія пресмыкающіяся «дыханія» (dihaniile) послѣ зимней спячки; первый разъ квакаютъ лягушки; поэтому работа въ этотъ день грозитъ укушеніемъ змѣи. Также первый разъ «бьется въ водѣ рыба»; поэтому день св. Алексѣя считается праздникомъ рыболововъ.

Благовѣщеніе (Bunavestire) считается большимъ праздникомъ, наравнѣ съ Пасхой (стр. 221—235). Съ нимъ связано такъ много обычаевъ, что перечислить ихъ нѣтъ возможности. Это и понятно, такъ-какъ къ Благовѣщенію, какъ не переходному весеннему празднику, пріурочено начало всѣхъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ работъ: выставляютъ улья, выносятъ платья на воздухъ, окуриваютъ земледѣльческія орудія и т. д. Въ этотъ же день начинаютъ пѣть птицы, спрашиваютъ кукушку о числѣ лѣтъ жизни, до свадьбы и т. д. и разрѣшается къ столу рыба. Это даетъ поводъ г. Маріану привести интересный анекдотъ о цыганѣ, который тоже захотѣлъ поймать для себя рыбу въ этотъ праздникъ. Цвѣтная недѣля, какъ послѣдній праздникъ передъ Пасхой, такъ же интересна для этнографіи (стр. 237—266). Напримѣръ, съ именемъ нищаго Лазаря связана большая легенда о двухъ братьяхъ—богатомъ и бѣдномъ, духовный стихъ объ Евангельскомъ Лазарѣ (3 варіанта) и неясный, по происхожденію, обычай, называемый Zazarel. Онъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько дѣвочекъ, 3—5, одѣваютъ бѣлыя платья, одна изъ нихъ одѣвается невѣстой, съ фатой и цвѣтами, и ходятъ онѣ изъ хаты въ хату и поютъ пѣсню о какомъ-то несчастномъ мальчикѣ пастушкѣ Лазарѣ, который хотѣлъ собрать для своихъ голодныхъ овецъ листьевъ въ лѣсу, влѣзъ на дерево, а вѣтеръ сорвалъ вѣтку, онъ упалъ на землю и умеръ. Пришли три его сестры, взяли его, вымыли тѣло въ молокѣ, а затѣмъ и похоронили. Вербное воскресенье также большой праздникъ для земледѣльца, и съ нимъ соединенъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ повѣрій и примѣтъ. Въ церкви во время богослуженія, конечно, стоятъ съ вѣтками вербъ. По этому поводу Маріанъ приводитъ слѣдующую гуманную, полную глубокаго смысла и красивую легенду, повидимому, западнаго происхожденія: Когда Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, Богоматерь услыхала объ этомъ, одѣла желѣзные башмаки, взяла въ руку стальной посохъ и, плача, пошла искать Іисуса. По дорогѣ встрѣчаетъ лягушку, которая спрашиваетъ, почему она плачетъ. Отвѣчаетъ Богородица, что былъ у ней Сынъ, и распяли Его жиды. Лягушка сказала на это, что у нея были девять лягушатъ, маленькихъ и хорошенькихъ, лупоглазенькихъ, и проѣхала повозка и колесомъ придавила всѣхъ. И вотъ она, однако, такъ не плачетъ. Богоматерь от-

вѣчала, что за эти слова лягушки, умирая, не будутъ сгнивать. Затѣмъ пошла Она дальше, дошла до воды, на берегу которой росла верба, и велѣла ей сдѣлать мостъ. Послушалась верба, превратилась въ мостъ, по которому перешла Богоматерь. За это Она благословила дерево, сказавъ, что его нельзя будетъ превратить въ уголь, но каждый годъ въ Цвѣтное воскресенье его будутъ носить въ церковь».

Оканчивается второй томъ описаніемъ нѣсколькихъ обычаевъ въ дни страстной недѣли. И здѣсь довольно много характерныхъ переживаній. Вообще, какъ матеріалъ, книга г. Маріану представляетъ несомнѣнный интересъ, и мы будемъ ожидать появленія дальнѣйшихъ выпусковъ его серьезнаго труда по изслѣдованію народнаго румынскаго календаря.

А. И. Яцимірскій.

Istoria Bucurestilor de Ionescu-Gion. Bucuresci, 1899 an., 4°, V+818 pp.

Если мы припомнимъ что старо-румынская культура была исключительно славянской въ XV—XVII в.в., то намъ станетъ понятнымъ интересъ для славянской археологіи и этнографіи труда почтеннаго академика по исторіи столицы Румыніи, отъ ея основанія и до 1800 года. Хорошо изданная книга снабжена 295-ю гравюрами, представляющими виды древнихъ церквей, монастырей, дворцовъ и другихъ зданій, портретовъ господарей, снимковъ съ славянскихъ надписей и проч., и даетъ для археолога богатый матеріалъ, который легко можетъ убѣдить всякаго, что старо-румынское искусство должно стать предметомъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій въ особенности для занимающихся византійско-славянской стариной, такъ-какъ румынскія общественныя зданія въ большинствѣ случаевъ строились по византійско-славянскимъ образцамъ, а иногда и греческими или славянскими мастерами [1]). Такъ въ пятой главѣ авторъ занимается господарскими дворцами въ періодъ между 1464-мъ и 1800-мъ г.г. и живо рисуетъ придворную жизнь съ ея чисто византійско-болгарскими формами, церковными обрядами, парадами, воеводскими костюмами, убранствомъ комнатъ и т. п. Въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ г. Іонеску-Гіонъ излагаетъ исторію букарештской митрополіи и подробно описываетъ, съ археологической точки зрѣнія, древнѣйшія церкви: Анеима, Ставрополеосъ, Раду-воеводы, Греческой, пастуха Букура, будто-бы давшей названіе и всему городу и др., и даетъ наряду съ живымъ изложеніемъ и массу сырого матеріала; особое вниманіе авторъ останавливаетъ на описаніи свято-троицкаго монастыря, построеннаго Раду-воеводой, и излагаетъ рядъ событій, касавшихся монастыря въ періодъ 1560—1800 г.г. (глава VIII). Въ главѣ IX румынскій ученый говоритъ о посѣщеніяхъ восточныхъ патріарховъ, митрополитовъ и другихъ лицъ церковной іерархіи г. Гунареста; эти посѣщенія—по большей части, какъ и въ Россіи, за сборомъ милостыни и для рѣшенія важныхъ вопросовъ церковной жизни—начались скоро послѣ паденія Константинополя. Какъ извѣстно, напримѣръ, путешествіе патр. антіохійскаго Макарія въ половинѣ XVII вѣка дало неоцѣнимыя данныя для современной румынской археологіи въ описаніи этого путешествія, написанномъ діакономъ Павломъ изъ Алеппо. Въ остальныхъ отдѣлахъ авторъ занимается исторіей отдѣльныхъ улицъ, частей и предмѣстій города, исторіей изящныхъ искусствъ, памятники которыхъ сохранились въ Букарештѣ (гл. XVIII), военной исторіей, дѣлаетъ очеркъ старинной жизни города и проч. Въ первыхъ шести главахъ г. Іонеску-Гіенъ излагаетъ событія, имѣвшія мѣсто въ г. Букарештѣ, который уже въ славянской грамотѣ 1506-го года называется «чуднымъ столомъ»; легко повѣрить, что исторію столицы можно принять за исторію страны и всей древней культуры румынскаго народа, такъ тѣсно примыкающей къ культурамъ южныхъ славянъ.

А. И. Яцимирскій.

---

[1]) По настоящему вопросу въ румынской литературѣ почти ничего не сдѣлано. Слѣдуетъ упомянуть серьезную работу C. A. Romstorfer'а, Die moldauisch-byzantinische Baukunst, Wien, 1896.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣты на вопросы Н. В. Томаса изъ Лондона.

Ярославская губернія, г. Ярославль. (Jaroslawskaja gubernia, Jaroslawl).

На 1) (не совсѣмъ ясный) Воронъ, летящій близко, особенно съ правой стороны или надъ головой, если даже и не кричитъ, предвѣщаетъ несчастіе; увидѣть первою, выходя изъ дома въ путь или на какое нибудь предпріятіе или дѣло, сороку—не къ добру, къ неудачѣ, особенно кричащую, стрекочащую сороку.

2) Черные тараканы; пока живутъ, дому не угрожаютъ опасности, быстрое исчезновеніе ихъ предвѣщаетъ несчастье; переселеніе въ другое мѣсто днемъ, на глазахъ у людей, особенно группами и массами — предвѣщаетъ несомнѣнный пожаръ. Появленіе черныхъ таракановъ, особенно быстрое, — къ благополучію, къ богатству, къ деньгамъ. Древоточецъ — «пильщикъ», называемый обыкновенно «кузнечикомъ», иногда «сверчкомъ» — «куетъ» въ стѣнахъ дома къ несчастью, всего чаще къ смерти кого нибудь,— «выживаетъ». Влетъ въ окно ласточки, стрижа, голубя предвѣщаетъ пожаръ.

3) Собака, когда роетъ ямы близъ дома или воетъ (безъ видимой побудительной причины), опустивъ голову;—къ покойнику; когда же воетъ, поднявъ голову,—къ пожару, во время звона—значитъ, съѣла хотя бы крошку просфоры. Воронъ, пролетая надъ домомъ и каркая въ это время, предвѣщаетъ вообще несчастье, между прочимъ и смерть, когда же каркаетъ, сидя на крышѣ—непремѣнно къ покойнику. Сова, филинъ, сычъ, появляясь, особенно днемъ, на крышѣ дома или на

воротахъ. Мыши и крысы, визжа, бѣгая и возясь подъ поломъ, больше всего предвѣщаютъ смерть кого-нибудь, но и вообще несчастье.

4) Мыши, бѣгая въ амбарахъ по верху, у потолка по кулямъ и пр., предсказываютъ этимъ повышеніе цѣнъ, бѣгая по низу, по полу—пониженіе ихъ.

6) Черныхъ таракановъ нѣкоторые нарочно кормятъ, стряхая крошки и объѣдки, остающіяся послѣ ѣды на скатерти, къ печи для того, чтобъ эти насѣкомыя не переводились, т. к., гдѣ они живутъ, тамъ царитъ благополучіе и довольство. Для благополучія же при переходѣ въ новый домъ впередъ себя впускаютъ въ домъ кошку, во дворъ пѣтуха; кошка первая встрѣтитъ на томъ свѣтѣ умершаго хозяина, а гдѣ нѣтъ пѣтуха, тамъ и скотина не ведется, молоко и масло—«пустые», невкусныя и нейдущія въ прокъ.

7) Бѣлыхъ животныхъ вообще любятъ, какъ «чистенькихъ, хорошенькихъ и красивыхъ», но предпочтенія, какъ какому нибудь благопріятному животному, не отдается, предпочитаютъ же именно, благодаря пріятной внѣшности и то только у тѣхъ породъ, на которыя не обращаетъ вниманія домовой, или гибель которыхъ не убыточна, какъ кошки, собаки и пр. Лошадей же, коровъ, овецъ, куръ и пр. выбираютъ именно той масти, которую любитъ домовой, которая «по дому» или «къ дому», т. е. такой, съ какою животныя были удачны у даннаго хозяина: здоровы, крѣпки, сильны, давали много молока, шерсти и т. д.

8) Трупы всѣхъ животныхъ «поганы», нечисты; прикосновеніе къ нимъ оскверняетъ; шерсть собаки погана, отъ нея пахнетъ псятиной или псиной и, потому, прикасавшись къ собакѣ, нельзя молиться, садиться за ѣду, прикасаться къ священнымъ предметамъ, не вымывъ «поганыхъ» рукъ. Мышь и крыса—«гадины» и поганы. Послѣ прикосновенія къ нимъ обязательно нужно вымыть руки. Зорить гнѣзда вообще не хорошо, а зорить гнѣзда безвредныхъ птицъ — тяжкій грѣхъ. Убивать нельзя голубей,—грѣхъ: голубь—духъ святой, поэтому и ѣсть его нельзя. Нельзя убивать и лягушки: мать умретъ, если даже случайно ее убилъ, не видавъ. Пчелы—«божья скотинка», символъ чистоты, онѣ водятся только у людей праведныхъ. Въ пищу нельзя употреблять всѣхъ «поганыхъ» и нечистыхъ животныхъ, а ихъ большинство, именно всѣ недомашнія и непохожія на нихъ, (тетерева, глухаря, утку, гуся можно ѣсть: они похожи и близки къ домашнимъ), особенно поганы питающіяся падалью, отбросами, каломъ и прочими нечистотами,

какъ ворона, воронъ, грачъ, галка; нельзя ѣсть всѣхъ хищныхъ птицъ, а также нельзя ѣсть особенно похожихъ или напоминающихъ поганыхъ животныхъ или человѣка,— напр. зайца, задъ котораго въ ободранномъ видѣ (безъ шкуры) напоминаетъ задъ ребенка. Про волка говорятъ, что его и свой братъ ѣстъ только съ голода.

10 и 11) Въ праздникъ Благовѣщенія выпускаютъ на свободу пѣвчихъ птицъ изъ клѣтокъ, вѣруя, что онѣ помолятся Богу за освободившаго, и что ему простится нѣсколько грѣховъ. Въ этотъ день на рынки выносятъ торговцы множество птицъ. Преслѣдуютъ и убиваютъ всегда, при всякомъ случаѣ, змѣй, признаваемыхъ гадиной и поганью. Бьютъ (давятъ) также пауковъ, вѣруя, что за каждаго убитаго паука простится 7 (по другимъ 40, 70) грѣховъ.

13) Собственно для колдовства употребляются только травы и коренья, а также разныя зелья— (сильно дѣйствующія или ядовитыя средства), вода, уголь, зола; для обстановки же колдовства, какъ аттрибуты колдуновъ и колдуній,—черный котъ съ желтыми глазами,. иногда воронъ, сычъ, сова, боровъ или поросята.

14) Въ первыхъ числахъ Марта (кажется 5-го), «на прилетъ жаворонковъ» пекутъ ихъ изображеніе изъ тѣста — (кислаго или сдобнаго), придавая форму, кто какую сумѣетъ, но вообще стараясь возможно болѣе приблизиться къ натурѣ если не жаворонка, то птицы вообще, хотя обыкновенно этотъ жаворонокъ больше напоминаетъ стрижа. Вмѣсто глазъ вставляютъ сухія ягоды черники, а въ одного изъ «жаворонковъ» запекаютъ мелкую монету—«на счастье»,—кому достанется, тотъ счастливѣе всѣхъ будетъ въ наступившемъ году. Число жаворонковъ соотвѣтствуетъ числу членовъ семьи, считая по одному жаворонку на человѣка. Прежде, лѣтъ 50 назадъ, ихъ, кажется, носили въ церковь освящать.

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, въ Еремейцевской волости существуетъ еще одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, называемый «подстрѣливаніе уточки» [1]) и совершаемый подъ конецъ сговоровъ или «сговорки». Подруги невѣсты приготовляютъ отъ себя сдобный пирогъ или крендель, украшаемый различными фигурами изъ тѣста: пѣтухами, курицами, барашками и пр., а по срединѣ непремѣнно уткой съ крыльями (поднятыми). Этотъ пирогъ или крендель подается дѣвицами на столъ послѣ послѣдняго кушанья, бывающаго на сговоркѣ пира. Женихъ долженъ аккуратно отрѣзать правое крыло утки и пере-

[1]) Сообщилъ И. В. Костоловскій.

рѣзать его пополамъ; одну изъ половинъ онъ подаетъ невѣстѣ, которая должна ее съѣсть и затѣмъ, въ свою очередь, подать для того же другую половину жениху. Женихъ долженъ положить на пирогъ денегъ, сколько можетъ, которыя идутъ дѣвицамъ. Этимъ сговорка и кончается. Смыслъ обряда утраченъ.

18) Прокляты: сорока—«воровка», кукушка за то, что не высиживаетъ и не выкармливаетъ дѣтей, и осина, какъ такая, на которой удавился Іуда искаріотъ.

20) Повѣріе о томъ, что отъ сожитія мущины или женщины съ животными могутъ родиться люди съ животными частями тѣла распространено довольно широко. По увѣренію другихъ, такія рожденія обусловлены сожитіемъ съ злымъ или нечистымъ духомъ, съ чертомъ, который якобы летаетъ къ женщинамъ, (больше вдовамъ, рѣже дѣвицамъ) въ видѣ огненнаго змѣя по ночамъ и проникаетъ къ нимъ черезъ трубу печи. На женщину, имѣвшую несчастіе родить звѣрообразнаго ребенка, смотрятъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ, какъ на величайшую грѣшницу, сторонятся и обѣгаютъ ее, а ребенка не считаютъ за человѣка и прежде убивали.

23) Лошади, кони и пѣтухи—на кровляхъ зданій и мачтахъ судовъ.

24) Употребляются: «гуси-лебеди», «волкъ или бирюкъ», «воронъ»—съ присказкою: Воронъ, воронъ, что ты дѣлаешь?

Ямку рою.
На что тебѣ ямка?
Камешки ищу.
На что тебѣ камешки?
Въ кучку сбирать, да въ тебя бросать...

Воронъ сидитъ въ кругѣ изъ сидящихъ-же дѣтей, (должны сидѣть по турецки), и дѣлаетъ видъ, что роетъ ямку или и дѣйствительно роетъ, а одинъ, водящій, ходитъ за кругомъ вокругъ его и задаетъ вопросы; около ворона лежитъ свитый жгутомъ платокъ. Послѣ послѣдняго отвѣта онъ, схватывая жгутъ, вскакиваетъ и, бѣгая въ кругу, старается «ожечь» — ударить жгутомъ водящаго, который, бѣгая по за кругомъ, въ свою очередь, старается занять свое мѣсто въ кругѣ, остававшееся свободнымъ. Если ему удалось сѣсть, то водить начинаетъ его сосѣдъ, а если его ожгутъ, то онъ дѣлается ворономъ. Послѣ послѣдняго отвѣта ворона, иногда вскакиваютъ всѣ дѣти и разбѣгаются въ стороны, а воронъ гоняется за ними, стараясь ожечь, дѣти же торопятся занять мѣсто въ кругѣ.

Извѣстная игра съ очень маленькими дѣтьми—сорока:

Сорока—бѣлобока
На порогъ скакала,
Гостей созывала,
Кашку варила,
Дѣтокъ кормила:
Этому дала, этому дала...
(Перебираютъ пальцы на рукѣ).
А этому не дала—
(Большому или мизинцу)
Шишъ!—и полетѣли,
Да на головку и сѣли...

Остальныхъ игръ не припомню, знаю, что бирюкъ дѣлаетъ видъ, что идетъ на костылѣ и прихрамываетъ.

Есть еще игра въ чижикъ—или «чевель»—чювиль, но она животнаго міра не касается и названа такъ лишь по сходству полета чювиля лету чижика, воробья и т. п. птичекъ.

Ярославль. **Ил. Ал. Тихоміровъ.**

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О древне-русскихъ „некалендарныхъ“ именахъ въ XVI и XVII вѣкахъ.

Вопросъ о древнерусскихъ именахъ, такъ называемыхъ «мірскихъ», былъ неоднократно затронутъ въ печати, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ еще далеко не исчерпанъ.

Еще въ недавнее время некалендарныя русскія имена принимали за прозвища, даваемыя лицамъ уже взрослымъ, но послѣ работъ г.г. Костомарова, Чечулина [1]), Соколова [2]) и Тупикова не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это были «мірскія» имена, имена общеупотребительныя, притомъ замѣнявшія собою въ общежитіи и даже оффиціально имена христіанскія или стоявшія съ ними наравнѣ.

Прежде ошибочно думали, что по принятіи православія удѣльные князья сохраняли долгое время, въ теченія нѣсколькихъ столѣтій, обычай именоваться, наряду съ именемъ христіанскимъ, еще именемъ языческимъ, и что это языческое имя, повидимому, было общеупотребительнымъ, такъ какъ лѣтописи наши до послѣдняго времени называютъ князей ихъ языческими именами. Что же касается до народа, то онъ, повидимому, принявъ крещеніе, сталъ принимать только имена христіанскія.

Такимъ образомъ оказывается, что просвѣщеніе христіанствомъ шло путемъ совершенно противуположнымъ тому, которымъ идетъ обыкновенно всякое просвѣщеніе, что оно шло отъ низшихъ сословій къ высшимъ, что въ то время, когда непросвѣщенная чернь, терзаемая постоянными распрями князей изъ за «стола», не имѣющая даже возможности обучиться основамъ православной вѣры, ушла въ подчиненіи уставамъ церковнымъ далѣе, чѣмъ высшее сословіе—князья, имѣвшіе постоянное общеніе съ настоятелями церкви, сами ревностные строители храмовъ и монастырей, въ христіанствѣ, несомнѣнно, болѣе просвѣщенные.

Такого рода взглядъ уже a priori можетъ считаться неосновательнымъ, такъ какъ просвѣщеніе двигается всегда отъ высшихъ, наиболѣе обезпеченныхъ классовъ къ низшимъ, а не наоборотъ. Ошибочность приведеннаго взгляда доказывается и тѣмъ, что, при внимательномъ просмотрѣ древнихъ разнаго рода грамотъ, мы встрѣчаемъ среди населенія «темнаго» большое количество собственныхъ именъ нехристіанскихъ, въ то время какъ обычай называть князей именами языческими уже успѣлъ отойти въ область прошлаго. По замѣчанію Карамзина, послѣдній князь, носившій имя нехристіан-

---

[1]) Библіографъ. 1890 г. №№ 7 и 8.
[2]) Изв. Общества Арх., Ист. и Этн. при Имп. Казанскомъ Унив. т. IX, в. 1.

ское, былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Андреевича Храбраго [1]), между тѣмъ среди населенія низшаго обыкновеніе давать, кромѣ имени христіанскаго, еще и языческое господствовало и въ XVI и въ XVII вѣкахъ.

Кромѣ приведенныхъ соображеній относительно того, что въ мірскихъ именахъ мы должны видѣть имена, а не прозвища, можно привести еще то, что множество именъ изъ помѣщаемыхъ въ различныхъ старинныхъ документахъ повторяются по нѣскольку разъ, какъ напримѣръ, имена Третьякъ, Меньшикъ и т. п.; зачастую встрѣчается, что за мірскимъ именемъ и отчествомъ извѣстнаго лица слѣдуетъ и прозвище, которое постоянно отдѣляется.

Некалендарныя имена, встрѣчаемыя нами въ старинныхъ документахъ, были, очевидно, именами, а не прозвищами. Въ «Синодикѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго» [2]) находится множество языческихъ именъ. Это показываетъ, что языческія имена употреблялись даже въ церкви. Изъ того же «синодика» видно, что обычай давать некалендарныя имена въ XVI в. встрѣчался еще у всѣхъ классовъ общества: Третьякъ Висковатый былъ, напримѣръ, изъ дѣтей боярскихъ, приближенныхъ къ царю, Докучай Третьяковъ—поддатнемъ, Молива—поваромъ и т. д.

Помѣщаемъ перечень некалендарныхъ именъ извлеченныхъ различными изслѣдователями изъ документовъ XVI вѣка [3]).

Адашъ (фамилія Адашевыхъ).
Акоятый.
Алмазъ (Алмазовы).
Асанъ (фамилія Асановыхъ).

Багримъ.
Баженъ (Важать—сильно желать чего нибудь. Баженный—желанный). (Бажановы).
Варганъ.
Барсукъ (животное. Барсуковы; селеніе Барсуково. Какъ прозвище встрѣчается и доселѣ).
Басала («Васала», «басалай» — человѣкъ бранчивый, ругатель).
Басманъ (По всей вѣроятности происхожденія татарскаго. Изв. фамилія Басмановы).
Бахтеяръ (Вахтѣть—бахвалиться. Фамилія Бахтіаровы).
Безня.
Безсчастный (т. е. несчастливый. Припомнимъ прозвище въ сказкахъ «Иванъ Безсчастный»).
Безобразъ (Безобразовы).
Безсонъ (Безсоновы).
Безстужъ («Безстыжій»—«безстужій». Фамилія Безстужевыхъ).
Багоръ (Багровы. Какъ прозвище встрѣчается и доселѣ. Живая Старина. 1899 г. IV. 527).
Бѣляй и Бѣля (Бѣляевы; селеніе Бѣляйково въ Яросл. губ. Романов. у.)
Вобрыщъ.
Болобанъ (Въ Ярославской губерніи есть деревня и село «Болобаново»). Болобанъ—Вятск. губ. невѣжа, грубый.
Богатырь (Богатыревыхъ; селеніе Богатырево въ Яросл. губ.).
Вражникъ.
Бровъ.
Брага (Брагины) Въ Яросл. у. селеніе Брагино).
Бруснинъ (Брусника—болотная ягода).
Брехъ («брёхать»—лгать). (Брёховъ).
Боголѣпъ (Переводъ православнаго имени Ѳеопрепій).
Буда, Будай, Будянъ (Происходятъ, по всей вѣроятности, отъ корня «будить»). Селеніе Будаково въ Ярослав. губ.
Булатъ (Булатовы; въ Ярославской губ. есть селеніе Булатово).
Булгакъ („булгачить", взбулгачить—встревожить. Булгаковы).
Будилъ (Фамилія Будиловичъ; въ Яросл. губер. сел. Будилово въ Рост. у.)

---

[1]) Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. IX в. 1.
[2]) «Сказаніе князя Курбскаго» ч. II. Спб. 1833 г.
[3]) «Синодикъ царя Іоанна Грознаго въ Кирило-Бѣлоз. монастырѣ». «Собраніе Гос. Грам. и договоровъ». М. 1819 г. «Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія 1591 г.» и др. «Десятни и тысячная книга XVI в.» г. Сторожева напеч. въ «Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Арх. Мин. Юстиціи». М. 1891 г. (См. Этногр. Обозрѣніе XXI кн., стр. 168).

Булышъ.
Бунаки.
Буня.
Бурнашъ. (Бурнашевыхъ).
Бурый, Бурко (Въ Ярославской губ. есть селеніе Бурово).
Бухара («Бухара» — мель. «Бушать» — шумѣть. Бухарины. Какъ прозвище существуетъ и донынѣ).
Бухвалъ («бахвалъ»—хвастунъ).
Бѣлка (Бѣлкины; въ Яросл. губ. есть селеніе Бѣлкино и не одно).
Быкъ (Быковыхъ; въ Ярославской губ. есть селеніе Быково и не одно).
Бѣласки.
Бѣленица.

Верещагъ («верещать»—кричать. Фамилія Верещагиныхъ. Деревня Верещагино).
Веригъ (Фамилія Веригинъ; селеніе Веригино).
Вешнякъ («весенній». Фамилія Вешняковы).
Виданъ, Видный.
Внукъ (Фамилія Внуковы; селеніе Внуково въ Ярославской губ.)
Волокита.
Волынецъ (Фамилія Волынцевъ).
Ворошило («Ворошить» — переворачивать. Фамилія Ворошилиныхъ).
Воинъ [1]).
Всячина.
Второй (См. Третьякъ. Фамилія Второвыхъ).
Выдица.
Вѣжанъ (т. е. Вѣжливый).

Гвоздь (Фамилія Гвоздевы).
Гига.
Голова (Фамилія Головины).
Горбатый (Фамилія Горбатовы).
Горемыкъ (Фамилія Горемыкины).
Горяинъ (Фамилія Горяйновы).
Гридя (Фамилія Гридинъ. Въ Ярославской губ. есть селеніе Гридино).
Губа (Фамилія Губастовы; Губины; селеніе Губино въ Ром. Бор. уѣздѣ, Ярославской губ.)
Гуляй (Фамилія Гуляевъ, Загуляевъ).
Грязный (Фамилія Грязновыхъ).

Данша (Селеніе Даншево въ Яросл. губ. Мышк. у. Данша не уменьш. ли отъ Данило).
Девятый (См. Осьмой. Селеніе Девятово въ Яросл. губ.).
Добрыня (Былинное имя. Фамилія Добрыниныхъ; селеніе Добрынино въ Яросл. губ.)
Добрышъ.
Домашній (Фамилія Домашневъ).
Дорога.
Дорохъ (Фамилія Дороховъ).
Дроздъ (Фамилія Дроздовъ).
Другъ (Фамилія Дружининъ).
Докучай (Фамилія Докучаевъ) «Докучать» — надоѣдать.
Дружина (Дружинины — фамилія).
Дуванко. («Дуванить» — дѣлить; дуванъ — раздѣлъ).
Душашъ.
Дунай (Былинное имя. Фамилія Дунаевъ).
Душа (Фамилія Душинъ).
Дѣй (Дѣевъ фамилія).

Ежъ (Фамилія Ежовъ, какъ прозвище существуетъ и нынѣ; селеніе Ежово въ Яросл. губ.)
Елшикъ.
Ербышъ.

Жданъ (т. е. «жданный») Фамилія Жда-
Ждана (т. е. «жданная») новыхъ). Въ Ярославск. губ. существуетъ селеніе Жданово, Ждановка.
Жишбрикъ («Жишбрикъ» или «шишбрикъ» — «прохвость» обл.)
Жукъ (Фамилія Жуковыхъ; селеніе съ названіемъ Жуково).

Залѣшанинъ (человѣкъ, живущій за лѣсомъ).
Замятня (Фамилія Замятнины).
Заня (Зѣня) (Зѣна какъ прозвище встрѣчается и доселѣ. Жив. Ст. 1899 г. IV. 530. Селеніе Зѣньково).
Заяцъ (Зайко-Зайчиха и доселѣ встрѣчаются въ народѣ, какъ прозвища. Жив. Ст. 1899. IV в. 527—528).
Злоба (Фамилія Злобиныхъ, Незлобиныхъ).
Злодырь.
Злотка.
Злочаня.
Заря. (Заря, какъ прозвище, встрѣчается въ народѣ и доселѣ. Въ Яросл. губ. селеніе Зорино).

---

[1]) Хотя въ спискахъ некалендарныхъ именъ и встрѣчается Воинъ, но въ дѣйствительности Воинъ имя церковное. Іоанна Воина память празднуется.

Истома (Фамилія Истоминыхъ).
Изотъ (У Даля: Изотъ тмб. конецъ дѣлу, стой, шабашъ)
Ишутъ.
Исупъ.
Ишута.

Каблукъ (Селеніе Каблуково въ Ярославской губ. Фамилія Каблуковыхъ).
Казаринъ (Фамилія Казариновыхъ).
Калина (Очень можетъ быть, что это—сокращенное имя Калиника).
Капусты (Фамилія Капустиныхъ)
Квашня (Фамилія Квашниныхъ)
Килдеяръ
Китай (Фамилія Китаевыхъ)
Китинъ
Кленя
Клокъ (С. Клокова въ Яр. г. Ф. Клоковыхъ).
Кмотчко
Кожура (Верхняя оболочка плода)
Кокорь (я)[1] (Фамиліи Кокоревъ, Кокоринъ)
Колупай
Колобъ (Селеніе Колобово въ Яр. губ. Фамилія Колобовъ)
Коняй (Фамилія Коняевъ)
Конша (Фамилія Коншинъ)
Корепинъ (Корепаный—шадровитый)
Коробъ (Изв. селеніе Коробово Костр. губ.) (Фамилія Коробвнъ)
Косарь (Ножъ для щепанія лучины)
Крестьянинъ (Фамилія Кр .. овъ)
Крячко (Селеніе Крячково въ Рыб. у. Яросл. губ.)
Кубагъ
Кудинъ[2] (Селеніе Кудиново въ Яросл. губ.)
Куръ (Фамилія Куровъ; селеніе Курово)
Курба, Курбатъ — Курбатовы, дер. Курбатово встрѣчается не разъ. Рѣка Курба.
Курдюнъ
Курдюмъ (Селеніе Курдюмово въ Яр. губ.)
Кушникъ
Кяпбанъ

Ламанко
Лапа (Фамилія Лапиныхъ)
Лачинъ
Лешунъ (Вѣрнѣе «лѣшунъ» отъ лѣсу, лѣшій)
Лизунъ (Фамилія Лизуновыхъ)
Лобынъ
Ломачко
Лопати (Фамилія Лопатиныхъ)
Лумпъ
Лусенъ
Лучанинъ
Любимъ (Фамилія Любимовы; г. Любимъ)
Ляпунъ[3] (Фамилія Ляпуновы)

Малѣцъ (Фамилія Мальцевыхъ)
Маликъ
Мамонъ (Фамилія Мамоновы; селеніе Мамоново въ Яросл. губ.)
Мангуръ (Фамилія Мангуровыхъ)
Масло (Фамилія Масловъ; селеніе Маслово)
Мекъ[4])
Меньшикъ, Меньшой — Фамилія Меньшиковы; селеніе Меньшиково въ Яр. г. Мыш. у.
Меречекъ
Мижуй
Мизинъ (Мезинъ;[5]) Фамилія Мизиново; селеніе Мезино, Мизинова)
Милка (Фамилія Милковы)
Милованъ (отъ корня «милый» (Фамилія Миловановъ)
Миляй (тоже)
Мина[6])
Минякъ
Мисюрь[7])
Мишура
Молива
Молчанъ (Фамилія Молчановъ)
Монастырь
Мордвинъ (Фамилія Мордвиновъ)
Москаль (Какъ прозвище существуетъ и доселѣ)
Мосолъ (Фамилія Мосоловъ[8])
Мурза (татарское)
Мясоѣдъ (Фамилія Мясоѣдовъ)
Мысликъ
Насонъ (Фамилія Насоновъ)

Нагай
Надѣй (Фамилія Надѣины, Надѣинскіе)

---

[1]) Пень вывороченный съ кореньями, обл. Кукорь, какъ прозвище, встрѣчается и нынѣ. Ж. С. 1899. В. III. [2]) Не сокращенное ли это православное Анкудимъ—Кудимъ? [3]) Глаголъ «ляпать»—пачкать. Тяпъ, ляпъ, да и клѣтка. [4]) «Мекъ»—меко—секретъ (Костр. губ.). [5]) По слов. Даля: «Мѐзонька» об. вм. младшее дитя, баловень; ср. мезинецъ на рукѣ. [6]) Мина—имя православное; память св. Минѣ празднуется 5 Янв., Февр. 17, Апр. 12, Авг. 24. [7]) «Мишура» уменьш. отъ Михаилъ, Сашура отъ Александръ и т. д.[8]) «Мосолъ»—кость.

Найденъ (Фамилія Найденовы)
Невзоръ (Фамилія Невзоровъ)
Невѣжа (Фамилія Невѣжинъ)
Невѣръ
Нежданъ [1]) (Фамилія Неждановъ)
Несговоръ
Незамай [2])
Некмодъ (Фамилія Некмодовъ)
Незнай
Некоръ (отъ корня корить—укорять)
Некласъ
Нелюбца
Нелюбъ (т. е. не любой. Фамилія Нелюбовъ, Нелюбинъ)
Немятый
Несвой
Неунокой [3])
Несмѣянъ
Несвѣтъ
Ненашъ
Неустройко
Нехорошій
Нечай (Фамилія Нечаевыхъ)
Низовецъ
Небогатый
Некрасъ (Некрасовы)
Немиръ (Фамилія Немировыхъ)
Неудача
Неря

Обида (Фамилія Обидинъ)
Обмѣна [4])
Образецъ (Фамилія Образцовыхъ; сел Образцово въ Яросл. губ.)
Овчина (Фамилія Овчинниковъ).
Одаръ
Озимаръ
Олтухъ (Фамилія Алтуховыхъ)
Осьмой (см. Четвертый)
Онцыферъ (Фамилія Анцыфровыхъ; сел. Анцыфрово)
Орѣхъ
Оглобля (Селеніе Оглоблина въ Яр. губ. Рыб. у.)
Оботуръ [5]) (Селеніе Оботурово въ Яросл. губ. Угл. у.
Одинецъ [6]) (Фамилія Одинцовыхъ)
Опасный
Ослопъ
Ощера [7]) (Фамилія Ащериныхъ)

Папа [8]) (Какъ прозвище, встрѣчается и доселѣ. Ж. Ст. Ш. 399).
Паршикъ (отъ слова паршъ, паршивый; селеніе Паршино въ Яр. губ.)
Первый (См. Четвертый)
Перша [9]) (Селеніе Першино въ Яр. губ.)
Первуша (Фамилія Первушинъ);
Пересвѣтъ
Поводъ
Покидка
Покидышъ
Полухъ
Поминъ
Поспѣло (Фамилія Поспѣловъ)
Попадья
Посникъ (Фамилія Постниковъ)
Посолъ
Правой
Прокуда [10])
Путило (Фамилія Путилинъ).
Пѣшка (Фамилія Пѣшковыхъ)
Пятой }
Пятунка }
Петеля (Петля?)
Пинай
Полный
Пріѣзжій

Радай
Радка
Рахманъ [11]) (Фамилія Рахмановъ, Рахманиновъ)
Радостный
Разгильдяй [12]) (Фамилія Разгильдяевъ)
Ратай [13]) (Фамилія Ратаевъ)
Рычко (Фамилія Рычковъ, Рудаковъ)

---

1) «Нежданъ»—нежданый 2) «Незамай»—«не тронь» обл. сл. 3) Неупокойный—неугомонный, неспокойный (о дѣтяхъ). 4) «Обмѣнъ»—человѣкъ плутоватый. Какъ прозвище, встрѣчается въ народѣ и до сихъ поръ. 5) «Оботуръ»—человѣкъ упрямый. 6) Какъ прозвище Одинецъ, встрѣчается и доселѣ среди крестьянъ Волог. губ. (Жив. Стар. 1899 г. в. IV стр. 528). Одинецъ—одинъ сынъ у отца. 7) «Ощерить» зубы—оскалить зубы. «Ощера»—несогласный человѣкъ Вол. губ. 8) Хотя Папа и причисляется нѣкоторыми изслѣдователями къ числу некалендарныхъ именъ, но въ дѣйствительности это имя календарное. Память этому святому празднуется Марта 16 дня. 9) Есть слово «першить» (въ горлѣ). Перша—уменьшит. отъ Перфилій. 10) «Прокудить»—чудить. 11) «Рахманный»—ловкій. 12) «Разгильдяй»—человѣкъ непрокій. 13) «Ритай»—оратай.

Рудакъ (Фамилія Рудакъ; сел. Рудаково въ Яросл. губ.)
Рунецъ
Русинъ (Фамилія Русиновы)
Ратманъ (Фамилія Ратмановъ, сел. Ратманово)
Родной
Рудной [1]) (Ф. Рудневы).
Рѣзакъ
Рюма [2]) (Фамилія Рюминыхъ)

Салманъ
Суста
Севринъ (Фамилія Севриновъ)
Сурьянинъ (Фамилія Сурьяниновъ)
Семейки (Дер. Семейкино въ Яр. губ.)
Савлукъ (Фамилія Саблуковыхъ. Селеніе Саблуково въ Ярославской губ.)
Салемъ
Салтанъ (Фамилія Салтановъ)
Самосадъ
Самчукъ
Саринъ
Сарычъ
Селянинъ [3])
Сатышъ
Своитинъ
Севрюнъ
Серко (Вѣрнѣе: Сѣрко. Фамилія Сѣровъ)
Скорнякъ
Слядня
Слѣпецъ (Фамилія Слѣпцовыхъ)
Смирнóй (Смирновой)
Смага (Смагины)
Снитокъ [4])
Соиръ
Соловей (Фамилія Соловьевъ)
Сонъ } Какъ прозвище, Соня встрѣчается
Соня } и понынѣ. (Фамилія Сонинъ)
Соморокъ (Суморокъ—Сумороковъ [5])
Сотникъ
Стадникъ
Сомъ (Фамилія Сомовъ)
Семой (см. Четвертый)
Страхъ (Фамилія Страховъ)
Стривта
Субота (Суботины; сел. Суботино въ Яр. губ.)
Суворъ (Фамилія Суворовы).
Сумшъ
Сума
Сунгуръ
Сумбулъ
Суря
Суслинъ
Суханъ (Въ Яр. губ. есть селеніе Суханово)
Сухой
Сушъ
Сыдавной

Танай
Тать
Темиръ
Терай
Тинякъ
Тархъ (Селеніе Тархово въ Яросл. губ.)
Троянъ (Фамилія Трояновъ)
Тихомиръ (Фамилія Тихоміровы)
Тишина (Тишинины)
Товарищъ
Томило (Томилинъ)
Томъ
Тонкій
Торопъ (Тороповы)
Треня
Третьякъ (Третьяковы, селеніе Третьяково) (см. Четвертый)
Труха [6]) (Селеніе въ Яросл. губ. Мыш. у.)
Тугаринъ (Фамилія Тугариновы)
Турбай
Тутай
Тучко (Фамилія Тучковыхъ)
Тевризъ
Тутышъ

Угримъ (Угрюмъ?)
Удача
Уланъ (Фамилія Улановъ)
Уманко
Уракъ
Урусъ (Фамилія Урусовыхъ)
Уринъ
Услюнъ
Утѣшъ
Утучъ

---

[1]) «Руда»—кровь.
[2]) «Рюмить»—плакать.
[3]) Какъ прозвища, встрѣчаются въ народѣ и доселѣ. См. Жив. Стар. 1899 г. III—IV. 399.
[4]) Снить, снитокъ—особаго рода трава, растущая по огородамъ.
[5]) Суморокъ—сумракъ. Въ Яросл. губ. Рост. у. селеніе Сумороково.
[6]) Труха сѣнная—сѣно, растертое въ порошокъ.

Ушакъ[1] (Фамилія Ушаковыхъ; село Ушаково)
Ушатый

Фуникъ[2] (Фунить—неввжничать; обл. сл.) селеніе Фунино въ Яросл. губ. Рыб. у.
Фурсай

Хиньго
Хрѣнъ (Фамилія Хрѣновъ)
Хотѣнъ (Въ Яр. губ. есть дер. Хотѣново)
Худякъ (Въ Яр. губ. есть дер. Худяково Худяковъ)

Чельдоня
Черемисинъ (Селеніе Черемисино въ Яр. губ. Черемисиновъ)
Черемша (Черемха—дерево)
Черняй (Фамилія Черняевъ)
Четвертакъ (См. Четвертый)
Чудной
Чудинъ (Есть не одна деревня Чудиново въ Яр. губ.)
Чуяна
Чижъ (Фамилія Чижовыхъ)
Четвертый[3])

Шабара[4])
Шамаукъ
Шарапъ («Шарапать»—шарить, искать; Фамилія Шараповыхъ; сел. Шарапово)
Шастъ (Шастать—бродить безъ дѣла)
Шемяка (Фамилія Шемякиныхъ; сел. Шемякино)
Шестакъ (Фамилія Шестаковыхъ; селеніе Шестаковка)
Шатилъ (Шатиловы)
Шиняй
Широкій (Фамилія Широковъ)
Ширяй (Фамилія Ширяевыхъ) сел. Ширяево въ Яросл. губ. Рыб. у.
Шолко
Шишко[5]) (Въ Новг. губ.—«чертъ». Фамилія Шишкинъ и Шишковъ). Дер. Шишково въ Яросл. губер.)
Шкута
Шемета (Въ Яросл. губ. село Шеметово)

Щетина (Сел. Щетниково въ Яр. губ. Фамилія Щетининъ; Селеніе Щетинка)

Ѳадокъ

Юда (Іуда?[6])

Ярецъ, **Яруга**, **Ярый**, **Ярышъ**, **Яшево** — Всѣ эти имена представляютъ видоизмѣненіе коренного «ярый». (Отс. Ярило, деревня Ярилово и т. д.). Фамилія Ярцевъ.

Въ Ярославской губ. существуютъ селенія: Ярышево, Ярцево.

Обычай давать два имени ребенку въ древней Россіи, на первый взглядъ странный, является легко объяснимымъ, если обратить вниманіе на народы также давно принявшіе христіанство, но у которыхъ обычай давать своимъ дѣтямъ, кромѣ христіанскаго имени при крещеніи, еще и имя, такъ сказать, языческое—сохранился до сихъ поръ.

Такъ у христіанскихъ народностей Закавказья, по семейнымъ спискамъ 1866 г., употребляется, наряду съ христіанскими календарными именами, множество именъ некалендарныхъ. Такія имена попадаются у карталинцевъ, имеретинъ, у тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ, у осетинъ, сванетовъ и, наконецъ, у армяно-григоріанъ[7]).

У вотяковъ Завьяловской волости, по словамъ г. Верещагина, существуетъ обычай

[1]) Въ старинныхъ цвѣтникахъ и травникахъ упоминается трава: «ушакъ».
[2]) Фамилія Фуниковыхъ была въ XVI в.
[3]) Имена Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, и т. д., по всей вѣроятности, указываютъ на то, которымъ родился въ семьѣ ребенокъ: первымъ, вторымъ и т. д.
[4]) Человѣкъ безпокойный.
[5]) Въ Яр. губ. говорятъ: «гдѣ тебя шишко то носилъ»? равносильно—«гдѣ тебя лѣшій носилъ»?
[6]) Хотя въ спискахъ некалендарныхъ именъ и встрѣчается Юда, но это имя по всей вѣроятности православное—Іуда.
[7]) Подробный перечень некалендарныхъ именъ у кавказскихъ инородцевъ см. ст. А. Хак—ова въ Этногр. Обозр., «Къ вопросу о некалендарныхъ именахъ» Этн. Обозр. кн. XXI, стр. 168.

давать дѣтямъ языческія имена наряду съ христіанскими. Эти языческія имена даются «бабушками», исполняющими должность повитухъ при родахъ, которымъ обычай велитъ, до совершенія надъ младенцемъ обряда св. крещенія, давать такъ называемыя банныя имена (мынчо нимъ). Имена младенцамъ родные даютъ по событіямъ, при которыхъ рождаются дѣти, и по временамъ года. Такъ, напримѣръ, если ребенокъ родился весной, во время появленія скворцовъ онъ получаетъ имя Юберъ—скворецъ, если во время сѣнокоса—Кусо—косы. Во время уборки хлѣбовъ съ полей даютъ имена: Кабанъ (скирда), Ючисъ (колъ, на которомъ вѣшаютъ снопы). Но такой обычай нынѣ сталъ предаваться забвенію; чаще даютъ уже христіанскія имена, легкія для произношенія, и такія имена за иными остаются до самой смерти, не смотря на то, что при крещеніи же наречены другими именами. Крупныя событія даютъ также поводъ къ нареченію ребенка тѣмъ или другимъ именемъ. Въ селѣ Завьяловѣ, продолжаетъ г. Верещагинъ, въ день нашествія на это село Пугачевской вольницы, родился у одного вотяка сынъ, и его назвали Пугачемъ; такое прозвище за родомъ этого вотяка сохранилось и до сихъ поръ[1])

У Карагасовъ, небольшого племени, живущаго въ лѣсахъ Саянскаго хребта, существуетъ подобный же обычай. Карагассы считаются православными: христіанское имя дается священникомъ при крещеніи, а карагасское имя даетъ отецъ или мать новорожденнаго. Иногда нареченіе языческимъ именемъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: на слѣдующій день по рожденіи ребенка устраиваютъ пиръ; при этомъ случается, что именитый гость даетъ новорожденному свое имя[2]).

Нареченіе ребенка языческимъ именемъ помимо христіанскаго отмѣчено многими писателями у древнихъ лопарей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи нареченіе новымъ именемъ совершалось вслучаѣ болѣзни ребенка и сопровождалось слѣдующими обрядами: въ котелъ клали ольховую кору, варили её и, затѣмъ, обмывали этой жидкостью ребенка, смывали съ него старое имя и нарекали ему новое. Въ Финляндской Лапландіи господствовало мнѣніе, что отъ одного крещенія въ церкви ребенокъ никогда не сдѣлается счастливымъ: считалось даже необходимымъ смыть съ ребенка христіанское имя; поэтому, тотчасъ послѣ крещенія въ церкви, ребенка крестили вновь по языческому обряду, который носилъ названіе Саменабма—лавго (т. е. омовеніе лопарскимъ именемъ; лопари сами себя называютъ Саме). Чтобы узнать, какое имя слѣдуетъ дать ребенку, прибѣгали къ колдовству; при помощи бубна или другими способами отецъ или найдя (шаманъ) или, наконецъ, знакомые узнавали о будущемъ имени ребенка. Но къ этому средству приходилось прибѣгать сравнительно рѣдко; по представленіямъ лопарей, обыкновенно, когда приближалось время родовъ, къ роженицѣ являлся кто нибудь во снѣ изъ умершихъ предковъ и нарекалъ имя будущему младенцу. Именемъ, даннымъ при церковномъ крещеніи, ребенка никогда не называли. Всякій разъ, когда ребенокъ начиналъ хворать, или даже если онъ просто много плакалъ, совершали вновь языческое крещеніе. Языческое крещеніе совершала женщина: однако при первомъ Саме-набмалавго совершавшая крещеніе женщина не должна быть ни крестной матерью, ни свидѣтельницею при совершеніи церковнаго крещенія надъ крещаемымъ. Часто обрядъ совершался самою матерью крестящагося. Совершавшая языческое крещеніе, женщина дарила своему крестнику перстень, пряжку или что нибудь другое въ знакъ того, что крестникъ освобожденъ отъ прежняго имени. При перемѣнѣ имени ребенка, въ случаѣ болѣзни, обрядъ совершался слѣдующимъ образомъ: подъ присмотромъ женщины, которая совершала обрядъ, нагрѣвали воду и вливали её въ корыто; туда же клали двѣ березовыя вѣтви; одну изъ нихъ свивали кольцомъ. Совершавшая обрядъ, женщина говорила, обращаясь къ ребенку: «будь такъ же плодовитъ, такъ же здоровъ и крѣпокъ, какъ береза, съ которой взяты эти вѣтви». Послѣ этого она бросала въ корыто латунный

---

[1]) Верещагинъ: Вотяки Сарапульскаго у. З. И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XIV в. 3 стр. 24—25.

[2]) Н. Ѳ. Катановъ. поѣздки къ карагассамъ З. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XVII в. 2 стр. 146—147.

перстень или вообще какой нибудь кусокъ латуни, мѣди или олова и говорила: «этимъ я посвящаю тебя; будь также звонокъ и красивъ, какъ эта латунь (или серебро), даю тебѣ новое имя: ты долженъ лучше рости отъ той воды, которую мы тебѣ даемъ, чѣмъ отъ той, въ которой крестилъ тебя священникъ... Съ этими словами она обливала водою изъ корыта голову ребенка до трехъ разъ и опрыскивала этою же водою все его тѣло. Послѣ этого она говорила: «теперь ты сдѣлался участникомъ крещенія Адде-набма и носишь имя NN, посмотримъ, какъ ты будешь расти теперь». По совершеніи обряда брошенныя въ корыто металлическія вещи привѣшивались ребенку подъ руки (мальчику) или же на грудь (дѣвочкѣ) и въ качествѣ амулетовъ носились до совершеннолѣтія[1]).

Но оставляя въ сторонѣ инородцевъ, укажемъ на близкихъ къ нимъ русиновъ: въ ихъ средѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій оказывали вліяніе свое и православіе, и католичество, и унія, и лютеранство, и огромное количество сектъ: между тѣмъ обычай давать два имени, одно при крещеніи, другое, такъ сказать, языческое, сохранился до сихъ поръ (напримѣръ, при крещеніи Софія, въ общежитіи Святослава).

Этотъ обычай, существовавшій въ древней Руси сохранился до послѣдняго времени XVII в. и, можетъ быть, и въ настоящее время не исчезъ еще вполнѣ.

Развитіе христіанства, дѣйствительно, привело къ тому, что высшее сословіе откинуло обычай давать два имени своимъ дѣтямъ, но въ средѣ не придворнаго сословія онъ еще долго сохранялся; въ этой области развивающая дѣятельность христіанства дѣйствовала медленнѣе, и въ то время, какъ правящій классъ подъ вліяніемъ духовенства, постепенно терялъ свои народные обычаи,—слои общества, ниже стоящіе, сохранили свои обычаи до Петровской реформы, а можетъ быть, и позже.

Обычай давать некалендарныя имена существовалъ, повидимому, въ XVI—XVII в. среди всѣхъ классовъ народа. «Въ десятняхъ» XVI в. некалендарныя имена носятъ лица, принадлежащія къ потомкамъ прежнихъ дружинниковъ, принадлежащія къ сословію правящему и достаточно приближенному ко двору [2]).

Въ Синодикѣ Іоанна Грознаго, о которомъ мы уже говорили и выше, мы читаемъ, что Третьякъ—Висковатый былъ изъ дѣтей боярскихъ, приближенныхъ къ царю, Докучай Третьяковъ поддатнемъ, Молива—поваромъ и т. д. Обычай носить некалендарныя имена былъ даже въ средѣ православнаго духовенства.

Въ житіи и страданіи св. преп. Адріана игумена, Пошехонскаго Чудотворца, относящемся къ второй половинѣ XVI в., мы читаемъ: «Въ та же времена бѣ нѣкій попъ, сослужебникъ церкви Великомученика Георгія Страстотерпца Христова, завомый Косарь». Причетникъ его называется въ томъ же житіи Бабой. Черноризецъ, чудесно явившійся пр. Адріану, носитъ названіе Безстужа [3]).

Въ вышеприведенный нами списокъ мы включали только тѣ, которыя имѣютъ объясненіе въ русскомъ языкѣ или русскій корень; отчества, происходящія изъ инородческихъ языковъ, мы не выписывали въ виду того соображенія, что въ XVI в. въ Московское государство пріѣзжало много лицъ инородческаго происхожденія: дѣти такихъ лицъ, носившія уже русскія имена, сохранили инородческія прозвища или имена своихъ еще некрещенныхъ родителей. Мы дѣлали это изъ опасенія принять лицъ, имѣющихъ инородческое имя или отчество, за русскихъ въ то время, какъ это могли быть сыновья тѣхъ же пріѣзжихъ представителей тюркскаго или иного племени.

По поводу вышеприведенныхъ некалендарныхъ именъ мы позволимъ себѣ высказать слѣдующія соображенія.

Нѣкоторыя имена, какъ напримѣръ Казаринъ, Мордвинъ, Черемисенъ, Чуяни и т. п., указываютъ иногда на племенное происхожденіе лица, но тѣ же самыя имена могли даваться затѣмъ и какъ прозвища лицамъ чисто русскаго происхожденія. Прозвища «нѣмецъ», «полякъ» встрѣчаются и въ настоящее время среди нашихъ крестьянъ.

---

[1]) Н. Харузинъ. Русскіе лопари стр. 179—180.

[2]) «Десятни и тысячная книга XVI в.» г. Сторожева «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи» М. 1891 г. кн. VIII.

[3]) «Житіе и страданіе св. пр. Адріана, игумена, Пошехонскаго Чудотворца». Яросл. Епарх. Вѣдом. 1873 г. № 4.

Мы полагаемъ, что значительная часть некалендарныхъ именъ въ XVI в. давались, какъ прозвище ребенку, при самомъ его рожденіи, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, бывшихъ при его рожденіи. Такъ какъ обстоятельства при рожденіи ребенка бываютъ довольно ординарны, то и имена этого разряда суть наиболѣе употребительныя имена. Таковы имена: Баженъ (желанный), Жданъ (жданный), Нежданъ (нежданный), Нечай (нечаянный), Меньшой, Субота (время рожденія) и т. п. Особенно часто встрѣчаются имена Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, Пятый, Шестой и дал., указывающія, повидимому, на то, которымъ родился ребенокъ въ семьѣ.

Къ слову замѣтимъ, что имена послѣдняго рода можно встрѣтить и въ нашихъ православныхъ святцахъ. Таковы, напримѣръ, имена: Протогенъ (греч. первенецъ, соотвѣтствуетъ некаленд. Первый), Квинтиліанъ (лат. соот. нек. Пятый, Пятунки), Савватій (субботній соотв. нек. Суббота), Сикстъ (л. соот. нек. Шестакъ, Шестой) и др.

Нѣкоторыя, затѣмъ, имена, прозвища могли даваться ребенку уже послѣ рожденія или даже взрослому человѣку. Прозвища эти встарину, по всей вѣроятности, давались такъ же, какъ даются эти прозвища и нынѣ. Производя по этому поводу наблюденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, мы пришли къ тому выводу, что прозвища, даваемыя простымъ народомъ другъ другу, указываютъ: а) на происхожденіе лица изъ извѣстной мѣстности, какъ напр. Рязанка, Московка и т. п. б) на занятія лицъ—Кузнецъ, Скорнячиха и т. д. в) на наружность, характеръ и другія личныя качества извѣстнаго лица, такъ напр, Бѣлоусъ, Моржуха, Махала, Багоръ и т. п. г) на любимыя поговорки извѣстнаго лица. Такъ напримѣръ, крестьянинъ, часто употреблявшій въ разговорѣ поговорку: «малина въ ротъ», получаетъ прозвище «малина», другой, имѣвшій обыкновеніе къ дѣлу и не къ дѣлу говорить поговорку: «елка-палка», получаетъ прозвище «елка-палка» и т. д. Иногда прозвище дается вслѣдствіе извѣстныхъ происшествій съ даннымъ лицомъ. Такъ напримѣръ, одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій попытку украсть на базарѣ сазана и уличенный на мѣстѣ преступленія въ кражѣ, получилъ въ округѣ кличку «Сазана», которая и осталась за нимъ до самой смерти. Другой, извѣстный намъ крестьянинъ, подобнымъ же образомъ получилъ кличку «Клеенка[1]).

Къ слову замѣтимъ, что среди современныхъ народныхъ прозвищъ есть много древнихъ некал. именъ.

Всѣ такія прозвища, если только онѣ мѣтки, не только въ жизненномъ обиходѣ удерживаются за человѣкомъ, но даже и совершенно замѣняютъ его христіанское имя. Примѣры такого явленія мы встрѣчаемъ и до сихъ поръ въ нашей жизни. Въ нашихъ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ встрѣчаются лица, извѣстныя подъ именемъ Мокрицы, Кипариса, Моржухи, Махалы и т. п. Иногда бываетъ, что весь уѣздный городъ знаетъ какого нибудь Махалу, но дѣйствительное его имя иногда знаютъ не больше двухъ-трехъ человѣкъ.

Точно то же самое могло быть, но только въ большемъ, конечно, размѣрѣ, въ XVI вѣкѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что прозвища попадали и въ оффиціальные документы того времени. Формы дѣлопроизводства того времени не соотвѣтствовали нынѣшнимъ по своей строгости и точности: въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ можно встрѣтить сполна имя, отчество и прозвище лица, иногда только прозвище, а иногда, наконецъ, только имя лица. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ оффиціальные документы и вносились эти прозвища вмѣсто именъ христіанскихъ, или первыя въ жизни употреблялись гораздо чаще послѣднихъ.

Женскихъ некалендарныхъ именъ дошло до насъ ничтожное количество. Въ Синодикѣ, напримѣръ, Іоанна Грознаго изъ женскихъ некалендарныхъ именъ, встрѣчаемъ только имя Жданы—Путятиновой жены. Фактъ весьма замѣчательный, потому

---

[1]) Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе. Жив. Ст. 1896 г. в. II, а также о народныхъ прозвищахъ Жив Стар. 1899 г. в. II стр. 281. Наши наблюденія подтверждаются и наблюденіями, произведенными изслѣдователями въ другихъ мѣстностяхъ. См. напр., «Прозвища крестьянъ д. Хмѣлевской, Кадниковскаго у.» Жив. Стар. 1899 г. в. IV стр. 526 и др.

что въ томъ Синодикѣ встрѣчается множество женскихъ христіанскихъ именъ, число которыхъ не многимъ менѣе числа мужскихъ именъ, упоминаемыхъ въ Синодикѣ. Въ числѣ женскихъ именъ встрѣчаются даже имена нѣмокъ и татарокъ.

Ничтожное количество женскихъ некалендарыхъ именъ, дошедшихъ до насъ, объясняется тѣмъ, что женщина вела замкнутую «теремную» жизнь.

Если женщинамъ и давалось прозвище, то оно оставалось въ терему и очень рѣдко могло распространиться и укрѣпиться въ обществѣ настолько, чтобы вытѣснить собою христіянское имя женщины.

Очень можетъ быть, что многія некалендарныя имена могли даваться въ XVI в. вмѣсто христіанскихъ самими священниками, по невѣжеству этихъ самыхъ священниковъ. Припомнимъ, что даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія понадобились неоднократные указы Св. Синода о томъ, чтобы приходскіе священники давали имена дѣтямъ только тѣ, какія находятся къ святцахъ. Очевидно, что нареченіе священниками языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ было дѣломъ обычнымъ въ XVI в...

Какъ мы говорили уже и выше, въ XVI в. некалендарныя имена были въ повсемѣстномъ всеобщемъ употребленіи. Въ XVII в. некалендарныя имена встрѣчаются уже гораздо рѣже. Въ XVIII в. они встрѣчаются совсѣмъ рѣдко, хотя нельзя отрицать того, что дальнѣйшіе изслѣдователи докажутъ, можетъ быть, что некалендарныя имена употребляются въ глухихъ мѣстахъ и до настоящаго времени. Да это есть и на самомъ дѣлѣ. Припомнимъ, напримѣръ, извѣстное имя Любимъ («Любимъ Торцовъ»).

Съ конца XVII в. большая часть некалендарныхъ именъ переходитъ уже въ фамиліи.

Первоначально различныя лица различались другъ отъ друга по своимъ именамъ. Но такъ какъ въ общежитіи очень часто встрѣчались лица, имѣвшія одинаковое имя, то для отличія ихъ другъ отъ друга въ житейскихъ и оффиціальныхъ документахъ стало необходимымъ упоминать объ имени ихъ отца или даже дѣда: «Михайло Губа Микулинъ сынъ», «Шарапъ Васильевъ сынъ» и т. д.

Превращеніе имени родоначальника въ фамилію рода можно было наблюдать еще въ недавнее время [1]). Такъ напр. крестьянинъ Василій даетъ начало фамиліи Васильевыхъ и т. д. Подобно этому и въ прежнее время имя родоначальника могло переходить въ прозвища, а, затѣмъ въ фамилію. Михайло Микулинъ сынъ могъ называться просто Михайло Микулинъ, и это отчество Микулинъ въ качествѣ прозвища переходило, затѣмъ, на дѣтей этого Михайлы. Такимъ образомъ возникала фамилія Микулины.

Очень многія изъ великорусскихъ фамилій произошли такимъ образомъ отъ языческихъ, «некалендарныхъ» именъ, носимыхъ встарину родоначальниками этихъ фамилій, или же отъ прозвищъ этихъ родоначальниковъ.

Отъ тѣхъ же некалендарныхъ именъ, а затѣмъ уже отъ фамилій, отъ нихъ происшедшихъ, произошли многія названія населенныхъ мѣстъ. Объ этомъ мы уже говорили и выше.

По всей вѣроятности нареченіе ребенка языческимъ именемъ сопровождалось встарину различными обрядами. Но какіе были эти обряды? за неимѣніемъ данныхъ, мы не можемъ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

А. Баловъ.

---

[1]) «Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе». Жив. Стар. вып. II. 1896 г.

Населеніе Македоніи [1]).

(Отвѣтъ на статью г. Драганова, напечатанную въ «Спб. Вѣдомостяхъ № 200).

На столбцахъ газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» часто появляются статьи по македонскому вопросу. Въ послѣднее время, въ номерѣ отъ 24 іюля сего года, по тому же вопросу напечатана статья Г. П. Драганова, который считается знатокомъ Македоніи. Позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣтки относительно сужденій г. Драганова, для освѣдомленія русской публики. Болѣе подробныя свѣдѣнія относительно населенія Македоніи изложены мною въ только что вышедшей изъ печати книгѣ по тому же вопросу [2]).

Г. Драгановъ увѣряетъ русское общество, что славянское населеніе Македоніи не болгарское и не сербское, а состоитъ изъ особыхъ славянъ, которые сами себя называютъ «славянами». Но что еще важнѣе, по его мнѣнію, это то, что эти «македонскіе славяне» посредствомъ насилія со стороны болгарской Экзархіи и болгарскихъ агитаторовъ обращены въ «Болгаръ». Свое мнѣніе г. Драгановъ пропагандируетъ уже давно; но онъ не нашелъ послѣдователей между учеными, занимавшимися изученіемъ Македоніи, такъ какъ сужденія г. Драганова не имѣютъ серьезныхъ основаній.

Прежде всего славянская часть македонскаго населенія по языку не составляетъ особаго «македонскаго славянскаго» племени. Это должно быть г. Драганову, какъ филологу, хорошо извѣстно. Западно-болгарское нарѣчіе изъ центральной Болгаріи переходитъ въ Македонію и обхватываетъ цѣлый сѣверо-восточный и восточный край даже до Штипа, Струмицы, Петрича и Мельника. Восточное же ѳракійско-болгарское нарѣчіе переходитъ Родопскія горы и достигаетъ до окрестностей Солуни. Отъ этого города на западъ до южнаго берега Преспанскаго озера въ говорѣ населенія сохранились носовые звуки староболгарскаго языка. Только въ сѣверо-западной части Македоніи, между городами Битолемъ, Прилѣпомъ, Велесомъ, Скопьемъ и Деброй говоръ уже имѣетъ особый «македонскій» оттѣнокъ, о которомъ упоминаетъ г. Драгановъ. Это есть то нарѣчіе, на которомъ одно время пытались писать Шапкаревъ и другіе македонцы. Въ этой части обитаютъ тѣ македонцы, которые въ отличіе отъ другихъ болгаръ въ словахъ имѣетъ удареніе постоянно на третьемъ слогѣ, считая отъ конца слова, и вмѣсто одного употребляютъ три члена при именахъ существительныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ болгарскій духъ въ этой части Македоніи самый сильный.

Никакія племенныя дѣленія, о которыхъ говоритъ Драгановъ въ Македоніи не сохранились; болѣе обстоятельно объ этомъ я говорю въ своей книгѣ. Сохранились только остатки отъ стараго племеннаго имени «Бърсяцы». Всѣ другія мѣстныя названія населенія разныхъ мѣстностей, какъ напримѣръ: «Мърваци», «Міяцы», «Пуливаковцы», «Ести» и пр. не представляютъ наименованій особыхъ племенъ, а явля-

---

[1]) Печатая эту статью, доставленную Ж. Стар. Д. Ч. Гл. Общ. А. А. Башмаковымъ, редакторъ не можетъ не выразить глубочайшаго сожалѣнія о великой утратѣ, постигшей Болгарію: даровитый, образованный, трудолюбивый молодой Кончевъ (министръ Нар. Просв. въ Болгаріи) погибъ недавно отъ руки полусумасшедшаго негодяя. Славянская наука и Болгарія въ особенности не скоро забудутъ эту утрату. Миръ праху достойнаго дѣятеля! Ред.

[2]) Македонія.—Этнографія и статистика отъ Васил. Кънчовъ, съ 11 карти. Издава Българското Книжовно Дружество въ София, 1900 г. стр. 341, цѣна 4½ лева.

ются лишь прозвищами жителей отдѣльныхъ сельскихъ группъ, даваемыми сосѣдями или въ виду особаго произношенія, въ данной мѣстности нѣкоторыхъ словъ, или по какимъ либо другимъ причинамъ. Такія прозвища встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ странахъ.

Нигдѣ въ Македоніи славянское населеніе не называетъ себя «словянцы», или «словяне», или «словени». Это имя книжное и было извѣстно только болѣе образованнымъ людямъ; поэтому у писателей первой половины XIX столѣтія часто встрѣчается названіе «словяно-болгаре»,—масса же населенія иначе себя не именуетъ. какъ «болгари». Напрасно г. Драгановъ по этому вопросу ссылается на свидѣтельство покойнаго Лиссевича, г. Ростковскаго и на турецкія власти. Несмотря на то, что покойный Лиссевичъ былъ пристрастнымъ сторонникомъ сербовъ, намъ неизвѣстно, чтобы онъ гдѣ либо писалъ, что македонское населеніе называетъ себя «славянами». Напротивъ онъ утверждалъ, какъ и покойный Ястребовъ, что населеніе «неправильно» именуетъ себя «бугари», несмотря на то, что въ жилахъ его течетъ сербская кровь. Называть себя такъ принуждали его многіе обстоятельства, говорили эти авторы. Что же касается г. Ростковскаго, то и онъ нигдѣ не писалъ, что населеніе называетъ себя словянами и ставитъ его въ рубрикѣ словянъ, такъ какъ онъ не филологъ и не имѣетъ возможности хорошо опредѣлить—принадлежитъ ли населеніе по языку къ сербамъ или болгарамъ [1]). Что касается турецкаго населенія Македоніи, то оно абсолютно не знаетъ имени «словяне». Названіе же «словъ миллетъ» которое иногда власти въ скопскомъ вилаетѣ даютъ отщепенцамъ отъ болгарской экзархіи. совершенно новое и употребляется по внушенію изъ Царьграда, гдѣ желаютъ искусственно дробить христіанъ. По турецкимъ оффиціальнымъ бумагамъ, населеніе государства дѣлится на двѣ части: «муслимъ». (мусульмане) и «гаири муслимъ» (не мусульмане). Въ Македоніи во всѣхъ турецкихъ оффиціальныхъ бумагахъ не мусульманъ дѣлятъ на «урумъ» и «булгоръ». Подъ названіемъ «урумъ» турки означаютъ всѣхъ грековъ и огреченныхъ валаховъ, албанцевъ, болгаръ и др. Подъ именемъ же «булгоръ»—всѣхъ славянъ отъ Солуни, Сѣра и Неврокопа до Костура, Дебры и Куманова. Такъ раздѣлено населеніе въ турецкихъ нофузныхъ (статистическихъ) книгахъ и въ оффиціальныхъ вилаетскихъ солнаметахъ (ежегодныхъ альманахахъ). Ссылки г. Драганова на Шафарика и Григоровича по вопросу о мѣстномъ названіи славянъ, тоже неосновательны, такъ какъ Шафарикъ въ своей замѣчательной книгѣ «Slovansk**ý** N**á**rodopis (съ картою) ясно именуетъ славянское населеніе Македоніи болгарами и таковымъ представляетъ его въ своей этнографической картѣ славянскихъ народовъ [2]); о мнѣніи Григоровича ниже мы упоминаемъ.

Наибольшую практическую важность въ этомъ спорѣ имѣетъ вопросъ: какъ само славянское населеніе именуетъ себя въ предѣлахъ Македоніи и къ какой народности оно само себя причисляетъ?—Славянское населеніе Македоніи отъ Шара (цѣпи горъ на сѣверо-западѣ) даже до Эгейскаго моря само считаетъ себя болгарскимъ, чувствуетъ по-болгарски, борется за болгарскую идею и несетъ большія жертвы для этой идеи. Всюду по городамъ и селамъ славянское населеніе само именуется «бугари», свой языкъ называетъ «бугарскимъ. Понятіе «сербинъ» или «словянинъ» сельской массѣ совсѣмъ неизвѣстно; только въ послѣднее время, благодаря сильнымъ агитаціямъ извнѣ, оба эти названія стали извѣстны той части населенія, которая имѣла какое либо участіе въ этихъ агитаціяхъ. Если спросите поселянъ самыхъ глухихъ мѣстностей Македоніи, кто вы? Отвѣтятъ сначала—«каури» (турецкое «гяуръ»—невѣрный). Если спросите далѣе—какіе каури? Отвѣтятъ—«бугари». Это удостовѣрилъ въ самое новѣйшее время г. Башмаковъ, которому удалось пробраться въ одинъ изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Македоніи. Это же удостовѣряютъ и всѣ путешественники по Македоніи, которые имѣли возможность и желаніе ближе ознакомиться съ мѣстнымъ населе-

[1]) А. Ростковскій, Распредѣленіе жителей Битольскаго Вилоета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ, въ 1897 году. Живая Старина, годъ девятый, вып. I, стр. 62.

[2]) Шафарикъ, Славянское народописаніе, переводъ съ чешскаго И. Бодянскаго Москва, 1843 г., стр. 37—38.

ніемъ. Я укажу русской читающей публикѣ только на нѣкоторыя имена извѣстныхъ русскихъ путешественниковъ.

Еще въ XVII в. одинъ русскій плѣнный прошелъ большую часть Турецкой имперіи, побывалъ и въ Македоніи. Въ его дорожныхъ замѣткахъ славянское населеніе называется болгарами. Въ окрестностяхъ Скопіи, пишетъ онъ, съ трехъ сторонъ обитаютъ болгаре, только съ одной стороны живутъ Арнауты [1]). Надѣемся, что г. Драгановъ согласится съ нами, что въ XVII в. въ Македоніи не могли быть болгарскіе агитаторы, которые бы могли совратить русскаго полоняника. Въ настоящемъ столѣтіи самый старый, и при томъ самый важный ученый русскій путешественникъ по Македоніи— извѣстный Викторъ Григоровичъ, котораго и г. Драгановъ считаетъ важнымъ авторитетомъ по славистикѣ. Въ 1844 г. онъ посѣтилъ Солунь, Водену, Битоль, Прѣспу, Охридъ, Прилѣпъ, Велесъ и другія мѣста. Въ своей извѣстной книгѣ объ этомъ путешествіи профессоръ Григоровичъ именуѣтъ македонское населеніе ясно и положительно болгарами [2]). Недоумѣваемъ—откуда г. Драгановъ нашелъ въ трудахъ проф. Григоровича сомнѣніе относительно болгарской народности македонскихъ славянъ. Напротивъ этотъ самый Григоровичъ, опровергая мнѣніе Joseph'a Müller'a о существованіи сербовъ въ Македоніи, подлинно говоритъ: «странно, что славянъ, населяющихъ вилаетъ Румели, (подразумѣвая Битольскую область) называетъ Мюллеръ вообще сербами. Жители Битоля, Охрида и Дебры всегда себя называютъ болгарами» [3]). Въ 1857 г. путешествовалъ по Старой Сербіи и сѣверной Македоніи другой извѣстный русскій ученый—историкъ Гильфердингъ, который говоритъ положительно, что на югъ и востокъ отъ цѣпи горъ «Шаръ-планины» славянское населеніе—болгарское [4]). Согласится съ нами почтенный г. Драгановъ, что и въ тѣ времена не могли быть болгарскіе пропагандисты, которые бы могли влiять на русскихъ ученыхъ. Позднѣе (1862 г.) путешествовалъ по Македоніи высокообразованный русскій архимандритъ Антонинъ, настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ. Въ его трудахъ, изданныхъ въ двухъ томахъ (Поѣздка въ Румелію, 1879 г. Изъ Румеліи 1886 г.), вездѣ славянское населеніе Македоніи называется болгарами.

Непосредственно послѣ освобожденія Болгаріи путешествовалъ по ея западной области русскій ученый Владиміръ Качановскій; онъ посѣтилъ новоприсоединенныя къ Сербіи области и нѣкоторыя мѣста въ Македоніи. Въ своемъ «сборникѣ западно-болгарскихъ пѣсенъ съ словаремъ», напечатанномъ въ С.-Петербургѣ въ 1882 г. онъ вводитъ въ предѣлы западно-болгарской области цѣлую Македонію вмѣстѣ съ Враньскимъ, Лѣсковскимъ и Пиротскимъ округами. Мнѣніе новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ по Македоніи г.г. Вашмакова и профессора Милюкова, что населеніе Македоніи принадлежитъ болгарской народности—хорошо извѣстно русской читающей публикѣ, и нѣтъ надобности здѣсь его повторять.

Совершенно неосновательнымъ представляется утвержденіе сербовъ, будто македоняне не имѣютъ національнаго самосознанія и лишь благодаря дѣятельности болгарской экзархіи начали называть себя болгарами. Имѣется цѣлый рядъ памятниковъ, ясно свидѣтельствующихъ о національномъ самосознаніи населенія въ Македоніи за много лѣтъ ранѣе появленія болгарской экзархіи. Мы упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы читатель не подумалъ, что утверждаемъ это голословно. Еще въ 1704 году дьякъ Валко Поповичъ, отъ котораго сохранились церковныя поученія, пишетъ, что онъ родомъ изъ «Болгарскіе земяи отъ место Кратово» [5]). Въ 1816 году инокъ Кириллъ Пейчиновичъ, родомъ изъ Тетовскате округа (Скопской области), напечаталъ въ Буда-Пестѣ книгу «Огледало» (Зеркало), въ заглавномъ листѣ которой пи-

---

[1]) П. Сырку. Описаніе Турецкой имперіи, составленное русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII вѣкѣ. С.-Петербургъ, 1890 г., стр. 38—39.

[2]) Викторъ Григоровичъ. Очеркъ ученаго путешествія по Европ. Турціи. Казань, 1848. Стр. 105, 107, 113—115, 120, 141 и пр.

[3]) Ibid. стр. 202, второе примѣчаніе.

[4]) А. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій, т. III. С.-Петербургъ, 1873, стр. 141—142.

[5]) См. Замѣтка профес. Дринова о Яковѣ Трайковѣ изъ Софіи и Кора-Трифонѣ изъ Скопіи. Юбилейный сборникъ Славянской Бесѣды въ Софіи, стр. 33—34.

шетъ: «Книга сія зовомая Огледало списася ради потреби и ползованія пре простѣйшимъ и не книжнимъ языкомъ болгарскимъ долнія Миссіи»... Въ 1840 году напечатана въ Солунской болгарской типографіи другая книга подъ названіемъ «Утѣшеніе грѣшнимъ», переведенная «на простій языкъ болгарски Долнія Миссій скопскій и тетовскій»—тѣмъ же инокомъ Кирилломъ Пейчиновичемъ. Въ 1836 году архимандритомъ Ѳеодосіемъ, родомъ изъ Зойрана (Солунской области), основана первая болгарская типографія въ Солуни. «Эта типографія основана природнымъ Болгариномъ Ѳеодосіемъ, архимандритомъ синайскимъ»,—пишетъ проф. Григоровичъ (очеркъ ученаго путешествія, стр. 104), Въ 1838 г. напечатанъ въ Солунской болгарской типографіи первый болгарскій букварь, написанный македонскимъ болгариномъ, подъ заглавіемъ: «Начальное оученіе съ молитви оутреннія Славяноболгарскій и греческія». Въ 1833 году Солунскіе болгаре іпригласили монаха Исаія, родомъ изъ Россіи, обучать ихъ дѣтей по книга нашинска сиречъ славянски или на по просто бугарски». [1]) Въ томъ же 1833 году населеніе Скопіи потребовало себѣ отъ Вселенской патріархіи въ Константинополѣ архіерея болгарска [2]). Съ 1842 года въ Скопіи существуютъ хорошо организованныя болгарскія училища, и уже ведется упорная борьба съ греками за самостоятельную національную церковь [3]). Въ 1835 году открыто болгарское училище и въ городѣ Велесѣ. Около 1850 года существуютъ уже болгарскія училища во всѣхъ болѣе выдающихся городахъ Македоніи, и началась общая борьба за болгарскую независимую церковь. Первый болгарскій учительскій съѣздъ состоялся въ городѣ Прилѣпѣ за долго до образованія Экзархата. Македонскіе болгаре дали цѣлый рядъ замѣчательныхъ поборниковъ своего церковнаго устроенія, каковы: братья Миладиновы изъ Струги, Димитрій Робевъ изъ Охрида, поэтъ Парличевъ изъ Охрида, Іорданъ Джино и поэтъ Жинзифовъ изъ Велеса, братья Поповичъ и бывшій Охридскій, нынѣ Пловдивскій, митрополитъ Наѳанаилъ изъ Скопья, митрополитъ Меѳодій Кусевъ изъ Прилѣпа, Гого изъ Водена, Станишевъ изъ Кукуша, Илья Дуковъ изъ Неврокопа и пр. и пр. Иные изъ нихъ умерли въ турецкихъ темницахъ за болгарское дѣло. Все это произошло уже давно, когда не было кому подкупать македонцевъ. Кто знаетъ эту болгарскую борьбу въ Македоніи, тотъ никогда не допуститъ и мысли, чтобы македонскіе славяне изъ за денегъ стали называться болгарами, какъ это утверждаетъ Драгановъ.

Г. Драгановъ пишетъ, что и въ настоящее время населеніе въ Македоніи не чувствуетъ себя болгарами; это черезчуръ смѣло сказано; вотъ уже болѣе пяти лѣтъ какъ волнуется въ Македоніи болгарское населеніе; это движеніе признаютъ даже сербы, въ интересахъ которыхъ отрицать его. Цѣлый рядъ кровавыхъ событій въ разныхъ частяхъ Македоніи возникъ именно отъ того, что мѣстное населеніе стоитъ за болгарскую идею, отдавая сотни жертвъ за эту идею. Всей Европѣ извѣстно, что болгарское населеніе Македоніи борется въ послѣднее время противъ нестерпимаго турецкаго управленія. Можетъ ли кто либо утверждать, что смута въ Винницѣ—не была дѣломъ мѣстныхъ болгаръ? А трехдневное волненіе въ Велесѣ, кровавая расправа въ Прилѣпѣ, продолжительная борьба въ Кумановѣ, гдѣ даже въ рядахъ женщинъ были кровавыя жертвы!? Можетъ ли эта всенародная борьба явиться искусственно?—Ни одинъ сербъ, или русскій, или турокъ, или нѣмецъ не писалъ, что въ Македоніи бунтуютъ «славяне» или «сербы», а всѣ говорятъ, что бунтуютъ противъ турецкой власти болгаре. Они борятся какъ болгаре, умираютъ отъ турецкой пули какъ болгаре, и гибнутъ сотнями въ турецкихъ тюрьмахъ Азіи тоже какъ болгаре. Вѣрно тоже, что въ Кумановѣ, Тетовѣ и Скопьѣ есть ничтожныя общины, которыя именуютъ себя «сербами», и которыя турецкія власти называютъ «славъ милетъ»; но онѣ столь незначительны, что никто не обращаетъ вниманія на нихъ; остальное христіанское населеніе смотритъ на нихъ, какъ на ренегатовъ. Французскій путешественникъ Бераръ, (относящійся не безъ симпатій къ сербамъ) лучше всего представилъ этихъ славянъ

[1]) А. Шоповъ. Изъ новата история на българитѣ въ Турция. Пловдивъ 1895, стран. 54.

[2]) Иречекъ. Исторія Болгоръ, стр. 700.

[3]) См. мою статью «градъ Скопие», журналъ Периодическо Списание LV—LVI, стр. 105—148.

въ своемъ трудѣ «La Macédoine». Почтенный Драгановъ ухватился за статью, напечатанную въ газетѣ «Реформи», органѣ болгарскаго революціоннаго Македоно-одринскаго комитета, въ которой говорится, что населеніе Македоніи неоднородно, что въ сѣверной части страны есть небольшая часть сербовъ, а въ южной—грековъ, въ центрѣ же—куцо-влахи, турки и арнауты, и что большая часть населенія однако состоитъ изъ славянъ, которыхъ газета не пожелала квалифицировать по народности, и наконецъ будто авторъ статьи возмущается тѣмъ, что турецкое правительство допустило священниковъ-агитаторовъ экзархіи и патріархіи—смущать населеніе. Г. Драгановъ не читалъ газету «Реформи», а извлекъ свои замѣтки изъ газеты «Христо Боньовъ» Ризова. Если бы онъ слѣдилъ за органомъ революціоннаго комитета,—то онъ не поспѣшилъ бы съ своимъ новымъ открытіемъ. Македонскіе революціонеры стараются всячески увѣрить Европу, что они не ведутъ борьбы для увеличенія предѣловъ Болгаріи, а желаютъ лишь добиться свободы для мѣстнаго македонскаго населенія безъ различія народностей. Имъ хорошо извѣстно, что присоединеніе Македоніи къ Болгаріи встрѣтитъ непреодолимыя препятствія, поэтому и въ Румыніи, и въ Сербіи, и въ Греціи, и въ Россіи они заявляли, что они не спеціально болгарскіе революціонеры, а обще-македонскіе.—Однако ихъ доводы мало кого убѣдили. Въ Румыніи, Сербіи и Греціи подняли цѣлый крестовый походъ противъ македонскихъ революціонеровъ, а Румынія едва не объявила Болгаріи войну за то, что она оказываетъ имъ гостепріимство. А что революціонеры не довольны Экзархійскими священниками, это не должно никого удивлять, такъ какъ Экзархія по существу своему не можетъ поддерживать революцію.

Въ настоящее время въ Македоніи числится 650 болгарскихъ школъ, между которыми двѣ полныя мужскія гимназіи, одна дѣвическая гимназія и два педагогическихъ училища, съ 36.000 учениковъ и ученицъ и съ 700 учителей и учительницъ. И послѣ того находятся люди, которые отрицаютъ существованіе болгарскаго духа въ славянскомъ населеніи страны! Это извѣстно и г. Драганову, но онъ считалъ возможнымъ утверждать, что эти школы—дѣло пропаганды, и что учительскій персоналъ—болгарскіе пропагандисты. Это утвержденіе не соотвѣтствуетъ однако дѣйствительному положенію вещей. Въ подробной статистикѣ болгарскихъ училищъ въ Турціи за 1893—94 учебные годы, напечатанной въ Пловдивѣ (Филиппополѣ) въ 1895 г., подробно указаны мѣсторожденія учителей и учительницъ. На стр. 81 собраны слѣдующія числа: учителей и учительницъ родомъ изъ Битольскаго вилаета 343, изъ Солунскаго 328, Коссовскаго (Скопскаго) 154, Адріанопольскаго (Одринскаго) 119, изъ Константинополя 2, изъ княжества болгарскаго (вмѣстѣ съ Восточною Румеліею) 27, изъ Бессарабіи 2, Австріи 1, Босніи 1, Сербіи 1, неизвѣстныхъ 5. Что же касается до содержанія этихъ школъ съ учительскимъ персоналомъ, то г. Драганову, предполагаемъ, извѣстно, что Прилѣпская, Велесская, Штипская, Кукушская, Скопская, Охридская, Битольская и многія другія общины сами содержатъ свои училища. Если онъ пожелаетъ, мы можемъ дать ему точный счетъ. Предположимъ однако, что болгарская Экзархія расходуетъ на училища въ Македоніи въ годъ около 500.000 франковъ; болгарскія же мѣстныя общины расходуютъ вдвое болѣе этой суммы, при всемъ, чрезвычайно незавидномъ, экономическомъ положеніи болгарскаго населенія. Кромѣ нѣсколькихъ греческихъ общинъ никакія другія христіанскія общины сами не поддерживаютъ своихъ училищъ. Нѣтъ ни одного сербскаго училища въ предѣлахъ Македоніи, на которое бы мѣстное населеніе расходовало даже и 100 франковъ въ годъ! А о какихъ-то особенныхъ славянскихъ училищахъ и рѣчи быть не можетъ.

Въ концѣ-концовъ скажемъ, что мы въ одной точкѣ сходимся съ г. Драгановымъ. Мы, какъ и онъ, желаемъ, чтобы христіанская Европа, во главѣ съ православною Россіею, заступилась и настояла на введеніи въ Македоніи реформъ на автономныхъ началахъ, предусмотрѣнныхъ въ Берлинскомъ договорѣ. Этимъ будетъ положенъ конецъ страшной кровавой смутѣ турецкой тираніи, и населеніе получитъ возможность жить свободно и проявлять свое религіозное и національное существованіе, какъ ему угодно. Тогда настанетъ конецъ пропагандной борьбѣ разныхъ національностей, борьбѣ, разъединяющей населеніе и дѣлающей его жизнь безнадежно скорбною. Болгарская Экзархія, болгарская печать и болгарское общественное мнѣніе давно уже усвоили себѣ этотъ

взглядъ. Желательно, чтобы и русская пресса, какъ имѣющая внушительное значеніе въ славянскомъ мірѣ, заступилась за человѣческія права одного изъ самыхъ несчастныхъ славянскихъ народовъ—македонцевъ. Когда это будетъ понято, тогда легко разрѣшится и церковная распря, искусственно раздуваемая турками. Тогда положится — конецъ и австрійскимъ поползновеніямъ, проникающимъ сюда черезъ Новый-Базаръ, и католическая пропаганда исчезнетъ «яко дымъ». Болгарское же княжество получитъ миръ и спокойствіе, чтобы заняться своими внутренними дѣлами. Настанетъ и конецъ враждебныхъ отношеній между Болгаріей и Сербіей. Однимъ словомъ, съ дарованіемъ автономіи Македоніи, выиграетъ цѣлое славянство, такъ много теряющее въ міровой исторіи, вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній.

Софія 13 Сентября 1900.

Василъ Кѫнчовъ.

Новогодняя ворожба по деревнямъ Енисейской губерніи.

Святочныя увеселенія интеллигентныхъ и мѣщанско-буржуазныхъ слоевъ сибирскаго общества во многихъ чертахъ сходны съ тѣми развлеченіями, какимъ предается въ эти праздники родственное ему по общественно-имущественному положенію и своей культурности общество россійскихъ предѣловъ. По ту сторону Урала также устраиваются вечера семейнаго и публичнаго характера, гдѣ собираются для встрѣчи новаго года, который такимъ образомъ нарождается въ странѣ Борея, среди блеска огней и всеобщаго ликованія. Необычайное оживленіе и жизнерадостное настроеніе въ это время захватываетъ не одни центры Сибири (Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и др.), но и ея окраины. Вотъ что говоритъ по этому поводу, напримѣръ, извѣстный бытописатель города Обдорска В. Бартеневъ [1]).

«Этотъ городокъ, повѣствуетъ авторъ, пріютился подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ въ печальной и дикой тундрѣ».

«Во время святокъ Обдорскъ просыпается изъ обычной спячки. Начинается маскарадная потѣха... Болѣе богатые изъ купцовъ устраиваютъ вечера, на которыхъ бываетъ очень весело: танцуютъ, поютъ... Молодежъ устраиваетъ разнаго рода игры съ пѣснями и т. п.»

Указанія на новогоднія торжества всегда можно прочитать въ текущей сибирской прессѣ и въ другихъ описательныхъ произведеніяхъ касающихся Сибири.

Праздничному настроенію, весьма понятно, легко поддается и сибирская деревня. Святки—то самое время, когда сибирскій крестьянинъ особенно бываетъ гостепріименъ и тороватъ на угощеніе. Вино, хмельное пиво домашняго приготовленія оказываютъ свое дѣйствіе: «гуляющими» овладѣваетъ желаніе пѣть, плясать, веселиться и веселиться, чтобы люди видѣли, чтобы это ощущалось всѣмъ существомъ человѣка. Шумное, деревенское веселье продолжается, впрочемъ, первые три-четыре дня святокъ, послѣ чего ослабѣваетъ, вспыхивая довольно ярко въ новый годъ и Крещеніе.

«На новый годъ» [2]) праздничное веселье вовсе замираетъ, уступая мѣсто тишинѣ и покою. Взрослое населеніе сибирскихъ деревень, за немногими исключеніями, предается въ этотъ вечеръ очень рано сну. Одна молодежь оживлена, занятая на свободѣ предугадываніемъ судьбы съ помощью хорошо извѣстныхъ ей средствъ ворожбы. На новый годъ не принято посѣщать вечерокъ [3]), поэтому ихъ никогда не устраиваютъ. Вмѣсто того дѣвушки собираются у подругъ, которыя обладаютъ просторными избами или семейной обстановкой, способствующей успѣшному выполненію ворожбы. Послѣдняя разнообразна. Нѣкоторые ея виды выполняются однѣми дѣвушками, когда, напримѣръ, «имаютъ барановъ» или «лазятъ въ овинъ»; «пѣтухъ съ курицей», «ѣзда на кобылѣ» и многое другое въ этомъ родѣ служитъ общей забавой: въ ней принимаютъ одинаковое участіе дѣвицы и «робята» (парни); «на—распутье дорогъ» выходятъ въ одиночку и смѣшанными группами. Подробнѣе ниже.

---

[1]) На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири.

[2]) На новый годъ, на Крещеніе и т. д.—форма выраженій, замѣняющихъ собой слово «наканунѣ»; въ новый годъ, въ Крещеніе—означаетъ, что фактъ, разговоръ происходитъ въ день новаго года и т. д.

[3]) Вечерка—крестьянскій вечеръ съ пѣніемъ, играми и танцами.

Съ искреннимъ увлеченіемъ, надо замѣтить, ворожатъ дѣвушки; ими по преимуществу придается положительное значеніе тому или иному видѣнію во время ворожбы, счету, звуку и т. п.; все это пріурочивается съ твердой увѣренностью къ тому, что «завѣчено» (задумано) и даетъ поводъ для субъективныхъ заключеній по отношенію къ интересующему ихъ лицу и его намѣреній.

Парни, лишившись вечерки, праздно толкутся въ «откупной избѣ» [1]) или шныряютъ по улицамъ, чутко прислушиваясь, не донесется ли откуда сдержанный шепотъ дѣвушекъ «крадче» (тайно, скратно), собравшихся воровать дрова, послушать подъ окнами или спросить у встрѣчныхъ имя; туда и они гурьбой, шалятъ съ ворожеями и расстраиваютъ ихъ планы. Въ общемъ парни въ этотъ вечеръ, какъ говорится, «чудятъ»; будучи допущенными въ общество ворожеекъ, продолжаютъ вести себя развязно, шутками и веселенькими, подчасъ, двусмысленными побасенками, вызывая неудержимый смѣхъ и веселыя восклицанія. Извѣстно «приставленные» [2]).

Чтобы самостоятельно заняться ворожбой, парнямъ не хватаетъ достаточной выдержки, столь необходимой для приведенія къ концу часто довольно утомительно-скучной процедуры, наприм.: «смотрѣться въ колечко или зеркальце», порой сидя въ черной избѣ или въ подпольѣ.

Ворожба считается дѣйствительной и оказывающей рѣшающее вліяніе на судьбу человѣка только до «перваго спѣвня» (первыхъ пѣтуховъ); съ нимъ «пропадаетъ нечиста сила»—этотъ главнѣйшій «показитель» (указатель) судьбы въ новогоднюю ночь. Впрочемъ, говорится, «нечесть» шляется на землѣ въ продолженіе всѣхъ «страшныхъ вечеровъ», начиная съ новогодней ночи по Крещеніе, но съ исключительной цѣлью морочить умы православныхъ и творить имъ всевозможныя каверзы. Это не идетъ въ счетъ.

Пропѣли пѣтухи. Очарованіе ночи исчезло. Радушная хозяйка напоитъ собравшихся чаемъ (кирпичнымъ, какъ водится). Гости разойдутся. Въ новый годъ молодежь встрѣтится на вечеркѣ или „машкированными" пойдетъ по избамъ. И такъ до Крещенія. На новый годъ рѣдко, кто наряжается.

Почтенный и обстоятельный изслѣдователь народной жизни И. Сахаровъ въ свою очередь утверждаетъ, что «Васильевъ день (канунъ новаго года) для русскихъ дѣвицъ былъ весьма важнымъ днемъ, онъ приходился на восьмой день святокъ, когда святочныя гаданія были во всемъ разгарѣ. Повѣрье старое, присовокупляетъ уважаемый ученый, съ незапамятныхъ временъ соблюдается на Руси» [3]).

Оно опоэтизировано въ литературныхъ произведеніяхъ Жуковскаго (Свѣтлана) и Пушкина (Евгеній Онѣгинъ).

Преемственность и распространеніе этого повѣрья въ Сибири получается поразительная.

Ритуалъ ворожбы.

Разсматривая темы ворожбы по даннымъ, взятымъ изъ жизни крестьянъ двухъ весьма пространныхъ уѣздовъ Енисейской губерніи—Ачинскаго и Енисейскаго, можно скомбинировать девять слѣдующихъ положеній, которыя обыкновенно служатъ основаніемъ разнородныхъ варіантовъ.

1) Узнать, женится ли кто или выйдетъ замужъ?

Для этого: а) Считаютъ тынъ или частоколъ; в) Они моютъ амбаръ; с) Воруютъ дрова—четное число даетъ положительный отвѣтъ, нечетное—отрицательный. Далѣе: d) Слушаютъ подъ церковною дверью—вѣнчальное пѣніе, будто-бы, слышимое для нѣкоторыхъ—вѣрное доказательство, что гадающій субъектъ вскорѣ пойдетъ подъ вѣнцы;

[1]) Нанятая изба для вечерокъ.
[2]) Комичный, богатый на выдумки, весельчакъ.
[3]) И. Сахаровъ. «Сказанія русскаго народа».

o) Олово льютъ — предварительно плавятъ металлъ и сливаютъ въ ковшъ съ водой, ставя на голову гадальщицы: слитокъ долженъ дать похожую на вѣнецъ фигуру; f) Смотрятся въ яичный бѣлокъ—вылитый въ стаканъ съ водой долженъ изобразить собой подобіе вѣнца; g) Смотрятся въ зеркальце: уединившись въ черную избу или въ подполье, освѣщенное одной—двумя свѣчами, садятся затылкомъ къ зеркальцу, другое держатъ передъ собою и остаются неподвижны въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, уставившись въ одну точку: если въ зеркальцѣ покажется соотвѣтствующій обрядъ, остается только радоваться.

2) Узнать имя суженаго—суженой.

Можно такимъ способомъ: а) Надо сверлить ледъ напарьемъ или мѣшать веселкомъ снѣгъ въ горшкѣ — въ томъ и въ другомъ случаѣ, будто-бы, выговариваются имена; b) Спрашиваютъ подъ окнами избъ или у встрѣчныхъ «кто женихъ»? (для дѣвицы), «кто невѣста» (для парня)—отвѣтныя имена опредѣляютъ, якобы имена будущихъ супруговъ.

3) Узнать внѣшній обликъ суженаго—суженой?

Полагаютъ по такимъ признакамъ: а) Смотрятся въ колечко—«желтое» (золотое или мѣдное) опускается на дно стакана съ водой, въ его кружокъ пристально всматриваются, занятые одной мыслью увидѣть будущихъ мужа или жену, пока не привидится желательное «обличье» (образъ лицо); b) Смотрятся въ зеркальце, какъ показано выше; с) На прорубь ходятъ бобыли, возвратившись взапятки, ложатся спать: суженый во снѣ надѣнетъ обувь; d) Ленъ сѣютъ: ложась въ «переднемъ углу» (подъ образами), посыпаютъ въ изголовьѣ ленъ, «завѣчая», чтобы суженый пришелъ сѣять его—онъ приснится; е) Гребень кладется въ изголовьѣ на ночь: желанный долженъ расчесать волосы этимъ гребнемъ; f) Съ сочнемъ бѣгаютъ на зарѣ дня Крещенія: сочень (лепешка) приготовляется гадальщицей изъ равной пропорціи (по наперстку хотя бы) муки, воды и золы, съ нимъ она идетъ на улицу—первый встрѣчный будетъ прототипомъ суженаго, Послѣдній опытъ, какъ не относящійся прямо къ ворожбѣ «на новый годъ», приведенъ лишь для полноты картины.

4) Не менѣе интересно узнать характеръ и наклонности суженаго—суженой?

Для этого: а) Раскладываются кусками хлѣбъ, соль и уголь, въ блюдце наливается водка, все это покрывается шапками или чѣмъ нибудь другимъ; участвующіе въ ворожбѣ поочередно вскрываютъ поставленные предметы, что находятъ, то служитъ отвѣтомъ на задуманное или предрѣшаетъ какъ будетъ: уголь означаетъ, что возьмешь замужъ дочь угольщика и т. д.; b) Пѣтуха и курицу выпускаютъ ходить по избѣ: прежде всего на полу насыпятъ кучку хлѣбныхъ зеренъ и крошекъ, поставятъ блюдце воды и зеркальце, снимутъ съ шестка сонныхъ птицъ и покроютъ ситомъ, недолго повертѣвъ, быстро освобождаютъ изъ подъ него; что продѣлывается теперь птицами, относится насчетъ задуманныхъ лицъ; поясню: охорашиваются птицы—признакъ опрятности; пьютъ воду—означаетъ склонность къ пьянству; щиплютъ другъ друга или кто одинъ изъ нихъ—доказываетъ буйный нравъ; въ зеркальце заглянутъ—выкажутъ любовь къ щегольству; зеренъ поклюютъ—будутъ домовитые работники, крошекъ—подбираться станутъ.

5) Опредѣлить ихъ имущественное положеніе?

Надо: а) Слушать подъ дверью амбара—если почудится, будто внутри «ровно-то хлѣбъ пересыпается»—ожидай суженнаго изъ состоятельной семьи; b) Имаютъ барановъ—дѣвушки ловятъ ихъ въ стайкѣ: баранъ съ шерстью — означаетъ богатаго жениха, остриженый—бѣднаго [1]); с) Лазятъ въ овинъ—«овинный» (одинъ изъ нечести) можетъ ворожею погладить мохнатой рукой, это сулитъ жизнь въ довольствѣ, голой—въ бѣдности.

Въ послѣднемъ случаѣ не обходится безъ курьезовъ, сопровождающихся подчасъ весьма печальными послѣдствіями. Случайно подслушавъ «сговоръ» (уговоръ) дѣвушекъ идти ворожить на гумно, какой-нибудь «удалый» молодецъ заберется туда ранѣе ихъ. Одну ворожею онъ погладитъ «мохнаткой» [2]), когда та покажется въ окнѣ овина,

[1]) Бараны, не предназначенные для колотья, не стригутся на зиму.
[2]) Рукавица изъ собачьей шкурки.

слѣдующей нанесетъ ударъ плетью.. Не столько отъ боли, сколько отъ испугу и страшнаго нервнаго потрясенія несчастная тутъ же падаетъ замертво, а въ благопріятномъ случаѣ отдѣлается тяжкой и продолжительной болѣзнью. Шутника и слѣдъ простылъ... Въ виду такихъ непріятностей очень и очень рѣдко дѣвушки рѣшаются идти на гумно «пытать» судьбу.

6) Узнать, въ какую сторону выйдешь замужъ или откуда возьмешь жену?

а) Слушаютъ, гдѣ лаютъ собаки —съ той стороны ожидай сватовъ; в) Обувь бросаютъ черезъ ворота—куда ляжетъ она носкомъ, въ томъ направленіи ищи невѣсту, или оттуда пріѣдетъ женихъ; г) На кобылѣ ѣздятъ: смирной лошади, непремѣнно бѣлой масти, повяжетъ тряпицей глаза; желающій или желающая узнать свою судьбу усядется на лошадь задомъ на передъ; никѣмъ неуправляемая она, конечно, шагаетъ наугадъ и также произвольно выбираетъ мѣсто, гдѣ остановится, тѣмъ самымъ указывая сторону, въ какую ворожеи выйти замужъ предстоитъ; а) На растанье выходятъ; усѣвшись на перекресткѣ дорогъ, зачертятъ обожженной лучиной кругъ и зачураютъ мѣсто, повторяя заклинаніе—«чуръ меня»! «чуръ меня»! Обезпечивъ себя этимъ отъ козней нечистой силы, гадающія гадалки превращаются въ слухъ и зрѣніе. Чтобы только не мерещилось, чѣмъ-бы не страшила «нечесть», не выходи изъ круга и примѣчай, тогда откроется, что ждетъ тебя впереди: если услышишь ухарскій посвистъ и веселый звонъ колокольчиковъ—быть свадьбѣ. Возвращаться домой надо съ молитвой и не оглядываясь, хотя бы нечистая сила «изъ кожи лѣзла», что называется, желая страхомъ и угрозами заставить нарушить это важное правило, которое одно только спасетъ отъ ея власти.

7) Узнать количество будущихъ дѣтей?

Возможно по числу кружковъ мѣсяца, который отразится въ наведенномъ на него зеркальцѣ.

8) Узнать, живъ-ли останешься или умрешь въ теченіе новаго года?

Для этого примѣняется ворожба смѣшаннаго вида: а) Подъ церковною дверью слушаютъ—похоронные звуки будутъ отвѣтомъ; b) На растанье дорогъ выходятъ; с) Въ зеркальце смотрятся; d) Олово льютъ—все кажущееся и имѣющее связь съ похоронами скажетъ тебѣ это. По Кежемской волости даже «ѣзда на кобылѣ» можетъ, говорятъ, указать на предстоящую смерть, если лошадь остановится у огорода,

9) На разные завѣты.

Отвѣты получишь, слушая подъ окнами, что говорится въ жилыхъ избахъ.

«Ворожба одна примѣта
Иногда сбываются завѣты».

«Наши бабушки, продолжаетъ И. Сахаровъ въ другомъ мѣстѣ своего обстоятельнаго труда, думали, что святочныя гаданія на Васильевъ день всегда сбывались, и въ этотъ вечеръ, что бы по гаданію не вышло, всегда такъ и случится» *).

Преобладающее число земледѣльческаго населенія Енисейской губерніи повторяютъ тѣже «бабушкины сказки» насчетъ ворожбы, и въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Сибирская деревня, въ большей степени, чѣмъ даже русская, продолжаетъ стоять внѣ всякаго почти систематическаго воздѣйствія культурныхъ центровъ; для нея ровно ничего не сдѣлано въ смыслѣ внесенія въ крестьянскую среду просвѣтительно-образовательныхъ и гуманитарныхъ началъ, если не считать насажденія школѣ первоначальной грамоты; однѣ онѣ, имѣя къ тому же крайне слабое географическое распространеніе, разумѣется не могутъ вывести сибиряковъ на широкій путь цивилизаціи **).

*) Ibid. кн. 7-я.

**) В. Арефьевъ—«Церковно-приходскія школы въ Сибири». «По даннымъ 1896 года во всей Сибири, говоритъ онъ, насчитывалось 2.501 низшее учебное заведеніе съ 80.002 учащимися (въ томъ числѣ 60.468 мальчиковъ и 19.534 дѣвочки) при населеніи въ 6,500.000. По этимъ даннымъ одна низшая школа приходилась на 2.600 жителей и на 4.938 кв. в. Показатель образованія для всей Сибири былъ 1,23, т. е. въ $2^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ для земскихъ губерній Европ. Россіи. Изъ общаго числа школъ Сибири при этомъ на долю церк.-приходскихъ приходилось 1.063». «Русское Богатство» кн. IV. 1900.

Въ томъ собственно, что работа по образованію низшаго класса Сибири кладетъ только свои простые камни, заключается коренная причина, что въ сибирскихъ деревняхъ рядомъ съ нѣкоторыми культурными и образовательными пріобрѣтеніями уживаются мнѣнія и взгляды съ сильной старинной закваской, и самый строй жизни земледѣльцевъ и сибиряковъ, ихъ обычаи, нравы, вѣрованія весьма замѣтно отзываются чѣмъ то архаическимъ, лишеннымъ своего разумнаго оправданія, какъ всякое отраженіе пережитыхъ эпохъ. Міръ сказочныхъ фантазій, вѣра въ сверхъестественное, въ возможность демоническихъ откровеній далеко не вычахли въ деревенской обстановкѣ и не только сохранились въ устныхъ преданіяхъ старины, но продолжаютъ глубоко корениться въ реальной жизни сибиряковъ, какъ нѣчто вполнѣ сложившееся и незыблемое. Весь этотъ архаическій матеріалъ служитъ удобной канвой, на которой вышиваетъ свои цвѣтистые узоры стоустая народная молва при передачѣ разнаго рода сказаній, суевѣрій и т. п., что составляетъ ненужный и лишній поэтому баластъ, мѣшающій только правильному развитію человѣческаго ума.

Къ числу пережитковъ «добраго стараго времени» слѣдуетъ отнести также ворожбу наканунѣ новаго года. Ею усердно занимаются, какъ я успѣлъ показать выше, молодыя силы деревни. Чѣмъ малочисленнѣе деревня, чѣмъ глубже она сидитъ въ «печальной и дикой тундрѣ», или въ дремучей тайгѣ, тѣмъ полнѣе и ярче проявляется на дѣлѣ это новогоднее повѣрье. Менѣе доминирующимъ и цѣльнымъ оно сказывается отчасти въ пригороднихъ и притрактовыхъ деревняхъ, гдѣ жители, соприкасаясь въ силу естественныхъ взаимоотношеній съ горожанами и проѣзжими, видятъ поступки и слышатъ мнѣнія, часто совершенно отличные отъ общепризнаваемыхъ деревенскимъ міромъ, сознательно и безсознательно воспринимаютъ, что поновѣе, что доступно ихъ собственному пониманію. Вновь воспринятое въ связи съ тѣмъ, что даетъ нынѣшняя школа, благотворнаго вліянія на пробуждающуюся мысль никто не будетъ отрицать, неизбѣжно должно разлагающе дѣйствовать на старое міросозерцаніе, должно непремѣнно способствовать болѣе разумному пониманію вещей и служить основаніемъ для построенія новыхъ точекъ зрѣній. Таковъ законъ дифференціація всякой соціальной жизни. Имъ можно объяснить происхожденіе опредѣленія новогодней ворожбы, поставленнаго мною въ видѣ эпиграфа къ этимъ заключительнымъ словамъ. Оно свидѣтельствуетъ собою, что новогодняя ворожба низводится нѣкоторой частью сибирскихъ крестьянъ на степень обыкновеной забавы, которая бываетъ занятной во время своего воспроизведенія и съ окончаніемъ теряетъ свой интересъ, а ставившіеся при этомъ «завѣты» безслѣдно стушевываются, уступая мѣсто болѣе насущнымъ думамъ и непосредственнымъ заботамъ.

Это новая точка зрѣнія на освященное вѣками поклоненіе миѳу судьбы, выразившееся въ составленіи цѣлаго ритуала ворожбы, несмотря на малую распространенность, представляетъ уже шагъ впередъ по пути самостоятельнаго освобожденія мысли сибиряка отъ одуряющаго мусора вѣры въ господство надъ людьми сверхъестественныхъ силъ, фатальнаго рока, многаго другаго, противнаго здравому смыслу.

Эта трезвенная работа ума сибиряка въ зачаточномъ состояніи. Ея процвѣтаніе все въ будущемъ. Время этого будущаго сильно сократится, если наука поторопится заглянуть во всѣ лачуги и предложитъ народу весь запасъ знаній, добытыхъ ею въ сторонѣ отъ него.

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!
«Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
«Русскій народъ»:

Пусть это старо, вмѣстѣ съ тѣмъ оно глубоко правдиво, такъ какъ то, на что оно указываетъ, продолжаетъ быть нашимъ общимъ больнымъ мѣстомъ.

Алексѣй Макаренко.

1900 г. мая 8 дня.

Шишкинская волость, Костромского уѣзда.

I. Географическое положеніе.

Шишкинская волость лежитъ (приблизительно) между 55°8′—55°15′ восточн. долготы и —57°42′—57°53 сѣверной широты, въ 25 верстахъ къ NEE отъ губернскаго города Костромы, на границѣ Костромского и Кинешемскаго уѣздовъ, между двумя почтовыми трактами—Галичскимъ и Кинешемскимъ. Кромѣ Костромы, въ 15 верст. къ NE находится безъуѣздный городъ Судиславль, а къ SE въ 10 в.—торговое село Колшево Кинешемскаго уѣзда.

II. Строеніе поверхности.

Низкіе поемные луга около г. Костромы, постепенно повышаясь къ E, переходятъ въ холмистую мѣстность, достигаютъ наибольшей высоты въ сосѣдней съ Шишкинской Колшевской волости, гдѣ берутъ свое начало двѣ рѣки, прорѣзывающія Шишкинскую вол., Меза и Покша. Три холмистыхъ гряды, тянущіяся отъ W къ E, служатъ водораздѣломъ трехъ рѣчекъ: Покши, Мезы и Андобы. Покша течетъ въ Волгу, а Меза и Андоба въ р. Кострому.

Почва—суглинокъ; подпочва представляетъ мощные пласты глины, мѣстами прорѣзываемые пластами чистаго кварцеваго песку. Берега овраговъ часто бываютъ различны: одинъ берегъ — красная глина или болотная тина, а другой—чисто-песчаный. Поверхность почвы усѣяна обломками гранита, діорита, разнаго рода песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ. Въ кускахъ хлоритоваго сланца иногда встрѣчаются гранаты. По мнѣнію мѣстныхъ жителей, въ почвѣ должны заключаться желѣзныя руды. Подтвержденіе этой мысли видятъ въ томъ, что здѣсь разражаются сильныя грозы, причемъ молнія падаетъ прямо въ землю.

III. Орошеніе.

Шишкинская волость прорѣзывается долинами двухъ рѣкъ—Мезы и Покши съ ихъ притоками. Долины рѣкъ не широки, особенно у Покши, гдѣ берегъ во многихъ мѣстахъ возвышается крутымъ обрывомъ, вышиною до 50 футовъ, прямо надъ рѣкою. Долина рѣки Мезы, шириною до 1—1½ верстъ, мѣстами также очень съужена холмами до ширины нѣсколькихъ десятковъ саженъ. У притоковъ даже и долинъ нѣтъ—или, если есть,—шириною 20—40 саженъ. Большая часть притоковъ текутъ въ узкихъ, глубокихъ оврагахъ, прорѣзанныхъ быстрымъ теченіемъ въ толщѣ глины.

Въ предѣлахъ Шишкинской волости Меза и Покша текутъ параллельно на NNW, а затѣмъ круто поворачиваютъ Покша на S и впадаетъ въ Волгу; Меза на N и впадаетъ въ рѣку Кострому.

Теченіе р. Мезы быстрое и очень извилисто, что обусловливается рельефомъ мѣстности. Вода въ Мезѣ—«густая и легкая»,—насыщена растворомъ желѣза, сѣры, извести и углекислоты. Дно и берега изобилуютъ ключами, почему вода холодна лѣтомъ даже въ сильные жары, а зимою долго не замерзаетъ; есть полыньи надъ ключами, гдѣ вода не мерзнетъ въ продолженіе всей зимы. Берега Мезы низкіе и болотистые, изобилующіе ключами, трясинами («пучина» на мѣстномъ нарѣчіи) и «бездонными окошками (такъ называются небольшія пространства воды среди болотъ, незаросшія водяными растеніями, иногда очень глубокія). Почва по берегамъ рѣки пропитана известью, водныя отложенія которой въ видѣ известковаго туфа, мѣстныя жители называютъ «землянымъ хлѣбомъ», вѣроятно по причинѣ его ноздреватости.

Притоки Мезы *)—съ правой стороны рѣчки: Борзикова, Елховка, Семиловскій врагъ, Кохтола съ Судиславкой, Молоковка; съ лѣвой стороны: Максимовка, Живое Урочище, Дунайка. Всѣ рѣчки маловодны, очень неширокй и неглубоки, но никогда не пересыхаютъ, потому что начинаются и питаются ключами; зимой почти всѣ не замерзаютъ. Вода рѣчки Елховки отличается богатымъ содержаніемъ желѣза и сѣры, имѣетъ буроватый цвѣтъ и тухлый запахъ. На Молоковкѣ «кажется».

Въ рѣкѣ Покшѣ и ея окрестностяхъ ключей нѣтъ, поэтому вода въ ней теплая. Притоками служатъ враги, текущіе только весной, осенью, да во время дождей; въ жаръ пересыхаютъ; названія только у нѣкоторыхъ: Ивановскій врагъ, Охлучкинскій врагъ, Новосиловка, Шеляковка.

Озеръ въ предѣлахъ Шишкинской волости нѣтъ, если не считать небольшія озерка, оставшіяся въ старомъ руслѣ рѣки Мезы, такъ называемыя «старки».

Болотъ большихъ тоже нѣтъ. Обширнѣй другихъ торфяное болото около деревни Жданова, величиной десятинъ въ 50.

IV. Названія земельныхъ участковъ.

Надѣльная земля здѣшнихъ крестьянъ почти вся раздѣлана подъ пашню и отдѣльныхъ названій не имѣетъ. Названія имѣютъ только крестьянскія «купчія» земли и помѣщичьи пустоши. Нижеслѣдующее перечисленіе пустошей ведется съ верховьевъ Мезы и Покши въ предѣлахъ волости. Пустоши: Борзиково, Петряково, Данильцево, Сороково, Максимово, Лисменка, Карево, Костинкино, Борево, Кролгино, Раменье, Починокъ, Витюгово, Исаево, Жилино, Задницы, Терентьево, Павелки, Кутузиха Окишино, Малый Холмъ, Большой Холмъ, Өедорково, Чубаково, Притыкино, Драчиха, Турицыно, Нефедево, Осташино, Якшино, Бороска, Маныловo, Большое Орлецово, Малое Орлецово, Косово, Глухово, Добрятино, Оканново, Подберезье, Мизгирево, Микитино, Олешово, Дрожжиха, Икорница, Филимоново, Арженикoво, Матюнино, Зобеньки, Васютово, Андарово, Костюха, Лукоянково, Гай, Лугъ Горемыка, Красный лугъ, Подберезье, Ивановское, Шеино, Качки, Любаново, Рощенье, Ровкй, Михеево, Ладыгино, Елехово, Мальтино, Овечкино, Борькй, Борисово, Мысъ. Въ Каревѣ, по разсказамъ мѣстныхъ сторожиловъ, зарытъ кладъ. Нѣсколько человѣкъ находили этотъ кладъ, но лишь только вертались съ топорами и лопатами — никакого клада не находили. Всѣ примѣты, по которымъ можно было найти кладъ, уничтожала нечистая сила. Кладъ, по сказаніямъ, хранится подъ большой, тесаной плитой съ желѣзнымъ кольцомъ. Говорятъ, что часть этого клада была найдена крестьяниномъ сосѣдней деревни, который очень быстро разбогатѣлъ. На Терентьевѣ и Турицынѣ кажется. Урочищъ въ волости нѣтъ. Нѣкоторые овраги зовутся урочищами, но особенныхъ названій не имѣютъ.

V. Народонаселеніе.

Народъ великороссы, за исключеніемъ деревни Шигарево, гдѣ народъ, по преданію, переселенъ бариномъ изъ степной деревни. Шигаревскіе крестьяне черные, узко-

*) Въ предѣлахъ Шишкинской волости.

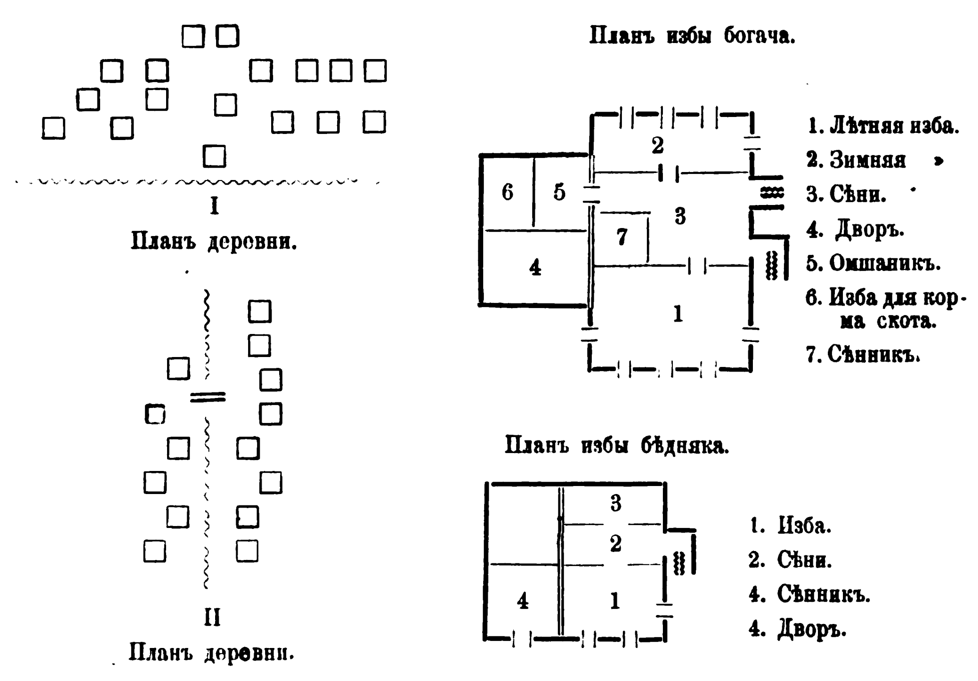
глазые, широкоскулые, съ грубымъ, отрывистымъ говоромъ, неряшливые, нечистоплотные до сихъ поръ выдѣляются изъ всѣхъ мѣстныхъ жителей. Окрестные крестьяне не охотно роднятся съ «Шигарями».

VI. Деревни.

Деревни въ Шишкинской волости расположены почти исключительно по берегамъ рѣкъ или оврагов въ безпорядкѣ. Иногда деревня тянется параллельно по обоимъ берегамъ оврага. Названіе деревень:

Максимовское, Савинское, Клементьево, Лихачево, Бурцево, **Ѳедорково**, Борисовка, Селиваново, Григорьково, Сѣнцово, † **Княжево**, Муровкино, Крутисово, Афонасовка, Мартемьяново, Охлучкино, Мячево, Починокъ, Кобяйкино, Бярьково, Косково, **Долматово**, Похотское, **Кудрявцево**, Юрново, Воробьево, † Спасъ, Осташево, Онисимово, Починокъ, Ляхово, Жиравлево, Филисово, **Трубино**, Титовское, Осташково, **Ковалево**, Буртасово, Евково, † Романово, Дуткина, Онохино, Лазарево, Калитки, Реньево, Петряево, Володино, Олексино, Масляница, Лутовино, Ракшино, Панюково, **Лубенино**, Кондратово, Воробьево, † **Шишкино**, Левонтьево, Слободка, Бедрино, Дичево, **Вахнево**, Голичиха, **Андарово**, **Лиханово**, Доръ Вольшой и Малый, Калинкино, Починокъ Добрятинъ, Починокъ Ѳадѣевъ, **Притыкино**, † Троица, Семилово, Шигарево, **Жданово**, **Пчелкино**, Гора, Левино, **Бохино**, Магово, **Жирославка**, **Аристово**, Малое и **Большое Раслово**, Ратилово, Горки, Зады, **Губино**, Белебородово, Белеутово, Жидово, **Жары** Семенгино, Квасково, Іевлево, Осенево. Разрядка обозначаетъ усадьбы вмѣстѣ съ деревнями (отдѣльно отъ деревень усадебъ нѣтъ), а крестъ—села.

Деревни все небольшія, отъ 2-хъ до 30 дворовъ больше нѣтъ. Стройка плохая, каменныхъ домовъ нѣтъ, крыши тесовыя—очень рѣдки, избы есть курныя.

План деревни.

План деревни.

Планъ избы богача.

Планъ избы бѣдняка.

Избы подъ двумя крышами.

VII. Прозвища: а) мужскія.

Шахирь, Бухарка, Куделька, Кобыла, Комякъ, Сысуй, Гуныга, Кислый, Демонъ, Крюкъ, Шо̀кало, Боронка, Ворона, Моня, Клинъ, Мышій царь, Голубей, Шмошка, Шмыга, Лохматый, Сова, Куколка, Кривошеей, Пялочкинъ, Малоглазка, Ноздрякъ, Терочка, Ситечко, Ковы̀, Кряжевенькинъ, Фляга, Кромкинъ, Малява, Самодѣлкинъ, Бездѣлица, Долина, Дудка, Копунъ, Сударикъ, Горячій, Мохнатый, Перстащёной, Кашица, Гоѓоль, Козелъ, Туды-суды, Ангелюха, Заика, Додонъ, Фуфлыга, Багоръ, Шишка, Евтя, Грибокъ, Абадай, Полушка, Голова, Тропкинъ, Пыхоня, Бухаренокъ, Кузнецъ, Микера, Хвастушкинъ, Голикъ, Во̀лжинка, Модѣнъ, Косу̀ля, Звяга, Хра̀повъ, Колкота̀, Чупа̀й, Пану̀ля, Бобо̀къ, Гроза, Золотой, Скро̀пышъ, Шабу̀ня, - Задоски, Медвѣдь, Слѣпень, Пекарь, Кочетокъ, Оду̀й, Урсикъ, Сосокъ, Бахму̀рь, Свистунъ, Назимокъ, Цыпленокъ, Шиловъ, Тю̀ня, Тихма̀нко, Шкилетъ, Кощей, Шорникъ, Водо̀ля, Домовой, Полянка, Вулка, Зобенька, Пальма̀, Ею̀хъ-Балю̀хъ, Клеенка, Мѝлинтѣй, Корякинъ, Рыжая пакля, Ханъ, Косой заяцъ, Шмыгалкинъ, Роголевъ, Пратъ, Гуяну̀шка, Бонба, Громовъ, Картофлевъ, Муравецкій, Садиловъ, Шо̀рскинъ, Жаравль, Сукъ, Таракапъ.

d) женскія.

Красноглазка, Гнусарія, Трещётка, Тропкинъ, Сивый клочекъ, Марковна, Елена Прекрасная, Шолудивыя руки, Кривуша, Рачьи глаза, Жу̀карица, Вату̀риха, Гола̀, Шалы̀га, Теленѣга, Головушка, Ваушка Вакса, Дра̀нда, Поляниха, Сыровеня, Пальма̀, Кручина, Молодица, Бадара̀, Почекура, Сизиха, Шка̀ра, Шмо̀нка, Нолька, Солдатка, Портянка, Судомойка, Почта, Голая, Жегло, Шалыга, Тараторка, Бабья-Хлопота, Катарушка, Бабушка, Копейка, Похлебка, Шахунъ, Комелекъ.

Происхожденіе прозвищъ различно: 1) Переходныя отъ отца къ сыну, отъ мужа къ женѣ: Бухарка - Бухаренокъ; Пальма̀, Бобокъ-Бобушка и т. д. 2) Производныя отъ наружныхъ качествъ: Лохматый, Мохнатый; Рачьи глаза, Сивый клочекъ и т. д. 3) Производныя отъ внутреннихъ качествъ: Горячій, Хвастушкинъ, Почта, Трещетка и т. д. 4) Происшедшія отъ привычки употреблять въ разговорѣ какое-нибудь слово: Ангелюха, ты мой, Милантѣй, ты мой, Голоушка и т. под. 5) Безсмысленныя, которыя здѣсь особенно любятъ. Вывезетъ какой-нибудь мужикъ на сходкѣ словцо, подхватятъ его, къ кому-нибудь приложатъ—и пошла потѣха впредь до новаго: Шахи̂рь, Звяга, Оду̀й, Еюхъ-Балюхъ; Теленѣга, Шкара и т. д. 6) и, наконецъ, прозвища данныя вслѣдствіе неудачнаго занятія какимъ-либо ремесломъ и потому обидныя: Кузнецъ, Пекарь, Куделька, Сыровеня, Судомойка.

У мужиковъ больше прозвищъ, чѣмъ у бабъ, потому что, бабы ругаясь, употребляютъ общія ругательныя названія. У мужиковъ прозвища пріобрѣтаются на сходкахъ, въ кабакѣ, въ артеляхъ, а бабы сидятъ больше дома, поэтому у нихъ прозвища получаютъ только наиболѣе извѣстныя въ какомъ-нибудь отношеніи. У нѣкоторыхъ мужиковъ и бабъ бываетъ по нѣскольку прозвищъ, характеризующихъ ихъ съ различныхъ сторонъ, напр.: Бухаренокъ (отъ отца), Ситечко (сита дѣлалъ), Пратъ (вм. братъ въ разговорѣ), Цыпленокъ (тщедушный человѣкъ), или—Почта (сплетница), Бабушка Вакса, (сводня и сама не отказываетъ), Шахунъ (шибко ходитъ).

Николай Виноградовъ.

Судиславль (Костромск. губ. и уѣзд.)
с. Семилово.

Народныя примѣты, касающіяся погоды и сельскаго хозяйства.

Дурная погода предзнаменуется тѣмъ, что свинья носитъ со двора солому или протяжно хрюкаетъ.

Кошка забирается спать на печку или на горнушку къ холодной погодѣ, а если спитъ на лавкѣ или на полу и съ выставленной наружу мордой, то будетъ теплая погода.

Лошадь всхрапываетъ слегка—это тоже предвѣщаетъ сырую погоду.

Ласточки летаютъ низко надъ землею—нужно ждать дождь.

Столбы на небѣ вокругъ солнца зимою предвѣщаютъ морозъ и ясную погоду, а круги—мятель.

Когда ноетъ поясница, то будетъ худая погода.

Комары вечеромъ «овесъ толкутъ», т. е. летаютъ кучками на одномъ мѣстѣ, поднимаясь и снова опускаясь—это значитъ, что завтра будетъ ведро.

Если появляется на небѣ послѣ дождя радуга, то черезъ день или два снова будетъ дождь.

Если въ январѣ бываетъ ясная погода, то сѣнокосъ будетъ хорошій и наоборотъ.

Если зима была суровая, то лѣто будетъ дождливое и наоборотъ: если зима была теплая, то лѣто безъ рѣзкихъ перемѣнъ.

Лѣтомъ собака катается къ дождю, а зимой къ снѣгу.

Если зимой было много снѣга, то лѣтомъ будетъ много травы и хлѣба.

Если ворона каркаетъ на заборѣ, то будетъ дождь.

Если солнце закатывается не въ облако, то слѣдующій день будетъ ясный.

Если въ ночь на Новый годъ на небѣ соберется много звѣздъ, то уродится много ягодъ и грибовъ, а если въ крещенское утро на деревьяхъ есть иней, то будетъ много хлѣба.

Филинъ кричитъ въ лѣсу къ ненастью.

Дымъ изъ трубъ если стелется по землѣ, то будетъ сырая погода.

Журавли кричатъ долго гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ, будетъ дождь не одинъ день.

Если поднимется сильная метель, то говорятъ, что гдѣ-нибудь есть убитое тѣло.

Если мыши поѣдаютъ много сѣна, то не будетъ урожая на хлѣбъ и траву.

Если въ праздникъ Георгія Побѣдоносца въ семьѣ обѣдаютъ врозь, то и коровы у нихъ будутъ ходить врозь.

Если гусь стоитъ на одной ногѣ, то будетъ стужа, а если полощется въ водѣ, будетъ тепло.

Въ Крещеніе тепло—будетъ урожай хлѣба.

Если курица щиплетъ у себя подъ крыльемъ, то будетъ дождь.

Когда Рождество случится въ четвергъ, то лѣто будетъ сухое и неплодородное, а если въ пятницу—плодородное.

Если въ великій четвергъ подуетъ вѣтеръ съ которой нибудь стороны, то семь недѣль не измѣнитъ своего направленія.

Лягушки квакаютъ къ дождю.

Сѣра въ ушахъ кипитъ передъ дурной погодой.

Если мыши ѣдятъ у печенаго хлѣба нижнюю корку, то хлѣбъ будетъ дешевый, а если верхнюю—дорогой.

Если Вербная недѣля бываетъ ненастная, то весна будетъ красная.

Если въ Ильинъ день будетъ дождь, то рожь нужно сѣять рѣдко, и годъ будетъ помокливый.

Рогатый мѣсяцъ—морозъ.

Если въ лѣсу дорожки покроются плѣсенью, то будетъ много грибовъ.

Если снѣгу осенью нанесетъ рано, то и весна начнется рано.

Если хлѣбъ будешь сѣять въ дождикъ, то много наростетъ сорныхъ травъ.

Если 9 марта утромъ будетъ морозъ, то еще будетъ 40 морозовъ.

Если прилетѣвшія птицы весною сразу начинаютъ вить гнѣзда, то весна будетъ теплая.

Если остріе топора или пояса потемнѣетъ, то будетъ дождливая погода.

Если въ лѣсѣ крикнуть, и эхо раздается далеко, то будетъ ведро.

Если на вербной недѣлѣ бываетъ холодно, то весна будетъ теплая.

Если зима стоитъ холодная, то лѣто будетъ жаркое

Частыя вьюги и метели зимою предвѣщаютъ дождливое лѣто.

Если ночью на Рождество небо будетъ ясно и усѣяно множествомъ звѣздъ, то годъ будетъ обильный: хлѣбъ родится хорошо, въ огородахъ будутъ овощи, а въ лѣсу народится много грибовъ и ягодъ.

Если падаетъ снѣгъ, когда совершаютъ крещенское водосвятіе, то въ этотъ годъ будетъ обиліе плодовъ земныхъ.

Если въ мартѣ бываютъ метели, то будетъ плохой урожай травъ.

Кошка скребетъ когтями къ дурной погодѣ.

Если зимою на деревьяхъ много инею, то будетъ хорошій урожай плодовъ.

Овесъ нужно сѣять, когда лягушки заквакаютъ.

Когда надъ рѣкою есть туманъ, то онъ предвѣщаетъ хорошую погоду, а отсутствіе тумана предвѣщаетъ ненастье.

Яровой хлѣбъ нужно сѣять до тѣхъ поръ, пока листъ на березѣ не выростетъ съ копейку.

Большой разливъ рѣкъ обѣщаетъ обильный урожай травъ.

Въ день Евдокіи (1 марта) катаютъ комокъ снѣгу, величиною съ дѣтскую голову. Если этотъ комокъ растаетъ за день, то лѣто будетъ теплое.

Косить не нужно начинать въ постный день.

Въ Казанскую не нужно метать сѣна: оно сгоритъ.

Поздній цвѣтъ фруктовыхъ деревьевъ обѣщаетъ хорошій урожай плодовъ. Поздній цвѣтъ мяты обѣщаетъ пчеловодамъ хорошій сборъ меда

Если въ который годъ лягушки не квакаютъ, то будетъ голодъ.

Если на еляхъ много шишекъ, то въ этомъ году будетъ много садовыхъ яблокъ.

Когда увидятъ перваго навознаго жука, то глядятъ, подъ которыми ногами у него больше дѣтей: если больше подъ передними ногами, то яровые хлѣба нужно сѣять раньше, а если подъ задними—позже.

Для того, чтобы родился длинный ленъ, нужно женщинѣ прокатиться въ масляницу.

Когда зимою бываютъ большіе насты, то въ этомъ году родится много ячменя.

Примѣты, пріуроченныя къ недѣльнымъ днямъ въ году. Нѣсколько нитокъ, напряденныхъ лѣвою рукою въ великій четвергъ, привязываютъ въ лѣсу къ березѣ такъ, чтобы на каждаго члена семьи приходило по ниткѣ, а связываютъ ихъ въ Троицынъ день. Если завязанная на кого-нибудь изъ семейныхъ нитка потеряется, то тотъ человѣкъ въ этомъ году умретъ.

Въ великій четвергъ рано утромъ, еще до свѣта, ходятъ за муравейникомъ, приносятъ его и кладутъ въ хлѣвъ, въ которомъ находятся овцы, чтобы онѣ лучше велись. Въ этотъ же день до восхода солнца купаются въ водѣ, чтобы тѣло было чище.

Въ великій четвергъ встаютъ до восхода солнца, умываются съ серебра, что-бы лицо было чище.

Въ великій же четвергъ до солнца смотрятъ, какъ на дворѣ лежитъ скотина: которая лежитъ головою на западъ, та благополучно прогуляетъ все лѣто, а если въ какую нибудь другую сторону, то что нибудь случится.

Въ этотъ же день считаютъ деньги до восхода солнца, что-бы онѣ не перевелись.

Еще въ этотъ день въ деревняхъ обѣгаютъ три раза кругомъ дворовъ, чтобы коровы ходили ночевать домой; при этомъ стараются не упасть, въ противномъ же случаѣ коровы будутъ убывать (отъ падежа или отъ звѣря).

Если въ именины поплачешь, или будетъ въ чемъ-нибудь неудача, то весь годъ будетъ неудача.

Новг. г., Череп. уѣзда
с. Улома.

В. А. Антиповъ (учитель).

Примѣты и повѣрья.

Когда умершаго человѣка унесутъ на кладбище, то въ этомъ домѣ, послѣ выноса умершаго, изъ оставшихся, родныхъ, дома умершаго, должно посидѣть одному человѣку, хотя недолго на томъ мѣстѣ, гдѣ умершій болѣе сидѣлъ, и этому человѣку, который сидитъ, не дозволено глядѣть во слѣдъ покойника, доколѣ его не унесутъ изъ глазъ дома, т. е. не видно будетъ изъ окна, гдѣ умеръ покойникъ. Послѣ этого полъ въ домѣ, гдѣ былъ умершій,—моется холодною водою.

Обычай сидѣнія на лавкѣ послѣ умершаго и обливаніе водою пола дома очень древній и имѣетъ слѣдующее, какъ мнѣ пришлось узнать, значеніе. Въ прежнее время, годовъ 75-ть тому назадъ, какъ мнѣ передавали старожилы, дѣлалось такъ: когда вынесутъ изъ дома умершаго, то по полу избы выливаютъ воду, вѣря въ то, что душенька умершаго уже въ домъ назадъ черезъ воду не вернется, почему и въ настоящее время и говорятъ, что надо полъ облить, а не вымыть, почему и не моется полъ, какъ обыкновенно его моютъ, а только обольютъ водою холодной да подотрутъ его. Сидѣть на мѣстѣ умершаго должно лицо старшее годами изъ оставшихся лицъ родныхъ умершаго,—это то значеніе имѣетъ, что душенькѣ умершаго и мѣста уже въ домѣ этомъ нѣтъ, и мѣсто уже занято другой личностью. Всѣ эти обычаи очень старинны и строго мною провѣрены. Еще существуетъ повѣрье, будто-бы умершій, у котораго глаза бываютъ открыты, выглядываетъ къ себѣ на тотъ свѣтъ кого - либо изъ родныхъ или изъ сосѣдей. Для этого, во умилостивленіе покойника, родные умершаго закрываютъ глаза мѣдными деньгами, кладутъ на каждый глазъ умершаго по монетѣ, и замѣчательно, что у такихъ умершихъ бываетъ накладено денегъ болѣе другихъ [1]), какъ будто-бы хотятъ умилостивить покойника деньгами. Обычай очень то-же старый—класть покойнику во гробъ деньги.

Курица.

Если у кого бываетъ, что курица и пѣтухъ будутъ ходить къ сосѣду во дворъ, а отъ своего двора отвыкнутъ, то, чтобы не ходилъ пѣтухъ или кура на чужой дворъ, для этого дѣлаютъ слѣдующее: возьмутъ поймаютъ пѣтуха или куру и отъ ихъ хвостовъ отстригнутъ перьевъ и эти перья сожгутъ въ печи дома хозяина, чьи куры, и затѣмъ, для того, чтобы несли яйца въ своихъ гнѣздахъ, то образовавшійся отъ сожженія перьевъ хвоста пепелокъ кладутъ въ куриныя гнѣзда. Нѣкоторыя куры имѣютъ обыкновеніе нести яйца въ неизвѣстныхъ для хозяевъ мѣстахъ, то для этого принимаютъ, чисто практическую мѣру, а именно: возьмутъ соли и положатъ въ задній проходъ курицы, которая вскорѣ послѣ этого и покажетъ свое гнѣздо. Эти примѣты практикуются между сельской интеллигенціей до настоящаго времени.

Хозяинъ—домовой.

Когда идутъ покупать корову или лошадь, то выходятъ во дворъ и, обратясь къ сѣверной сторонѣ двора, произносятъ слѣдующія слова: «Хозяинушка, батюшка, пойдёмъ къ намъ корову покупать».. Еще существуетъ повѣрье: никогда не должно во дворѣ, гдѣ стоитъ скотъ, ставить ясли къ ночной, какъ говорятъ, сторонѣ, а всегда ясли должны быть поставлены къ полуденной сторонѣ, такъ какъ ночная сторона двора нашимъ народомъ признается стороной, гдѣ присутствуетъ домовой, а скотъ, когда будетъ поставленъ къ яслямъ, то будетъ безпокоить домового, за что домовой не бу-

[1]) У насъ всегда, кто ни придетъ, къ умершему кладутъ во гробъ деньги.

детъ скотину любитъ и можетъ ей сдѣлать зло, если она будетъ стоять у яслей, которыя находятся во дворѣ и поставлены въ ночную сторону, т. е. къ сѣверу.

Но когда ясли стоятъ у полуденной стороны двора, то, хотя домовой и не любитъ скотъ, но всё-таки онъ не можетъ сдѣлать ничего скоту. Провѣряя это повѣрье, я почти въ каждомъ дворѣ находилъ, что ясли стоятъ къ полуденной сторонѣ, а не къ сѣверной.

1901 г. 13 ноября. С. Корма, Рыб. уѣзд.

При родахъ.

У нашего народа, Николокоршской вол., какъ только замѣтятъ, что наступаютъ у женщины роды, по обыкновенію посылаютъ за бабкой—повитухой. По прибытіи повитухи въ домъ роженицы начинаются приготовленія къ родамъ: прежде всего повитуха развязываетъ у роженицы всѣ узлы, которые находятся у роженицы въ разныхъ мѣстахъ ея одежды. Первоначально развязывается узелъ по головѣ въ косоплеткѣ, и при этомъ коса у роженицы распускается. Развязываются узлы на юбкахъ, на фартукахъ, хотя они и не надѣты. Все это дѣлается для того, что-бы легче было родить Если дѣлаются роды трудными, то первоначально осматриваютъ, нѣтъ-ли у роженицы завязаннаго узла на ея одеждѣ.

Попавшаяся мышь въ колодезь.

Если у кого попадется мышь въ колодезь, то по принятому обычаю отчерпываютъ 40 ведеръ воды изъ колодезя, и въ мѣстности, гдѣ близко до священника, зовутъ его освятить колодезь; но большею частію обходятся безъ приглашенія священника и дѣлаютъ такъ: вольютъ Богоявленской воды въ колодезь и послѣ этого начинаютъ употреблять для питья воду. Но въ обыденной жизни нашего народа и попавшаяся мышь въ колодезь имѣетъ свое назначеніе, такъ напримѣръ: говорятъ, что никогда мышь не должна упасть въ колодезь, если кто не побываетъ у колодца съ кускомъ чего-либо съѣстного. Почему весьма многіе хозяева изъ этого случая вывели про себя слѣдующую примѣту: у хозяина, чей колодезь, если попадется мышь въ него, и онъ имѣетъ работницу,—то это значитъ, его работница воровка, въ утайку воруетъ съѣстное и, идя на колодезь, обраниваетъ крохи своей ѣды. Сосѣди-же этого хозяина говорять, что худо жить тому человѣку, въ домѣ котораго ходятъ по воду, въ чей колодезь попалась мышь и т. п.; и надо замѣтить, что повѣрье это весьма распространено въ нашей мѣстности.

Такъ же существуетъ повѣрье, если мыши съѣдятъ что либо дѣльное или прогрызутъ сундукъ,—то это къ худу. Мышь у насъ считается самымъ вѣрнымъ примѣчаніемъ къ чему-либо къ худому для той семьи, гдѣ она появляется въ неуказанномъ ей мѣстѣ, но если появятся въ домѣ черные тараканы, то это признакъ благополучія въ домѣ, и если кто замѣтатъ, что тараканы выбираются изъ дома и переползаютъ черезъ дорогу, то это самый вѣрный признакъ пожару. Повѣріе распространенное.

Противъ зубной боли.

У кого болятъ зубы, то этотъ человѣкъ долженъ у кого либо изъ умершихъ дѣтей взять безымянный палецъ правой руки мертвеца и этимъ пальцемъ потереть десны больныхъ зубовъ, и послѣ до этого зубы не будутъ никогда болѣть. Отъ болѣзни зубовъ дѣлаютъ еще слѣдующее. Больной зубами долженъ сходить къ дереву, растущему въ полѣ или въ лѣсу, и дерево это должно быть осина или же рябина. Подойдя къ дереву, больной долженъ защепить дерево, т. е. поснять верхнюю кору и изъ подъ

коры взять отъ дерева щепочку и этою щепочкою расковырять больные зубы, да такъ, чтобы отъ ковырянья была кровь, и потомъ эту щепочку кладетъ больной подъ кору и перевязываетъ дерево мочалкой или бересточкомъ, произнося слова: «тебѣ, дерево, не стоять, а моимъ зубамъ не болѣть», и послѣ этого никакъ нельзя ѣсть рябины, — въ противномъ случаѣ зубы будутъ всегда болѣть. Повѣрье распространенное.

Заговоръ противъ укуса змѣй.

Весьма распространены у нашего народа заговоры противъ укуса змѣй; хотя я и описывалъ ранѣе это повѣрье, но что касается полнаго знакомства съ этимъ заговоромъ, мнѣ только недавно пришлось узнать, какъ это дѣлается заговариваніе. Личность, которая ужалена змѣёю, должна итти, нисколько не теряя времени, къ заговорщику. По приходѣ къ заговорщику, послѣдній ведетъ больную въ отдѣльную избу или горницу, засвѣчаетъ лампадочку у св. иконъ, рѣжетъ отъ цѣльнаго коровая чернаго хлѣба часть—горбушку и эту отрѣзанную горбушку беретъ въ лѣвую руку, а въ правую руку беретъ ножикъ, которымъ рѣжутъ хлѣбъ; затѣмъ тупой стороной ножа по мягкой сторонѣ горбушки, т. е. отрѣзаной, дѣлаетъ крестъ и при этомъ читаетъ молитву «Отче нашъ». Прочитавъ молитву, дѣлаетъ крестъ тупой частью ножа вторично на хлѣбѣ и читаетъ опять молитву «Отче нашъ», и такъ-же и въ третій разъ. Послѣ этого прикладываетъ къ больному мѣсту человѣка, укушеннаго змѣею, горбушку хлѣба и дѣлаетъ на мѣстѣ укуса хлѣбомъ крестъ, повторяя это до трехъ разъ, и любопытно то, что эту горбушку непремѣнно надо съѣсть. Горбушка употребляется одна и та же, на которой дѣлалъ заговорщикъ ножомъ крестъ, и этою-же горбушкою прикладывалъ къ больному укушенному змѣею мѣсту, и эту-же горбушку долженъ больной съѣсть. Дѣлается это и заочно и также и для скота дѣлаютъ такой же заговоръ, но только непремѣнно надо, чтобы, во-первыхъ, горбушка была приложена къ мѣсту укуса, и, во-вторыхъ, сдѣланъ былъ-бы заговорщикомъ на ней крестъ, и при этомъ, надо, чтобы укушенный змѣемъ человѣкъ горбушку съѣлъ. Дѣтямъ посыпаютъ сахарнымъ пескомъ горбушку хлѣба или намазываютъ вареньемъ, медомъ и т. п., только бы ребенокъ съѣлъ этотъ хлѣбъ. Обычай этотъ весьма распространенный въ нашей мѣстности и къ переживанію не клонится.

Ив. Костоловскій.

Молитва отъ лихорадки (кумохи).

На̀ морѣ на діѐнѣ, на горѣ на Сіѐнѣ лежитъ камень арла̀тскій. На томъ-то на камнѣ сидятъ три святителя: Петръ, Павелъ, Микола Милосливый. Мимо нихъ идутъ двѣ дѣвицы, двѣ на десять, дурныя, нехорошія, косматіи, простоволосіи. Они и спрашива̀ютъ ихъ: «Что вы за люди»?

— «Мы Ардатовы дочери». «Куда вы идете»?

— «Въ міръ хрещеный, во родѣ кости ломать, мозги выжимать, кристіанскую кровь проливать». И били они ихъ желѣзными прутья̀ми, приговаривая: «Не ходите въ міръ хрещеный, не ломайте во родѣ кости, не выжимайте мозги, не проливайте кровь кристіанскую». Кто будетъ эту молитву по три раза на день читать, къ тому лихорадка на 40 саженъ не подойдетъ.

Молитва отъ упорѣза.

Господи, благослови, руду заговори. Ты, воръ, не кражь и ты, руда, не капь. Трижды читается.

Обѣ молитвы записаны отъ женщины 50 лѣтъ изъ деревни Вязьмино, Александровскаго уѣзда, Владим. губ. Сама она узнала ихъ отъ старухи, умѣющей заговаривать.

Мнѣ сообщилъ С. А. Бѣлоцвѣтовъ.
(Отъ Чернышева).

Домовой.

Домовой бываетъ въ каждомъ домѣ. Проживаетъ онъ по преимуществу на дворѣ и имѣетъ отношеніе больше къ скоту, чѣмъ къ хозяину. Наружный видъ домового такой же, какъ и у хозяина дома: если хозяинъ черноватый, то и домовой брюнетъ. Хозяева стараются пріобрѣтать скотъ соотвѣтствующей масти, потому что домовой не любитъ животныхъ, окрашенныхъ въ иной цвѣтъ, различный съ его цвѣтомъ. Крестьяне говорятъ, что домовой, не взлюбившій корову или лошадь, можетъ замучить ихъ. Поэтому, когда животное начинаетъ, повидимому, безъ причины хирѣть, то говорятъ: «Она не ко двору», т. е. домовой не взлюбилъ ее. Но бываетъ и такъ, что лошадь или корова, по мнѣнію хозяина, по цвѣту удовлетворяютъ вкусамъ домового, а между тѣмъ имѣютъ хворый видъ. Тогда хозяинъ говоритъ, что лошадь у него испортилъ лихой человѣкъ, т. е. колдунъ.

Домовой, не взлюбившій животное, начинаетъ его бить чѣмъ ни попало, гонять по двору, плевать на него, что имѣетъ для животнаго роковое дѣйствіе.

Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ.

Разсказъ старухи о томъ, какъ она видѣла лѣшаго.

Какъ-то я осенью пошла сушить овинъ. Разложила теплинку, легла да и задремала чуточку. Вдругъ слышу, что-то шумитъ сверху. Гляжу, а въ подлазъ лѣзетъ лѣшій, весь замерзшій, въ сосулькахъ. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ погрѣюсь да уйду, погрѣюсь да уйду». Я была сама не въ себѣ. А онъ сталъ отогрѣваться, съ него такъ и потекло, всю теплинку у меня и залилъ, потомъ ушелъ. А я безъ памяти прибѣгла домой.

Покровскій у., Влад. г., подъ Киржачемъ.

Летунъ.

Летунъ—чортъ, являющійся неожиданно вдовамъ въ видѣ человѣка, совершенно похожаго на ихъ покойнаго мужа. Летунъ для другихъ чортъ, а для вдовъ имѣетъ образъ мужа. Онъ летитъ въ видѣ огненной массы и разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ ему нужно быть.

Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ.

Вѣрованіе въ летуна существуетъ и въ Юрьевскомъ у., Владим. губ.

Сообщилъ *Е. Ѳ. Бѣдовъ.*
(Отъ Чернышева).

Stanford University Libraries
3 6105 014 766 724

Digitized by Google